

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

79

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2022 Issue 79

translitEDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Evgeniy V. Afonasin
Novosibirsk State University

Stefano GARZONIO
Università di Pisa, Italia

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Natalia B. SELUNSKAYA
Lomonosov Moscow State University

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKO
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2022 Выпуск 79

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории
Российской академии наук

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

Е. В. АФОНАСИН
Новосибирский государственный
университет

Стефано ГАРДЗОНИО
Пизанский университет, Италия

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии
Российской академии наук

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
НИУ «Высшая школа экономики»

Дюла СВАК
Будапештский университет
им. Лоранда Этвеша, Венгрия

Н. Б. СЕЛУНСКАЯ
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
МГИМО (Университет) МИД России

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЁВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ШАБУНИНА А. К., кандидат исторических наук
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 79

М.: Аквилон, 2022. — 432 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 79

Moscow: Aquilo-Press, 2022. — 432 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073–7564

Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

© Общество интеллектуальной истории, 2022
© Институт всеобщей истории, 2022
© Издательство «Аквилон», 2022
© Журнал «Диалог со временем», 2022

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

Рольф Тоштендаль

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

В статье автор хочет показать, что ставшему в последние десятилетия общепринятым понятию теории истории (или философии истории) не достает непосредственной связи с исторической дисциплиной. Прежде под этим термином подразумевались в первую очередь анализ и критика того, что делает историк и к каким выводам он приходит. Кроме того, философы-обществоведы стремились к созданию теорий развития всемирной истории. Карл Маркс, а позднее Освальд Шпенглер и Арнольд Тойнби – наиболее известные из них. Те же, кто теперь доминируют в теории истории – в первую очередь Хейден Уайт, Франк Анкерсмит и их многочисленные последователи – не анализируют исторические исследования и не рассуждают на тему основ развития истории. Их дискуссии представляют собой внутренние, ведущиеся между теоретиками истории споры, которые не имеют прямого отношения к деятельности историков.

Ключевые слова: теория истории, философия истории, историописание

Уже в течение ряда лет я в разной связи выражал свое неприятие нового типа теории истории, основным оплотом которого являются журналы *History and Theory* («История и теория») и *Journal of the Philosophy of History* («Философия истории»), но который распространился и шире. Здесь я попытаюсь разъяснить, что составляет основу моей критики. Подробно я изложил это в нескольких работах, которые можно прочитать на шведском, русском и английском языках¹.

Теория истории, или философия истории имеет давние традиции. На ранних этапах, возможно, было сложно отличить теорию истории от того, что является «историописанием». С начала XIX в. подобная путаница становится невозможной. Историописание к этому моменту уже давно сформировалось: оно основывалось на предъявлении конкретных событий, из которых становилось ясно, что именно те или иные люди делали или как они жили в прошлом. История теории, напротив, занималась абстрактными примерами действий людей и их образа жизни в прошлом. Карл Маркс – крупнейший представитель этого вида философии истории. Его работа «Капитал», по моему мнению, является выдающимся исследованием, которое содержит не единственную, а целый ряд теорий о том, что управляет жизнью и деятельностью людей.

Одна теория рассматривает, как они трудятся, и как эта работа дает им стимул, но только до тех пор, пока они видят в ней смысл (это теория отчуждения). Другая – как капитализм разрастается и создает классы, вступающие в острое противоречие друг с другом (теория классовой борьбы), третья теория говорит о том, как капитализм заставляет

¹ Тоштендаль 2021. С. 84–101; Torstendahl 2020; 2021; 2017; 2018.

людей работать на износ, чтобы прокормить себя (теория эксплуатации); в четвертой теории речь идет о том, что капитализму присуща тенденция создавать институты, стремящиеся к росту (теория монопольного капитализма). Для своего времени это была выдающаяся экономическая социология на базе истории, даже если большая ее часть подверглась уточнению. Следует добавить, что высказывания Маркса не были какими-то пророчествами в отношении будущего, ибо они были основаны на эмпирических штудиях².

Однако здесь я прежде всего хочу обратить внимание на то, что деятельность Маркса в качестве философа истории была направлена на поведение людей в обществе, в первую очередь в обществе европейского типа. Когда он писал об исторических событиях в конкретной стране (например, книга о февральской революции во Франции), он уже был не столь интересен. Его основные труды были социологическими, речь в них (как и в работах нескольких других философов истории) шла о том, как соотносить события одного рода с событиями другого рода, т.е. они содержали обобщения, а не повествования об отдельных действиях и событиях – что имело место в работах историков.

Тот вид философии истории, выдающимся представителем которого является Маркс, за последующие столетия получил немного столь же видных последователей. Книга Освальда Шпенглера «Закат Европы» (вышла в свет в 1918 г., исправленное издание в 1923 г.) и работа Арнольда Джозефа Тойнби «Постижение истории» (12-ти тт., 1934-1961) – наиболее значимые примеры. Но они, в отличие от Маркса, оставили экономическую социологию до лучших времен. Шпенглер заимствовал свою главную метафору для смены культур из биологии, в то время как Тойнби был вдохновлен понятийным аппаратом психологии, процветавшей в 1930-е гг., и говорил о цивилизационных «вызовах» и «ответах» в ходе истории, но при этом оба шли тем же путем, что и Маркс, и пытались найти общие образцы человеческого поведения, которые можно было выделить как основные вехи исторического развития.

На эту двойственность обычно указывают студентам все преподаватели истории, но проблема остается актуальной, так как реальность прошлого напрямую нам не доступна. Даже ученые мужи испытывают с этим сложности: Франк Анкерсмит, нидерландский философ и теоретик истории, бывший в течение десятка лет редактором «Журнала философии истории» (*Journal of the Philosophy of History*), в одной из ранних своих работ пришел к выводу, что т.н. «история» является конструктом, созданным историками, и что реальности прошлого, о которой можно было бы говорить, не существует³.

² Все эмпирические знания зиждятся, как я подчеркнул выше, на исторической основе, то есть на наблюдениях о прошлом и с точки зрения ушедшего секунду или миллионы секунд назад мгновения. Мы пятимся в будущее, глядя в прошлое, как выразился Андрей Кончаловский. См.: Torstendahl 2015. P. 231, 235.

³ Ankersmit 1983.

Я считаю это заключение ошибочным. Мы, люди, очень хорошо понимаем, что такое реальность прошлого. Мы слышали рассказы родителей и людей старшего возраста о том, что они пережили до нашего рождения, и мы вполне хорошо можем представить себе все это в реальности. Мы знаем, что сказанные слова отсылают нас к тому, что уже не существует, и эта отсылка важна. Мы очень хорошо осознаем, что есть вещи, которые люди предыдущих поколений прожили на самом деле, но которые сейчас нельзя наблюдать, так как они исчезли. Слова по-прежнему отсылают нас к тому, чего больше нет – я могу рассказывать о моей уже давно умершей маме и обсуждать ее, как и ее мать, мою бабушку, с которой я жил в детстве. Ни мамы, ни бабушки уже нет на свете, их нельзя увидеть, но слова «моя мама» и «моя бабушка», когда я их произношу, и сегодня имеют тот же смысл, ту же коннотацию. Кроме того, я могу видеть следы их жизни, глядя на сшитые ими вещи и читая письма, которые они написали. Коннотация, или отсылка – не то же самое, что смысл, она остается, даже тогда, когда исчезает то, на что слово или выражение изначально указывало. Фраза «моя мать» (произнесенная мной) означает нечто совсем иное, чем те же слова («моя мать»), сказанные Анной Карениной в романе Толстого. Смысл слова, его значение предполагают одинаковые отношения между двумя людьми и в романе, и в моей жизни, но в романе – если он «вымышленный», не списанный с реальных людей – отсутствует отсылка к реальному прошлому (исключением является роман с ключом).

Как и некоторые другие постмодернисты, Анкерсмит не делает разницы между историей и fiction с точки зрения их социальной функции⁴. Историописание является «презентацией» прошлого, и это представление (или представления об) истории являются единственной исторической реальностью – это суть его рассуждений о языке и искусстве⁵. Когда в 2012 г. Анкерсмит возвращается к этому вопросу и вводит слово отсылка (референция) в свои рассуждения, он исключает возможность подобной отсылки в трудах историков. Они для него являются «репрезентацией» и могут быть «истинны» только в том же смысле, в каком может быть истинно искусство, т.е. как впечатление⁶.

Анкерсмит подчеркивает, что историописание – это «репрезентация», и это сближает его с Хейденом Уайтом. Основная работа Уайта в области истории – книга «Метаистория» («Историческое воображение в Европе XIX в.»), вышедшая в 1973 г.⁷ С 1970-х гг. Уайт был кумиром на страницах старейшего международного журнала историков

⁴ Я останавливаюсь прежде всего на том, что Анкерсмит писал в 1980-е и начале 1990-х гг. и что он опубликовал в книге «История и тропология» (1994) и конкретно на статье «Historical Representation» (Р. 97-124). Эва Доманска рассмотрела развитие его идей в статье «From narrative to experience» (Ankersmit 2009).

⁵ Ankersmit 1994. Р. 97–124. См. также книгу: Ankersmit, 2001.

⁶ Ankersmit 2012 (особ. главы 4–6: "Representation", "Reference", "Truth". Р. 64–125.

⁷ White 1973.

«History and Theory»). Подробные рассуждения в своей книге Уайт посвятил семи мыслителям XIX века, из которых только трое на самом деле были историками: Жюль Мишле, Леопольд фон Ранке и Бенедетто Кроче, а остальные являлись скорее обществоведами-философами. Он анализирует не то, какой метод они применяли как историки и на чем они основывали свои исторические работы, его в первую очередь интересовал их язык и то, что он выражал. Заключение Уайта о фон Ранке таково: его историописание было «поставлено как комедия». Постановка – *emplotment*, термин, который по мнению Уайта, был введен в теорию истории немецким философом Ницше. Уайт противопоставляет Ранке другим рассматриваемым им историкам и историческим мыслителям. Все семеро представляли один тип «постановки»; четверо из них выразители «реалистического» восприятия истории (романтический, комический, трагический и сатирический реализм), а трое отрицали реализм, но защищали историю: Маркс метонимическим способом описания, Ницше метафорическим и Кроче ироническим.

В последующие десятилетия Уайт написал большое количество эссе, развивавших идею анализа историописания как риторики⁸. Историописание, согласно Уайту, следует определенным нормам, указывающим на то, как текст должен быть выстроен и что он должен содержать. Нормы продиктованы эстетическими соображениями и эффективностью риторики, но не теорией познания. Как я подчеркивал ранее, отношение Уайта к понятию «знание» весьма расплывчато.

У Уайта с подобным отношением к историческому знанию возникла проблема, когда американские сионисты отреагировали на его нечеткость в отношении исторической реальности. Она могла, говорили они, быть истолкована как поддержка неонацистских ревизионистов истории, которые хотели оспорить существование Холокоста и деятельность нацистов по уничтожению евреев. Уайт заверил, что ничего подобного он не имел в виду и начал пересматривать свою точку зрения. Это не означает, что он отказался от идеи истории как конструкта, но примерно в 2000 г. он сформировал новую рекомендацию для историков: писать историю следовало, основываясь на четко определенной моральной позиции и отношении к тому, о чем пишешь.

В поздних работах Уайта поднимается вопрос о роли историка как судьи, и здесь у него есть несколько последователей. Однако, подобно тому, как доводы Уайта в пользу подхода к историописанию как к риторике, его ориентированность на морализм также лишена какой-либо привязки к задаче историка искать новое знание. Он, как и Анкерсмит и некоторые другие из их единомышленников (такие как Ханс Келлнер, Габриэль Спигель, Ханс Бертенс и Джоан Скотт), игнорируют теорию познания в пользу языковых и социальных конвенций, которые они хотят выдвинуть на первый план, вместо того, чтобы выяснить, что же

⁸ В первую очередь следует указать два сборника эссе: White 1978, 1987.

новое заключено в историческом знании и на основе чего это новое может и будет воспринято, а его последствия проанализированы.

Кроме того, нужно добавить, что дискуссии о морали по большей части увязли в вопросе о геноциде и других исторических несправедливостях. Помимо преследования евреев нацистами в истории существуют и другие примеры геноцида народов. Армяне заявляли о том, что они подвергались геноциду, и на основании различных исторических фактов это признавалось теми, кто симпатизировал армянам, и отрицалось турками. Однако эта проблема редко приводила к дискуссии на тему войны и морали – как прежде, так и теперь. Если по всем случаям несправедливости, имевшим место в истории, независимо от того, как давно они случились, проводить дискуссии, а сами факты подвергать осуждению, то все книги по истории, по всей вероятности, заполнятся описаниями того, что со всем основанием, конечно, должно быть осуждено, но при этом другие проблемы не попадут в поле зрения.

В реальности историописание (по крайней мере в Европе и Северной Америке) пошло, начиная с 1960-х гг., по другому пути. Основной акцент делался на критериях плодотворности исторического исследования, и – о чем я писал в другой связи – четыре основных области были обозначены как наиболее продуктивные для новых знаний об истории⁹. Эти четыре области: социальная история, микроистория, гендерная история и глобальная история. Они затмили традиционную политическую историю (в которой есть намеки на новые направления исследования в сотрудничестве с социальными науками). Традиционная экономическая история также подверглась некоторой ревизии в том, что касается целей получения нового знания.

Для самой теории истории постмодернистская ревизия означала радикальные изменения. Ранее теория истории нацеливалась на изучение аргументации историков об исторической связи и исторических объяснениях. Особый жанр – учебники по методологии – был направлен на разъяснение в нормативных текстах, что следует считать хорошей исследовательской практикой исторической дисциплины. С помощью постмодернистской точки зрения текущая дискуссия по теории истории перешла от дискуссии между историками по вопросам историописания к дискуссии между теоретиками истории по проблемам, не имеющим прямого отношения к деятельности самих историков.

Во многих отраслях науки сейчас ведется дискуссия о хороших исследовательских традициях и их рамках, то есть о том, где проходит граница между четким знанием и предположением. Ведущие научные журналы по теории истории, кажется, полностью освободили себя от этой задачи применительно к исторической дисциплине. Там ведется дискуссия исключительно между теоретиками истории, где обсужда-

⁹ Прежде всего в моей книге *Den historiografiska revolutionen 1960–1990*. Lund: Stud-entlitteratur. 2017, и в статье *Explaining Evidence in History and the Change in Norms from the Nineteen-Sixties* // *Storia della Storiografia*. 2018. 73:1. P. 71–87.

ются проблемы, лишь частично и крайне редко¹⁰ имеющие отношение к историкам и их деятельности.

(Перевод со шведского М.О. Дубовицкой)

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ankersmit F. *Narrative Logic: A Semantic Analysis of the Historian's Language*. The Hague. M. Nijhoff. 1983.
- Ankersmit F. *History and Tropology. The Rise and Fall of Metaphor*. Berkeley etc.: Univ. of California Press, 1994.
- Ankersmit F. *Historical Representation*, Stanford, CA: Stanford U.P. 2001.
- Ankersmit F. From narrative to experience // *Rethinking History*. 2009. 13:2. P. 175–195.
- Ankersmit F. *Meaning, Truth, and Reference in Historical Representation*. Ithaca. NY: Cornell U.P. 2012.
- Torstendahl R. *Den historiografiska revolutionen 1960–1990*. Lund. Studentlitteratur, 2017.
- Torstendahl R. Explaining Evidence and the Revolution of Historiography from the Nineteen-Sixties to Nineteen-Ninety // *Storia della Storiografia*. 73:1. 2018. P. 71-87.
- Torstendahl R. *The Rise and Propagation of Historical professionalism*. N.Y.: L., 2015.
- Torstendahl R. What is the Objective of "Theory of History"? // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. 4:3. С. 1–20.
- Torstendahl R. *Telling Histories or Accounting for Aspects of the Past. A Historiographical Choice in a European Historical Perspective* // *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2021. 163:3.
- White H. *Metahistory. The historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore: Johns Hopkins U.P. 1973.
- White H. *Tropics of Discourse. Essays in Cultural Criticism*. Baltimore: Johns Hopkins U.P. 1978.
- White H. *The Content of the Form. Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore: Johns Hopkins U.P. 1987.
- Тоштендаль Р. *Историография и теория // С любовью к науке. К юбилею Т.А. Тоштендаль-Салычевой / под ред. А.Е. Манькова, М.О. Дубовицкой*. М.: РГГУ. 2021. С. 84–101 [Toshtendal' R. *Istoriografiya i teoriya // S lyubov'yu k nauke. K yubileyu T.A. Toshtendal'-Salychevoj / pod red. A.E. Man'kova, M.O. Dubovickoj*. М.: RGGU. 2021. S. 84–101].

History and Theory

In this article the author wants to show that the term “theory of history” (alternatively, “philosophy of history”) has been given a new sense during the last few decades, a sense that is not connected with the discipline of history. Earlier the term meant primarily analysis and criticism of what historians do and of their inferences from their materials in their accounts of history. Beside this, there were social philosophers who wanted to establish theories for the development of world history – Karl Marx and later Oswald Spengler and Arnold Toynbee are most well-known. The theorists who are now dominating the theory of history – foremost Hayden White and Frank Ankersmit and those inspired by them – are neither analysts of historical research works nor philosophers discussing the causes for the development of history. Their discussions are internal for the group of historical theorists and are devoid of relevance for what historians actually do.

Keywords: *theory of history, philosophy of history, historical writing*

Rolf Torstendahl, PhD, Professor of History (Emeritus), Uppsala University (Sweden); rolf.torstendahl@hist.uu.se

¹⁰ Некоторые проблемы, касающиеся исторического исследования затрагивают Херман Пол (Herman Paul) и Крис Лоренц (Chris Lorenz) из Нидерландов. Хотя «хорошие исследовательские традиции» не находятся в центре их интересов.

И.В. ДЕМИН

ИДЕОЛОГИЯ КАК ЯЗЫК И МЕТАЯЗЫК ЗНАЧЕНИЕ СЕМИОТИКИ КУЛЬТУРЫ Ю.М. ЛОТМАНА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ИДЕОЛОГИЙ¹

Рассматриваются возможности применения концептуально-методологических новаций и терминологического аппарата семиотики культуры Ю.М. Лотмана в контексте изучения языка идеологии. Теория культуры Лотмана позволяет зафиксировать и описать как семиотическое единство, так и неустранимое идеологическое многообразие мира политики. Проведено различие между языковым и метаязыковым уровнями функционирования идеологии. Для описания метаязыкового уровня использованы термины «идеологическая парадигма» и «фоновая идеология». Показано, что идеология, функционирующая на метаязыковом уровне, стремится совпасть с политическим языком, выдает себя за идеологически нейтральный язык социальных наук.

Ключевые слова: идеология, теория идеологий, семиотика, семиотика культуры Лотмана, семиотика идеологии, политический язык, метаязык

В последние десятилетия семиотический подход получает все более широкое распространение в исследованиях общества и культуры, что позволяет говорить о *семиотическом повороте* в социально-гуманитарных науках². Области политической философии, политической социологии и политической лингвистики, к которым традиционно относят исследования идеологии, также оказались затронутыми данной тенденцией³. Однако терминология и исследовательские приёмы, выработанные в рамках структурной лингвистики, семиотики культуры и философии языка, зачастую применяются некритически, эклектично совмещаясь с традиционными подходами и методами анализа идеологии. Философские основания, концептуальные рамки и эвристический потенциал культурно-семиотического подхода к анализу политико-идеологических феноменов до сих пор не тематизированы.

В данной статье предпринимается попытка наметить пути применения концептуально-методологических новаций и терминологического аппарата семиотики культуры Ю.М. Лотмана в контексте исследований языка политики и идеологических дискурсов. Основной акцент при этом будет сделан на базовых концептах семиотической теории культуры («коммуникация», «граница», «перевод», «метаязык»), их значении для изучения семантического поля политики.

¹ Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента РФ, проект МД-2252.2021.2 «Политический язык российского консерватизма: культурно-семиотический анализ».

² Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании... 2018: 5–17.

³ Один из первых образцов применения семиотической терминологии и методологии к анализу явлений политической жизни можно обнаружить в статье К. Гирца «Идеология как культурная система» (Geertz 1964). Следует, однако, заметить, что Гирц не ставил перед собой задачу разработки целостной концепции идеологии.

В начале XXI в., как справедливо отмечает О.Ю. Малинова, понятие идеологии «употребляется в столь разных смыслах, что нет никакой надежды дать ему четкое и единственное определение»⁴. Наличие множества трактовок и определений идеологии, ориентированных на различные философские и методологические направления (марксизм и постмарксизм, социология знания, структурализм и постструктурализм, философская герменевтика, семиотика культуры), локализованных в разных дисциплинарных и междисциплинарных контекстах (политическая философия, история идей, политическая социология, культурология, политическая лингвистика), делает актуальной задачу классификации. В контексте данной статьи представляется целесообразным взять за основу классификации критерий *проблемного поля*.

В философии XX в. обнаруживаются два мощных полюса притяжения (и отталкивания), во многом определяющих проблематику и исследовательские стратегии социально-гуманитарных наук, – «сознание» и «язык». Исходя из этого, целесообразно выделять подходы и направления, рассматривающие идеологию по преимуществу как форму общественного *сознания*⁵, и подходы, предполагающие анализ идеологии как формы *языка*⁶. В первом случае идеология предстает в качестве *социально-когнитивного* феномена, а её концептуализации осуществляются на стыке социальной философии, эпистемологии и истории идей. Во втором случае идеология мыслится как феномен *социально-лингвистический*, и концептуализация этого понятия осуществляется в проблемном поле философии языка, семиотики, политической лингвистики. Наконец, в отдельную, третью, группу следует выделить исследования, в рамках которых идеология рассматривается и как социально-когнитивный, и как лингвистический (дискурсивный) феномен⁷. Преимущество данной классификации, как нам представляется, состоит в том, что трактовки идеологии помещаются здесь в широкий контекст философских и научных исследований.

Исследователи, работающие в рамках подходов, отнесенных к третьей группе, стремятся совместить базовые презумпции лингвистического (и семиотического) поворота с требованиями научной рацио-

⁴ Малинова 2003: 30.

⁵ Помимо анализа идеологии в классическом марксизме и «социологии знания» К. Манхейма, сюда следует отнести теорию «деидеологизации» (Д. Белл, С.М. Липсет, Р. Арон), структурно-функциональный подход (Т. Парсонс, Д. Истон, Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, Д. Аптер, Н. Луман) и концепцию «конца истории» Ф. Фукуямы.

⁶ Здесь в первую очередь следует упомянуть различные постструктуралистские (М. Фуко, Р. Барт, Ж. Бодрийяр) и постмарксистские (А. Бадью, С. Жижек, Ш. Муфф, Э. Лакло) трактовки идеологии. К этой же группе нужно отнести и критический дискурс-анализ Т.А. ван Дейка.

⁷ В последние десятилетия подход, в рамках которого идеология рассматривается как гибридный когнитивно-дискурсивно-социальный феномен, получил широкое распространение в работах как западных (Freeden 1996; Balkin 1998), так и отечественных (Соловьев 2001; Мусихин 2012) исследователей.

нальности, примирить методологические крайности лингвоцентризма и конструктивизма, с одной стороны, и научного реализма, с другой. Такая исследовательская стратегия в политических науках потенциально способна дать наиболее плодотворные результаты, однако отмеченная методологическая «двойственность» ставит перед исследователями идеологий ряд трудноразрешимых теоретических проблем. Остановимся на некоторых из них.

1. *Проблема идентификационных критериев идеологии как системы убеждений и/или типа дискурса.* Данная проблема имеет фундаментальное значение для современных социальных и политических наук. Она даёт о себе знать как на уровне политической истории и социальной психологии, так и на уровне истории философии и истории политических учений. Суть её следует сформулировать так: на каком основании можно отделить идеологию от смежных с ней феноменов и типов дискурса, имеющих внеидеологическую (например, национальную, культурно-языковую, религиозную) природу?

Следует подчеркнуть, что данная проблема не может быть не только решена, но даже поставлена в горизонте *редукционистских* подходов (как лингвистического, так и социологического толка). Так, в рамках социологического редукционизма, представленного, в частности, в марксистских и неомарксистских исследованиях, идеология отождествляется с определенной социальной *функцией* (выражение классовых интересов, санкционирование существующего в обществе порядка господства и подчинения, маскировка существующих в обществе социальных антагонизмов и т.д.), и *всякий* комплекс идей и верований, выполняющих данную функцию (независимо от его происхождения и когнитивной специфики), объявляется *идеологическим*. Смешение идеологии с наукой, религией, философией в рамках данного подхода наиболее ярко проявилось в таких концептах советского общества, как «религиозная идеология», «буржуазная социология», «реакционная философия» и пр.

Концептуальный контекст лингвистического редукционизма, наиболее последовательно реализованного в работах Р. Барта и У. Эко, также не оставляет возможности отделить идеологию от внеидеологических феноменов культуры, поскольку идеология приобретает здесь всеобъемлющий, всепроникающий, диффузный характер.

Отмеченные типы редукционизма сплавляются воедино в постмарксистских трактовках идеологии, представленных в работах Э. Лакло, Ш. Муфф, С. Жижика. Проблема оснований различения идеологических и неидеологических способов социальной идентификации, идеологических и неидеологических практик, социально-философских учений, концепций, доктрин в методологическом горизонте постмарксизма не рассматривается, так как изначально считается irrelevantной.

2. *Проблема когнитивной природы идеологии (проблема соотношения идеологии и «общего знания»)*. Данную проблему можно рассматривать как частный случай проблемы идентификационных критериев. Ключевым здесь оказывается вопрос о соотношении и взаимоотношениях идеологии и науки, идеологии и социального знания. При всех оговорках относительно взаимовлияния и взаимопроникновения научных знаний и идеологических доктрин, «интерсубъективности» и относительности знания, само когнитивное различие между идеологией и наукой остаётся незыблемым. Это различие сохраняет свое конститутивное значение и для социальных исследований. Заметим в этой связи, что интерпретация науки как одной из форм идеологии означала бы конец научной рациональности⁸.

В рамках современных социологических исследований, ориентированных на методологический конструктивизм и конвенционализм, предпринимаются попытки *обойти* эту проблему, противопоставляя идеологию не *знанию как таковому*, а *общему* (для того или иного социума) *знанию*⁹. Недостаточность такой стратегии высвечивается тем обстоятельством, что социальные группы, обладающие различными «идентификационными идеологиями», зачастую вкладывают в понятие общего знания совершенно разный смысл, наделяют этим статусом различные (даже взаимоисключающие) комплексы представлений. Как должна решаться проблема «общего знания», коль скоро отвергнуты «внешние» (несоциологические, эпистемологические) критерии? Нам представляется, что ответ на этот вопрос не может быть получен до тех пор, пока сами термины «идеология» и «общее знание» употребляются в усреднено-конвенциональном значении.

3. *Проблема различения социально-исторического и парадигмального аспектов идеологии*. Терминологическая путаница, часто сопровождающая не только общественно-политические, но и теоретические дискуссии вокруг понятия «идеология», зачастую проистекает из неразличения двух аспектов (философско-парадигмального и социологического) рассмотрения. Термин «идеология» имеет два различных, хотя и взаимосвязанных значения. Идеология как конкретно-исторический комплекс политически значимых убеждений и верований представляет собой фактор формирования и сохранения групповой идентичности. В отличие от конкретно-исторической идеологии, «идеологическая парадигма», как правило, терминологически отождествляемая с тем или иным философско-мировоззренческим «измом» («либерализм», «социализм», «консерватизм», «анархизм» и т.д.), не может быть однозначно «привязана» к какой-либо социальной группе или структуре. Её функция состоит в упорядочивании, структурировании *всего* семантического поля политики, «картографировании» «территории политического».

⁸ См.: Демин 2015.

⁹ Мусихин 2011: 140.

Конкретно-исторические идеологии тех или иных социальных групп и институтов, как правило, совмещают в себе элементы различных идеологических парадигм. Различение этих двух аспектов и ракурсов, конечно, не должно абсолютизироваться, но оно не может быть и полностью элиминировано. В первом случае происходит идеалистическое гипостазирование абстрактных сущностей, идеологическим универсалиям приписывается транс-исторический характер. Во втором случае политическая жизнь утрачивает какое-либо универсальное измерение, а все категории политической теории приобретают сугубо контекстуальное и конвенциональное значение. Различение «вариативного» и «инвариантного» аспектов функционирования идеологии нуждается в новом концептуальном обосновании.

4. *Проблема типологии идеологий.* Признание необходимости различения двух аспектов идеологии, двух ракурсов её рассмотрения делает актуальной проблему оснований выделения «базовых» идеологий (идеологических парадигм). Какой критерий должен быть взят за основу типологии идеологий? Искомая типология не может отталкиваться от спекулятивно постулируемых «ценностей» или мировоззренческих «принципов»¹⁰. Однако полный отказ от поиска общего знаменателя содержательно вариативных идеологических позиций, учений, доктрин неизбежно заводит теорию идеологий в тупик социального конвенционализма («консерватизм есть то, что люди, интересующиеся политикой, считают консерватизмом» и т.д.).

5. В качестве частного случая проблемы типологии идеологий следует рассмотреть *проблему объяснения ошибочной идеологической идентификации и самоидентификации групп и индивидов.* Вряд ли можно поставить под сомнение тот факт, что социальные субъекты могут *заблуждаться* как относительно собственной идеологической идентичности (ошибочная самоидентификация), так и относительно идентичности других субъектов. Так, индивид, руководствующийся в политической жизни *либеральным* пониманием свободы, государства и права, может при этом считать себя *консерватором*, идентифицировать свою идеологическую идентичность как «консервативную» (возможен и, пожалуй, даже более распространен, и обратный пример). Данная проблема порождается методологической ограниченностью конвенционалистского и социологического понимания категории «знание». В горизонте конвенционализма мнение субъекта может быть признано ошибочным *на том основании*, что оно расходится с господствующим, общим, «усредненным» пониманием того, что такое «консерватизм» и «либерализм». Но здесь необходимо спросить: может ли общее и усредненное понимание быть ошибочным? Оставаясь в границах социологи-

¹⁰ В современных политических исследованиях наиболее распространенным остается подход, в рамках которого идеологии различаются по их базовым ценностям (см.: Feldman 2003; Шестопал 2014).

ческой трактовки знания и идеологии, мы должны дать однозначно отрицательный ответ на этот вопрос. Не лишаются ли в этом случае такие термины, как «идеология», «либерализм», «консерватизм» не только универсального (внеконтекстуального) значения, но и вообще какого-либо смысла? Не становятся ли они «означающими без означаемого»?

Дальнейшие рассуждения будут направлены на обоснование тезиса о том, что обозначенные проблемы могут продуктивно обсуждаться в методологическом и терминологическом контексте разработанной Ю.М. Лотманом семиотической теории культуры.

Разработанная Лотманом семиотическая трактовка культуры неоднократно анализировалась как отечественными¹¹, так и зарубежными¹² исследователями, она хорошо изучена и востребована в современных социальных и культурологических исследованиях. Кратко остановимся лишь на тех её положениях, которые позволяют прояснить указанные проблемы, наметить пути их решения.

1. Неустранимый плюрализм и «полиглотизм» культуры. Принцип языкового плюрализма проявляется на всех уровнях семиотического анализа культуры. «Ситуация множественности языков, – отмечал Лотман, – исходна, первична»¹³. Различные языки культуры «как накладываются друг на друга, по-разному отражая одно и то же, так и располагаются в “одной плоскости”, образуя в ней внутренние границы»¹⁴. Положение о *множественности* сосуществующих, накладывающихся друг на друга и/или граничащих друг с другом языков культуры не является простой эмпирической констатацией, оно приобретает характер *фундаментальной методологической презумпции*: «Представление о возможности одного идеального языка как оптимального механизма для выражения реальности является иллюзией. Минимальной работающей структурой является наличие двух языков и их неспособность, каждого в отдельности, охватить внешний мир»¹⁵.

Методологический плюрализм лотмановской концепции культуры обусловлен тем, что «единственное явление не может иметь своеобра- зия, которое требует хотя бы двух сопоставляемых систем»¹⁶.

2. Культурная коммуникация как пересечение семиотических границ и поиск общего языка. В рамках полиглотической модели культуры пересматривается одно из ключевых понятий социально-гуманитарных наук – понятие коммуникации. Коммуникация более не предполагает наличия одного, общего для коммуницирующих сторон, языка, напротив, именно ситуация *изначального многоязычия* делает коммуникацию возможной и необходимой. Всякая коммуникация – не что иное, как

¹¹ Егоров 1999; Чередниченко 2011; Волкова 2002.

¹² Andrews 2003; Waldstein 2008; Монтичелли 2012; Золян 2020.

¹³ Лотман 2010а: 13.

¹⁴ Лотман 2010а: 13.

¹⁵ Лотман 2010а: 13.

¹⁶ Лотман 1992а: 388.

выход вовне, за границы наличного языка, коммуникация предполагает переход семиотической границы¹⁷.

3. *Перевод как универсальный компонент человеческого мышления.* Любая форма знаковой коммуникации предполагает и включает в себя *акт перевода*, который определяется Лотманом как «элементарный акт мышления»¹⁸.

Семиосфера характеризуется не только *множественностью* языков, но и их принципиальной *разнородностью*. Языки культуры различны по своей природе, происхождению, семантическим, синтаксическим и прагматическим параметрам. Соотношение разнородных языков семиосферы истолковывается и описывается Лотманом в терминах *теории перевода*. Диапазон возможных способов соотнесённости языков простирается от полной взаимной переводимости до полной непереодимости. Данные модели взаимоотношений языков находятся на противоположных полюсах, и в реальной культурной коммуникации никогда не реализуются в чистом виде. Принципиально, что понятие перевода оказывается ключевым не только для описания языков *внутри одной культуры*, но и для прояснения соотношения символических универсумов *разных культур*. Оппозиция семиотического и несемиотического (внеязыкового) заменяется у Лотмана оппозиций *переводимого и непереодимого*¹⁹.

4. *Соотношение языка и текста.* В семиотике культуры Лотмана различаются две модели, по-разному описывающие соотношение языка и текста. В моделях культурной коммуникации, которые тяготеют к полюсу полной взаимопереводимости (ситуация, характерная для искусственных языков), *язык предшествует тексту*, а текст предстаёт как манифестация возможностей наличной языковой системы. На противоположном полюсе (полная взаимонепереводимость), к которому тяготеют «поэтические» языки, соотношение языка и текста переворачивается. Отправным пунктом здесь становится уже не язык, но *текст*. Последний всегда «богаче и сложнее любого из языков, поскольку представляет собой устройство, в котором сталкиваются и соплагаются языки»²⁰. Текст культуры здесь выступает как «резерв полиглотизма» и генератор не только новых культурных смыслов, но и *новых языков*.

5. *Язык и метаязык.* Всякая культура продуцирует не только гетерогенные языки и тексты, но и *метаязыки*. Посредством метаязыков культура осуществляет саморефлексию, генерирует самоописания и самообъяснения: «Каждый вид культуры создает свою концепцию культурного развития, то есть типологию культуры»²¹. Метаязыки составляют «необходимое условие семиотического функционирования» язы-

¹⁷ См.: Демин 2018.

¹⁸ Лотман 1996: 193.

¹⁹ См.: Франк 2012.

²⁰ Лотман 2010б: 582.

²¹ Лотман 1992а: 386.

ковых систем. «Только с их помощью системы сознают себя и осознают себя как целостности». Функция метаязыковых структур состоит в том, что они доорганизывают «гетерогенный семиотический мир, частично переводя его на свой язык, частично исключая из своих пределов»²².

В этом пункте становится отчётливо видна центральная методологическая проблема, с которой сталкивается семиотическая теория культуры. С одной стороны, метаязык (язык описания) не может быть «отделен от языка культуры того общества, к которому принадлежит сам исследователь», а потому составляемая им типология всегда «характеризует не только описываемый им материал, но и культуру, к которой он принадлежит»²³. С другой стороны, в семиотике культуры выдвигается задача создания «единообразной системы метаязыка, которая ни для одной из частей описания не совпадала бы с языком объекта (как это имело место во всех предшествующих типологиях культуры, в которых язык последнего синхронного среза культуры неизменно выступал в качестве метаязыка всего описания)»²⁴.

Научная типология не может обойтись без выделения универсалий культуры, а последние, в свою очередь, предполагают такой метаязык, который не совпадает с языком изучаемого объекта. Лотман предпринимает попытку построения метаязыка на основе пространственных моделей, в частности, аппарата топологии. Он исходит из того, что «всякая модель культуры может быть описана в пространственных терминах»²⁵. Различные типы культур по-разному структурируют пространство, генерируют несовпадающие (или даже несовместимые) пространственные структуры картины мира. Общим для них, однако, остаётся то обстоятельство, что они могут быть описаны и соотнесены при помощи пространственных (или квазипространственных) терминов и семантических оппозиций («внешнее – внутреннее», «мы – они», «верх – низ», «центр – периферия», «организованное – неорганизованное» и т.д.).

Остановимся ещё на одном принципиальном положении семиотики культуры. Согласно Лотману, «чем глубже ситуация непереводаемости между двумя языками, тем острее потребность в общем для них метаязыке, который перекидывал бы между ними мост, способствуя обновлению эквивалентностей»²⁶. Таким метаязыком может быть только язык самой семиотики культуры, стремящейся отыскать инвариантное в вариативном, соотнести внешне различные, но структурно изоморфные феномены. Означает ли сказанное, что семиотика выводит собственный язык и используемую понятийную сетку за пределы культуры и истории? Отрицательный ответ на этот вопрос следует из тезиса о том, что метаязыковые (в том числе типологические) описания куль-

²² Лотман 2010б: 588.

²³ Лотман 1992а: 387.

²⁴ Лотман 1992а: 388.

²⁵ Лотман 1992а: 406.

²⁶ Лотман 1992б: 169.

туры не являются чем-то *внешним* по отношению к «тексту культуры», они *генерируются самой культурой*, являются её неотъемлемым структурным компонентом. Однако Лотман не делает из этого положения релятивистских выводов. Семиотика культуры не предполагает уравнивания когнитивного статуса всех типов метаязыков и «постмодернистского» низведения науки до уровня одной из «культурных практик», одного из многих языков описания²⁷. Научное (семиотическое) описание культуры, основанное на применении понятийного аппарата топологии, обладает «привилегированным» эпистемологическим статусом, поскольку оно, удерживая реальные различия языков, позволяет в то же время отвергнуть релятивистскую идею о несоизмеримости (абсолютной непереводимости) культур.

Посмотрим теперь, какой смысл приобретает каждая из обозначенных проблем современной теории идеологий в контексте семиотики культуры.

1. Осмысление проблемы идентификационных критериев идеологии в культурно-семиотической оптике предполагает сопоставление идеологических и неидеологических (например, научных, религиозных) способов концептуализации политики.

Отталкиваясь от идеи неустранимого языкового плюрализма культуры, можно заключить, что идеология в любую историческую эпоху её развития не должна рассматриваться в качестве *единственного* источника политических смыслов, единственно возможной модели политической реальности. Идеология может быть *господствующим* способом концептуализации политической жизни, но никогда не является *единственным* «кодом доступа», раскрывающим измерение политики. Данное замечание позволяет, помимо прочего, понять сущностно исторический характер самого феномена идеологии, идеологического моделирования социальной действительности. Наряду с идеологией существуют (по крайней мере, потенциально, в качестве непроявленных возможностей) иные способы концептуализации политики (мифология, религия, наука). Выявление идентификационных критериев (то есть *семиотической специфики*) идеологии возможно не иначе, как через её сопоставление с иными «символическими формами» культуры.

2. Проблема когнитивного статуса идеологии и «общего знания» в горизонте культурно-семиотического подхода может быть частично прояснена путем введения понятия «фоновая идеология».

Приведем некоторые примеры функционирования фоновой идеологии. Современная теория государства и права, а также и современная политология в значительной мере опираются на идеологические презумпции *классического либерализма* (принцип разделения властей, равенство всех перед законом, идея неотъемлемых прав человека, различение «демократических», «авторитарных» и «тоталитарных» полити-

²⁷ См.: Кнабе 1995.

ческих режимов и т.д.) и используют язык *либеральной* идеологической парадигмы в качестве *идеологически нейтрального метаязыка*²⁸. Не менее яркие примеры подмены научных терминов идеологическими концептами можно обнаружить и в языке советского обществознания. Однако из того, что некоторые презумпции, свойственные идеологиям, в определенном историческом контексте начинают рассматриваться большинством (или даже всеми членами общества, включая специалистов в области социальных наук) в качестве самоочевидных аксиоматических истин, не следует, что они утрачивают свой *специфически идеологический* характер. Не всякий комплекс представлений, функционирующий в культуре в качестве «общего знания», может быть признан *идеологически нейтральным*.

Феномен «фоновой идеологии» репрезентирует важную черту, присущую идеологическому способу моделирования социальной действительности в целом. Всякая идеология имплицитно тяготеет к отождествлению собственного языка с *метаязыком политики*, то есть *языком политической науки*. Идеология не только «картографирует» территорию политического, но и генерирует самоописания и описания иных, альтернативных идеологий. «Чужие» идеологии непрестанно «перетолковываются» на языке своей. В структуру всякой идеологии встроен такой механизм «перевода». Проблема соотношения идеологии и общего знания в контексте семиотически ориентированной теории приобретает центральное значение и трансформируется в *проблему перевода* (с языка одной идеологической парадигмы на язык другой).

3. Проблема различения социально-исторического и парадигмального аспектов функционирования идеологии в оптике культурно-семиотического подхода может быть описана при помощи терминов «язык» и «текст». Термин «идеологическая парадигма» в контексте семиотического подхода указывает на «твердое ядро» политического языка, фиксирует те смыслы, которые не находят адекватного выражения в языковом пространстве альтернативной идеологической модели.

Всякий значимый идеологический текст (политический трактат, манифест) использует семантические ресурсы существующих идеологических парадигм, принимая тот или иной язык в качестве базового или осуществляя их «синтез». В свою очередь политические тексты способны трансформировать существующие и даже породить новые политические языки (идеологические направления).

4. Различие между идеологическими парадигмами в оптике семиотики культуры предстаёт как различие в способах структурирования политического пространства. Идеологические парадигмы (либерализм, социализм, консерватизм) репрезентируют различные модели социальной действительности («социальные онтологии»), каждая из которых по-своему «картографирует» территорию политического. Границы и

²⁸ См.: Демин 2017.

ориентиры, представляющиеся значимыми в рамках одной идеологической парадигмы, могут оказаться второстепенными или вовсе незначительными в контексте другой.

Содержательные различия между идеологическими парадигмами не могут быть сведены к различиям в построении иерархии политических ценностей (свобода, равенство, справедливость, собственность, толерантность и т.п.). Различия ценностных ориентаций, на которых традиционно акцентируют внимание политические науки, являются производным. Исходными же представляются различия в идеологическом структурировании социальной действительности, стратегиях её интерпретации. Иными словами, политическая аксиология всегда имплицитно отсылает к политической онтологии и эпистемологии. В этом, на наш взгляд, и состоит одно из наиболее значимых открытий современной семиотически ориентированной теории идеологии.

5. Проблема ошибочной идеологической идентификации и самоидентификации, в конечном счёте, сводится к построению семиотически корректной типологии идеологий, основанной на выявлении в многообразии политических текстов и дискурсов инвариантных, парадигмальных идеологических структур. Феномен ошибочной идеологической идентификации и самоидентификации объясняется тем обстоятельством, что структуры идеологии (базовые презумпции, семантико-аксиологические оппозиции, правила интерпретации) на уровне массовой политики, как и структуры языка на уровне повседневного словоупотребления, по большей части остаются скрытыми и непрозрачными.

Подведем итог. Значение семиотики культуры Ю.М. Лотмана для политических наук состоит в возможности зафиксировать и описать семиотическое единство и в то же время неустранимое языковое многообразие политической семиосферы. Контекст семиотики культуры позволяет раскрыть семантическую специфику, присущую идеологическому способу моделирования социальной действительности в целом, и в то же время выработать аппарат сравнительного описания различных идеологических моделей (фоновых идеологий). В отличие от ряда постструктуралистских (Р. Барт) и постмарксистских (Э. Лакло, Ш. Муфф, С. Жижек) направлений, также ориентированных на анализ языка идеологий, семиотика культуры Лотмана препятствует размыванию границ между идеологией и наукой, смешению и сплавлению политических исследований с политической практикой, иными словами, позволяет избежать релятивистских следствий того, что в постметафизической философии именуется «практическим поворотом». Описание семантического поля политики с помощью терминов «граница», «перевод», «метаязык» дает возможность если не разрешить, то, по крайней мере, обойти проблему референции (соотношения политического языка и политической реальности), которая была камнем преткновения для большинства философско-политических теорий XX века.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Волкова Е.В. Пространство символа и символ пространства в работах Ю.М. Лотмана // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 149–164. [Volkova E.V. Prostranstvo simbola i simbol prostranstva v rabotah Ju.M. Lotmana // Voprosy filosofii. 2002. № 11. S. 149–164.]
- Демин И.В. Критика идеологии прав человека в политической философии Алена де Бенюа // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2017. № 2 (22). С. 81–96. [Demin I.V. Kritika ideologii prav cheloveka v politicheskoi filosofii Alena de Benua // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Serija «Filosofija. Filologija». 2017. № 2 (22). S. 81–96.]
- Демин И.В. Понятие границы в семиотике культуры Ю.М. Лотмана // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 3. С. 243–249. [Demin I.V. Ponjatije granicy v semiotike kul'tury Ju.M. Lotmana // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2018. № 3. S. 243–249.]
- Демин И.В. Проблема соотношения идеологии и науки в современной эпистемологии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 1 (215). С. 146–153. [Demin I.V. Problema sootnoshenija ideologii i nauki v sovremennoj jepistemologii // Nauchno-tehnicheskie vedomosti SpbGPU. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki. 2015. № 1 (215). S. 146–153.]
- Егоров Б.Ф. Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М.: НЛО, 1999. 384 с. [Egorov B.F. Zhizn' i tvorčestvo Ju. M. Lotmana. M.: NLO, 1999. 384 s.]
- Золян С.Т. Юрий Лотман: о смысле, тексте, истории. Темы и вариации. М.: ЯСК, 2020. 320 с. [Zoljan S.T. Jurij Lotman: o smysle, tekste, istorii. Temy i variacii. M.: JaSK, 2020. 320 s.]
- Кнабе Г.С. Знак. Истина. Круг (Ю. М. Лотман и проблема постмодерна) // Лотмановский сборник. М.: ИЦ – Гарант, 1995. Т. 1. С. 266–278. [Knabe G.S. Znak. Istina. Krug (Ju. M. Lotman i problema postmoderna) // Lotmanovskij sbornik. M.: IC – Garant, 1995. T. 1. S. 266–278.]
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с. [Lotman Ju.M. Vnutri mysljashhij mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istorija. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 464 s.]
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2010а. С. 12–148. [Lotman Ju.M. Kul'tura i vzryv // Lotman Ju.M. Semiosfera. SPb.: Iskusstvo-SPB, 2010a. S. 12–148.]
- Лотман Ю.М. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2010б. С. 580–589. [Lotman Ju.M. Mozg – tekst – kul'tura – iskusstvennyj intellekt // Lotman Ju.M. Semiosfera. SPb.: Iskusstvo-SPB, 2010b. S. 580–589.]
- Лотман Ю.М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Таллин: Александра, 1992а. Т. 1. С. 386–406. [Lotman Ju.M. O metajazyke tipologičeskijh opisaniij kul'tury // Lotman Ju.M. Izbrannnye stat'i v treh tomah. Tallin: Aleksandra, 1992a. T. 1. S. 386–406.]
- Лотман Ю.М. Риторика // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Таллин: Александра, 1992б. Т. 1. С. 167–183. [Lotman Ju.M. Ritorika // Lotman Ju.M. Izbrannnye stat'i v treh tomah. Tallin: Aleksandra, 1992b. T. 1. S. 167–183.]
- Малинова О.Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. 2003. № 4. С. 8–30. [Malinova O.Ju. Koncept ideologii v sovremennyh politicheskijh issledovanijah // Politicheskaja nauka. 2003. № 4. S. 8–30.]
- Монтичелли Д. Самоописание, диалог и периферия у позднего Лотмана / пер. Поселягин Н.В. // Новое литературное обозрение. 2012. № 3. С. 40–55. [Monticelli D. Samoopisanie, dialog i periferija u pozdnego Lotmana / per. Poseljagin N.V. // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. № 3. S. 40–55.]
- Мусихин Г.И. Дискурсивный анализ идеологии: возможности и ограничения // Полис. 2011. № 5. С. 128–144. [Musihin G.I. Diskursivnyj analiz ideologii: vozmozhnosti i ogranichenija // Polis. 2011. № 5. S. 128–144.]
- Мусихин Г.И. Идеология и культура // Полис. 2012. № 1. С. 53–62. [Musihin G.I. Ideologija i kul'tura // Polis. 2012. № 1. S. 53–62.]
- Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании: истоки, предпосылки, культурный контекст / под ред. И.В. Демина. Самара: Самар. гуманит. акад., 2018. 270 с. [Semiotičeskij povорот v social'no-gumanitarnom poznanii: istoki, predposylki, kul'turnyj kontekst / pod red. I.V. Demina. Samara: Samar. gumanit. akad., 2018. 270 s.]

- Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. 2001. № 2. С. 5–23. [Solov'ev A.I. Politicheskaja ideologija: logika istoricheskoi jevoljucii // Polis. 2001. № 2. S. 5–23.]
- Франк С.К. Взрыв как метафора культурного семioзиса / пер. Бандуровский К. // Новое литературное обозрение. 2012. № 3 (115). С. 12–30. [Frank S.K. Vzryv kak metafora kul'turnogo semiozisa / per. Bandurovskij K. // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. № 3 (115). S. 12–30.]
- Чередниченко И.В. Структурно-семиотический метод Тартуской школы. СПб.: Золотой век, 2001. 200 с. [Cherednichenko I.V. Strukturno-semioticheskij metod Tartuskoj shkoly. SPb.: Zolotoj vek, 2001. 200 s.]
- Шестопал Е.Б. Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегия развития страны // Полис. 2014. № 2. С. 61–71. [Shestopal E.B. Cennostnye harakteristiki rossijskogo politicheskogo processa i strategija razvitija strany // Polis. 2014. № 2. S. 61–71.]
- Andrews E. Conversations with Lotman: Cultural Semiotics in Language, Literature, and Cognition. Toronto: University of Toronto Press, 2003. 204 p.
- Balkin J.M. Cultural software: A theory of ideology. New Haven: Yale Univ. Press, 1998. 335 p.
- Feldman S. Values, Ideology, and Structure of Political Attitudes // Oxford Handbook of Political Psychology. 2003. P. 477–508.
- Freeden M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Clarendon Press, 1996. 592 p.
- Geertz C. Ideology as a Cultural System // Ideology and Discontent / ed. D. Apter. N.Y.: Free Press, 1964. P. 47–76.
- Waldstein M. The Soviet Empire of Signs: A history of the Tartu School of Semiotics. Saarbrücken: VDM Muller, 2008. 219 p.

Демин Илья Вячеславович, доктор философских наук, доцент, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет), профессор кафедры философии; ilyadem83@yandex.ru

Ideology as a Language and Meta-language. The Significance of Lotman's Semiotics of Culture for the Modern Theory of Ideologies

The article analyzes the possibilities of applying the methodology of Lotman's semiotics of culture in the context of the study of the language of ideology. Lotman's theory of culture is an opportunity to describe both semiotic unity and the ideological diversity of the world of politics. The article distinguishes between the linguistic and meta-language levels of ideology functioning. The terms "ideological paradigm", "background ideology" are used to describe the meta-language level. Ideology at the meta-language level strives to coincide with political language, ideology pretends to be the neutral language of social science.

Keywords: *ideology, theory of ideologies, semiotics, Lotman's semiotics of culture, semiotics of ideology, political language, meta-language.*

Ilya Demin, Dr. Sc. (Philosophy), Samara University, Professor of the Department of Philosophy; ilyadem83@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И КОГНИТИВИСТИКА НОВЕЙШИЕ ТРЕНДЫ И ТРАДИЦИОННЫЕ ПАРАДОКСЫ

В статье дается краткий обзор нескольких исследовательских проектов, осуществляемых в рамках нового интердисциплинарного пространства – когнитивных наук, в их взаимодействии с различными гуманитарными дисциплинами: египтология, медиевистика, антропология, лингвистика и др. Анализируются некоторые методологические проблемы и концептуальные прорывы именно таких «граничных» исследований. Прослеживаются закономерности, характерные для междисциплинарных исследований не только в пределах гуманитарных дисциплин, но и на «границах» между гуманитаристикой и «естественными науками». Подчеркивается продуктивность «взаимных интервенций» когнитивистики и гуманитаристики, которая способствует преодолению «атомизма» как внутри наук гуманитарного цикла, так и на «фронтах» между ними и естественно-научными дисциплинами.

Ключевые слова: междисциплинарные исследования, когнитивистика, медиевистика, египтология, антропология, лингвистика, методология

Специфика и сложность современной исторической науки во многом обусловлены интенсификацией ее междисциплинарности – и в количественном, и в качественном отношении¹.

Упомянутая сложность объясняется не только тем, что за последние два десятилетия число междисциплинарных исследований выросло едва ли не экспоненциально. Сегодня, как мы отмечали ранее (в других работах), историки работают в бурно развивающейся научной среде, где заново формируются и разрастаются объемные кластеры научных областей, закладываются основы новых исторических «междисциплинарных дисциплин». Мы попытались очертить своеобразные «пограничные зоны», «методологические фронтиры». Ведь теоретизирование историка в наши дни уже не может ограничиваться собственно междисциплинарной методологией внутри наук привычно понимаемого гуманитарного цикла. Мы вынуждены иметь дело с проблематикой столкновения и взаимопроникновения методик, которые лишь начинают складываться на границах более напряженных – на границах между гуманитаристикой и «естественными науками», что в англо-саксонской академической традиции принято описывать оппозицией humanities и STEM (Science, Technologies, Engineering, Mathematics)².

В этом свете представляется актуальным рассмотреть несколько «кейсов», связанных с набирающим обороты (и потому порождающим неизбежные методологические проблемы) новым направлением междисциплинарных исследований – «когнитивистским поворотом» в изучении истории. О его новизне свидетельствует такой примечательный факт, как отсутствие упоминаний о нем в новейшем терминологическом

¹ Репина 2011: 25-60.

² Софронова, Хазина 2021.

словаре «Теория и методология исторической науки», целью которого было «подвести промежуточный итог развития исторической науки на рубеже XX–XXI вв., ее теоретическим достижениям, как предметного, так и методологического характера»³. Однако начало диалога между когнитивными науками и историей представляется закономерным ввиду общности их объекта исследования – человека как существа социального, культурного, исторического. Как справедливо отмечают авторы первой отечественной монографии по исторической когнитивистике, опубликованной в 2020 г., «если психологов и представителей нейронаук интересует вопрос, как познание связано с физическим мозгом, то историков – то, как оно связано с культурно-историческим и социальным мозгом: историческим сознанием, исторической памятью, способами восприятия и репрезентации событий, тем, как мыслит историк, когда он познает историю. Самостоятельно ответить на этот вопрос историк не может, так как для этого ему нужно понимать, как устроены человеческое сознание и память вообще, каковы механизмы мышления и процедуры размышления, каково влияние на процесс познания языка и культуры и т.д.»⁴. С другой стороны, ученому-когнитивисту при изучении процесса познания необходимо учитывать не только физическую среду, но и социально-культурный контекст.

«Когнитивистский поворот» истории, приобретающий форму «академической моды», демонстрирует наиболее очевидную концентрацию трансграничных методологических проблем. Историки-практики и теоретики-методологи подчеркивают, что «диапазон проблем, с которыми сегодня пытаются работать когнитивные историки, обширен. В рамках этого научного проекта отчетливо выделяются когнитивная история науки, культурная эпидемиология, нейроархеология и история материальной культуры, когнитивная история религий, история эмоций и аффектов, когнитивные исследования исторической памяти и др.»⁵ Разнообразие когнитивных инструментов, устройств и средств памяти образуют настолько «пеструю коллекцию, что она уже не может служить основой для сколько-нибудь значительного теоретизирования»⁶.

Попытаемся на примере локальных конкретно-исторических междисциплинарных исследований хотя бы отчасти прояснить эту «пеструю коллекцию», выявить наиболее показательные и типологически значимые проблемы и парадоксы, возникающие в тех трансграничных зонах, где сталкиваются и взаимно дополняют друг друга методики humanities и STEM. Мы уже обращали внимание на некоторые методологические проблемы и концептуальные прорывы таких – «граничных» – исследований. Напомним лишь два наиболее репрезентативных (и методологически разнополярных) примера.

³ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь 2016: 11.

⁴ Когнитивные науки и историческое познание 2020: 5.

⁵ Воробьева 2020: 6.

⁶ Воробьева 2020: 87; Adams 2001: 63.

Так, мы анализировали фундаментальную работу Брюса Кэмпбелла «Великий переход: климат, болезнь и общество в позднем Средневековье», которая была опубликована в Кембридже в 2016 г. и стала заметной вехой в развитии «истории окружающей среды» или «экологической истории». Книга обобщает множество новейших исторических, палео-экологических и биологических свидетельств, включая оценки национального дохода, реконструкцию климатических условий прошлого, а также генетический анализ ДНК, извлеченной из зубов жертв чумы – все это позволяет Кэмпбеллу по-новому взглянуть на формирование, упадок и трансформацию экономики Западной Европы позднего Средневековья. В нашем случае особенно показательно, что Кэмпбелл в качестве теоретической основы своего исследования предлагает «Шестикомпонентную Модель динамики социально-экологических систем», отображаемую в виде диаграммы⁷. Ключевыми компонентами модели, встроенными один в другой, являются: Климат, Экосистемы, Общество, Биология, Люди, Микробы. Иными словами, привычные гуманитарные данные встраиваются в некую Над-Систему, сформированную данными точных наук – данными, которые доступны замерам и статистической обработке, отражающим хронлогическую динамику⁸.

Более локальный (не менее показательный, но содержательно противоположный) пример – один из кейсов новейшей египтологии – открытие т.н. «царского зоопарка». Новые раскопки на элитном кладбище НК6 в Иераконполисе выявили два обширных деревянных комплекса погребальных сооружений, относящихся к началу периода Нагада II. Археологи предположили, что сложные социальные и религиозные практики существовали уже в то время. Сложность данного кейса состояла в том, что в научный оборот были введены новые факты и материальные находки, относящиеся к дописьменной эпохе становления древнеегипетской цивилизации. Классификация и интерпретация подобных находок вызывали и вызывают серьезные проблемы. Лишенные письменных свидетельств и подкреплений, эти находки нуждались в системных описаниях, которые, как представляется, невозможны без достижений современных междисциплинарных исследований. При этом именно египтология, по свидетельству наиболее авторитетных ее представителей, оказалась методологически «закапсулированной», так что фундаментальные концепции современного гуманитарного знания (в т.ч. сравнительной лингвистики рубежа XX–XXI вв.) оказались чужды ей. Перед нами – противонаправленный методологический вектор: обилие эмпирического материала и артефактов требует встраивания в более общую семиотическую Над-Систему, которая могла бы предоставить систематическое и непротиворечивое описание мифологической и языковой эволюции одной из древнейших цивилизаций⁹.

⁷ Campbell 2016: 397.

⁸ Софронова, Хазина 2020: 425.

⁹ Хазина, Кислицин 2020: 12.

Когнитивистика и медиевистика. Локальное и универсальное

Выход в свет в 2020 г. книги «Когнитивные науки и Медиевистика»¹⁰ под редакцией Джулианы Дресвин и Виктории Блад можно считать наиболее ярким примером взаимных трансграничных интервенций между науками гуманитарного и естественного циклов – что тем более любопытно, поскольку речь идет о широком поле современных исследований по истории Средних веков. Забегая вперед, заметим, что, несмотря на апелляцию авторов к новейшим достижениям «когнитивистики» (включая разработки нейрокомпьютерных интерфейсов (ВМІ – brain-machine interface), сборник во многом остается «собранием пестрых глав» и содержит прежние, традиционные методологические парадоксы, характерные для 1950–1960-х гг., когда взаимное проникновение точных и гуманитарных наук только начиналось и сопровождалось известными эйфоричными ожиданиями. Что отнюдь не умаляет высокого уровня представленных в книге статей, множества интереснейших находок и перспективных методологических наблюдений.

Книга, безусловно, ожидает своего русского перевода, поскольку в ней предпринимается весьма нетривиальная попытка исследования того, что мы могли бы назвать принципами функционирования разума или сознания в различных социумах средневековой Европы. При этом в редакционной статье когнитивные науки определяются как «междисциплинарная область изучения и понимания разума»¹¹.

Очевидно, что данное, чересчур широкое понятие, оказывается еще более расширенным, будучи приложено к исследованию столь длительного исторического периода. Очевидно также, что разнообразие и разнородность исследований в медиевистике в принципе затрудняет применение конкретных идей из сферы когнитивных наук на основе единой методологии. Авторы и редакторы-составители надеются преодолеть традиционное разделение между естественными и гуманитарными науками (STEM и humanities), в частности, позиционируя философию и нейробиологию как исторически логичную и продуктивную «взаимную дополнительность». К чести авторов статей, многие из них признают и осознают опасность прямолинейного применения биологических и нейрофизиологических фактов, обнаруженных с помощью современных технологий, для объяснения тех или иных социально-исторических явлений. В частности, серьезной критике подвергается т.н. «нейромания» – стремление, опираясь на современные данные исследований и картирования человеческого мозга, объяснять все виды ментальных проявлений и психических переживаний, доступных нам из исторических источников. Сама структура сборника также является отражением определенных методологических затруднений и даже «апорий» (если вспомнить внутреннюю форму этого понятия древне-

¹⁰ Cognitive Sciences and Medieval Studies 2020.

¹¹ Ibid.: 3.

греческой философии – буквально «безвыходность», «безысходность», «нечто непроходимое», неразрешимое)¹².

Теоретическим проблемам, связанным с применением когнитивистики в медиевистике, посвящен первый раздел «Вопросы метода» (I), включающий 3 статьи¹³. Основной же корпус статей сборника образуют три раздела Case Studies:

II. Case Studies: Истории нейронауки, психологии и ментальных заболеваний (не «история», но именно так – во множественном числе, «истории» (histories), что в ином контексте, с некоторыми оговорками, вероятно, можно было бы отнести к фрагментарной историографии.

III. Case Studies: Прочтение текстов и сознаний («разумов»).

IV. Case Studies: Анализ искусства и артефактов.

Сборник завершает послесловие Джона Онианса «Средневековый мозг и современная нейронаука», отчасти полемическое по отношению к некоторым скептическим оценкам авторов первого методологического раздела. В нем подчеркивается позитивная роль непрекращающейся дискуссии, которая неизбежно возникает как результат взаимной интервенции «нейронауки» и гуманитарных исследований, когда речь заходит об изучении и понимании средневекового сознания¹⁴.

Книга очерчивает весьма широкий и впечатляющий круг тем, намечающих новые перспективы не только в отношении конкретных областей медиевистики, но и применяемых при исследовании методологий. В целом сборник успешно справляется с задачей: в качестве некоей совокупности, он делает психические состояния прошлого более осязаемыми, конкретными и количественно замеряемыми, хотя иногда и рискует впасть в «нейроманию» вследствие некритичного применения методов когнитивной науки к «средневековому мозгу». При этом нельзя не согласиться с осторожным целеполаганием, кратко сформулированным Джулианой Дресвина: «мы, скорее, сосредотачиваемся на зондировании, нежели на построении доказательств»¹⁵.

Нам же, в контексте взаимных интервенций «нейронаук» и гуманитарных исследований, которые мы пытаемся отразить, представляется крайне любопытным и репрезентативным материал из теоретического раздела сборника: статья Ральфа Уилбера Худа, младшего: «Не состоявшийся разговор: средневековый мистицизм и тезис об “общем ядре”»¹⁶. Данная статья весьма показательна именно как «методологический кейс». Интересен выбор объекта исследования: средневековый мистицизм как особый тип «состояния сознания». При этом автор теоретически опирается не столько на достижения новейшей когнитивистики, сколько на расширенное понимание и применение метафоры

¹² Ахутин 2007: 727.

¹³ Cognitive Sciences...: 21-80.

¹⁴ Ibid: 240-241.

¹⁵ Ibid: 135.

¹⁶ Hood 2020: 39-54.

«общего ядра» (Common Core) из хрестоматийной работы американского психолога и философа Уильяма Джеймса «Многообразие религиозного опыта» 1902 г.¹⁷ Худ развивает феноменологические идеи Джеймса и демонстрирует их эволюцию и коррекцию в результате новых открытий когнитивистики. Мистический опыт признается высшим, «финальным», вневещественным состоянием сознания – тотальным переживанием «единства всего со всем». Эти «пиковые переживания» идентифицируются в рамках большинства известных духовных традиций, независимо от того, являются ли они эксплицитно религиозными или нет. Независимо от противоречащих друг другу конфессиональных и религиозно-этических доктрин, мистические переживания содержат «общее ядро» с характерным, но не общепринятым набором признаков (например, его краткосрочность, ноетичность, невыразимость, тотальное воздействие на психосоматику и т.д.). На рубеже XX–XXI вв. «общее ядро» было операционализировано, и был предложен разветвленный психометрический инструментарий, позволяющий эмпирически оценивать манифестации «общего ядра» мистицизма в лабораторных и полевых социологических условиях. Именно такое сочленение психометрических подходов с работами У. Джеймса сегодня принято называть «тезисом об общем ядре». Этот тезис ограничен именно мистическим опытом и предполагает, что таковой опыт стремится выразить себя в различных верованиях и духовных традициях, как религиозных, так и нерелигиозных. Однако, этот опыт не сводится и не обуславливается исключительно культурой или языком, с помощью которых он интерпретируется.

Р.У. Худ полагает, в частности, что наши нынешние представления о средневековом христианстве и мистицизме значительно обогатятся, если будет сформировано интердисциплинарное исследовательское поле, где точные и гуманитарные науки будут вступать в диалог друг с другом, причем это движение непременно должно быть взаимно заинтересованным и двусторонним¹⁸. Перед нами – любопытная траектория формирования междисциплинарности на фронтире меж гуманитарными и точными науками: от феноменологической метафоры – к эмпирическим, замеряемым психометрическим данным, к их статистической обработке, а затем – вновь к «ноетическим» метафорам, сформированным уже внутри гуманитаристики, на границах психологии и феноменологии. Некий внутренний парадокс содержится здесь и в том, что в данном исследовательском поле встречаются как бы две полярные ипостаси сознания: предельные мистические переживания и строгая рациональ-

¹⁷ Джеймс, 1993. Строго говоря, книга представляет собой авторский цикл лекций, читанных Джеймсом в университете Эдинбурга в 1901–1902 гг. Оригинальное название первого издания «The Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature, Being the Gifford Lectures on Natural Religion Delivered at Edinburgh in 1901–1902». Вскоре после публикации книга вошла в западный канон работ по психологии и философии и многократно переиздавалась.

¹⁸ Hood 2020: 49-54.

ность при интерпретации лабораторной психометрии. Это показательно еще и в том отношении, что У. Джеймс считается создателем первой психологической и парапсихологической лаборатории в США в 1875 г. (American Society for Psychical Research)¹⁹, а Ральф Уилбер Худ, мл., профессор религиоведения в Университете Теннесси в Чаттануге, и сегодня является активным организатором и научным руководителем множества междисциплинарных межрелигиозных исследований, постоянно ведущихся как в США, так и в других странах. Любопытно, что Р.У. Худ завершает свою статью яркой и провокативной цитатой Себастьяна Фёрёша (Sebastjan Vörös), профессора Люблянского университета, давно занимающегося проблемами исследования различных форм мистицизма с помощью когнитивистского инструментария: «Не следует ли считать величайшим даром, который мистицизм мог бы преподнести когнитивистике, то, что он мог бы избавить ее от тех метафизических измерений, которые неотступно парят над ней, словно призраки, - и тем самым демистифицировать самое эту науку?»²⁰.

Когнитивистика и гуманитарные знания традиционные апории и теоретические перспективы

Кратко рассмотрим еще два примера, ярко иллюстрирующих это «возвратно-поступательное» движение между гуманитарными и естественно-научными подходами (на наш взгляд, эта метафора, заимствованная из русского лексикона механики, вполне адекватно передает английский гуманитарный термин *reciprocity*). Примечательно, что, хотя речь и идет об иных научных областях (нейрофизиологии и антропологии в их связи с лингвистикой), данные «кейсы» представляются типологически тождественными. Но, что еще более важно, хронологически они относятся ко второй половине XX века – тому времени, когда когнитивистика и «нейронаука» только зарождались.

Известно, что в 1963 г. Роман Якобсон на симпозиуме «Нарушения речи» в Лондоне, предложил свою лингвистическую интерпретацию и обновлённую классификацию 6 типов афазий (речевых нарушений), ранее предложенных выдающимся советским психологом и нейрофизиологом Александром Лурия. Нейропсихологическая классификация афазий была разработана А. Лурия и его сотрудниками в годы Великой Отечественной войны в нейрохирургическом эвакогоспитале в Челябинской области по итогам их работы и реабилитационной практики раненых с травмами головы. Концепция Лурия во многом развивала идеи Л.С. Выготского (в научный круг которого Лурия входил) и впервые была целостно сформулирована в публикациях 1947–1948 гг.²¹

Типология афазий на основе лингвосемиотической теории и анализа детской речи разрабатывалась Романом Якобсоном автономно еще в начале 1940-х гг., впервые была опубликована на немецком в 1942 г.,

¹⁹ Taylor 2009: 30.

²⁰ Hood 2020: 53.

²¹ Лурия 1947, 1948.

а затем развита и дополнена в совместной книге Р. Якобсона и М. Халле на английском языке в 1956 г.²² Таким образом, полтора десятилетия спустя, в 1963 г., эмпирические и статистические данные группы А. Лурия в сфере нейрофизиологии получили свое концептуальное и теоретическое оформление благодаря «гуманитарной интервенции», осуществленной со стороны лингвистики Р. Якобсоном²³.

Шестичастная модель афазий Якобсона некоторое время оставалась наиболее полной. Но в 1970–1980-е гг. новые данные, получаемые нейрофизиологами и психiatрами, и новейшие достижения лингвистики, позволили скорректировать ее, а затем и значительно продвинуть совместную работу по приведению к общим моделям различных классификаций афазий, предлагаемых в разное время российскими и западными учеными. Взаимодействие идей Якобсона с эмпирическими материалами русской и западной нейролингвистики прошло, как минимум, три этапа и оказалось весьма плодотворным в изучении языкового, речевого, а отчасти и антропологического развития, – о чем не устают вспоминать специалисты соответствующих областей и на рубеже XX–XXI вв. И это при том, что информационный обмен (даже текстуальный) между учеными был чрезвычайно затруднен, многие важнейшие работы западных исследователей оставались недоступными в СССР, будучи заточены в спецхранах²⁴. Да и многие фундаментальные работы Р. Якобсона впервые были опубликованы по-русски только в 1980–1990-е гг.²⁵

В интересующем нас контексте не менее показательный «кейс» представляет собой еще одна своеобразная «разведывательная вылазка» современной этнопсихологии в лингвистику – работа канадского ученого Ги Лану «Тотемизм как синтагматическая афазия: избирательная забывчивость как механизм сохранения метонимического дискурса о мифических предках», опубликованная на английском в уже упоминавшемся нами сборнике памяти Р. Якобсона в 1999 г.²⁶

Ги Лану, ныне декан факультета искусств и науки, руководитель отделения антропологии университета в Монреале, много лет занимался исследованием северо-американских индейских племен. В частности, он анализировал необычный феномен «внезапного возрождения» тотемических представлений в племени охотников Секани (этнолингвистическая группа в Северной Колумбии, Канада) в условиях этнологического кризиса – столкновения племени с «современной цивилиза-

²² Jakobson 1942; 1956.

²³ Детальное и последовательное изложение эволюции лингвистических моделей афазий Р. Якобсона, а также их развитие в результате взаимодействия с новейшими достижениями нейрофизиологии и афизиологии дано в статье Т. В. Ахутиной. См: Ахутина 1999: 920.

²⁴ А сам Лурье, в частности, не был выпущен из закрытой страны для участия в лондонском симпозиуме, хотя его неформальное научное общение с Якобсоном продолжалось несколько лет, во многом полулегально. См.: Ахутина 1999: 382–401.

²⁵ Якобсон 1990, 1996.

²⁶ Lanoue 1999.

цией» (сооружение торгового форпоста в 1870 г.). Лану предположил, что разработанные на тот момент антропологические модели (включая модели Радклиф-Брауна, Леви-Стросса, Нидэма и Тернера) не обладают универсальной объясняющей силой в отношении сложно устроенных систем родства и социальных структур Секани, характеризующихся пересечением родовых, клановых и фратриальных сетей. Для объяснения «казуса Секани» он предложил использовать лингвистическую модель Якобсона, описывающую два типа афазий и два противоположных механизма их возникновения и развития как следствие противоположных механизмов распада лингвистической памяти. Лану пишет:

«Формируя (логически или интуитивно) ответ на кризисные обстоятельства, касающиеся собственности и, следовательно, своей политической автономии, Секани избрали фиктивную память о своем происхождении и “забыли” свою прежнюю систему братства, обусловленную генеалогически [...] Поскольку инкорпоративные критерии [формирования групп и кланов] оказываются инвертированными [в условиях внешнего кризиса], «происхождение» («вертикальное» измерение») с необходимостью мифологизируется, с тем чтобы клановая (политическая) идентичность была отделена от внешних материальных обстоятельств, которые вызывают обрушение привычных инкорпоративных сетей. Таким образом, “горизонтальные” генеалогические воспоминания оборачиваются (в буквальном смысле) “вертикальными” тотемными воспоминаниями. Результатом данного процесса является своеобразно структурированная забывчивость: мифическое происхождение [статуирующее мифических предков] призвано обосновать, определить, отграничить заново сформированные клановые сети. В данном конкретном случае подобный механизм может быть назван, в терминах Якобсона, “афатичным”. Конкретные генеалогические воспоминания, воспринимаемые как “реальность”, когда-то [до упоминаемого кризиса] формировали историю [историю данного племени в более или менее современном понимании]. Это приводило к тому, что синтагматические связи (между клановым категориями) превалировали за счет подавления парадигматических связей, связывающих членов клана друг с другом и с их мифическими предками»²⁷.

Этно-исторический кризис (своего рода травма, нанесенная «корпоративному телу» племени), таким образом, инвертировал эту ситуацию по аналогии с языковым механизмом возникновения афазии. Канадский ученый наметил весьма впечатляющую исследовательскую траекторию: накапливающиеся эмпирические этнографические данные (в т.ч. благодаря их статистической обработке и сравнениям) могли бы, возможно, получить глубокое концептуальное осмысление в рамках новейших нейролингвистических моделей.

Эти (и множество других примеров) наглядно иллюстрируют отмеченный нами процесс: то, что метафорически было названо взаимными «разведывательными вылазками» между гуманитарными науками и когнитивистикой, начиналось еще в середине XX века. Здесь сформировалась специфическая пограничная зона, в которой шел (и продолжает идти) активный «возвратно-поступательный» методологический об-

²⁷ Ibid.: 594-595.

мен – причем не только на границах наук гуманитарного цикла, но и на «фронтах» между ними и естественнонаучными дисциплинами (между humanities и STEM).

Анализируя эти тенденции в более широком контексте, мы уже высказывали осторожное методологическое предположение. Вероятно, когнитивная история (подобно другим «пограничным» областям между гуманитаристикой и естественными науками) будет развиваться в русле описанного нами «возвратно-поступательного» движения: от метафор, выработанных гуманитарными концепциями и моделями – к обновляемым эмпирическим фактам – через новейшие методики нейронаук и обработки цифровых данных – к новым метафорам²⁸.

В завершение – два чрезвычайно показательных высказывания, принадлежащих профессиональным нейробиологам и нейрофизиологам, которые, с нашей точки зрения, носят концептуальный характер и (что не менее важно) охватывают целую научную эпоху: одно сформулировано на рубеже XX–XXI вв., второе сделано в конце 2021 года.

Первая мысль принадлежит выдающемуся представителю отечественной нейронауки, Н.П. Бехтеревой, академику РАН и РАМН, члену нескольких академий наук в Европе и США, руководителю Института Мозга человека с 1990 по 2008 год. В своей научно-популярной (но фактологически безупречной) книге, подводя итоги многолетнего научного пути института, Н.П. Бехтерева свидетельствует:

«Исследование мозговой организации различных видов психических деятельности и состояний привело, однако, с накоплением материала, к тому, что при успехах в почти каждой из отдельных работ... создалось впечатление о том, что физиологические корреляты самых разных видов психической активности могут быть обнаружены почти в каждой точке мозга. С другой стороны, как видно из приведенных выше данных наших наблюдений и новейших данных литературы, сложнейшие процессы высшей нервной деятельности “задействуют” большое количество областей мозга. При всем накопленном “многознании” о мозге человека “кризисный аспект” сегодняшней ситуации невольно напоминает давние споры, ставшие анахронизмом уже в середине XX столетия...»²⁹

Н.П. Бехтерева рассказывает о многочисленных и разнообразных ситуациях «метафизической озадаченности» и затруднённости, о теоретических «апориях», с которыми на протяжении многих лет сталкивалась она и ее коллеги³⁰.

Нашу гипотезу, как представляется, подтверждает еще одна знаменательная и совсем новая публикация: радикальный и пространственный теоретический меморандум трех авторитетных ученых, адресованный академическому сообществу нейробиологов и опубликованный в октябре 2021 г. в профессиональном журнале со знаковым названием: *Frontiers in Systems Neuroscience* – «Фронтиры в системах нейронаук».

²⁸ Софронова, Хазина 2021.

²⁹ Бехтерева 2009: 356-357. (Курсив наш – А.Х., Л.С.).

³⁰ См., напр., главы «Зазеркалье», «Магия творчества» и др. Там же: 207-250, 344-366.

Соавторы меморандума – Арон Барби, профессор психологии и биоинжиниринга Университета Иллинойса в Урбана-Шампейн; Ричард Паттерсон, почетный профессор философии в Университете Эмори; и Стивен Сломан, профессор когнитивных, лингвистических и психологических наук в Университете Брауна. Меморандум содержит обширную новейшую библиографию по экспериментальной и теоретической нейробиологии и носит одновременно провокативный и почти доктринальный заголовок «Cognitive Neuroscience Meets the Community of Knowledge», что, с учетом многозначности слов, можно перевести как «Когнитивные нейронауки на свидании (или – в точках соприкосновения) с “Сообществом Знания”»³¹. В кратком изложении мысль (и пафос) авторов меморандума заключается в следующем.

За последние 50 лет, несмотря на колоссальный массив накопленных эмпирических и экспериментальных данных, нейронауки не продвинулись вперед с точки зрения понимания человеческого мышления и сознания. Основная цель когнитивной нейробиологии – объяснить, как люди думают, вычленив представления и процессы, которые позволяют людям выносить суждения, рассуждать, запоминать и принимать решения³². Когнитивные нейробиологические теории, как правило, основывались на следующих базовых предположениях:

- (а) Знания представлены в мозгу.
- (б) Знание представлено индивидом.
- (в) Знания передаются между людьми.

Между тем, по мнению авторов, эти базовые предпосылки ошибочны, о чем свидетельствует непрерывно пополняющийся корпус доказательств. Необходимо осознание и признание того факта, что индивидуальным может быть только мозг, а разум – коллективный феномен.

Познание несводимо к данным нейробиологии. Оно распределено в физическом мире по многим умам (в т.ч. давно умерших людей) и бесчисленному множеству артефактов. Задача понимания сложных предметов, явлений и идей сводится к её передаче на «аутсорсинг» – использованию опыта других людей для принятия собственных решений.

Авторы вводят понятие «Сообществ Знаний», т.е. социально-организованных когнитивных сетей. Познание – это в значительной степени групповая, а не индивидуальная деятельность. В своих рассуждениях, представлениях и принятии решений люди зависят от других. Когнитивная нейробиология, опираясь на свой привычный базовый инструментарий, не способна пролить свет на этот аспект когнитивной обработки. Различные инструменты исследований и «картирования» мозга были разработаны для отслеживания активности мозга индивида. Они практически бесполезны для фиксации динамики процессов, происходящих в социокогнитивных сетях³³.

³¹ Steven 2021.

³² Ibid: 1.

³³ Ibid: 7-9.

Задача нейронаук, по мысли авторов, состоит в том, чтоб научиться фиксировать появление и наличие знаний не в мозге отдельного человека, а в процессе аутсорсинга познания в «сообществах знания». Нейробиологам следует обратиться к междисциплинарному подходу – к наукам, значительно опередившим нейробиологию в понимании процессов в сообществах знаний, – таким, как социальная эпистемология, социально-философские аспекты представления знаний в языке и т.д.

«Более глубокое осознание того, как люди взаимодействуют, поможет выявить, каким образом нейронная обработка информации [в индивидуальном мозгу] вовлекает групповую динамику и соучастие [в процесс познания социальных групп]. Опираясь на это понимание, можно будет создать более реалистичную модель умственной деятельности, *которая признает индивидуальные ограничения*. Лучшее понимание того, что и как именно люди передают на аутсорсинг, поможет выявить реальную природу и пределы нейронного представления и пролить свет на то, как люди организуют информацию, раскрывая, как, по их мнению, она распределяется в сообществе и мире. А более глубокое понимание возникающей природы знания в обществе поможет нам осознать пределы когнитивной нейробиологии, поскольку изучение одного только мозга не может выявить репрезентации, ответственные за действия, в которых участвует сообщество. Таким образом, мы присоединяемся к призыву о том, что должна последовать *новая эра в когнитивной нейробиологии: она должна разработать объяснительные теории человеческого разума, признающие коллективную природу знания и необходимость оценки когнитивных и нейронных представлений на уровне сообщества*. Таким образом, объем эмпирических исследований и теоретических моделей в области когнитивной был бы значительно расширен, если бы нейробиология признала, сколь многое из того, что мы думаем, зависит от других людей»³⁴.

Это весьма поучительный, хотя и промежуточный этап описанной нами «возвратно-поступательной» траектории, по которой развивается рискованное, но чрезвычайно продуктивное взаимопроникновение гуманитарных и естественнонаучных методологий. Вдоль этой траектории, в «пограничных зонах» между humanities и STEM, как раз и возникают новые трансдисциплинарные исследовательские поля, именно здесь, вероятно, и можно ожидать как эмпирических, так и теоретических прорывов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб: Наука, 2007. 783 с. [Axutin A.V. Antichnye nachala filosofii. Spb: Nauka, 2007. 783 s.].
- Ахутина Т.В. Роман Якобсон и развитие русской нейролингвистики // Якобсон Р. Тексты, документы, исследования / Отв. ред. Х. Баран, С. Гиндин. М.: РГГУ, 1999. С. 382-383. [Axutina T.V. Roman Jakobson i razvitiye russkoj nejrolingvistiki // Jakobson R. Teksty, dokumenty, issledovaniya / Отв. ред. Х. Баран, С. Гиндин. М.: РГГУ, 1999. С. 382-383].
- Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. Доп. изд. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2009. 383 с. [Bextereva N.P. Magiya mozga i labirinty zhizni. Dop. izd. M.: AST; Spb.: Sova, 2009. 383 s.].
- Воробьева О.В. Введение // Когнитивные науки и историческое познание / под общ. ред. О.В. Воробьевой, Г.И. Зверевой. М.: Аквилон, 2020. С. 5-9. [Vorobevo O.V. Vvedenie // Kognitivnye nauki i istoricheskoe poznanie. / pod obshh. red. O.V. Vorobevo, G.I. Zverevoi. M.: Akvilon, 2020. С. 5-9].

³⁴ Ibid: 11. (Перевод и курсив наш – А.Х., Л.С.).

- Воробьева О.В., Николаи Ф.В. Когнитивный поворот в исторической науке: проблемы, подходы, перспективы // Когнитивные науки и историческое познание / под общ. ред. О.В. Воробьевой, Г.И. Зверевой. М.: Аквилон, 2020. С. 10-88 [Vorobeva O.V., F.N. Nikolai. Kognitivnyj povорот v istoricheskoi nauke: problemy, podhody, perspektivy // Kognitivnye nauki i istoricheskoe poznanie / pod obshh. red. O.V. Vorobevoi, G.I. Zverevoi. M.: Akvilon, 2020. S. 10-88].
- Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993. 432 с. [Dzhejms U. Mnogoobrazie religioznogo opyta. M.: Nauka, 1993. 432 s.].
- Когнитивные науки и историческое познание / под общ. ред. О.В. Воробьевой, Г.И. Зверевой. М.: Аквилон, 2020. 372 с. [Kognitivnye nauki i istoricheskoe poznanie. / pod obshh. red. O.V. Vorobevoi, G.I. Zverevoi. M.: Akvilon, 2020. 372 s.].
- Лурья А.Р. Травматическая афазия. Клиника, семиотика и восстановительная терапия М.: АМН СССР, 1947. 368 с. [Luriya A. R. Travmaticheskaya afaziya. Klinika, semiotika i vosstanovitel'naya terapiya M.: AMN SSSR, 1947. 368 s.].
- Лурья А.Р. Восстановление функций мозга после военной травмы. М.: АМН СССР, 1948. 236 с. [Luriya A.R. Vosstanovlenie funkcij mozga posle voennoj travmy. M.: AMN SSSR, 1948. 236 s.].
- Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с. [Repina L. P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: socialnye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug, 2011. 560 s.].
- Софронова Л., Хазина А.В. «Великий переход» Брюса Кэмпбелла: модель глобального средневековья // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 424-429. [Sofronova L., Hazina A.V. «Velikij perexod» Bryusa Ke mpbella: model' global'nogo srednevekov'ya // Dialog so vremenem. 2020. Vyp. 73. S. 424-429.].
- Софронова Л.В., Хазина А.В. Историческое познание и когнитивные науки: новое в отечественной историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 8 (106). DOI: 10.18254/S207987840016952-6. [Sofronova L.V., Hazina A.V. Istoricheskoe poznanie i kognitivny'e nauki: novoe v otechestvennoj istoriografii // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». 2021. T. 12. № 8 (106).].
- Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Втор. издание, испр. и доп. / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2016. 544 с. [Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar' / Vtor. izdanie, ispr. i dop. / Отв. red. A.O. Chubar'yan, L.P. Repina. M.: Akvilon, 2016. 544 s.].
- Хазина А.В., Кислицын Д.Ф. Методологические перемены египтологии: казус "элитного зоопарка" // Современная научная мысль. 2020. № 6. С. 7-12. [Hazina A.V., Kislitsyn D.F. Metodologicheskie pereput'ya egiptologii: kazus "e'litnogo zooparka" // Sovremennaya nauchnaya my'sl'. 2020. № 6. S. 7-12].
- Якобсон Р.О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 110-132. [Yakobson R.O. Dva aspekta yazy'ka i dva tipa afaticheskix narushenij // Teoriya metafory / Obshh. red. N.D. Arutyunovoj i M.A. Zhurinskoj. M.: Progress, 1990. S. 110-132].
- Якобсон Р.О. К лингвистической классификации афатических нарушений // Якобсон Р. Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996. С. 53-72. [Yakobson R.O. K lingvisticheskoy klassifikacii afaticheskix narushenij // Yakobson R. Yazy'k i bessoznatel'noe. M.: Gnozis, 1996. S. 53-72].
- Adams F. The Bounds of Cognition // Philosophical Psychology. 2001. Vol. 14. P. 43–64.
- Campbell V. M. S. The great transition: climate, disease and society in the late-medieval world. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 463 p.
- Cognitive Sciences and Medieval Studies / ed. by J. Dresvina, V. Blud. Cardiff: Univ. of Wales Press - Gwasg Prifysgol Cymru, 2020. 336 p.
- Hood R. Jr. An Unrealized Conversation: Medieval Mysticism and the Common Core Thesis // Cognitive Sciences and Medieval Studies / ed. by J. Dresvina, V. Blud. Cardiff: University of Wales Press - Gwasg Prifysgol Cymru, 2020. P. 39-54.
- Jakobson R.O. Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1942. 152 p.
- Jakobson R.O., Halle M. Two Aspects of Language and Two Types of Aphasic Disturbances // Fundamentals of Language. Hauge: Mouton & Co., 1956. 106 p.

Lanoue G. Totemism as Syntagmatic Aphasia: Invoking selective forgetfulness to preserve a metonymic discourse of mythical 'descent' // Якобсон Р. Тексты, документы, исследования / Отв. ред. Х. Баран, С. Гиндин. М.: РГГУ, 1999. С. 584-598. [Yakobson R. Teksty, dokumenty, issledovaniya / Отв. red. X. Baran, S. Gindin. M.: RGGU, 1999. S. 584-598].

Steven A.S., Richard P., Barbey K.F. Cognitive Neuroscience Meets the Community of Knowledge // *Frontiers in Systems Neuroscience*. [2021. V. 15. DOI: 10.3389/fnsys.2021.675127

Taylor E. The Mystery of Personality: A History of Psychodynamic Theories. Springer, 2009. 405 p.

Хазина Анна Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий, кафедра всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина; Annh1@yandex.ru

Софронова Лидия Владимировна, доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина; Lidiasof@yandex.ru

The historical researches and cognitivistics

The latest trends and traditional paradoxes

The article provides a brief overview of several modern research projects carried out within the framework of the new interdisciplinary field - cognitive sciences in their interaction with various humanitarian disciplines: Egyptology, medieval studies, anthropology, linguistics, etc. Some methodological problems and conceptual breakthroughs of such "frontier" studies are analyzed. The authors try to emphasize some features of interdisciplinary research not only within the humanitarian disciplines, but also on the "boundaries" between the humanities and STEM (Science, Technologies, Engineering, Mathematics). Despite of some discrepancy of such interdisciplinary researches, they also show a great productivity of "mutual interventions" between the cognitive science and humanities, a kind of reciprocity, which contributes to overcoming "atomism" both within the humanities and on the "frontiers" between humanities and STEM.

Keywords: Interdisciplinary research, cognitive science, medieval studies, Egyptology, anthropology, linguistics, methodology

Anna Khazina, PhD in history, Head of the Department of General History and Classical Disciplines and Law; Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; Annh1@yandex.ru

Lydia Sofronova, Doctor of History, Professor of the Department of General History and Classical Disciplines and Law; Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; Lidiasof@yandex.ru

А.В. ЛОГИНОВ, М.А. ЩЕКОЧИХИНА

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В XVI–XVIII ВВ.¹

В статье рассматривается возникновение метода критики источников в Раннее Новое время. Поскольку возникновение критики грамот было вызвано необходимостью определять юридическую подлинность документов, она испытала сильнейшее влияние права. Делается вывод о влиянии норм *Corpus Iuris Civilis* на дискуссии об определении подлинности документов в трактатах юристов и учёных-эрудитов, занимавшихся определением подлинности грамот как исторических источников.

Ключевые слова: *Дипломатика, палеография, вспомогательные исторические дисциплины, Жан Мабильон, Corpus Iuris Civilis, критика источников*

Возникновение вспомогательных исторических дисциплин традиционно связывают с трактатом Жана Мабильона² «Дипломатика»³, который является первым в истории науки столь объёмным трактатом, специально посвящённым проблемам определения подлинности и датировки грамот. Однако метод решения этих проблем и сама их постановка у Мабильона неотделимы, во-первых, от контекста предшествующих «Дипломатике» всплеск полемики о подлинности грамот и, во-вторых, от конкретных обстоятельств, при которых необходимость определения подлинности старинных документов была как никогда острой. Мы рассмотрим влияние права на осмысление проблем определения подлинности и датировки грамот у Мабильона, а также проследим влияние римского права на его метод.

Вопрос о влиянии на Мабильона предшествующей традиции изучения письменных памятников практически не исследован. Задача определить подлинность тех или иных памятников (прежде всего тех, которые имели юридическое или политическое значение) вставала в разные эпохи, но ни в Средние века, ни даже в эпоху Возрождения, метод датирования и локализации документов сформулирован не был.

Вопрос о подлинности в Средние века сводился к тому, соответствует ли тот или иной текст религиозным представлениям, а критика, основанная на данных текста или внешних чертах памятника, носила спорадический характер⁴. Итальянские гуманисты значительно продви-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Юриспруденция и возникновение вспомогательных исторических дисциплин в XVI–XVIII вв.» (20-111-50447).

² Мы транслитерируем фамилию *Mabillon* в соответствии с традицией (впрочем, о нём мало писали на русском языке): Добиаш-Рождественская 1936; Косминский 1963.

³ Mabillon 1681. Далее цитируется по переизданию 1709 года.

⁴ Lasch 1955; Fuhrman 1963: 544; Foerster 1981: 307; Bresslau 1889: 16.

нулись в филологической критике текста, но, в отличие от учёных XVII века, они не ставили перед собой задачу описать эволюцию письменных памятников, опираясь на формальные критерии, что сделал Мабильон⁵.

Исторический контекст появления «Дипломатики» во многих исследованиях игнорируется. При этом на вопрос, почему именно Мабильон и именно в это время сформулировал правила различения подделок и подлинников, а также способы датировать и локализовать документы, даётся крайне сомнительный, на наш взгляд, ответ: «Дипломатику» называют закономерным этапом внутреннего развития последовательного и длившегося на протяжении эпох изучения старинных памятников, накопления эмпирического материала и его описания⁶.

Возможный способ иначе взглянуть на эволюцию изучения письменных источников⁷ – рассмотреть появление вспомогательных исторических дисциплин во взаимосвязи с развитием публичного права и возрастаянием значения письменных документов в Раннее Новое время.

Работ, в которых появление вспомогательных исторических дисциплин рассматривалось бы в подобном ключе, всё ещё крайне мало. Поэтому особую ценность имеет статья Р.К. Хеда, в которой рассматривается связь между трудами Ж. Мабильона и развитием архивного права в XVII – начале XVIII в. Хед показал влияние юриспруденции на исторические труды в Германии этого периода и отметил влияние юридического подхода на «Дипломатику», проявившееся особенно отчётливо в полемике Мабильона с аббатом Жермоном⁸. Хед противопоставляет подход Мабильона, основанный на филологической критике памятников, и юридический подход германских историков, которые придавали большое значение юридической категории *fides publica* (юридической достоверности) и потому считали подлинными все документы, хранившиеся в публичном архиве. Однако такое противопоставление излишне, поскольку в труде Мабильона обнаруживается гораздо большее влияние дискуссий XVI–XVII вв. относительно подлинности документов.

Влияние юридического подхода на становление вспомогательных исторических дисциплин настолько мало интересует исследователей, что М. Дорна в монографии о Мабильоне игнорирует влияние юриспруденции там, где оно, казалось бы, бросается в глаза, объясняя использование довольно строго дифференцированных названий грамот в «Дипломатике» «ростом исторического сознания» и «прогрессом в познании истории и институций предшествующих эпох»⁹. На наш взгляд, напро-

⁵ О филологической критике гуманистов и их понимании истории см. Олейников 2018.

⁶ Например, М. Дорна в своей монографии, посвящённой Мабильону, и М. Дюхейн в статье о развитии архива рассматривают появление метода Мабильона как результат последовательного развития критики текста (от Средневековья к Ренессансу и далее XVII в.). Dorna 2019: 36-37; 101. Примерно та же идея: Duchéin 1992: 70.

⁷ В качестве примера методологии изучения истории науки, который нам кажется продуктивным, см.: Гессен 1934.

⁸ Head 2013: 923-927.

⁹ Dorna 2019: 99.

тив, именно юридическая необходимость в определении подлинности во многом создала условия прогресса исторического знания. Дорна отмечает, что в XVII–XIX вв. грамоты, ранее интересные прежде всего с точки зрения юридической подлинности, стали восприниматься как исторические источники¹⁰. Мы же постараемся показать, что непосредственное влияние на развитие метода историка оказал юридический подход.

Мы обратимся к трём различным текстам и проследим их связи. Во-первых, нас будут интересовать «Новеллы» Юстиниана. Во-вторых, труд германского учёного А. Фрича (1629–1701), служившего канцлером Швацбург-Рудольштадта, которого интересовал вопрос о том, какие грамоты могут служить в качестве доказательства в суде¹¹. В-третьих, рассмотрим, как некоторые правовые категории и юридический подход к определению подлинности отразились в «Дипломатике» Мабильона.

Теоретическое осмысление архивов в Раннее Новое время было сконцентрировано вокруг ряда категорий «Новелл»: *fides*, *probatio per archivum* и *ius archivi*. Приведем определение каждого из этих понятий.

1. *Fides* как категория римского права имеет долгую историю¹². М. Бартошек определил *fides* следующим образом: «собственная честность и доверие к чужой честности». Для нас важно, что «*fides* имеет также значение подлинности, достоверности, особенно документов [*fides instrumentorum*] или свидетельства [*fides testimonii*]. *Fides publica* – официальная достоверность»¹³.

2. *Probatio* – «одобрение, доказательство, аргумент»¹⁴. Бартошек отмечал относительно позднеантичного когнитивного процесса, что «полная доказательная сила, *fides publica* – была признана за официальными документами (*instrumenta publica*, а также *publice confecta*, засвидетельствованные нотариусом)»¹⁵.

3. *Ius archivi* – архивное право. У этого понятия могут быть два основных значения, которые не являются взаимоисключающими. Во-первых, *ius archivi* можно понимать как право организовывать архив, а во-вторых, как способ доказательства подлинности грамоты через апелляцию к её месту хранения – публичному архиву¹⁶. Обе эти трактовки восходят к «Новеллам» Юстиниана: в XV¹⁷ новелле закрепляется право администраций организовывать архивы, в XLIX новелле говорится о способе определения подлинности документов¹⁸. Значение этих категорий для мысли Раннего Нового времени¹⁹ заметно в труде Агасфера

¹⁰ Dorna 2019: 101-102.

¹¹ Об этом см.: Friedrich 2013: 92.

¹² Otto 1909: 2281-2286; Дождев 1996: 16, 235, 260-261; Valsan 2017: 48-85.

¹³ Бартошек 1989: 130-131. См. также Valsan 2017.

¹⁴ Дыдынский 1896.

¹⁵ Бартошек 1989: 260.

¹⁶ Spangenberg 1819: 87-88.

¹⁷ Schoell, Kroll 1895: 109-115.

¹⁸ Nov. XLIX. Cap. II. (Schoell, Kroll 1895: 291).

¹⁹ О значении римского права см. Stein 2018.

Фрича, который разрабатывал теорию архива в полном соответствии с «Новеллами»²⁰. Согласно Фричу, достоверность документов (точнее, публичная достоверность – *publica fides*) гарантировалась публичным характером архива, а публичность архива, в свою очередь, обеспечена тем, что архив охраняется архивариусом, назначаемым вышестоящей властной инстанцией, и тем, что специальный чиновник должен удостоверить подлинность документов. Публичный архив состоит из подлинных документов, которые должны иметь силу доказательств («*quod etiam archivo sit data per consuetudinem potestas fidei et probationis*»)²¹.

Именно то значение, которое приобрело понятие публичной достоверности в Раннее Новое время, создало предпосылки для написания «Дипломатики» Мабильона и, следовательно, для появления метода вспомогательных исторических дисциплин. Монастырь Сен-Дени, где монашествовал Мабильон, имел обширнейший архив средневековых грамот и собрание реликвий, связанных с королевской властью, в нём была усыпальница французских королей. Аббатство Сен-Дени имело для монархии важное политическое значение²².

Отметим, что в научной литературе традиционно акцентируются именно юридические предпосылки написания «Дипломатики». Якобы именно то, что Даниэль Папebroх поставил под сомнение подлинность значительной части средневековых грамот, хранившихся в Сен-Дени²³ и имевших юридическую силу вплоть до Французской революции, побудило Мабильона защитить их подлинность²⁴. Но, на наш взгляд, такая трактовка не отражает реальный контекст написания «Дипломатики». Сам Папebroх, выражая сомнение в подлинности меровингских грамот, не ставил под сомнение их юридическую силу, отметив, что «неподлинные» грамоты могли быть изготовлены взамен реально существовавших, но по каким-то обстоятельствам утраченных: «Я видел грамоты о дарении, написанные по всем правилам, которые упрекают в неточностях исторических и хронологических. Но, если говорить о законности,

²⁰ Первое издание «*Tractatus de Jure Archivi et Cancellariae*» Фрича вышло в 1664 г., но мы пользуемся его переизданием в компендиуме Якоба Венкера (Wencker 1715: 12-61). Утверждение о том, что письменные документы должны считаться весомым доказательством в суде, можно найти не только у Фрича (Wencker 1715: 12-61), но и у И. Шильтера (Wencker 1715: 51), причём последний считал письменные свидетельства даже более весомым доказательством, чем показания свидетелей (Ibid.).

²¹ Wencker 1715: 39-40. Рутгер Руланд присовокуплял к этому перечню ещё и требование о том, чтобы в архиве хранился оригинал грамоты (Ibidem).

²² Старостин 2017: 361.

²³ «Во всей Франции не найдётся действительного и подлинного документа до времени правления Дагобера Первого; очень редки грамоты в эпоху его царствования и после, вплоть до второй династии которые можно считать оригиналами, либо же скопированными с оригинала. Следует быть осторожным со старинными грамотами, которые тем меньше заслуживают доверия, чем больше их древность» Papebrochius 1675: 1. Перевод здесь и далее наш.

²⁴ См., напр.: Добинаш-Рождественская 1936: 90-105; Berthrand 2007; Bischoff 1986: 17; Bresslau 1889: 22-27; Cencetti 1954: 7-8; Traube 1909: 13-30; Giry 1892: 236-237; Foerster 1981: 10-11; Kölzer 2010: 407. и др.

то они скорее действительны и легитимны. Однако это не подлинники Пипина, но замена оригиналов, которые были утрачены или испорчены...»²⁵. Как видно из этой цитаты, Папebroх разграничивал подлинность в юридическом смысле и подлинность исторического источника. Такое разграничение было совершенно неприемлемо для Мабильона. Об этом он высказывался в изданном позднее «Приложении» к «Дипломатике» в ходе полемики с аббатом Жермоном.

Согласно аббату Жермону, для доказательства подлинности грамоты необходимо, чтобы сам архив, в котором она хранится, обладал бы всеми признаками публичного, и чтобы грамоты, в нем хранящиеся, тщательно отделялись бы от подделок²⁶. Жермон проявил в своей интерпретации идеи публичного архива догматизм, приведший его к тотальному скепсису относительно возможности ясно судить о подлинности или поддельности старинных грамот. Полемизируя с аббатом Жермоном, Мабильон отметил, что те, кто стремится приуменьшить значение старинных грамот, идут против публичного и частного права²⁷. Помимо этого юридического аргумента Мабильон настаивает на том, что количество подделок, хранящихся в средневековых монашеских архивах, не стоит преувеличивать. В «Дипломатике» много аргументов приводится против утверждения о том, что средневековые монахи систематически занимались изготовлением подделок²⁸.

Итак, для Мабильона подлинность имела значение далеко не только с точки зрения надёжности грамоты как исторического источника, но и в юридическом смысле, что видно, как из его полемики с Жермоном, так и по тому, что эрудиты-маврсты часто выступали для короля в роли экспертов по вопросам подлинности значимых документов²⁹.

Выступая в защиту достоверности хранимых в аббатстве Сен-Дени документов, Мабильон настаивал, что, помимо апелляции к месту хранения, существуют и другие способы доказательства подлинности. Главным достижением Мабильона было формулирование принципов датирования, локализации и определения подлинности грамоты с учётом всех её признаков³⁰. Если рассмотреть любую главу «Дипломатики», то становится ясно, что Ж. Мабильон стремился сформулировать совокупность признаков, характерных для памятников определённой эпохи и канцелярии. Сам он так излагал свой принцип: «Не исключительно по письму и не по одной какой-либо черте, но по всем сразу следует судить о старинных грамотах»³¹. В «Приложении» Мабильон специально под-

²⁵ Papebrochius 1675: 16.

²⁶ Head 2013: 226-227.

²⁷ Mabillon 1704: 1.

²⁸ Mabillon 1709: 22-23, 226-227.

²⁹ См., например, Fage 1899.

³⁰ Подробнее об этом принципе у предшественников Мабильона см.: Щекочихина 2019.

³¹ «Non ex sola scriptura, neque ex uno solo characterismo, sed ex omnibus simul de vestis chartis pronuntiantum» (Mabillon 1709: 241).

чёркивает, что определить подлинность возможно только сопоставив определённую грамоту с подлинными и оригинальными грамотами³².

Опровержение идеи Папebroxa о поддельности большинства мерovingских документов Мабильон основывает на доказательстве того, что грамота аббатству св. Максима, опираясь на которую Папebrox делает выводы о чертах подобных ей подлинных грамот, в действительности сама является подделкой³³. Точнее, Мабильон говорит, что грамота аббатству св. Максима имеет слишком много несоответствий чертам подлинных грамот эпохи, чтобы брать её за образец. Он отмечает в ней нехарактерные формулы³⁴, нехарактерное повествование³⁵, стиль и проч.³⁶

Принцип дипломатики и палеографии, согласно которому определение подлинности состоит в сопоставлении спорного документа с близкими ему, подлинность которых не вызывает сомнений, восходит к «Новеллам» Юстиниана. Юстиниан формулирует правила для установления подлинности грамоты, используемой в качестве свидетельства в суде. Во-первых, документы, с которыми проводится сравнение, сами должны быть официальными («ἐξ ἰδιοχειρῶν μηδεμίαν γίνεσθαι σύγκρισιν, ἀλλ' ἐκ μόνων τῶν ἀγοραίων» – «сравнение с документами, составленными частным образом, не проводить, но только с официальными»). Во-вторых, эти документы должны происходить из публичного архива и их подлинность должна быть подтверждена:

«Εἰ δὲ καὶ ἐκ δημοσίων ἀρχείων προκομισθεῖη χάρις, οἷον ἀλόδειξις τῆς τραπέζης τῶν ἐνδοξοτάτων ἐπαρχῶν (ἴσμεν γὰρ δὴ καὶ τοῦτο ζητηθέν), καὶ τὸ ἐκ τῶν δημοσίων προκομιζόμενον καὶ δημοσίαν ἔχον μαρτυρίαν καὶ τοῦτο δεκτὸν εἶναι πρὸς τὰς συγκρίσεις τίθεμεν» – «Если документ предоставлен из публичного архива, например, выписка из канцелярии почтенных префектов (мы знаем, что об этом спрашивают), и из публично заверенных, и имел силу публичного свидетельства, мы постановляем, что такой [документ] должен быть принят для сравнения» (Nov. XLIX. Cap. II)³⁷.

³² «Enimvero qua ratione, quoque argumento cujusvis archetypi veritas et *authenticitas* demonstrari possit? Ex ejus comparatione, inquires, cum genuino et indubitato authentico». Mabillon 1704: 3.

³³ Папebrox, формулируя свои правила различения подлинников от подделок, исходил из потребности подтвердить поддельность грамоты из Эрана и тем самым подтвердить открытия его предшественника по изданию житий – Готфрида Хеншена. Открытие, сделанное Хеншеном в ходе работы над февральским томом «Acta Sanctorum», заключалось в том, что франкских королей с именем Дагоберт было трое, а не двое, как считали до него. В грамоте из Эрана, поддельность которой доказывал Папebrox, упоминалась св. Ирмина. Если допустить, что грамота – подлинник, то св. Ирмину следовало бы считать дочерью Дагоберта I (а не Дагоберта II, как предполагал считая Папebrox), что поставило бы под сомнение выводы Хеншена относительно хронологии. Поэтому первая часть предисловия Папebroxa к апрельскому тому «Acta Sanctorum» посвящена доказательству поддельности грамоты из Эрана.

³⁴ Mabillon 1709: 68-80.

³⁵ Ibid.: 316.

³⁶ Ibid.: 216-221. Выводы Мабильона в целом соответствуют представлениям современной науки (Kölzer 2001: 122, 163).

³⁷ Schoell Kroll (eds) 1895: 291-292.

В средневековой латинской версии «Новелл» Юстиниана «Authenticum»³⁸ сказано более определённо: «...hoc susceptibile esse ad collationes manuum» – «он подходит для сличения почерков». Таким образом, метод Жана Мабильона состоял в углублении и уточнении принципов определения подлинности, сформулированных Юстинианом.

Подводя итоги, отметим, что европейские юристы Раннего Нового времени сконцентрировали внимание на таких понятиях, как *fides instrumentorum* (достоверность документов), *ius archivi* (архивное право), *fides publica* (официальная достоверность). Авторы трактатов о различении подлинных и поддельных документов соотносили свои построения со спектром этих проблем, что можно заметить при изучении труда Мабильона «Дипломатика». Если принимать во внимание проблемы, занимавшие юристов Раннего времени, то можно иначе взглянуть на полемические места этого трактата. Так, опровержение Мабильоном высказываний относительно того, что монахи занимались подделкой документов, могло быть вызвано концепцией доказательства подлинности через апелляцию к авторитету хранилища в «*Corpus Iuris Civilis*» и у юристов Раннего Нового времени. В «Приложении» к «Дипломатике» Мабильон изложил своё понимание подлинности письменных памятников, подчёркивая, что не следует проводить различие между юридической силой и подлинностью в историческом смысле. Для «Дипломатики» в вопросах определения подлинности основополагающим оказался принцип последовательного сравнения спорной грамоты с несомненно подлинными того же времени и того же происхождения. Этот принцип является продолжением способов определения подлинности у Юстиниана. Заслуга Мабильона состоит в том, что он на материале мервингских грамот показал, как последовательно применять этот принцип, определяя, соответствует ли спорная грамота заранее определённым чертам подлинных. Таким образом, юридическая концепция подлинности оказала влияние на методы критики письменных памятников.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения. М.: Юрид. лит. 1989-1990. 329 с. [Bartoshek M. Rimskoe pravo. Ponyatiya, terminy, opredeleniya. M.: YUrid. lit. 1989-1990.3 T. 329 s.].
- ГессенБ.М. Социально-экономические корни механики Ньютона. Л.: ОНТИ, 1934. 78 с. [GessenB.M. Social'no-ekonomicheskie korni mekhaniki N'yutona. L.: ONTI, 1934. 78 s.]
- Добиаш-Рождественская О.А. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. Л.: АН СССР, 1936. 227 с. [Dobiash-Rozhdestvenskaya O.A. Istoriya pis'ma v srednie veka. Rukovodstvo k izucheniyu latinskoj paleografii. L.: AN SSSR, 1936. 227 s.]
- Дыдынский Ф.М. Латинско-русский словарь к источникам римского права. Варшава, 1896. [Dydynskij F.M. Latinsko-russkij slovar' k istochnikam rimskogo prava. Varshava, 1896].
- Косминский Е.А. Историография средних веков. V – середина XIX века. Лекции. М.: Изд-во Московского университета, 1963. 430 с. [Kosminskij E.A. Istoriografiya srednih vekov. V – sredina XIX veka. Lekcii. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1963. 430 s.]
- Олейников А. А. Анахронизм и границы истории // ШАГИ / Steps. 2018. № 4 (3). С. 9-25. [Olejnikov A. A. Anahronizm i granicy istorii // SHAGI / Steps. 2018. № 4 (3). S. 9-25.]

³⁸ О происхождении «Authenticum»: Stein 2018: 44.

- Старостин Д.Н. От Поздней Античности к Раннему Средневековью. Нестор-История : Москва-Санкт-Петербург, 2017. 488 с. [Starostin D. N. Ot Pozdnej Antichnosti k Rannemu Srednevekov'yu. Nestor-Istoriya : Moskva-Sankt-Peterburg, 2017. 488 s.].
- Щекочихина М.А. Polemika s Germanom Konringom v «Dипломатике» Жана Мабильона // *Litera*. 2019, No 6. С. 242-249. [Shchekochikhina M.A. Polemika s Germanom Konringom v "Diplomatike" Jana Mabiliona // *Litera*. 2019, No 6. S. 242-249.].
- Achery L. Mabillon J. Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti per saeculorum classes distributa (6 t. in 9 vol). Vol. 1-9. Parisii: Apud Ludovicum Billaine, 1668-1702.
- Armogathe J.-R. Bossuet et l'érudition protestante de son temps // *Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme Français*. 2007. №153. P. 263-272.
- Berthrand P. Du «De re Diplomatica» au nouveau traité de diplomatique: réception des textes fondamentaux d'une discipline // *Dom Jean Mabillon – figure majeure de l'Europe des lettres*. Paris: Académie des inscriptions et Belles-lettres. Ed. par Leclant J., Vauchez A., Hurel O.-D. 2007. P. 605-619.
- Bischoff B. Paläographie des römischen Altertums und des abendländischen Mittelalters. Berlin: Erich Schmidt, 1986. 376 S.
- Bollandus J., Heschenius G. Acta sanctorum quotquot toto orbe coluntur, vel a catholicis scriptoribus celebrantur, quae ex latinis et graecis, aliarumque gentium antiquis monumentis Januarii tomus primus Antverpiae: Apud Michaelem Cnobarum, 1643.
- Bonifatius B. De archivis liber singularis. Venetiis: apud Petrum Penellum, 1632
- Bourdieu P. Christin O., Will P.-E. Sur la science de l'État In: *Actes de la recherche des sciences sociales*. Vol. 133, 2000. Science de l'État. P. 3-11.
- Bresslau H. Bresslau H. Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipzig: Verlag von Veit & Komp, 1889 1 Band. 607 S.
- Cencetti G. Lineamenti di storia della scrittura latina. Bologna: Casa editrice prof. Riccardo Patron, 1954. 522 p.
- Conring H. Censura diplomatis quod Ludovico imperatori fert acceptum coenobium lindaviense, qua simul res Imperii et Regni Francorum Ecclesiae ac Civiles, seculi cum primis Carolovingici, illustantur. Helmstadii: ex officina Henrici Mulleri, 1672. 389 p.
- Dorna M. Mabillon und andere. Die Anfänge der Diplomatik. Aus dem Polnischen übersetzt von Martin Faber. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. 387 S.
- Delehaye H. L'oeuvre des bollandistes à travers trois siècles. Bruxelles: Bureau de la société des bollandistes, 1920. 286 p.
- Dorna M. Mabillon und andere. Die Anfänge der Diplomatik. Aus dem Polnischen übersetzt von Martin Faber. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. 289 p.
- Duchemin M. L'histoire des archives européens et l'évolution du métier d'archiviste en Europe. In: *La Gazette des archives*, 1992 P. 70 PP. 67-80.
- Fage E. Etienne Baluze, sa vie, ses ouvrages, son exil, sa défense. Tulle: Impimerie administrative et commerciale, 1899. 168 p.
- Friedrich M. Geburt des Archivs: eine Wissenschaftsichte. Oldenburg Wissenschaftsverlag, 2013. 340 S.
- Foerster H. Abriss der lateinischen Paläographie. Anton Hiersemann Stuttgart, 1981. 322 S.
- Foerster H. Beispiele mittelalterliche Urkundenkritik. *Archivalische Zeitschrift*, 1955, vol.50-51. S. 301-318.
- Fuhrman H. Die Fälschungen im Mittelalter: Überlegungen zum mittelalterlichen Wahrheitsbegriff // *Historische Zeitschrift*. 1963. №197. S. 529-554.
- Giry A. Études de critique historique de la diplomatique // *Revue Historique*. 1892. № 48. P. 225-256.
- Guyotjeannin O., Pycke J., Tock B.-M. Diplomatique médiévale. Paris: Brepols, 1993. 449 p.
- Head R. C. Documents, archives and proof around 1700 // *The Historical Journal*. Vol. 56, 2013. P. 909-930.
- Kölzer Th. Diplomatics // *Handbook of Medieval Studies*. Berlin; N.Y.: De Gruyeter, 2010. P. 405-423.
- Lasch B. Das Erwachen und die Entwicklung der historischen Kritik im Mittelalter (von VII-XII Jahrhundert). Breslau: Verlag von Wilhelm Koebner, 1887; Foerster H. Beispiele mittelalterliche Urkundenkritik // *Archivalische Zeitschrift*. 1955. №50-51. S. 301-318.
- Mabillon J. De re diplomatica libri VI, In quibus quidquid ad veterum instrumentorum antiquitatem, materiam, scripturam et stilum; quidquid ad sigilla, monogrammata, subscriptions ac notas chronologicas; quidquid inde ad antiquariam, historicam,

- forensemque disciplinam pertinet, explicatur et illustratur. Accedunt commentarius de antiquis regum francorum palatii: veterum scripturarum varia specimina, tabulis LX comprehensa; nova ducentorum et amplius, monumentorum collectio. Opera et studio Domni Johannes Mabillon. Paris: Ludovicus Billain 1681. 610 p.
- Mabillon J. De re diplomatica libri vi... editio secunda ab ipso auctore recognita, emendata et aucta, Lutetia-Parisiorum, sumtibus Caroli Robustel, via Jacobea, adsigne arboris Palmae, MDCCIX. 649 p.
- Mabillon J. Librorum de re diplomatica supplementum, in quo archetypha in his libris pro regulis proposita, ipsaeque regule denuo confirmantur, novisque specimenibus et argumentis asseruntur et illustrantur. Opera et studio Domni Johannes Mabillon, presbyteri ac monachi Ordinis S. Benedicti e Congregatione S. Mauri, Luteciae-Parisiorum, sumtibus Caroli Robustel, via Jacobea, adsigne arboris Palmae, MDCCIV. 116 p.
- Papebrochius D. Propylaeum antiquarium, circa veri ac falsi discrimen in vetustis monumentis. De veterum foundationum, donationum, privilegiorum instrumentis discernendis // Acta sanctorum aprilis, tomus II. Apud Michaellem Cnobarum: Antverpiae, 1675. P. 2-32. De veterum foundationum, donationum, privilegiorum instrumentis discernendis // Papebrochius D. Acta sanctorum aprilis. P. 2-32.
- Ruland R. De commissariis et commissionibus camerae imperialis. Pars II: sex species commissionum. Ex officina Ioan. Sauri, 1604. 237 p.
- Rule J. C. Totter B. S. A world of paper: Louis XIV, Colbert, de Torcy and the rise of the information state. Montreal & Kingston: University Press, 2014. 829 p.
- Schoell R. Kroll G. (eds) Corpus Iuris Civilis. Volumen Tertium. Novellae. Berolini: Apud Weidmannos, 1895. 673 p.
- Spangenberg D. Über die Beweiskraft archivalischer Urkunden // Archiv für die civilistische Praxis, 2. Bd. № 1 (1819), S. 87-111.
- Traube L. Vorlesungen und Abhandlungen. Zur Paläographie und Handschriftenkunde. München: C.H. Beckische Verlagsbuchhandlung, 1909. I Band. 903 S.
- Valsan R. Fides, bona fides, and bonus vir: Relations of Trust and Confidence in Roman Antiquity // Journal of Law Religion and State. 2017. Volume 5: Issue 1. P. 48-85.
- Wencker J. Apparatus et instructus archivorum ex usu nostri temporis. Apud Dulsseckerum. 1713. 471 S.
- Wencker J. (ed.) Collecta archivi et cancellariae jura, quibus accedunt de archicancellariis, cancellariis ac secretariis. Argentorati: Sumptibus Jo. Reinoldi Dulsseckeri, 1715. 795 p.

Логинов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), alonginus@yandex.ru

Щекоцихина Мария Андреевна, кандидат филологических наук, сотрудник, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), fuscaprificus@gmail.com

Jurisprudence and the Emergence of the Auxiliary Sciences of History in the 16th-18th Centuries

The article focuses on the emergence of the method of historical criticism in the Early Modern Age. Since the emergence of criticism was caused by the need to determine authenticity of documents, it experienced the strongest influence of law. The article concludes about the influence of the Corpus Iuris Civilis norms on the discussions regarding the determination of the authenticity of documents in the treatises of lawyers and scholars, who were specifically engaged in determining the authenticity of letters as historical sources.

Keywords: *Diplomatics, paleography, auxiliary historical disciplines, Jean Mabillon, Corpus Iuris Civilis, hisitorial criticism.*

Loginov Alexandr, PhD, Associate Professor, Kutafin Moscow State Law University, alonginus@yandex.ru

Shchekochikhina Maria, PhD, Kutafin Moscow State Law University, fuscaprificus@gmail.com

Т.Б. СОРОКИНА

СВОБОДОМЫСЛИЕ XVII ВЕКА: ФИЛОСОФИЯ ЭДВАРДА ГЕРБЕРТА

В работе характеризуются взгляды Эдварда Герберта – английского философа, политика и общественного деятеля первой половины XVII в. Автор анализирует основные положения философской системы Э. Герберта, отмечая логическую связь между теорией познания и философией религии. Показано, что гносеологический объективизм Герберта явился основанием для его деистических идей, главной из которых стала идея «естественной религии». Автор считает заслугой Герберта попытку обосновать объективные основы и критерии познания, соединить его когнитивные и ценностные начала, подчеркнуть системное взаимодействие всех элементов.

Ключевые слова: теория познания, истина, деизм, Англия, Эдвард Герберт

Семнадцатый век ознаменовался решительными переменами буржуазно во всех сферах жизни общества. Некоторые историки называют это время «растерявшейся эпохой»: религиозные войны, Нидерландская и Английская революции, стали для современников серьёзным испытанием. С другой стороны, это был век научной революции, совершившей перелом в человеческом сознании. Процесс секуляризации сознания, начавшийся в эпоху Возрождения, достиг в XVII в. расцвета.

В это время было сформулировано и закреплено новое деистическое мировоззрение, от которого всего лишь шаг оставался до материализма и антиклерикализма французов-энциклопедистов. Деизм обосновал так называемую светскую религиозность, освобождающую человека от посредничества церкви во взаимоотношениях с Богом и ограничивающую функции религии моралью. Деистические тенденции не утратили своих позиций и в современном мире. В этой связи актуальным направлением исследований является изучение исторических причин и условий появления деизма в истории мировой интеллектуальной культуры и анализ его базовых положений. И хотя по истории деизма написано достаточно много, до сих пор не существует полного и ясного представления о содержательном наполнении самого термина «деизм», его идейных предпосылках, об истории его формирования и развития.

Исследователи по-прежнему расходятся во взглядах на роль Герберта Чербери в истории деизма. Философские труды Герберта неизменно вызвали критику с самых разных сторон и порождали острые дискуссии. Не утихали споры о его религиозном учении и в прошлом столетии (особенно усилившиеся после переводов на английский язык «De Veritate»¹ и «De Religione Laici»²). Марио Росси в своём объёмном труде «Жизнь, творчество и время Эдварда Герберта из Чербери», отмечая широту эрудиции Герберта, усомнился в оригинальности его

¹ Herbert 1937.

² Hutcheson 1944.

идей, обвинив автора в непоследовательности, неточности, бессистемности³. Через 20 лет новое полномасштабное исследование творчества Герберта осуществил Р. Бедфорд, детально изучив контекст, в котором Герберт создавал свои труды, он предложил новый взгляд на философию Герберта, объявив его либеральным протестантом⁴. Ю. Хилл определил философию Герберта как авангардный манифест деизма, указав, что все гносеологические и психологические идеи использовались Гербертом только как оружие для защиты деистического учения⁵.

Критика религиозного учения Герберта остаётся магистральным направлением и в современных исследованиях. Дэвид Пайлин снова обострил дискуссию, поставив под сомнение деистический характер философии Герберта⁶. В отечественной философской литературе Герберт долгое время был практически исключён из общего историко-философского процесса, о нём написано немного⁷, в основном в контексте философии религии. Между тем Герберт создал оригинальную теорию познания, которая стала методологической базой для его религиозной философии и предвосхитила более поздние гносеологические учения, но осталась недооценённой в истории философской мысли. Важно подчеркнуть системное строение философии Герберта: все элементы тесно взаимодействуют и подчиняются общей идеи.

Целью данной статьи является рассмотрение философии Герберта в единстве всех её составляющих, включая теорию познания и философию религии. Научная новизна исследования определяется попыткой изменить ставший традиционным подход к рассмотрению взглядов Герберта, сделав акцент на его гносеологической теории как системообразующем элементе философской системы.

Деизм был одновременно причиной и симптомом той эпохи, в которой он появился. Многочисленные религиозные конфликты подталкивали мыслящее общество к поискам идей, способных примирить существующие противоречия. В «бесформенном и чудовищном хаосе верований» важно было устранить антагонизмы, которые «отвлекали умы учёных и совесть неучёных»⁸. Географические открытия расширяли горизонты для европейцев и приносили новые знания о других народах. Появлялись идеи создания универсальных учений, способных достичь единства при разнообразии культур. С другой стороны, мыслящее общество ставило вопрос о природе познания, его границах и потенциале. Велись мучительные поиски критериев истинного знания, очищенного от мифов и предрассудков, которое поможет создать стройную систему мира, примирить идейных противников.

³ Rossi 1947.

⁴ Bedford 1979.

⁵ Hill 1987: 28.

⁶ Palin 2000.

⁷ Мееровский 1971; Абрамов 2000; Шохин 2010; Поляков 2020.

⁸ Herbert 1937: 75.

Эдвард Герберт (1583–1648), которого потомки окрестили отцом английского деизма, был одним из тех, кто пытался создать собственную теорию познания, продолжением которой стало учение об истинной религии. В своих работах он никогда не использовал слова «деизм» и «деист», однако его идеи стали популярны среди деистов конца XVII – начала XVIII в. и заложили фундамент философии деизма. Слово «деист» было придумано в 1564 г. кальвинистским богословом Пьером Вире, который называл деистами тех, кто исповедует веру в Бога как Творца неба и земли, но отвергает Иисуса Христа и его доктрину. Отношение к ним он определил чётко: «эти монстры» жили и делали вид, будто они христиане⁹. В XVII в. появились более четкие представления о деистической философии, в которых подчеркивались такие элементы их учения, как возможность познать таинства религии с помощью одного только разума, независимость от религиозной принадлежности, философские основания их учения и отрицание Провидения¹⁰.

Деизм в Англии имел характер интеллектуального движения, тогда как континентальный деизм отличался большей практической направленностью. Надо отметить, что деизм никогда не был единым движением в идейном и в организационном отношении. Эдвард Герберт был в значительной степени одинокой фигурой в своих философских воззрениях. Современные исследователи не имеют единого мнения о том, кто именно и как повлиял на идеи английского мыслителя и его представления о философии и религии¹¹.

Жизнь Эдварда Герберта была наполнена событиями. Будучи хорошо образованным человеком с прекрасным положением в свете, Герберт довольно долго вёл жизнь странствующего по Европе авантюриста. Затем он стал заметным политическим и общественным деятелем не только в масштабах своей страны, но и всей Европы. Значительную часть своей жизни он посвятил государственной службе. Начав при дворе Елизаветы, он продолжал служить все 22 года правления Якова I и закончил свою службу во времена революционных событий при Карле I. Кульминацией политической деятельности стало его назначение послом во Францию. Его карьеру можно назвать успешной, учитывая, что Герберт был награждён званием сначала ирландского, а затем английского пэра и титулом барона Чербери.

Опытный придворный, дипломат, философ, историк, поэт, солдат, Эдвард Герберт отличался разнообразными талантами, сочетание которых было редким даже для XVII века. Богатый практический опыт политика и дипломата, активный и наблюдательный ум сыграли важную роль в формировании оригинальных философских идей Герберта¹².

⁹ Вакер 2007: 16; Шохин 2010: 328; Поляков 2019: 123.

¹⁰ Поляков 2019: 131.

¹¹ См.: Поляков 2020: 116-117.

¹² См.: Сорокина 2014.

Философия Эдварда Герберта представлена рядом работ, написанных им в разное время. Первой стала книга «De Veritate» («Об истине»), которая впоследствии принесла ему самую большую известность. «De Veritate» впервые была опубликована в Париже в 1624 г. на латинском языке. В учении о познании работа Герберта стала важной предшественницей всех самых известных трудов философов Нового времени. Она на тринадцать лет опередила «Рассуждение о методе» Декарта, на шестьдесят шесть лет – «Опыт о человеческом разумении» Д. Локка и на сто пятьдесят лет – «Критику чистого разума» И. Канта. Как отмечают исследователи, вопросами методологии познания Герберт занимался более глубоко, чем даже его знаменитый современник и соотечественник Ф. Бэкон. В целом, гербертовская теория познания имеет рационалистический характер. Приоткрывая одну из тайн природы человека, Герберт поставил вопрос о возможности объективного знания на основе человеческих способностей, вопрос, который сохраняет свою актуальность в наше время.

«De Religione Laici» («Религия мирян») была написана Гербертом в период между 1639 и 1642 гг. и опубликована в качестве приложения к очередному изданию «De Veritate» в 1645 г.¹³ Книга привлекла более широкую читательскую аудиторию. Работа была написана на латыни, но стиль был менее тяжеловесным, чем в первой книге, а содержание более понятным. Юджин Хилл утверждает, что в этой работе Герберт выступил пионером в своем взгляде на историю как заговор священников против мирян¹⁴. Герберт продолжал развивать свое учение об общих истинах, доведя его до практического вывода – о том, что каждый человек может судить об истинности или ложности любого религиозного учения через его проверку этими истинами¹⁵.

«De Religione Gentilium» («О религии язычников») была написана Гербертом не раньше 1642 г. и напечатана посмертно в 1663 г. в Амстердаме¹⁶. Работа была направлена на поиски общих понятий в языческих суевериях, чтобы доказать, что спасение может быть достигнуто всеми людьми вне зависимости от вероисповедания. Герберт, опровергая известный тезис о том, что языческие религии напоминают христианство только в той мере, в какой они заимствовали и испортили христианские идеи, доказывал, что их сходство является доказательством общности их природы. Гарольд Хатчесон отмечал, что, подчёркивая родство всех религий, включая христианство, Герберт выдвигает сравнительное религиоведение далеко за пределы семнадцатого века¹⁷.

Последняя большая работа, приписываемая Герберту «A Dialogue between a Tudor and a Pupil» («Диалог учителя и ученика»), впервые

¹³ Baker 2007: 54.

¹⁴ Hill 1987: 37.

¹⁵ Шохин 2010: 336.

¹⁶ Baker 2007: 54.

¹⁷ Hutcheson 1944: 44.

была опубликована только в 1768 г. До сих пор ведутся споры об авторстве этой работы. Некоторые исследователи считают, что она принадлежит Карлу Блаунту – единственному самопровозглашённому ученику Герберта¹⁸. Исследователи отмечают, что на протяжении жизни голос Герберта менялся: молодой идеалист, который писал в 1624 г., уступил место тому, кто в 1648 г. был сильно разочарован¹⁹.

Эдвард Герберт свою главную философскую работу «De Veritate» («Об истине») написал, как он отмечал, не с целью создать новое религиозное или философское учение. Его главная задача – определить объективные всеобщие критерии познания, которые смогут отбросить субъективизм и релятивизм, найти объективную точку опоры в хаосе разнонаправленных учений.

Философская система, созданная Гербертом, состоит из двух основных частей – теории познания и философии религии. Сам Герберт предпочитал называть первую часть своей философии теорией истины, в рамках которой он «исследовал, прояснял и защищал» истину, чтобы «примирить природу или общее Провидение с индивидуальным провидением»²⁰ и дать каждому возможность получить доступ к истине.

Все нормальные люди, по мнению Герберта, способны познать истину. Однако для реализации этой возможности необходимо создать учение, определяющее законы и правила достижения истины. Все предшествующие учения или игнорировали данную проблему или были «поработаны» ложными взглядами. Герберт, доказывая своё право быть создателем такого учения, заверил читателей в своей абсолютной беспристрастности и бескорыстности²¹.

Герберт утверждал, что существует объективная истина, что она неизменна и универсальна, и вполне доступна человеческому разумению. Сетую, на отсутствие предшественников в изучении природы истины, он сформулировал семь отправных положений: 1. Истина существует. 2. Она вечна. 3. Она вездесуща. 4. Она раскрывает себя через явления. 5. Существует множество истин, как и различий вещей. 6. Установление различий находится в компетенции наших духовных способностей. 7. Существует истина всех истин. Всякую истину, по Герберту, можно разложить на четыре составляющих: истину вещей, истину представления, истину содержания, истину интеллекта²².

Человеческая природа подготовлена к восприимчивости истины. Герберт высказывает необычную для своего времени идею о многообразии природных человеческих инстинктов или способностей, которые соответствуют бесконечному множеству вещей. Всё это многообразие он сводит к четырем основным способностям, которые согласуются с че-

¹⁸ Baker 2007: 61.

¹⁹ Ibid.: 54.

²⁰ Herbert 1937: 75.

²¹ Ibid.: 73.

²² Ibid.: 83-89.

тырьмя видами истины. Это, во-первых, естественный инстинкт, доминирующий над другими способностями; внешнее чувство; внутреннее чувство, регулируемое совестью и волей; и, наконец, разум (дискурсивное мышление) подчиняющийся законам аристотелевской логики. Всё то, что невозможно познать с помощью данных способностей, не может быть истинным, считал Герберт²³.

Эти, дарованные Богом, способности, при надлежащем старании, могут снабжать человека непогрешимыми принципами — общими понятиями. Иначе говоря, в основании всех наших способностей, согласно Герберту, лежат некие «общие понятия», которые не только не выводимы из опыта, но, напротив, составляют необходимое условие его возможности²⁴. Признаки общих понятий превращают их в основные инструменты познания. Это то, что Герберт называет понятиями первого порядка. Они первичны, независимы, универсальны, неоспоримы, необходимы и обеспечивают непосредственное понимание. Именно они отражают «вечную мудрость Вселенной»²⁵. Общие понятия присущи всем без исключений, это врождённые инструменты познавательной деятельности, имеющие божественную природу, назначение которых — направлять, организовывать и контролировать способности. Опираясь на общие понятия, разум создаёт новое знание. Однако, уточняет Герберт, общие понятия не всегда ясно различаются, они могут быть скрытыми, спутанными, но всегда они «были отпечатаны на душе каждого нормального человека во все времена»²⁶. Примером общих понятий является религия. Так как в истории человечества не было эпох и народов, которые бы обходились без религии, Герберт предложил на основе сравнения выделить то, что признаётся в религии всеми. Этот чистый субстрат и является религиозной истиной²⁷.

Таким образом, учение Герберта об истине имеет не только теоретическую, но и практическую значимость, главные его составляющие — мораль и религия. Герберт пытался найти «истинную религию», очистить её от лжи и домыслов, чтобы помочь людям примирить их религиозные противоречия. Для этого необходимо было вывести универсальную формулу, к которой можно было бы свести все самые важные религиозные положения. В отличие от большинства действий Герберт не просто критиковал существующую систему, а предлагал решение проблемы: необходимо установить основные принципы религии с помощью универсальной мудрости, создать тот фундамент, на котором будут покоиться все подлинные предписания веры, направленные против вековых обманов и басней²⁸.

²³ Ibid.: 115.

²⁴ Ibid.: 137-138.

²⁵ Ibid.: 139-141.

²⁶ Ibid.: 79.

²⁷ Ibid.: 121.

²⁸ Ibid.: 290.

Истинная религия Герберта опирается на пять основных общих положений. Во-первых, существует высшее нематериальное существо, признаваемое всеми, и это Бог. Во-вторых, Бога следует почитать. Поклонение Богу, не важно, мысленное или обрядовое, и есть религия. Людей, отрицающих религию, не существует. Их появление такое же отклонение от нормы, как и безумие. В-третьих, лучшим проявлением богопочитания являются праведная жизнь и добрые дела. В-четвёртых, человеку от рождения присуще отвращение к злу. Однако, если он совершает неблагоприятный поступок, то он убежден, что его можно исправить покаянием. Бог простит искренне раскаявшегося в содеянном. Отрицать возможность прощения, значит, богохульствовать, ибо Бог лишается в этом случае благодати своей. В-пятых, наше существование не завершается земной жизнью, нас ожидает неизбежное воздаяние по делам нашим. В этом согласны не только все религии, но и убеждает голос индивидуальной совести и обыденный здравый смысл²⁹.

Это и есть знаменитые максимы деизма, которые, по Герберту, укоренены в сознании людей, Бог молча заявляет о себе этими общими понятиями. Каждая историческая религия является истинной настолько, насколько она соответствует пяти универсальным признакам.

Таким образом, по словам Питера Харрисона, Герберт создал «более светский взгляд на религию, который можно было бы применять более широко и охватывать нехристианские и христианские религии»³⁰.

В Англии XVII в. деисты определялись как те, кто отвергает религию откровения. В это время отказ от откровения был ключевым показателем деизма. Но Эдвард Герберт не отрицал откровения. Вместо этого он утверждал, что религия не должна зависеть от него. Герберт допускал, что многие религии появились в результате божественного откровения. И заявлял, что сам получил высшую божественную санкцию на издание своей главной работы «*De Veritate*»³¹. Но только сам получатель откровения может расценивать его как истинное, откровение через вторые руки – не более чем свидетельство, истинность которого никогда не будет доказана. Герберт не считал возможным создавать религию на основе сомнительных свидетельств. Поэтому истинная религия, по его мнению, должна иметь рациональное основание.

Историк Гарольд Хатчесон, пытаясь объяснить это несоответствие, предположил, что английский деизм может быть разделён на два периода. Первый период, к которому принадлежит деизм Герберта,

²⁹ Ibid.: 289-307.

³⁰ Harrison 1965: 64.

³¹ В автобиографии Герберт пишет о том, как сомневался в необходимости издания «*De Veritate*». Стоя перед открытым окном, он обратился к Богу с мольбой дать какой-нибудь знак, если он одобряет его решение. В тот же момент раздался громкий звук, «гром среди ясного неба», который дошёл до сердца. Это был божественный знак, означающий, что просьба принята и бог дал санкцию на издание книги. Herbert 1826: 304-306.

начался с Реформации и закончился Реставрацией, главной идеей этого периода для деистов была терпимость. Во второй период, начавшийся с Реставрации и продолжавшийся до XVIII в., ключевой характеристикой деизма стала борьба с ортодоксальным христианством³².

Изданная на латинском языке работа Герберта поначалу не получила широкой известности, так как свойственный автору стиль изложения был тяжеловесным и запутанным. Только после перевода на французский язык в 1639 г. читательская аудитория у книги заметно расширилась. Среди тех, кому Герберт подарил свою книгу с просьбой написать отзыв, был Пьер Гассенди, один из тех, кто серьезно способствовал освобождению философской мысли от уз средневековой схоластики и утверждению философского материализма и материалистического естествознания нового времени.

В 1634 г. Гассенди написал письмо Эдварду Герберту, в котором осуществил критический разбор «*De Veritate*». Письмо Гассенди – чрезвычайно важная работа для понимания теории познания Герберта, так как, с одной стороны, оно содержит элементы научной рецензии и представляет собой достаточно обстоятельный анализ основных положений труда Герберта, а с другой стороны, выявляет принципиальные разногласия между сторонниками рационализма и сенсуализма в теории познания. Обращает на себя внимание насмешливо-ироничный тон, в котором Гассенди и расточает похвалы Герберту, и распекает за ошибки. Вероятно, таковы были традиции научной критики XVII века.

Гассенди, отстаивая принципы эмпиризма и сенсуализма, выступил против существования «внутренних, вечных и необходимых истин» Герберта. Он обвинил автора в чрезмерной любознательности и невоздержанности в стремлении знать сокровенную природу вещей³³. Критикуя Герберта за недостаток краткости, ясности и лёгкости определений, Гассенди указал ему на целый ряд противоречий, касающихся базовых положений учения о познании.

Гассенди усомнился в «великой пользе» теории Герберта, язвительно сравнив его «великолепнейшую систему истины» с утомительной игрой. Письмо Гассенди выявило не только принципиальные разногласия между ним и Гербертом в теории познания, но и противоречие между тем, для кого необязательно знать «вращается ли Солнце вокруг Земли, или Земля вращается вокруг него»³⁴ и тем, кто стремился знать сокровенную природу вещей. Гассенди был убеждён в том, что не может существовать всеобщего согласия ни в вопросах познания, ни в вопросах этики, а высокие обобщения небезопасны в делах религии³⁵. Этот спор имел мировоззренческий характер: Гассенди полагал, что не существует ничего объективно общего, что всякое общее есть лишь

³² Hutcheson 1944: 60.

³³ Гассенди 1966: 85.

³⁴ *Ibid.*: 85.

³⁵ *Ibid.*: 99-102.

установленное людьми имя, реально же существует только особенное и единичное, что «всякий человек обладает особой конституцией или особым строением органов чувств»³⁶, что любое познание субъективно. Герберт, напротив, отстаивал объективизм в познании, т.е. общеобязательность, всеобщую применимость его норм и правил, защищал единство человеческой природы в восприятии истины. Эти две линии впоследствии продолжили своё существование в рамках различных философских направлений.

Не раз замечалось, что учение Герберта имеет больше значения для истории религии, чем для истории философии. Бесспорно, деистические традиции Герберта были подхвачены интеллектуальной энергией европейского Просвещения. Однако не стоит забывать, что теория познания стала системообразующим элементом всей философской системы Герберта. Без учения об общих понятиях невозможно проследить и понять общую логику его концепции. Его главная задача – открыть природу вечных истин, определить объективные всеобщие критерии познания, которые смогли бы отбросить субъективизм и релятивизм. Герберт встал на защиту объективной истины, которая позволяет различать истину и ложь, добро и зло. Он отстаивал объективную ценность этических норм, их обязательность и применимость ко всякому сознанию. В учении Герберта когнитивные и ценностные начала неразрывно связаны между собой. Все его усилия были направлены на то, чтобы примирить единство и многообразие, индивидуальность и всеобщность. Нельзя не увидеть в этом стремлении Герберта попытку найти философское решение и научных, и мировоззренческих, и общественных проблем. Истина в учении Герберта выступает как регулятивный идеал, как объективная точка опоры, без которой мир теряет свою целостность и устойчивость.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Абрамов М.А. Шотландская философия века Просвещения. М., 2000. [Abramov M.A. *Shotlandskaya filosofiya veka Prosveshcheniya*. M., 2000. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000942/st000.shtml>].
- Гассенди П. Письмо по поводу книги лорда Эдуарда Герберта, англичанина, «Об истине» // Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Ред. и вступит. статья Е. П. Ситковского. Пер. с латин. А. Гутермана. М., «Мысль», 1966. 431с. [Gassendi P. *Pis'mo po povodu knigi lorda Edyarda Gerberta, anglichanina, «Ob istine»* // *Sochineniya v 2-kh tomakh*. T.1. Red. i vstupit. stat'ya E.P. Sitkovskogo. Per. s latin. A. Gutermana. M., «Mysl'», 1966. 431 s.].
- Мееровский Б. В. У истоков английского деизма // Вопросы научного атеизма. М.: Мысль, 1971. Вып. 12. С. 232-257. [Meerovskii B.V. *U istokov angliiskogo deizma* // *Voprosy nauchnogo ateizma*. M.: Mysl', 1971. Vyp.12. S. 232-257.].
- Поляков А.А. Деисты и деизм в зеркале европейской религии и культуры XVI–XVIII веков // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. Вып. 85. С. 122-133. [Polyakov A.A. *Deisty i deizm v zerkale evropeiskoi religii i kul'tury XVI–XVIII vekov* // *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie, Filosofiya, Religiovedenie*. 2019. Vyp. 85. S. 122-133.].
- Поляков А.А. Деизм и Герберт из Черберги в современной историографии // Христианское чтение. № 5. 2020. С.110-123. [Polyakov A.A. *Deizm i Gerbert iz Cherberi v sov-*

³⁶ Ibid.:104.

remennoi istoriografii // Khristianskoe chtenie. № 5. 2020. S.110-123].

- Сорокина Т.Б. Жизнеописание Эдварда Герберта // Электронный научно-образовательный журнал. История. М., ИВИРАН, 2014. Вып. 10 (33). [Sorokina T.B. Zhizneopisaniya Edvarda Gerberta // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal. Istoriya. M., IVIRAN, 2014. Vyp. 10(33)].
- Шохин В.К. Философия религии и ее исторические формы (античность — конец XVIII в.). М.: Альфа-М., 2010.784 с. [Shokhin V.K. Filosofiya religii i ee istoricheskie formy (antichnost' – konets XVIII v.) M.: Al'fa-M., 2010. 784s.].
- Baker L. The Deistic Legacy of Edward, Lord Herbert of Cherbury: Effects and Influences of a Seventeenth Century Life on the Emergence of Deism in England. 2007 URL: https://www.academia.edu/1352505/The_Deistic_Legacy_of_Edward_Lord_Herbert_of_Cherbury_Effects_and_Influences_of_a_Seventeenth_Century_Life_on_the_Emergence_of_Deism_in_England
- Bedford R.D. The Defence of Truth: Herbert of Cherbury and the Seventeenth Century. Manchester: Manchester University Press. 1979. 271 p.
- Harrison, John and Peter Laslett. The Library of John Locke. Great Britain: Oxford University Press. 1965. 292 p.
- Herbert E. The Life of Edward, First Lord Cherbury, Written by Himself, and continued to his death. With letters. L., 1826. 360 p.
- Herbert E. De Veritate. Translated with an Introduction by Meyrick H. Carre. Bristol: J. W. Arrowsmith, Ltd., for the University of Bristol. 1937. 334 p.
- Hill Eugene D. Edward, Lord Herbert of Cherbury. Boston, 1987. 139 p.
- Hutcheson Harold R. Lord Herbert of De Religione Laici. New Haven: Connecticut, 1944. 199 p.
- Palin D. Should Herbert of Cherbury be regarded as a 'deist'? // The Journal of Theological Studies. 2000. Vol. 51. No. 1. P. 113-149.
- Rossi M.M. La vita, le opere, i tempi di Edoardo Herbert di Chirbury. Vol. III. Firenze: G.C. Sansoni. 1947. 565 p.

Сорокина Татьяна Борисовна, кандидат исторических наук, доцент, Нижегородский государственный университет им Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал; sorok-tat@yandex

Freethinking of the 17th Century: Edward Herbert's Philosophy

In the work are characterized by philosophical views of Edward Herbert – English philosopher, politician and public figure of the first half of the 17th century. The author of the article analyzes the basic provisions of the philosophical system of E. Herbert, noting the logical connection between the theory of cognition and the philosophy of religion. It is shown that Herbert's epistemological objectivism was the basis for his deistic ideas, the main of which was the idea of "natural religion". The author considers Herbert's merit to try to substantiate objective basics and criteria of cognition, to combine his cognitive and value principles, to emphasize the systemic interaction of all elements.

Keywords: *theory of cognition, truth, deism, England, Edward Herbert*

Tatiana B. Sorokina. *Candidate of historical sciences, Assistant Professor of Department of history and social studies, Arzamas branch of Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky, sorok-tat@yandex*

А.Э. АФАНАСЬЕВА

КЛИМАТ, БОЛЕЗНИ И ИМПЕРСКАЯ ЭКСПАНСИЯ (медико-географические исследования Казахской степи в 1760-х – 1860-х гг.)¹

Статья посвящена истории медико-географического изучения Казахской степи в период активного продвижения России в регионе в 1760-х – 1860-х гг. Исследуются описания природных условий Степи российскими врачами, чиновниками, путешественниками, анализируются их выводы о влиянии окружающей среды на здоровье местного населения и российских гарнизонов. Рекомендации российских авторов по сохранению здоровья войск и переселенцев в степном климате сопоставляются с европейскими правилами «тропической гигиены» XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: история медицины, медицинская география, жаркие климаты, история Российской империи, имперская медицина.

До последней трети XIX в. западная медицинская традиция связывала появление болезней с воздействием окружающей среды. С эпохи античности влиянием природных факторов объяснялись не только эндемичные болезни, свойственные конкретной местности, но также эпидемии². Имперская экспансия Нового времени стала стимулом для развития медико-географических теорий, призванных выявлять зависимости между свойствами непривычных климатов и высокой заболеваемостью солдат и поселенцев. Особое место в медико-географической литературе XVIII–XIX вв. отводилось жарким климатам как зоне, наименее пригодной для проживания европейцев. В медицинских руководствах описывалось пагубное влияние жары и влажности на здоровье человека и давались рекомендации по соблюдению «тропической гигиены».³

В России обращение к проблеме жарких климатов стало результатом активного расширения империи в южном направлении в конце XVIII – первой трети XIX в. На Кавказе, в Молдавии, Валахии и других южных территориях от болезней нередко погибало больше российских солдат, чем от ранений⁴. Новые природные среды требовали изучения не только с целью сокращения военных потерь, но и для оценки перспектив дальнейшего освоения «знойных стран», возможности их заселения переселенцами из европейской России. Медицинские сведения, таким образом, становились важной частью знания об империи⁵.

Труды европейских (главным образом, британских) авторов переводились на русский язык, чтобы «служить руководством для врачей

¹ Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 19–48–04110).

² Об изменениях содержания понятия «эпидемия» см.: Martin and Martin-Granel 2006.

³ Harrison 2010.

⁴ Чистович 1870: 20, 42; Васильев, Сегал 1960: 235.

⁵ О роли медицинского знания в администрировании империй см.: Harrison 2010; Афанасьева 2021; на материале Российской империи см.: История медицины и медицинской географии (в печати).

всех южных провинций Российской империи, как европейских, так и азиатских, равно как и для военных врачей по обеим сторонам Дуная»⁶. Они же составили концептуальную основу для собственных сочинений российских военных врачей о климатических свойствах новых имперских окраин⁷. Хотя выводы британских медиков относились к тропическим регионам, российские врачи того времени даже не поднимали вопроса об их применимости к реалиям бессарабских степей или высокогорий Кавказской линии. Врачи сравнивали метеорологические данные из Индии с температурными таблицами из Закавказья и дополняли рекомендации британских коллег о лихорадках советами медиков, работавших в Болгарии или Крыму⁸. В обобщающих работах российских авторов по военно-медицинской географии центральное место отводилось описанию тёплого и влажного климата, максимально приближенного к тропическому по своим свойствам и наиболее «нездорового». Регионы с тёплым и сухим жарким климатом – степи Донских казаков, южные российские губернии и Малороссия – также включались в обсуждение. Однако ни в одном из этих трудов не упоминается Казахская степь, которая традиционно относилась к «полуденным», южным странам. Нет работ о Казахской степи и в «Военно-медицинском журнале» первой половины XIX в., где регулярно печатались статьи о медицине южных имперских окраин. Почему Степь, занимавшая огромную территорию и находившаяся в составе империи с 1731 г., оказалась вынесена за рамки обсуждения жарких климатов?

Этот вопрос важен не только с точки зрения истории развития медицинской географии в Российской империи – его исследование позволяет рассмотреть связь медицинского знания с имперской экспансией и его роль в администрировании имперских территорий. Для этого необходимо обратиться к двум сюжетам: об особенностях изучения медицинской географии Степи и о специфике степного климата.

Границы Казахской (в терминологии того времени – Киргизской) степи в 1760–1860-е гг. постоянно менялись. Здесь под ней понимается территория, относившаяся к Казахской степи к моменту образования Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. Хронологические рамки работы совпадают со временем доминирования медико-географической парадигмы в объяснении болезней и с первым периодом изучения Степи до формирования Степной комиссии в 1865 г.⁹

До 1730-х гг. сведения о Казахской степи, собираемые участниками российских посольств, купцами и сибирскими воеводами, оставались скудными и обрывочными¹⁰. После принятия российского поддан-

⁶ Примечание 1828: 457.

⁷ См.: Четыркин 1834; Чаруковский 1837: 159–384.

⁸ Чаруковский 1837: 159–384.

⁹ Степной комиссии (1865–1868) было поручено максимально подробное изучение Степи для подготовки её административного переустройства.

¹⁰ Ерофеева 2005: 5.

ства частью политических элит Младшего и Среднего жузов¹¹ Степь стала более доступной для изучения: естественнонаучные исследования велись в ходе Академических экспедиций под руководством И.Г. Гмелина, Г.Ф. Миллера и П.С. Палласа в 1734–1774 г. Кроме того, инженеры и геодезисты обследовали места построек будущих городов или портов; результатом становились детальные описания географии этих местностей¹². Учёные включались и в состав военных отрядов: так, в 1771 г. в отряд, который преследовал бежавших из Поволжья калмыков, П.С. Палласом был командирован Н.П. Рычков для исследования глубинных частей Степи, а И.П. Фальком – Х. Барданес. Оба учёных оставили подробные описания региона¹³.

Медико-географические идеи, будучи частью естественнонаучной западной традиции, постоянно присутствовали в работах российских авторов о Степи второй половины XVIII в. Характеризуя местность, учёные, военные и инженеры определяли её как «здоровую» (если речь шла о сухих возвышенных местах) или «нездоровую» (низкие болотистые районы). Особое внимание они обращали на свойства воздуха, которые в медицине того времени напрямую связывались с наличием или отсутствием болезней¹⁴. Однако медико-географические идеи составляли скорее общий теоретический фон их суждений о местности, чем предмет. В трудах этих авторов, многие из которых были врачами, вопросы заболеваемости не занимают сколько-нибудь важного места. Сведения о свойствах климата также не слишком пространны, и их связь с болезнями обсуждается лишь эпизодически.

Первое относящееся к региону медико-топографическое описание, в котором рассматривались связи между свойствами среды и заболеваемостью, появилось, по-видимому, в 1796 г. Им стал краткий текст врача П. Симонтовского об Уральске, городе на границе с Казахской степью¹⁵. Симонтовский был командирован в Уральск «для исследования и прекращения» «крымской болезни» (вид проказы). Изучив местные условия, он соотнёс болезнь не с влиянием жаркого климата, как другие врачи того времени¹⁶, а с плохим качеством городского воздуха и воды в бедных районах города. Эти выводы легли в основу его рекомендаций по оздоровлению Уральска, которые отражали общеевропейские принципы санитарного благоустройства городов.

В конце XVIII – начале XIX в. российские власти усиливают дипломатическую активность в Средней Азии, стремясь наладить торговые отношения с местными ханствами: Бухарой, Хивой, Кокандом, Ташкентским владением. Казахская степь выступает как транзитная

¹¹ Жузы – племенные объединения казахских родов. Кочевья Младшего жуза занимали территорию западной части Степи, а Среднего – центральной и восточной.

¹² Гладышев 1851; Извлечение из журнала инженер-майора Ладыженского 1875.

¹³ Рычков 1772; Барданес 2007.

¹⁴ Рычков 1762: 198–199; Лепехин 1771: 520; Извлечение... 1875: 794, 797.

¹⁵ РГИА. Ф. 1294. Оп. 1. Св. 6. Д. 7.

¹⁶ РГИА. Ф. 1294. Оп. 11. Д. 59. Л. 13.

территория, через которую идут дипломатические миссии, попутно собирая информацию о географии, истории и этнографии пройденных областей¹⁷. Результатом одной из таких миссий под началом поручика Генерального штаба Я.П. Гавердовского стал фундаментальный труд о Степи¹⁸. Созданный Гавердовским, он включал итоги работы и других экспертов – участников отряда, в т.ч. врача С. Большого¹⁹. В подробном «Обозрении Киргиз-кайсацкой степи» Гавердовского много места отводится особенностям климата и рельефа региона, но их влияние на здоровье почти не обсуждается. Автора гораздо больше интересует пригодность степного климата для земледелия: этот вопрос регулярно поднимался российскими наблюдателями, поскольку был тесно связан с возможностью седентаризации казахов, с одной стороны, и переселения российских крестьян в Степь – с другой.²⁰ Гавердовский отвечает на него отрицательно: хотя отдельные части Степи вполне могут быть освоены земледельцами, в целом, «кажется, природа нарочито произвела сию часть земного шара, чтобы ею могли пользоваться одни только кочевые народы»²¹. Такое представление о природных условиях Степи как подходящих только для кочевого хозяйства доминировало в начале XIX в. С этой точки зрения не было и необходимости в рассуждениях о влиянии климата на здоровье европейцев.

Рукопись Гавердовского была издана полностью только в 2007 г.; современникам автора был известен лишь фрагмент объёмного труда, опубликованный в 1823 г. Им, в частности, пользовался один из самых известных исследователей Степи А.И. Левшин при создании своей трёхтомной работы «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей»²². Левшин посвятил географии Степи первый том своего труда, в котором свёл все имевшиеся к тому времени данные, дополнив их собственными наблюдениями. Однако, как признавал автор в разделе о климате Степи, в нём были представлены лишь самые общие сведения о «крае, почти неизвестном»²³.

В 1840-е гг. естественная история западной части Степи была подробно описана Э. Эверсманом и Н. Ханьковым. В исследовании Ханькова, посвящённом рельефу, почве и климату региона как факторам, определяющим возможности хозяйственной жизни, много места отведено анализу географических данных, приводятся таблицы инструмен-

¹⁷ Ерофеева 2007: 5.

¹⁸ Гавердовский 2007 (а), Гавердовский 2007 (b).

¹⁹ Доктор Большой после разгрома миссии в 1803 г. почти год провёл в плену у казахов; в 1822 г. его записки об этом времени были опубликованы в журнале «Сын Отечества». В записках содержится ценный материал по медицинской этнографии казахов, но о связи между климатом и болезнями не говорится. Большой 1822.

²⁰ О взглядах российской администрации на номадизм казахов см.: Campbell 2017: 24–30, 39–44.

²¹ Гавердовский 2007 (b): 361.

²² Ерофеева 2007: 13–14.

²³ Левшин 1832: 5.

тальных измерений воздуха, рассуждения о причинах особых свойств степного климата, его влиянии на хозяйство казахов, но обходится стороной вопрос о воздействии климата на здоровье²⁴. Фундаментальный труд врача Эверсмана, напротив, начинается с обсуждения влияния климата на здоровье человека, только затем переходя в стандартную топографию местности²⁵.

В 1841 г. появилось медико-топографическое описание Кокчетавского округа, выполненное лекарем Богословским²⁶; в архивах сохранились труды лекаря омского гарнизонного полка, а затем окружного врача Ф.К. Зибберштейна²⁷. В 1845 г. была опубликована известная работа штаб-лекаря А. Ягмина – первое медико-топографическое описание западной части Степи²⁸. Появление этих трудов стало результатом масштабных кампаний правительства по составлению медико-топографических, а затем военно-статистических описаний всех частей европейской и азиатской России. Отдельные вопросы медико-географического характера включались в программы изучения империи и раньше: так, анкета, написанная В.Н. Татищевым в 1737 г., содержала вопросы о местных болезнях, способах их лечения и наличии в регионе «вредительных животных»²⁹. Во второй половине XVIII – начале XIX в. появились первые инструкции для составления медико-топографических описаний³⁰. Создание таких работ поощрялось³¹, а с конца XVIII в. было вменено уездным врачам в обязанность. Не были оставлены в стороне и военные врачи – а именно они несли службу в Степи: в 1827 г. армии, корпуса и отдельные госпитали получили инструкции по сбору медико-географических сведений о местах пребывания³².

Постепенно программы описаний усложнялись: в 1820-е гг. они были направлены прежде всего на сохранение здоровья военных гарнизонов в непривычных условиях конкретных мест, а в середине века уже отражали потребности государства в систематизированном знании об империи в целом. Военным врачам и офицерам Генерального штаба предписывалось детально изучить не только географию, топографию, растительный и животный мир местности, но и произвести метеорологические, геологические и гидрографические измерения³³.

²⁴ Ханьков 1844.

²⁵ Эверсман 1840.

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 317. Оп. 1. Д. 44.

²⁷ Палкин 1967: 454–455, 458–459.

²⁸ Ягмин 1845.

²⁹ Марковин 1993: 18.

³⁰ Первая из известных инструкций была написана в 1754 г. директором Медицинской канцелярии П.З. Кондоиди врачу В.Я. Гевитту, командированному для исследования Кизлярской крепости. Рапорт Гевитта, составленный в 1755–1756 гг., считается первым российским медико-топографическим описанием: Марковин 1993: 23–25.

³¹ Чистович 1870: 55; Гатина 2017: 115, 123.

³² РГВИА. Ф. 879. Оп. 2. Д. 633. Л. 8, 21.

³³ РГВИА. Ф. 879. Оп. 2. Д. 633, Д. 1012. Л. 43.

Составление медико-топографических описаний встретило определённые трудности: из разных частей империи поступали донесения о том, что «программа слишком обширна» и «не может быть вполне выполнена армейскими врачами по недостаточным сведениям их в физических науках». Однако, как писали отдельные медики, «при всегдашней готовности врачей на всякий труд для пользы человечества и наука не составляет непреодолимого препятствия»³⁴.

К 1852 г. «Военно-статистическое обозрение губерний и областей Российской империи» насчитывало 47 томов, и каждый был посвящён отдельной административной единице империи. Объёмные тома «Обозрения» представляли собой свод всех имевшихся на тот момент сведений о каждом из регионов. В 1848 г. был выпущен том XIV, первая часть которого была сосредоточена на Оренбургской губернии, вторая описывала земли киргиз-кайсаков Оренбургского ведомства. В 1852 г. вышел раздел о сибирской части Казахской степи³⁵. Показательно, что в этих обобщающих трудах и в тех, что вышли в 1860-е гг., вопросы заболеваемости оказались тесно связаны с обсуждением климата – язык медицинской географии, таким образом, занял прочные позиции в словаре представителей имперской администрации³⁶.

Частично составители опирались на опубликованные фундаментальные труды о Степи 1830–1840-х гг. – А. Левшина, Э. Эверсмана, работы Н. Ханькова и врача А. Ягмина. Однако в значительной мере их тексты были основаны на неопубликованных материалах, отложившихся в архиве Генерального штаба, – путевых журналах военных отрядов и отчётах о топографических рекогносцировках. Материалы о заболеваемости гарнизонов, местных болезнях и особенностях природных сред собирались военными врачами, работавшими на местах. По императорскому распоряжению 1836 г. военно-статистические обозрения, предназначенные только для военного ведомства, должны были быть сохраняемы в совершенной тайне и не допускаться «до всеобщего употребления»³⁷. А значит, сделанные врачами медико-топографические описания в основном оседали в архивах разных ведомств и оставались неизвестными широкой аудитории. Лишь немногие врачи находили возможность конвертировать свои наблюдения в книги или журнальные публикации и получали за это поощрения от начальства³⁸. Далеко не все гарнизонные врачи обладали необходимыми для этого временем и упорством. В Степи врачей было мало, не все вакансии заполнялись, и медики оказывались перегружены рутинной работой.

³⁴ РГВИА. Ф. 879. Оп. 2. Д. 1012. Л. 49–67, 108–109.

³⁵ Военно-статистическое обозрение 1848; Военно-статистическое обозрение 1852.

³⁶ Военно-статистическое обозрение 1848 (Ч. 1): 35–41 (основан на работе Эверсмана; Военно-статистическое обозрение 1848 (Ч. 2): 71–72, 89–91: оба раздела основаны на труде Ягмина; См. также: Мейер 1865: 61–72; Красовский, 1868: 260–276.

³⁷ РГВИА. Ф. 879. Оп. 2. Д. 909. Л. 14, 15, 15об, 20–20об, 22–22об.

³⁸ Афанасьева 2008: 120; Палкин 1967: 449–450.

Поэтому неудивительно, что автор следующего поколения описаний Степи М. Красовский в 1868 г. писал: «До сих пор мы не имеем никаких сколько-нибудь точных научных данных, на основании которых могли бы рассуждать о степном климате определительно, не общими фразами... указать, в какой мере климатические условия удовлетворяют здесь своему назначению относительно поддержания человеческой жизни при имеющихся сведениях... трудно»³⁹. Это высказывание отразило и происходившую в 1860-е гг. переориентацию властей на более полную интеграцию Степи в имперские структуры. Завоевание среднеазиатских ханств сделало Степь внутренней территорией империи. Новые планы по переустройству региона требовали более широкого изучения Степи, включая оценку возможности её заселения русскими крестьянами и ведения земледелия. С созданием в 1865 г. Степной комиссии в истории исследования Степи наступит качественно новый этап.

Точных данных о Степи хронически не хватало⁴⁰, но общие представления о её природных средах к тому времени уже сложились. В чём состояла их специфика?

Климат и природные условия Степи с точки зрения медицинской географии

Климатические характеристики, рельеф, флора и фауна Казахской степи отличали её от южнорусских и бессарабских степей, лежавших с ней в одной параллели. К стандартным свойствам степи как физической поверхности – безлесности и безводности⁴¹ – здесь добавлялось изобилие соли в почве и воде, что существенно ограничивало возможности проживания человека и ведения хозяйства⁴². При этом наблюдатели отмечали, что Степь представляла собой лишь собирательное название для очень разнообразного в плане рельефа региона. В ней встречались и скалистые горные гряды, и холмы, и топкие низменности, и пустынные полосы сыпучих песков⁴³. Свойства климата разных областей Степи значительно варьировались. Российские авторы выделяли в ней несколько зон или поясов. Единой классификации не было, но чаще всего северные территории Степи описывались как более приближенные по своим характеристикам к умеренному поясу и наиболее пригодные для жизни, а местами – для земледелия. Южные зоны, чей климат считался более суровым, состояли преимущественно из глинистых почв, солончаков или песков, что делало их подходящими лишь для кочевого хозяйства⁴⁴.

Суровость степного климата была одной из его самых устойчивых характеристик. Врачи, естествоиспытатели и военные отмечали резкие

³⁹ Красовский 1868: 260.

⁴⁰ См.: Campbell 2017.

⁴¹ Веселовский 1857: 396.

⁴² Гавердовский 2007(б): 288; Паллас 1770: 537.

⁴³ Левшин 1832: 58; Гавердовский 2007(б): 288.

⁴⁴ Левшин 1832: 11–13; Эверсман 1840: 17–18; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18545. Л. 144–145об.

переходы от сильнейшего зноя летом к жестоким морозам зимой. В зимние месяцы от стужи, доходившей до -44°C , лопались шариком термометра, а бураны, поднимавшие в воздух глыбы снега, погружали Степь во мглу и уничтожали всё живое. Летом «несносные жары» до $+46^{\circ}\text{C}$ сопровождалась удушливыми ветрами как «из раскалённой печи», которые приносили облака пыли и срывали крыши домов.⁴⁵ Частые и продолжительные сильные ветры, не встречавшие преград в открытом пространстве Степи и иссушавшие воздух, составляли одно из постоянных свойств местного климата в любое время года⁴⁶. Эти особенности климата в сочетании с ярким, слепящим солнцем, резкими перепадами суточных температур и отсутствием дождей, казалось, должны были свидетельствовать о его пагубности для здоровья людей. Однако наблюдатели почти единогласно признавали Степь местом здоровым и даже приятным: как писал А.И. Левшин, «не только природные жители, но и иностранцы в оном толстеют и чувствуют себя крепче»⁴⁷.

Главную роль здесь играл степной воздух, который неизменно описывался как чистый и свежий («благорастворённый»). Его свободная, благодаря степным ветрам, циркуляция предотвращала застой вредоносных испарений, а сухость позволяла легче переносить жару и предупреждала появление болезней. Центральное место воздуха в определении климата как здорового или нездорового было свойственно западной медицинской традиции начиная с античности. Поэтому в общей характеристике степного климата именно качества воздуха так явно преобладают над прочими природными особенностями Степи.

Наблюдатели отмечали лёгкость течения в Степи эпидемических заболеваний – кори, скарлатины, коклюша. Сезонные эпидемии «злосчастственных», опасных для жизни лихорадок были спорадическими, что отличало Казахскую степь от южных степей правого берега Волги, от Астрахани до Чёрного моря, страдавших от таких лихорадок каждую осень⁴⁸. Климат Степи выгодно отличался и от жаркого сухого климата соседних стран Центральной Азии. Как писал П.И. Пашино, «здесь вы не встретите поражённых евангельской проказой, как в Афганистане и южных городах Бухарского ханства, ни зоба, свирепствующего в Коканде, и ни Алепского прыща...»⁴⁹. Эндемических заболеваний здесь не находили. Повсеместно распространены были только перемежающиеся лихорадки, которые заканчивались выздоровлением больных. Даже в отдельных местах Степи, которые считались нездоровыми – как

⁴⁵ Ягмин 1845: 6–8; Рычков 1762: 199–204; Паллас 1770: 406; Эверсман 1840: 6 (сноска). Переводчиком и автором примечаний к работе Эверсмана был знаменитый писатель, этнограф и военный врач В.И. Даль, служивший в Оренбурге чиновником особых поручений при губернаторе.

⁴⁶ Ягмин 1845: 6–8; Левшин 1832: 5; Броневский 1830: 74; Эверсман 1840: 4–7; Красовский 1868: 261; Военно-статистическое обозрение 1848 (часть 2): 7.

⁴⁷ Левшин 1832: 9.

⁴⁸ Эверсман 1840: 3.

⁴⁹ Пашино 1868: 128.

низменный Гурьев, окружённый солёными грязевыми болотами, с постоянно влажным и тяжёлым воздухом, не было серьёзных заболеваний и число умерших в гарнизоне оставалось сравнительно небольшим⁵⁰.

Здоровье туземного населения российские врачи, учёные, чиновники неизменно характеризовали как отличное, они отмечали, что казахи доживают до глубокой старости, несмотря на суровость природных условий проживания и отсутствие базовых представлений о гигиене. Физическую крепость кочевников относили к благотворному действию свежего воздуха, постоянного движения, простоты пищи и в целом – к «близкому к природе образу жизни»⁵¹. Кроме того, кочевое хозяйство казахов позволяло им менять среду обитания, избегая вредного влияния погодных факторов. Наиболее распространёнными среди них болезнями признавались оспа и сифилис, но эти недуги не имели непосредственной связи с природной средой и появлялись в Степи благодаря контактам с соседними народами. Болезни же, обусловленные влиянием климата, были немногочисленны: к ним принадлежали воспалительные заболевания глаз и болезни кожи, вызываемые ярким солнцем и пылью. Впрочем, последние объяснялись российскими авторами не столько действием пыли, сколько «неопрятным» образом жизни кочевников, которые крайне редко меняли одежду и совершали гигиенические процедуры⁵². Врачи, имевшие возможность более длительных и непосредственных наблюдений, описывали целый спектр заболеваний, которые встречались среди казахов: разные виды лихорадок, «водяную болезнь», ревматизм и хронические заболевания внутренних органов⁵³.

В целом, в российских свидетельствах климат Степи не предстаёт как значимый фактор заболеваемости и тем более смертности казахов. Главными причинами болезней выступают нечистоплотность, приверженность негигиеничным обычаям и распространённость суеверий, которые становились препятствием для профилактики и лечения недугов. Поэтому развитие медицинской службы в Степи мыслилось как организация доступной врачебной помощи, включавшей прежде всего просветительский санитарно-гигиенический компонент⁵⁴.

Вместе с тем, выводы российских авторов о влиянии степного климата на здоровье казахов были довольно умозрительными: статистические данные о заболеваемости и смертности даже к концу 1860-х гг. собирались только по гарнизонам российских укреплений. Эти цифры оказывались менее оптимистичными, подтверждая наблюдения комментаторов о том, что «здоровый для туземцев климат весьма невыгодно отзывается на наших солдатах»⁵⁵. В разных частях Степи в год заболевало

⁵⁰ Рычков 1762: 199; Паллас 1770: 614–619; Эверсман 1840: 2.

⁵¹ Левшин 1832: 32; Броневский 1830: 74, 216; Ягмин 1845: 46.

⁵² Мейер 1865: 66; СПбФ АРАН. Ф. 317. Оп. 1. Д. 44. Л. 6.

⁵³ Большой 1822: 296–298; СПбФ АРАН. Ф. 317. Оп. 1. Д. 44. Л. 6; 9-9об, 12–12 об.

⁵⁴ Афанасьева 2008: 142–143.

⁵⁵ Пашино 1868: 128.

от четверти до половины состава гарнизонов⁵⁶. Более высокая заболеваемость и смертность солдат по сравнению с окружающим их населением была в то время общим правилом⁵⁷. В Степи обычные для казарм скученность и отсутствие свежего воздуха усугублялись нехваткой проточной воды и испарениями от солончаков, которые, по мнению врачей, располагали к «скорбутным болезням» – цинге⁵⁸.

Цинга считалась болезнью замкнутых пространств: её появление приписывали действию холодного сырого несвежего воздуха, недостатку солнечного света и отсутствию двигательной активности. Имело значение и качество пищи и воды⁵⁹. По этим причинам, как полагали медики, цинга чаще всего появлялась во флотских экипажах, тюрьмах и военных казармах. Однако ей были подвержены и участники военных походов. Штаб-лекарь А. Ягмин, сопровождавший несколько военных экспедиций в южные части Степи, посвятил целую главу своей работы «степной цинге»⁶⁰. В походах часть факторов заболеваемости цингой исчезала, но в действие вступали другие: переутомление, холод и сырость в местах ночлега, недостаток тёплого жилья и одежды. Основное же значение имела нехватка качественного продовольствия, пополнять запасы которого в условиях малонаселённой Степи было крайне сложно. По свидетельству врача, цинга истребляла целые роты солдат.

В походах солдаты страдали от изнурительной жары, жажды и голода. «Целый день проходя песчаными горами, – писал Ягмин о миссии в Хиву 1841 г., – изнемогали люди, лошади и верблюды... Зной утомлял неимоверно»⁶¹. В отдельных областях было почти невозможно найти пригодную для питья воду. Весной и осенью резкие перепады суточных температур – важный фактор патологии жарких климатов – вызывали воспалительные горячки, головные боли и ревматизм⁶². Отсутствие должного внимания к природным условиям Степи вело к катастрофам: так, в 1771 г. отряды генерала Траубенберга оказались на грани гибели из-за голода, нехватки питьевой воды и болезней⁶³. Планирование походов на зимнее время, позволявшее избежать зноя и нехватки воды, не всегда спасало ситуацию: масштабная экспедиция 1839–1840 гг., отправленная в Хивинское ханство с дипломатической и исследовательской целью, закончилась провалом. Несмотря на обстоятельную подготовку – для солдат заготовили тёплое обмундирование, а по пути следования были заранее построены временные укрепления и развёрнуты лазареты, – к концу похода от болезней из строя выбыла треть состава⁶⁴.

⁵⁶ Красовский 1868: 272; Мейер 1865: 67–72.

⁵⁷ Мейер 1865: 67.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18545. Л. 145об; СПбФ АРАН. Ф. 317. Оп. 1. Д. 44. Л. 2.

⁵⁹ Чаруковский 1837: 152; Гейрот 1824: 421–425.

⁶⁰ Ягмин 1845: 73–77.

⁶¹ Ягмин 1845: 9–10.

⁶² Гавердовский 2007 (b): 320; СПбФ АРАН. Ф. 317. Оп. 1. Д. 44. Л. 5.

⁶³ Рычков 1772: 75–96.

⁶⁴ Палкин 1967: 162–168.

Разнообразие природных сред Степи означало, что мера их пригодности к длительному проживанию российских отрядов значительно варьировалась. Статистика заболеваемости в военных укреплениях подтверждала мнение о более благоприятном для здоровья климате северной, лесисто-гористой части Степи. В южных, открытых районах Степи, число заболевших было выше, что связывалось, в том числе, с чрезмерной сухостью воздуха⁶⁵. Отдельные местности совсем не подходили для пребывания гарнизонов: заболеваемость солдат в них была катастрофически высокой. Медики, вызываемые для оценки её причин, обычно рекомендовали перенести укрепление в более благополучное в санитарном отношении место. Власти старались привлекать врачей к выбору мест для будущих поселений, однако дефицит медицинских кадров далеко не везде позволял это сделать⁶⁶.

**Как выжить в жарком климате:
«тропическая гигиена» в Казахской степи**

Хотя резко континентальный климат Степи описывался как способный нанести урон человеку и летом, и зимой, российские наблюдатели писали о нём преимущественно как о климате жарком. Именно способам противодействия влиянию жары посвящено большинство рекомендаций. Эти советы отражали медико-географические представления того времени об особенностях жаркого климата, зафиксированные в целом ряде переводных и оригинальных работ, появившихся в России в конце XVIII – начале XIX в. Наиболее полным руководством по военно-медицинской географии, обобщившим все известные на тот момент сведения, был фундаментальный 5-томный труд А. Чаруковского «Военно-походная медицина». Третий том, посвящённый болезням армии, был сосредоточен на специфике «жароклиматных» болезней как наименее известных российским врачам и представляющих наибольшую угрозу для войск⁶⁷. Одной из центральных тем тома стала «тропическая гигиена»: под ней понимался свод рекомендаций о поддержании здоровья войск в жарких (не обязательно тропических) странах. Все советы российских наблюдателей, писавших о Степи, можно найти и у Чаруковского, что позволяет предположить знакомство авторов с его трудом или, по крайней мере, с основными установками медицины жарких климатов.

В медико-географической литературе важное место отводилось наблюдениям за обычаями местных жителей, которые, как считалось со времён Гиппократ, лучше приспособлены к окружающей их природной среде⁶⁸. Говоря о резких перепадах суточных температур, свойственных Степи (от +34°C днём до +5°C ночью), российские комментаторы приводили советы среднеазиатских купцов в сильную жару не но-

⁶⁵ Красовский 1868: 274–275.

⁶⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6846; Палкин 1967: 456–459.

⁶⁷ Чаруковский 1837.

⁶⁸ См: Johnson 1846 (1812): 575–602; Виллие 1828: 151.

сить лёгкой одежды. Купцы надевали сразу несколько тёплых халатов, чтобы избежать воздействия на тело солнечных лучей, и пили тёплый чай «для поддержания испарины»⁶⁹. Эта традиционная для жарких климатов рекомендация объясняется в работе Чаруковского: шерстяная материя плохо проводит и холод, и тепло. Жарким днём она не пропускает зной, а холодной ночью удерживает внутреннюю теплоту тела⁷⁰.

Другие принципы «тропической гигиены», описанные Чаруковским, включали необходимость закрывать от солнца голову и совершать ежедневные гигиенические процедуры. Кроме того, писал он, в жарких климатах следует часто менять местоположение войска, чтобы избежать влияния вредных испарений, исходящих от продуктов жизнедеятельности людей и животных. В условиях жары они образуются быстрее и действуют губительнее, чем в климатах умеренных⁷¹.

Такие же советы содержатся в рукописном «Военно-топографическом описании Киргизской степи Оренбургского ведомства» 1844 года. Его составитель, штабс-капитан Генерального штаба Романов, по традиции военно-статистических обзоров объединил в нём мнения разных «лиц, заслуживших доверия»⁷². В их числе определённо были и врачи, поскольку характер рекомендаций, часто достаточно узкоспециальных, показывает хорошее знакомство их авторов с общими принципами мировой медицины жарких климатов. В «Описании» важнейшая роль в профилактике заболеваемости гарнизонов отводится чистоте воздуха, для чего в летнее время солдат рекомендуется выводить в кибитки – войлочные юрты, которые были заимствованы из казахского быта и известны отличными вентиляционными свойствами. Менять местоположение лагеря следует раз в две недели или чаще. Все работы с апреля до октября нужно производить под открытым небом, но в тени домов и навесов. Летом, во избежание воспалений мозга и сильных горячек, нельзя разрешать людям находиться на улице с непокрытой головой. Пища должна быть качественной, чистоту тела следует строго поддерживать и никогда не снимать тёплый набрюшник. Наконец, людям надлежит находиться в беспрестанном движении, поскольку «усидчивая жизнь в Степи тотчас развивает цингу». Нужно занимать солдат сбором топлива, побелкой домов, уборкой улиц и заготовкой сена⁷³. Способы профилактики цинги занимают в рекомендациях врачей особое место, поскольку эта болезнь считалась одной из главных угроз здоровью гарнизонов. Медики полагали, что цинга, ослабляя организм, становилась причиной развития других заболеваний – перемежающихся лихорадок, водянки, дизентерии⁷⁴. Помимо мер по поддержанию чистоты

⁶⁹ Гавердовский 2007(а): 212; Гавердовский 2007(б): 320.

⁷⁰ Чаруковский 1836 (Ч. 1): 245.

⁷¹ Чаруковский 1836 (Ч. 1): 246–248, 262–264.

⁷² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18545. Л. 2.

⁷³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18545. Л. 164–166 об.

⁷⁴ Гейрот 1824: 405.

ты воздуха, а также советов держать солдат в сытости, тепле и постоянном движении, врачи считали необходимым включать в их рацион кислую капусту и воду с примесью кислот, особенно уксуса. Такие рекомендации, основанные на опыте морской гигиены, часто встречались в европейской медицинской литературе того времени⁷⁵. Врачи, работавшие в Степи, предлагали свой способ борьбы с болезнью – кумыс, традиционный напиток казахов. По наблюдениям лекаря Богословского, подвергнутое брожению кобылье молоко имело чудодейственный эффект в лечении цинги. Две недели его применения было достаточно, чтобы «кистребить злую степень цинги» без употребления каких-либо дополнительных средств. Однако его правильное использование требовало особых знаний: Богословский описывает нужную степень брожения, корректную дозировку и схему приёма кумыса⁷⁶. Наконец, в соответствии с устоявшейся практикой медицины жарких климатов, врачи советовали принимать в расчёт регион происхождения солдат и давать им возможность акклиматизироваться в новой природной среде. Ягмин рекомендовал набирать в походы солдат крепкого телосложения, уроженцев соседних провинций со схожим со Степью климатом⁷⁷.

Постепенно заболеваемость в российских укреплениях сократилась; уменьшилось количество больных среди участников военных походов вглубь Степи. Метод лечения цинги кумысом, в котором, как стало известно позднее, содержится большое количество витамина С, получил в степных округах широкое распространение и способствовал почти полному исчезновению заболевания⁷⁸.

Климат Казахской степи не был классическим жарким климатом европейской медицинской литературы XVIII–XIX вв. Он не вызывал массовой гибели поселенцев и местного населения и представлял угрозу для здоровья лишь в отдельных местностях и обстоятельствах, тем самым подрывая устоявшееся представление о безусловной патогенности жаркого климата. Эта специфика в сочетании с неопределённостью перспектив интеграции региона в имперские структуры обуславливала отсутствие специального внимания к климату в российских работах о Степи примерно до 1840-х гг. Кроме того, играло роль и отсутствие инфраструктуры, необходимой для медико-географических исследований. Русских укреплений внутри Степи было немного, в гарнизонных лазаретах хронически не хватало врачей, которые могли бы заниматься изучением местных природных условий.

С 1840-х гг. корпус медико-географических работ о Степи растёт. С одной стороны, это стало результатом правительственных кампаний по составлению военно-статистических обзоров империи: именно тогда

⁷⁵ См., напр.: Lind 1772: 140–141, 144.

⁷⁶ СПбФ АРАН. Ф. 317. Оп. 1. Д. 44. Л. 2об – 4об.

⁷⁷ Ягмин 1845: 77; Чаруковский 1836 (Ч. 1): 264.

⁷⁸ Палкин 1967: 171, 307.

знание стало особенно явно восприниматься как необходимое условие правильного, рационального управления. С другой – отразило процесс постепенного продвижения России в регионе, который с завоеванием Туркестана к концу 1860-х гг. стал внутренней имперской территорией. В административной логике того времени создание медико-топографических описаний разных частей Казахской степи было важным шагом вперёд в освоении нового пространства.

Большая часть таких работ о Степи оставалась в архивах государственных учреждений; лишь немногие из них были опубликованы. Это затрудняло включение сведений о степном климате в общенаучное обсуждение и его категоризацию в рамках жарких климатов в целом. В то же время на уровне административной практики эти труды оказывались востребованы: их читали управленцы и очевидно принимали в расчёт при основании укреплений, организации жизни внутри крепостей и планировании военных походов. Это позволяет говорить о медиализации административного мышления того периода. Медицинские соображения не всегда были первым приоритетом властей, и в Степи рекомендации и запреты врачей не приводили к прекращению или возобновлению существования целых экономических отраслей, как это было, например, на Кавказе⁷⁹. Однако мнения врачей, включавшиеся в военно-статистические работы, становились основой медико-географических воззрений чиновников и формировали фундамент для принятия управленческих решений.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

ИСТОЧНИКИ/SOURCES

РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4758.

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6846. Д. 18545.

РГВИА. Ф. 879. Оп. 2. Д. 633. Д. 909. Д. 1012.

РГИА. Ф. 1294. Оп. 1. Св. 6. Д. 7.

РГИА. Ф. 1294. Оп. 11. Д. 59.

СПбФ АРАН. Ф. 317. Оп. 1. Д. 44.

Барданес Х. Киргизская, или казацкая, хорография. /История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 4. Алматы, 2007. С. 93–194. [Bardanes Kh. Kirgizskaya, ili kazatskaya, khorografiya. /Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vv. Т. 4. Almaty, 2007. S. 93–194].

Большой С. Замечания о киргизах // Сын Отечества. 1822. Ч. 76. №14. С. 289–303. [Bol'shoy S. Zamechaniya o kirgizakh. // Syn Otechestva. 1822. Ch. 76. №14. S. 289–303].

Броневский. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды. //Отечественные записки. 1830. Т. 43. С. 70–97, 194–285. [Bronevskiy. Zapiski o kirgiz-kaysakh Sredney Ordy. // Otechestvennye zapiski. 1830. T. 43. S. 70–97, 194–285].

Веселовский К. О климате России. СПб, 1857. [Veselovskiy K. O klimate Rossii. SPb, 1857].

Виллие Я. Способы для сохранения здоровья солдат в военное время // Военно-медицинский журнал. 1828. Ч. 12. № 2. С. 139–155 [Villie Ya. Sposoby dlya sokhraneniya zdorov'ya soldat v военное vremya // Voенно-meditsinskiy zhurnal. 1828. Ch. 12. № 2. S. 139–155].

Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при Первом отделении Департамента Генерального Штаба. Т. XIV. Ч. 1. Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии; Ч. 2. Земли киргиз-кайсаков Оренбургского ведомства. СПб., 1848. Т. XVII. Ч. 3. Киргизская степь Западной

⁷⁹ Чистович 1870: 56 – 63.

- Сибири. СПб., 1852 [Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiyskoy imperii, izdavaemoe po Vysochaysheму повелению pri Pervom otdelenii Departamenta General'nogo Shtaba. T. XIV. Ch. 1. Voenno-statisticheskoe obozrenie Orenburgskoy gubernii; Ch. 2. Zemli kirgiz-kaysakov Orenburgskogo vedomstva. SPb., 1848. T. XVII. Ch. 3. Kirgizskaya step' Zapadnoy Sibiri. SPb., 1852].
- Гавердовский Я.П. Обозрение киргиз-кайсацкой степи (часть 1-я) или Дневные записки в степи Киргиз-кайсацкой 1803 и 1804 годов. / История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 5. Алматы, 2007(а). С. 155–282. [Gaverdovskiy Ya.P. Obozrenie kirgiz-kaysakskoy stepi (chast' 1) ili Dnevnye zapiski v stepi Kirgiz-kaysakskoy 1803 i 1804 godov. /Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov. T. 5. Almaty, 2007(а). S. 155 – 282].
- Гавердовский Я.П. Обозрение киргиз-кайсацкой степи (часть 2-я) или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого / История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 5. Алматы, 2007(б). С. 283–495. [Gaverdovskiy Ya.P. Obozrenie kirgiz-kaysakskoy stepi (chast' 2) ili Opisanie strany i naroda kirgiz-kaysakskogo. /Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov. T. 5. Almaty, 2007(б). S. 283 – 495].
- Гейрот Ф. О цинге. //Военно-медицинский журнал. 1824. Часть IV. №3. С. 395–425. [Geyrot F. O tsinge. //Voenno-meditsinskiy zhurnal. 1824. Ch. IV. №3. S. 395–425].
- Гладышев Д. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 гг. Гладышевым и Муравыным. СПб., 1851. [Gladyshev D. Pоеzdka iz Orska v Khivu i obratno, sovershennaya v 1740 - 1741 gg. Gladyshevym i Muravinyim. SPb., 1851].
- Извлечение из журнала инженер-майора Ладзженского, посланного в 1764 г. для осмотра восточных берегов Каспийского моря /Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 6. Ч. 2. Тифлис, 1875. С. 783–797. [Izvlечение iz zhurnala inzhener-mayora Ladyzhenskogo, poslannogo v 1764 g. dlya osmotra vostochnykh beregov Kaspiyskogo morya. /Aktы, sobrannye Kavkazskoy arkhеоgraficheskoy komissiyey. T. 6. Ch. 2. Tiflis, 1875. S. 783–797].
- Красовский М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. XVI. Ч. 1–3. Область сибирских киргизов. СПб., 1868. [Krasovskiy M. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. T. XVI. Ch. 1–3. Oblast' sibirskikh kirgizov. SPb., 1868].
- Левшин А. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. В 3 ч. Ч. 1. Известия географические. СПб., 1832. [Levshin A. Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh ord i stepey. V 3 ch. Ch. 1. Izvestiya geograficheskie. SPb., 1832].
- Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг. СПб., 1771 [Lepekhin I.I. Dnevnye zapiski puteshestviya doktora i Akademii nauk ad'yunkta Ivana Lepekhina po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva v 1768 i 1769 gg. SPb., 1771].
- Мейер Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865. [Meyer L. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva. SPb., 1865].
- Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Т. 1. СПб., 1770. [Pallas P.S. Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskoy imperii. T. 1. SPb., 1770].
- Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году: Путевые заметки. СПб., 1868. [Pashino P.I. Turkestanskiy kray v 1866 godu: Putevye zametki. SPb., 1868].
- Примечание // Военно-медицинский журнал. 1828. Ч. 11. № 3. С. 457 [Primechanie // Voenno-meditsinskiy zhurnal. 1828. Ch. 11. №3. S. 457].
- Рычков Н.П. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-кайсацкой степи 1771 г. СПб., 1772. [Rychkov N.P. Dnevnye zapiski puteshestviya kapitana Nikolaya Rychkova v Kirgiz-kaysakskoy stepi 1771 g. SPb., 1772].
- Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. СПб., 1762. Ч. 1. [Rychkov P. I. Topografiya Orenburgskoy gubernii. SPb., 1762. Ch. 1].
- Ханьков Н. О населении киргизских степей, занимаемых Внутренней и Малой ордами. // Журнал МВД. 1844. Ч. VIII. С. 1–60. [Khanykov N. O naselenii kirgizskikh stepey, zani-maemykh Vnutrenney i Maloy ordami. //Zhurnal MVD. 1844. Ch.VIII. S. 1–60].
- Чаруковский А.А. Военно-походная медицина. В 5 ч. СПб., 1836–1837. Ч. 1. Военная гигиена. 1836; Ч. 3. Болезни армии. 1837. [Charukovskiy A.A. Voenno-pokhodnaya meditsina. V 5 ch. SPb., 1836–1837. Ch. 1. Voennaya gigiena. 1836; Ch. 3. Bolezni armii. 1837].

- Четыркин Р.С. Опыт военно-медицинской полиции, или Правила к сохранению здоровья русских солдат в сухопутной службе. СПб., 1834. [Chetyrkin R.S. Opyt voenno-meditsinskoj politzii, ili Pravila k sokhraneniyu zdorov'ya russkikh soldat v sukhoputnoy sluzhbe. SPb., 1834].
- Чистович Я.А. Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб., 1870. [Chistovich Ya.A. Ocherki iz istorii russkikh meditsinskikh uchrezhdeniy XVIII stoletiya. SPb., 1870].
- Эверсман Э.А. Естественная история Оренбургского края. Ч. 1. Оренбург, 1840. [Eversman E.A. Estestvennaya istoriya Orenburgskogo kraia. Ch. 1. Orenburg, 1840].
- Ягмин А. Киргиз-кайсацкие степи и их жители. СПб., 1845. [Yagmin A. Kirgiz-kaysatskie stepi i ikh zhiteli. SPb., 1845].
- Johnson J. The Influence of Tropical Climates on European Constitutions. N.Y., 1846 (1813).
- Lind J. An Essay on Diseases Incidental to Europeans in Hot Climates. London, 1771 (1768).
- Lind J. Treatise on the Scurvy. In 3 parts. Containing an Inquiry into the Nature, Causes, and Cure, of that Disease. London, 1772.

ЛИТЕРАТУРА/LITERATURE

- Афанасьева А.Э. «Освободить... от шайтанов и шарлатанов»: дискурсы и практики российской медицины в Казахской степи в XIX веке. //Ab Imperio. 2008. №4. С. 113–150. [Afanas'eva A.E. «Osvobodit'... ot shaytanov i sharlatanov»: diskursy i praktiki rossiyskoj meditsiny v Kazakhskoy stepi v XIX veke. //Ab Imperio. 2008. №4. S. 113 – 150].
- Афанасьева А.Э. Теории жарких климатов в европейской медицинской литературе Нового времени. //Диалог со временем. 2021. №77. С. 210–227. [Afanas'eva A.E. Teorii zharkikh klimatov v evropeyskoj meditsinskoj literature Novogo vremeni. //Dialog so vremenem. 2021. №77. S. 210 – 227].
- Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. Материалы и очерки. М., 1960. [Vasil'ev K.G., Segal A.E. Istoriya epidemiy v Rossii. Materialy i ocherki. M., 1960].
- Гатина З.С. Врачебная экспертиза в системе управления Российской империи первой половины XIX века: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2017. [Gatina Z.S. Vrachebnaya ekspertiza v sisteme upravleniya Rossiyskoj imperii pervoy poloviny XIX veka: Diss. ... kand. ist. nauk. M., 2017].
- Ерофеева И.В. Служебные и исследовательские материалы российского дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахской степи (1731–1759). /История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 3. Алматы, 2005. С. 5–50. [Erofeeva I.V. Sluzhebnye i issledovatel'skie materialy rossiyskogo diplomata A.I. Tevkeleva po istorii i etnografii Kazakhskoy stepi (1731–1759). /Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vv. T. 3. Almaty, 2005. S. 5 – 50].
- Ерофеева И.В. Рукописное наследие поручика Я.П. Гавердовского по истории, географии и этнографии Казахской степи. /История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 5. Алматы, 2007. С. 5–14. [Erofeeva I.V. Rukopisnoe nasledie poruchika YA.P. Gaverdovskogo po istorii, geografii i etnografii Kazakhskoy stepi. /Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov. T. 5. Almaty, 2007. S. 5 – 14].
- История медицины и медицинской географии в Российской империи. /Под ред. Е.А. Вишленковой и А. Реннера (в печати). [Istoriya meditsiny i meditsinskoj geografii v Rossiyskoj imperii. /Pod red. E.A. Vishlenkovoy i A. Rennera (v pechati)].
- Марковин А.П. Развитие медицинской географии в России. СПб., 1993. [Markovin A.P. Razvitiye meditsinskoj geografii v Rossii. SPb., 1993].
- Палкин Б.Н. Очерки истории медицины и здравоохранения Западной Сибири и Казахстана в период присоединения к России (1716–1868). Новосибирск, 1967. [Palkin B.N. Ocherki istorii meditsiny i zdravookhraneniya Zapadnoy Sibiri i Kazakhstana v period prisoedineniya k Rossii (1716–1868). Novosibirsk, 1967].
- Campbell I. W. Knowledge and the Ends of Empire: Kazak Intermediaries and Russian Rule on The Steppe, 1731-1917. Ithaca; London, 2017.
- Harrison M. Medicine in an age of commerce and empire: Britain and its tropical colonies, 1660 - 1830. Oxford, 2010.
- Martin P.M.V., Martin-Granel E. '2,500-year Evolution of the Term Epidemic'. In: Emerging Infectious Diseases. Vol. 12, No. 6, June 2006. P. 977 – 978.

Афанасьева Анна Эдгардовна, кандидат исторических наук, доцент, Школа философии и культурологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); aafanasieva@hse.ru

**Climate, Disease and Imperial Expansion: Medico-Geographical
Exploration of the Kazakh Steppe Between the 1760s and 1860s**

The article focuses on the history of medico-geographical studies of the Kazakh steppe in the period of active Russian expansion in the region between the 1760s and 1860s. It examines descriptions of the Steppe environment by Russian doctors, officials and travellers and analyses their conclusions on the impact of the Steppe's natural conditions on human health. Their recommendations on preserving the health of troops and settlers in the Steppe are compared with the rules of "tropical hygiene" formulated in European medical literature of the time.

Key words: *history of medicine, medical geography, hot climates, history of the Russian empire, imperial medicine.*

Anna Afanasyeva, PhD, Associate Professor at the School of Philosophy and Cultural Studies, HSE University, Moscow. E-mail: aafanasieva@hse.ru

АБХАЗСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО В 1920-Е ГОДЫ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

В статье рассмотрена история создания Абхазского научного общества (АБНО), ставшего научным центром по организации всестороннего изучения Абхазии. Проанализирована интеллектуальная деятельность общества, занимавшегося теоретической разработкой научных вопросов по археологии, истории и языкознанию, распространением научных знаний среди населения. Авторы делают вывод о том, что Абхазское научное общество заложило основы абхазоведения и способствовало становлению первых научных учреждений Абхазии.

Ключевые слова: *Абхазия, абхазоведение, Абхазское научное общество, интеллектуальная история, кавказоведение, научные исследования, 1920-е годы.*

Создание первых научных организаций Абхазии приходится на период 1920-х гг., вошедший в историю как время становления советской науки, которая изначально была интегрирована в государственную систему. Возникающие повсеместно после окончания Гражданской войны научные общества и учреждения были ориентированы, прежде всего, на решение практических, экономических и общественно-политических задач, они сыграли важную роль в развитии исторических исследований, сохранении историографической традиции, охране объектов историко-культурного наследия. Благодаря им началось планомерное и интенсивное научное изучение Абхазии.

Период 1920-х гг. это и время расцвета краеведческих исследований, превращения краеведения в массовое историко-культурное движение. Этому, в определенной мере, способствовало участие разных слоев населения в общественной жизни страны, а также укрепление веры в возможности нового социалистического строя. В этот период происходило и становление научной школы исторического краеведения, представители которой внесли вклад в формирование научного понятийного аппарата – понимание объекта, предмета и исследовательских методик в области краеведения².

Создание научных обществ в 1920-е гг. во многом было обусловлено накопленным еще в дореволюционный период интеллектуальным потенциалом на местах. На рубеже XIX–XX вв. в российской провинции повсеместно возникали научные общества (исторические, археологические, медицинские, технические, сельскохозяйственные, литературные), занимающиеся изучением родного края, благотворительностью и научно-просветительской деятельностью. Они объединяли не

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии наук Абхазии в рамках научного проекта № 19-59-40001 «Историография и источниковедение истории Абхазии XIX – начала XX в.: подготовка библиографического указателя», руководитель М.Е. Колесникова.

² См.: Анциферов 1927: 23 – 26; Анциферов 1928: 321-338.

только профессионалов, но и историописателей, ценителей местной истории, «натуралистов» и «естествоиспытателей». Сложившиеся традиции были сохранены и в советский период. Не стало исключением и Абхазское научное общество (АБНО), основанное летом 1922 г. на базе Сухумского общества сельского хозяйства (учреждено 1898 г.).

История создания и деятельности Абхазского научного общества слабо разработанная тема в кавказоведении. Одним из первых исследований по истории создания общества, содержащим краткую характеристику его научно-исследовательской и публикационной деятельности, была работа Л.М. Чочуа, написанная в 1928 г. на пятилетие общества. Оценивая положительно деятельность общества, автор отмечал, что оно явилось «сильным организующим центром, которому удалось выявить, организовать и вовлечь в научно-исследовательскую деятельность научные и культурные связи Абхазии»³. Интерес представляет и рукопись Л.Х. Акаба «Развитие науки в Абхазии с 1921 по 1941 г.», хранящаяся в рукописном фонде Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа. В ней история АБНО рассмотрена в контексте советских преобразований в сфере науки в довоенный период. Истории АБНО уделено внимание в работах А.Э. Куправа, посвященных истории культурного строительства в советской Абхазии, историографии истории Абхазии XX в., биографическим исследованиям⁴.

Отдельные сюжеты связанные с деятельностью общества нашли отражение в юбилейных изданиях, посвященных истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, в работах Х.С. Бгажба⁵, обобщающих трудах Г.А. Дзидзария⁶. В работе Ш.Х. Салакая, посвященной 50-летию института, особо было отмечено краеведческое направление в деятельности Общества и его международные научные связи, контакты со многими научными организациями⁷. Многогранная деятельность АБНО рассмотрена в работах В.Ш. Авидзба⁸.

Сквозь призму охраны памятников природы и старины Абхазии проанализирована деятельность АБНО в статье С.З. Лакоба⁹, где затрагивается история археологической экспедиции А. Башкирова в 1925 г., особо отмечается роль АБНО в спасении памятников древности, в создании музея. Научно-исследовательская, преимущественно археологическая и экспедиционно-собираТЕЛЬСКАЯ деятельность Абхазского научного общества упоминается на страницах ряда работ по истории археологического изучения Абхазии, а также в обобщающих исследованиях по истории Абхазии¹⁰.

³ Чочуа 1976: 229.

⁴ Куправа 2013: 462-468; Куправа 2010.

⁵ Бгажба 1961: 197-204.

⁶ Абхазская АССР в братской семье советских народов 1972.

⁷ Салакая 1982: 10.

⁸ Авидзба 2004: 3-14; Авидзба. Основные направления...

⁹ Лакоба С.З. Виктор Стражев: русский поэт, педагог и археолог в Абхазии (II)...

¹⁰ Орелкина 2011: 180-183; Абхазы 2012.

Актуальность теме придает и необходимость объективной оценки культурной ситуации 1920-х гг., культурного строительства в первые годы советской власти в Абхазии, в т.ч. проблем формирования системы научных учреждений, партийного руководства сферой науки, идеологизации духовной жизни советского общества. Это было время теоретических исканий, организационного оформления научных структур, занимающихся изучением прошлого Абхазии. Возникающие общества и учреждения были слабо обеспечены научными кадрами, в основном они объединяли любителей, энтузиастов, краеведов, педагогов-практиков, активно привлекались специалисты из соседних республик.

Абхазское научное общество было создано летом 1922 г. В Уставе общества, опубликованном в ноябре того же года в газете «Голос трудовой Абхазии», отмечалось, что создавалось оно как краеведческое и научно-исследовательское общество, деятельность которого направлена на всестороннее изучение Абхазии, теоретическую разработку вопросов по всем отраслям знания и распространение научных знаний среди населения¹¹. В состав общества вошли учителя, врачи, агрономы, инженеры и другие представители интеллигенции. Общество имело местные отделения в Самурзаканском, Кодорском, Гудаутском и Гагрском уездах. Всего в обществе в разные годы числилось от 120 до 193 чел.¹² Материальная база общества главным образом состояла из правительственных субсидий, средства которых использовались для научно-исследовательских изысканий. Совнарком Абхазии передал Абхазскому научному обществу имущество бывшего Сухумского общества сельского хозяйства «(участок земли около 360 кв. саж. со складочными и торговыми помещениями) с предоставлением ему права эксплуатации этого имущества», выделил субсидию в размере 180 червонцев (1800 руб.),¹³ что означало фактическое завершение процедуры учреждения общества и начало его самостоятельной работы. Выделение средств означало и факт признания государственного значения АБНО для развития научных и краеведческих исследований в Абхазии.

На выделенные Совнаркомом Абхазии средства в 1923 г. были организованы две научные экскурсии: на Марухский перевал и минеральный источник Нарзан в урочище Шхабца и экскурсия в Ткварчельский каменноугольный район с целью изучения существующих каменноугольных месторождений, а также изучения местности для постройки железнодорожной дороги от Очамчир до Ткварчели. Эти две экскурсии стали первым шагом в научном изучении Абхазии. Изучались, прежде всего, природные ресурсы, экономика, географические и природные условия Абхазии, производительные силы республики. В последующие

¹¹ Устав Абхазского научного общества 1922. 24 ноября. № 269.

¹² Обзор деятельности... с 15-го мая 1923 г. по 15-го февраля 1924 г. Сухум, 1924: 2; Обзор деятельности... с 15/II 1924 г. по 1/I 1925 г. 1925: 202; Отчет о деятельности... за 1925 г. (с 1 января 1925 г. по 1 января 1926 г.) 1926: 97.

¹³ Деятельность Абхазского Научного Общества за 1923-1924 гг. 1924: 93-96.

годы общество развернуло масштабную по тем временам экспедиционную деятельность, частью задач, которой была собирательская работа артефактов, этнографических материалов; постановка на учет памятников археологии, истории и культуры. Внимание было уделено изучению истории и культуры народов региона.

Почти год ушел на организационную работу, формирование коллектива, определение направлений и тематики исследований. В этот период регулярно устраивались общие собрания с представлением на них научных докладов. В мае 1923 г. был утвержден руководящий орган – Совет общества, приступивший к изысканию средств необходимых для проведения научных исследований¹⁴. Для проведения стационарной научно-исследовательской работы не хватало постоянных помещений. Лишь летом 1924 г. обществу выделили нижний этаж Архиерейского дома в Сухуме¹⁵.

Изначально Абхазское научное общество имело в своем составе три секции: медицинскую, сельскохозяйственную, техническую. Во главе каждой секции находилось правление. Позже была организована географо-этнографическая секция. Коллегиальным органом, осуществляющим общее руководство обществом и определяющим стратегию его развития являлся Ученый Совет, в состав которого входили ученые, специалисты-практики в разных областях знаний, руководители республики. Председателем общества был избран Г.П. Барач, товарищем (заместителем) председателя – В.М. Козлов, секретарем – В.П. Малеев. Членами Ученого Совета Абхазского научного общества являлись Н.А. Лакоба, Н.Н. Акиртава, С.Я. Чанба, Л.Л. Захаровский и С.П. Басария, кандидатами в члены – Д.И. Гулия, Е.А. Кублицкий и Л.В. Карташев. В Ученый Совет также входили представители правлений секций: от медицинской – врач А.С. Меерович; от технической – инженер Г.З. Андронников (до его отъезда из Сухума в сентябре 1923 г.)¹⁶.

Научно-исследовательская составляющая в работе общества соответствовала следующим основным направлениям: изучение социально-экономического развития региона, культурных и природных богатств Абхазии; особое внимание к изучению региона в историческом, археологическом и этнографическом аспектах; общественно-значимая работа, включающая просветительскую и музейную работу, а также широкое знакомство с полученными результатами на страницах местной и центральной печати, в научной литературе. Тематика исследований зависела от разных обстоятельств: от директив советской власти, отражающих требования времени по развитию народного хозяйства рес-

¹⁴ Бюллетень Абхазского научного общества 1923: 11.

¹⁵ Деятельность Абхазского Научного Общества за 1923-1924 гг. 1924: 93-94.

¹⁶ Сельскохозяйственная и географо-этнографическая секции своих особых представителей не имели, так как в состав Ученого Совета были избраны их члены. Например, В.М. Козлов был одновременно и членом Совета, и председателем сельскохозяйственной секции.

публики, преодоление ее экономической и культурной отсталости, от запросов различных организаций и учреждений, от источниковой базы, но чаще всего от личности исследователя, уровня его подготовки, его инициативности и целеустремленности. На формирование научно-исследовательских направлений самым серьезным образом влияла Академия наук, а также советские и зарубежные научные учреждения.

Проведенный анализ основных тем исследований, показал широкое внимание членов общества к вопросам этнографии, истории, естествознания, зоологии и геологии. Среди других направлений – собиранье, научное описание, классификация и охрана памятников абхазской старины; составление археологической карты Абхазии; запись памятников устного народного творчества; развитие краеведческого движения и обучение учителей Абхазии и т.д.

Основными формами работы были регулярные заседания с обсуждением докладов; научные командировки и экскурсии; организация естественнонаучных и этнолого-археологических экспедиций; охрана памятников древности; научное описание и классификация памятников абхазской старины; установление связей с научными и краеведческими учреждениями других республик; организация публичных научно-просветительских лекций, чтений; научно-организационные мероприятия по проведению совещаний, съездов и научных конференций.

При непосредственном участии АБНО был организован и проведен Первый съезд деятелей краеведения Черноморского побережья и Западного Кавказа (12-19 сентября 1924 г.). Решение о проведении съезда в Абхазии было принято в марте 1924 г. на совещании в Краснодаре. Его организация была возложена на Абхазское научное общество, которое добилось к тому времени значительных результатов в краеведческой деятельности. Торжественное открытие съезда состоялось 12 сентября в Сухуме, в здании первого государственного театра. В работе съезда приняли участие 188 чел., было прочитано около 150 докладов¹⁷.

Среди участников Первого съезда деятелей краеведения были известные ученые, общественные деятели, представители партийного руководства региона: председатель Распорядительного комитета съезда и Абхазского научного общества Г.П. Барач, сотрудник Института языка и мышления К.Д. Дондуа, сотрудник Российской академии истории материальной культуры А.Н. Генко, основатель Яфетического института Н.Я. Марр, председатель Совнаркома Абхазии Н.А. Лакоба и др.¹⁸

Съезд сыграл огромную роль в развитии научных исследований в республике, и в целом - в культурной и общественной жизни региона. Вслед за всплеском внимания к местной истории, изучению природно-климатических особенностей Абхазии, ее экономического развития

¹⁷ Бюллетень Распорядительного комитета Первого съезда деятелей по краеведению... 1924. № 2. 20 с.; Бюллетень Распорядительного комитета Первого съезда деятелей краеведения... Отчеты и резолюции Съезда 1924: 3-4, 13.

¹⁸ Второй съезд деятелей по краеведению... 2012: 12–29.

научным обществам и организациям удалось сделать главное – сохранить традиции научного кавказоведения, наладить плодотворное сотрудничество между научными центрами страны и республики.

Съездом были поставлены конкретные задачи перед АБНО, в т.ч. создание научно-исследовательского института – Института краеведения Абхазии. Идея о его создании высказывалась еще до съезда. Ведь осуществление планомерной работы по изучению Абхазии, ее населения, природы и естественных богатств требовало единого координирующего органа, научного учреждения, обеспеченного квалифицированными кадрами и необходимым оборудованием¹⁹.

В ряде резолюций была предложена программа первоочередных работ, которые поручались АБНО: проведение археологических раскопок на территории Абхазии; сохранение и изучение памятников старины Кубано-Черноморской области, памятников церковной археологии Абхазии (Москвинского, Ведийского, Лыхненского и Пицундского храмов); составление «Corpus inscriptionum Абхазии на всех языках»; сбор в Сухуме, при одной из библиотек, «специального книжного фонда по Абхазии»; разбор, сохранение и разработка «архивного материала» Абхазии; составление путеводителя и археологической карты Абхазии; создание при Наркомпросе Абхазии комиссии по охране памятников старины и природы; развитие школьного краеведения в Абхазии; систематическое историческое, этнографическое, ботаническое, зоологическое, метеорологическое и геологическое изучение Абхазии и др.²⁰

АБНО ежегодно организовывало научные экспедиции. В 1924 г. геологические изыскания в районе г. Дзышры и до реки Гумисты проводил П.И. Ивченко²¹. В 1925 г. археологические обследования Северного и Восточного Причерноморья проводил известный русский археолог А.С. Башкиров²², плодотворно сотрудничавший с АБНО. Он изучал античные и раннесредневековые памятники. По заданию общества летом 1925 г. он провел археологические разведки на территории Абхазии, результаты которых были опубликованы на страницах «Известий АБНО»²³. Изучение данного района входило в сферу кавказоведческих интересов, созданного в 1920 г. при Московской секции РАИМК, Комитета по изучению языков и этнических культур народностей Востока (Восточный комитет), членом которого являлся А.С. Башкиров.

Целью экспедиции А.С. Башкирова было составление плана систематического обследования памятников истории материальной культуры Абхазии: Сухум и его окрестности, Пицундский мыс, Гудаутский районом с центром в Лыхнах, Ново-Афонский с районом Иверской го-

¹⁹Бюллетень Распорядительного комитета Первого съезда деятелей краеведения... Отчеты и резолюции Съезда 1924: 17.

²⁰Бюллетень Распорядительного комитета... 1924: 3-4, 13, 27-31, 36, 61-63.

²¹Известия Абхазского научного общества 1925: 181-183.

²²См: Непомнящий 2018: 40-83.

²³Башкиров 1926: 3-59.

ры. Средства на проведение экспедиции были выделены Совнаркомом ССР Абхазии и Восточным комитетом²⁴. В документах отмечалось, что все материалы, «которые имеют быть добыты его экспедицией на территории и на средства Абхазии... должны быть сданы в музей АБНО... Вместе с сим, так как права Главнауки РСФСР не распространяются на территории Абхазии, то присланный открытый лист проф. Башкирова в пределах Абхазии не может иметь силы и должен быть заменен открытым листом, выданным Комиссией по охране памятников природы и старины при НКПроме Абхазии»²⁵. Итоги работ А.С. Башкирова были представлены в виде доклада «К археологии Абхазии», сделанного 9 октября 1925 г. в Сухуме, позже они были опубликованы²⁶. Изыскания А.С. Башкирова способствовали проведению широкомасштабных археологических раскопок в Сухумской крепости, Анакопии, Пицунде, Лыхны. Именно он выдвинул идею о создании Пицундского историко-архитектурного заповедника (Историко-археологический заповедник «Великий Питиунт» был открыт в 1991 г.).

Популяризация археологических знаний способствовала возникновению общественного интереса к прошлому Абхазии, сохранению историко-культурного наследия. Так, в 1926 г. по поручению общества экскурсию с целью выявления протяженности и направления Келасурской стены проводили В.И. Стражев, М.М. Иващенко и А.П. Садкевич²⁷. В.И. Стражевым были уточнены данные о начальной трассе стены, установлено западное направление ее обороны, а М.М. Иващенко описал участок стены между Келасур и Мерхеул, определил датировку стены – VI в., ее общую длину – 150 км, число башен – 800²⁸.

При содействии АБНО проводились и этнографические экспедиции. В 1925 г. научные поездки по Абхазии с целью собирания сведений и материалов, касающихся народного быта, обычаев, воззрений и верований абхазов, совершил заведующий историко-этнологическим отделом Закавказской научной ассоциации при ЗакЦИКе Г.Ф. Чурсин. Интерес представляют его записки «тотемических воззрений», материалы, касающиеся фамильных «запретных дней», легенды, выясняющие происхождение и смысл свадебных песен, обычаи и верования кузнецов, охотничьи верования и обычаи, легенды о животных и т.д.

При участии АБНО геологоразведочные работы в 1924 г. проводил научный сотрудник Геологического Комитета П.И. Ивченко, почвенную экспедицию – профессор С.А. Захаров, ботаническую экспедицию – В.П. Малеев, зоологические разведки – Г.П. Барач.²⁹ Научную

²⁴ Бюллетень Абхазского научного общества 1925. № 9-10. С. 51-52; Башкиров 1926: 3-6.

²⁵ Лакоба С.З. Виктор Стражев: русский поэт, педагог и археолог в Абхазии (II)...

²⁶ Башкиров 2000: 180-190; 1926: 3-59.

²⁷ Стражев 1926: 25-28; Иващенко 1926. Вып. 61-89; Иващенко 1926: 90-92.

²⁸ Требелева, Юрков, Горлов и др. 2012: 169-178.

²⁹ Бюллетень Абхазского научного общества 1925: 31-33.

поездку в Гальский уезд, с целью проведения топографической съемки и описания оз. Б. Бебесыр, совершили члены Совета АБНО Г.П. Барач и В.П. Малеев. Перед учеными была поставлена задача определить возможности развития на озере промышленного рыболовства.

Работы Общества вписывались в пятилетний план по развитию производительных сил республики. В сфере интересов были и возможности развития чайной культуры в Абхазии. В связи с этим, постановлением Бюро по организации изучения производительных сил Абхазии в план работы АБНО в 1925 г. было включено изучение опыта крестьянских хозяйств в Кодорском и Гальском уездах³⁰.

Несмотря на удаленность от центра АБНО постоянно расширяло научные связи с другими регионами с целью повышения интенсивности научной работы. К началу 1924 г. Общество сотрудничало с Центральным Бюро Краеведения при Российской Академии наук, Московским отделением данного Бюро, Кубано-Черноморским краевым научно-исследовательским институтом, Пензенским обществом любителей естествознания, Бакинской ихтиологической лабораторией, Красноярским отделом Русского географического общества, Краевым музеем имени Кузнецова в Чите, Обществом истории, археологии и этнографии при Саратовском университете и др.³¹ В целом АБНО поддерживало научные связи с 175 научными учреждениями Советского Союза, 12 германскими организациями и 67 отдельными учеными³².

Культурно-просветительская деятельность АБНО, осуществляемая через совместную работу с музеями и библиотеками, показала свою эффективность. Общество располагало богатой научной библиотекой, фонд которой насчитывал 2300 книг. Представленные в ней издания позволяли своевременно реагировать на научные открытия и появление новых фактов из области истории, естествознания, социологии и этнографии, влияли на развитие кавказоведения в целом и абхазоведение в частности³³. В целях сосредоточения всей научной литературы по кавказоведению и абхазоведению в одном месте были предприняты шаги к созданию при библиотеке Общества единого книжного фонда. Параллельно проводилась работа и по упорядочению архивного дела в республике с концентрацией всех архивных материалов.

Еще одним направлением деятельности АБНО была музейная работа. Сотрудники общества сразу приступили к организации краеведческого музея, используя для этого экспонаты переданного ему музея «Общества любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа»³⁴. В дальнейшем музей существенно пополнился экспонатами краеведческой выставки, устроенной в Сухуме в 1921 г., и Все-

³⁰ Там же: 25.

³¹ Обзор деятельности... с 15-го мая 1923 г. по 15-го февраля 1924 г. 1924: 5.

³² Отчет о деятельности... за 1925 г. (с 1 января 1925 г. по 1 января 1926 г.). 1926: 102.

³³ Обзор деятельности... с 15/II 1924 г. по 1/I 1925 г. 1925: 204.

³⁴ Куправа 2013: 467.

союзной сельскохозяйственной выставки в Москве в 1923 г. (из Абхазского павильона была приобретена дендрологическая коллекция из 200 древесных единиц)³⁵. В последующие годы коллекции музея пополнялись за счет материалов, которые были найдены в результате изысканий и обследований членов общества в разных районах Абхазии.

В 1925 г. музей имел уже 5 отделов: отдел археологии, отдел нумизматики, отдел зоологии, отдел ботаники, отдел геологии. В том же году фонды музея пополнились экспонатами: коллекцией орнаментированных черепков глиняной посуды, собранной в ходе обследования горы-крепости Цебельды; приобретенной коллекцией монет, найденных при реставрации Пицундского храма и в Сухуме; копиями фресок и надписей Пицундского храма и копиями фресок Лыхненского храма, сделанными М.И. Галашевским; чучелами птиц и спиртовыми препаратами; гербариями Марухской экспедиции 1923 г., из окрестностей Сухума и гербарием водной флоры Пицундского района и оз. Бебесыр; геологическими образцами, собранными геологом П.И. Ивченко во время экспедиции 1924 г.³⁶ Вся деятельность членов АБНО по созданию и развитию музея не только была безвозмездной, но и явилась результатом активной краеведческой работы общества³⁷. В 1926 г., получив от Главнауки РСФСР бесплатно некоторые приборы (микроскоп, микротом, весы и пр.), Обществу удалось организовать небольшую лабораторию, в которой «велись работы главным образом по ботанике и зоологии»³⁸. Общество вело работу по изучению метеорологии, геологии, флоры и фауны Абхазии, ее природных богатств.

К историко-краеведческой и поисковой работе члены Общества постоянно привлекали местное население, занимались популяризацией научных знаний, устраивали различные лектории по вопросам краеведения среди учителей Абхазии.

Занималось Общество и культуроохранительной деятельностью. Совет Общества принимал меры к охране памятников старины и природы. Весной 1924 г. на утверждение Абхазского ЦИКа Совет АБНО представил разработанный проект декрета об охране памятников и свои предложения об учреждении при Наркомпросе Абхазии комиссии, которая бы выступила органом, регулирующим и объединяющим мероприятия различных ведомств и местных исполкомов в области охраны памятников старины и природы. Комиссия должна была выполнять функции соответствующего отдела Главнауки, ведающего этими вопросами в РСФСР. В Абхазии подобного органа не существовало. Предложение было поддержано и резолюцией Первого Съезда краеведения. К концу 1924 г. оба проекта были утверждены и опубликованы.

³⁵ Деятельность Абхазского Научного Общества за 1923-1924 гг. 1924: 94.

³⁶ Бюллетень Абхазского научного общества 1925: 28-29; 53-54.

³⁷ Куправа 2013: 467-468.

³⁸ Отчет о деятельности Абхазского научного общества за 1925 г. (с 1 января 1925 г. по 1 января 1926 г.). 1926: 102.

Кроме этого, членами общества были приняты меры к сохранению от порчи и сырости фресок Лыхненского храма, исторических развалин в районе Нового Афона и случайных археологических находок³⁹.

Одним из главных показателей научно-исследовательской активности общества служит критерий его издательской деятельности. Обязательным научным изданием с 1923 г. стали «Бюллетени», в которых давалась информация о годовой деятельности Общества, краткие предварительные отчеты о результатах научно-исследовательских работ его членов, программы и анкеты по собиранию этнографических материалов и сведений о флоре и фауне Абхазии, инструкции для производства почвенных, археологических и геологических изысканий⁴⁰.

В 1923 г. Совет Общества принял также решение об издании еще одного печатного органа – «Известий»⁴¹. На заседаниях Совета была выработана программа издания, ответственным редактором был избран Г.П. Барач. В редакционную комиссию вошли представители от секций Общества: Е.А. Евдокимов, Е.А. Кублицкий и В.М. Козлов, но, в силу причин технического характера, в 1924 г. запланированное издание «Известий Абхазского научного общества» не состоялось. Они стали выходить с 1925 г. В первый выпуск «Известий» вошли работы членов АБНО, затрагивающие вопросы всестороннего изучения Абхазии, которые поднимались на заседаниях Общества и на Первом Съезде деятелей краеведения Черноморского побережья и Западного Кавказа, который проходил в Сухуме⁴². На страницах последующих выпусков «Известий» публиковались научные статьи, результаты экспедиций, годовые отчеты о деятельности, доклады, сделанные на общих и секционных собраниях членами общества и т.д., относящиеся к изучению Абхазии и сопредельных с нею областей Кавказа и выполненные не только местными учеными и краеведами⁴³.

В результате плановой деятельности общества, стремящегося более полно организовать изучение Абхазии и ее природных богатств, в 1926 г. вышло сразу два номера тематических «Известий». Один выпуск был посвящен результатам исследования Ткварчельской каменноугольной экспедиции 1923 г.⁴⁴, другой – археологическому изучению Абхазии: изысканиям археологической экспедиции 1925 г. А.С. Башкирова, вопросам в области исторической географии Абхазии – исследованию и описанию Келасурской или Великой Абхазской стены в силу ее разрушения (вопрос обсуждался еще на V (Тифлиском) Археологи-

³⁹ Стражев 1926: 106-107.

⁴⁰ Бюллетень Абхазского научного общества 1923. № 1; 1925. № 1-7; 1925. № 8; 1925. № 9-10; 1925. № 11-12.

⁴¹ Обзор деятельности Абхазского научного общества за время с 15-го мая 1923 г. по 15-го февраля 1924 г. 1924: 5-6.

⁴² Известия Абхазского научного общества 1925. № 1.

⁴³ Известия Абхазского научного общества 1926. № 2; 1926. № 3; 1926. № 4.

⁴⁴ Известия Абхазского научного общества 1926. № 2.

ческом съезде в 1881 г., но к 1926 г. эта задача не была выполнена); о местонахождении Диоскурии (М.М. Иващенко), об остатках старины в Москвинском районе Кодорского уезда (С.Л. Коркунов) и др.⁴⁵ Результаты исследований членов Общества издавались и отдельными книгами⁴⁶. Эти издания представляют собой универсальный комплекс исторических источников по становлению научного абхазоведения, истории, географии, библиографии Абхазии и Кавказа в целом.

В конце 20-х гг. XX вв. Абхазское научное общество постепенно распадается. Из его структуры первоначально выделилось медицинское общество, а затем и научно-техническое, резко сократилось количество докладов и научных изысканий. В августе 1931 г. с целью объединения ученых и научно-общественных организаций Президиум ЦИКа Абхазии принял решение о слиянии Абхазского научного общества и Научно-исследовательского института абхазского языка и литературы и создании на их основе Абхазского научно-исследовательского института краеведения (АбНИИК), который и продолжил исследования материальной и духовной культуры Абхазии. Позже он был реорганизован в Абхазский институт языка, литературы и истории, ныне Абхазский институт гуманитарных исследований имени Д.И. Гулиа.

Подводя итог краткому экскурсу в историю становления и развития Абхазского научного общества в условиях укрепления советской власти в Абхазии, особо отметим объединительные процессы в среде ученых, краеведов, учителей, позволившие начать научное изучение Абхазии, организовать широкую культуuroохранительную и научно-популяризаторскую работу. Публикационная активность членов АбНО позволила сформировать источниковую базу исторических и историографических исследований, заложив основы научного абхазоведения.

Отвечая потребностям молодого советского государства, АбНО начало свою работу с изучения естественных и производительных сил страны и постепенно перешло к рассмотрению историко-культурных вопросов, изучению исторического прошлого Абхазии. В результате своей деятельности Общество оставило научное наследие, требующее нового осмысления, введения в научный оборот целого ряда архивных материалов по истории его деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Абхазская АССР в братской семье советских народов / Ред. Г.А. Дзидзария. Сухуми: Алашара, 1972. 149 с. [Abkhaz ASSR in the fraternal family of Soviet peoples / Ed. G.A. Dzidzaria. Sukhumi: Alashara, 1972. 149 p.]
- Абхазы / Отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. Москва: Наука, 2012. 551 с. [Abkhazians / Resp. ed. Yu.D. Anchabadze, Yu.G. Argun. Moscow: Nauka, 2012. 551 p.]
- Авидзба В.Ш. Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа: история, проблемы, перспективы // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28-31 мая 2001 г. Сухум: АБИ-

⁴⁵ Известия Абхазского научного общества 1926. № 4.

⁴⁶ Известия Абхазского научного общества 1926. №3: 106-107.

- ГИ, 2004. С.3-14. [Avidzba V.Sh. Abkhazian Institute of Humanitarian Research named after DI. Gulia: history, problems, prospects // Caucasus: history, culture, traditions, languages. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 75th anniversary of the Abkhaz Institute for Humanitarian Research named after DI. Gulia ANA May 28-31, 2001 Sukhum: AbIGI, 2004. P. 3-14].
- Авидзба В.Ш. Основные направления кавказоведческих исследований в Абхазии // Официальный сайт «Научного общества Кавказоведов» [Avidzba V.Sh. The main directions of Caucasian studies in Abkhazia Official site of the «Scientific Society of Caucasian Studies»] URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2011/03/16/>
- Анциферов Н.П. Краеведение как историко-культурное явление // Известия Центрального Бюро краеведения. 1927. № 3. С. 23–26 [Antsiferov N.P. Regional studies as a historical and cultural phenomenon // News of the Central Bureau of Regional Studies. 1927. № 3. P. 23–26].
- Анциферов Н.П. Краеведческий путь в исторической науке // Краеведение. 1928. Т. 6. С. 321-338/. [Antsiferov N.P. Local history path in historical science // Local history. 1928. Vol. 6. P. 321-338].
- Башкиров А.С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года // Известия Абхазского научного общества. Сухум, 1926. Вып. 4. С. 3-59. [Bashkirov A.S. Archaeological research in Abkhazia in the summer of 1925 // News of the Abkhaz Scientific Society. Sukhum, 1926. Issue. 4. P. 3-59].
- Башкиров А.С. К археологии Абхазии / Текст и примечание подготовил О.Х. Бгажба // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Сухум: Алашара, 2000. Вып. 1. С. 180-190. [Bashkirov A.S. On the archeology of Abkhazia / Text and note prepared by O.Kh. Bgazhba // Abkhazology. Story. Archeology. Ethnology. Sukhum: Alashara, 2000. Issue. 1. P. 180-190].
- Бгажба Х.С. К истории Абхазского института // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулия. Сухуми, 1961. Вып. 32. С. 197–204. [Bgazhba Kh.S. To the history of the Abkhaz Institute // Proceedings of the Abkhaz Institute of Language, Literature and History named after A. DI. Gulia. Sukhumi, 1961. Issue. 32. P. 197–204].
- Бюллетень Абхазского научного общества. Сухум: Б.и., 1923. № 1. 12 с. [Bulletin of the Abkhaz Scientific Society. Sukhum: B.I., 1923. № 1. 12 p.].
- Бюллетень Абхазского научного общества. Сухум: Б.и., 1925. № 1-7. 20 с. [Bulletin of the Abkhaz Scientific Society. Sukhum: B.I., 1925. № 1-7. 20 p.].
- Бюллетень Абхазского научного общества. Сухум: Б.и., 1925. № 8. 40 с. [Bulletin of the Abkhaz Scientific Society. Sukhum: B.I., 1925. № 8. 40 p.].
- Бюллетень Абхазского научного общества. Сухум: типо-лит. ВСНХа, 1925. № 9-10. 62 с. [Bulletin of the Abkhaz Scientific Society. Sukhum: Tipo-lit. VSNKh, 1925. № 9-10. 62 p.].
- Бюллетень Абхазского научного общества. Сухум: типо-лит. ВСНХа, 1925. № 11-12. 12 с. [Bulletin of the Abkhaz Scientific Society. Sukhum: Tipo-lit. VSNKh, 1925. № 11-12. 12 p.].
- Бюллетень Распорядительного комитета Первого съезда деятелей краеведения Черноморского побережья и Западного Кавказа. Отчеты и резолюции Съезда. Сухум: б.и., 1924. № 3. 71 с. [Bulletin of the Steering Committee of the First Congress of Local History Figures of the Black Sea Coast and the Western Caucasus. Reports and resolutions of the Congress. Sukhum: b.i., 1924. № 3. 71 p.].
- Второй съезд деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа: неизвестные страницы истории памятникоохранительной деятельности // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Том 25 (64). 2012. № 2. С. 12–29. [The second congress of local lore figures of the Black Sea coast and the Western Caucasus: unknown pages of the history of monument conservation // Uchenye zapiski Tavricheskogo national university im. V.I. Vernadsky. Series «Historical Sciences». Volume 25 (64). 2012. № 2. P. 12–29].
- Деятельность Абхазского Научного Общества за 1923-1924 гг. // Краеведение на Кавказе: Общекавказский научно-информационный журнал. Владикавказ, 1924. № 1. С. 93-96. [Activities of the Abkhaz Scientific Society for 1923-1924 // Local history in the Caucasus: All-Caucasian scientific and information journal. Vladikavkaz, 1924. № 1. P. 93-96].
- Иващенко М. М. О направлении Келасурской стены // Известия Абхазского научного общества. 1926. Вып. 4. С. 90-92. [Ivaschenko M. M. About the direction of the Kelasur wall // News of the Abkhaz Scientific Society. 1926. Issue. 4. P. 90-92].

- Иващенко М.М. Великая Абхазская стена // Известия Абхазского научного общества. 1926. Вып. 4. С. 61-89. [Ivaschenko M.M. The Great Abkhaz Wall // News of the Abkhaz Scientific Society. 1926. Issue. 4. P. 61-89].
- Известия Абхазского научного общества. Сухум: Б.и., 1925. Вып. 1. 212 с. [Proceedings of the Abkhaz Scientific Society. Sukhum: B.I., 1925. Issue. 1. 212 p.].
- Известия Абхазского научного общества. Сухум: Б.и., 1926. Вып. 2. 194 с. [Proceedings of the Abkhaz Scientific Society. Sukhum: B.I., 1926. Issue. 2. 194 p.].
- Известия Абхазского научного общества. Сухум: Б.и., 1926. Вып. 3. 107 с. [Proceedings of the Abkhaz Scientific Society. Sukhum: B.I., 1926. Issue. 3. 107 p.].
- Известия Абхазского научного общества. Сухум: Б.и., 1926. Вып. 4. 135 с. [Proceedings of the Abkhaz Scientific Society. Sukhum: B.I., 1926. Issue. 4. 135 p.].
- Куправа А.Э. Из истории культурного строительства в советской Абхазии (1921–1925) // Куправа А.Э. Труды: в десяти томах. Т. 1: АБИГИ им. Д.И. Гулиа АН Абхазии. Сухум, 2013. Т. 1. С. 321-496. [Kuprava A.E. From the history of cultural construction in Soviet Abkhazia (1921-1925) // Kuprava A.E. Proceedings: in ten volumes. T. 1: AbIGI them. DI. Gulia of the Academy of Sciences of Abkhazia. Sukhum, 2013. Vol. 1. P. 321-496].
- Куправа А.Э. Люди: время и жизнь. Сухум: б.и., 2010. 496 с. [Kuprava A.E. People: time and life. Sukhum: b.i., 2010. 496 p.].
- Лакоба С.З. Виктор Стражев: русский поэт, педагог и археолог в Абхазии (II) // Официальный сайт «Научного общества Кавказоведов» [Lakoba S.Z. Viktor Strazhev: Russian poet, teacher and archaeologist in Abkhazia (II) // Official site of the «Scientific Society of Caucasian Studies» URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2013/04/12/viktor-strazhev-russkij-poet-pedagog-i-arheolog-v-abhazii-ii.html>]
- Непомнящий А.А. Алексей Башкиров в Крымоведческих коммуникациях первой трети XX столетия // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2018. Т. 4(70). №4. С. 40-83. [Nepomnyashchy A.A. Alexey Bashkirov in Crimean communications of the first third of the twentieth century // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Series «Historical Sciences». 2018. Vol. 4 (70). № 4. P. 40-83.].
- Обзор деятельности Абхазского научного общества за время с 15-го мая 1923 г. по 15-го февраля 1924 г. Сухум: б.и., 1924. 16 с. [Review of the activities of the Abkhaz Scientific Society during the period from May 15, 1923 to Febr. 15, 1924 Sukhum: b.i., 1924. 16 p.].
- Обзор деятельности Абхазского научного общества с15/II 1924 г. по 1/I 1925 г. // Известия Абхазского научного общества. Сухум: б.и., 1925. Вып. 1. С. 201-211. Review of the activities of the Abkhaz Scientific Society from 15 // II 1924 to 1 / I 1925 // News of the Abkhaz Scientific Society. Sukhum: b.i., 1925. Issue. 1. P. 201-211].
- Орелкина М. Русские археологи и краеведы // Русские в Абхазии. Сухум, 2011. С. 180-183. [Orelkina M. Russian archaeologists and ethnographers // Russians in Abkhazia. Sukhum, 2011. P. 180-183].
- Отчет о деятельности Абхазского научного общества за 1925 г. (с 1 января 1925 г. по 1 января 1926 г.) // Известия Абхазского научного общества. Сухум: б.и., 1926. Вып. 3. С. 96-104. [Report on the activities of the Abkhaz Scientific Society for 1925 (from January 1, 1925 to January 1, 1926) // News of the Abkhaz Scientific Society. Sukhum: b.i., 1926. Issue. 3. P. 96-104].
- Прицкер Л.М. Советская Абхазия в датах. Сухуми: Алашара, 1981. 56 с. [Pritsker L.M. Soviet Abkhazia in dates. Sukhumi: Alashara, 1981. 56 p.]
- Салакава Ш.Х. Центр абхазоведения (к 50-летию Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР). Сухуми: Алашара, 1982. 38 с. [Salakaya Sh.Kh. Center for Abkhaz Studies (on the occasion of the 50th anniversary of the DI Gulia Abkhaz Institute of Language, Literature and History of the Georgian SSR Academy of Sciences). - Sukhumi: Alashara, 1982. 38 p.].
- Стражев В.И. Руинная Абхазия // Известия Абхазского научного общества. 1926. Вып. 1. С. 131-171. [Strazhev V.I. Ruin Abkhazia // News of the Abkhaz Scientific Society. 1926. Issue. 1. P. 131-171].
- Стражев В.И. Бронзовая культура в Абхазии // Известия Абхазского научного общества. 1926. № 4. С. 105-123. [Strazhev V.I. Bronze culture in Abkhazia // News of the Abkhazian Scientific Society. 1926. № 4. P. 105-123].

- Требелева Г.В., Юрков Г.Ю., Горлов Ю.В., Цвинария И.И., Агумаа А.С., Кайтан Ш.Г. Келасурская стена, еще раз к вопросу датировки // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. №4 (38). С. 169-178. [Trebeleva G.V., Yurkov G.Yu., Gorlov Yu.V., Tsvinaria I.I., Agumaa A.S., Kaitan Sh.G. Kelasur wall, once again to the question of dating // Problems of history, philology, culture. 2012. № 4 (38). P. 169-178].
- Устав Абхазского научного общества // Голос трудовой Абхазии. 1922. 24 ноября. № 269. [Charter of the Abkhaz Scientific Society // Voice of Labor Abkhazia. 1922. 24 Nov. № 269].
- Чочуа Л.М. 5-летие Абхазского научного общества // Собрание сочинений в 3-х томах / Под ред. Г.А. Дзидзария; сост.: Т.А. Чочуа, В.В. Дарсалия, Х.С. Бгажба. Сухуми: Алашара, 1976. Т. 3. С. 229-231. [Chochua L.M. 5th anniversary of the Abkhazian scientific society // Collected works in 3 volumes / Ed. G.A. Dzidzaria; comp.: T.A. Chochua, V.V. Darsalia, H.S. Bgashba. Sukhumi: Alashara, 1976. T. 3. P. 229-231].
- Шмидт С.О. Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов // Шмидт С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Кн. 1: От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. Москва: Языки славянских культур, 2009. Т. 2. С. 128–142. [Schmidt S.O. Regional studies in the scientific and social life of Russia in the 1920s // Schmidt S.O. Monuments of writing in the culture of knowledge of the history of Russia. Book. 1: From Karamzin to the «Arbatstvo» of Okudzhava. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2009. T. 2. P. 128-142].

Ермоленко Людмила Павловна, кандидат исторических наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет; gutik77@bk.ru

Зозуля Игорь Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет; zozulya-igor@yandex.ru

Колесникова Марина Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет; kolesnikovam2017@mail.ru

Abkhazian Scientific Society in the 1920-S: the History of Formation and Activities

The paper examines the history of formation of Abkhaz Scientific Society (AbSS), which has become an academic center organizing comprehensive research into Abkhazia. The authors analyze the activities of the Society including the development of theoretical approaches to archaeology, history and linguistics as well as proliferation of scientific knowledge among population. The conclusion is made that Abkhaz Scientific Society lay down the foundations of Abkhazian studies and promoted the formation of the first scientific institutions in Abkhazia.

Keywords: *Abkhazia, Abkhazian studies, Abkhazian Scientific Society, intellectual history, Caucasian studies, scientific research, 1920-s.*

Lyudmila Ermolenko, PhD (in history), Associate Professor, North Caucasus Federal University, gutik77@bk.ru

Marina Kolesnikova, Dr. Sc. (History), Professor, North Caucasus Federal University, Russian Federation kolesnikovam2017@mail.ru

Igor Zozulya, PhD (in history), Associate Professor, North Caucasus Federal University, zozulya-igor@yandex.ru

Н.В. КОВАЛЕНКО

Н.И. БУХАРИН О ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ И
ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ
В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД¹

Выступление Н.И. Бухарина на литературном совещании 1925 г. отражает идеи в области литературной политики как части системы взглядов на развитие культуры и становление новой социокультурной модели в послереволюционный период. Анализ текста показал, что основой взглядов Бухарина было сочетание заимствованных им у А.А. Богданова представлений об обществе как о системе взаимосвязанных элементов и о классовой культуре и его собственных представлений о культурном «созревании» пролетариата как класса уже после революции, а также о переходном периоде между капитализмом и социализмом как об отдельном историческом этапе.

Ключевые слова. Бухарин, пролетарская культура, художественная литература, литературная политика.

1920-е гг. были временем выбора путей культурного строительства. Как важнейшая часть культуры, значительно влияющая на формирование общественного сознания, художественная литература еще до революции и в первые годы после нее стала предметом работ крупнейших теоретиков и литературных критиков из российской социал-демократии – Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого, А.В. Луначарского, А.А. Богданова, А.К. Воронского, В.П. Полонского². Общим для них было признание за художественной литературой одной из ключевых ролей в деле воспитания масс, формирования системы ценностей и представлений об окружающей действительности; признание несомненной ценности классического литературного наследия как основы для развития культуры нового общества и его литературы. Были и отличия в их взглядах на литературный процесс – это касалось новой литературы, создаваемой после революции выходцами из пролетариата как ведущего класса. Так, для Л. Троцкого и А. Воронского не существовало пролетарской литературы как отдельного полноценного литературного направления. Для Бухарина и Богданова пролетарская литература представляла собой важнейшую часть культуры нового общества. Для Ленина на область литературы распространялось его представление о развитии после революции культуры как вобравшей в себя все лучшее из культурного наследия прошлого и его непрятие богдановской теории пролетарской культуры.

Важная роль в формировании литературной политики 1920-х гг. принадлежит Н.И. Бухарину – яркому большевистскому публицисту,

¹ Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

² Ленин Т. 12; Луначарский 1958; Корниенко 2010; и др.

мыслителю, в то время ведущему партийному идеологу и члену Политбюро. Бухарин был активным участником литературных совещаний 1924 и 1925 гг. Именно Бухариным был фактически создан текст Постановления Политбюро ЦК «О политике партии в области художественной литературы» (1925 г.).

Взгляды Бухарина в области художественной литературы в отечественной историографии рассматриваются начиная со второй половины 1920-х гг.³ В 1928 г. известным критиком В.Я. Полонским⁴ впервые были кратко описаны взгляды Бухарина на пролетарскую поэзию и изложен ход его выступлений в литературных дискуссиях 1924 и 1925 гг. Далее в советской историографии литературной и культурной политики 1920-х гг. позиции Бухарина практически не рассматривались, и исследователи ограничивались указаниями на «оппортунизм» Бухарина линии партии в этих вопросах – как якобы последовательного сторонника отвергнутой Лениным богдановской теории пролетарской культуры и в то же время противника поддержки рабоче-крестьянского литературного творчества⁵. С конца 1980-х гг. появляются работы о взглядах Бухарина в области литературы и его взаимоотношениях с ведущими ее представителями⁶. Данная тема затрагивается в постсоветских работах о литературном творчестве⁷ и о литературной политике 1920-х годов⁸, и в появившихся отечественных монографиях о Бухарине⁹, как и в зарубежных работах¹⁰. В настоящей статье подробно рассматривается текст бухаринского выступления в дискуссии 1925 г. о литературной политике в связи с другими его текстами 1920-х гг., где были изложены его взгляды на развитие культуры и, в том числе, литературы в послереволюционном обществе, на формирование в целом новой социокультурной модели в послереволюционные десятилетия.

1920-е годы характеризуются как сравнительно мягкое время в смысле литературной политики¹¹ и вместе с тем как время формирования политической линии в этой области. В целом литературный процесс периода 1920-х гг., с одной стороны, соприкасался с Серебряным веком и, с другой стороны, принадлежал к начавшейся после Октября новой эпохе, объединив в себе многочисленные литературные течения¹².

«Правый фланг» был представлен творчеством писателей и поэтов, принадлежащих к Серебряному веку и не принявших революцию (А. Ахматова, Н. Гумилев и др.). «Левый фланг» представляли молодые

³ На литературном посту. 1927. №7. 2; Крученых 1927; и др.

⁴ Полонский 1928

⁵ Иванов 1960; Ермакова 1971: 343–364; и др.

⁶ Ковалев 1988: 21–25; Фрезинский 1993: 3–27; и др.

⁷ Лекманов 2011; Савченко 2014; и др.

⁸ Корниенко 2010; Исаева 1991; Волгушева 2004; и др.

⁹ Шкаренков 1991; Емельянов 1989; и др.

¹⁰ Brown 1969; Slonim 1963; Gereben 1989: 385–394; и др.

¹¹ Шарапов 2006; Исаева 1991: 4–21.

¹² См.: Корниенко 2010; и др.

пролетарские поэты (С. Родов, А. Безыменский, А. Жаров, Ф. Гладков, В. Казин) и ведущие пролетарские литературные критики (И. Вардин, Л. Авербах, Г. Лелевич). Свою творческую деятельность они начинали в организациях Пролеткульта, из Пролеткульта же вышли их литературные объединения («Кузница», «Молодая гвардия», «Рабочая весна», позже МАПП и ВАПП). Эти деятели разделяли идеи известного большевистского философа и идеолога Пролеткульта А.А. Богданова относительно создания классовой пролетарской культуры как необходимого условия становления пролетарской диктатуры; как и он, считали, что такая литература может быть создана только выходцами из пролетариата; и шли дальше, отказывая в ценности литературной традиции с позиций современности и ее задач. Многогранным было творчество «литературных попутчиков революции», для которых в центре сюжета была послереволюционная действительность (новокрестьянские поэты – С. Есенин, Н. Клюев и др.; «серапионовы братья» – Вс. Иванов, М. Зощенко, К. Федин, М. Слонимский и др., а также Вяч. Иванов, Б. Пильняк, И. Бабель и др.). Существовали также многочисленные авангардные направления – футуристы, имажинисты, ничевоки и др.

Отличительной чертой литературного процесса были специфические взаимоотношения между разными литературными группами, в основном претендовавшими на уникальное, главное место в литературе. Однако особой непримиримостью в отношении других литературных течений и групп отличались ведущие представители пролетарской литературы и возглавляемые ими литературные организации.

В 1923 г. наиболее радикальные представители пролетарской литературы заняли руководящие позиции в созданной в 1921 г. Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП) и сформировали Московскую ассоциацию пролетарских писателей (МАПП) как ее ведущее отделение, а также новую, собственную литературную группу «Октябрь» и свой литературный орган – журнал «На посту».

Напостовцы (от «На посту») через свой журнал, МАПП и ВАПП развернули широкую кампанию острой критики и дискредитации. Основными объектами нападков стали попутчики – их произведения, их творческие объединения («Перевал», «Серапионовы братья» и др.), их ведущий печатный орган «Красная новь» и ее редактор, известный литературный критик и партийный деятель А. Воронский, стремившийся консолидировать лучшие силы попутчиков вокруг «Красной нови» и в «Перевале». Попутчикам вменялось наличие буржуазной идеологии в произведениях и продолжение буржуазных литературных традиций. Напостовцы претендовали на официальное закрепление за ВАПП руководящей роли в литературном процессе в качестве проводника литературной политики партии и в целом интересов пролетарской диктатуры.

Описанная ситуация острого противостояния в области литературы вызывала серьезную обеспокоенность, в т.ч. со стороны больше-

вистских властей. Они стремились консолидировать литературные силы для решения поставленных масштабных задач по строительству новой общественной модели и подъему культурного уровня масс. Напостовцы же требовали от партии поставить в особые условия пролетарскую литературу, а остальные литераторы – защитить их от постоянных нападков напостовцев, создавших атмосферу враждебности и нетерпимости, мешающую нормальной творческой работе.

В этих условиях как власти, так и деятели литературы понимали необходимость выработки официальной линии в литературной политике и закрепления ее в официальных документах. Помимо определения задач, приоритетов и желаемых перспектив литературной политики, последняя должна была свести на нет деструктивную для литературного творчества атмосферу, способствовать консолидации литературных сил.

С этой целью в 1924 и 1925 гг. прошли совещания при органах ЦК. Первое из них, в мае 1924 г., проходило при Отделе печати ЦК. По результатам была принята резолюция, в основных чертах вошедшая впоследствии в Резолюцию о печати XIII партсъезда. Однако и после совещания сохранялась признанная им ненормальной атмосфера нападков, продолжалась указанная деятельность напостовцев и сохранялась очевидная необходимость выработки основного нормативного документа, где были бы четко прописана позиция власти относительно имеющегося литературного процесса и основной вектор литературной политики. С этой целью в феврале 1925 г. была сформирована специальная комиссия при Политбюро ЦК, куда входил и Бухарин. Комиссия провела совещания с привлечением ведущих литературных сил. По результатам работы было принято Постановление Политбюро ЦК «О политике партии в области художественной литературы», до конца 1920-х гг. определившее линию властей в литературной политике.

На совещаниях 1924 и 1925 гг. выступили ведущие большевистские партийные и государственные деятели, связанные с литературным процессом по роду своей деятельности – Н.И. Бухарин, Л.Д. Троцкий, М.С. Ольминский, А.В. Луначарский, Я.А. Яковлев, И.М. Варейкис, А.В. Воронский и др., писатели и критики, в том числе ведущие напостовцы – И. Вардин, С. Родов, Г. Лелевич, Л. Авербах¹³.

Выступление Бухарина на заседании комиссии 13 февраля 1925 г. было опубликовано в «Красной нови»¹⁴ и в сборнике «Вопросы культуры при диктатуре пролетариата» (1925)¹⁵, содержащем работы на одноименную тему большевистских публицистов и идеологов; а позже в сборнике бухаринских работ «Революция и культура» (1993)¹⁶. Все публикации идентичны и представляют собой текст стенограммы выступления, выправленный Бухариным и редактором «Красной нови».

¹³ «Счастье литературы»: 13–14

¹⁴ Красная новь: 263–272.

¹⁵ Вопросы культуры... 1925.

¹⁶ Бухарин 1993: 67–77.

Текст стенограммы выступления с правкой сохранился в архиве редакции «Красной нови»¹⁷. Правка Бухарина представляет собой небольшие стилистические исправления. Правка редакторская в основном относится к резким, эмоционально окрашенным, экспрессивным бухаринским выражениям – их убрали. Не исказив в целом смысл текста, редакторская правка лишила его наиболее выраженных смысловых акцентов – того, на чем хотел заострить внимание аудитории Бухарин.

Данное выступление, как и предыдущее (1924), представляет собой критику Бухариным напостовцев и изложение собственных взглядов на литературную политику и литературный процесс. В этом выступлении Бухарин более обстоятельно объясняет свои позиции и объектом критики становится, в том числе, новый (1925) программный документ напостовцев – резолюция Первой Всесоюзной конференции пролетарской писателей (принята по докладу Вардина и опубликована в «Правде» накануне работы комиссии при ЦК¹⁸).

В начале своего выступления Бухарин обращается к напостовцам: «...вы протестовали... против решения относительно возврата тов. Воронского в «Красную новь». Когда выносят деловое решение, вы протестуете... И сколотили вы пролетарских писателей на своей позиции, оперируя духом ЦК, но не имея на это никакого права... Дальше, зачем злоупотреблять именем... Владимира Ильича? Я думаю... это бесчестно»¹⁹. Бухарин подразумевает уход А.К. Воронского с поста главного редактора «Красной нови» (конец 1924 г.) под давлением напостовцев и его возвращение в «Красную новь» по решению ЦК (начало 1925 г.)²⁰. Из отрывка видно, что Бухарин, как и большинство членов ЦК, разделял позиции Воронского в отношении попутчиков как значимой литературной силы и высоко ценил усилия Воронского в области их консолидации. Далее подразумеваются претензии возглавляемой напостовцами ВАПП на роль проводника партийной политики – борца за пролетарскую диктатуру в области литературы. Именно так позиционировала себя ВАПП в резолюции²¹. Под словами о том, что «оперировать духом ЦК» напостовцы не имели права, подразумевается общеизвестное неприятие этих претензий напостовцев со стороны ЦК, выраженное, в том числе, в резолюции совещания 1924 г. и в резолюции XIII партсъезда²².

Под злоупотреблением напостовцами именем Ленина подразумеваются слова из резолюции Первой всесоюзной конференции пролетарских писателей о якобы принятии Лениным идеи классовой пролетарской культуры и, таким образом, солидарности его с напостовцами²³. Бухарин, естественно, имел представление о настоящей позиции Лени-

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Д. 1218.

¹⁸ Правда. 1925. 1 февр.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Д. 1218. Л. 1. В публикации – «нехорошо» (Бухарин 1993: 67).

²⁰ Омельченко 2016: 128.

²¹ Правда. 1925. 1 февр.

²² Вопросы культуры...: 138–139; 205–206.

²³ Правда. 1925. 1 февр.

на относительно классовой пролетарской культуры, а именно об отрицании Лениным таковой в богдановском понимании. В резолюции напостовцев цитата взята из речи Ленина («Задачи союзов молодежи», 1920), где на самом деле как раз отрицается подобное представление о пролетарской культуре²⁴.

Далее в выступлении Бухарин останавливается на отношении Ленина к идее классовой пролетарской культуры в подтверждение своих слов об искажении напостовцами ленинских позиций. Перед этим Бухарин подробно останавливается на позиции Троцкого относительно пролетарской культуры. В своих работах²⁵ Троцкий отказывал социалистическому обществу как обществу переходному между капитализмом и коммунизмом в выработке собственной, т.е. пролетарской, культуры. По Троцкому пролетариат, оставаясь после революции значительное время культурно отсталым, не имеет сил и ресурсов на создание новой культуры высокого уровня. Бухарин говорит по этому поводу:

«...на тот самый промежуток времени, когда противоречия между городом и деревней не разрешены совершенно, – что при пролетарской диктатуре совершенно естественно, – это будет класть отпечаток на всю цивилизацию, и в том числе на литературу. Как ни ведем мы политику на рассасывание противоречий между городом и деревней, все же гораздо скорее идет процесс накопления пролетарской культуры, чем процесс рассасывания»²⁶.

В данном отрывке сжато отразились позиции Бухарина в области развития экономики и хозяйства, подробно изложенные им в работах на эту тему²⁷, и его взгляды на связь социально-экономических и социокультурных процессов при формировании новой общественной модели.

Идеи Бухарина относительно развития экономики в послереволюционный период были изложены как раз в полемике по этим вопросам с Троцким и его единомышленниками – левой оппозицией в партии. Переход к социализму Бухариным мыслился как длительный переходный период между капитализмом социализмом (начальный период пролетарской диктатуры), когда классовая борьба внутри общества постепенно затухает. На практике это представляет собой процесс постепенного, мирного вытеснения (посредством конкуренции) социалистическими формами хозяйства его буржуазных форм. С этих позиций Бухариным была раскритикована²⁸ теория перманентной революции Троцкого, подразумевающая острое классовое противостояние в качестве основного вектора развития в послереволюционный период²⁹.

Подразумеваемая длительность периода пролетарской диктатуры, в свою очередь, способствует тому, что за этот период успеет сформироваться специфическая высокоразвитая культура, созданная выходца-

²⁴ Ленин 1967: 443.

²⁵ Троцкий 2005; и др.

²⁶ Бухарин 1993: 68–69.

²⁷ Бухарин 1926; и др.

²⁸ За ленинизм. 1925: 332–373

²⁹ Троцкий 2005.

ми из рабочего класса и свойственная конкретно этому периоду – последнему периоду классового общества, отражающая его специфику. Длительное сосуществование разных хозяйственных форм в условиях пролетарской диктатуры подразумевает для пролетариата длительный период трудовой деятельности в условиях, имеющих свою специфику по сравнению как с прошлой эпохой – капиталистического производства, так и с бесклассовым коммунистическим обществом будущего.

Бухариным было воспринято представление Богданова о сути любой классовой культуры: в ее основе специфическая, свойственная конкретному классу система мышления («классовая идеология»), в основе которой, в свою очередь, лежит определенная классовая психология, последняя же формируется свойственными конкретному классу условиями труда, или его трудовой практикой³⁰. Специфическая трудовая практика пролетариата в период пролетарской диктатуры, соответственно, наложит отпечаток на создание им своей классовой культуры и классовой пролетарской литературы как ее части. Все это и подразумевает Бухарин, продолжая:

«...есть ли вообще специфические пролетарские черты культуры? <...> Это есть специфические черты, которые не все коммунистичны в общечеловеческом смысле слова. Пролетариат затем имеет специфические, урбанистические настроения, городские черты – не коммунистические, потому что коммунизм разрешает противоречия между городом и деревней. Эти самые черты... резко ставят разграничения между общечеловеческим и коммунистическим»³¹.

Далее Бухарин кратко перечисляет эти самые черты пролетарской культуры и прямо ссылается на Богданова:

«Я скажу, что здесь Богданов сказал не все плохие вещи – у него есть очень правильные и хорошие соображения... антианархический, антииндивидуалистический, коллективистский дух, – как Богданов называет... сочетается с боевыми чертами наступающего революционного пролетариата»³².

В работах Богданова подробно разъясняется специфика пролетарского творчества, в том числе литературы³³, как имеющая в основе своей коллективный труд. Вовлеченность в общее дело на производстве и в противостоянии с хозяевами завода, навыки совместной работы с техникой порождают, по Богданову, определенные ценности, представления, особенности самосознания – то, что у Богданова объединено понятием «коллективизм», противоположный по своей сути индивидуализму и эгоизму, свойственным мышлению классов с иной трудовой прак-

³⁰ Бухарин 1928: 231–240 и др.

³¹ РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Д. 1218. Л. 2. Редактором «коммунистический» заменено на «пролетарский» (Бухарин 1993: 68). Бухарин здесь, по-видимому, хочет указать на отличия пролетарской культуры именно от культуры будущего, коммунистического общества – на то, что пролетарская культура должна вобрать в себя «общечеловеческие» черты предыдущих культур и при этом будет отличаться от культуры будущего бесклассового общества.

³² Бухарин Н.И. 1993: 68.

³³ Богданов 1924: 117–124; и др.

тикой, например, буржуазии. В своей статье для первого номера издания Пролеткульта «Пролетарская культура» Богданов на конкретных примерах показал отражение этих классовых черт пролетариата в пролетарской поэзии³⁴. Статья получила высокую оценку Бухарина в том числе за хороший подбор автором примеров пролетарской поэзии, ярко отразивших ее основные черты³⁵.

Далее Бухарин переходит к позиции Ленина относительно пролетарской культуры, для того чтобы показать неправомочность ссылок на Ленина напостовцев. Бухарин пересказывает свои разногласия с Лениным на эту тему (1920–1922) и резкими, эмоционально окрашенными выражениями (были убраны при публикации) подчеркивает их остроту: «...Владимир Ильич против этой системы взглядов [идеи классовой пролетарской культуры] самым решительным образом протестовал... Он мне писал записки, направил на меня Яковлева³⁶. Яковлев выступил по прямому приказу Вл. Ильича, который предварительно читал его фельетон... Я говорил по этому поводу с Лениным. Я поставил ему³⁷ ультиматум, что если он будет настаивать на помещении в «Правде» первого наброска яковлевского фельетона, то я Яковлеву загну салазки в своем фельетоне, который я напишу... с крайним напряжением всех своих ругательных способностей³⁸. Тогда В.И. [Ленин] уговорил Яковлева, чтобы он снял целый ряд своих замечаний... Зачем же после этого... говорить, что Ильич то-то и то-то говорил?»³⁹

Речь идет о статье завагитпропа Я. Яковлева⁴⁰ с резкой критикой вышедшей до этого статьи главы Пролеткульта и единомышленника Богданова В. Плетнева о пролетарской культуре⁴¹. Статья действительно была написана Яковлевым с подачи Ленина, с ним же согласована перед публикацией⁴² и под давлением Бухарина вышла не в первоначальном, а в отредактированном виде. В первоначальном варианте в резких выражениях говорилось о необоснованности идеи классовой пролетарской культуры, указывалось на абсолютное непонимание сторонниками пролетарской культуры текущих задач культурного строительства, на их оторванность от реалий настоящего; также в статье имелась прямая критика самого Бухарина – сомнению подверглась его концепция культурного развития пролетариата. Публикации статьи предшествовало совещание у Ленина с участием Яковлева и Бухарина – очевидно, что на ней обсуждался текст статьи, и эту встречу подразумевал в выступлении Бухарин, говоря о своем ультиматуме Ленину⁴³.

³⁴ Пролетарская культура. 1918. №1: 12–22.

³⁵ Правда. 1918. 23 июля.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Д. 1218. Л. 3. В публикации – «инспирировал тов. Яковлева» (Бухарин 1993: 69).

³⁷ В публикации вместо «ему» – «тогда» (Бухарин 1993: 69).

³⁸ В публикации – «то я Яковлеву буду отвечать со всей резкостью» (Бухарин 1993: 69).

³⁹ В публикации – «Ильич «согласен с нами»» (Бухарин 1993: 69).

⁴⁰ Правда. 1922. 24–25 окт.

⁴¹ Правда. 1922. 27 сент.

⁴² Ленинский сборник XXXIX: 429, 432; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1634. Л. 1.

⁴³ Ленинский сборник XXXIX: 432.

Написанию Яковлевым статьи предшествовало ознакомление Ленина с наброском выступления Бухарина в Большом театре (октябрь 1922 г.) перед активом Московского комитета партии и молодежной аудиторией – студентами столичных вузов⁴⁴. В выступлении Бухарин изложил свою концепцию развития пролетарской культуры. Этот набросок был принесен Ленину Яковлевым и заведованием пропаганды Агитпропа К.А. Поповым после выступления Бухарина⁴⁵. На наброске осталась надпись рукой Ленина: «В архив (скоро понадобится). Запись осн. мыслей реф-та Бухарина (11/IX1922) о пролетарской культуре (Попов и Яковлев)»⁴⁶. Со слов Яковлева, они с Лениным говорили на этой встрече о бухаринском выступлении⁴⁷. Под упомянутыми Бухариным ленинскими записками к нему, подразумевается записка, касающаяся выработки документов о деятельности Пролеткульта – в ней Ленин упоминает о разногласиях с Бухариным по поводу пролетарской культуры⁴⁸; а также записка по поводу публикации в «Правде» статьи Плетнева о пролетарской культуре – в ней Ленин спрашивает Бухарина, зачем тот опубликовал в «Правде» такие «глупости»⁴⁹.

Таким образом, Бухарин приводит реальные факты острого неприятия Лениным идеи классовой пролетарской культуры. Вспоминая о данных инцидентах, он хочет наглядно показать несостоятельность обращения напостовцев к ленинскому авторитету.

Далее в выступлении Бухарин снова обращается к ленинским позициям относительно пролетарской культуры:

«У него [Ленина] есть... места, где он говорил о пролетарской культуре. У него были статьи по национальному вопросу против Либмана и Семковского, и там были упоминания о буржуазной и пролетарской культуре... В.И. [Ленин], может быть... считал, что эпоха пролетарской культуры придет. Но если мы сейчас будем об этом говорить, кричать и обращать внимание... дело это мы загубим... И нечего... зря болтать о высоких материях... пока практически не подойдем к их осуществлению...»⁵⁰.

Данное предположение Бухарина относительно взглядов Ленина на пролетарскую культуру не имеет под собой никаких документов, которые бы могли их подтвердить. Хорошо знавший ленинские работы и взгляды на идею классовой пролетарской культуры⁵¹, Бухарин и не отрицал в выступлении необоснованность этой своей трактовки. Под статьями «против Либмана и Семковского» он подразумевает ленинскую работу «Критические заметки по национальному вопросу»⁵² (1913). В ней Ленин критически разбирает присутствующее в работах

⁴⁴ Правда. 1922. 11 окт.

⁴⁵ Ленинский сборник XXXIX: 429.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26 184. Л. 1. См.: Горбунов 1974: 192–193.

⁴⁷ Фотиева 1967: 212.

⁴⁸ Ленин о литературе и искусстве 1986: 455; см.: Горбунов 1974: 146–149, 190–191.

⁴⁹ Ленин о литературе и искусстве 1986: 466.

⁵⁰ Бухарин 1993: 69–70.

⁵¹ Ленин Т. 18; Ленин о литературе и искусстве 1967: 431–436; 466–470.

⁵² Ленин Т. 24: 115–150.

ликвидатора Ф. Либмана и бундовца С. Семковского понятие национальной культуры как несоответствующее действительности классового буржуазного общества. Понятие «пролетарская культура» в работе отсутствует. Говорится лишь о том, что «в каждой национальной культуре есть хотя бы *элементы* демократической и социалистической культуры»⁵³. Нигде не сказано, что эти «элементы» культуры создаются исключительно силами самого пролетариата.

Очевидно, что столь необоснованное обращение Бухарина к ленинскому авторитету нужно ему для подкрепления собственных позиций в области пролетарской культуры. В приведенных выше отрывках сначала он отказывается в правомерности такового обращения напостовцам, пересказывая свои разногласия с Лениным на эту тему, затем сам обращается к ленинской работе, уже, наоборот, ища в ней принятие Лениным в той или иной форме идеи пролетарской культуры. Из данных отрывков видно, что, оставаясь сторонником классовой пролетарской литературы, Бухарин в то же время категорически не принимает ее трактовку напостовцами – идею быстрого формирования этой новой литературы в первые послереволюционные десятилетия, занятия ею тогда же господствующих позиций в культурном пространстве и подчинения одним этим задачам всей литературной политики.

Далее в выступлении Бухарин критически разбирает резолюцию Первой Всесоюзной конференции пролетарских писателей. Согласно резолюции, невозможно «мирное соревнование» «разных литературно-идеологических направлений». Исходя из положения К. Маркса о том, что господствующей в обществе идеологией является идеология господствующего класса, напостовцы в резолюции делают вывод, что пролетарская литература должна быть поставлена в особые условия как проводник интересов пролетарской диктатуры. Попутчики же должны быть поставлены под контроль пролетарских литературных сил и их литературной организации⁵⁴ (т.е. ВАПП). Подтверждая марксово положение о господстве в обществе идеологии господствующего класса и признавая, что развитие литературы подчиняется «законам классовой борьбы», Бухарин в ответ указывает на необходимость различать политику в отношении литературного творчества выходцев из конкретного класса и формирование господствующей идеологии как таковой. Здесь Бухарин снова проводит аналогию с экономической политикой переходного периода. Он указывает на то, что необходимое временное допущение существования непролетарских хозяйственных форм не подразумевает допущение во власть кулачества и нэповской буржуазии, сдачи им пролетарской диктатурой своих политических позиций.

Эта мысль Бухарина подробно отражена в его работах об экономической политике, написанных в полемике с левыми во главе с Троцким. Бухариным отвергается представление Троцкого и левых о том,

⁵³ Там же: 120.

⁵⁴ Правда. 1925. 1 февр.

что послабления для этих слоев в экономической политике неизбежно приведут к усилению их давления на государственные и партийные структуры и в конечном счете к буржуазному перерождению пролетарской диктатуры под их влиянием⁵⁵. В выступлении Бухарин в этом контексте указывает как на неверное на мнение О. Бауэра, что в условиях нэпа «пролетарская диктатура заменилась блоком трех главных сил республики – блоком крестьян, рабочих и новой буржуазии». Речь идет о брошюре О. Бауэра конца 1921 г., в которой он откликнулся на введение нэпа. О. Бауэр указывает на неизбежный в условиях нэпа частичный переход власти от пролетариата к новой буржуазии и крестьянству, на неизбежную смену политического курса под давлением этих слоев⁵⁶. В более позднем своем докладе Бухарин указывает на имеющееся, по его мнению, явное сходство ошибочных позиций троцкистов и Бауэра, подразумевая эту мысль о неизбежном перерождении пролетарской диктатуры под напором непролетарских экономических сил⁵⁷.

Как наличие несоциалистических хозяйственных форм не предполагает передачи пролетарской диктатурой стоящим за ними силам части власти, так и наличие разных литературных сил и течений в переходный период не предполагает для Бухарина отказ пролетарской диктатуры от монополии в области идеологии:

«[Ленин] говорил: наше общество есть сотрудничество рабочего класса с крестьянством, к коему допущена буржуазия... Мы вынуждены были уступить [в период нэпа] для того, чтобы эти классы восполнили некоторую прореху [в экономике], которую восполнить мы не можем. ...Если вы изгоните лавочника, то рухнет все наше общество, в том числе и Советская власть»⁵⁸.

Эти слова об экономической политике отразили то значение, которое Бухарин придавал творчеству попутчиков в переходный период. Для Бухарина, воспринявшего от Богданова представление об обществе, как о системе взаимосвязанных элементов, неоднородность производственных отношений и производительных сил подразумевает аналогичный им рисунок в области духовной культуры (представляющий собой сочетание разных классовых культур) – в силу связи «системы людей», «системы вещей» и «системы идей»⁵⁹. Как в экономике непролетарские слои, так и попутчики в литературе (выходцы из этих слоев) должны заполнить в переходный период ту нишу, которую не может заполнить пролетариат. Последний, за исключением собственно идеологии (марксизм), как неоднократно подчеркивал Бухарин⁶⁰, приходит к власти,

⁵⁵ Троцкий 2005.

⁵⁶ Бухарин 1925: 70.

⁵⁷ Бухарин 1926: 39, 43–44

⁵⁸ РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Д. 1218. Л. 5–6. В публикации: «Если вы изгоните частного мелкого лавочника, то будет большой экономический ущерб и для нас» (Бухарин 1993: 71).

⁵⁹ Бухарин 1928: 260 и др.

⁶⁰ Бухарин 1922 и др.

когда его классовая культура находится лишь в зачаточном состоянии, и в первую очередь это касается пролетарских литературы и искусства.

Далее Бухарин переходит к проблеме непосредственно политики властей в области художественной литературы. Соглашаясь в целом с заявленной в резолюции напостовцев необходимостью руководства литературным процессом со стороны властей и литературной критики, Бухарин категорически отвергает претензии на такое руководство со стороны напостовцев и ВАПП, как и предлагаемые ими методы руководства. Далее в выступлении Бухарин излагает свои взгляды на сущность такого руководства в послереволюционный период.

Сначала Бухарин кратко останавливается на своем представлении о пути культурного развития пролетариата, подробно изложенном им в других выступлениях и работах первой половины 1920-х гг.⁶¹ Бухарин упоминает об этом своем представлении как об «одном теоретическом соображении», которое он давно «выставил в докладе». Очевидно, что он ссылается на упомянутый выше доклад в Большом театре (1922) перед активом Московского комитета партии и студентами. В выступлении Бухарин кратко озвучивает суть: пролетариат культурно «созревает» уже после осуществления им пролетарской революции, а не до нее, как это изложено у основоположников марксизма, подъем культурного уровня основных масс пролетариата происходит уже в процессе строительства им новой общественной модели, т.е. пролетарской диктатуры. Данное положение, обуславливает для Бухарина и особенности развития литературы и искусства в послереволюционный период.

Бухарин объясняет, что данное положение имеет непосредственное отношение к методам руководства литературным процессом. Отсутствие после революции за пролетариатом культурной гегемонии делает невозможным более или менее детальный контроль за литературным процессом со стороны пролетарской критики и пролетарских литературных организаций, – в силу отсутствия у них соответствующего уровня познаний в области литературного творчества и уровня литературного мастерства. Очевидно, с этих позиций Бухарин обращается к напостовцам: «Вы [напостовцы] выставляли этот монополистский принцип [гегемонии ВАПП], когда у вас еще не было на это никакого права. Мы живем в такую эпоху, когда должно сказать: «сперва постройте, а потом получайте»⁶². Бухарин раскрывает свое видение возможного руководства в области литературы в данных условиях. Основные его задачи, как и в выступлении на совещании 1924 г.⁶³, он возлагает на пролетарскую литературную критику (несмотря на упомянутое выше признание за ней весьма скромных возможностей). В данном выступлении Бухарин разъясняет, каким образом пролетарская литературная критика должна делать это в переходный период.

⁶¹ Там же; Бухарин 1923; и др.

⁶² Там же. С. 76.

⁶³ К вопросу...: 12.

«Есть совершенно бесспорная гегемония рабочего класса и его пролетарских критиков в расценке литературных произведений с точки зрения их социальной значимости. Это есть с самого начала. Это то, что я могу с самого начала увидеть, не будучи совершенно никаким спецом и ни черта не понимая в области художественных форм и вопросов стиля. Я могу увидеть и сказать, что тот – черносотенец, а тот – сволочь⁶⁴, с точки зрения общественно-революционной. Мы в общем и целом настолько созрели, что имеем право на историческую гегемонию».

В основе такой позиции по литературной критике лежит представление Бухарина о том, что если в целом пролетарская культура развивается уже после революции, то на момент революции пролетариат все же «созревает» (хоть и неравномерно, в первую очередь в его наиболее передовых слоях) в одной области – общественно-политической, «фундаментом» которой служит марксистская идеология. Это и обуславливает возможность осуществления пролетарской революции и становления пролетарской диктатуры под руководством наиболее сознательной части пролетариата, его «авангарда», и вставших на его сторону выходцев из интеллигенции⁶⁵. Сознательность в сфере общественно-политической и должна обусловить для пролетарских литературных критиков возможность решения указанных задач. Нарочито грубой лексикой Бухарин подчеркивает возможность и необходимость судить исключительно с самых общих идеологических позиций о приемлемости конкретного произведения, оставляя авторам широкий простор для творчества.

Далее Бухарин переходит к критике напостовцев Воронского и попутчиков: «В нашей литературной политике имеются два крупнейших уклона: ...если... у некоторых товарищей был грех, который можно истолковать как некоторую сдачу позиций... то мы имеем, с другой стороны, очень большой уклон в сторону комчванства»⁶⁶. Очевидно, что под «сдачей позиций» подразумеваются особенности деятельности Воронского, собиравшего лучшие литературные силы попутчиков и отрицавшего идею классовой пролетарской литературы. Бухарин как сторонник классовой пролетарской литературы признавал за Воронским недооценку творчества пролетарских писателей и, наоборот, его излишнюю лояльность к отдельным попутчикам⁶⁷. Под «уклоном в сторону комчванства» Бухарин подразумевает деятельность самих напостовцев. Комчванство – необоснованные претензии на право выносить категорический вердикт о любом литературном произведении с точки зрения его пролетарской выдержанности. И это самое комчванство, по Бухарину, гораздо опаснее «По той простой причине, что мы здесь еще не оперились <...> а там, где ничего еще нет... там комчванство – это значит погубить дело с самого начала»⁶⁸. Здесь Бухарин возвращается к мысли об

⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Д. 1218. Л. 8. В публикации – «либерал» (Бухарин 1993: 74).

⁶⁵ Бухарин 1922: 76–77; Бухарин 1923; Бухарин 1928: 347–350.

⁶⁶ Бухарин 1993: 74–75.

⁶⁷ Вопросы культуры...: 1925: 79.

⁶⁸ Бухарин 1993: 75.

отсутствии даже у пролетарских критиков в данный момент возможности вникать в литературный процесс и, соответственно, глубоко судить о нем. В заключение он повторяет наиболее важные для него мысли:

«Итак, основные замечания я еще раз повторю ... что в центре должна быть поставлена борьба с комчанством, и на этом фронте мы должны быть беспощадны. В тезисах мы должны зафиксировать, что должны дать максимальный простор соревнованию. Почему вы думаете, что ЦК должен... прищипиться к какой-нибудь одной организации? Пускай будет тысяча организаций... Вы думаете, что Политбюро должно гнаться за каждым и прищипывать его к Агитотделу? ...Общая линия партии должна быть дана...»⁶⁹.

Помимо критики известных действий напостовцев, данный отрывок – ответ на требования напостовцев к партии официально назначить ВАПП руководящей литературной организацией, проводником партийной политики. Таким образом Бухарин повторяет мысль, высказанную на совещании 1924 г., что в такой руководящей организации нет потребности и необходимо обеспечить свободное сосуществование всех литературных сил без привилегий для какой-либо из них, при самом общем руководстве литературным процессом, подразумевающим консолидацию здоровых литературных сил, поощрение пролетарского творчества, но исключающем административное вмешательство в литературный процесс. Только в условиях такого свободного соревнования может сформироваться пролетарская литература высокого уровня и занять подобающее ей место в новом обществе посредством выработки художественных навыков, создания высокоталантливых произведений. Слова о «максимуме соревнования» для литературных сил в условиях самой общей линии руководства приведены в небольшом бухаринском заключении четыре раза. Очевидно, что это обстоятельство Бухарин считает ключевым для дальнейшего прогрессивного развития литературы.

По результатам работы комиссии Политбюро было создано Постановление Политбюро ЦК «О политике партии в области художественной литературы» (июнь 1925 г.). В советских исследованиях в силу известной конъюнктуры не рассматривалось участие Бухарина в создании Постановления. Участие Бухарина в его создании было обстоятельно рассмотрено в 1990 г. зарубежным исследователем Ли Чуньлуном⁷⁰. Текст Постановления был детально сопоставлен исследователем с текстом данного выступления и с другими бухаринскими текстами 1920-х гг. Проведенный исследователем сравнительный текстологический анализ показал, что текст Постановления фактически был создан Бухариным и отразил основное содержание его выступлений и работ, связанных с темой художественной литературы и культуры.

Сопоставление текста Постановления с рассматриваемым текстом выступления помогает понять, что в первую очередь вкладывал в свое выступление Бухарин. Среди таких основных мыслей, вошедших в По-

⁶⁹ Там же: 77.

⁷⁰ Ли Чуньлун 1990: 131–138.

становление, – самое общее руководство литературным процессом со стороны партии в переходный период, подразумевающее свободное соревнование литературных течений и групп. В Постановлении указано, что ни одной из них власть не отдает предпочтения и ни для одной из них не будет искусственно создано особых условий. Постановлением были отмечены претензии напостовцев на руководящее место ВАПП в литературе. В Постановлении также было закреплено положение о недопустимости насильственного, административного вмешательства в литературный процесс и проводится мысль о том, что литературная критика должна способствовать постепенному сознательному переходу попутчиков на пролетарские позиции.

Постановление созвучно резолюции совещания 1924 г. и принятой на ее основе Резолюции о печати XIII партсъезда, а также выступлениям других участников совещаний 1924 и 1925 гг. от ЦК⁷¹, которые выступили, как и Бухарин, оппонентами напостовцев.

В целом данное выступление ярко отразило позиции Бухарина в области литературной политики. Они представляли собой часть системы его взглядов на формирование после революции новой социокультурной модели. Взгляды на нее были частично заимствованы Бухариным у Богданова – центральное место в литературной жизни со временем должно было занять творчество выходцев из пролетариата. Вместе с тем из текста видно, что Бухарину было свойственно неприятие идеи развития пролетарской литературы в богдановской трактовке, что отличало его от радикальных последователей Богданова из числа литературных критиков. Заимствованное у Богданова представление об обществе как о системе взаимосвязанных элементов – «системы идей», «системы вещей» и «системы идей» – предполагало для него длительное сосуществование в послереволюционный период множества литературных течений – как проекции сложного рисунка многоукладного общества переходной эпохи. Административное вмешательство в литературный процесс в этом случае подразумевало нарушение естественного для того периода его течения и было недопустимым – острая критика в тексте сторонников таких действий отразила значимость для Бухарина данного вопроса. Такая позиция идейно сближала Бухарина с другими деятелями партии, в том числе с не разделявшими, в отличие от него, идеи классовой пролетарской литературы.

ИСТОЧНИКИ

- Богданов А. О пролетарской культуре. М.: Книга, 1924. 344 с. [Bogdanov A. O proletarskoj kul'ture. M.: Kniga, 1924. 344 s.].
- Бухарин Н.И. Буржуазная революция и революция пролетарская // Под знаменем марксизма. 1922. №7–8. С. 76–77. [Buharin N.I. Burzhuaznaya revolyuciya i revolyuciya proletarskaya // Pod znamenem marksizma. 1922. №7–8. S. 76–77.].
- Бухарин Н.И. Пролетарская революция и культура. Пг.: Прибой, 1923. 56 с. [Buharin N.I. Proletarskaya revolyuciya i kul'tura. Pg.: Priboj, 1923. 56 s.].

⁷¹ Ковалев 1988: 23.

- Бухарин Н.И. Пролетариат и вопросы художественной политики // Н.И. Бухарин. Революция и культура. М.: Фонд им. Бухарина, 1993. С. 67–77. [Buharin N.I. Proletariat i voprosy hudozhestvennoy politiki // N.I. Buharin. Revolyuciya i kul'tura. M.: Fond im. Buharina, 1993. S. 67–77.]
- Бухарин Н.И. Критика экономической платформы оппозиции. Л.: Прибой, 1926. 92 с. [Buharin N.I. Kritika ekonomicheskoy platformy oppozitsii. L.: Priboj, 1926. 92 s.]
- К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе. М: Красная новь, 1924. [K voprosu o politike RKP(b) v hudozhestvennoj literature. M: Krasnaya nov', 1924.]
- Бухарин Н.И. О нашей художественной политике // Прожектор. 1924. №10. С. 12–13. [Buharin N.I. O nashej hudozhestvennoj politike // Prozhektor. 1924. №10. S. 12–13.]
- Бухарин Н.И. О характере нашей революции... // Большевик. 1926. №19–20. С. 39–44. [Buharin N.I. O haraktere nashej revolyucii... // Bol'shevik. 1926. №19–20. S. 39–44.]
- Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. М.; Л.: Гос. изд.-во, 1921. 383 с. [Buharin N.I. Teoriya istoricheskogo materializma. M.; L.: Gos. izd.-vo, 1921. 383 s.]
- В.И. Ленин о литературе и искусстве. 7-е изд. М.: Худож. лит., 1986. 575 с.; 3-е изд. 1967. 822 с. [V.I. Lenin o literature i iskusstve. 7-e izd. M.: Hudozh. lit., 1986. 575 s.; 3-e izd. 1967. 822 s.]
- Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. М.; Л.: Гос. изд.-во, 1925. 109 с. [Voprosy kul'tury pri diktature proletariata. M.; L.: Gos. izd.-vo, 1925. 109 s.]
- За ленинизм. М.; Л., 1925. [Za leninizm. M.; L., 1925.]
- Красная новь. 1925. №4. [Krasnaya nov'. 1925. №4.]
- Крученых А. О статье Н. Бухарина против Есенина. М.: Изд-во автора, 1927. 4 с. [Kruchenyh A. O stat'e N. Buharina protiv Esenina. M.: Izd-vo avtora, 1927. 4 s.]
- Ленин В.И. ПСС. Т. 18, 24. [Lenin V.I. PSS. T. 18, 24.]
- Луначарский А.В. Статьи о советской литературе. М.: Учпедгиз, 1958. 480 с. [Lunacharskiy A.V. Stat'i o sovetской literature. M.: Uchpedgiz, 1958. 480 s.]
- На литературном посту. 1927. N7. [Na literaturnom postu. 1927. N7.]
- Полонский В.Я. Очерки литературного движения эпохи (1917–1927). М.; Л.: Гос. изд.-во, 1928. 334 с. [Polonskiy V.Ya. Ocherki literaturnogo dvizheniya epohi (1917–1927). M.; L.: Gos. izd.-vo, 1928. 334 s.]
- Правда. 1922. 11, 24–25 окт.; 27 сент.; 1925. 1 февр.; 1918. 23 июля. [Pravda. 1922. 11, 24–25 okt.; 27 sent.; 1925. 1 fevr.; 1918. 23 iyulya.]
- Пролетарская культура. 1918. №1. [Proletarskaya kul'tura. 1918. №1.]
- РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Д. 1218. [RGALI. F. 602. Op. 1. D. 1218.]
- РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1634. [RGASPI. F. 5. Op. 1. D. 1634.]
- «Счастье литераторы»: Государство и писатели: 1925–1938: Документы / Сост. Д.Л. Бабиченко. М.: РОССПЭН, 1997. [«Schast'e literatury»: Gosudarstvo i pisateli: 1925–1938: Dokumenty / Sost. D.L. Babichenko. M.: ROSSPEN, 1997.]
- Троцкий Л.Д. Перманентная революция: Сб. М.: АСТ, 2005. 570 с. [Trockij L.D. Permanentnaya revolyuciya: Sb. M.: AST, 2005. 570 s.]
- Фотиева Л.А. Из жизни Ленина. М.: Политиздат, 1967. 320 с. [Fotieva L.A. Iz zhizni Lenina. M.: Politizdat, 1967. 320 s.]

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Волгушева А.О. Культурная политика Советской власти и художественная интеллигенция: 1917–1932: Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов: СГУ, 2004. 208 с. [Volgusheva A.O. Kul'turnaya politika Sovetskoy vlasti i hudozhestvennaya intelligentsiya 1917–1932. Diss. ... kand. ist. nauk. Saratov: SGU, 2004. 208 s.]
- Горбунов В.В. В.И. Ленин и Пролеткульт. М.: Политиздат, 1974. 237 с. [Gorbunov V.V. V.I. Lenin i Prolekult. M.: Politizdat, 1974. 237 s.]
- Емельянов Ю. Заметки о Бухарине. Революция, история, личность. М.: Молодая гвардия, 1989. 320 с. [Emelyanov Yu. Zametki o Bukharine. Revolyuciya, istoriya, lichnost'. M., 1989. 320 s.]
- Ермакова Л.В. Из истории партийного руководства советской литературой // Путь борьбы и побед. Ч. 1. М., 1971. С. 343–364 [Ermakova L.V. Iz istorii partiynogo rukovodstva sovetской literaturoy // Put' borbi i pobed. P. 1. M., 1971. P. 343–364]
- Иванов А.И. Формирование идейного единства советской литературы. 1917–1932. М.: Гослитиздат, 1960. 375 с. [Ivanov A.I. Formirovanie ideynogo edinstva sovetской literatury. 1917–1932. M.: Goslitizdat, 1960. 375 s.]

- Исаева Т.Б. Об управлении литературным процессом в 1917–1925 годы. Саратов: СГУ, 1991. 37 с. [Isaeva T.B. Ob upravlenii literaturnym protsessom v 1917–1925 gody. Saratov: SGU, 1991. 37 s.]
- Ковалев А. Н.И. Бухарин. Эстетика. Критика... // Искусство. 1988. N 2. С. 21–25 [Kovalev A. N.I. Bukharin. Estetika. Kritika... // Iskusstvo. 1988. N2. S. 21–25]
- Корниенко Н.В. «Нэповская оттепель»: становление института советской литературы. М.: ИМЛИ, 2010. 498 с. [Kornienko N.V. «Nepovskaya otpepel'»: stanovlenie institute sovetsoy literatury. M.: IMLY. 498 s.]
- Лайне С.В. Николай Бухарин – литературный критик. М.: Знание, 1991. 63 с. [Layne S.V. Nikolay Bukharin – literaturnyi kritik. M.: Znanie, 1991 63 s.]
- Ленин В.И. ПСС. Т. 18; 12 [Lenin. PSS. T. 18; 12]
- Лекманов О.А., Свердлов М.И. Есенин. М.: Астрель, 2011. 608 с. [Lekmanov O.A., Sverdlou M.I. Esenin. M.: Astrel, 2011. 608 s.]
- Ли Чуньлун. Н.И. Бухарин и формирование советской интеллигенции... (1917–1929 гг.): Дисс. ...канд. ист. наук. М.: МГУ, 1990. 187 с. [Ly Chun'yun. N.I. Bukharin I formirovaniye sovetsoy intelligentsia... (1917–1929): Dyss. ...kand. ist. nauk. M.: MGU, 1990. 187 s.]
- Омельченко Н.А. Власть и творчество: о книге Льва Троцкого «Литература и революция»... // PolitBook. 2016. №3. С. 114–133 [Omelchenko N.A. Vlast' i tvorchestvo: o knige L'va Trotskogo «Literatura I revolutsiya»... // PolitBook. 2016. №3. S. 114–133]
- Савченко М.М. Н.И. Бухарин и литература. Учебное пособие по спецкурсу. М.: Прометей, 1990. 93 с. [Savchenko M.M. N.I. Bukharin i literatura. Uchebnoye posobie po spezkursu. M.: Prometey, 1990. 93 s.]
- Савченко Т.К. Есенин и русская литература XX века. М.: Русский мир, 2014. 558 с. [Savchenko T.K. Esenin i russkaya literatura XX veka. M.: Russkiy mir, 2014. 558 s.]
- Фрезинский Б. Утопии и реальность. // Н.И. Бухарин. Революция и культура. М., 1993. С. 3–28 [Frezinskiy B. Utopii i realnost' // N.I. Bukharin. Revolutsiya i kultura. M.: Fond im. Bukharina, 1993. S. 3–28]
- Шарапов Ю.П. Первая оттепель. Нэповская Россия в 1921–28 гг.: вопросы идеологии и культуры... М.: РАН, 2006. 365 с. [Sharapov Yu.P. Pervaya otpepel'. Nepovskaya Rossiya v 1921–28 gg.: voprosy ideologii i kultury... M.: RAN s.]
- Шкаренков Л.К. Философско-социологические и политические взгляды Н.И. Бухарина. М.: ИНИОН 1991. 64 с. [Shkarenkov L.K. Filosofsko-sociologicheskie i politicheskie vzglyady N.I. Bukharina. M.: INION, 1991. 64 s.]
- Brown E.J. Russian Literature since Revolution. L.: Collier-Macmillan, 1969. 367 p.
- Ermolaev N. Soviet Literary Theories 1917–1934: The Genesis of Socialist Realism. Berkeley: Univ. of California Press, 1963. 261 s.
- Gereben A. Bucharins Ansichten über Literatur // «Liebling der Partei» Nikolai Bucharin. Theoretiker und Praktiker des Sozialismus / Th. Bergmann. Hamburg, 1989. S. 385–394
- Literature and Revolution in Soviet Russia. 1917-1962 / Ed by M. Hayward. Oxford: Oxford univ. Press, 1963. 235 p.
- Slonim M. Soviet Russian literature... 1917–1977. N.Y.: Oxford univ. press, 1977. 437 p.
- Коваленко Надежда Вячеславовна, Государственный академический университет гуманитарных наук, преподаватель, el.kowalenko2012@yandex.ru*

N.I. Bukharin's Speech at the Literary Conference as a Reflection of His Views in the Field of Fiction and Literary Politics (1925)

In this paper the author examines the speech of N. I. Bukharin at the literary conference of 1925, which reflected his ideas in the field of literary policy as part of the system of views on the development of culture and the formation of a new socio-cultural model in the post-revolutionary period. The analysis of the text showed that the basis of these views of Bukharin was a combination of the ideas he borrowed from A.A. Bogdanov **about** society as a system of interrelated elements and about class proletarian culture and his own ideas about the cultural «maturation» of the proletariat as a class already after the revolution, as well as about the transition period between capitalism and socialism as a separate historical stage.

Keywords: *Bukharin, proletarian culture, fiction, literary politics.*

Kovalenko Nadezhda Vyacheslavovna, State Academic University for the Humanities, lecturer, el.kowalenko2012@yandex.ru

Т.А. БУЛЫГИНА

ДИСКУРС «СОВЕТСКОСТИ» В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СССР: ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА РАН И РГАСПИ¹

Работа посвящена состоянию советской гуманитаристики в послевоенном интеллектуальном пространстве Советского Союза. На материалах архивных источников показана эволюция стиля научных дискуссий историков, философов и социологов в 1940–1960-е гг. Как показал анализ документов, менялся сам дискурс «советскости» от безусловного идеологического диктата к более выраженному научному содержанию. Это проявлялось не только в стиле, но и в изменении проблем обсуждения, о чем свидетельствовал рост интереса ученых-историков к методологии истории. Обозначилось научное, а не идеологическое содружество историков и философов. Вместе с тем, советская идеологизированность гуманитарного знания из веры в ее обязательность превращалась в форму социального поведения. Такая тенденция особенно очевидна в делопроизводственных документах научных учреждений.

Ключевые слова: интеллектуальное пространство, научное сообщество, идеология, советскость, гуманитаристика, интеллектуальная история советского общества

Понятие «советскости» как объект научного исследования рядом современных исследователей рассматривается как единство трех маркеров: советского общества, советской истории и советской идентичности². Представляется, что первое и второе значения являются хронологической и сущностной формами одного явления. Еще в 1970-е гг. проблема новой общности стала объектом изучения советских обществоведов³. В работах, несмотря на четкий политико-идеологический заказ, просматривается объективная неизбежность смены идентичностей в условиях революционного перехода. Это проявляется и в повседневной жизни, и в поведении, и в языке, и в общественном и массовом сознании.

Сегодня эта тема активно изучается российскими философами, политологами, историками⁴. Существуют две точки зрения на «советскость». Часто ее рассматривают как теоретико-идеологический, искусственный конструкт советской партийно-государственной власти. Анализ источников свидетельствует, что наряду с этим советскость формировалась стихийно не только под действием пропаганды, но и изменений социальной среды, пространство которой определялось характеристикой бытования людей на территории Советского Союза.

С точки зрения советской идентичности впервые официально «советскость» была сформулирована в виде концепта «советский народ как новая историческая общность» в 1961 г. на XXII съезде КПСС. В отчет-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43048 «От “нового человека” до “советского народа”: идеология, опыт, проблемы советского проекта (1917–1985 годы)».

² Скоробогатская, Скоробогатский.2020.

³ Тадевосян 1972.

⁴ Скоробогатская, Скоробогатский 2015; Смолина 2009; Кара-Мурза 2003; Попов 2004.

ном докладе ЦК Н.С. Хрущев заявил: «В СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты, – советский народ. Они имеют общую социалистическую Родину – СССР, общую экономическую базу – социалистическое хозяйство, общую социально-классовую структуру, общее мировоззрение – марксизм-ленинизм, общую цель – построение коммунизма, много общих черт в духовном облике, в психологии»⁵. Правда, в третью Программу КПСС это положение не вошло⁶. Это свидетельствует о том, что введение в политический и научный оборот понятия «новая историческая общность» произошло на 10 лет раньше 1974 года, когда на XXIV съезде в Отчетном докладе ЦК КПСС: Л.И. Брежнев провозгласил: «За годы социалистического строительства в нашей стране возникла новая историческая общность – советский народ»⁷. Видимо, сработал политический принцип Российской империи о хорошо забытом прошлом. В условиях срыва плана строительства коммунизма в СССР в 1970-е гг. появилась концепция «развитого социализма», как самостоятельного длительного этапа на пути к коммунизму. Вот тогда-то концепт «советский народ» приобрел теоретический статус.

Формирование советскости происходило постепенно, начиная с 1920-х гг. Вначале это была метафора в произведениях писателей. В 1925 г. В. Маяковский в стихотворении «Бродвей» заявлял: «Я в восторге от Нью-Йорка города. Но кепчонку не сдеру с виска. У советских собственная гордость: на буржуев смотрим свысока»⁸. В том же году М.А. Булгаков пишет памфлет «Собачье сердце», где в третьей главе профессор Преображенский дает советы, используя эпитет «советский»: «И – боже вас сохрани – не читайте до обеда советских газет»⁹.

Затем термин стал использоваться в официозе и в повседневной жизни. При этом следует согласиться с мнением Н.Б. Лебиной о том, что «история маленьких житейских мирков прочно связана и с экономикой, и с политикой. Даже в мелочах быта человек любого общества в меньшей или большей степени подчиняется суждениям власти»¹⁰. Символично, что в 1939 г. идеологема «советский народ» прозвучала в передовой газеты «Правда», посвященной 50-летию И.В. Сталина: «Социалистическая индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, создание могущественной обороны страны социализма, создание многочисленных кадров высококвалифицированной советской интеллигенции — всеми этими победами **советский народ** (выделено – Т.Б.) обязан товарищу Сталину»¹¹.

⁵ XXII съезд КПСС... 1962.

⁶ Вдовин 2012.

⁷ XXIV съезд Коммунистической... 1971.

⁸ Маяковский... 1965.

⁹ Булгаков... 2005.

¹⁰ Лебина, Чистяков 2003.

¹¹ Родной Сталин // Правда №351, 21 декабря 1939 г.

В годы Великой Отечественной войны это понятие закрепилося окончательно как в массовом сознании, так и во властном дискурсе. Приказ от 8 мая 1945 г. об окончании войны завершился словами: «Великая Отечественная война, которую вел **советский народ** (выделено мной – Т.Б.) против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена, Германия полностью разгромлена»¹².

Обычно советскость рассматривается либо в политическом, либо в социальных контекстах. В данной статье делается попытка реконструировать изменения дискурса советскости в интеллектуальном поле СССР на примере текстов научной элиты – ученых-гуманитариев Академии наук СССР. Для того чтобы увидеть вектор развития дискурса советскости, сравним стенограммы двух научных дискуссий историков и социологов 1960-х со стенограммами дискуссии по книге Г.Ф. Александра «История Западной европейской философии» в июне 1947 г. и общего собрания в Институте философии АН СССР «О борьбе с космополитизмом в философии» весной 1949 года.

Изучение источников 1940-х гг. показало разницу и в составе, и в стиле обсуждений. Во-первых, списки участников дискуссии 1947 года строго регламентировались «сверху», как, впрочем, и сама дискуссия¹³. Половину всех присутствовавших на совещании составляли представители партийного аппарата. Например, в специальном списке № 2 значились представители высшего руководства страны всех областей жизни – от помощника Л.П. Берии до Вс. Вишневского и А. Фадеева. Были списки представителей от всех 15-ти союзных республик, от 23-х крупных городов, областей и краев¹⁴. В совещаниях 1960-х гг. участвовали представители научного сообщества без строгой регламентации.

При обсуждении доклада А.Я. Гуревича выступали в основном историки и философы, в подведении итогов участия советской делегации на международном социологическом форуме – исключительно социологи и философы. Партийный контроль безусловно осуществлялся, но более скрыто и тонко в отличие от грубого вмешательства партийных органов в дискуссию ученых в 1940-е гг. Так, по прямому указанию Сталина обсуждение книги Г.Ф. Александра философы в кругу своего научного сообщества провели в январе 1947 года. Сталин был возмущен идеологической беззубостью ученых и приказал провести мероприятие повторно. После гневного окрика вождя, главным мотивом выступающих были не поиски истины, а обвинение авторов пособия в отсутствии классового подхода к описываемым философским системам. Содержание книги о западной европейской философии оказалось удобной мишенью для развертывания политической кампании по борьбе с космополитизмом. Симптоматично, что в центре обсуждения был доклад не специалиста, а секретаря ЦК ВКП(Б) А.А. Жданова, ко-

¹² Приказы Верховного Главнокомандующего... 1975.

¹³ Стенограмма совещания работников... 1947.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 479. Л. 9 – 28.

торый задал тон всему совещанию. Главный пафос его речи состоял в том, что любая идея носит либо прогрессивный, либо реакционный характер. Из этого тезиса вытекала идея о реакционности всех немарксистских теорий¹⁵. Немецкая философия до Маркса, включая и Гегеля, рассматривалась с позиций сталинских идеологов исключительно как служанка германского империализма¹⁶.

Характерно, что в лексике выступавших на научных дискуссиях в конце 1940-х гг. почти совершенно отсутствовал дискурс «советский». Об этом свидетельствует и текст доклада А.А. Жданова по упомянутой книге Г.Ф. Александрова. Докладчик, описывая значение философии «для тружеников социалистического общества», которая должна стать основой для наступления «на враждебную идеологию за рубежом, на пережитки буржуазной идеологии в сознании **советских людей** у нас внутри страны»¹⁷, в редких случаях употребляет вместо эпитета «советский» эпитет «социалистический», как синоним. В докладе «социалистическое общество, социализм» упоминается не менее 7 раз, а «советские люди» – один раз, «советское общество» также упоминается один раз, да еще в качестве эпитета: «философия вовсе не является достоянием небольшой кучки профессиональных философов, а является достоянием всей нашей **советской интеллигенции**». Это свидетельствует о том, что «советский народ» как дискурс официального языка проходил период становления и не стал еще фигурой речи.

На собрании Института философии АН СССР 18 марта 1949 года, посвященном разоблачению космополитизма, категория «советскости» стала использоваться чаще. В заключительной части основного доклада того же академика Г.Ф. Александрова репрессированный крупный специалист по вопросам эстетики С.С. Гольдентрихт (в 1954 г. реабилитирован) назван врагом **советской** власти¹⁸. По мнению философа и логика П.В. Таванца в писаниях В.Ф. Асмуса, известного историка философии, литературоведа и кантоведа, лауреата Сталинской премии 1943 г., наблюдается отрыв теории логики от мышления **советских людей**. Он также упоминал критику **советской общественностью** теории В.Ф. Асмуса¹⁹. Выступившая Федорова, клеймя космополитов, заявила, что **советское государство** выращивает кадры нашей **советской интеллигенции**²⁰. Т.И. Ойзерман в своей кающейся речи применяет термин «**советские патриоты еврейской национальности**»²¹. Д.И. Чесноков призвал «на борьбу с враждебным **советскому** народу космополитизмом»²².

¹⁵ Стенограмма совещания работников... 1947: 259 – 263.

¹⁶ О недостатках и ошибках ... 1944.

¹⁷ Стенограмма совещания работников... 1947: 259 – 263.

¹⁸ Архив РАН. Ф. 1922. Оп.1. Д.331. Л.5

¹⁹ Архив РАН. Ф. 1922. Оп.1. Д.331. Л. 26

²⁰ Архив РАН. Ф. 1922. Оп.1. Д.331. Л.37.

²¹ Архив РАН. Ф. 1922. Оп.1. Д.331. Л.61.

²² Архив РАН. Ф. 1922. Оп.1. Д.331. Л.91.

Очевидно, что «советскость» как шаблон постепенно завоевывает место не только в официальном и массовом, но и научном лексиконе.

Здесь следует оговориться, что в приведенных выше источниках, даже вроде бы в научной философской дискуссии преобладает язык идеологического противостояния (усиленного страхом за свою судьбу), а не научной полемики. Тем более философское совещание о борьбе с космополитами было далеко от научных поисков. На нем проявились личные антипатии, борьба за личное влияние. Вектор выступлений был направлен в одну сторону – против космополитов и их «приспешников». Недоброжелательство к М.Б. Митину сквозит сквозь все выступление Д.И. Чеснокова, недавно (с 1947 г.) утвердившегося в академических кругах Москвы после работы в Свердловске. Здесь преследовались сразу несколько целей. Во-первых, потеснить малограмотного академика без кандидатской и докторской работ с позиции активного апологета сталинизма, во-вторых, здесь просматривается характерная для первых послевоенных лет атмосфера скрытого соперничества не только за имя, но и за академические блага, а также страх опоздать на расправу своего соперника. М.Я. Гефтер трагедию ученых послевоенного сталинского десятилетия видел в разломе поколения: «После такой веры друг в друга, после такого братства люди встали против людей, страна вновь кишела «изменниками»... кто сосчитает потери душ... Карьера становилась программой начинающих. Все проникалось и лицемерием, и худшим из самообманов». По его мнению, «диалекты» патриотизма требовали ежедневного поклонения, а непризнание родственной ксенофобии могло стоить жизни²³. В выступлениях большинства на этом совещании часто встречались формулировки советской лексики того времени. С.С. Гольдентрихт в устах академика Г.Ф. Александрова «*больше всех враг народа*». П.В. Таванец утверждал: «*Враждебная работа космополитов развернулась на многих участках идеологического фронта. В секторе логики орудовали Асмус, Строгович*». У Д.И. Чеснокова часто встречается словосочетание «*Низкопоклонство перед буржуазной культурой*» (выделено мной. – Т.Б.)²⁴.

Дух страха, корысти и идеологической ангажированности в научной среде после 1950-х гг. не исчез, но стал стесняться открытой подлости. Это изменило и тенденции публичных научных дискуссий. Примером могут служить два собрания различного формата в 1964 и 1966 гг. Обратимся к содержанию академического семинара по философским проблемам истории, который проходил 22 мая 1964 года под председательством А.В. Гулыги. На семинаре обсуждали доклад 40-летнего профессора из Калининского педагогического института будущего выдающегося историка А.Я. Гуревича «О причинном объяснении в истории». Так, в выступлении М.А. Барга не было ни одного «советского» слова:

²³ Гефтер 1988: 305-306.

²⁴ Архив РАН. Ф. 1922. Оп.1. Д.331. Л.24 – 25.

ни партии, ни К. Маркса и Ф. Энгельса, ни В.И. Ленина, ни марксизма-ленинизма. Доклад А.Я. Гуревича побудил этого ученого на размышления о междисциплинарном подходе, о характере работы историка, который «излагает не готовую историю, а задумывается». М.А. Барг использовал лексику, более присущую западному научному сообществу, нежели советскому. К примеру, он употреблял такую метафору, как «интеллектуальный климат», он предлагал свое понимание исторических закономерностей: «умение делать открытие конкретного механизма события – это и есть открытие закономерностей»²⁵.

А.В. Гулыга активно поддержал докладчика, особенно критику А.Я. Гуревичем позитивизма, «распространенного у нас» в силу простоты объяснения. Поддержал А.В. Гулыга и идею о границах применения принципа причинности. Он считал, что попытка придавать универсальный характер причинности устарела. Назвав абсурдом устаревший механический подход к причинности, когда все явления делятся на причины и следствия, философ указал, что историку помогают разобраться в сущности исторического процесса такие категории, как форма и содержание, действительность и возможность²⁶. Чтобы подтвердить свою мысль, он ссылался на В.И. Ленина, Ф. Энгельса и К. Маркса и одновременно на Г.В. Гегеля, на труды аргентинского философа и физика М. А. Бунге²⁷. Есть в его речи и ссылка на работу одесского философа и социолога, создателя философской школы А.И. Уёмова²⁸, разгромленную партийными идеологами за свободомыслие автора.

Востоковед В.А. Рубин поддержал утверждение А.Я. Гуревича о том, что отечественная наука страдает догматизмом и схематизмом, и «здесь никакого упрощения нет». В его выступлении четко прозвучал тезис о том, что для развития исторической науки недостаточно собирать новые факты, но нужны новые идеи. Он откровенно говорил о тупике, в который завело стремление набирать факты, подтверждающие идеи Сталина²⁹. В.А. Рубин обратил внимание на то, что история в советском варианте преподносится без людей.

О важности преодоления догматизма говорил и заведующий сектором методологии Института истории Академии наук СССР М.Я. Гефтер. Однако, как убежденный марксист, он говорил о творческом подходе к марксизму, о необходимости очистить подлинный марксизм от поздних догматических наслоений. Это созвучно с позицией ряда историков времени «перестройки». Выступающий все еще боится «антимарксистского» смысла, а поэтому предлагает быть осторожным с плюрализмом подходов. Надо отметить, что кроме марксизма набор традиционных идеологических штампов историком не употреблялся.

²⁵ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1322. Л.9-12.

²⁶ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1322. Л.13,14, 20-21

²⁷ Бунге 1962.

²⁸ Уёмов 1963.

²⁹ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1322. Л.20 – 22.

М.Я. Гефтер, как и А.Я. Гуревич, отрицал предопределенность исторического процесса, но противопоставлял понятию А.Я. Гуревича «социально-психологическая реакция» понятие «историческое творчество людей». М.Я. Гефтер настаивал, что наиболее точным и широким для изучения исторического процесса является понятие «класс», которое в отечественной историографии понималось упрощенно, без учета промежуточных групп, механизма внутрикласового и межкласового взаимодействия³⁰.

Анализ выступлений показал, во-первых, декоративность ссылок на классиков марксизма-ленинизма, на партию. Так, А.В. Рубин, говоря о подрыве исторической науки, сослался на слова секретаря ЦК Л.Ф. Ильичева на пленуме по идеологическим вопросам. Эта ссылка носила чисто текстологический характер, так как Ильичев имел в виду совсем другое³¹. Ни одно выступление на этом семинаре не начиналось, как сообщение Чеснокова на упомянутом собрании: «Товарищи, наша партия на всем протяжении своей истории ведет настойчивую борьбу со всеми видами буржуазной идеологии...»³².

Во-вторых, на этой дискуссии обсуждались проблемы, а не личности историков, что сводило на нет идеологическую риторику и располагало к обсуждению важных теоретико-методологических проблем. В частности, дискуссии вызвало положение о роли случайности в истории, о сущности исторического факта³³. Как говорилось выше, большинство выступивших были солидарны с принципами, изложенными в докладе. Замечания касались степени полноты обзора той или иной проблемы, а также толкования той или иной категории. Речь шла не об идеологическом избиении ученого, а о подлинно научном споре. И сторонники, и скрытые оппоненты марксизма не употребляли маркеры «советскости»: им важнее была научная сущность дискуссии.

В-третьих, впервые встретились философы и историки не для разгрома идеологически вредных идей, а для обсуждения близких каждому из участников методологических вопросов. Об этом говорил философ З.А. Каменский. Он отметил, что пафос докладчика был направлен против догматического понимания марксизма, «которое настало бы нам всем опротивело, что мы согласны впасть в детство, лишь бы не прибегать к марксизму, истолкованному таким образом»³⁴. Кроме того, З.А. Каменский напомнил, что философское наследие не ограничивается марксизмом. Сюда надо включить и домарксистскую философию. При определении научного сообщества историков, у всех выступающих фигурировали «мы», «наши историки», и только сам докладчик прямо указал в ответном слове и ответах на вопросы: «Мы в течение 2-

³⁰ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1322. Л.36 – 42.

³¹ Ильичев 1963.

³² Архив РАН. Ф. 1922. Оп.1. Д.331. Л. 5 - 100.

³³ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1322. Л. 25 – 28.

³⁴ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1322. Л.55.

3 поколений советской исторической науки находились в состоянии, когда нам нечего было решать, потому что все решено»³⁵.

Знакомство с материалами участия советских социологов в VI социологическом конгрессе во Франции в 1966 г. – через два года после описанного выше события – дает более широкую картину взаимодействия советской гуманитарной науки и власти³⁶. В выступлениях участников конгресса наблюдаются две тенденции. С одной стороны, генеральная линия всех выступающих – это взаимоотношения «нашего» ученого сообщества с «чужими» учеными. Высчитывался каждый миллиметр «советскости». Советская риторика была обязательной для академика П.Н. Федосеева, вице-президента АН СССР, члена ЦК КПСС, председательствовавшего на совещании. Однако даже в его выступлениях барабанная дробь идеологических пассажей была приглушена заботой о практическом влиянии советской делегации на работу Конгресса. Главное, что в отличие от прошлых конгрессов социологов, американцы перестали «хозяйничать»: «Зажать нашу делегацию и других социалистических стран не удалось. Наши беспрепятственно выступали на пленарных заседаниях и на секциях».

В качестве достижения П.Н. Федосеев отметил, что Президентом международной ассоциации (ASJ) «все-таки» избран польский социолог Ян Щепаньский – «из социалистического лагеря, толковый и политически лояльный». Более того, он попытался дать оценку проблематике Конгресса, которая содержала такие серьезные вопросы, как политическая социология, война и мирное сосуществование, быт, семья, аграрные отношения в современную эпоху, урбанистика. Правда, академик не удержался и назвал вопросы, которые исследуются во многих «буржуазных» странах, «всякими мелочами, пустяками».

Противоречивость власти в отношении к гуманитарным наукам ощущается, с одной стороны, в акцентировании жесткого противостояния между учеными социалистического лагеря и научным сообществом Запада: «При выступлениях надо излагать и нашу точку зрения, и позицию противников». В то же время просматривается практицизм в отношении информации «противника». Академик считал, что при подведении итогов Конгресса надо решить, не только, как его освещать среди ученых страны, но и «извлечь максимальную пользу из того, что мы добыли в смысле информации»³⁷. По старой привычке «добывать» и сосредоточить в Институте литературу, заявленную на Конгрессе, было поручено заведующей сектором критики антикоммунизма Института философии, доктору философских наук, профессору и одновременно майору КГБ Е.Д. Модржинской. Все советские участники должны были предъявить «добытые» на секциях доклады для реферирования, перевода и публикации бюллетеней для служебного пользования.

³⁵ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1322. Л.63.

³⁶ Архив РАН. Ф.1922. Оп. 1. Д. 1163.

³⁷ Архив РАН. Ф.1922. Оп. 1. Д. 1163. Л. 3 – 6.

Заданный во вступительном слове тон, так или иначе поддерживался почти всеми выступившими. Речь шла о сравнении позиции советской и западной социологии с переходом на личности в контексте лояльности зарубежных ученых советской делегации как символ лояльности Советскому Союзу. Одновременно латентно излагалась новая научная информация, полученная в ходе участия в Конгрессе. Например, в выступлении заведующего кафедрой марксистско-ленинской философии Уральского университета и создателя философского факультета в этом вузе М.Н. Руткевича, входившего в группу под председательством В.С. Семенова «Классы и международные отношения», на заседании которого был заслушан советский основной доклад. Конгрессы социологов начали созываться с 1950 г., в IV Конгрессе в Милане в 1959 г. впервые участвовали 11 советских социологов. В 1962 г. на V Конгрессе в Вашингтоне советская делегация составила уже 18 регламентированных человек. В описываемом VI конгрессе во Франции впервые советский социолог председательствовал во всех подразделениях. По мнению выступающего главным достижением председательствующего были корректность, вежливость, умелое противостояние попыткам толкнуть работу группы «на дискуссионный путь».

Следует заметить, что большинство участников на совещании оценивали не только политическую лояльность западных ученых, но и соответствие шаблонам советской идеологии выступлений социологов из Восточного блока. Так, М.Н. Руткевич заявил, что югославский социолог С. Флере занял «не совсем такую позицию, как нам хотелось бы» в отношении толкования понятия «бюрократия», рассматривая ее не как черту аппарата управления, а как особый слой, «который портит политику государства, в т.ч. социалистического»³⁸. В этой связи характерно выступление одного из участников группы «Массовая культура в переходном обществе», который усмотрел расхождение советских социологов с польской делегацией по этой проблеме. Дискуссию вызвал доклад К. Жигульского «Массовая культура в социалистическом обществе», в котором известный польский социолог распространял термин «массовая культура» на социалистические страны, тогда как в советской литературе этот термин использовался только для Запада³⁹.

В отношении западных ученых на совещании в большинстве случаев звучали не научные, а идейно-оценочные суждения, когда позицию выдающегося социолога, одного из создателей школы структурного функционализма Т. Парсонса определили как буржуазно-либеральную⁴⁰. В выступлении Е.Л. Мотаршинской постоянно встречались определения «идеологические противники», наши товарищи из числа марксистов⁴¹. Наиболее непримиримым было выступление Е.Л. Морджин-

³⁸ Архив РАН. Ф.1922. Оп. 1. Д. 1163. Л. 10.

³⁹ Архив РАН. Ф.1922. Оп. 1. Д. 1163. Л.33.

⁴⁰ Архив РАН. Ф.1922. Оп. 1. Д. 1163. Л. 11.

⁴¹ Архив РАН. Ф.1922. Оп. 1. Д. 1163. Л. 104.

ской, критиковавшей выступление А.Г. Здравомыслова на секции политической социологии. Она осуждала даже тон доклада, так как «американцы аплодировали». Ученый позволил себе предложить совместное конкретное исследование с американцами. Он заявлял, что американский рабочий больше удовлетворен результатами своего труда, чем советский. Он совершенно не критиковал американскую методологию: «Это был доклад ученика и коллеги американских социологов», рассыпавшего «похвалы и реверансы» в их адрес⁴².

С другой стороны, очевидно стремление ряда советских социологов перевести разговор с идеологического противостояния двух мировых систем на обсуждение острых проблем социологической науки. Так, В.Н. Шубкин, тогда, директор Института филологии, истории, философии Сибирского отделения АН СССР в Новосибирске (в конце 1960-х переехал в Москву) аккуратно используя советскую терминологию, основное внимание уделил освещению научных проблем в секции «Социология и экономика» под председательством американского социолога Нила Смелзера. Он говорил о взглядах английского социолога Зигмунта Баумана на модели экономического развития. Ученого больше интересовало положение социологии в нашей стране: «У меня сложилось впечатление, что американцы обеспокоены быстрым развитием количественных методов в социологии в СССР. Мы недооцениваем своих достижений». Он призывал вести наступление на буржуазную идеологию без крика, спокойно, доказывая значительную роль социологии в нашем обществе. Тем самым Шубкин стремился обратить внимание власти на необходимость развития науки. При этом он прямо заявил, что идеяность без профессиональной подготовки «может принести вред»⁴³.

Еще более недвусмысленным было выступление В.А. Ядова, который на Конгрессе в Комитете по труду делал доклад с «вредоносным» (по мнению Е.Л. Морджинской) А.Г. Здравомысловым, вызвавший острую полемику. По мнению выступавшего, аудитория приняла тезис о гуманизации труда сочувственно. Споры разгорелись вокруг вопроса о смысле индекса удовлетворенности работой: «мы согласились с тем, что смысл появляется только в контексте. Мы хорошо друг друга понимали с англичанами и американцами». Даже в его выступлении на совещании отсутствовала идеологическая риторика вообще. В.А. Ядов оценивал выступления не с позиции «наши – не наши», а с точки зрения научной пользы, и не боялся хвалить «противника». По его мнению, «серьезные люди, которые приехали на конгресс работать, а не шуметь и орать» обсуждали сравнительные исследования. В то же время ряд докладов по методологии «носили характер сообщений младшего ассистента перед первокурсниками». Одновременно В. А. Ядов мог говорить о том, что личное обаяние докладчика – 96% успеха выступ-

⁴² Архив РАН. Ф.1922. Оп. 1. Д. 1163. Л.200.

⁴³ Архив РАН. Ф.1922. Оп. 1. Д. 1163. Л.19-23.

ления. Как и В.Н. Шубкина, его волновало развитие социологии в стране. Он предлагал, пока в СССР нет изданий и журнала на английском языке, давать нашу литературу для перевода западными учеными: «У них много нового, они совсем не такие, как прежде». С болью выступавший сетовал, что нет отечественного журнала, нет системы подготовки кадров, нет своего учебника, который необходимо издать. Ему вторил Ю.А. Левада, который предложил составлять следующие делегации по знанию языка, ситуации в зарубежной социологии, участию в социологических исследованиях⁴⁴. В.А. Ядов не боялся критиковать «советское: «Наши машины М-20 хорошие, но программисты слабее»⁴⁵.

Даже в делопроизводственных документах также произошли изменения. Практицизм все чаще заменял идеологическую лояльность. Так, в Институте философии АН СССР был создан сектор научного коммунизма, что свидетельствовало не столько о развитии марксизма-ленинизма, сколько о желании придать ему научно-академический вид. Изменение политических акцентов вело к ослаблению базовых понятий советской идеологии – вера и страх. Это, в свою очередь требовало для сохранения политической системы укреплять внешние ее признаки – наукообразность и современные инструменты ее пропаганды. Как писал российский философ и богослов В.В. Аксюциц, «когда затихают конфликты и аффекты, которые сплачивали и направляли массы, жрецы идеологии вынуждены заботиться о разумном обосновании и рациональном объяснении и, вместо истерических лозунгов открываются академии и институты марксизма-ленинизма»⁴⁶.

Исходя из этого, всякий руководитель желает расширять свое дело, так и секретарь партийного бюро сектора В.Д. Скаржинская и заведующий сектором Ц.А. Степанян просили ЦК партии осенью 1966 г. помочь расширить сектор до отдела, а затем создать отдельный институт научного коммунизма АН СССР. Мотивом этого ходатайства было, очевидно, не стремление расширить воздействие марксизма-ленинизма на общество, а укрепить «онаученный» фундамент этой дисциплины и тем самым обеспечить работой себя и своих сотрудников⁴⁷. При этом ссылки на партийные решения становились аргументом, а не искренним выражением лояльности. В частности, в ходатайстве научной общественности Москвы и Ленинграда вице-президенту АН СССР академику П.Н. Федосееву и директору Института философии АН СССР академику Ф.В. Константинову 6 декабря 1966 года о создании в Ленинграде научно-исследовательского философского и социологического центра и филиала института философии АН СССР авторы ссылались на доклад о директивах пятилетнего плана на XXIII съезде о практиче-

⁴⁴ Архив РАН. Ф.1922. Оп. 1. Д. 1163. Л.71-75.

⁴⁵ Архив РАН. Ф.1922. Оп. 1. Д. 1163. Л. 40-46, 64.

⁴⁶ Аксюциц 1995: 25.

⁴⁷ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1156.Л. 2-3.

ской значимости социологических исследований. Подчеркивалось, что Ленинградская Кафедра философии АН СССР (пять преподавателей, а остальные научные сотрудники) одна в стране занимается научной работой по проблеме воспитания молодежи⁴⁸.

В завершение следует отметить, что «советский тон» дискуссиям подобного рода задавала их тема. Обсуждение проблем отечественной истории были более политизированными, нежели вопросы методологии или социологии, о чем свидетельствуют стенограммы объединенного совещания секций по истории дореволюционного периода и советского периода института Истории СССР, посвященные обсуждению работ «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония»⁴⁹. Однако это предмет другого разговора.

В целом же изученный материал позволяет говорить, что к середине 1960-х произошел раскол монолитной «советскости» в гуманитарном научном сообществе, характерной для 1930–1940-х гг. Наряду с сохранением ортодоксальной сталинской тенденции проявилась тенденция ослабления идеологического ригоризма и попытка выработки не столько социального, сколько строго научного знания. В это время проявилась тяга советских историков к переосмыслению своего советского наследия, что породило интерес к теоретико-методологическим вопросам. В социальном плане происходит ослабление «железного занавеса» в науке, стремление интеграции с мировой наукой.

Архив Российской Академии наук (далее - Архив РАН). Ф.1922. Оп. 1. Д. 1163. Стенограммы совещаний по итогам работы VI Международного социологического конгресса во Франции в курортном городе Эвьян-ле-Бен 15 сентября 1966 г.

Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1322. Стенограмма семинара по философским проблемам истории.

Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1156. Ходатайства в ЦК КПСС И Президиум АН СССР.

Архив РАН. Ф. 1922. Оп.1. Д.331. Стенограмма общего собрания сотрудников института по докладу академика Г.Ф. Александрова о статье «Разоблачить проповедников космополитизма в философии»

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 479. Л. 9–28.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

XXII съезд КПСС (17–31 октября 1961 года): Стенографический отчет. Том 1. М.: Госполитиздат, 1962. 608 с. [XXII s"ezd KPSS (17–31 oktyabrya 1961 goda): Stenograficheskiy otchet. Tom 1. M.: Gospolitizdat, 1962. 608 s.].

XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. I. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1971. 598 с. [XXIV s"ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza. T. I. Stenograficheskiy otchet. M.: Politizdat, 1971. 598 s.].

Аксюнич В.В. Идеократия в России: Метаморфозы богоборческого режима М.: Выбор, 1995. 175 с. [Aksyuchits V.V. Ideokratiya v Rossii: Metamorfozy bogoborcheskogo rezhima M.: Vybor, 1995. 175 s.].

Булгаков М.А. Собачье сердце: Роман. Повести. Рассказы. М.: Эксмо, 2005. 688 с. [Bulgakov M.A. Sobach'e serdtse: Roman. Povesti. Rassказы. M.: Eksmo, 2005. 688 s.].

Бунге М. Причинность. Место принципа причинности в современной науке. М.: Иностранная литература, 1962. 512 с. [Bunge M. Prichinnost'. Mesto printsipa prichinnosti v

⁴⁸ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1156.Л. 4 – 6.

⁴⁹ Материалы Всесоюз. науч... 1970; «Свержение самодержавия»... 1970.

- sovremennoi nauke. М.: Inostrannaya literatura, 1962. 512 s.].
- Вдовин А. И. «Новая историческая общность»: теория и практика // Вопросы национализма. 2012. №3/24. С.56 – 79. [Vdovin A. I. «Novaya istoricheskaya obshchnost'»: teoriya i praktika // Voprosy natsionalizma. 2012. №3/24. S.56 – 79.].
- Гефтер М. Сталин умер вчера... // Иного не дано: судьбы перестройки, взгляды в прошлое, возвращение к будущему / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. 674с. [Gefter M. Stalin umer vchera... // Inogo ne дано: sud'by perestroiki, vglyadyvayas' v proshloe, vozvrashchenie k budushchemu / pod obshch. red. Yu. N. Afanas'eva. М.: Progress, 1988. 674s.].
- Ильичев Л. Ф. Очередные задачи идеологической работы партии. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 18 июня 1963 г. М.: Госполитиздат, 1963. 80 с. [Il'ichev L. F. Ocherednye zadachi ideologicheskoi raboty partii. Doklad na Plenumе TsK KPSS 18 iyunya 1963 g. М.: Gospolitizdat, 1963. 80 s.].
- Кара-Мурза С.Г. Советский человек. 2003. [Kara-Murza S.G. Sovetskii chelovek. 2003. URL: <http://www.kara-murza.ru/referat/sociology/Nepoladki007.html>
- Лебина Н.Б., Чистяков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 339 с. [Lebina N.B., Chistyakov A.N. Obyvatel' i reformy. Kartiny povsednevnoi zhizni gorozhan v gody nepa i khrushchevskogo desyatiletiya SPb.: Dmitrii Bulanin, 2003. 339 s.].
- Материалы Всесоюзной научной сессии по истории пролетариата России. М.: Наука, 1970, 364 с. [Materialy Vsesoyuznoi nauchnoi sessii po istorii proletariata Rossii. М.: Nauka, 1970, 364 s.].
- Маяковский В.В. Сочинения в 3-х томах. Т. 1. М.: Худож. литература, 1965. 567 с. [Mayakovskii V.V. Sochineniya v trekh tomakh. Tom 1. М.: Khudozh. literatura, 1965. 567 s.].
- О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX века // Большевик. 1944. №7-8. [O nedostatках i oshibkakh v osveshchenii istorii nemetskoj filosofii kontsa XVIII i nachala XIX veka // Bol'shevik. 1944. №7-8.].
- Попов М.Е. Антропология советскости: Философский анализ: дисс... канд. филос. наук. Ставрополь, 2004. 229 с. [Popov M.E. Antropologiya sovetskosti: Filosofskii analiz: diss... kand. filos. nauk. Stavropol', 2004. 229 s.].
- Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М.: Воениздат, 1975. С. 511–512. [Prikazy Verkhovnogo Glavnokomanduyushchego v period Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soyuza. М.: Voениzdat, 1975. S. 511–512.].
- Росенко М. Н. Формирование и развитие советского народа - торжество принципов ленинской национальной политики // Вопросы теории и практики развития национальных отношений. Л., 1974. С. 3–20. [Rosenko M. N. Formirovanie i razvitie sovetskogo naroda - torzhestvo printsipov leninskoi natsional'noi politiki // Voprosy teorii i praktiki razvitiya natsional'nykh otnoshenii. L., 1974. S. 3–20.].
- Свержение самодержавия. Сборник статей. Ред. коллегия: И. И. Минц (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1970. 326 с. [Sverzhenie samoderzhaviya. Sbornik statei. Red. kollegiya: I. I. Mints (otv. red.) i dr. М.: Nauka, 1970. 326 s.].
- Скоробогатая Н.А., Скоробогатый В.В. Советское: историко-культурный контекст феномена // Антиномии. 2020. Т. 20. Вып. 2. С. 33–74 [Skorobogatskaya N.A., Skorobogatii V.V. Sovetskoe: istoriko-kul'turnyi kontekst fenomena // Antinomii. 2020. T. 20. Vyp. 2. S. 33–74.].
- Смолина Н.С. Тема «советского» в социально-философском дискурсе 2000-х: проблематизация коллективной идентичности на постсоветском пространстве // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 97. С. 154–161 [Smolina N.S. Tema «sovetskogo» v sotsial'no-filosofskom diskurse 2000-kh: problematizatsiya kollektivnoi identichnosti na postsovetskom prostranstve // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2009. № 97. S. 154–161].
- Сомов В.А. Феномен советскости: историко-культурный аспект // Социологические исследования. 2015. № 2. С.12-20. [Somov V.A. Fenomen sovetskosti: istoriko-kul'turnyi aspekt // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. № 2. S.12-20].
- Стенограмма совещания работников научно-философского фронта, посвященного дискуссии по кн. Г.Ф. Александрова. «История Западноевропейской философии» // Вопросы

философии. 1947. №1. [Stenogramma soveshchaniya rabotnikov nauchno-filosofskogo fronta, posvyashchennogo diskussii po kn. G.F. Aleksandrova. «Istoriya Zapadnoevropeiskoi filosofii»// Voprosy filosofii. 1947. №1].

Тадевосян Э.В. Советский народ – новая историческая общность людей // Вопросы истории КПСС. 1972. № 6. [Tadevosyan E.V. Sovetskii narod - novaya istoricheskaya obshchnost' lyudei // Voprosy istorii KPSS. 1972. № 6].

Уемов А.И. Вещи, свойства, отношения М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963. 184 с. [Uemov A.I. Veshchi, svoystva, otnosheniya M.: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1963. 184 s.].

Булыгина Тамара Александровна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, кафедра истории России, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет; bul.tamara2011@yandex.ru

Discourse "Sovietskost" in the Intellectual Space of the USSR: on the Materials of Archive of RAS and Russian State Archive of Social and Political History

The work is devoted to the Soviet humanities in the post-war intellectual life. Based on materials from archival sources, the evolution of the style of scientific discussions of historians, philosophers and sociologists in the 1940s - 1960s is shown. As the analysis of the documents has revealed, the very discourse of "Sovietness" was changing from an complete ideological dictate to a more outspoken scientific content. This was manifested not only in style, but also in changing the problems of discussion, as evidenced by the growing interest of historians in the methodology of history. A scientific, not an ideological community of historians and philosophers, has emerged. At the same time, the Soviet ideologization of humanitarian knowledge was transformed from belief in its obligation into a form of social behavior. This trend is especially evident in the clerical documents of scientific institutions.

Keywords: *intellectual space, Sovietness, ideology, humanities, intellectual history of Soviet society, scientific community.*

Tamara Bulygina, Dr. of History, Professor, Senior fellow, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University; bul.tamara2011@yandex.ru

«ДОЛГИЕ 60-е» И «НОВЫЕ ЛЕВЫЕ» В АРГЕНТИНЕ КРИЗИС МАРКСИЗМА И ПОИСК ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

В истории общественной мысли Латинской Америки 1960-е гг. являются периодом разрыва с традиционными общественными течениями и появления новых течений, определивших будущее развитие интеллектуальной и социально-политической жизни стран континента. Важнейшим элементом этого процесса был кризис традиционных левых, марксизма в его «коминтерновской» форме и появление влиятельного и чрезвычайно продуктивного течения «новых левых», предложивших обновление марксизма, его синтез с современными направлениями историографии, социологии, психологии и философии. Данная работа посвящена истории «новых левых» в Аргентине, где это течение стало доминирующим в общественной мысли, оказало огромное влияние на политику этой страны в конце XX – начале XXI века.

Ключевые слова: марксизм, новые левые, структурализм, Грамши, «теория зависимости», Хосе Арико, Аргентина

Одной из ярких характеристик общественной атмосферы в Латинской Америке 1960-х был «взрыв» интереса к идейным поискам на левом политическом фланге. Ярким проявлением этого процесса в Аргентине было образование многочисленных общественно-теоретических журналов, составивших, по словам писателя Рикардо Пильи, «лучшую эпоху» в истории аргентинской мысли¹. В литературе и в медиа существует определение этого периода истории левых сил как «долгие шестидесятые», подчеркивая их значение в процессе формирования новой левой альтернативы и его выход за хронологические рамки этого десятилетия. Обращение к данной теме неслучайно. После длительного периода практического забвения самого явления «новых левых» и их вклада в теорию и практику левых сил на латиноамериканском субконтиненте, в последнее пятилетие происходит взрыв интереса историков, обществоведов к наследию 60-70-х гг., к истории «новых левых», о чем свидетельствуют многочисленные публикации и конференции.

Остановимся на понимании самого предмета исследования. Во-первых, речь идет исключительно о явлении второй половины XX века. Ввиду того, что левые силы, пришедшие к власти в Латинской Америке в начале XXI в., также именуются «новыми левыми», и это создает терминологическую путаницу. Эти левые отчасти являются наследниками «новых левых» 1960–1970-х гг., но, строго говоря, не могут быть объединены в общее идейно-политическое движение. Таким образом, у нас два одинаковых термина, применяемых к двум разным историческим явлениям. Во-вторых, следует отличать «новых левых» как оригинальное идейное течение от политического направления, которое было связано с разрывом с традиционными левыми партиями, в основном, вы-

¹ Ricardo Piglia 2019: 31.

званным критическим взглядом на СССР и коммунистические партии и выбором революционной, насильственной политической борьбы, партизанской войны и «террора масс». Здесь же мы ограничимся анализом идейного течения «новых левых» в 1960–1970-е гг. в Аргентине, стране, заслуженно считающейся «латиноамериканскими Афинами».

Данное исследование методологически опирается на многочисленные работы предшественников, изучавших феномен «новых левых», исходя из критического подхода к их теориям общественного развития. Среди таковых следует выделить труды П. Андерсона, Э.П. Томпсона, М. Лёви, Э. Лаклау, Э. Траверсо. Базовым является анализ течения «новых левых», предложенный аргентинцем Оскаром Тераном.

Само понятие «новых левых» конструировалось на противопоставлении традиционным, старым левым. Их отличительной чертой, по утверждению выдающегося британского историка Э.П. Томпсона, было особое внимание к демократии, судьба которой в результате деятельности «старых» левых представлялась печальной в странах реального социализма. С другой стороны, они хотели вернуться к народным корням борьбы за социальное и национальное освобождение. Общей чертой «новых левых» был интернационализм, а в Латинской Америке особое место занимала идея общей континентальной революции, оборотной стороной чего было стремление к «латиноамериканизации» марксизма, даже к слиянию с революционным национализмом. Другой их чертой было особое отношение к проблемам культуры и этики революции, противопоставляемое экономическому детерминизму «старых левых»².

1960-е годы в Латинской Америке были сложными политически, но очень продуктивными в появлении новых течений общественной мысли. Марксизм был принят всеми течениями левых, в т.ч. и сильно отстоявших от него в предыдущий период, как например, левыми католиками, ибо, по словам видного представителя аргентинских «новых левых» Хосе Арико, «марксизм стал основой знания нашей эпохи, мы все в той или иной степени были марксистами»³. Следует согласиться с О. Таркусом, который, говоря о времени становления этого идейного течения со столь различными составляющими, указывал, что речь шла о разных Марксах и о разных марксизмах: это и марксизм компартии, и Грамши, и структуралистов, и гуманистов, и националистов, и пришедших к марксизму через Сартра⁴. Это была эпоха невероятно богатая на идейное обновление и оригинальную мысль, неизменно связанную с перспективой трансформации социальной действительности.

«Новые левые» в Европе, по мнению одного из представителей британского неомарксизма и «новых левых» Стюарта Холла, возникли в обстановке после XX съезда КПСС и критики сталинизма, а событиями, давшими толчок к их выделению на левом фланге, были советские

² Thompson 2010: 85-86.

³ Ideas en el siglo 2008: 76.

⁴ Tarcus 1999: 465-499.

действия в Венгрии в 1956 г. и франко-британская интервенция в Суэцком канале, обусловив их противостояние как западному империализму, так и сталинизму. С. Холл отмечал два основных временных этапа формирования «новых левых». Во-первых, 1956 год, связанный с уже названными событиями, а во-вторых, «мировая революция» 1968 г., знаменовавшая крушение старых культурно-психологических устоев капитализма и социализма⁵. В применении к Латинской Америке следовало бы добавить еще 1959 год – победу Кубинской революции, создавшей атмосферу надежды освобождения, но и вызвавшей массу внутренних конфликтов на левом политическом фланге.

Латиноамериканские «новые левые» сформировались как из разрыва с традиционными левыми, социалистами и коммунистами, так и в результате эволюции части популистских движений, выделившейся в течение «левого национализма, или марксистского национализма»⁶. В 1960-е происходили идеологические процессы размежевания в рядах «старых» левых. Стресс, вызванный Кубинской революцией, советско-китайским разрывом, герильей и 1968 годом, привел к многочисленным расколам и выходам из старых левых партий групп и лиц, искавших новых рецептов революционной деятельности. Их устремления совпадали с мотивами диссидентов из популистских националистических движений. Из их слияния возникли «новые левые», главной характеристикой которых был не только радикальный антикапитализм, но и идейный поиск, включавший обращение к «молодому Марксу», Грамши, европейскому неомарксизму, структурализму (главным образом, к Альтюссеру), национализму, психоанализу, экзистенциализму, революционному христианству. «Новые левые» отвергали не только реформистские и умеренные политические установки традиционных левых, прежде всего коммунистов, но и вертикалистскую модель партии ленинского типа. В этом движении нашли выражение независимые традиции социализма, демократии, недогматического восприятия марксизма и других левых течений мысли. В Латинской Америке они, в свою очередь, привели к появлению различных «национальных» течений социализма, в т.ч. и на фланге, который стали называть «национально-народным».

Аргентинский полюс «новых левых»

В Аргентине «новые левые» стали важным фактором в общественно-политической и культурной жизни в 1960–1970-е гг. Об этой особой атмосфере аргентинских 60-х писал Оскар Теран: «В интеллектуальной сфере течения различной идейной традиции создали особое явление критической культуры... Сартровский экзистенциализм предложил благоприятный идейный климат, подтолкнул повестку дня к «социализму» и «национализму», что вело к решению проблемы перонизма⁷, без чего

⁵ Hall 2010: 177-179.

⁶ Terán 1993: 92-95

⁷ Аргентинское популистское, национал-реформистское движение, опирающееся на рабочее движение. Возглавлялось бывшим президентом Хуаном Доминго Пероном.

было немислимим понимание положения в стране. Это была узкая полоса возможностей между, с одной стороны, идеологическими установками в отношении социально-политической реальности, а с другой, конфронтацией с рабочим классом, массово выражавшем приверженность к идеологии и практике перонизма»⁸. Возникшее из конфликта традиционных левых и перонизма интеллектуальное течение «новых левых», как утверждала аргентинский историк Мария Кристина Торрти, в течение двух десятилетий играло главную роль в цикле мобилизации и радикализации, в котором присутствовали и стихийный социальный взрыв, и культурный восстание, и даже партизанское движение⁹.

Если политически «новые левые», разорвав организационные связи с компартией, эволюционировали либо в сторону кастризма, либо в сторону маоизма, то их интеллектуальное крыло, также пройдя этап увлечения маоизмом, пошло по пути «латиноамериканизации марксизма» и его обогащения идеями и теориями европейского происхождения, обращаясь в культурно-эстетической сфере к Ж.-П. Сартру, В. Беньямину, Г. Лукачу, в общественно-политической – к А. Грамши, Л. Альтюссеру, Р. Люксембург, к психоанализу, прежде всего к Ж. Лакану, в философии – к Ю. Хабермасу, оказавшему немалое влияние на левых интеллектуалов, предлагая нравственный подход к социализму, гарантии демократии и прав человека¹⁰. Призыв к обновлению марксизма, критика советского варианта марксизма, как и его оппонентов, почерпнутая у американского леворадикального мыслителя Ч.Р. Миллса, стоявшего у истоков «новых левых» в США, имели большой отклик у левой интеллигенции в Аргентине¹¹. В нарастании кризиса традиционных левых и их версии марксизма сыграли роль как внутренние (кризис компартии в связи с отношениями с перонизмом, с Кубинской революцией), так и внешние причины (идейные влияния западной мысли).

В 1960-е – начале 1970-х гг. к марксизму приходили до этого далекие от него интеллигенты. То был марксизм, прочитанный через Сартра, через его гуманизм и веру в свободу, с убеждением, что человек способен создать то, чем сам является, веруя в революционный волюнтаризм, для чего прекрасный пример давала Кубинская революция¹². Структурализм Альтюссера своеобразно сочетался с волюнтаризмом и субъективистским революционаризмом кастризма-геваризма. Если в Европе после 1968 г. место Альтюссера занял Маркузе, то в Латинской Америке Альтюссер сохранил свое первенство среди «новых левых»¹³. Большую роль в распространении идей Альтюссера сыграла его ученица,

После военного переворота 1955 г. было запрещено. Обладало абсолютным влиянием в народных низах, прежде всего, среди рабочего класса.

⁸ Terán 1993: 25.

⁹ Торрти 2021: 252-179.

¹⁰ Hobsbawm 1983: 34.

¹¹ Mills 1964: 3-6.

¹² Terán 1993: 127.

¹³ Portantiero 1983: 353-354.

известная чилийская социалистка Марта Хернекер, но не следует забывать и вклад его критиков слева, таких как Анри Лефевр¹⁴. «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Молодой Маркс», ставший своего рода альтернативой Марксу компартий, противопоставлялись экономическому детерминизму и догматизму «официального марксизма», претендуя на новое направление «гуманистического марксизма», следуя за осуждением Альтюссером советского «научного коммунизма» как «антигуманного»¹⁵.

Решающее влияние на латиноамериканских левых оказала Кубинская революция, разрушившая ветхое здание политического равновесия и догматизма традиционных левых – коммунистов и социалистов. Как утверждал Хосе Арико, после Кубинской революции Маркс и марксизм приобрели совсем другое измерение – из примитивного детерминизма и почти церковного набора схем и догм, марксизм предстал в ином виде, с другим этическим, гуманистическим и даже волонтаристским видением¹⁶. Куба произвела революцию не только в своей стране, но и взорвала обветшалое здание латиноамериканских левых, социалистов и коммунистов. Аргентина в определенном смысле стала центром этой идейно-политической бури, вызванной Кубинской революцией.

Группа «Pasado y Presente»

Диссидентская группа молодых интеллектуалов в компартии после конфликта с руководством партии и исключением из нее за «маоистский уклон» создала в апреле 1963 г. в Кордобе журнал «Pasado y Presente» (Прошлое и настоящее), по названию которого стало именоваться целое интеллектуальное движение «новых левых». Во вступительной статье первого номера журнала лидер группы Хосе Арико подчеркивал поколенческий конфликт в рядах традиционных левых, объявлял о цели издания – обновлении марксизма¹⁷. Этот журнал стал самым важным явлением в интеллектуальной истории Аргентины во второй половине XX в., оказав огромное влияние на все стороны политической, общественной жизни, на изменения в культуре. Группа в начале пути претендовала на задачу представить «подлинного» Маркса, вернуться к марксизму, который в интерпретации компартии превратился в карикатуру на научное учение¹⁸. Следующим этапом было расширение сферы своего интереса за пределы собственно марксизма.

О. Теран отмечал мотивы создания этой группы и журнала:

«Было явным, что грамшианский волонтаризм совпадал со стремлением к революции, которое сочеталось у «Pasado y Presente» с особым духом той эпохи – общим гуманизмом, сосредоточенном на убеждении, что все несправедливости прошлого могут быть исправлены общим сознательным

¹⁴ Его работы неоднократно публиковали в журнале «Fichas».

¹⁵ Mangiantini, Pis Diez, Friedemann 2021: 183.

¹⁶ Tarcus 2020: 148.

¹⁷ Arico 1963: 3.

¹⁸ Petra 2013: 112.

усилием организованной человеческой воли, несмотря и вопреки ленинской концепции “практики как источника объективности”... Кроме грамшианства там нашли отражение философия экзистенциализма, феноменологии, структурализма, новаторство Броделя в историографии и презентации Лакана»¹⁹.

Среди самых ярких фигур и идейных лидеров группы следует назвать Хосе Арико, Хуана Карлоса Портантьеро, Эктора Шмуклера, Оскара дель Барко, Самуэля Кишковского. Эта группа, её наследие были и остаются чрезвычайно популярными в левых кругах Латинской Америки, хотя о них мало знают за ее пределами. Идейное наследие, значение этой группы для латиноамериканской общественной мысли трудно переоценить, о чем свидетельствует и многочисленная историография этого движения. Группа издавала уже упомянутый журнал, имевший огромную аудиторию и обладавший большим влиянием на интеллектуальную жизнь не только Аргентины, но и всего континента. Более того, они издавали отдельные книги социалистической мысли под рубрикой «Cuadernos Pasado y Presente», которые выпускали не только в Аргентине, но и в Мексике после политической эмиграции туда членов группы по время военной диктатуры. Всего вышло 98 томов, имевших широкое распространение во всех странах континента.

Иногда эту группу называют аргентинскими грамшианцами (само название журнала и группы имеет грамшианские коннотации, отсылая к известным разделам «Тюремных тетрадей» Грамши). Работы Грамши появились в Аргентине благодаря Эктору Агости, главному лицу компартии как представителя интеллигенции. Среди его учеников был один из видных участников группы «Pasado y Presente» Хуан Карлос Портантьеро, публицист, историк, политик, игравший заметную роль в общественной жизни страны в 1970–1990-е гг. Именно Грамши «свел» Портантьеро из Буэнос-Айреса с кордобской группой Хосе Арико.

Любопытно, что растущее влияние Грамши происходило не только через знакомство с его текстами, но и через критику Альтюссера, что способствовало его более глубокому пониманию в контексте европейской мысли XX в. Как отмечал Хосе Арико, этот путь к Грамши через Альтюссера позволил в большей степени видеть его связь с итальянским идеализмом²⁰. Если в 1960-е среди большинства аргентинских «новых левых» преобладало влияние Альтюссера, то в 1970-е его место занял Грамши, но члены группы «Pasado y Presente» изначально были твердыми грамшианцами, отстаивавшими свое кредо в яростных спорах со структуралистами. Во многом они ориентировались на популярного среди аргентинских левых итальянского марксиста Г. делла Вольпе²¹. Вклад работ Вольпе в победу грамшианства перед лицом «модного» Альтюссера, особенно популярного в маоистской среде, прослеживается в первую очередь в группе «Pasado y Presente», в текстах Х. Ари-

¹⁹ Terán 1993: 96-97.

²⁰ Starcenbaum 2011: 36.

²¹ Petra 2010: 22-23.

ко, Х.К. Портантьеро, О. дель Барко и Э. Шмуклера. Первый номер журнала «Pasado y Presente» открывался дискуссией итальянских марксистов Г. делла Вольпе, Ч. Лупорини, Л. Коллетти и других²².

Грамши занимал важнейшее место в интеллектуальном поиске группы Арико, но политические действия были гораздо шире и оригинальнее. Политически они прошли путь от «советского типа» марксизма к увлечению маоизмом и геваризмом, плодотворным контактам с левым перонизмом, завершив свой политический путь на позициях близких социал-демократии. Их политическое грамшианство выражалось во внимании к отношениям интеллектуалов и рабочего класса, завоеванию гегемонии и роли «органических интеллектуалов» в подготовке революции в условиях «позиционной войны»²³.

В журнале «Pasado y Presente» публиковались работы очень громко звучавшего в те годы Никоса Пулантциса, привлекавшего внимание в Латинской Америке своими трудами о марксистской теории государства. Именно у него аргентинские «новые левые» находили столь ценное в их глазах сочетание, казалось бы, несовместимого альтюссеровского структурализма и грамшианства. Арико и другие авторы «Pasado y Presente» исходили, как и Альтюссер, из того, что Маркс не оставил теории государства, которую предстояло разработать марксистской науке перед лицом новых противоречий и вызовов современности, чему соответствовали новаторские идеи Пулантциса. Портантьеро в те годы говорил о государстве исключительно «голосом Грамши», подчеркивая его деление на политическое и гражданское общество, ставя целью революционеров (органических интеллигентов) борьбу с капиталистическим государством внутри гражданского общества за гегемонию²⁴. Для этой группы исходным пунктом исследования темы государства были формулы, предложенные Грамши.

В 1960-е гг. члены группы совмещали анализ государства, революции, «органических интеллигентов» с политическим увлечением кастризм-геваризмом, опытом Кубинской революции. Впоследствии они предпочитали не вспоминать этого, как и своих маоистских симпатий. Арико так характеризовал тогдашнее специфическое сочетание Грамши и фокизма²⁵: «Мы были странной смесью тольяттинцев и геваристов»²⁶. Фокистский период продлился недолго, судя по публикациям в журнале, до 1965 г. С 1968 г. группа установила связи с Революционной коммунистической партией, испытывавшей серьезное влияние маоистов²⁷.

²² A propósito del carácter 1963: 57-87.

²³ Casco 2007: 200.

²⁴ Piglia 1963: 13.

²⁵ Фокизм – от испанского foco – очаг, теория партизанского очага как решающего субъективного фактора разрешения революционной ситуации, предложенная Р. Дебре и Э. Че Геварой.

²⁶ Gaido Bosch Alessio, Catena, 2020: 851-852.

²⁷ Gaido Bosch Alessio, Catena, 2020: 829-830.

После народного восстания в Кордобе («кордобасо») в 1969 г. группа обратилась к самой серьезной политической проблеме левых сил в Аргентине – проблеме перонизма и социализма, что было, по выражению Э. Креспо, «гордиевым узлом» для всего левого фланга аргентинской политики²⁸. После поражения левого перонизма и военного переворота 1976 г. начался новый этап творчества группы, связанный с эмиграцией в Мексике, где они вошли в непосредственный контакт со своими единомышленниками в этой стране, более тесно связанными с идеями еврокоммунизма как продолжения грамшианства.

Политическая ориентация и частые перемены в ней не были сильной стороной группы, не сумевшей сформировать партии или движения, что ограничило её деятельность сферой интеллектуального теоретического центра, предлагавшего «критический» подход как в сфере общественной мысли, так и в политике. Свое участие в политической борьбе они рассматривали как продолжение интеллектуальной деятельности. Весьма характерно высказывание на этот счет Портантьеро:

«Перед лицом общих проблем социологии, я должен заявить, что сам являюсь в первую очередь не социологом, а революционным социалистом. Дело в том, что социология мне нужна как инструмент политических изменений, и не интересуется меня как профессия»²⁹.

Их путеводителем в политике был провозглашен Грамши, но симпатии были на стороне радикальных левых, геваристов и левых перонистов. Исследователь группы «Pasado y Presente» Рауль Бургос отмечал, что отношение к наследию Грамши прошло три этапа. На первом оно воспринималось как продолжение «ленинской» линии революции, но с более адекватным подходом к реалиям развитого Запада. На втором этапе (в период издания журнала в Буэнос-Айресе в 1970-е и в годы мексиканской эмиграции лидеров группы) Грамши уже предстал как оригинальный марксистский мыслитель, сумевший совместить социализм и демократию в своей теории революции и гегемонии. Третий этап наступил с возвращением к демократии в Аргентине в 1984 г., когда в трудах этой группы Грамши теряет доминирующее положение, уступая место постструктурализму, а в политике проблемы демократии перекрывают тему социализма, знаменуя конец аргентинского грамшианства³⁰.

В начале 1970-х «Pasado y Presente» стал центром дискуссий проперонистских марксистов и промарксистских перонистов³¹. С 1973 г. группа перебралась в Буэнос-Айрес, все более сближаясь с монтонерос³², о чем свидетельствовали редакционные статьи, делавшие поли-

²⁸ Crespo 1997: 85.

²⁹ Casco 2007: 203.

³⁰ Burgos 2007: 21-22.

³¹ Burgos 2004: 207.

³² Монтонерос – крайне левое крыло перонизма, выступавшее за социалистическую революцию и за революционное насилие, прибегая к акциям террора и городской герилье.

тическую ставку на революционный перонизм³³. Как писал О. Теран: «Pasado y Presente выразил собой эпоху исторических обстоятельств, культурный выбор в революционную эпоху и даже политическую ставку на осознанный поиск новым поколением приверженцев марксизма необходимого слияния с рабочим классом»³⁴. А рабочий класс был перонистским, и не признавать это было бессмысленно, даже коммунисты соглашались с этим. Журнал заявлял, что в сложившихся условиях появилась новая сила – левый перонизм, который «следует за настроениями масс, наполняет новым содержанием свои действия в обществе». Левый перонизм представлялся тем самым «органическим интеллигентом», способным стать руководителем масс и партией авангарда:

«На группы революционного перонизма ложится огромная политическая ответственность, поскольку он является ядром нового направления революционного процесса в Аргентине ... с перспективной строительства массовой организации с социалистическими целями»³⁵.

Политическое поражение левого перонизма стало и поражением «Pasado y Presente», их уходом из политики, что совпало с физической эмиграцией членов группы во время военной диктатуры.

История и политика

История была одним из инструментов «обновления» всего корпуса идей на левом идейно-политическом фланге. В теоретических дискуссиях члены группы «Pasado y Presente» обращались к Альтюссеру, подчеркивая значение его проекта «обновления марксизма». Обновленческий тренд марксизма виделся им не только в дискуссии с ортодоксальным марксизмом и революционным национализмом, но и в историографических спорах с «nouvelle histoire», структурализмом Ф. Броделя и его аргентинским последователем Т. Альперином Донги³⁶.

Стимулом была дискуссия вокруг «теории зависимости». Её автор А. Гундер Франк произвел своего рода революцию на левом интеллектуальном фланге. Его работа «Капитализм и недоразвитость в Латинской Америке», опубликованная в Monthly Review в 1966 г., положила начало бурной дискуссии, знаменовавшей кризис марксистской мысли на Западе после десталинизации в коммунистическом движении. Дипендентизм, или «теория зависимости» политически была направлена как против «буржуазного» десарролизма, так и против официальной доктрины международного коммунистического движения, т.е. «теории этапов революции» для Латинской Америки³⁷. Попытки совместить марксизм и теорию зависимости, что было естественным порывом многих левых, привели к еще большим упрощениям и вульгаризации марксизма, но вызвали плодотворную дискуссию в историографии.

³³ La “larga marcha” al socialismo 1973: 18-23.

³⁴ Terán 1993: 162.

³⁵ La crisis de julio 1973: 188.

³⁶ Crespo 1997: 83.

³⁷ Portantiero 1983: 351.

Дискуссия сторонников теории зависимости и ортодоксального марксизма о феодализме и капитализме в Латинской Америке, нашедшая свое отражение на страницах журнала «Pasado y Presente» (№ 40), ориентировала «новых левых» в сторону депендентистов, отрицавших феодальный характер колонизации, и тем более наличие феодальных пережитков в XX в., что предполагало социалистическую повестку дня будущей латиноамериканской революции³⁸. Эти идеи вошли в корпус теоретических взглядов «новых левых», противопоставлявших их унаследованной от Коминтерна теории этапов революции, все еще находившейся на вооружении коммунистов.

В 1970-е «Pasado y Presente» стал площадкой одной из важнейших для латиноамериканской марксистской историографии дискуссии о способах производства и об общественно-экономических формациях, представив критическую позицию как в отношении советского «исторического материализма», казавшегося им не более чем карикатурой на марксизм, так и в отношении новомодной «теории зависимости». Дискуссия об общественно-экономической формации стала продолжением обсуждения идей, выдвинутых Альтюссером и его учениками в западноевропейских марксистских журналах³⁹. Эта дискуссия была частью общего внимания к теме завершенности или открытости самой формулы общественно-экономической формации у Маркса ввиду отсутствия адекватного описания нового этапа развития капитализма конца XX в., к чему оказался неспособным советский марксизм. Эта дискуссия исходила из предпосылки вариантности содержания термина формаций, их развития в историческом и эпистемологическом плане.

В дебатах на страницах журнала выступали яркие историки, члены группы основателей «Pasado y Presente» Х.К. Кьярамонте, К.С. Ассадурян, О. дель Барко, А. Аркондо. Открывая обсуждение темы в острой тогда дискуссии об азиатском способе производства, дель Барко писал: «Сейчас вопрос не стоит о простом возвращении к Марксу, что было бы возвращением к преодоленному исторической наукой этапу. Речь идет не о том, чтобы примкнуть к какой-то новой схеме, новой догме, даже если она стала более полной. Следует поставить вещи с головы на ноги: начать с исследования конкретного исторического материала, а схемы – это лишь конкретный инструмент и не более чем схемы, а не идеи»⁴⁰. В ходе этой дискуссии была сформулирована новая историографическая парадигма: речь шла об обогащении марксистской исторической мысли за счет достижений западной историографии, прежде всего, французской, школы «Анналов» и Ф. Броделя, особенно в отношении того, что касается Латинской Америки, как например, исследований П. Вилара⁴¹. Во время дискуссии к группе «Pasado y Presente» присоединился выда-

³⁸ Schlez 2020: 81-82.

³⁹ Starcenbaum 2011: 44.

⁴⁰ Barco 1965: 96.

⁴¹ Barco 1963: 170-178.

ющийся аргентинский историк Х.К. Гараваглья (Гаравалья), который перевел и опубликовал в 1971 г. известную работу М. Добба «Исследование развития капитализма». Гараваглья и группа «Pasado y Presente» выступили против многочисленных апологетов Гундера Франка, подчеркивая необходимость «возвращения к Марксу».

Результатом дискуссии была публикация в 1973 г. сборника статей «Способы производства в Латинской Америке», в центре внимания которой была разработка теоретических основ для формационного определения колониального периода Испанской и португальской Америки, который, опираясь на предложенный итальянским аграристом Эмилио Серени термин, они договорились характеризовать как «неконсолидированную социально-экономическую формацию». Гараваглья и другие авторы защищали тезис о том, что в колониальной Америке не было доминирующего способа производства, и важнее было определение самого колониального положения как такового и господства торгового капитала, являвшего связующим звеном для разных укладов и способов отчуждения⁴². Гараваглья защищал тезис о преобладающей роли торгового капитализма, в то время как другие способы производства, такой как сложившийся в Парагвае при иезуитах или рабство, он называл субсидиарными (вспомогательными и подчиненными)⁴³. Участники сборника писали о колониальном способе производства. Этот тезис был положен в стройную теорию «колониального способа производства» Сиро Кардозу. В дальнейшем, на состоявшемся в Мехико в 1974 г. Конгрессе американистов эти идеи обсуждались, и были представлены оппонирующие концепции, но привязанные к «колониальной сути» способа производства, а именно, «колониальный феодализм» М. Косока, «колониальное рабство» Ж. Горендера⁴⁴. Вклад «новых левых» в историографию в тот период был высоко оценен коллегами, их работы стали практически обязательными к упоминанию в научной литературе.

Как и многие «новые левые» в Европе, их аргентинские коллеги декларировали необходимость пересмотра всего нарратива национальной истории, которую, по их мнению, следовало изучать с точки зрения низших классов. Х. Арико писал:

«Чтобы заставить по-новому звучать прошедшее, необходимо выступить против всего того, что утверждено в памяти правящих классов. Опасность, как указывал [Вальтер] Беньямин, состоит в том, что история, являясь продолжением угнетения, переутверждает его и тянет нас за ним, включает нас в свой ход, превращаясь в орудие господствующих классов, заставляя принимать их оценки. Задача не может быть иной как вырвать наше прошлое из традиции, в которую, как в тюрьму, заключили историю господствующие идеологии»⁴⁵.

Они ставили гигантскую задачу переписать всю историю Аргентины и создать новый нарратив, опирающийся на историю народных сло-

⁴² Modos de producción en América Latina 1973: 7-9.

⁴³ Modos de producción en América Latina 1973: 161-173.

⁴⁴ Пансарди 2020: 71-74.

⁴⁵ Tarcus 2020: 154.

ев, что вполне соответствовало структуралистским увлечениям, пришедшим с Альтюссером. И хотя выполнить такую масштабную задачу было невозможно, они создали основы для целого направления в аргентинской историографии, ставшего практически доминирующим в XXI в.

Национализация марксизма

В 1970-е гг. франко-бразильский социолог Мишель Лёви и аргентинец Хосе из группы «Pasado y Presente» обратились к истории марксизма и критического осмысления марксистских идей в Латинской Америке. В центре их внимания оказалось наследие перуанца Х.К. Мариатеги и труды теоретика «зависимого капитализма» А. Гундер Франка. Лёви сделал упор на разделение между реформистами, которых именовал позитивистами в марксизме и революционерами, верными диалектике. И Арико, и дель Барко искали в этих идеях то, что не могли найти в работах Маркса, а именно неевропоцентристский подход. Дель Барко отказывался идти за западными марксистами, противопоставлявшими «молодого» и «зрелого» Маркса, считая это пустым делом, а искал «другого» Маркса в общих смыслах его философии и политики, обогащенного иными идеями, способными дать объяснения латиноамериканской реальности⁴⁶. Он призывал в помощь самого Маркса, высмеивавшего попытки превратить его «анализ европейского капитализма» в новую «философию истории», что потом все-таки проделали советские марксисты⁴⁷. Отсюда вывод – необходимо сформулировать основы латиноамериканского марксизма не как экзотической версии марксизма, но как теории, достаточно свободной, чтобы быть способной дать адекватное объяснение местной реальности. Неизбежно они обратились к наследию Мариатеги, сначала отвергнутого коммунистами как народника⁴⁸, затем включенного в сонм основателей перуанского коммунизма.

Группа «Pasado y Presente» и, в частности, Арико, пришли к Мариатеги через Грамши, который всегда оставался для них главным идейным ориентиром. Портантьеро отмечал, что Грамши и Мариатеги сближает прежде всего то, что они исповедовали «марксизм, идущий против течения»⁴⁹. Более того, восприятие марксизма латиноамериканскими социалистами и коммунистами, по убеждению Арико, отличалось односторонностью и фундаментальным дефектом – европоцентристским прочтением марксизма, а следовательно, игнорировало «идентичность» рабочего класса континента⁵⁰. В этом лежали корни непонимания традиционными левыми, коммунистами и социалистами таких явлений, как перонизм и его укорененности в рабочем движении Аргентины.

«Новые левые» выбрали Мариатеги своим главным предшественником, так как он смог по-марксистски сформулировать основные про-

⁴⁶ Ortega Reyna, 2019. P. 75-76.

⁴⁷ Varco, 1979. P. 12.

⁴⁸ Мирошевский, 1941. С. 86.

⁴⁹ Tarcus, 2020. P. 153.

⁵⁰ Tarcus, 2013. P. 77.

блемы континента, отказавшись от догматического прочтения марксизма коминтерновского типа, а также отвергнув основные постулаты индоамериканизма (национал-реформизма). Арико подчеркивал главные достижения Мариатеги в формуле «латиноамериканского марксизма»: во-первых, предложил новую демократическую концепцию («снизу») революции не-якобинского типа, во-вторых, придерживался неаристократических взглядов на отношения между массами и интеллигенцией, и в-третьих, отметил иное понимание темпоральности социального и политического прогресса для стран континента, различной темпоральности в центре и периферии, и её нелинейности⁵¹.

Арико, обратившись к Мариатеги в надежде найти ответ на проблему применимости марксизма к латиноамериканским реалиям, преодолевая его европоцентризм, выделил в наследии Мариатеги новый подход к обществу через культуру в широком понимании, выходящей за пределы, но и включающей в себя экономику и политику. Мариатеги, писал Арико, в духе Беньямина, но независимо от него, предложил способ решить «проблему отношения марксистской мысли и современной культуры»⁵². Арико рассматривал идеи Маркса сквозь призму кризиса марксизма в его коминтерновской (советской) формуле из-за «европоцентристской» рецепции марксистской теории на латиноамериканской почве, которую он называет «бледной репликой» марксизма в духе II Интернационала, что привело в тупик латиноамериканских левых⁵³. Вывод Арико состоял в критическом осмыслении марксизма в применении к латиноамериканской действительности. В своих работах он всегда опровергал понятие марксизма как «науки», что было дано самим Марксом, противопоставляя ему свое восприятие марксизма как «критической теории». Его интерес был привязан к утопическому элементу у Маркса, к горизонту утопии социализма и коммунизма, что он считал особенно важным для латиноамериканского социализма.

Арико, как писал его соратник Портантьеро, стремился отделить Маркса от марксизма, Маркса как интеллектуала и теоретика XIX века, анализировавшего общество «товарного фетишизма», не применимого к современности, от марксизма, как необходимой доктрины «автономизации, освобождения человека, социализма»⁵⁴. Он отвергал тот вариант марксизма, который был воплощен в работах последователей Маркса, являвшихся не более чем его эпигонами и позитивистами-дарвинистами, а не критическими мыслителями и революционерами⁵⁵. Арико обращался к тезису, высказанному Альтюссером, что марксизм является «ограниченной и законченной теорией», в том смысле, что его первоосновы дают возможность работать над конкретными историческими

⁵¹ Aricó 2018: 284.

⁵² Aricó 1978: XII.

⁵³ Betancourt Mendieta 2001: 24.

⁵⁴ Aricó 2018: 967.

⁵⁵ Aricó 2018: 175.

проблемами, считая своей задачей разработку теоретических основ марксистского анализа латиноамериканской действительности⁵⁶. Для него марксизм был открытой и незаконченной книгой, в которой предстояло еще многое определить. Более того, для Арико важными были не работы Маркса, опубликованные при его жизни, а те, что оставались скрытыми от нескольких поколений его последователей, как например, «Экономические рукописи». Он вообще считал, что марксизм остается живой теорией, обогащающейся по ходу истории.

Арико был последователен в своей аргументации выбора критической позиции в марксизме, которую он, в частности, связывал с идеями Грамши о «позиционной войне», с его теорией гегемонии, утверждающей ценности демократии. Арико опирался на эти идеи, декларируя преодоление отчуждения и «разделения между социализмом и демократией»⁵⁷. Особое внимание проблеме демократии при социализме обусловило социал-демократический тренд его группы в 1980-е. Арико отвергал ортодоксальное марксистское деление на базис и надстройку как неверное, так как этот подход рассматривает культуру и политику как отражение экономики⁵⁸. Он обращался к Грамши, как и к Ленину, в обосновании тезиса об автономии «политического». Ценности демократии стали занимать преобладающее место в корпусе политических взглядов группы⁵⁹. В 1980-е гг. Арико с энтузиазмом обратился к забытым идеям Э. Бернштейна и идеологов австромарксизма, предложив переосмысление их наследия⁶⁰. Он почерпнул у Бернштейна такие идеи как значение принципа стихийности в организации рабочего класса, как роль демократических учреждений, и идею будущего «обвала» капитализма ввиду его неспособности к воспроизводству капиталистических форм отношений. Обращение к Бернштейну было неожиданным поворотом в идейных поисках Арико, как раз в период поиска формулы, примиряющей демократию и социализм, как обеспечивавшей рабочему классу достижение более приемлемых форм социальной жизни.

В своих последних работах Арико писал о кризисе марксизма, но не как о кризисе процесса познания или политического действия, а как о проявлении общего «кризиса рациональности» в мире, что, в свою очередь, предполагало поиск новых продуктивных идей, которые приведут к снятию кризиса⁶¹. Он считал, что речь идет не о преодолении марксизма как «окончательной философии», а о его развитии. Он ожидал новой идейной революции, в т. ч. от латиноамериканских интеллектуалов.

До середины 1970-х эти интеллектуалы активно участвовали в политике, но после военного переворота 1976 г. и вынужденной эмиграции

⁵⁶ Starcenbaum 2011: 47-49.

⁵⁷ Aricó 2018: 228.

⁵⁸ Aricó 2018: 234-235.

⁵⁹ Aricó 1979: 13.

⁶⁰ Crespo 1997: 86.

⁶¹ Aricó 2018: 539.

начался период переосмысления и более сосредоточенной теоретической работы. Это был очень продуктивный период, богатый на замечательные работы в области философии, социологии и истории. Большинство членов группы оказались в Мексике, где издавали коллекцию теоретических трудов марксистов и других левых теоретиков (серии «Тетрадей» и «Библиотеки социалистической мысли»). Одновременно происходило преодоление идеологических ограниченностей предыдущего периода, а также более тесного взаимодействия со своими коллегами и единомышленниками из Европы, время открытия и слияния с «новой культурной историей», с идеями постструктурализма и постмодернизма П. Бурдьё, Ж. Деррида, М. Фуко, которые они пытались сочетать с неортодоксальным прочтением марксизма, все более отдаляясь от него.

В эмиграции группа «Pasado y Presente» стала издавать журнал «Controversia». На его страницах происходила переоценка как своего прошлого (в частности, очевидное прощание с грамшианством), так и задач левой интеллигенции в разработке новой методологии познания национальной действительности. Это было время «сведения счетов» с прошлым. Для некоторых, как для Портантьеро, оно стало периодом отхода от революционного социализма, поиском социальной альтернативы с опорой на демократию, а в методологическом плане – поворотом к немарксистской мысли, к неовеберизму и постструктурализму⁶².

Интеллектуальное движение «новых левых», имевшее огромное влияние не только на общественные науки, но и на политическую эволюцию левого фланга в странах Латинской Америки, вывело марксизм из гетто традиционных левых, лишив его неприкосновенности и неизменности дискурса. Важным элементом дискуссий в 1960-е годы была их замкнутость на левом политическом фланге. Никто из левого лагеря не вступал в полемику с немарксистскими теориями, с представителями «буржуазного» круга интеллектуалов. Также противостоящие левым интеллектуалы, философы, историки, экономисты или социологи, не реагировали на эти бурные теоретические дискуссии их коллег слева, неожиданно оказавшись на обочине общественной дискуссии, в то время как «новые левые» доминировали не только в своей политической нише. «Новые левые» спасли марксизм, превратив его, по выражению аргентинской исследовательницы Сильвии Сигаль, в своего рода «лингва франка» самых широких слоев интеллигенции⁶³. Они смогли превратить марксизм в необходимый инструмент познания, открытый всем новым достижениям общественной науки на западе и критически настроенный в отношении действительности, в т.ч. в странах «реального социализма». «Новые левые» сделали из марксизма привлекательную систему познания, одновременно подготовив почву его преодоления в 1990-е пост-марксизмом, постструктурализмом и постмо-

⁶² Casco 2007: 204.

⁶³ Sigal 1991: 192.

дернизмом, и тем самым создав причины собственного конца как оригинального идейно-политического течения и подготовив почву для существования пост-марксистской левой в сегодняшней Аргентине.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Мирошевский В. «Народничество» в Перу. К вопросу о роли Х. К. Мариатеги в истории латиноамериканской общественной мысли // Историк-марксист. № 6. 1941. С. 78-86. [Miroshesky V. "Narodnichestvo" v Peru. K voprosu o roli J.C. Mariategui v istorii latinoamerikanskoi obschestvennoi mysli // Istorik-marxist. No. 6. 1941. S. 78-86].
- Пансарди М.В. Колониальный феодализм: размышляя над трудами Алберту Пассуса Гимараэша // Латиноамериканский исторический альманах. 2020. № 26. С. 60-85. [Pansardi M.V. Kolonial'nyj feodalizm: razmyshlyaya nad trudami Alberto Passos Gimaraes // Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah. 2020. № 26. S. 60-85].
- Тортти М.К. Цикл «новых левых» в недавней истории Аргентины // Латиноамериканский исторический альманах. 2021. №31. С. 252-279 [Tortti M.C. Cíkl «novyh levyh» v nedavnej istorii Argentiny // Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah. 2021. №31. S. 252-279].
- A propósito del carácter del historicismo marxista // Pasado y Presente. No.1. abril-junio de 1963. P. 57-87.
- Aricó J. Dilemas del marxismo en América Latina: antología esencial. Buenos Aires: CLACSO – Fundación Rosa Luxemburgo, 2018. 1000 p.
- Aricó J. La crisis del marxismo // Controversia. №1. México. Octubre de 1979. P. 13.
- Aricó J. Mariátegui y los orígenes del marxismo latinoamericano. México: Pasado y Presente, 1978. 321 p.
- Arico J. Pasado y Presente // Pasado y Presente. No.1. abril-junio de 1963. P. 1-17.
- Barco del. O. Las formaciones económicas precapitalistas de Karl Marx // Pasado y Presente. No.9. abril-septiembre de 1965. P. 84-96.
- Barco del. O. Metodología histórica y concepción del mundo // Pasado y Presente. No.2-3. Julio-diciembre de 1963. P. 168-181.
- Barco O. Observaciones sobre la crisis del marxismo // Controversia. № 2-3. México. Diciembre de 1979. P. 12-13.
- Betancourt Mendieta A. José María Aricó: una teoría crítica del marxismo en América Latina // Estudios latinoamericanos. № 8-9. 2001. P. 21-28.
- Burgos R. Entre Gramsci y Guevara: Pasado y Presente y el origen de la concepción armada de la revolución en la ideología de la nueva izquierda argentina en los años sesenta // Política, violencia, memoria. Génesis y circulación de las ideas en la Argentina en los años sesenta y setenta. / Comp. Héctor Schmucler. La Plata: Al margen, 2007.
- Burgos R. los gramscianos argentinos Cultura y Política en la experiencia de *Pasado y Presente*. Buenos Aires: Siglo XXI, 2004. 430 p.
- Casco J.M. Juan Carlos Portantiero: la persistente vocación intelectual de la sociología argentina // Nómadas. № 27. Octubre 2007. Universidad Central – Colombia. P. 197-207.
- Crespo H. Córdoba. Pasado y Presente y la obra de José Aricó. Una guía de aproximación // Estudios. Córdoba. №7-8. Junio 1996 – Julio 1997. P. 81-87.
- Gaido D., Bosch Alessio C., Catena L. La difusión y revisión del marxismo en América Latina: José María Aricó y el grupo Pasado y Presente // Historia del Socialismo Internacional. Ensayos marxistas / Daniel Gaido, Velia Luparello, Manuel Quiroga, editores. Santiago de Chile: Ariadna, 2020. P. 825-860.
- Hall S. Life and Times of the First New Left // New Left Review. №61. 2010. P. 177-196.
- Hobsbawm E. O marxismo hoje: o balanço aberto // História do marxismo. T. XI. Rio de Janeiro: Paz e Terra, 1983. P. 13-66.
- Ideas en el siglo. Intelectuales y cultura en el siglo XX latinoamericano / Oscar Terán coord. Buenos Aires: Siglo XXI, 2008. 422 p.
- La "larga marcha" al socialismo en Argentina // Pasado y Presente. Nueva serie. No. 1. abril-junio de 1973. P. 3-30.
- La crisis de julio y sus consecuencias políticas // Pasado y Presente. Nueva serie. No. 2/3. Julio-diciembre de 1973. P. 179-204.
- Mangiantini M., Pis Diez N., Friedemann S. Diálogo sobre el concepto de "nueva izquierda" en la historiografía argentina // Archivos de historia del movimiento obrero y la izquierda. № 18. 2021. P. 167-190.

- Mills W.R. Los marxistas. Reglas para críticos // Fichas de investigación económica y social. Buenos Aires. №2. Julio de 1964. P. 3-7.
- Modos de producción en América Latina. Cuadernos de Pasado y Presente. Córdoba: Siglo XXI, 1973. 246 p.
- Ortega Reyna J. La incorregible imaginación. Itinerarios de Louis Althusser en América Latina y el Caribe. Santiago de Chile: ed. Doble ciencia, 2019. 168 p.
- Petra A. El momento peninsular. La cultura italiana de posguerra y los intelectuales comunistas argentinos // Revista Izquierdas. № 8, 2010. <http://izquierdas.cl/images/pdf/2011/07/Petra.pdf>
- Petra A. Pasado y Presente: marxismo y modernización cultural en la Argentina postperonista // Historia y Espacio. № 41, agosto-diciembre 2013. P. 105-131.
- Piglia R. 13 preguntas a Juan Carlos Portantiero // Revista de la Liberación. №2. 1963. P. 12-14.
- Portantiero J.C. O marxismo latino-americano // História do marxismo. T. XI. Rio de Janeiro: Paz e Terra, 1983. P. 333-358.
- Ricardo Piglia: entre la política y la literatura // Políticas de la memoria. No. 19. 2019. P. 31-33.
- Schlez M. Modos de producción en América Latina. Un mapa para un debate permanente // El debate permanente. Modos de producción y revolución en América Latina. / Juan Marchena, Manuel Chust, Mariano Schlez, Ed. Santiago de Chile: Ariadna, 2020. P. 27-140.
- Sigal S. Intelectuales y poder en la década de sesenta. Buenos Aires: Puntosur, 1991. 259 p.
- Starckenbaum M. El marxismo incómodo: Althusser en la experiencia de Pasado y Presente // Revista Izquierdas.cl, №11, diciembre 2011. P. 35-53.
- Tarcus H. El corpus marxista // Historia crítica de la literatura argentina. Vol. 10. / Susana Cella (dir.). Buenos Aires: Emecé. 1999. P. 465-499.
- Tarcus H. El marxismo en América Latina y la problemática de la recepción transnacional de las ideas // Temas de Nuestra América. № 54. 2013. P. 35-86.
- Tarcus H. José Aricó y la historia del marxismo en América Latina. La historia intelectual y la perspectiva de la recepción // Políticas de la Memoria, № 20, Buenos Aires, 2020. P. 146-155.
- Terán O. Nuestros años sesentas. La formación de la nueva izquierda intelectual argentina, 1956-1966. Buenos Aires: Cielo por Asalto, 1993. 175 p.
- Thompson E.P. La Nueva Izquierda // Contrahistorias. No.14. 2010. P. 79-94.

Щелчков Андрей Аркадьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; sch2000@mail.ru

The Long 60s and the New Left in Argentina: The Crisis of Marxism and the Latin American Theory of Social Development

In the history of social thought in Latin America the period of the 60s of the XXth century is a period of break with traditional ideological trends and the emergence of new trends that determined the future development of the intellectual and socio-political life of the countries of the region. The most important element of this process was the crisis of the traditional left, Marxism in its "Comintern" form and the emergence of an influential and extremely productive trend of the "New Left" who proposed a renewal of Marxism, its synthesis with modern trends in historiography, sociology, psychology and philosophy. This work is devoted to the history of the "New Left" in Argentina, where this trend became dominant in public thought, had a huge impact on the politics of this country in the late XXth – early XXI century.

Key words: *Marxism, New Left, structuralism, Gramsci, "theory of dependence", José Aricó, Argentina*

Andrey Schelchkov, Dr. Sc. (History), Chief Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; sch2000@mail.ru

ПОЗИЦИЯ ЭРНЕСТО ГЕВАРЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ НА КУБЕ В 1960-е гг.

В статье рассматриваются взгляды Эрнесто Гевары на управление экономикой Кубы, артикулированные им в ходе экономической дискуссии первой половины 1960-х гг. Эта полемика развернулась между сторонниками системы бюджетного финансирования, среди которых находился Гевара, и последователями системы хозяйственного расчета (самофинансирования). Позиция Гевары отражала приверженность марксизму с опорой на работы Маркса, Энгельса, Ленина. С его точки зрения, социалистическое строительство предполагало качественный переход к новой системе категорий, ключевым звеном которой было централизованное планирование, что радикально отличало ее от выведенной в «Капитале» системы категорий капитализма. Противники Гевары утверждали, что в период социалистического строительства применение категорий капиталистического способа производства не только возможно, но и необходимо для обеспечения более высокой эффективности производства. Гевара применял теорию на практике, занимая пост министра промышленности, и распространил ее на предприятия, находящиеся в компетенции его министерства. Автор исследует основные источники, отражающие позицию Гевары, а также теоретические работы классиков марксизма и сторонников хозрасчета. Вводятся в оборот архивные материалы (РГАЭ), отражающие ряд аспектов развития системы планирования Кубы.

Ключевые слова: Куба, Эрнесто Гевара, планирование, социализм, марксизм, экономическая дискуссия, политическая экономия

Сущность нередко оказывается скрытой или затемненной формами ее проявления, иногда – в результате развития самого предмета. В других случаях дело может касаться и целенаправленного внимания к тем аспектам предмета, которые если и связаны с сущностью, то скорее косвенно, а чаще просто ее не замечают. Делается ли это преднамеренно?

Эрнесто Че Гевара (1928–1967) известен миру как один из ключевых революционеров XX века. Именно политический и революционный аспекты его деятельности чаще всего интересуют как общественное мнение, так и профессиональных историков. В этом смысле обилие отечественных и зарубежных исследований, посвященных Геваре-революционеру, Геваре-партизану, Геваре-врачу-становящемуся-солдатом, закономерно. В идейном плане Гевара чаще известен как сторонник интернационализма, национально-освободительной и антиколониальной борьбы. Одни историки показывают мужественного и целеустремленного бойца, и ощущается симпатия автора к своему герою¹. В других работах заметна цель отразить противоречивость поступков: наряду с великими революционными победами и усердной работой по налаживанию жизни после революции человеку были свойственны моменты слабости, неоправданные или неудачные решения². Есть работы, преподносящие

¹ Алексеев 1991; Гавриков 2004; Гросс, Вольф 1984; Лаврецкий 1973, 1984; Soto Acosta 1968.

² Андерсон 2009; Платошкин 2017; Тайбо 2005; Устарис-Арсе 2012.

Гевару в негативном свете и старающиеся тем самым подчеркнуть новизну своего взгляда на, казалось бы, давно изученную историческую личность, хотя источниковая база таких книг вызывает вопросы³.

Нас же интересует иное видение Гевары, другой аспект деятельности, который тонет в пламени его революционных подвигов на Кубе и неудач в Африке и Боливии. Мы сосредоточимся на Геваре-теоретике и Геваре-марксисте, поскольку эта история революционера, хотя и становилась объектом исследования⁴, до сих пор мало известна, особенно в отечественной литературе⁵. Статья посвящена теоретическим воззрениям Э. Гевары, которые он высказывал в ходе т.н. «большой дискуссии»⁶ на Кубе в первой половине 1960-х гг. На тот момент Гевара занимал пост министра промышленности в стране, где 1 января 1959 г. победила революция, которую в апреле 1961 г. Фидель Кастро открыто назовет социалистической. Таким образом, Гевара оказался практиком, принимавшим участие в процессе социалистического строительства, что требовало от него познаний в области политической экономии и научного социализма. Гевара был убежденным марксистом, достаточно хорошо знакомым с теорией. Перед тем, как уехать с Кубы, отказавшись от гражданства и занимаемых им постов весной 1965 г., чтобы продолжить революционное дело в других странах, в прощальном письме родителям Гевара напишет: «мой марксизм укоренился во мне и очистился»⁷, и это будет не голословное утверждение.

В статье ставится задача исследовать теоретическую базу, которую разрабатывал Гевара, участвуя в экономической дискуссии. Позиция Гевары рассматривается в историческом контексте и с учетом логики самой марксистской политической экономии. Источниковую базу составляют работы Гевары, других участников дискуссии и теоретиков, чьи идеи прямо или косвенно использовались обеими сторонами. Вводимые в оборот архивные материалы (РГАЭ) отражают особенности становления плановой системы на Кубе в первой половине 1960-х гг.

Предпосылки и участники экономической дискуссии

Социалистический путь развития требовал от революционеров понимания того, как осуществлять строительство нового общества. На практике здесь возникало много спорных моментов, что отразила и экономическая дискуссия, которая сводилась к полемике между сторонниками двух систем планирования. Первой была созданная Геварой

³ Войцеховский 2012.

⁴ Tablada 1987; Pericás 2014; Martínez Llebrez, Sabadí Castillo 2006; Yaffe 2007, 2014.

⁵ Подробнее деятельность Гевары-экономиста затрагивается в Платошкин 2017.

⁶ Guevara 2006. Дискуссию иногда датируют 1963–1964 (Mandel 1967), либо 1963–1965 (Yaffe 2012). На наш взгляд, можно расширить датировку до 1961–1965 гг., поскольку в течение этого времени, с одной стороны, выходили статьи, важные для теоретического осмысления периода социалистического строительства, с другой – теория применялась на практике (Гевара возглавлял министерство промышленности с февраля 1961 до весны 1965 г.), что влияло и на саму теорию.

⁷ Лаврецкий 1973: 241.

система бюджетного финансирования (СБФ). Ее применение также отстаивали министр финансов Луис Альварес Ром и заместитель Гевары в министерстве промышленности Орландо Боррего. Второй системой стал хозяйственный расчет (другое название, получившее распространение на Кубе, – самофинансирование). Ее сторонниками были министр внешней торговли Альберто Мора, президент Национального Банка Марсело Фернандес Фонт, президент Национального института аграрной реформы (НИРА) Карлос Рафаэль Родригес, директор управления финансами и ценами в (НИРА) Хоакин Инфанте Угарте⁸.

В полемике кубинские участники ориентировались на обсуждения и теоретические наработки за рубежом. Вне Кубы сторонниками хозрасчета были такие специалисты в области экономики, как советские деятели Е.Г. Либерман, А.Н. Косыгин, польский ученый Оскар Ланге⁹. Гевара полемизировал и с французским экономистом Шарлем Беттельхеймом¹⁰. В то же время ведущий троцкистский теоретик Эрнест Мандель в ходе дебатов занимал позиции, схожие с точкой зрения Гевары¹¹.

Важной чертой дискуссии стало то, что противостояние между двумя системами воплощалось на практике в самой кубинской экономике. Министерство промышленности, во главе с Геварой, было органом зарождения и развития СБФ, которая распространилась и на два других министерства: транспортное и сахарной промышленности. В то же время министерство внешней торговли и НИРА внедряли элементы самофинансирования и делали на них основной упор, поскольку ориентировалось на опыт стран соцблока¹². В попытке ответить на экономические вызовы, стоявшие перед страной после победы революции, строившей социализм, в экономике внедрялись и сосуществовали обе системы.

Пolemика происходила в форме теоретических обсуждений в двух основных изданиях: *Nuestra industria*¹³ и партийной *Cuba Socialista*. Некоторые вопросы становились предметом обсуждений на собраниях в министерстве промышленности. Позднее Гевара изложит часть своих

⁸ Pericás 2014: 196.

⁹ Гевара 2006(в): 381.

¹⁰ Гевара 2006(д).

¹¹ Mandel 1967.

¹² Ibid: 105.

¹³ Borrego 2001: 81 дает название журнала как “*Nuestra industria económica*”, Yaffé 2014 (Р. 233 и др.) упоминает два разных журнала: *Nuestra industria* и *Nuestra industria económica*, при этом как на источник ссылается на выпуск первого, а второй указывает по воспоминаниям работавших с Геварой коллег. Видимо, это ошибка, и речь идет об одном журнале, полное название которого *Nuestra industria: revista económica*. Путаница могла возникнуть в связи с тем, что в 1962 г. в дополнение к этому первому изданию министерства промышленности был учрежден журнал со схожим названием, но посвященный техническим вопросам, – *Nuestra industria: revista tecnológica*. Вероятно, когда об изданиях говорили между собой сотрудники министерства, они опускали слово журнал (*revista*), но оставляли последнее слово, указывающее, о каком из двух изданий идет речь. По этой причине у Боррего мы встречаем названия *Nuestra industria económica* и *Nuestra industria tecnológica*.

идей в «Пражских тетрадах» – заметках, которые он напишет, покинув территорию Кубы, где будет критически разбирать советский учебник по политической экономии 1954 г. под редакцией К.В. Островитянова¹⁴. Эти рукописи впервые были опубликованы в 2006 г. под названием «Критические заметки о политической экономии»¹⁵.

Строительство социализма: планирование и закон стоимости

До изучения конкретных теоретических и практических расхождений между сторонами, обратим внимание на ключевые концептуальные предпосылки. Первая из них касается того, что Гевара, как и другие кубинские политические деятели той эпохи, стоял на позициях марксизма, опираясь на работы Маркса, Энгельса, а также наработки Ленина об империализме, и через призму этой теории воспринимал социализм. Гевара понимал под социалистической страной такую, где «уже полностью ликвидирована эксплуатация человека человеком, где все средства производства находятся во власти государства и где начинается великий скачок, последний и решающий скачок, который до сих пор видело человечество, – переход к коммунистическому обществу, обществу без классов»¹⁶. Выражаясь марксистской терминологией, при социализме произошло обобществление средств производства, т.е. радикально изменены производственные отношения, и основа эксплуатации (частная собственность на средства производства) ликвидирована, государство является выразителем интереса класса наемных работников и путем перераспределения обеспечивает использование создаваемого обществом прибавочного продукта для развития каждого человека. Но товарность еще не преодолена и сложно говорить о бесклассовом обществе, учитывая наличие буржуазии за рубежом и пережитков капиталистического общества внутри страны, которые проявляются в т.ч. в буржуазном сознании. С точки зрения Гевары, в рассматриваемый период Куба осуществляла переход к такому обществу (шел процесс обобществления, начинала формироваться плановая система), поэтому он будет писать и о переходном периоде, т.е. периоде строительства социализма, и позднее более четко разделит обе эти фазы¹⁷. Однако конечная цель движения – раскрытие человеческого потенциала, которое может обеспечить только бесклассовое общество, – также всегда находилась в фокусе внимания Гевары, считавшего центральными в социалистическом строительстве изменение сознания субъекта нового общества и борьбу против бюрократизации. Поэтому значительная часть его идейного наследия посвящена новому человеку, изменению отношения к труду и отношений между людьми, что должно сопровождать преодоление отчуждения¹⁸.

¹⁴ Политическая экономия. Учебник 1954.

¹⁵ Guevara 2007.

¹⁶ Guevara 2015(a): 199.

¹⁷ Guevara 2007: 9.

¹⁸ Некоторые из этих аспектов идейного наследия Гевары были рассмотрены автором в Арабаджян 2019(б).

Гевару также интересовал опыт социализма в других странах (СССР, КНР, Югославия), который необходимо было изучить, чтобы понять, насколько они соответствуют движению к обществу без классов и возможно ли применение схожих инструментов на Кубе.

Особый интерес вызывает проблема функций государства и партии при социализме. Если в СССР оба института фактически слились и определяли в том числе хозяйственное развитие, то Гевара подчеркивал, что партийные органы не должны вмешиваться в административные вопросы, их функция – контроль. Он был против смешения функций партийных органов, советов, административных и производственных учреждений¹⁹. Выступая за развитие горизонтальных связей, Гевара в то же время признавал необходимость централизации. Будучи сторонником идеи об отмирании государства (в отдаленной перспективе), он подчеркивал, что упразднение этого института нельзя «приравнивать к автаркии каждого центра производства и каждого муниципального округа; в реальности все наоборот»²⁰. Поэтому в период социалистического строительства государство, будучи выразителем интересов рабочих, что должно было обеспечиваться постоянной связью партии и масс, брало на себя ряд качественно новых функций, в т.ч. определение вектора хозяйственного развития, планирование, координацию производственных процессов, которая и в будущем, согласно Геваре, останется централизованной. Именно в планировании Гевара видел основной механизм, позволяющий строить социализм, а также «первый этап борьбы человека за приобретение полного преобладания над вещами. Можно было бы даже сказать, что идея планирования – это состояние духа, которое определяется владением средствами производства и осознанием возможности управлять вещами, лишить человека его состояния экономической вещи»²¹.

Первая половина 1960-х гг. на Кубе – период поиска и формирования системы планирования, ведь опыта в этой области у кубинцев не было. В рамках сотрудничества с СССР обмен опытом в сфере планирования уже в тот период был важным аспектом. Так, во время пребывания в СССР в марте 1962 г. Гевара беседовал с заместителем начальника отдела по связям с зарубежными странами Управления внешних сношений ГК СМ СССР по координации научно-исследовательских работ Д.Н. Поляковым. Последний написал ход встречи и отметил следующее: «Я сообщил Геваре, что наш Комитет готов принять в СССР группу из 8–10 специалистов по планированию в качестве гостей Комитета сроком до 30 дней и ознакомить их с вопросами планирования и принципами управления промышленностью, что особенно важно для них сейчас. Гевара поблагодарил и сказал, что он попытается «захва-

¹⁹ Guevara 2015(e): 305.

²⁰ Guevara 2015(f): 227.

²¹ Guevara 2007: 148.

тить» в составе делегации все места, так как он видит большую пользу в такой поездке для работников своего министерства»²². Это показывает, что осознание важности планирования как для страны, так и для министерства у Гевары было высоким, что понимала и советская сторона.

Отметим, что Гевара настаивал на *централизованном* планировании, тогда как сторонники самофинансирования выступали за более высокую степень его децентрализации, сужение сферы компетенций центра и расширение спектра ответственности на местах, в т.ч. в вопросах финансирования²³. Однако Гевара именно в централизованном планировании видел единственную возможность *скоординировать и объединить усилия разных экономических субъектов* и тем самым преодолеть товарное хозяйство, где обособленные производители автономно друг от друга решают вопрос что, как и для кого производить, преодолеть разобщенность производственных единиц, регионов и т.д.²⁴ Если планирование осуществляется не всеобъемлюще, а фрагментарно, и разные уровни в производственной системе имеют возможность самостоятельно определять параметры хозяйственной деятельности, то координации производственных процессов на уровне страны добиться невозможно, и остаются материальные основания для сохранения товарности.

С точки зрения Гевары, централизованное планирование входило в противоречие с законом стоимости, поэтому при переходе к качественно новому способу производства, считал министр промышленности, функционирование этого закона нарушалось, и его нельзя было использовать для того, чтобы осуществлять социалистическое строительство. Противники Гевары же, напротив, считали, что закон стоимости можно и нужно использовать при социализме. Гевара ясно высказал точку зрения по данным проблемам в одной из полемических статей:

«Мы отрицаем возможность сознательного использования закона стоимости, исходя из отсутствия свободного рынка, который автоматически отражал бы противоречия между производителями и потребителями; отрицаем применимость категории товара в отношениях между государственными предприятиями и считаем все эти предприятия и учреждения частью большого единого предприятия – государства <...> Закон стоимости и план – это два понятия, связанные противоречием и его решением; таким образом, мы можем сказать, что централизованное планирование – это способ бытия социалистического общества, его определяющая категория; тот рубеж, где человеческое сознание достигает наконец возможности обобщить и направить экономику к своей цели – полному освобождению человеческой личности в рамках коммунистического общества»²⁵.

Позиция Гевары по закону стоимости определялась тем, что он отрицал возможность оперировать категориями капиталистического способа производства в процессе социалистического строительства.

²² РГАЭ. Ф. 9493. Оп. 5. Д. 79. Л. 9.

²³ Guevara 2015d: 283.

²⁴ Guevara 2015f: 227.

²⁵ Гевара 2006в: 396.

Гевара понимал стоимость как *общественное отношение*, свойственное товарному производству и рыночному обмену, которое отражает общественно необходимый труд, затраченный на производство товара. Эта категория становится преобладающей формой общественных отношений в результате развития товарного производства и его эволюции в капиталистический способ производства, где формально свободный человек продает способность к труду (рабочая сила превращается в товар)²⁶. Однако при переходе к социализму общественные отношения принимают качественно новый характер, происходит отход от рынка и товарности, ликвидируется эксплуатация, что, по мнению Гевары, приводит к нарушению закона стоимости²⁷.

Политэкономические основы самофинансирования

На практике основой противоречия между двумя системами стало то, что сторонники хозрасчета использовали в качестве *основных критериев эффективности предприятия показатели, которые применяются в рыночной экономике*, в типе хозяйства, субъекты которого ориентированы на прибыль. Например, система хозрасчета опиралась на статистику по *прибыли и рентабельности*.

Оценка деятельности в зависимости от рентабельности была предложена в 1962 г в одной из программных статей Е.Г. Либермана «План, прибыль, премия». Более того, он предложил принцип, по которому материальное поощрение возрастало пропорционально увеличению показателя рентабельности²⁸. В следующей ключевой статье «Еще раз о плане, прибыли и премии» Либерман пояснил, что, с его точки зрения, для оценки эффективности правильнее использовать не абсолютный показатель прибыльности, а «прибыль отнести к какой-либо базе, характеризующей мощность предприятия. Целесообразнее всего в качестве такой базы принять стоимость производственных фондов предприятия»²⁹. То есть, Либерман делал акцент на рентабельности, хотя и не отрицал важности других показателей эффективности, правда, они носили стоимостный характер.

Таким образом, с точки зрения сторонников хозрасчета (одним из сторонников этого положения был Ш. Бетгельхейм)³⁰, социалистическое планирование в целом могло *оперировать капиталистическими категориями и инструментами* (система кредитования, расчет стоимости и т.п.). Данные категории должны были сознательно использоваться правительствами социалистических стран, чтобы более грамотно планировать экономическое развитие, т.е. они должны были интегрироваться в систему планирования. Отсюда возникал вопрос сохранения товарного характера производства.

²⁶ Маркс 1949: 54–90.

²⁷ Подробнее об отношении Гевары к закону стоимости см.: Арабаджян 2019(а).

²⁸ Либерман 2016: 423.

²⁹ Либерман 1964: 3.

³⁰ Pericás 2014: 196.

Кроме того, хозрасчет предполагал переход к большей *финансово-экономической самостоятельности производственных единиц*³¹, а народное хозяйство страны оказывалось состоящим из разобщенных экономических единиц. В итоге при самофинансировании предприятие существовало в качестве *отдельного юридического лица*, а товарность (разобщенность производителей) оказывалась включенной в саму систему ведения хозяйства. Поэтому такие вопросы, как объем выпуска, ассортимент линейки продукции, поиск и налаживание связи с поставщиками, определение возможного спроса на товар, сбыт продукции, оказывались в компетенции предприятия, а государство постепенно переставало существенно воздействовать на принятие решений в этой области. Его функция сводилась к «доведению (до предприятий – А.А.) плана только по объему продукции в номенклатуре и срокам поставок»³². Помимо этого, *кредитование предприятий осуществлялось под процент*, а производственная единица, таким образом, обладала *собственным финансовым фондом* и была ответственна за *осуществление инвестиций*. Наконец, в рамках хозрасчета *увеличение дохода предприятия обеспечивало рост заработной платы* ее работников, у которых появлялась прямая материальная заинтересованность в повышении эффективности, а материальные стимулы становились ключевыми инструментами повышения производительности труда. Как следствие, предприятия в рамках системы самофинансирования были *независимыми друг от друга производственными единицами*, обладавшими широкой автономией. По этой причине при переходе (т.е. в системе самофинансирования – продаже) произведенной продукции от одного предприятия к другому она становилась *товаром*. При этом цены на товары оказывались относительно свободными³³, т.е. между отдельными предприятиями происходили *акты купли-продажи, товарный обмен*.

Теория и практика СБФ

В организационном плане СБФ предполагала *объединение производственных единиц, принадлежавших к одной отрасли, в одно большое предприятие*. Такие укрупненные предприятия стали называться консолидированными. Каждая подобная структура *получала от министерства промышленности подробный производственный план сроком на год*, в соответствии с которым выстраивала свою деятельность, но не получала полной финансовой самостоятельности. Гевара, разбирая различия двух систем в одной из полемических статей, пишет:

«Для нас (сторонников СБФ – А.А.) предприятие – это конгломерат заводов или подразделений, которые имеют схожую технологическую базу, единую направленность производства или – в некоторых случаях – объединены территориально; в системе хозяйственного расчета предприятие – это производственное подразделение с собственным юридическим лицом»³⁴.

³¹ Ibid: 198.

³² Либерман 2016: 421.

³³ Pericás 2014: 198.

³⁴ Гевара 2006(в): 384.

Гевара рассматривал *все предприятия в качестве звеньев одной цепи, поскольку они находились в государственной собственности*. Так как собственник предприятий был одним, то при переходе произведенной продукции от одного предприятия к другому ситуация вокруг прав собственности не претерпевала изменений. Отсюда Гевара выводил, что *продукция, передаваемая от одной производственной единицы другой, не становилась товаром*³⁵. Более того, механизм купли-продажи начинал работать только тогда, когда государство продавало произведенную продукцию лицам, представлявшим других собственников³⁶.

В СБФ предприятие было более *зависимым от принятия решений в центре*, оно не представляло собой отдельного юридического лица и функционировало в соответствии с разработанным планом, основные показатели в котором оставались физическими. Система Гевары предполагала, что *банк выдавал производственной единице финансирование без отношений кредитования* и по санкции ответственного за планирование государственного органа, а *предприятие не обладало собственным финансовым фондом*. Поэтому *доход, который получало предприятие, автоматически переходил в государственный бюджет*.

Гевара сравнивал концептуальные расхождения СБФ и хозрасчета с разницей между монополистическим капитализмом и капитализмом свободной конкуренции. Такая аналогия возникала в связи с тем, что *внедрение самофинансирования приводило к возникновению конкуренции между предприятиями, производившими схожие товары*. Это сравнение подкреплялось и тем, что СБФ на Кубе опиралась на некоторые достижения монополий, т.е. крупных производств, где технологии предполагали высокий уровень общественного характера труда. Такие предприятия действовали в стране в сахарной и нефтяной отраслях и применяли передовые методы учета и организации, а также продвинутые технологии. Рассуждая по этим вопросам, Гевара писал:

«Анализ методов учёта, обычно используемых сегодня в социалистических странах, показывает, что между ними и нашими методами лежит концептуальное отличие, сравнимое с тем, которое существует в капиталистической системе между конкурентным капитализмом и монополией. В конечном счёте методы, используемые прежде, послужили основой для развития обеих систем, однако после того как они «встали на ноги», их пути разошлись, так как у социализма свои собственные производственные отношения, а значит, и свои требования»³⁷.

Вероятно, Гевара пытался доказать с точки зрения марксистско-ленинской теории, что СБФ является более передовой фазой на пути к социализму. Здесь просматривается параллель с тезисом Ленина о том, что в эпоху империализма монополистический капитализм, который перерастает в государственно-монополистический, является наиболее близкой «ступенькой» на пути к социализму, чем капитализм свобод-

³⁵ Гевара 2006(а): 322.

³⁶ Guevara 1964: 10.

³⁷ Гевара 2006(в): 383.

ной конкуренции: «[С]оциализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией»³⁸. Это становится возможным благодаря тому, что монополизация входит в противоречие с законами рынка, нарушается обособленность производителей, создается «обобщественное» производство.

В этом контексте интересно, что к 1964 г. мнение Гевары относительно самофинансирования и разработывавшихся в СССР методов хозрасчета стало еще более критическим. Так, на одном из собраний в министерстве промышленности Гевара, показывая специфику советской попытки социалистического строительства, отметил:

«В таком случае Советский Союз не является типичным примером (о котором писал Маркс – А.А.), когда наиболее развитая капиталистическая страна переходит к социализму. Система, в том виде, в каком ее переняли в стране Советов, не была развитой, поэтому и появляется целый набор элементов экономической политики, которые заимствовались даже из домонополистического этапа развития. В связи с этим система самофинансирования, с точки зрения развития индустриального общества, является более отсталой, чем монополистическая система, внедренная на некоторых предприятиях на Кубе»³⁹.

Вероятно, такая оценка имеет некоторые основания. Даже советские руководители признавали, что ряд кубинских предприятий могли дать фору советским по своей технической оснащенности. Об этом свидетельствуют, например, записи беседы, имевшей место в СССР в октябре 1963 г. во время визита кубинской делегации, между ученым секретарем Управления научно-технического сотрудничества ГК СМ СССР по координации научно-исследовательских работ В.И. Орловым и начальником Управления автоматики и электроники министерства промышленности Кубы Гидо Муньосом. Орлов в ходе переговоров отметил, что в «нефтяной промышленности Кубы есть приборы более совершенные, чем у нас», на что собеседник «ответил, что это известно немногим товарищам»⁴⁰.

Что касается Гевары, то очевидно, что уже в 1964 г. он вообще стал рассматривать советскую систему, которая в чем-то опиралась на рыночные элементы, в некоторых аспектах более отсталой, чем монополистический капитализм. На теоретическом уровне это вызвано тем, что при самофинансировании увеличивалась степень обособленности производителей. Именно эта черта является одной из сущностных для товарного производства. В случае же монополистического капитализма степень обособленности производителей значительно снижена. СБФ как раз и предполагала полное преодоление этой обособленности, а значит – постепенное преодоление товарного производства.

В оценке деятельности предприятий СБФ опиралась, в первую очередь, на показатели по выпуску. Если выпуск продукции не был ниже,

³⁸ Ленин 1955: 332.

³⁹ Guevara 2015(с): 378.

⁴⁰ РГАЭ. Ф. 9493. Оп. 5. Д. 79. Л. 50.

показателя, предусматриваемого планом, то это уже означало, что предприятие функционирует в рамках нормы. Помимо объема выпуска важную роль получала *себестоимость продукции*⁴¹. Снижение себестоимости свидетельствовало о росте эффективности функционирования предприятия и рассматривалось как один из базовых факторов *роста производительности труда*, «который является основой строительства социализма и необходимой предпосылкой коммунизма»⁴². Себестоимость продукции была основой, отталкиваясь от которой, в СБФ решали вопрос цены изготовленного продукта. Гевара подчеркивал, что цена может быть изменена в связи с политическими решениями, при ее определении также необходимо ориентироваться на мировые цены, чтобы в целом понимать, насколько кубинская продукция оправдывает расходы.

«Мы настаиваем на анализе именно себестоимости, так как часть нашей концепции связана с необязательностью совпадения – или тесной связи – между себестоимостью производства и ценой в социалистическом секторе. (Для Кубы, страны слабого развития и широкого внешнеторгового обмена, отношения с другими странами мира имеют огромное значение). Поэтому мы считаем, что общая структура внутренних цен никоим образом не должна отделяться от общей структуры цен внешнего рынка, понимая, разумеется, что внутренние цены относятся только к социалистической сфере, где они выполняют основные функции “арифметических денег”, т.е. служат формой измерения»⁴³.

В этом проявляется и некоторая противоречивость задумки Гевары. С одной стороны, его система уделяла основное внимание росту производительности труда и снижению себестоимости, а с другой – вся экономика должна была обеспечить страну необходимой продукцией и постепенно стать более диверсифицированной и, следовательно, менее зависимой от импорта. Гевара уделял внимание анализу мировых цен, относительно которых кубинское производство далеко не всегда оказывалось конкурентоспособным. Он стремился к тому, чтобы страна могла максимально обеспечивать себя продукцией самостоятельно, поэтому учет мировых цен не мог иметь ключевое значение во внутренней ценовой политике. Однако такая ситуация может предполагать наличие убыточных производств, которые должны быть компенсированы за счет каких-то иных поступлений (от экспорта либо благодаря внешним инвестициям), что не позволяет стране приблизиться к самообеспечению. Добиться такого баланса в условиях слаборазвитой экономики⁴⁴, не рас-

⁴¹ Гевара 2006(а): 322.

⁴² Там же: 326.

⁴³ Там же: 322–323.

⁴⁴ До революции кубинская структура производства отличалась диспропорциональностью: продвинутый уровень развития в сахарной и нефтяной отраслях в 1950-е гг. объяснялись доминированием зарубежного (в первую очередь – американского) крупного капитала, при этом страна оказывалась зависимой от поставок извне: как запчастей и комплектующих для предприятий в передовых сферах, так и базовых сельскохозяйственных продуктов, продукции легкой промышленности и т.д. Возникла и проблема зависимости внешнеторговых партнеров по экспорту. Эта ситуация после января 1959 г. приведет к полной перекройке внешнеторговых связей из-

полагающей широким спектром природных ресурсов, – крайне сложная задача для органов планирования.

Другой стороной дискуссии стала проблема функционирования банковской системы. Гевара критиковал своего коллегу, на тот момент президента Национального банка Кубы, Марсело Фернандеса, поскольку не был согласен с его точкой зрения относительно роли банковской системы в условиях централизованно планируемой экономики. Фернандес считал, что на Кубе банковская система должна была выполнять ряд важных функций, среди которых называл и кредитование. Гевара отталкивался от идеи Маркса о спекулятивном характере деятельности банков и положения о том, что стоимость создается только в сфере производства, а доходы от деятельности банковского и торгового капитала – банковский процент и торговая прибыль – лишь превращенные формы прибавочной стоимости. Так Гевара пытался обосновать тезис, противоположный теоретическим выкладкам Фернандеса, и утверждал: «Мы считаем, что в рамках системы бюджетного финансирования система банковского кредитования и рыночный механизм купли-продажи внутри государственной сферы являются ненужными»⁴⁵.

Гевара был не согласен с тезисом Фернандеса о том, что одной из функций банковской системы должен быть контроль над осуществлением инвестиций и принятие решений по стратегическим вопросам инвестирования. СБФ отводила эту функцию Хусеплану (кубинскому Госплану) и министерству финансов, «ответственному за государственный бюджет – единственное место, где должен быть собран прибавочный продукт, чтобы в дальнейшем он был корректно использован»⁴⁶. Фактически Гевара строго ограничивал функции банковской системы, сводя их к тому, что *банк лишь передавал государственным предприятиям, согласно предусмотренным планом квотам, определенные суммы*, а значит – банк не участвовал напрямую в финансировании предприятий.

Позднее в критике советского учебника по политэкономии 1954 г. Гевара развил мысли по поводу денежно-кредитной и финансовой проблем социалистического общества. В частности, он негативно оценивал использование системы кредитования, поскольку банк располагал финансовыми средствами, которые ему не принадлежали, при этом получал с этих средств прибыль, что, с точки зрения Гевары, является «типичной функцией для частной банковской системы»⁴⁷. Команданте заключал, что использование кредита – это специфическая черта советской системы, а не социализма как такового.

за того, что США перестанут выполнять обязательства по закупкам и поставкам, а также к проектам по индустриализации и модернизации.

⁴⁵ Guevara 1964: 9.

⁴⁶ Ibid: 6.

⁴⁷ Guevara 2007: 194.

Исследование идей Гевары по теоретическим и практическим вопросам социалистического строительства, которые он высказывал в ходе экономической дискуссии, отражает высокую степень радикальности его воззрений. Гевара отрицал попытки опираться на рыночные механизмы, что делает его противником позиций, отстаивающих рыночный социализм или воспринимающих социализм в качестве вида товарного производства, которые распространены среди представителей современной социал-демократии, а также и на Кубе.

Фундаментальное положение централизованного планирования и преодоления товарности хозяйства сближают позиции Гевары с теоретической базой, которую в те же годы в СССР развивал экономист Н.В. Хессин⁴⁸, подчеркивавший, что плановость является «клеточкой» социализма, тогда как товар – «клеточка» капитализма, поэтому нельзя рассматривать социализм как форму товарного хозяйства.

Из этих предпосылок на теоретическом уровне Гевара делал ряд практических выводов относительно организации предприятий, их отношений между собой и взаимосвязи с государственными органами планирования, форме их финансирования, степени независимости. В результате СБФ предполагала высокую степень централизации, где ключевые решения, в особенности в вопросах финансирования, утверждения планов и операций между предприятиями, принимались преимущественно верхним этажом иерархии. Целью такой структуры было преодоление товарного характера производства и рыночных элементов в отношениях между производителями, а также стимулирование производительности и концентрации производства. Кроме того, мы не разобрали данный аспект в силу короткого жанра статьи, однако, необходимо отметить, что из исследованных теоретических положений Гевара выводил необходимость акцента на моральном, а не материальном стимулировании, за которое выступали сторонники хозрасчета.

Гевара опирался на теорию Маркса и Энгельса и ее развитие Лениным в новых исторических условиях империализма и использовал ее для критики позиций сторонников самофинансирования, а позднее распространил и на советскую систему планирования, которая в 1960-х гг. делала крен в сторону хозрасчета. Критику этих советских методов социалистического строительства Гевара успел изложить детальнее всего⁴⁹. Что касается китайского подхода к социализму, то Гевара признавал, что по ряду позиций сходил с ним (минимизация материальных стимулов и упор на добровольный труд)⁵⁰. В случае Югославии Гевара был крайне критичным, поскольку там делали ставку на децентрализацию и закон стоимости, из чего Гевара заключал, что способ производства сближался с капиталистическим⁵¹.

⁴⁸ Хессин 1964.

⁴⁹ Подробнее Арабаджян 2019(а).

⁵⁰ Guevara 2015(b): 428.

⁵¹ Ibid.: 428–429, 431.

Историческое значение теоретических и практических наработок Гевары по строительству социализма представляется недооцененным. Во-первых, в рамках левого движения вплоть до наших дней идут споры относительно того, что такое социализм, совместим ли он с рынком и в какой мере. Во-вторых, современная Куба стоит на своеобразном перепутье экономических реформ, и для нее было бы крайне ценно обратиться именно к политэкономическому наследию героического партизана. Кроме того, изучение опыта и идей Гевары проливает свет и на дальнейшую историю плановой системы Кубы. Наконец, общее состояние современной экономики, характеризующееся кризисами и высокими социальными издержками применения неолиберальных рецептов, заставляет людей обращаться к историческому опыту строительства социализма и соответствующей теоретической базе.

Однако мир, в том числе и мир историков, упорно видит в Геваре врача, партизана, пусть даже гуманиста в духе раннего Маркса, ставящего проблему отчуждения и воспитания нового человека, борца за национальное освобождение и противника колониализма. Но из такого портрета ускользает сущностная черта: марксизм Гевары не останавливался на экзистенциалистской трактовке «Экономическо-философских рукописей 1844 г.», он укоренялся в «Капитале» «святого Карлоса»⁵² и пытался развивать эту теорию в условиях строящейся социализм Кубы. В этой связи интересной задачей является не только углубление изучения теоретических наработок Гевары, но и ответ на вопрос, почему эта тема до сих пор остается на периферии исследовательского интереса.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алексеев В.А. Скромный кондотьер: феномен Че Гевары. М.: Изд-во политической литературы, 1991. 304 с. [Aleksëev V.A. Skromnyj kondot'er: fenomen Che Gevary. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1991. 304 s.]
- Андерсон Дж.Л. Че Гевара. Важна только революция / Пер. М.А. Рогачевой, А.В. Зорина. СПб.: Амфора, 2009. 767 с. [Anderson J.L. Che Gevara. Vazhna tol'ko revolyuciya / Per. M.A. Rogachevoj, A.V. Zorina. Spb.: Amfora, 2009. 767 s.]
- Арабаджян А.З. Критика Эрнесто Гевары советских методов социалистического строительства и ее возможное применение к современной Кубе // Вопросы политической экономики. 2019(а). № 3. С. 167–182. [Arabadzhyan A.Z. Kritika Ernesto Gevary sovet-skih metodov socialisticheskogo stroitel'stva i ee vozmozhnoe primenenie k sovremennoj Kube // Voprosy politicheskoy ekonomii. 2019(a). № 3. S. 167–182].
- Арабаджян А.З. Роль ценностных установок в формировании экономических воззрений Эрнесто Че Гевары // Исторические Исследования. 2019(б). № 12. С. 7–13. [Arabadzhyan A.Z. Rol' cennostnyh ustanovok v formirovanii ekonomicheskikh vozzrenij Ernesto Che Gevary // Istoricheskie Issledovaniya 2019(b). № 12. S. 7–13].
- Войцеховский З. Че Гевара, который хотел перемен. М.: Эксмо, 2012. 352 с. [Vojcekhovskij Z. Che Gevara, kotoryj hotel peremen. M.: Eksmo, 2012. 352 s.]
- Гавриков Ю.П. Че Гевара. Последний романтик революции. М.: Вече, 2004. 384 с. [Gavrikov YU.P. Che Gevara. Poslednij romantik revolyucii. M.: Veche, 2004. 384 s.]
- Гевара Э. Некоторые соображения о себестоимости // Статьи, выступления, письма / Пер. с исп. Е. Вороновой и др. М.: Культурная революция, 2006(а). С. 320–329. [Guevara E. Nekotorye soobrazheniya o sebestoimosti // Stat'i, vystupleniya, pis'ma / Per. s isp. E. Voronovoj i dr. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2006(a). S. 320–329].

⁵² Так назвал Гевара Маркса в одном из писем матери в 1956 г. Гевара 2006(г): 569.

- Гевара Э. О понятии стоимости // Статьи, выступления, письма. М.: Культурная революция, 2006(б). С. 359–366. [Guevara E. O ponyatii stoimosti // Stat'i, vystupleniya, pis'ma. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2006. S. 359–366.]
- Гевара Э. О системе бюджетного финансирования // Статьи, выступления, письма. М.: Культурная революция, 2006(в). С. 375–407. [Guevara E. O sisteme byudzhetnogo finansirovaniya // Stat'i, vystupleniya, pis'ma. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2006. S. 375–407.]
- Гевара Э. Отрывки из писем матери. Осень 1956 г. // Статьи, выступления, письма. М.: Культурная революция, 2006(г). С. 568–569. [Guevara E. Otryvki iz pisem materi. Osen' 1956 g. // Stat'i, vystupleniya, pis'ma. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2006. S. 568–569.]
- Гевара Э. Социалистическое планирование, его значение // Статьи, выступления, письма. М.: Культурная революция, 2006(д). С. 419–431 [Guevara E. Socialisticheskoe planirovanie, ego znachenie // Stat'i, vystupleniya, pis'ma. M., 2006. S. 419–431].
- Гросс Х.-Э., Вольф К.-П. Че: «Мои мечты не знают границ» / Пер. с нем. И.В. Розанова, П.Л. Френкеля. М.: Прогресс, 1984. 261 с. [Gross H.-E., Volf K.-P. CHE: «Moi mechty ne znayut granic» / Per. s nem. I.V. Rozanova, P.L. Frenkelya. M.: Progress, 1984. 261 s.]
- Дела постоянного хранения Управления научно-технического сотрудничества с социалистическими странами Госкомитета по координации научно-исследовательских работ СССР за 1961-1965 гг. Записи бесед с представителями Республики Куба, том I // РГАЭ. Ф. 9493. Оп. 5. Д. 79. 51 л. [Dela postoyannogo hraneniya Upravleniya nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva s socialisticheskimi stranami Goskomiteta po koordinacii nauchno-issledovatel'skikh rabot SSSR za 1961-1965 gg. Zapisi besed s predstavitel'yami Respubliki Kuba, tom I // RGAЕ. F. 9493. Op. 5. D. 79. 51 l.]
- Лаврецкий И.Р. Эрнесто Че Гевара. М.: Молодая гвардия, 1973. 352 с. [Lavreckij I.R. Ernesto CHE Gevara. M.: Molodaya gvardiya, 1973. 352 s.]
- Лаврецкий И.Р. Эрнесто Че Гевара и революционный процесс в Латинской Америке. М.: Наука, 1984. 302 с. [Lavreckij I.R. Ernesto CHE Gevara i revolyucionnyj process v Latinskoj Amerike. M.: Nauka, 1984. 302 s.]
- Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться // Сочинения. Т. 25 М.: Изд-во политической литературы, 1955. С. 295–339. [Lenin V.I. Grozyashchaya katastrofa i kak s nej borot'sya // Sochineniya. T. 25 M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1955. S. 295–339.]
- Либерман Е.Г. План, прибыль, премия // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 3. 420–432. [Liberman E.G. Plan, pribyl', premiya // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. 2016. T. 17. № 3. 420–432.]
- Либерман Е.Г. Еще раз о плане, прибыли и премии // Правда. 20.09.1964 (№264). С. 3. [Liberman E.G. Eshche raz o plane, pribyli i premii // Pravda. 20.09.1964 (№ 264). S. 3.]
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I.: Процесс производства капитала. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1949. 793 с. [Marks K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. I. Kn. I.: Process proizvodstva kapitala M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1949. 793 s.]
- Платошкин Н.Н. Че Гевара. М.: Молодая гвардия, 2017. 703 с. [Platoshkin N.N. CHE Guevara. M.: Molodaya gvardiya, 2017. 703 s.]
- Политическая экономия. Учебник/ М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1954. 455 с. [Politicheskaya ekonomiya. Uchebnik. M.: Gos. izd-vo politicheskoy literatury, 1954. 455 s.]
- Тайбо П.И. Че Гевара / Пер. с исп. А. Гришина. М.: Эксмо, 2005. 736 с. [Tajbo P.I. CHE Gevara / Per. s isp. A. Grishina. M.: Eksmo, 2005. 736 s.]
- Устарис-Арсе Р. Че Гевара. Жизнь, смерть и воскрешение из мифа / Пер. с исп. И.В. Павловой. М.: Центрполиграф, 2012. 511 с. [Ustaris-Arse R. CHE Gevara. ZHizn', smert' i voskreshenie iz mifa / Per. s isp. I.V. Pavlovoj. M.: Centrpoligraf, 2012. 511 s.]
- Хессин Н.В. Понятие «экономическая клеточка» и его методологическое значение // Вопросы экономики. 1964. № 7. С. 117–129 [Hessin N.V. Ponyatie «ekonomicheskaya kletochka» i ego metodologicheskoe znachenie // Voprosy ekonomiki. 1964. № 7. S. 117–129].
- Borrego O. Che: El camino del fuego. La Habana: Imagen Contemporánea, 2001. 319 p.
- Guevara E. Apuntes críticos a la economía política / Ed. Por M.C. Ariet García. Bogotá: Ocean sur, 2007. 431 p.
- Guevara E. Entrega de premios de emulación socialista // Che en la Revolución cubana. T. V. Discursos (1964–1965) / Comp. O. Borrego Díaz. La Habana: José Martí, 2015(a). P. 183–201.
- Guevara E. La banca, el crédito y el socialismo. Universidad Popular Madres de Plaza de Mayo. Centro de Estudios Miguel Enriquez – Archivo Chile. 1964. URL: http://www.archivo-chile.com/America_latina/Doc_paises_al/Cuba/Escritos_del_Che/escritosdelche0062.pdf

- Guevara E. Reuniones bimestrales. 5 de diciembre de 1964 // Che en la Revolución cubana. T. VI. Ministerio de industrias. La Habana: José Martí, 2015(b). P. 409–440.
- Guevara E. Reuniones bimestrales. 11 de julio de 1964 // Che en la Revolución cubana. T. VI. Ministerio de industrias. La Habana: José Martí, 2015(c). P. 362–383.
- Guevara E. Reuniones bimestrales. 12 de octubre de 1963 // Che en la Revolución cubana. T. VI. Ministerio de industrias. La Habana: José Martí, 2015(d). P. 278–303.
- Guevara E. Reuniones bimestrales. 21 de diciembre de 1963 // Che en la Revolución cubana. T. VI. Ministerio de industrias. La Habana: José Martí, 2015(e). P. 304–319.
- Guevara E. Reuniones bimestrales. 28 de septiembre de 1962 // Che en la Revolución cubana. T. VI. Ministerio de industrias. La Habana: José Martí, 2015(f). P. 219–241.
- Mandel E. El debate económico en Cuba durante el periodo 1963–1964. 1967. URL: http://cipec.nuevaradio.org/b2-img/TRANSICIONMandelel_debate_economico_en_c.pdf
- Martínez Llebrez V.R., Sabadí Castillo L. A. Concepción de la calidad en el pensamiento del Che. La Habana: Ciencias sociales, 2006. 102 p.
- Pericás B.L. Che Guevara y el debate económico en Cuba. La Habana: Casa de las Américas, 2014. 380 p.
- Soto Acosta J. Che. Una vida y un ejemplo. La Habana: Comisión de Estudios Históricos de la U.J.C., 1968. 194 p.
- Tablada C. Acerca del pensamiento económico de Ernesto Che Guevara. La Habana: Casa de las Américas, 1987. 212 p.
- Yaffe H. Che Guevara and the Great Debate, Past and Present // *Science & Society*. 2012. Vol. 76. № 1. P. 11–40.
- Yaffe H. Ernesto “Che” Guevara: a rebel against Soviet political economy // *The Economic History Society. Annual Conference. University of Exeter*. 2007. P. 169–173.
- Yaffe H. Ernesto “Che” Guevara: socialist political economy and economic management in Cuba. *Ann Arbor: ProQuest LLC*, 2014. 447 p.

Арабаджян Александра Заветовна, магистр истории, младший научный сотрудник, ИМЭМО им. Е.М. Примакова, РАН; аспирант, Институт всеобщей истории РАН / МГИМО МИД России; aleche28@gmail.com

Статья подготовлена в рамках Консорциума ИВИ РАН и МГИМО МИД России «Глобальная история: региональные и национальные составляющие»

Ernesto Guevara’s Position in the Economic Debate on Cuba in 1960-s

The paper covers Ernesto Guevara’s views on managing the economy of Cuba which he expressed in the economic debate in the first half of 1960s. Participating in this discussion as a proponent of the budgetary finance system Guevara opposed advocates of the auto-financing system. During the debate he appealed to Marxist theory relying on original works of Marx, Engels and Lenin. From Guevara’s perspective, constructing socialism meant a transition to a qualitatively new system of categories among which centralized planning was the crucial one. Thus, this new system was utterly different from the one which was revealed by Marx in *Das Kapital* when the German scientists focused on capitalist mode of production. On the contrary, Guevara’s opponents highlighted that socialist construction could and should count on categories which functioned on the capitalist phase in order to promote efficiency. Being the Minister of Industries, Guevara brought his theory into practice at the production units that belonged to his Ministry. The author investigates several fundamental articles written by Guevara during the polemics, other sources the show Guevara’s vision of socialism and works of theoreticians whose ideas were used by the debaters. The paper also introduces archival materials (Russian State Archive of the Economy) that reveal some peculiarities of Cuban planning system formation.

Keywords: *Cuba, Ernesto Guevara, planning, economic debate, socialism, Marxism, political economy*

Alexandra Arabadzhyan, Master in History, Junior Research Fellow, the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; PhD Student, Institute of World History, RAS/MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia; aleche28@gmail.com

В.М. ТЮЛЕНЕВ

ЭННОДИЙ. САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО РИТОРА

В статье рассматривается вопрос о том, каким образом Магн Феликс Эннодий, позднеантичный ритор и священнослужитель, формирует в своих сочинениях собственный образ и презентует его читателю. В частности, показано, что он всячески стремится убедить свою аудиторию, что принятие им духовного сана открыло для него новый этап жизни, идеалом которой стало смирение и «безмолвие». В то же время творчество Эннодия убеждает в том, что он стремится показать себя как человека деятельного, заботящегося о жителях своей провинции, о своей семье, человека, ставшего центром коммуникационной сети, включающей первых лиц Остготского королевства и римской Церкви.

Ключевые слова: Эннодий, самопрезентация, идентичность, Поздняя Античность, риторика, элиты, эпистолярное общение

В июне минувшего года исполнилось 1500 лет со дня кончины Магна Феликса Эннодия (ок. 473–521), который был, может быть, и не самой значимой, но тем не менее весьма яркой фигурой в истории остготской Италии и позднеантичной культуры. Современник и дальний родственник Северина Боэция, он оставил богатое, и самое главное, разнообразное литературное наследие, позволяющее увидеть как эпоху автора, сложную, наполненную множеством драматических событий, так и его самого. Поскольку уже достаточно написано о том, кем был Эннодий и какой вклад внес в историю своего времени¹, представляется важным рассмотреть прежде всего то, каким он вольно или невольно изображал себя, презентуя себя своим читателям. Очевидно, говоря о самопрезентации любого автора, в т.ч. позднеантичного, приходится говорить и о его самоидентичности, о том, к какому культурному, социальному, политическому кругу он себя относил². Поэтому в статье нам хотелось бы, обратившись к литературному наследию Эннодия, рассмотреть, с одной стороны, в качестве кого и членом какой группы он стремился представить себя читателям (как своим современникам, так и потомкам), и, с другой, каким он оказывался на страницах своих произведений помимо своей воли, то есть рассмотреть и эксплицитный, и имплицитный уровень самопрезентации Эннодия. Такая постановка вопроса представляется важной как в связи с существующим научным интересом к проблеме самопрезентации в античном Риме³, так и в связи со спецификой фигуры самого Эннодия.

Эннодий, живший на сломе эпох, – когда императорский Рим на латинском Западе уже пал, но римский дух еще сохранял свою мощь,

¹ Kennell 2000; Magani 1886; Schröder 2007; Vogel 1885.

² Cavriellatos 2017: vii.

³ См., напр. Self-Presentation and Identity... 2017; Mratschek 2020.

когда языческая литература по-прежнему активно изучалась в школах, хотя общество уже было христианским, – представляет особый интерес с точки зрения выявления его собственного Я в созданных им текстах. Эннодию так или иначе приходилось выражать свое отношение к уходящей и наступившей эпохе и помещать себя в определенные рамки отношений, относя к тому или иному культурному, социальному, политическому кругу. Эннодий, как ни один другой его современник, подходит для того, чтобы на его примере выявить проблемы, связанные с идентичностью (или идентичностями) представителей римской аристократии периода интенсивной христианизации и первых варварских королевств. Дело в том, что в числе оставленных Эннодием четырехсот семидесяти сочинений особое место занимают 297 его писем, в которых он так или иначе выражает свое Я, позиционируя себя в той или иной социальной роли. Кроме того, он оставил небольшое автобиографическое сочинение, позволяющее прочитать именно о том, что хотел сказать о себе Эннодий. Не меньшую ценность представляют написанные им жития (Епифания Тицинского и Антония Леринского), панегирик в адрес Теодориха Великого, декламации, поскольку все они в определенной степени отражают переживания Эннодия, его аксиологические установки, содержат данную им оценку того места, которое люди его круга и сам он занимали в современном ему социуме.

Прежде чем приступить к рассмотрению сути вопроса, необходимо сделать еще одно замечание, касающееся названия статьи. Несмотря на то, что в статье Эннодий будет фигурировать чаще всего как диакон медиоланской Церкви, мы посчитали более справедливым в названии использовать в его отношении статус ритора, не только потому что даже в церковном облачении он не перестал быть мастером слова, но и потому что именно риторическое искусство позволило ему сконструировать собственный образ, предложив его читателю.

Исследователь Эннодия, что часто случается при изучении античных или средневековых авторов, для восстановления информации о жизни своего героя приходится довольствоваться весьма скудными сообщениями, большинство из которых оставлено самим же интеллектуалом, ставшим объектом изучения. На основании этих сообщений, а также единичных сведений из сторонних источников ученым удалось реконструировать основные вехи жизни Эннодия⁴, познакомиться с которыми, как думается, не будет лишним, прежде чем анализировать его интеллектуальный автопортрет.

Эннодий родился примерно в 473 г. Как он сам признается в своей небольшой «Исповеди» (*Eucharisticum de sua vita*), ему было примерно 16 лет (*ego annorum ferme sedecim*), когда в Италию летом 489 г. вступил Теодорих Великий (*Ennod.* Op. 438, 20)⁵. Хотя сам Эннодий нигде

⁴ Kennell 2000: 4–42; Rohr 1995: 1–4; Schröder 2007: 31–53.

⁵ Здесь и далее дается указание на номер произведения Эннодия и отрывок по изданию: Ennodius 1885.

прямо не говорит о месте своего рождения, но все его оговорки так или иначе свидетельствуют о его южногалльских корнях. Очевидно, родиной его был Арелат, где и в начале VI в. продолжала жить его сестра Евпрепия и другие родственники⁶. Эннодий принадлежал к достаточно известному аристократическому роду и мог бы похвастаться тем, что являлся прямым потомком Юлия Агриколы, консула 421 г., внуком Феликса Эннодия, проконсула Африки в 420–423 гг., внучатым племянником Флавия Магна, консула 460 г.⁷ В числе его родичей были квестор дворца (*questor palatii*) Фауст (Фавст) Младший Нигер, сиятельный муж Фирмин и, как уже отмечалось в самом начале статьи, знаменитый Северин Боэций. Эннодий рано оказался сиротой и воспитывался теткой в Северной Италии, в Лигурии, скорее всего в Тицине (совр. Павия). В этот период Эннодий сделал первые шаги в своем образовании, благодаря которому он стал ритором.

Молодые годы Эннодия, примерно до 494 г., остаются предметом исследовательских споров⁸, обращаться к которым в данном случае нет большого смысла. Следует лишь констатировать, что в середине 90-х годов V века (не позднее 494 г.) он начал свою церковную карьеру⁹ под духовным руководством Епифания, епископа Тицинского. Известно, что именно в 494 г. он совершил поездку в Бургундию ко двору Гундобада в качестве секретаря в составе делегации, возглавляемой Епифанием, и принял участие в выкупе пленных. Вскоре по возвращении из этой поездки 21 января 496 г. Епифаний скончался, и спустя какое-то время, самое позднее, в 499 г.¹⁰ Эннодий оказался на службе в Медиоланской церкви у епископа Лаврентия. Скорее всего, именно в Медиолане он достиг диаконского чина (ок. 502)¹¹ и принял участие в истории, связанной с Лаврентиевской схизмой, выступая на стороне папы Симмаха. Именно к медиоланскому периоду жизни Эннодия принадлежит подавляющее большинство его сочинений. Скорее всего, первым его трудом стала «Речь на день рождения Епифания», написанная еще в Тицине в 495 г., а одним из последних произведений – письмо, адресованное епископу арелатскому Цезарию (413)¹². Как видно, все творчество Эннодия укладывается в сравнительно короткий отрезок времени.

Известно, что в 510 или 511 г. скончался епископ медиоланский Лаврентий¹³, но Эннодий, хотя он и проявил себя ревностным сторонником политики, проводимой медиоланским епископом, не оказался преемником скончавшегося Лаврентия и даже покинул Медиолан и вер-

⁶ Vogel 1885: iii.

⁷ Gioanni 2006: xi–xvii.

⁸ Kennell 2000: 6–7; Schröder 2007: 15–17.

⁹ Kennell 2000: 11.

¹⁰ Vogel 1885: ix; Kennell 2000: 12.

¹¹ Kennell 2000: 12.

¹² Gioanni 2006: cxlvii.

¹³ Köpke 2006: 291.

нулся в Тицин, где возглавил примерно в 514 г. епископскую кафедру¹⁴. В чине епископа он дважды (в 515 и 517 г.) ездил в составе папской миссии в Константинополь ко двору императора Анастасия для переговоров по вопросам веры. При этом *Liber pontificalis* называет Эннодия в качестве одного из главных действующих лиц этой миссии, направленной на преодоление Акакианской схизмы (Lib. pontif. 54, 2–4). Впрочем, судя по этому рассказу, второе посольство завершилось полным провалом: император прогнал представителей римского понтифика, приказал посадить их на корабль, запретив посещение имперских городов по дороге из Константинополя (Lib. pontif. 54, 4). По сути, это последнее сообщение источников об Эннодии. О последних годах жизни тицинского епископа, а именно о периоде с лета 517 г. по июль 521 г., нам, к сожалению, ничего не известно. В 519 г. состоялась очередная римская миссия в Константинополь, положившая конец Акакианской схизме, но Эннодий уже не упоминается среди участников этого посольства. Скончался Эннодий в 521 г., днем его поминовения является 17 июля.

После краткого знакомства с биографией Эннодия рассмотрим вопрос о том, как он позиционировал себя в литературных произведениях. Разумеется, первостепенный интерес в данном случае вызывают письма Эннодия, адресованные самым разным людям обоего пола, священнослужителям и мирянам. Но кроме эпистолярного наследия Эннодий, о чем уже было сказано вскользь, составил небольшое автобиографическое сочинение, когда-то названное издателем XVII века Ж. Сирмоном «Благодарением за свою жизнь» (*Eucharisticum de sua vita*), которое корrekтнее было бы назвать «Исповедью», тем более что влияние со стороны знаменитого текста Аврелия Августина на него более чем очевидно. Обнаруживается не только общая тональность обоих сочинений, но и использование Эннодием тем из «Исповеди» Августина (тема телесной болезни, приведшей к духовному выздоровлению, тема стремления к наслаждениям и славе в юношеские годы, отношений с молодой девушкой, раскаяния в ошибках молодости, в том числе раскаяния в любви к «победоносной болтливости») и непрямых цитат¹⁵.

Судя по всему, *Eucharisticum* было написано в 511 г.¹⁶, т.е. в период, когда Эннодий уже состоялся как литератор и служитель Церкви, и потому позволяет нам увидеть то отношение Эннодия к перипетиям собственной жизни, которое он стремился донести до читателя. Содержание *Eucharisticum* выстроено вокруг темы телесных страданий, посредством которых Бог ведет человека к исправлению. Эннодий показывает, что он, уже будучи диаконом, продолжал заниматься поэтическим творчеством, которое приносило ему наслаждение и славу, и удалялся от истинной мудрости к мнимой, в результате тяжело заболел и, не найдя спасения в земных средствах, обратился через мученика Вик-

¹⁴ Körpke 2006: 244.

¹⁵ Courcelle 1963: 214–217.

¹⁶ Vogel 1885: xxii; Rohr 1995: 7; Schröder 2007: 17–18.

тора с молитвой к Господу и пообещал никогда не расточать свой талант «на легкомысленное обсуждение мирских вопросов» (*Ennod.* Op. 438, 14–18). Тема болезни проходит красной нитью через все эпистолярное наследие Эннодия. По подсчетам С. Кеннелл, более чем в восьмидесяти письмах Эннодий говорит о состоянии здоровья, как своего, так и своих респондентов, что, по мнению американской исследовательницы, свидетельствует о физической немощи Эннодия¹⁷.

Если обратиться к посланиям Эннодия (большинство из них были написаны им еще до «Исповеди»), то перед читателем возникнет образ человека, избравшего путь смирения, стремящегося уйти от мирской суеты, оставить те ценности, к которым он стремился в молодости. Весной или летом 503 г. недавно ставший диаконом Эннодий, пишет послание арелатскому грамматiku Юлиану Померию, в котором среди прочего признает, что «род его занятий» требует теперь стремления к «простому учению» (*Ennod.* Op. 39, 5). Примерно в то же время он посылает ответное письмо к своему родственнику Флориану, в котором признается: «...давно уже случилось так, что любовь к молитве отдалила меня от фигур речи и я не могу быть в плену цветущих слов, поскольку голос служения зовет меня к стонам и мольбам» (*Ennod.* Op. 21, 4).

В послании к еще одному представителю рода Анициев, сенатору Олибрию, известному в ту пору оратору, который, как видно из содержания письма, направил Эннодию свое сочинение, где воспел победу Геркулеса над Антеем, медиоланский диакон отвечает:

«...сияет [в речи твоей] сформированное в школах красноречия ораторское искусство; умашенные маслом наук уста являют искусство декламации. Однако я признаю: я не хотел бы, чтобы меня донимало воспоминание об этом, как говорят, знаменитом сражении» (*Ennod.* Op. 13, 1–2).

Еще более определенно отказ Эннодия от практик прежней мирской жизни звучит в его письме к Маскатору:

«...церковное смирение отрицает то, что может цениться; не ищет великолепия речей тот, кто ценит молитву... я бегу от того, что ведет к славе; словно от порока, сторонюсь я того, что возвеличивает; я считаю грехом то, что меня поднимает и превозносит... Я не оправдываюсь, прикрывая словами истину, когда заявляю, что все, что принесли мне заботы о свободных искусствах, я уже оставил, и что в русле некогда полноводной реки течет теперь едва заметная струйка высохшего красноречия... вместо красноречия наступило молчание, вместо высокого нами ценится смиренное» (*Ennod.* Op. 95, 3–4).

Как пишет Б. Шрёдер, из целого ряда посланий Эннодия видно, во-первых, что с обретением духовного сана он считал себя вступившим в качественно новую жизнь, а во-вторых, что одной из главных своих добродетелей он провозглашал молчание, и именно *silentium* (безмолвие) выступало у него неотъемлемой частью *humilitas* (смирения)¹⁸.

Очевидно, говоря таким образом о себе, Эннодий подчеркивает свое стремление следовать некоему идеалу христианина и прежде всего

¹⁷ Kennell 2000: 126–127.

¹⁸ Schröder 2007: 68.

священнослужителя, и этот идеал связан с ценностями аскетической жизни, с уходом от мира. Но дело в том, что Эннодий оставил немалое количество текстов, в которых имплицитно выражает качественно иную и, по всей видимости, крайне близкую ему модель поведения священнослужителя. При изучении этой модели речь, прежде всего, должна идти о «Житии Епифания», самом объемном произведении Эннодия, в котором он дает свое видение пастырского служения. Внимательному читателю «Жития» очевидно, что со страниц этого произведения на него смотрит не столько духовный наставник, но прежде всего политик и дипломат, облаченный в епископский паллий¹⁹. Епифаний отправляется к императору Антемию представлять интересы лигурийской знати и Ридимера (*Ennod.* Op. 80, 54–55), затем к Эвриху Вестготскому с поручениями императора Юлия Непота (*Ennod.* Op. 80, 82), позже – по поручению Теодориха Амала в Бургундию к Гундобаду, чтобы выкупить пленных (*Ennod.* Op. 80, 136–141).

Самое важное, что Эннодий, повествуя о поездках и переговорах Епифания, последовательно изображает епископа Тицина оратором, для которого риторика служит главным средством достижения целей. «Житие» содержит целый ряд речей, вложенных в уста священнослужителя, и, как показывает их анализ, Епифаний владеет всеми традиционными приемами риторики (эпанафора, асидентон, оксюмороны, риторические вопросы, гиперболы и пр.)²⁰. Очевидно, что, с точки зрения Эннодия, епископское служение требует не только духовной силы, но и тех способностей и того опыта, которые характерны для служения гражданского. И в этом отношении Епифаний становится у Эннодия «символом подлинной *romanitas*»²¹. При этом мы не знаем, в какой степени Епифаний Эннодия оказывается тем самым Епифанием, которому пришлось в словесных баталиях добиваться примирения или милосердия в отношении пленных. Анализ текста показывает, что Эннодий не воспроизводит оригинальных речей, а создает их силой своего таланта. Можно предположить, что, изображая декламирующего Епифания, Эннодий показывает, каким бы он сам хотел выглядеть в подобных ситуациях, какие бы он приводил доводы, отстаивая выгодную для себя позицию. По существу, предлагая читателю Епифания, Эннодий во многом предлагает ему «воображаемого себя».

Действительно, в ряде писем Эннодий показывает уже себя самого защитником жителей своей провинции, действующим по поручению своего епископа. Он вполне оправдывает имя «воина Церкви» (*miles Ecclesiae*), которое однажды использовал в отношении себя (*Ennod.* Op. 11, 3). Так, в одном из своих посланий, адресованных квестору Фаусту, он просит этого придворного вмешаться в разрешение земельного спора, возникшего после смерти некоего Маврикелла, и встать на защиту

¹⁹ Gillett 2003: 148–149; 170.

²⁰ Cook 1942: 30.

²¹ Шкаренков 2008: 89.

лигурийцев, терпящих притеснения со стороны нечестивых людей (*Ennod.* Op. 33, 2). Чуть ранее он рассказывает тому же Фаусту историю о том, как принял под покровительство двух беглых рабов, подвергавшихся насилию со стороны господина (*Ennod.* Op. 11, 4). Спустя какое-то время он вновь обращается к квестору и просит у него защиты для некой слепой женщины, ставшей жертвой откупщика Мартина, и умоляет его заставить обидчика без промедления вернуть женщине раба, которого откупщик забрал у нее (*Ennod.* Op. 275, 2).

Стремление Эннодия быть в гуще событий отражается и в том, что центром жизни человека его круга, судя по письмам, выступает город, являющийся средоточием римской *civilitas*²². Мы не только не находим у Эннодия описаний вилл, подобных известным зарисовкам Сидония, видевшего в вилле важный идентифицирующий признак галло-римского аристократа эпохи варварских завоеваний²³, но даже какого-то упоминания о них. Если и сейчас жизнь Сидония в нашем сознании связана не только с *negotium* государственной службы и пастырского служения, но во многом с его *otium*, с пребыванием в Авитаке или с посещением вилл друзей, то социальный мир Эннодия, как мы увидим ниже, по большей части строится вокруг городов: Арелат, Медиолан, Тицин, Рим, Равенна, – именно в них сохраняются школы, где готовят риториков, именно в них живут основные респонденты Эннодия, занимающие те или иные гражданские должности или церковные посты. Предпочтение города виллам, как представляется, не только отражает реалии жизни Эннодия, с одной стороны, и Сидония, с другой, но и разное понимание ими, по выражению С. Мрачек, «эстетики существования» галло-римской элиты²⁴. Мы не знаем, действительно ли для Эннодия не было важным уединение для литературных занятий и живое общение с друзьями, но, судя по сохранившимся текстам, этот, идущий от Плиния Младшего, идеал *otium litteratum*, который мы встречаем у Сидония, оказывается вне поля внимания медиоланского диакона.

Апология активной жизни в миру еще громче звучит в тех сочинениях Эннодия, в которых он так или иначе касается аскетических практик. Так, в 508 г. он обратился с письмом к своей родственнице Аркотамии, жившей в Арелате. Как видно из послания, ее сын, чье имя Эннодий не называет, оставил мир и стал насельником Леринского монастыря, сама же Аркотамия продолжала жить в миру. Обращаясь к ней, Эннодий стремится сопоставить уход от мира и христианское служение в миру. Эннодий хвалит выбор, сделанный сыном Аркотамии в пользу монастыря, называет юношу «сиянием нашего рода», но при этом подчеркивает, что больше заслуживают похвалы те, кто одолевают мир (*saeculum*) в борьбе, а не бегут от мира: «Бегство от битвы обнаруживает страх... Проявление силы не слишком согласуется

²² Amory 1997: 116, 118–119.

²³ Mratschek 2020: 248.

²⁴ Mratschek 2020: 258.

с убежищем: избирать уединение – все равно что обнаруживать робость» (*Ennod.* Op. 319, 4). Цитированный отрывок ясно показывает, что аскетическая жизнь в монастыре, с точки зрения Эннодия, уступает деятельному служению в миру. В подобной апологии мирского служения можно, конечно, видеть простое заискивание Эннодия перед арелатской родственницей. Однако, как следует из этого же письма, Эннодий уверен, что долг аскета, удалившегося в монастырь, вернуться в мир. Он призывает родственницу, оставаясь в миру, продолжать свое сражение и выражает надежду, что и сын ее, леринский монах, вернется на «поле боя этого мира... зрелым [бойцом]» (*Ennod.* Op. 319, 6).

Конечно, можно вспомнить «Житие монаха Антония Леринского», написанное Эннодием в 506 г., то есть за пару лет до письма к Аркотамии, и обратить внимание на то, как Эннодий ставит жизнь в монастыре выше не только жизни мирян, но и отшельников²⁵. Но важным представляется не только то, что Эннодий пишет о монахе, но и в какую риторическую форму облачает свой рассказ. Уже в предисловии к «Житию» медиоланский диакон четко противопоставляет скоротечность земной жизни долговечности жизни в литературе. Для него очевидно, что риторика и литературное творчество открывает человеку, если его жизнь окажется достойной памяти потомков, путь к бессмертию в миру. Христианский постулат о бессмертии души, таким образом, дополняется у Эннодия идеей бессмертия в книгах: плоть усопшего, пишет он, уходит в землю, дух возносится к Создателю, а добродетель вверяется книгам (*Ennod.* Op. 240, 2). При этом второй вид бессмертия для него не менее значим; знакомство с рассказами о достойных людях способно подвигнуть читателя (слушателя) к добродетельной жизни (*Ennod.* Op. 240, 1–3). Таким образом, не безмолвие, а, напротив, звучащее или записанное слово гарантирует уважение потомков и поддерживает, как видно из «Жития Елифания», социальный порядок. Одним из генераторов этого слова и оказывается Эннодий.

Не только поддерживая эпистолярное общение, в чем не было ничего удивительного для позднеантичного римского аристократа, но также намеренно сохранив свои письма, Эннодий, безусловно, заботился о своем «бессмертии» и думал о том, каким он предстанет в глазах современников и потомков. Если проанализировать послания Эннодия, цель их написания, адресатов и содержание, то перед нами предстанет медиоланский диакон, обремененный множеством забот, вовлеченный в социальную, внутрицерковную и политическую жизнь Италии и Южной Галлии начала VI века и в целом реализующий модель священнослужителя, ведущего деятельную жизнь, что было вообще характерно для того времени, когда ряды клириков пополнялись выходцами из аристократии²⁶.

²⁵ Bartlett 2001: 206.

²⁶ Манукян 2020: 58–59.

Прежде всего, Эннодий оказывается центром сложной коммуникационной сети, значимой частью которой является круг его родственников. Не забывая о своем аристократическом происхождении, Эннодий внимательно следит за тем, чтобы не было ущерба интересам его семейного клана. В письме к своему родственнику и в то же время квестору дворца Фаусту он извещает своего адресата о том, что некий Ториса пытается отнять у Лупицина, племянника Эннодия, имущество матери. Эннодий уже апеллировал к комиту Танкиле, но тот, ссылаясь на то, что решить этот вопрос у короля трудно, бездействует, чем и вызвано обращение к самому квестору (*Ennod. Op.* 60, 1–2).

Эннодий всеми силами поддерживает стремление своих сестер дать их детям грамматическое образование и выступает покровителем молодых отпрысков своей семьи на этом поприще. Самой показательной в этой связи является, конечно, история Парфения, которого Эннодия принял в Медиолане, отдал на обучение грамматике Девтерию, после чего отправил за риторическим образованием в Рим, сопроводив пятью рекомендательными письмами, в том числе к папе Симмаху²⁷. Еще до Парфения он принял в Медиолане другого своего племянника Лупицина, сына Евпрепии, направив его в школу Девтерия (*Ennod. Op.* 60, 1). Позже он помог своей родственнице Камелле, взяв на себя заботы об обучении ее сына свободным искусствам (*Ennod. Op.* 457, 4–5).

Эннодий искренне радуется успехам своих родственников, видя в них сохранение семейных традиций и даже восстановление былого величия фамильного клана. В настоящий панегирик он превращает письмо к упомянутому Фаусту, в котором славит Авиена, своего племянника и сына Фауста, в связи с получением им консульства (*Ennod. Op.* 9). Несколько лет спустя он не забывает указать на родственные узы, связывающие его и Боэция, обращаясь к последнему с поздравлениями по сходному поводу, когда и Боэций стал консулом, и даже признается, что благодаря общей с Боэцием крови и его самого «достигла частичка консульского звания» (*Ennod. Op.* 370, 5).

Но далеко не только семьей ограничивался круг эпистолярного общения Эннодия. По словам С. Жиоанни, социальные амбиции Эннодия заставляли его поддерживать переписку с самыми влиятельными людьми своего времени, он претендует на центральное место в эпистолярном общении элит, часто выступая инициатором этих отношений²⁸. Действительно, несмотря на эксплицитно выраженное Эннодием стремление хранить молчание и удалиться от мирской суеты, он боится упустить из рук нити переписки. Так, в письме своему другу Агапиту, достигшему какого-то высокого звания (Эннодий не уточняет, о чем речь), он сетует на то, что не из письма друга, а лишь благодаря слухам узнал о преуспевании своего адресата: «Я обязан Богу, что, несмотря на

²⁷ См. Тюленев 2017.

²⁸ Gioanni 2006: xxxiii.

твое молчание, первым в Лигурии узнал о твоих успехах» (*Ennod.* Ор. 18, 3). Позже в письме к Иоанну он негодует, что не первым получил известие о возвращении друга: «разве я мог когда-то поверить, что кто-то другой получит известие о вашем возвращении прежде меня?» (*Ennod.* Ор. 55, 1). Более того, безмолвие, еще недавно считавшееся у Эннодия добродетелью, вменяется в вину Парфению: «Безмолвие, – пишет он ему, пеняя за отсутствие писем, – обнаруживает невежество» (*Ennod.* Ор. 247, 1).

В числе адресатов Эннодия, как уже упоминалось выше, можно без труда встретить первых лиц равеннского двора, римского сената и Церкви. Один только квестор дворца Фауст получил от него более пятидесяти писем, чуть менее десяти писем было адресовано папе Симмаху, семь – будущему папе, а в момент переписки еще диакону Гормизду, столько же Северину Боэцию, шесть – патрицию Либерию, когда-то префекту претория Италии, а с 511 г. – префекту претория Галлии.

Безусловно, самая яркая история, позволившая Эннодию проявить себя и в политической, и в церковной истории, связана с так называемой Лаврентиевской схизмой, в ходе которой Эннодий выступил на стороне Симмаха. Он не только написал «Книжицу против тех, кто дерзнули писать против синода» (*Libellus adversus eos, qui contra synodum scribere praesumpserunt*), в которой доказывал законность решений собора 502 г., избравшего Симмаха епископом Рима, но и выступил посредником в решении деликатного вопроса, а именно в передаче денег в Равенну, чтобы склонить чашу весов в нужную сторону. В своем письме Луминозу, советнику Симмаха, он напоминает о денежном долге папы перед Лаврентием Медиоланским и просит его о помощи в возврате средств, которые в свое время епископ Лаврентий во благо апостольского престола передал через Эннодия (*Ennod.* Ор. 283, 2). Из другого письма Луминозу мы узнаем, что сумма, переданная неким влиятельным лицам в Равенне (чьи имена Эннодий, как он сам признает, не решается упоминать в письме), составила более 400 солидов (*Ennod.* Ор. 77, 3). Очевидно, что Эннодий, поддерживая папу, действовал от лица своего духовного патрона епископа медиоланского Лаврентия. Но он далеко не всегда вспоминает об этом, именно себя показывая важнейшей фигурой в разрешении вопросов, касающихся отношений Симмаха и сторонников Лаврентия. Так, при чтении писем Симмаху и патрицию Либерию создается впечатление, что именно благодаря деятельному участию Эннодия аквилейская кафедра перешла от Марцеллиана, ярого сторонника Лаврентия, к Марцеллину, стороннику законного папы (*Ennod.* Ор. 166; Ор. 174)²⁹. Эннодий не только демонстрирует, что решает внутрицерковные вопросы, но показывает свое участие в судьбе отдельных пастырей, вмешиваясь в большую политику. В 513 г. на суд к королю Теодориху был вызван из Галлии епископ аре-

²⁹ Kōpke 2006: 297; Gioanni 2006: xxx.

латский Цезарий, обвиненный в незаконном распоряжении церковной землей³⁰. Согласно житию этого святого, дело разрешилось вполне благополучно, епископу удалось произвести должное впечатление на короля остготов. Но, если читать письмо Эннодия, адресованное Цезарию, то все указывает на то, что медиоланский диакон напрямую причастен к оправданию арелатского иерея (*Ennod.* Op. 461, 1–2).

Со всей определенностью о своей причастности к политической элите Италии Эннодий говорит также в конце дидактического послания двум молодым аристократам Амвросию и Беату, когда рекомендует им не ограничиваться изучением свободных искусств в школах, но познакомиться с первыми лицами Рима. Письмо завершается перечислением целого ряда представителей римского нобилитета, в том числе сенаторов Квинта Аврелия Симмаха, Петрония Пробина, Флавия Цегета, Северина Боэция, Флавия Агапита (*Ennod.* Op. 452, 18–25). Разумеется, уже то, что послание это стало ответом на просьбу молодых людей дать им необходимые для обучения советы, свидетельствует об авторитете Эннодия как ратора, но именно концовкой своего письма он показывает свое место в этой элите и республике образованных людей.

Самая известная часть упомянутого послания посвящена характеристике риторики и определению ее места в системе наук. Именно здесь Эннодий произносит слова о всемогуществе риторического искусства, которое правит миром (*Ennod.* Op. 452, 14–17). Сопричастность риторике становится для Эннодия важнейшим идентифицирующим признаком римлянина. Именно за тем он направляет своего племянника Парфения в Рим изучать риторику, чтобы тот «явил себя римлянином» (*Ennod.* Op. 228, 2). Словесную победу епископа Епифания над королем вестготов Эврихом он подает как победу римлянина над германцем, который оказался неспособен железными доспехами защитить себя от «дротиков» языка своего оппонента (*Ennod.* Op. 80, 90)³¹. Люди, удостоенные у Эннодия похвалы, в первую очередь являются образцами латинского красноречия (*Ennod.* Op. 9, 10; 12, 2; 370, 4). Ставя ораторское искусство выше любого другого, Эннодий не только повторяет этот довольно популярный для своего времени тезис³², но и максимально возносит ту деятельность, с которой прежде всего идентифицирует себя. Он, «воин Церкви», сражается исключительно посредством слова, понимаемого, что немаловажно, в традиционном для римской секулярной культуры ключе. Как Епифаний, описанный им, не характеризуется в качестве проповедника, так и он сам не оставил для потомков ни одной своей проповеди. Зато в панегирике

³⁰ Klingshirn 2014: 127–129.

³¹ Тюленев 2021: 158.

³² Сходные идеи можно обнаружить в «Вариях» Кассиодора, то есть чуть ли не через четверть века после упомянутых трудов Эннодия: «ибо настолько мы чтим риторику среди прочих искусств, что считаем ее украшением всех наук» (*Cassiod.* Var. X, 6, 3).

Теодориху Эннодий вполне определенно называет себя оратором, посланным королем Церковью (*Ennod. Op.* 80, 77), соединяя, таким образом, два варианта самоидентичности: служителя Церкви и ратора.

Взяв на себя труд составить панегирик королю, Эннодий не только подчеркивает свою сопричастность большой политике, но и показывает себя сторонником тех перемен, которые произошли в Италии с 90-х годов V в. И в этом отношении его позиция зримо отличается от позиции Сидония Аполлинария, который воспринимал себя как часть стремительно исчезающего, «стареющего мира» (*tundus iam senescens, Sidon. Ep.* VIII, 6, 3)³³. Для Эннодия, также видевшего старение мира, с приходом Теодориха в Италию наступает подлинное возрождение; на глазах у читателя (или слушателя) панегирика Рим буквально омолаживается: «Вижу я, как неожиданно восстала из пепла краса городов и повсюду в многолюдных городах заблистали дворцы. Вижу я возведенные здания, не успев заметить, как они стали сооружаться. И сама мать городов – Рим *омолаживается*, отбрасывая одряхлевшие от старости члены» (*Ennod. Op.* 263, 56; курсив в цитатах наш. – В. Т.). Еще раньше в панегирике Эннодий прямо говорит, что Теодориха «призвал Рим, господин мира, для *восстановления* своего положения» (*Ennod. Op.* 263, 30); Теодорих спешит в Италию, «чтобы сияние римской курии, уже давно *застланное мраком, воссияло* без задержки» (*Ennod. Op.* 263, 22). Эннодий славит Теодориха за мир, который обрели жители Апеннин после свержения Одоакра, за восстановление итальянских городов и гражданских порядков внутри их, за возрождение римского государства, являвшегося сосредоточием права, благочестия и традиций³⁴, за ту высокую роль, которую после некоторого забвения стала играть риторика при Теодорихе Великом. Поскольку сам текст панегирика доступен читателю, в том числе в русском переводе, и довольно хорошо изучен, ограничимся уже сделанным однажды П. П. Шкаренковым выводом. Сделан он, правда, в отношении «Жития Епифания», но его вполне можно распространить и шире, сказав, что не только в агиографическом сочинении, но и панегирике Эннодий стремится «оказать поддержку новому порядку вещей на Западе»³⁵.

Комплекс сочинений Эннодия достаточно велик, чтобы в рамках одной статьи рассмотреть все способы его самопрезентации. Конечно, можно было обратить внимание также на то, что, родившийся в галльском Арелате, Эннодий всеми силами хочет сохранить связь с родиной и при этом показать себя подлинным римлянином. Письма Эннодия свидетельствуют о том, что в сознании их автора борются две идентичности. Он одновременно подчеркивает, что является выходцем из Галлии, – Арелат всегда в его сердце (*Ennod. Op.* 291, 2; 313, 2), там живут

³³ Mratschek 2020: 257.

³⁴ Amory 1997: 113.

³⁵ Шкаренков 2008: 88.

дорогие ему родственники (*Ennod.* Op. 461, 4), среди которых и «цитадель красноречия» Фирмин (*Ennod.* Op. 12, 2) – и в то же время римлянином, для которого удивительно, что живущий в Арелате Юлиан Померий, этот чужак (*extraneus*), пытается учить его красноречию (*Ennod.* Op. 39, 4). Но углубление в тему, связанную с южногалльской идентичностью Эннодия, неизбежно поставит вопрос о заявленном им позиции в религиозных спорах того времени между сторонниками августиновского учения о благодати, с одной стороны, и так называемого полупелагианства, поддержанного именно в Южной Галлии, с другой. Но этому вопросу, пожалуй, есть смысл посвятить отдельный разговор.

Если же, оставив этот вопрос в стороне, подвести некоторые итоги проведенного нами исследования, то можно прийти к следующим выводам. Самопрезентация строится Эннодием на использовании им применительно к себе ряда устойчивых социокультурных моделей. Во-первых, он служителем Церкви, следующий идеалу смирения и, одновременно, истовый, весьма деятельный защитник паствы, предпочитающий роль «политика от Церкви» роли «монаха». Именно как церковный политик он показывает себя сторонником партии Симмаха. Во-вторых, он римский аристократ, идентичность которого строится вокруг искусного владения латинским языком и риторикой. Эннодий постоянно демонстрирует свою приверженность социальным практикам, традиционно формирующим римскую элиту, прежде всего практике эпистолярного общения, чем мало отличается от Авсония, Сидония, Руриция и иных предшественников и старших современников. Как аристократ он обнаруживает себя хранителем семейных связей, видя в семье источник надежности и устойчивости в «неустойчивом мире». Наконец, в-третьих, он защитник нового порядка, установление которого связано с правлением Теодориха, короля, который преодолел политический и гражданский хаос, поддержал Симмаха и, самое важное, выступил поборником римских ценностей.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Манукян Э.М. «Из тоги в мантию»: способы и аспекты интеграции галло-римской аристократии в епископат в IV–VI веках // Вестник Ивановского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 57–68. [Manukyan E.M. «Iz togi v mantiyu»: sposoby i aspekty integracii gallo-rimskoj aristokratii v episkopat v IV–VI vekah // Vestnik Ivanovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2020. № 2. S. 57–68].
- Тюленев В.М. Семья и школа в Италии на рубеже V–VI вв. в свете отношений Эннодия и Парфения // Интеллигенция и мир. 2017. № 4. С. 9–18. [Tyulenev V.M. Sem'ya i shkola v Italii na rubezhe 5–6 vv. v svete otnoshenij Ennodiya i Parfeniya // Intelligenciya i mir. 2017. № 4. S. 9–18].
- Тюленев В.М. Эннодий: римский ритор в эпоху риторического поворота (к 1500-летию со дня смерти) // Средние века. 2021. Вып. 82(1). С. 151–165. [Tyulenev V.M. Ennodij: rimskij ritor v epochu ritoricheskogo povorota (k 1500-letiyu so dnya smerti) // Srednie veka. 2021. 82(1). S. 151–165.].
- Шкаренков П.П. «Vita Eriphani» Эннодия: риторический дискурс и формирование символического образа власти в Остготской Италии // Вестник РРГУ № 12, 2008. С. 81–113. [Shkarenkov P.P. «Vita Eriphani» Ennodiya: ritoricheskij diskurs i formirovanie simbolicheskogo obraza vlasti v Ostgotskoj Italii // Vestnik RRGU № 12, 2008. S. 81–113].

- Amory P. *People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–554*. Cambridge: C.U.P., 1997. 547 p.
- Arnold J. J. *Theoderic, the Goths, and the Restoration of the Roman Empire* (Diss.) Michigan, 2008. 304 p.
- Bartlett R. *Aristocracy and Asceticism: The Letters of Ennodius and the Gallic and Italian Churches // Society and Culture in Late Antique Gaul: Revisiting the Sources* / Eds. R.W. Mathisen, D. Shanzer, Aldershot, 2001. P. 201–216.
- Cavriellatos A. *Preface // Self-Presentation and Identity in the Roman World* / Ed. by A. Cavriellatos. Cambridge Scholars Publishing, 2017. P. vii–xvi.
- Cook G.M. *Introduction // The Life of Saint Epiphanius by Ennodius* / Transl., introd. and comment. by G. M. Cook. Washington, 1942. 262 p.
- Courcelle P. *Les Confessions de saint Augustin dans la tradition littéraire*. Paris, 1963. 746 p.
- Ennodius M. F. *Opera* / Rec. F. Vogel // MGH Auct. ant. Bd. 7. Berlin, 1885. p. 420.
- Gillett A. *Envoys and Political Communication in the Late Antique West, 411–533*. Cambridge: University Press, 2003. 364 p.
- Gioanni S. *Introduction // Ennodius M.F. Lettres* / S. Gioanni (ed.). T. 1. P., 2006. P. vii–cxcviii.
- Kennell S. A. H. *Magnus Felix Ennodius: a gentleman of the church*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000. 256 p.
- Klingshirn W. E. *Caesarius of Arles: The Making of a Christian Community in Late Antique Gaul*. Cambridge University Press, 2014. 344 p.
- Köpke J. *Die italischen Bischöfe unter ostgotischer Herrschaft (490–552 n. Chr.)*. Prosopographische Untersuchungen zur Stellung des italienischen Episkopats zwischen Antike und Mittelalter. Hamburg, 2006. 422 S.
- Magani F. *Ennodio*. Pavia, 1886.
- Mratschek S. *Creating Culture and Presenting the Self in Sidonius // The Edinburgh companion to Sidonius Apollinaris* / Eds. C. Kelly and J. Van Waardan. Edinburgh, 2020. P. 237–260.
- Rohr Ch. *Der Theoderich-Panegyricus des Ennodius* // MGH. Studien und Texte. Bd. 12. Hannover, 1995. 309 S.
- Schröder B. *Bildung und Briefe im 6. Jahrhundert: Studien zum Mailänder Diakon Magnus Felix Ennodius*. Berlin, 2007. 399 S.
- Self-Presentation and Identity in the Roman World* / Ed. by A. Cavriellatos. Cambridge Scholars Publishing, 2017. xvi+273 p.
- Vogel F. *Introduction // Magni Felicis Ennodii Opera* / Rec. F. Vogel. MGH AA. Bd. 7. Berlin, 1885. S. i–xxviii.

Тюленев Владимир Михайлович, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет; tyulenev.vl@yandex.ru

Ennodius. Self-Presentation of the Late Antiquity Rhetor

The article considers the question of how Ennodius, a late antique rhetorician and clergyman, forms his own image in his works and presents it to the reader. Particularly, it is shown that he as hard as possible seeks to convince his audience that the creation of his spiritual dignity opened for him a new stage of life, the ideal of which was humility and "silence". At the same time, the work of Ennodius convinces that he seeks to show himself as an active person, caring about the inhabitant of his province, about his family, a person who has become the center of a communication network which includes the leaders of the Ostrogothic kingdom and the Roman Church.

Keywords: Ennodius, self-presentation, identity, Late Antiquity, rhetorical, elites, epistolary communication.

Tyulenev Vladimir, Dr. Sc. (History), Professor of the Department of General History and International Relations in Ivanovo State University; tyulenev.vl@yandex.ru

ДОБРАЯ ВЕСТЬ ДЛЯ КОРОЛЯ: ЛИУТПРАНД КРЕМОНСКИЙ О СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЛАСТИ ОТТОНА I¹

В статье подробно рассматривается один из эпизодов исторического сочинения Лиутпранда Кремонского «Антаподосис» – сцена получения государем Восточно-Франкского королевства Оттоном I известия о гибели мятежных герцогов Эберхарда и Гизельберта в битве при Андернахе 939 г. Историограф представил этот эпизод в качестве своего рода публичного символического акта, включающего диалог короля с посланцем и молитву государя под открытым небом. Лиутпранд «сконструировал» сцену по своему усмотрению, вводя в повествование различные детали, позволяющие представить Оттона I в качестве высокообразованного государя, пользующегося поддержкой народа и имеющего особую мистическую связь с Богом. При этом историограф, по-видимому, не столько ориентировался на вкусы своего покровителя, сколько сам стремился привить ему вкус к «правильной» репрезентации власти, ориентируясь на собственную систему ценностей.

Ключевые слова: *Лиутпранд Кремонский, Оттон I, Эберхард Франконский, Гизельберт Лотарингский, публичная символическая репрезентация власти.*

Учёные мужи раннесредневекового Латинского Запада, входившие в ближайшее окружение государей, воспевавшие своих покровителей в исторических сочинениях, представлявшие их как посланцы при переговорах с другими властителями и участвовавшие в составлении официальных документов от имени правителей, нередко представляются историками лишь в качестве героев второго плана, если не статистов. Даже в наиболее ярких из них долгое время было принято видеть прежде всего исполнителей заказа, исходявшего от государя или влиятельных представителей высшей знати².

Такой подход подразумевал, что исследования деятельности лояльных интеллектуалов, строивших карьеру при дворе, подобные блестящему труду Й. Флекенштейна о придворной капелле Каролингской и Оттоновской эпох³, проливают свет в первую очередь на инструментарий технической реализации замыслов «сильных мира сего». Однако важно помнить, что во многих случаях и сами раннесредневековые правители, и другие первостепенные политические игроки, происходившие из «варварской» германской среды и совсем недавно занявшие

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-29-07549\19 «Человеческий капитал Средневековья: типология, структуры, стратегии приращения (Западная Европа, Византия, Ближний Восток)». Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-29-07549\19. “Human capital of the Middle Ages: typology, structures, strategies of its increment (Western Europe, Byzantium, Middle East)”.

² Следует оговориться, что во многих случаях подобный подход по-прежнему оказывается вполне плодотворным. В качестве примеров можно привести сравнительно недавние работы по сочинениям Лиутпранда таких исследователей, как П. Кьеца или Г. Мэйр-Хартинг: Chiesa 1999: 85–102; Mayr-Harting 2001: 539 – 556.

³ Fleckenstein 1966.

столь высокое положение, имели очень смутное представление, как вести политическую деятельность в масштабах Европы и даже всей средиземноморской «ойкумены». Соответственно, с их стороны существовал запрос не только на исполнителей поручений, но и на наставников, способных показать, как правителю надлежит действовать и подавать свой образ, чтобы достойно выглядеть на международной арене.

Предлагаем оценить именно с этой точки зрения важность сообщества придворных интеллектуалов как «человеческого капитала» в распоряжении раннесредневекового государя. В статье мы рассмотрим, как учёный муж мог пытаться «наставлять» властителя, на примере Лиутпранда Кремонского (ок. 920–972/3) – исключительно яркого и высокоодарённого историка и дипломата эпохи германского государя Оттона I (король Восточно-Франкского королевства в 936–973, Римский император в 962–973) из рода Людольфингов (именуется также династией Оттонов, Саксонской династией)⁴.

В фокусе нашего внимания будет то, как Лиутпранд стремился «воспитать вкус» Оттона I и его окружения в отношении подходов к репрезентации власти; судить об этом можно, в том числе, основываясь на свидетельствах о политических ритуалах и иных актах публичной символической коммуникации⁵, приводимых в масштабном историческом сочинении Лиутпранда «Антаподосис» (958–962)⁶. Как неоднократно было показано исследователями, такие свидетельства у этого автора (как и у многих его современников) очень часто являлись не столько описаниями реальных сцен, сколько конструктами, созданными им самим⁷. Почему же он считал необходимым по-своему представлять подобные сцены? Как нам кажется, одной из причин могло быть то, что Лиутпранд полагал себя человеком, хорошо осведомлённым о надлежащем ходе «правильно» организованного политического церемониала, и считал возможным транслировать свои представления в тексте «Антаподосиса», при этом нередко «корректируя» реальность.

Какие основания были у Лиутпранда считать себя сведущим в этом вопросе? Выходец из лангобардской знати, он начал свою карьеру при оттоновском дворе в 950-х гг. после того как был вынужден бежать из Италии из-за конфликта с королём Беренгаром II (950–964, фактически правитель с 945). Но уже с юных лет он пребывал в окружении предыдущего итальянского властителя Гуго Арльского (926–945) и, надо по-

⁴ Основная биографическая информация: Ануфриева 2015: 300–302; Chiesa 2005: 298–303.

⁵ Понятие «символической коммуникации» введено немецким историком Г. Альтхофом: Althoff 1997: 373.

⁶ Liutprandi Cremonensis Antapodosis 1998: 3–150. Далее текст источников будет представлен в переводе автора статьи, выполненном с латинского оригинала поскольку существующее русскоязычное издание сочинений Лиутпранда в переводе И.В. Дьяконова (Лиутпранд 2012) содержит множество существенных неточностей.

⁷ См. напр.: Lintzel 1961: 240–260; Вус 2001: 15–50; Ануфриева 2016: 374–384.

лагать, прекрасно знал придворную жизнь в Павии – важнейшем политическом центре в Северной Италии той поры, постоянно вовлечённом в общеевропейские политические игры. Кроме того, Лиутпранд обладал особенно редким и ценным опытом для европейского царедворца своего времени: в 949–950 гг. совсем молодым он был отправлен в качестве посла от короля Гуго в Константинополь, ко двору Константина VII Багрянородного (913–920; 945–959), где имел возможность лицезреть, пожалуй, наиболее пышный и торжественный дворцовый церемониал в средиземноморской ойкумене той эпохи⁸. Многого было ему известно о византийских практиках репрезентации власти и по рассказам членов семьи – отца и отчима, которые побывали послами в столице империи ромеев до Лиутпранда и передали ему свои знания и впечатления⁹.

Свою опытность и утончённую образованность, а значит, способность быть полезным новому покровителю, историограф и стремился продемонстрировать в «Антаподосисе», чтобы завоевать достойное положение в окружении Оттона I. Судя по дальнейшим событиям, попытка зарекомендовать себя вполне удалась: Лиутпранду довелось сопровождать германского государя в Итальянском походе 961–965 гг., исполнять ответственные поручения, связанные с переговорами Оттона I с папами, светскими итальянскими властителями и византийцами¹⁰. В немецкие земли он бежал в сане диакона, а при покровительстве Оттона I сразу же стал в Италии епископом – хоть и в не самом влиятельном кременском диоцезе.

У нас нет сведений о том, был ли Лиутпранд непосредственно причастным к подготовке тех или иных публичных актов репрезентации власти Оттона I во время его похода по Италии. Однако на многих из них историограф мог, по меньшей мере, присутствовать лично, о чём позволяют судить его собственные свидетельства в сочинении «История Оттона»¹¹. Но уже и в немецких землях, в первые годы после своего бегства из Италии, в период работы над «Антаподосисом», самым ранним из его сохранившихся сочинений, бывший павийский диакон имел немало возможностей наблюдать за обычаями местного двора.

Описание разного рода публичных символических актов в произведениях Лиутпранда многочисленны, однако далеко не во всех случаях они основаны на его личных наблюдениях. В некоторых эпизодах

⁸ Об особом внимании к сфере публичной символической репрезентации власти в эпоху этого государя, выразившемся, в частности, в том, что именно при Константине VII были скомпилированы в т.н. «Книге церемоний» свидетельства о византийском церемониале прошлого и текущего периода см. напр.: Treitinger 1958: 3–6.

⁹ Эти миссии датируются, соответственно, 917 г. и 941 г.; свидетельства Лиутпранда о них: Liutprandi Cremonensis Antapodosis 1998: III, 22–24: 76–77; V, 14–15: 130–132). Здесь и далее при указании ссылок на источники, имеющие деление на книги и/или главы, помимо года издания и страниц используемого издания, римскими цифрами указывается номер книги, а арабскими – главы.

¹⁰ Sutherland 1988: 77–112; Ануфриева 2015: 300 – 301.

¹¹ Liutprandi Cremonensis Historia Ottonis 1998: 7: 172 – 173, 9: 174, 11: 176.

действительно упоминаются сцены, свидетелем которых он был, и отдельные подлинные детали, обратившие на себя его внимание. Но подчас описание сцены во дворце германского властителя историограф мог заменить, подходящей цитатой из античных классиков или более близких по времени предшественников, или собственными фантазиями¹².

Король получает известие о гибели мятежников

В данной статье будет рассмотрен один из эпизодов «Антаподосиса», связанный с событиями, совершившимися задолго до прибытия Лиутпранда к двору Оттона I, а именно – с завершением герцогского заговора против короля в 939 г. Здесь мы встречаем характерный для Лиутпранда приём «конструирования» выразительного и подробного описания публичной сцены, свидетелем которой он быть никак не мог. При этом автор, на наш взгляд, сумел выразить в данном эпизоде множество различных, подчас кажущихся почти несовместимыми, оттенков образа Оттона I как государя, способного идеально выстроить акт репрезентации собственной власти.

В 938–939 г. разгорелся ожесточённый военный конфликт короля, недавно взошедшего на престол, с его братьями Тангмаром († 938) и Генрихом († 955), а также герцогами Эберхардом Франконским (918–939) и Гизельбертом Лотарингским (925 или 928–939). Тангмар был старшим братом Оттона, отстранённым от наследования сыном от первого брака короля Генриха I (919–936), и был убит в первый год герцогского выступления. Как и он, альтернативным наследником престола мог считаться также и младший брат Оттона, Генрих. Герцог Франконии Эберхард являлся братом Конрада I, занимавшего трон Восточно-Франкского королевства ещё до правителей из Саксонской династии, а значит, и он имел определённые основания оспаривать права Оттона I на корону. Лотарингия же была лишь в 925 г. включена в состав королевства Людольфингов, в то время как прежде местные властители стремились самостоятельно править своими землями и умело лавировали, заключая союзы то с одним, то с другим могущественным соседом; Гизельберт вполне мог рассматривать начало правления молодого восточнофранкского короля как удобный момент для восстановления прежнего влияния в своих землях¹³.

Это масштабное выступление влиятельных представителей германской знати представляло огромную угрозу власти Оттона I, стало для него важнейшим испытанием в начале правления. Внимание этим событиям уделили многие из оттоновских историографов, несмотря на то, что свои сочинения они создавали уже десятилетия спустя, в 950–970-х гг.¹⁴ Не оказался исключением и Лиутпранд: он подробно описал ход герцогского выступления в четвёртой книге «Антаподосиса»; при

¹² См. напр.: Ануфриева 2016: 138–156, 182–201; Вис 2004: 151 – 178.

¹³ Ануфриева 2019: 548; Becher 2012: 110 – 139; Laudage 2001: 110 – 126.

¹⁴ Adalberti 1890: 160–161. Widukindi 1935: I, 25: 32–33; II, 11–13: 63 – 66; II, 15–19: 67–71; II, 22–29: 73–77. Hrotsvithae 2001: 281 – 286.

этом, в качестве главных его зачинщиков представил не братьев короля, а Эберхарда и Гизельберта¹⁵.

Сцена, которую рассмотрим далее, знаменует в «Антаподосисе» фактическое завершение противостояния и победу Оттона I. 2 октября 939 г. близ Андернаха герцоги Франконии и Лотарингии столкнулись с войсками сторонников Оттона I, Эберхард был убит в сражении, а Гизельберт погиб в водах Рейна¹⁶. Сам Оттон I участия в этих событиях не принимал, однако Лиутпранд счёл нужным вставить в своё сочинение развёрнутое описание момента, когда государь получил известие о кончине обоих мятежников, причём представил его в качестве выразительного публичного акта. Приведём данный эпизод целиком.

«Случилось так, что [Оттон I] ранним утром сел на коня, поскольку церковь находилась в отдалении, и, как то было у него в обыкновении, направился к ней, чтобы укрепить себя молитвами, как вдруг, взглядевшись вдаль, увидел, что навстречу ему с чрезмерной поспешностью движется человек, и сразу же понял, что это – посланец. И поскольку прибывший нёс хорошие известия, то, как только увидел короля, заранее с ликованием показал, что сообщит нечто радостное. Присутствующие поняли по этому знаку, какого рода известие он принёс, и, наострив уши, сбежались, чтобы его услышать. Его спокойное приближение, приведение в порядок волос и облачений, степенное приветствие для них было длиной в год. Король увидел, что народ изнемогает и с трудом переносит, что посол медлит с сообщением. «Делай», - сказал [король] – «то, что ты был послан сделать, отбрось установленный ранее порядок, развеяв страх стоящих вокруг и исполни их души радостью; а уж затем услади нас длинными экскурсами и вступительными приветствиями риторов. Нынешнее время ожидает не как, а что ты скажешь: ибо мы желаем скорее радоваться в сельской простоте, чем страшиться с туллиевым остроумием». Услышав это, [посланец] сначала известил, что Эберхард и Гизельберт погибли, и, когда он хотел далее рассказать о том, как это случилось, король движением руки прервал его и тотчас же сошёл с коня и предался молитве, со слезами воздавая благодарность Богу. Совершив это, он поднялся и продолжил начатый путь к церкви, чтобы предать себя Богу»¹⁷.

¹⁵ Liutprandi Cremonensis Antapodosis 1998: IV, 18–35: 107–121.

¹⁶ Ibid.: IV, 29: 118–119.

¹⁷ Ibid.: IV, 30: 119–120. “Accidit itaque, ut, quemadmodum ei moris erat, mane primo, quoniam ecclesia longe aberat, super equum conscenderet eoque se munitum orationibus iret, cum directis procul obtutibus obviare sibi nimia celeritate hominem vidit, quem ilico nuntium esse intellexit. Et quia is, qui venerat, prospera nuntiabat, mox ut regem vidit, subsecuturam laeticiam quodam proludivo hilaritatis ostendit. Hoc igitur inditio quia secunda eum, qui aderant, nuntiare intellegunt, arrectis auribus, ut eum audiant, currunt. Quibus moderata huius processio, capillorum ac vestium compositio, honesta salutatio annus erat. Vidit rex populum anhelare et, quod dicendi moram nuntius faceret, graviter ferre. 'Age', ait, 'ad quod missus es fare, praeposterato ordine rem prius inice, circumstantium metus adime eorumque animos gaudio exple; dehinc per longa exorsa et rhetorum prohoemia salutationibus nos demulce. Non qualiter, sed quid dicas, praesens tempus expectat: malum enim rusticana simplicitate laetari quam Tulliana facetia periclitari'. His auditis Heverardum atque Gislebertum hominem exutos esse primo impetu nuntiavit, volentemque, qualiter hoc acciderit, prosequi rex manu compescuit ac mox de equo descendit seseque cum lacrimis Deo gratia agens in orationem dedit. Qua expleta surrexit atque itinere, quo coeperat, Deo se commendaturum ad ecclesiam tendit”.

Такого рода развёрнутого описания сцены получения известия о гибели двух герцогов не приводит ни один из оттоновских историографов помимо Лиутпранда. Наиболее близкую параллель можно обнаружить в сочинении «Деяния саксов» Видукинда Корвейского (ок. 925–980), созданном десятилетием позднее «Антаподосиса» (967/8–973). Однако Видукинд уделил значительно больше внимания описанию подробностей боевого столкновения, в котором погибли герцоги¹⁸, и лишь в одной краткой фразе упомянул о получении королём известия об их смерти: «Король же, услышав о победе своих воинов и о смерти герцогов, воздал благодарности всемогущему Богу, чью своевременную помощь он часто получал»¹⁹. В этом лаконичном сообщении саксонский историограф вновь напомнил о вкладе в победу воинов короля (т.е. представителей знати, руководивших войском) и в довершение сказал о значимости Божьей помощи; представлять в лицах саму сцену объявления вести о победе он не счёл необходимым.

На первый взгляд, подробное описание встречи с посланцем у Лиутпранда может показаться избыточным, поскольку историограф лишь повторяет уже приведённое выше известие. Но важнейшее значение для историка-лангобарда здесь играет именно символическое обрамление, публичный диалог государя и гонца и последующая молитва государя, не описанные у Видукинда. Оттон I в этом эпизоде даже выступает в качестве своего рода «распорядителя» символического акта, лично отдавая посланцу указания, как следует изменить предусмотренный порядок действий. Это и даёт нам уникальную возможность проанализировать, какие качества Лиутпранд счёл важными для идеального государя в контексте выстраивания публичной репрезентации власти.

Знание «установленного порядка»

Несмотря на то, что речь в рассматриваемом эпизоде идёт о формальном нарушении установленного порядка приёма посланца государем, Лиутпранд ясно даёт понять, что Оттон I прекрасно осведомлён о надлежащем ходе этой процедуры. Отказ от соблюдения протокола представляется столь существенным символическим жестом как раз потому, что государь в полной мере осознаёт значимость привычного церемониала и высоко ценит риторические красоты.

«Отбрось установленный ранее порядок»²⁰, - приказывает посланцу государь, и из предшествующего описания и дальнейших его слов видно, о каком именно «установленном ранее порядке» идёт речь. С одной стороны, имеется в виду надлежащая внешняя пышность и церемониальная размеренность, неторопливость – «спокойное приближение, приведение в порядок волос и облачений, степенное приветствие»²¹.

¹⁸ Widukindi 1935: II, 26: 75–76.

¹⁹ Ibid.: II, 26: 76. “Rex autem audita victoria suorum militum ac morte ducum gratias egit omnipotenti Deo, cuius saepius auxilium expertus est oportunitum”.

²⁰ Liutprandi Cremonensis Antapodosis 1998: IV, 30: 119: “[...] praeposterato ordine rem prius inice [...]”.

²¹ Ibid.: “moderata huius processio, capillorum ac vestium compositio, honesta salutatio”.

В то же время, государь умеет ценить не только внешнюю торжественность, но и великолепие риторического обрамления речи. Он позволяет опустить «вступительные приветствия риторов» и «длинный экскурс», сразу переходя к существу дела, т.е. считает эти элементы чрезвычайно значимыми в иной ситуации, и, более того, способен «улаживаться» ими. Здесь Лиутпранд фактически ещё и приписывает Отгону знание античных канонов построения речи, неотъемлемыми элементами в котором являлись, согласно Квинтилиану (ок. 35 – ок. 96 гг.), в том числе вступление (*proemium*) и отступление, или экскурс (*excursio*)²². Автор «Антаподосиса» обозначает вступление тем же латинским словом, что употреблено в “*Institutio oratoria*” Квинтилиана, а экскурс – очень близким к нему (*exorsa*).

Во фразе «мы желаем скорее радоваться в сельской простоте, чем страшиться с туллиевым остроумием»²³, как нам представляется, Лиутпранд устами Отгона ведёт речь прежде всего о том, что в данной ситуации содержание куда существеннее формы. При этом подразумевается, что «туллиевое остроумие» с точки зрения формы предпочтительнее «сельской простоты», но всё же им можно пожертвовать ради того, чтобы «радоваться», а не «страшиться». В этом наша интерпретация противоречит, скажем, опубликованному русскоязычному переводу «Антаподосиса» И.В. Дьяконовым. В его варианте слова Лиутпранда переданы таким образом: «нам более по сердцу радоваться сельской простоте, чем томиться изяществом Туллия»²⁴, т.е. дело представлено так, будто «радует» государя именно формальная простота, а «утомляет» изящество Цицерона. На наш взгляд, противопоставляются именно радость, заключённая в известии, которую даже простота изложения не может обесценить, и страх ожидания, делающий слушателей невосприимчивыми к любым риторическим красотам.

Аргументом в пользу нашей интерпретации может, в частности, служить вступительный пассаж к первой книге «Антаподосиса», где Лиутпранд противопоставляет «чтение остроумного Туллия» «таким пустякам», как его собственное сочинение²⁵. Не претендуя на соперничество с великим мастером слова, Лиутпранд всё же берётся за перо, чтобы поведать о великих событиях своей эпохи. Таким образом, здесь речь снова идёт о первостепенной важности содержания, ради которого допустимо пожертвовать формальным изяществом.

²² Ср. М. Fabi Quintiliani 1854: II, 13: 82.

²³ Liutprandi Cremonensis Antapodosis 1998: IV, 30: 119–120. “[...] malumus enim rusticana simplicitate laetari quam Tulliana facetia periclitari”.

²⁴ Лиутпранд 2012: IV, 30: 89.

²⁵ Liutprandi Cremonensis Antapodosis 1998: I, 1: 5. “Quod si perplexa faceti Tullii lectione fatigantur, talibus saltem nenis animentur. Nam, ni fallor, sicut obtutus, nisi alieuius interpositione substantiae, solis radiis reverberatus obtunditur, ne pure, ut est, videatur, ita plane mens achademicorum, peripatheticorum stoicorumque doctrinarum iugi meditatione infirmatur, si non aut utili comoediarum risu aut heroum delectabili historia refocilatur”.

Само по себе «туллиево остроумие» явно ценится самим Лиутпрандом очень высоко²⁶. Ту же точку зрения историограф приписывает и Оттону I, представляя его не только хорошо осведомлённым в вопросах протокола, но и утончённым ценителем риторических красот. Более того, король и сам оказывается способен экспромтом произнести прекрасно построенную речь. Здесь, как и в ряде иных эпизодов своих исторических сочинений, Лиутпранд, один из ярчайших стилистов на Латинском Западе той эпохи, вкладывает в уста государя самые изящные формулировки. Парадоксально, что в результате, приказывая посланцу не тратить время на риторику, сам Оттон I выступает в качестве искусного оратора и аргументирует своё распоряжение не так уж лаконично.

Между тем, образ знатока придворного церемониала и ораторского искусства едва ли мог соответствовать реальному уровню познаний Оттона I в этих вопросах. В свои юные годы он не имел возможности получить утончённое образование. Прежние каролингские центры учёности в немецких землях были мало связаны с королевским двором, в первые десятилетия правления Саксонской династии ещё не предпринималось систематических попыток восстанавливать каролингскую образовательную систему или выстраивать новую, активно привлекать ко двору образованных людей из других регионов²⁷. Для того чтобы полноценно понимать собеседников, говорящих на латыни, первому императору из Саксонской династии (и, вероятно, большинству представителей немецкой светской знати, сопровождавшей его в Итальянском походе) были необходимы переводчики, а чтобы ориентироваться в правилах дворцового церемониала — опытные советники, одним из которых в дальнейшем стал и Лиутпранд²⁸. Однако всё это вовсе не препятствовало самому Лиутпранду приписывать государю образованность и осведомлённость в церемониальных и риторических тонкостях.

Ощущение настроений публики

Примечательно, что получение Оттоном I судьбоносного известия историограф предпочёл представить в качестве публичной сцены. Гонец застал его не в уединении, а в окружении придворных, по пути на утреннюю церковную службу. Причём эту группу избранных прибли-

²⁶ В частности, в «Антаподосисе» встречается ряд цитат и отсылок к текстам прославленного римского оратора, напр.: Liutprandi Cremonensis Antapodosis 1998: I, 13: 16, II, 41: 52, II, 51: 56. Здесь мы опираемся на недавнюю публикацию источника П. Къзой, где поставлены под сомнение некоторые параллели, проведённые с другими текстами Цицерона издателем начала XX в. Й. Беккером, однако не отрицается в целом глубокое влияние Цицерона на Лиутпранда.

²⁷ Подробнее см.: McKitterick 2001: 212–213; 1993: 57–59; Fleckenstein 1989: 168–176.

²⁸ Ср. собственное свидетельство Лиутпранда из «Истории Оттона»: Liutprandi Cremonensis Historia Ottonis: 11: 176: “[...] imperator, quia Romani eius loquelam propriam — hoc est Saxoniam — intellegere nequibant, Liudprando Cremonensi episcopo praecepit ut Latino sermone haec Romanis omnibus quae secuntur exprimeret”. «Поскольку римляне не могли понять его собственную — то есть саксонскую — речь, император приказал епископу Лиутпранду Кременскому, чтобы тот на латинском языке передал римлянам следующее». Chiesa 1999: 87; Garbini 1994: 479–486.

жённых, собиравшихся присутствовать с королём на литургии, Лиутпранд обозначает как «народ» (*populus*)²⁹. Это словоупотребление можно сравнить с тем, как Видукинн Корвейский при описании королевской коронации Оттона I представил в качестве «всего народа» публику, сумевшую разместиться в сравнительно небольшом пространстве Ахенской капеллы³⁰. Однако если Видукинн описывал заранее спланированную официальную инаугурационную церемонию, то Лиутпранд – неожиданную ситуацию, в ходе которой развернулся импровизированный символический акт. Внезапное появление посланца в его описании приобрело значение чрезвычайно значимого публичного действия, свершающегося на глазах у «народа».

Перенос того или иного события в публичное пространство – один из характерных приёмов Лиутпранда как историографа в тех случаях, когда ему необходимо было подчеркнуть значимость происходящего. При этом его свидетельства могут существенно отличаться от тех, которые приводят другие оттоновские историографы. В этом отношении примечательно описание в «Антаподосисе» сцены завещания королевских инсигний Конрадом I Франконским (911–918) – Генриху I.

Лиутпранд представил эту сцену в качестве публичного символического акта, тогда как, скажем, Видукинн Корвейский описал завещание инсигний (и власти) умирающим Конрадом через приватный разговор государя со своим братом и потенциальным преемником, герцогом Эберхардом Франконским³¹. Подход Видукинна к изображению акта передачи власти близок к некоторым свидетельствам из историографии эпохи Каролингов: например, в заключительной части Бертинских анналов Хинкмар Реймский описал, как Рихильда, вдова Карла II Лысого (западно-франкский король 843–877 гг., император 875–877 гг.), по его указанию передала королевские знаки власти Людовику Заике (западно-франкский король 877–879 гг.)³². Сам Видукинн приводит ещё один подобный эпизод, вероятно, также почерпнутый им из франкской историографической традиции: Карл III Толстый (восточно-франкский король в 876–887 гг., император 881–888 гг.) перед своей смертью поручил одному из приближенных передать знаки власти своему тогда еще не родившемуся сыну, которым была беременна его супруга³³. Таким образом, сцена с завещанием инсигний Конрадом в сочинении данного автора как бы продолжает традицию изображения передачи власти в качестве скрытого от широкой аудитории изъявления последней воли правителя кому-либо из родственников или доверенных лиц.

²⁹ Liutprandi Cremonensis Antapodosis 1998: IV, 30: 119. “Vidit rex **populum** anhelare...”

³⁰ Widukindi 1935: II, 1: 55. “Ad haec **omnis populus** dextras in excelsum levans cum clamore valido inprecatur sunt prospera novo duci”. «На это **весь народ**, подняв правые руки вверх, громкими возгласами пожелал благоденствия новому предводителю».

³¹ Ibid.: I, 25: 32–33.

³² Annales Bertiniani 1883: 138.

³³ Впрочем, поручение не было выполнено, и инсигнии в результате достались Арнульфу Каринтийскому. Widukindi 1935: I, 29: 36.

В описании же Лиутпранда предсмертное повеление Конрада озвучивается, когда у смертного одра государя собираются «князья» из Восточно-Франкского королевства, внимающие его речи³⁴. Так из частной сцены, как у Видукинда, всё происходящее превращается в подобие официального съезда знати. В тексте также присутствует намёк на некую выстроенную сценографию данного пространства, «на середину» которого, т.е. на обозрение всех присутствующих, торжественно выносятся королевские инсигнии³⁵. Действие подкрепляется словами, когда государь во всеуслышание сообщает о том, что десигнирует Генриха своим наследником и призывает всех герцогов признавать его власть.

Соединение акта «вручения» инсигний (пусть и происходящего как бы заочно) с такого рода словесными формулами – характерная черта инаугурационного ритуала данной эпохи, судя и по их описаниям в исторических источниках, и по сведениям из коронационных чинов³⁶. Показательно, что, передавая Генриху последнюю волю Конрада, князья, по свидетельству Лиутпранда, преподносят инсигнии и одновременно точно передают слова, сказанные умиравшим королём, т.е. как бы заново воспроизводят тот же символический акт. Таким образом историографу удаётся представить избрание Генриха королём уже не как результат кулуарных договорённостей: «все» представители знати официально признали безусловное превосходство короля над ними (что в дальнейшем и превращает в глазах Лиутпранда любых несогласных с правами Людольфингов на власть – в мятежников).

Публичность встречи Оттона I с посланцем, принёсшим весть о гибели мятежников, аналогичным образом превратила эту сцену в подобие символического акта, подтверждающего неоспоримость прав молодого государя на трон перед лицом «народа». Немаловажно и то, что Оттон I в описываемой сцене не просто предстоит перед толпой, но чувствует её настроение и действует в соответствии с ним. Как указал Лиутпранд, важным фактором, побудившим Оттона I отступить от столь ценного им «установленного порядка», явилось ощущаемое королём нетерпение окружающих: «Король увидел, что народ изнемогает и с трудом переносит, что посланец медлит с сообщением»³⁷. Государь учитывает публичность разворачивающегося акта и говорит не

³⁴ Liutprandi Cremonensis Antapodosis 1998: II, 20: 43–44.

³⁵ Ф. Бюк не без основания выдвигал предположение, что сам образ умирающего государя, на смертном одре завещающего свою власть «не ближайшему родственнику, а более удачливому конкуренту», мог быть заимствован оттоновским историографом из литературной традиции каролингской и посткаролингской эпох, в том числе из написанного ок. 915 г. анонимного «Панегирика Беренгару I». Вис 2004: 162. Однако авторским новшеством Лиутпранда в данном случае можно назвать стремление усилить впечатление публичности и торжественности всей сцены, её официальный характер и соответствие неким универсальным нормам проведения инаугурации.

³⁶ Ср. напр. Майнцский коронационный чин: Schramm 1935: 310–322.

³⁷ Liutprandi Cremonensis Antapodosis 1998: IV, 30: 119. “Vidit rex populum anhelare et, quod dicendi moram nuntius faceret, graviter ferre”.

только от собственного имени, но и от лица всех присутствующих, т.е. собственной свиты, сопровождавшей его на пути в церковь. Именно к их чувствам он апеллирует, требуя от гонца отступить от протокола: «развей страх стоящих вокруг и исполни их души радостью»³⁸.

Страх и нетерпение, в описании Лиутпранда, испытывал не столько сам государь, сколько люди вокруг него; Оттон же проявил чуткость и снисхождение к своим «изнемогающим» подданным. Эта способность оценить настроение аудитории и готовность тут же изменить в соответствии с ним ход приёма посланца – очень любопытная характеристика Оттона I как идеального государя в контексте публичной репрезентации власти. Момент повторения уже известной читателю информации о гибели Эберхарда и Гизельберта, за счёт конструируемой Лиутпрандом сцены, превращается в повод продемонстрировать единение государя и народа, разделяющих общую тревогу и общую радость, а также поддержку короля народом и их безусловное одобрение его пребывания на престоле, невзирая на притязания альтернативных претендентов.

Диалог государя с Богом

Однако не только сочувственное отношение к нетерпеливой публике стало причиной, по которой Оттон I в описываемой Лиутпрандом сцене решился отступить от установленного порядка взаимодействия с посланцем. Примечательно, что после того, как гонец объявил известие государю, король вновь прервал его, и на этот раз это решение обосновывается уже не эмоциональным состоянием окружающих. Более того, о реакции «народа» далее вовсе ничего не говорится, для историографа важны уже именно действия самого государя: «Король движением руки прервал его и тотчас же сошёл с коня и предался молитве, со слезами воздавая благодарность Богу. Совершив это, он поднялся и продолжил начатый путь к церкви, чтобы предать себя Богу»³⁹.

Заключительные строки главы указывают на то, что ключевым для Лиутпранда в данном эпизоде являлся мотив Божьей помощи Оттону I, за которую государь благочестиво выразил свою благодарность. Гибель Эберхарда и Гизельберта, таким образом, явно предстаёт не как результат случайного стечения обстоятельств, а как справедливая Божья кара мятежникам. Главное историческое сочинение Лиутпранда изобилует примерами подобного воздаяния как за грехи, так и за добродетельные поступки; это – ключевой мотив всего «Антаподосиса», что красноречиво выражает само заглавие («антаподосис», с греч. «воздаяние»). Именно через выразительную сцену диалога государя и посланца историограф получил возможность наглядно проиллюстрировать эту важную для него идею.

³⁸ Ibid. “[...] circumstantium metus adime eorumque animos gaudio expel [...]”.

³⁹ Ibid.: 120. “[...] rex manu compescuit ac mox de equo descendit seseque cum lacrimis Deo gratia agens in orationem dedit. Qua expleta, surrexit atque itinere, quo coeperat, Deo se commendaturum ad ecclesiam tendit”.

В данном контексте становится яснее, почему сам король не пребывал в таком же волнении, как подданные, а лишь выражал сочувствие и снисхождение к их страху и нетерпению: Оттону грядущее известие о победе будто бы заранее открыто, благодаря его внутренней связи с Господом. Значимым оказывается место, где государь получает известие: в момент встречи с гонцом он сам уже направляется в церковь. Тем самым Лиутпранд показывает, что в ходе долгого конфликта король до конца уповает на Божью помощь, регулярно посещает храм («ранним утром сел на коня, поскольку церковь находилась в отдалении, и, как то было у него в обыкновении, направился к ней, чтобы укрепить себя молитвами»⁴⁰). Оттон в очередной раз отправляется на утреннюю службу, ещё не зная, что там ему вскоре предстоит совершить благодарственный молебен за чудесное избавление, но как будто предчувствуя это.

Исходя из вышесказанного, его решение отступить от установленного порядка диалога с посланцем можно объяснить еще и предположением значимости момента. Истинное торжество короля по поводу чудесного избавления, свершившегося по воле Господа, противопоставляется искусственной торжественности привычного протокола. Едва получив радостную весть, Оттон I прерывает посланца, сходит с коня и совершает благодарственную молитву прямо под открытым небом. Все присутствующие наблюдают обращение короля напрямую к Господу в искреннем порыве – и это прямое взаимодействие оказывается значимее не только церемониальных формальностей, но, в какой-то мере, даже официальной церковной службы (хотя, безусловно, не может служить этой службе полноценной заменой, и король затем продолжает свой путь к храму).

Как нам представляется, именно публичная благодарственная молитва государя является смысловым центром всего эпизода – тем образом, ради которого Лиутпранд прежде всего и ввёл в повествование данную сцену. Подобная «импровизационная» публичная молитва государя описана ещё в одном эпизоде «Антаподосиса», связанном с тем же герцогским восстанием, – рассказе Лиутпранда о битве при Биртене⁴¹. Это столкновение с войсками мятежников – Генриха, Эберхарда и Гизельберта – произошло, когда армия Оттона I переправлялась через Рейн, и часть её, включая самого короля, задержавшись на другом берегу, оказалась отделена от места сражения рекой. Не имея возможности сражаться вместе со своими сподвижниками, государь нашёл иной способ поддержать их: он «сошёл с коня и, проливая слёзы, стал вместе со всем народом молиться перед приносящими победу гвоздями, которы-

⁴⁰ Ibid.: 119. “ [...] quemadmodum ei moris erat, mane primo, quoniam ecclesia longe aberat, super equum conscenderet eoque se munitum orationibus iret [...]”.

⁴¹ Ibid.: IV, 24: 110-111. Подробнее об этом эпизоде см.: Ануфриева 2014.

ми были прибиты [к кресту] руки Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, и которые теперь вложены в его [Священное] копьё»⁴².

Как уверяет Лиутпранд, именно благодаря этой молитве малочисленной группе воинов Оттона удалось одержать верх над противником. Победа эта в его интерпретации была чудом, непосредственным божественным вмешательством, изъявлением помощи Господа королю. Причем в случае с битвой при Биртене Видукин, как и в рассказе о гибели герцогов, в противоположность Лиутпранду, предпочёл подробнее описать ход битвы и лишь очень кратко упомянул о молитве короля, сосредоточив внимание на действиях воинов на противоположном берегу⁴³.

Обращают на себя внимание некоторые совпадения в описаниях Лиутпрандом молитвы короля при Биртене и его благодарственной молитвы после получения известия о гибели Эберхарда и Гизельберта. И в том, и в другом случае Оттон I погружается в молитву под открытым небом, во внезапном порыве, для этого ему необходимо спешиться и преклонить колена. Тем самым он превращается из гордо восседающего на коне полководца или величественного государя, следующего к храму в окружении придворных, в смиренного христианина, пребывающего в диалоге с Господом и склоняющегося перед ним. В битве при Биртене присутствует ещё и реликвия – Священное копьё⁴⁴ – становящаяся центром «сакрального пространства», которое импровизационно выстраивает государь. При этом, в «биртенском» эпизоде также подчёркнута публичность сцены, присутствие при ней «всего народа», участвующего в молитве государя. Как в сцене сражения окружающие вместе с королём просят Господа о милости, так в сцене с приёмом посланца – разделяют его радость за то, что Божья милость была оказана. В обоих случаях «народ» является свидетелем проявления особой связи между королём и Богом.

Благодаря сцене молитвы перед Священным копьём историограф приписал заслугам короля победу в битве, в которой тот даже не смог принять участия. Подобным образом, Лиутпранд благодаря сцене встречи с посланцем дал понять, что и окончательный разгром Эберхарда и Гизельберта, также свершившийся в отсутствие Оттона I, всё же был прежде всего заслугой благочестивого короля, милостью, которую Бог оказал ему лично. Более того, два эти эпизода сюжетно связаны между собой – молитва с просьбой о милости соотносится с благодарственной молитвой за оказанную милость. Ведь сама по себе битва при Биртене ещё не стала окончательным разгромом герцогв-мятежников, но, в интерпретации Лиутпранда, явно была предзнаменована их грядущего поражения.

⁴² Liutprandi Cremonensis Antapodosis 1998: IV, 24: 111. "...protinus de equo descendit seseque cum omni populo lacrimas fundens ante victoriferos clavos manibus domini et salvatoris nostri Jesu Christi adfixos suaeque lanceae inpositos in orationem dedit..."

⁴³ Ануфриева 2014: 129.

⁴⁴ Подробнее об истории символическом значении Священного копья: Wolf 2005.

Непосредственная связь между государем и Господом подчёркивается тем, что Оттон I не соблюдает установленный формальный порядок, а выстраивает новый символический контекст, следуя собственному внутреннему ощущению происходящего, в обстановке, не предназначенной для богослужения или отправления официального дворцового церемониала.

Таким образом, Лиутпранд, вводя в повествование выразительную сцену «нестандартной» символической коммуникации государя и посланца, получает также возможность представить Оттона I в качестве благочестивого и добродетельного христианского властителя, пользующегося милостью Бога и особым образом ощущающего и выстраивающего символическое обрамление своего диалога с Ним.

Рассмотренный эпизод в контексте повествования Лиутпранда о герцогском выступлении можно назвать переломным. Поскольку именно Эберхарда и Гизельберта Лиутпранд рассматривал как основных зачинщиков мятежа, оставшиеся пять глав четвёртой книги после рассказа об их гибели, по существу, представляют собой своего рода послесловие к данному сюжету. Суд Господа уже совершился, дальше уже сам Оттон I довершает «воздаяние» мятежникам и своим приверженцам. Лиутпранд рассказывает, как король вознаграждал сохранившего верность баварского герцога Бертольда (938–947)⁴⁵, покарал поддержавшего восставших архиепископа Фридриха Майнцкого (937–954)⁴⁶, проявил снисхождение к младшему брату Генриху, явившемуся к нему молить о примирении⁴⁷.

Таким образом, именно сцена встречи короля с послом и благодарственной молитвы является главным моментом триумфа Оттона I, подтверждением его безусловного права на трон и дальнейшее свершение возмездия согласно Божьей воле. В этом смысле, можно причислить данную выразительную символическую сцену к числу «квази-инаугурационных»⁴⁸, по существу заменяющих собой отсутствующее в сочинении Лиутпранда описание королевской коронации государя. В рамках публичного символического акта здесь, как и при инаугурации, по существу оказывается продемонстрировано величие Оттона I, его поддержка «народом» и Богом.

Мы показали, как Лиутпранд Кремонский сумел в рамках одной эффектной сцены отобразить разные достоинства Оттона I: как человека, хорошо осведомлённого в вопросах протокола, утончённого ценителя ораторского искусства; как правителя, чуткого к настроениям собственных подданных и способного эффектно выстраивать публичный

⁴⁵ Liutprandi Cremonensis Antapodosis 1998: IV, 31: 120.

⁴⁶ Ibid.: 32–33: 120–121.

⁴⁷ Ibid.: 34–35: 121.

⁴⁸ Термин вводится нами в диссертации: Ануфриева 2016: 177, 181, 207, 370.

символический акт, при необходимости корректируя «установленный порядок» сообразно обстоятельствам; наконец – как благочестивого государя, чтущего церковь и имеющего особую связь с Господом, и потому не только понимающего формальную сторону символической репрезентации власти, но и ощущающего её скрытый мистический смысл.

Глубокие познания и красноречие, внимание к подданным (в данном случае – из ближайшего придворного окружения) и забота о них, благочестие – вот свойства, которые историограф приписывает своему покровителю как «идеальному государю» и, в известном смысле, пытается культивировать, воспитать в нём. Тем самым в значительной степени транслировалась система ценностей самого Лиутпранда – образованного человека и мастера слова, который ищет покровителя, способного оценить и вознаградить это мастерство; священнослужителя, развивающего в своём сочинении собственную историко-богословскую концепцию «воздаяния».

Демонстрация лояльности и выражение ценностей приближённых к трону интеллектуалов из среды духовенства, таким образом, гармонично сочетались, – и историограф имел возможность ненавязчиво «подсказывать» государю ту модель поведения и репрезентации власти, которую считал наиболее правильной. Причём, модель эта, основанная на представлениях о символической коммуникации с чёткими «правилами игры»⁴⁹, тем не менее, допускала возможность отступления от строгого формуляра – и впечатление читателя от описываемой им сцены, с точки зрения Лиутпранда, должно было быть особенно ярким именно в силу её исключительности.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ануфриева А.С. Молитва государя: роль короля в битве при Биртене в интерпретации Лиутпранда Кременского // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2014. № 389. С. 128–132. [Anufrieva A.S. Molitva gosudarja: rol' korolja v bitve pri Birtene v interpretacii Liutpranda Kremenskogo // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Tomsk, 2014. № 389. S. 128–132].
- Ануфриева А.С. Лиутпранд Кременский // Православная энциклопедия. Т. 41. М., 2015. С. 300–302. [Anufrieva A.S. Liutprand Kremenskij // Pravoslavnaja enciklopedija. T. 41. M., 2015. S. 300–302].
- Ануфриева А.С. Отражение актов политико-символической коммуникации в сочинениях оттоновского времени. М., 2016. (Кандидатская диссертация, на правах рукописи). [Anufrieva A.S. Otrazhenie aktov politiko-simvolicheskoj komunikacii v sochinenijah ottonovskogo vremeni. M., 2016. (Kandidatskaja disseratcija, na pravah rukopisi)].
- Ануфриева А.С. Оттон I // Православная энциклопедия. Т. 53. М., 2019. С. 547–555. [Anufrieva A.S. Otton I // Pravoslavnaja enciklopedija. T. 53. M., 2019. S. 547–555].
- Лиутпранд Кременский. Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь / Пер. И.В. Дьяконова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012. [Liutprand Kremenskij. Antapodosis; Kniga ob Ottone; Otchet o posol'stve v Konstantinopol' / Per. I.V. D'jakonova. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2012].
- Adalberti Continuatio Reginonis // Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum Continuazione Treverensi / Hrsg. von F. Kurze. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi, [50]). Hannover, 1890. P. 154–179.

⁴⁹ Термин «правила игры» по отношению к символической коммуникации введён и применён в работе Г. Альтхофа: Althoff 1996.

- Althoff G. Spielregeln der Politik im Mittelalter: Kommunikation in Frieden und Fehde. Darmstadt, 1996.
- Althoff G. Zur Bedeutung symbolischer Kommunikation für das Verständnis des Mittelalters // Frühmittelalterliche Studien. 1997. Bd. 31. S. 373.
- Annales Bertiniani / Hrsg. von G. Waitz. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi, [5]). Hannover, 1883.
- Becher M. Otto der Große. Kaiser und Reich. Eine Biographie. München, 2012.
- Buc P. The Dangers of Ritual. Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory. Princeton; Oxford, 2011.
- Buc P. Noch einmal 918–919: Of the ritualized demise of kings and of political rituals in general // Zeichen, Rituale, Werte. Internationales Kolloquium des Sonderforschungsbereichs 496 an der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster / Hrsg. von G. Althoff. Münster, 2004. S. 151–178.
- Chiesa P. Così si costruisce un mostro. Giovanni XII nella cosiddetta Historia Ottonis di Liutprando di Cremona // Faventia. 1999. Vol. 21/1. P. 85–102.
- Chiesa P. Liutprando di Cremona (Liuto, Liuzo) // Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 65. Roma, 2005. P. 298–303.
- Fleckenstein J. Die Hofkapelle der deutschen Könige. Teil 2.: Die Hofkapelle in Rahmen der Ottonisch-salischen Reichskirche. (Monumenta Germaniae Historica. Schriften, [16/1–2]). Stuttgart, 1966.
- Fleckenstein J. Königshof und Bischofsschule unter Otto dem Großen // Fleckenstein J. Ordnungen und formende Kräfte des Mittelalters Ausgew. Beitr. Göttingen, 1989. S. 168–192.
- Garbini P. Scrittura autobiografica e filosofia della politica nei ‘Gesta Ottonis’ di Liutprando // La cultura. 1994. Vol. 32. P. 479–486.
- Hrotsvithae Gesta Ottonis // Hrotsvithae Opera omnia / Hrsg. von W. Berschin. München; Leipzig, 2001. P. 276–305.
- Laudage J. Otto der Große. Eine Biographie. Regensburg, 2001.
- Lintzel M. Designation, Königshel, Wahl und „Kur – Heinrichs I. // Lintzel M. Ausgewählte Schriften. Bd. 2. Berlin, 1961. S. 240–260.
- Liutprandi Cremonensis Antapodosis // Liutprandi Cremonensis Opera Omnia / A cura di P. Chiesa. (Corpus Christianorum, Continuatio Mediaevalis, [156]). Turnhout, 1998. P. 3–150.
- Liutprandi Cremonensis Historia Ottonis // Liutprandi Cremonensis Opera Omnia / A cura di P. Chiesa. (Corpus Christianorum, Continuatio Mediaevalis, [156]). Turnhout, 1998. P. 167–183.
- M. Fabi Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecim. Bd. 1 / Hrsg. von E. Bonneli. Leipzig, 1854.
- Mayr-Harting H. Liudprand of Cremona's Account of His Legation to Constantinople (968) and Ottonian Imperial Strategy // English Historical Review. 2001. Vol. 116. № 467. P. 539–556.
- McKitterick R. Ottonian intellectual culture in the tenth century and the role of Theophanu // Early Medieval Europe. 1993. Vol. 2. P. 53–74
- McKitterick R. Ottonische Kultur und Bildung // Otto der Große. Magdeburg und Europa. Tl. 1. Mainz, 2001. S. 209–224.
- Schramm P.E. Die Krönung in Deutschland bis zum Beginn des salischen Hauses // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung. Bd. 55. 1935. S. 310–322.
- Sutherland J.N. Liudprand of Cremona, Bishop, Diplomat, Historian. Studies of the Man and His Age (Biblioteca degli Studi medievali, [14]). Spoleto, 1988. P. 77–112.
- Treitinger O. Die Oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Darmstadt, 1958.
- Widukindi monachi Corbeiensis Rerum Gestarum Saxoniarum libri tres / Hrsg. von Hirsch P., Lohmann H.E. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi, [60]). Hannover, 1935.
- Wolf G. Nochmals zur Geschichte der Heiligen Lanze bis zum Ende des Mittelalters // Die Heilige Lanze in Wien. / Hrsg. von F. Kirchwegger. (Schriften des Kunsthistorischen Museums, [9]). Wien; Mailand, 2005. S. 22–51.

Ануфриева Анастасия Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории Средних веков, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, elanskaya91@mail.ru

Good Tidings for the King: Liutprand of Cremona on the Symbolic Representation of the Power of Otto I

The article discusses in detail an episode from the historical work of Liutprand of Cremona “Antapodosis” – the scene in which Otto I., king of the East Francia, receives the news of the death of rebellious dukes Eberhard and Gilbert at the battle of Andernach in 939. Author depicted this episode as a kind of public symbolic act, including dialog between the king and a messenger, and prayer of the king under the open sky. Liutprand “constructed” this scene at his discretion, using different details, thanks to which he represented Otto I. as a highly-educated ruler, supported by the people and mystically connected with God. Herewith the historiographer apparently was not so much guided by the tastes of his patron as he himself sought to instill in the king a good taste for the “decent” representation of power, focusing on Liutprand’s own system of values.

Key words: *Liutprand of Cremona, Otto I., Eberhard of Franconia, Gilbert of Lorraine, public symbolic representation of power.*

Anastasia Anufrieva, PhD. Lomonosov Moscow State University, Faculty of History, Department of Medieval History. E-mail: elanskaya91@mail.ru.

КОРОЛЕВСКИЕ ИТИНЕРАРИИ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ИСТОЧНИКАХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ¹

Статья посвящена французской историографии вопроса королевских итинерариев – перемещений правителей Франции периода Средних веков и Нового времени, в свете возобновления научного интереса в последнее время. Прослежена эволюция французской исторической мысли и исследовательских подходов, начиная с XVI в., и отмечены характерные черты и тематика современных направлений изучения итинерариев монархов, членов их семей и королевских дворов. Особое внимание уделено действующему научному проекту «Куриальный итинерарий (Средние века – XIX век)», инициированному исследовательской группой электронного издания *Cour-de-france.fr.*, главной целью которого является создание электронной базы данных королевских и куриальных итинерариев, на основе обработки источников и с учетом научных работ в этой области.

Ключевые слова: королевские итинерарии, история Франции, французская историография, Средние века, Новое время

История перемещения европейских правителей в Средние века и Новое время и связанных с этим событий, политических, экономических культурных, – относительно новое исследовательское поле, которое получило свое развитие в последнее время, поскольку оказалось тесно связанным с куриальными исследованиями и изучением городских сообществ². В данной статье затрагивается вопрос об эволюции подходов к изучению итинерариев монархов Франции и их дворов во французской историографии, равно как о современных формах репрезентации источников и исследовательских результатов в этой области.

Во «Всеобщем словаре» А. Фюретьера 1690 г. «Итинерарий» означает «Описание, которое оставляет путешественник о своем путешествии, с подробностями, которые он увидел в местах, которые проезжал, как природного, так и морального свойства», т.е. своего рода жанр путевых заметок³. Интерес к перемещениям во времени и в пространстве правителей, королевских особ, членов их семей и двора возник не на пустом месте и был связан с интересом французов к путешествиям и паломничеству, а также желанием или необходимостью оставить свидетельство о своем пребывании в новом месте, равно как об увиденном и услышанном⁴. Формы составления итинерариев могли быть разными, менялись со временем и не всегда совпадали с определением Фюретьера.

¹ Статья написана при поддержке гранта Российского научного фонда «Итинерарии власти. Передвижения правителей России и Западной Европы в политической культуре XVI – начала XVII в.» № 21–18–00181.

² Шишкин 2018: 23–49; Уваров, Попова (ред.) 2018.

³ Furetière...

⁴ Добиаш-Рожественская 2006; Lanni 2003: 483–499; Voyages et voyageurs...; Deluz 2007: 9–20; Boutry 2000; Caseau, Cheynet, Déroche 2006; Julia 2016; Martin 2016.

Речь идет как о подробных путевых описаниях, в духе «Путешествия в Германию и Италию» Мишеля де Монтеня 1580–1581 гг., так и кратких записях о перемещениях с места на место⁵. В первом случае итинерарии зачастую сопровождалась точным указанием времени и места пребывания путешественника (персоны), временными и материальными затратами на переезды, причем, они могли быть не только личного, но и служебного характера. Так, к примеру, в Российской национальной библиотеке сохранились отчеты о командировке королевского рыцаря Рено де Сент-Бева в Лион в феврале-марте 1313 г., отражающие его ежедневные расходы на каждой остановке по пути к месту назначения⁶.

С появлением в XV–XVI вв. централизованного французского государства и возникновением ранней абсолютной монархии, когда король становится эпицентром принятия ключевых решений, каждое его действие обладало политическим свойством и начинало документироваться. Благодаря этому историки позднего Средневековья – раннего Нового времени располагают довольно большим объемом сведений о королевских итинерариях и всех обстоятельствах, которыми были обставлены королевские перемещения. Королевские акты и грамоты, с указанием даты и места составления, описания королевских переездов с места на место, выездов на охоту в загородные дома и замки, торжественных въездов в города, пребывания в походах вне Франции начинают множиться и достигают своего апогея при Людовике XVI, благодаря которым нам известно, чем именно король занимался и где он находился все 6832 дня своего царствования⁷.

Как показали недавние исследования Б. Бова и Каролин цум Кольк, особенностью средневековых монархов Франции, как и королевей эпохи Возрождения, было отсутствие постоянной резиденции, вплоть до середины XVI в., когда Париж обрел положение *ville-résidence*, а дворец Лувр – статус главного королевского жилища (до переезда двора в Версаль во второй половине XVII в.)⁸. «Двор-караван», по точному выражению Л. Февра, почти безостановочно путешествовал по стране⁹. Короли Франции, вплоть до Карла IX де Валуа (1560–1574) и его брата Генриха III, никогда не были парижанами *in stricto sensu*, т.е. большая часть королевских решений принималась вне главного города страны.

Венецианский посланник при дворе Франциска I Марино Джустиниано в 1535 г. свидетельствовал:

«Вскоре после моего прибытия в Париж, король отправился в Марсель, в разгар сезона жаркой погоды. Мы пересекли Бурбонне, Лионне, Овернь и Лангедок, и прибыли в Прованс. Встреча с папой [Павлом III] переносилась так часто, что состоялась только в ноябре, хотя все рассчитывали, что она будет летом. Послы, одетые только в летние платья, вынуждены были поку-

⁵ Мишель де Монтень 2019.

⁶ Воронова, Шишкин 2016: 342–360.

⁷ Itinéraire de Louis XVI...

⁸ Bove 2017: 25–50; Kolk C. zum 2017: 51–68; Шишкин 2018: 123–127.

⁹ Февр 1991: 290–295.

пать себе зимние одежды. Мы были обременены дополнительными расходами в размере 15% на меховые плащи. Я потерял лошадь и мула во время этого путешествия. После Марселя мы вновь пересекли Прованс, затем Дофине, Лионне, Бургундию и Шампань, недалеко от Лотарингии, где король имел встречу с ландграфом Гессенским, и только после этого мы вернулись в Париж... Во время моей миссии двор никогда не оставался на одном месте более, чем на четыре ночи: он перемещался то в Лотарингию, то в Пуату, то в различные места во Фландрии; затем путешествовал по Нормандии, Ильде-Франсу, потом снова по Нормандии, Пикардии, Шампани, Бургундии»¹⁰.

В 1552 г. из-под пера представителя знаменитой династии парижских книгопечатников Шарля Этьена появился первый путеводитель по дорогам Франции, созданный по королевскому заказу, который содержал важные сведения о провинциях Франции, частично – природном ландшафте, состоянии дорог и переправ, расстоянии между населенными пунктами¹¹. Этот путеводитель во многом позволяет понять логику и выбор дорог для королевских перемещений того времени и был использован при организации последующих больших королевских переездов, в частности, «Большого путешествия»¹².

Миротворческое «Большое путешествие» по Франции было принято королевой-матерью Екатериной Медичи в 1564–1566 гг., в период временного затишья между религиозными войнами. По ее приказу «служитель короля» Абель Жуан ежедневно фиксировал в своем журнале перемещения Карла IX и двора, став, таким образом, первопроходцем в описании королевских итинерариев¹³. В 1566/67 гг. по королевскому разрешению он опубликовал свой журнал под названием «Сборник и рассуждение о путешествии короля Карла IX»¹⁴. Об А. Жуане известно лишь, что он являлся служащим королевской кухни и был близок к королеве Екатерине. Благодаря этому источнику историки знают о ежедневных переездах и точных местах пребывания короля в 1564–1566 гг., а также времени, которое огромный 18-тысячный двор Валуа тратил на перемещения, ключевых встречах и прочих событиях этого политического вояжа.

В 1759 г. текст А. Жуана был переиздан в сборнике документов, которые собрал библиофил и эрудит маркиз д'Обе, Шарль де Баши, при участии историка Леона Менара, и вновь привлек внимание читателей эпохи Просвещения¹⁵. Надо полагать, именно он подвиг д'Обе и Менара составить первый итинерарий королей Франции, начиная со времени Людовика VII (1137–1180) и заканчивая царствованием Людовика XIV (1643–1715). В его основу легли, скорее всего, известные на тот момент королевские акты и грамоты, а также корреспонденция монархов, кото-

¹⁰ Tommaseo (éd.) 1838. I, 106–110.

¹¹ Estienne 1552.

¹² Herrmann 2011: 195–219.

¹³ Champion 1937.

¹⁴ Abel Jouan 1566.

¹⁵ Abel Jouan 1759: 521–594.

рые начали активно изучаться и печататься болландистами и мавристами в XVII–XVIII вв. Известно также, что у маркиза была одна из лучших библиотек Франции, включавшая рукописные и печатные книги¹⁶. Несмотря на то, что королевские итинерарии в итоге получились весьма неполными, неточными и с лакунами, они представляют собой первую «базу данных», позволившую составить представление о местах, где монархи XIII–XVII вв. ночевали, обедали, охотились, воевали, и т.д.¹⁷. Сборник был переиздан в 1877 г. и не утратил своей значимости по сей день, став основой для составления современной базы данных и научных трудов биографического и иного порядка.

Французский XVIII век, с его растущим интересом к публикации исторических источников, породил в 1738 г. периодическое издание религиозных эрудитов – «Сборник историков Галлии и Франции», который продолжал издаваться до начала XX в. На его страницах время от времени публиковались документы, которые являлись важным источником для уточнения данных отдельных королевских итинерариев. В частности, медиевисты Наталис де Вайи и Леопольд Делиль привели счета двора Людовика IX (1226–1270), его сына Филиппа III (1270–1285), и внука, Филиппа IV (1285–1314), включая столовые расходы, с указанием дня, месяца и места пребывания монарха и его двора¹⁸. Эстафету составления королевских итинерариев подхватили сразу несколько историков конца XIX – начала XX в., как правило, опиравшихся на каталоги или сборники королевских актов и грамот, равно как корреспонденцию монархов и куриальные документы, которые были известны на тот момент. Так, Э. Пти, медиевист и политик из Бургундии, привел, на основе перлюстрации королевских актов и счетов, краткие и неполные итинерарии первых Валуа – Иоанна II (1350–1364), Карла V (1364–1380), Карла VI (1364–1422), а также Карла VIII (1481–1498), правда, с указанием только даты, дней недели и места пребывания королей¹⁹, а известный историк Ж. Виар (издатель «Больших Французских Хроник») составил таковой в отношении Филиппа VI де Валуа (1328–1350), уже с подробными ссылками на источники, рукописные и печатные, в которых было зафиксировано королевское местонахождение, причем, не ограничиваясь только актовым материалом, но и опираясь на широкий круг хроник и анналов²⁰. Позднее он каталогизировал акты и грамоты Филиппа VI, изданные его продолжателями из Школы Хартий²¹.

Ж. Везан и его коллега Б. де Манро, издатели (при участии иных коллег) писем Людовика XI (1461–1483), в финальном томе этой пуб-

¹⁶ Léonard 1922: 470–473.

¹⁷ d'Aubais, Menard 1759: 595–685.

¹⁸ Guignart, Wailly (éd) 1855. 21, L–LII, 406–512; Wailly, Delisle (éd.) 1865. 22, XXXV–XLII.

¹⁹ Petit 1888; Ibid. 1887; Ibid. 1893; Ibid. 1896: 629–690.

²⁰ Viard 1913: 73–128, 525–619; Ibid. 1923: 166–170.

²¹ Viard (éd.) 1–3, 1978–1984.

ликации также привели краткий перечень мест составления королевских писем и актов, в том числе учитывая предыдущие исследования итинерария этого короля²². Наконец, нужно отметить работу историка-краеведа Ф. Лозена «Пояснительный итинерарий Маргариты де Валуа в Гаскони, согласно ее счетам в 1578–1586гг.», в котором он не просто опубликовал расходные счета дома королевы Наваррской, дочери Екатерины Медичи и сестры последних Валуа, но дал пространные комментарии по поводу причин и логики всех перемещений Маргариты и ее двора во время пребывания на юге страны в критическое время разгара Религиозных войн²³.

После этих публикаций интерес французского исторического общества к составлению и использованию королевских итинерариев не проявлялся вплоть до появления в 1979 г. статьи источниковеда и палеографа Ф. Мейара об итинерарии Людовика XII (1498–1515), написанной в духе исследования Ж. Виара²⁴, и издания в 1984 г. книги «Тур королевской Франции. Путешествие Карла IX (1564–1566)» авторства Ж. Бутье, А. Деверпа и Д. Нордмана, представителей Национального центра научных исследований (CNRS). Этот авторский коллектив отошел от узкого понимания итинерария, и знаменитое миротворческое путешествие королевской семьи и французского двора было рассмотрено в широком контексте международно-дипломатической, социально-политической и культурной истории. Опираясь на огромное число источников, авторы, не без влияния идей и методологии Ф. Броделя и Н. Элиаса, смогли гармонично связать характеристики природно-географических обстоятельств путешествия, рассмотреть техническую подготовку и практическое осуществление поездки, внутреннюю организацию церемоний и бытовых условий двора, а также празднеств и торжеств, представив настоящую энциклопедию королевского итинерария в действии²⁵. Таким образом, было положено начало формирования нового исследовательского аспекта итинерариев, которые уже рассматривались не с точки зрения вспомогательного материала для исторических трудов, а как самостоятельный предмет исторического поиска, в фокусе которого находился перемещающийся с места на место центр королевской власти и управления.

В 2007 г. медиевист Э. Лалу, в содружестве с А. Ботье и Ф. Мейаром, продолжила это начинание и издала свою двухтомную работу об итинерариях Филиппа IV Красивого (1385–1314), в отличие от предыдущей книги, охватив не отдельное путешествие Карла IX, а все время царствования этого короля из династии Капетингов. Она опиралась, главным образом, на актовый материал, собранный и опубликованный к тому моменту под редакцией Р. Фавтье, проф. Парижского универси-

²² Vaesen, Mandrot 1909: 3–236; Pilot de Thorey 1899. II, 449–459.

²³ Lauzun 1902.

²⁴ Maillard 1979: 171–206.

²⁵ Boutier, Dewerpe, Nordman 1984.

тета²⁶. Эта публикация вместе с тем построена на тщательном изучении опубликованных и рукописных актов и грамот, в т.ч. составленных от имени короля в его отсутствие, парламентских и городских регистрах, счетах дома короля и двора. Отдельные части книги посвящены переездам и перемещениям Филиппа IV, его местопребываниям и резиденциям (с легкой руки Э. Лалу стало употребляться выражение «пространство резиденций»), в т.ч. главной из них – дворцу на о. Сите в Париже²⁷. Именно это исследование чуть позднее легло в основу идеи создания полноценной базы данных королевских итинерариев, которую инициировала исследовательская группа электронного издания «Двор Франции», *Cour-de-france fr.* Ранее под эгидой Лалу был издан коллективный труд о пребывании королей Франции в Венсенском замке под Парижем (их любимой охотничьей резиденции на протяжении нескольких столетий)²⁸; в этой книге, в частности, была опубликована статья Ж. Ришара о перемещениях Людовика IX Святого в Иль-де-Франс, ставшая также важным дополнением к работе маркиза д'Обе²⁹.

Как уже упоминалось, исследовательская группа электронного издания *Cour-de-france fr.*³⁰ в 2016/2017 гг. при поддержке Университета Париж VIII и Научной ассоциации ArScAn приступила к реализации большого проекта «Куриальный итинерарий (Средние века – XIX век)», сосредоточившись сначала на составлении итинерариев французских королей, а позже – членов их семей. В настоящее время формируется электронная база данных, размещенная на сайте *Cour-de-france fr.*, на сегодняшний день охватывающая итинерарии Филиппа IV Красивого, Филиппа VI де Валуа, Людовика XI, Карла VIII, Людовика XII, Франциска I, Генриха II, Франциска II, Генриха III, Людовика XIII, Людовика XIV, Людовика XVI³¹. Она отражает сведения о датах пребывания монарха в определенном населенном пункте (месте), с указанием современной административной единицы – департамента, на территории которого оно находится, а также источника информации.

Итинерарии средневековых королей (по 1515 г. включительно) были составлены главным образом медиевистом из Университета Париж VIII Борисом Бовом и его учениками, а итинерарии королей раннего Нового времени – Каролин цум Кольк, куратором *Cour-de-france fr.* и сотрудницей Музея Версальского дворца, также в соавторстве с учениками и коллегами. В основу их работы были положены имеющиеся печатные источники – издания актов и грамот, а также их каталогов и описей, равно как учтены все предыдущие научные исследования и своды данных итинерариев. В настоящее время начинается работа над

²⁶ Fawtier (éd.) 1958.

²⁷ Lalou. 1–2, 2007.

²⁸ Lalou 1996: 191–197.

²⁹ Richard 1996: 163–170.

³⁰ Cour-de-France. Études scientifiques et documents...

³¹ Les Itinéraires royaux...

итинерариями отдельных членов королевской семьи: в данный момент опубликованы только данные Маго, графини д'Артуа (за период 1309–1328), Маргариты Французской, графини Фландрии, дочери Филиппа V (1310–1382), королевы Екатерины Медичи (за период 1529–1588) и ее детей (за период 1550–1560). Итинерарии Бурбонов – Людовика XIII – составлены с привлечением также рукописных данных из Национальных архивов Франции, регистров Счетной палаты Парижского парламента, счетов двора, сведений периодических изданий «Французского Меркурия» и «Газеты»; Людовика XIV – с использованием данных, представленных недавно исследователем биографии короля К. Леванталем³²; Людовика XVI – на основе сведений, собранных в магистерской диссертации К. Мазенгарб, а также дневников короля, периодических изданий и мемуаристики³³.

Помимо детальных указаний на использованные источники и литературу для итинерария каждого короля и исследуемой персоны, авторы базы данных привели общее количество упоминаний об их местопребывании за исследуемый период времени (как правило, за годы царствования), число посещений разных населенных пунктов и мест (в т.ч. ныне уже не существующих; в таком случае указывается ближайшая к их местоположению современная французская коммуна); также определили процент задокументированного охвата местопребываний от общего количества дней царствования. Так, благодаря этой статистике известно о 3703 упоминаниях о местонахождении Филиппа IV Красивого, посетившего 498 разных городов, городков, замков, деревень, монастырей. Всего охвачено 30,7% из 10648 дней его правления.

В 2017 г. вышла коллективная монография «Париж, город двора», где Б. Бов и К. цум Кольк представили пространные разделы о королевских итинерариях, связанных с пребыванием монархов и их дворов в главном городе королевства³⁴. Б. Бов, как уже отмечалось выше, задался вопросом, а были ли средневековые короли Франции парижанами, и после проведенного исследования однозначно ответил: нет. Он последовательно проследил все королевские перемещения, начиная с Филиппа II Августа (1180), вплоть до конца правления Людовика XI (1483), и пришел к заключению, что короли Франции предпочитали пребывать в своих замках в Иль-де-Франсе, в родной патримонии, и поэтому их правильнее называть не парижанами, а «франсильянами» (*franciliens*). В Париже большую часть времени провели только Карл V (60% от всех посещенных мест) и Карл VI (80%): в первом случае это было связано с политическими обстоятельствами в условиях Столетней войны, во втором – с болезнью короля. Анализ Б. Бова был построен с использованием базы данных *cour-de-france. fr* и с применением статистическо-

³² Itinéraire de Louis XIV...; Levantal 2009; Ibid. 2019.

³³ Itinéraire de Louis XVI...; Mazingarbe...

³⁴ Paris, ville de cour 2017.

го, структурно-функционального и графического методов, что позволило учитывать сезонный фактор перемещений, военно-политические обстоятельства, назначение и вид населенного пункта (город, аббатство, охотничий замок, оборонительное сооружение, летняя резиденция, др.), проследить мобильность каждого монарха, соотнести количество перемещений в Иль-де-Франсе с остальными поездками по Франции³⁵.

Целью К. цум Кольк, в свою очередь, стал анализ процесса превращения Парижа из главного города Франции в столицу Французского королевства, «город-резиденцию» монархов, который должен был прийти на смену «региона-резиденции». Она обратила внимание, что несмотря на решение Франциска I 1528 г. сделать средневековый замок Лувр своим главным местопребыванием, а Париж – столицей (*capitale*), традиция размещаться в замках Иль-де-Франса и долины Луары по-прежнему доминировала вплоть до 1560-х гг., что было обусловлено также долгой перестройкой Лувра из замка во дворец. Франциск I (1515–1547) и Генрих II (1547–1559) провели в Париже примерно 15% своего времени от общего числа задокументированных посещений, и только двор королевы-регентши Екатерины Медичи окончательно обосновался там в 1560-х. Изучив итинерарии членов королевской семьи, К. цум. Кольк пришла к выводу, что они не всегда совпадали с перемещениями короля и его двора, и поэтому требуют особого изучения³⁶.

В 2019 г. по инициативе исследовательской группы «двора Франции» состоялась международная конференция «Итинерарий французского двора (Средние века – XIX век)», посвященная королевским перемещениям, значительную часть докладов которой представили составители электронной базы данных сайта *cour-de-france.fr*. Хронологический охват, представленный в докладах, вместе с тем был значительно шире – от Каролингов (М. Гравель) до времени первых президентов Французской Республики (Н. Марио); также были рассмотрены новые аспекты итинерариев, в т.ч. на материале иных европейских дворов. Из «французских» докладов можно отметить Э. Лалу, посвятившую его экономике передвижений Филиппа IV Красивого; А. Саламаня, реконструировавшего процесс размещения двора во время остановки в средневековом замке; Э. Тадиа, рассмотревшей путешествие Марии Медичи ко французскому двору из Флоренции в 1600 г.; К. Моди, проследившего пути перемещения двора Наполеона III, и др.³⁷

В 2019 г. в Ренне вышла также коллективная монография «Управление в движении. Власть и мобильность от античности до наших дней», с разделами по организации управления и администрирования во время переездов античных, средневековых правителей и королей Нового времени. В числе прочих свои разделы написали Ж. Барбье (об-

³⁵ Bove 2017: 25–50; Ibid. 2018: 17–33.

³⁶ Kolk C. zum 2017: 51–68.

³⁷ L'itinérance de la cour de France (Moyen Âge – XIXe siècle)...

зорный по итинерариям меровингских монархов), М. Гравель (итинерариям Каролингов), Э. Лалу (о Филиппе IV). Перемещениям Екатерины Медичи с точки зрения политической целесообразности посвящен материал авторства М. Желлара и Ж. Фоа; королей-Бурбонов – П. Лемегр-Гафье и Л. Лемаршана; наконец, итинерарии Наполеона I Бонапарта, включая его зарубежные походы, изучил Ж.-О. Будон³⁸.

Таким образом, исследователям по-прежнему предстоит продолжить составление итинерариев королей Франции, которые еще не охвачены вниманием историков (среди значимых фигур – Карл VII, Генрих IV и Людовик XV), возможно, с усовершенствованной электронной базой данных, которая включала бы в себя более пространные сведения и отражала более широкий политический контекст (например, с указанием событий, связанных с пребыванием в конкретном месте), и, что не менее важно – составление итинерариев членов их семей. Публикуемые ныне факсимиле и транскрипции актов средневековых королей Франции, размещаемых на научном ресурсе *Cosme / Telma* в значительной мере могут облегчить этот процесс³⁹. Продолжающаяся каталогизация, составление описей актов и корреспонденции королей Нового времени, равно как их публикация также служат источником для уточнения уже известных итинерариев, так и для формирования новых⁴⁰. Обращает на себя внимание растущая интернационализация исследований, инициированных французскими историками, поскольку проект *cour-de-france.fr* все чаще привлекает для работы иностранных специалистов.

Стоит надеяться, что все это позволит историческому сообществу получить доступ к усовершенствованной базе данных итинерариев и раздвинуть область их изучения, которая уже далеко выходит за рамки истории перемещений королей и их дворов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Воронова Т.П., Шишкин В.В. Отчет Рено де Сент-Бева о расходах по командировке в Лион (февраль–март 1313 г.) (предисловие, оригинал, перевод) // *Proslogion. Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2016. Вып. 2 (14). С. 342–360. [Voronova T.P., Shishkin V.V. Otchet Reno de Sent-Beva o raskhodah po komandirovke v Lion (fevral'–mart 1313 g.) (predislovie, original, perevod) // *Proslogion. Problemy social'noj istorii i kul'tury Srednih vekov i rannego Novogo vremeni*. 2016. Vyp. 2 (14). S. 342–360].
- Городские сообщества Западной Европы в Средние века / Под ред. П.Ю. Уварова и Г.А. Поповой. М.: Индрик, 2018. 560 с. [Gorodskie soobshchestva Zapadnoj Evropy v Srednie veka / Pod red. P.Yu. Uvarova i G.A. Popovoj. M.: Indrik, 2018. 560 s.].
- Добаши-Рождественская О.А. Западные паломничества в Средние века. М.: Акционер и К., 2006. 142 с. [Dobiasch-Rozhdstvenskaya O.A. Zapadnye palomnichestva v Srednie veka. M.: Akcioner i K., 2006. 142 s.].

³⁸ Barbier 2019: 189–212; Gravel 2019: 213–234; Lalou 2019: 339–348; Gellard, Foa 2019: 419–431; Lemaigre-Gaffier 2019: 469–492; Lemarchand 2019: 493–514; Boudon 2019: 529–538; Barbier, Chausson, Destephen (éd.) 2019.

³⁹ *Cosme / Telma*...

⁴⁰ В числе последних – завершение издания писем Генриха III де Валуа: *Lettres de Henri III, roi de France 1959–2018. I–VIII*.

- Мишель де Монтень. Путевой дневник. Путешествия Мишеля де Монтеня в Германию и Италию / Пер. Л. Ефимова. СПб.: КИП, 2019. 462 с. [Michel' de Monten'. Putevoj dnevnik. Puteshestviya Mishelya de Montenya v Germaniyu i Italiyu / Per. L. Efimova. SPb.: KIP, 2019. 462 s.].
- Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 630 с. [Fevr L. Boi za istoriyu. M.: Nauka, 1991. 630 s.].
- Шишкин В.В. Французский королевский двор в XVI веке. СПб.: Евразия, 2018. 645 с. [Shishkin V.V. Francuzskij korolevskij dvor v XVI veke. SPb.: Evraziya, 2018. 645 s.].
- Abel Jouan. Recueil et discours du voyage du roy Charles IX. de ce nom à, present regnant: accompagné des choses dignes de memoire faictes en chacun endroit faisant son dit voyage en ses pais & prouinces de Champagne, Bourgoigne, Daulphiné, Provence, Languedoc, Gascoigne, Baiõne, & plusieurs autres lieux, suyvant son retour depuis son partement de Paris jusques à son retour audit lieu, és années M.D.LXIII. & LXV. P.: Jean Bonfons, 1566.
- Abel Jouan. Voyage de Charles IX en France // [d'Aubais, Charles de Baschi, marquis; Menard L.]. Pièces fugitives, pour servir à l'histoire de France avec des notes historiques & géographiques. Paris: H.-D. Chaubert et C. Hérisant, 1759. P. 521–594.
- [d'Aubais, Charles de Baschi, marquis; Menard L.]. Itinéraire des rois de France // Pièces fugitives, pour servir à l'histoire de France avec des notes historiques & géographiques. Paris: H.-D. Chaubert et C. Hérisant, 1759. P. 595–685.
- Barbier J. Les rois mérovingiens, entre fausse immobilité et fausse itinérance // Le Gouvernement en déplacement. Pouvoir et mobilité de l'Antiquité à nos jours / Éd. J. Barbier, F. Chausson et S. Destephen. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2019. P. 189–212.
- Boudon J.-O. Gouverner de l'autre bout de l'Empire. Napoléon en voyage (1802–1815) // Le Gouvernement en déplacement. Pouvoir et mobilité de l'Antiquité à nos jours / Éd. J. Barbier, F. Chausson et S. Destephen. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2019. P. 529–538.
- Boutier J., Dewerpe A., Nordman D. Un tour de France royal. Le voyage de Charles IX (1564–1566). Paris: Aubier, 1984.
- Bove B. Les rois médiévaux sont-ils Parisiens? Essai de synthèse des itinéraires royaux médiévaux de Philippe Auguste à Louis XI (1180–1483) // Paris, ville de cour (XIIIe – XVIIIe siècle) / Sous la dir. de B. Bove, M. Gaude-Ferragu et C. Michon. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2017. P. 25–50.
- Bove B. Saint-Germain-en-Laye: forteresse sur la route de la Normandie ou résidence 'comme au milieu de France' // Saint-Germain, ville militaire. Bulletin des Amis du Vieux Saint-Germain. № 55. 2018. P. 17–33.
- Champion P. Catherine de Médicis présente à Charles IX son royaume, 1564–1566. P.: B. Grasset, 1937. 489 p.
- Cosme / Telma // <https://cosme.hypotheses.org/609>
- Cour-de-France. Études scientifiques et documents // URL: <https://cour-de-france.fr/?lang=fr>
- Deluz Ch. Les voyageurs médiévaux et l'information // Le Temps des medias. 2007. № 8. P. 9-20.
- Estienne Ch. La guide des chemins de France. Paris: Charles Estienne, 1552.
- Excerpta e rationibus ad mansienens et itinera regum spectantia // Recueil des historiens des Gaules et de la France. T. 22 / Éd. N. de Wailly et L. Delisle. Paris: V. Palmé, 1865. P. XXXV–XLII.
- Furetière A. Dictionnaire universel // URL: <http://furetiere.eu/index.php/non-classifie/1048405696>
- Gellard M., Foa G. L'oeil à tout: Catherine de Médicis en mouvements // Éd. J. Barbier, F. Chausson et S. Destephen. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2019. P. 419–431.
- Gravel M. Déplacements et immobilités des souverains carolingiens. De l'Empire au royaume de Francie occidentale // Éd. J. Barbier, F. Chausson et S. Destephen. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2019. P. 213–234.
- Herrmann P. Gènes de «La Guide de chemins de France» // Journal des savants. 2011. № 2. P. 195–219.
- Itinéraire de Louis XIII. Les lieux de séjour du roi d'après ses actes (1610–1643) / Éd. B. Lecarpentier-Bertrand. P., Cour de France.fr, 2018 // URL: <https://cour-de-france.fr/article4992.html>
- Itinéraire de Louis XIV. Les lieux de séjour du roi (1638–1715). Paris, Cour de France.fr, 2020. Itinéraire constitué par C. zum Kolk d'après la chronographie et l'itinéraire du roi publiés par Christophe Levantal en 2009 et 2019 // URL: <https://cour-de-france.fr/article5756.html>
- Itinéraire de Louis XVI. Les lieux de séjour du roi (1774–1789). Paris, Cour de France.fr, 2020. Itinéraire constitué par C. zum Kolk d'après l'itinéraire publié dans le cadre d'un mémoire de master 2 par Karima Mazingarbe en 2014 // URL: <https://cour-de-france.fr/article5775.html>

- Julia D. Le Voyage aux saints. Les pèlerinages dans l'Occident moderne (XVe – XVIIIe siècle). Paris: EHESS / Gallimard / Seuil, 2016.
- Kolk C. zum. La sédentarisation de la cour à Paris d'après les itinéraires des derniers Valois (1515–1589) // Paris, ville de cour (XIIIe – XVIIIe siècle) / Sous la dir. de B. Bove, M. Gaude-Ferragu et C. Michon. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2017. P. 51–68.
- L'Itinérance de la cour de France (Moyen Âge – XIXe siècle) // URL: <https://cour-de-france.fr/actualites-et-liens-utiles/evenements/colloques-et-journees-d-etudes/article/4-5-avr-2019-paris-l-itinerance-de-la-cour-de-france-moyen?lang=fr>
- Lalou E. Itinéraire de Philippe IV le Bel (1285–1314). T. 1-2. Paris: Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 2007.
- Lalou É. Le gouvernement sur les chemins de Philippe IV le Bel // Éd. J. Barbier, F. Chausson et S. Destephen. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2019. P. 339–348.
- Lalou E. Vincennes dans les itinéraires de Philippe le Bel // Éd. E. Lalou et J. Chapelot. Vincennes, aux origines de l'État moderne. Paris: Presses de l'École normale supérieure, 1996. P. 191–197.
- Lanni D. État présent des recherches en français sur la littérature des voyages // *Annali d'Italianistica*. Vol. 21: Hodoeporics Revisited / Ritorno all'odeporica. 2003. P. 483–499.
- Lauzun Ph. Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne d'après ses livres de comptes (1578–1586). Paris: Picard, 1902.
- Le Gouvernement en déplacement. Pouvoir et mobilité de l'Antiquité à nos jours / Éd. J. Barbier, F. Chausson et S. Destephen. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2019. 758 p.
- Lemaigre-Gaffier P. Mobilités et «voyages» du roi de France à l'époque de la monarchie administrative (XVIIe – XVIIIe siècle) // Éd. J. Barbier, F. Chausson et S. Destephen. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2019. P. 469–492.
- Lemarchand L. Les rois passent, les usages aussi. La Régence parisienne et la sédentarisation de la monarchie absolue // Éd. J. Barbier, F. Chausson et S. Destephen. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2019. P. 493–514.
- Léonard G.-É. La bibliothèque du marquis d'Aubais // *Bibliothèque de l'École des chartes*. Vol. 83. 1922. P. 470–473.
- Les Itinéraires royaux // URL: <https://cour-de-france.fr/bases-de-donnees/bases-de-donnees-publiees-par-cour-de-france-fr/les-itineraires-royaux/?lang=fr>
- Lettres de Henri III, roi de France / Recueillis par P. Champion, éd. M. François, B. Barbiche, H. Zuber, J. Boucher. T. I-VIII. Paris: 1959-2018.
- Levantat Ch. Louis XIV voyageur. Paris: CNRS éditions, 2019. 480 p.
- Levantat Ch. Louis XIV. Chronographie d'un règne. T. 1-2. Paris: Infolio, 2009. 1056 p.
- Ludovicali noni mansiones et itinera // Recueil des historiens des Gaules et de la France. T. 21 / Éd. Guignart et N. de Wailly. Paris: Imprimerie Impériale, 1855. P. L-LII, 406–512.
- Maillard F. Itinéraire de Louis XII, roi de France (1498–1515) // *Bulletin philologique et historique du Comité des travaux historiques*. Année 1972. 1979. P. 171–206.
- Martin P. Pèlerins: XVe-XXIe siècles. Paris: CNRS Éditions, 2016. 340 p.
- Mazingarbe K. Itinéraire de Louis XVI: mai 1774 – juin 1791. Histoire. 2014 // URL: <https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-02899714/document>
- Paris, ville de cour (XIIIe – XVIIIe siècle) / Sous la dir. de B. Bove, M. Gaude-Ferragu et C. Michon. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2017. 384 p.
- Pèlerinages et lieux saints dans l'Antiquité et le Moyen Âge. Mélanges offerts à Pierre Maraval / Éd. B. Caseau, J.-C. Cheynet et V. Déroche. Paris: Association des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 2006. 512 p.
- Pèlerins et pèlerinages dans l'Europe moderne (XVIe – XVIIIe siècles) / Éd. P. Boutry et D. Julia. Rome: École française de Rome, 2000. 519 p.
- Petit E. Les séjours de Charles V (1364–1380). Paris: Imprimerie nationale, 1888. Extrait du Bulletin du Comité, section d'histoire et de philologie, 1887. 74 p.
- Petit E. Les séjours de Charles VIII (1483–1498) // *Bulletin historique et philologique du Comité des travaux historiques*. 1896. P. 629–690.
- Petit E. Séjours de Charles VI (1380–1400). Paris: Imprimerie nationale, 1893. Extrait du Bulletin historique et philologique du Comité des travaux historiques. 88 p.
- Petit E. Séjours de Jean II (1350–1356). Paris: Imprimerie nationale, 1896. Extrait du Bulletin historique et philologique du Comité des travaux historiques. 28 p.

- Pilot de Thorey E. Catalogue des actes du dauphin Louis II, devenu le roi de France Louis XI, relatifs à l'administration du Dauphiné. T. II. Grenoble, 1899. 472 p.
- Registres du trésor des chartes. T. I. Règne de Philippe le Bel / Éd. R. Fawtier. Paris, 1958. 688 p.
- Registres du trésor des chartes. T. III. Règne de Philippe de Valois / Éd. J. Viard. Pt. 1-3. Paris: Archives nationales, 1978–1984. 416 p.; 456 p.; 588 p.
- Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France au XVIe siècle / Éd. N. Tommaseo. T. I. Paris: Imprimerie nationale, 1838. 565 p.
- Richard J. Les itinéraires de saint Louis en Île-de-France // Éd. E. Lalou et J. Chapelot. Vincennes, aux origines de l'État moderne. P. 163–170.
- Vaesen J., Mandrot B. de. Itinéraire de Louis XI, roi de France // Lettres de Louis XI, roi de France / Éd. J. Vaesen et É. Charavay. T. XI. Paris: Renouard – Laurens, 1909. P. 3–236.
- Viard J. Itinéraire de Philippe VI de Valois // Bibliothèque de l'École des Chartes. № 74. 1913. P. 73-128, 525–619; № 84. 1923. P. 166–170.
- Voyages et voyageurs au Moyen Âge: XXVe Congrès de la S.H.M.E.S. Limoges-Aubazine. Mai 1995 (Histoire ancienne et médiévale. T. 39). Paris: Publ. de la Sorbonne, 1996. 314 p.

Шихкин Владимир Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Северо-Западный институт управления РАНХуГС; *shishkin-vv@ranepa.ru*

Royal Itineraries in French Sources and Studies

The article is devoted to the French historiography of the royal itineraries – the movements of the rulers of France during the Middle Ages and Modern epoch, in the light of the renewed scientific interest in recent times. The author traces the evolution of French historical thought and research approaches since the 16th century and notes the characteristic features and themes of modern trends in the study of the itineraries of monarchs, members of their families and royal courts. Special attention is paid to the current scientific project "Curial Itinerary (Middle Ages – XIXth century)", initiated by the research group of the electronic publication Cour-de-france fr., the main goal of which is to create an electronic database of royal and curial itineraries, based on the processing of data sources and scientific works in this field.

Keywords: Royal itineraries, history of France, French historiography, Middle Ages, Modern times.

Vladimir Shishkin, doctor of historical sciences, principal researcher, North-Western Institute of management, Russian Presidential Academy of national economy and public administration; *shishkin-vv@ranepa.ru*

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ПОРТРЕТОВ ПРЕДАТЕЛЕЙ К ВОПРОСУ О РОЛИ ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В АНГЛИЙСКОЙ ДЕШЕВОЙ ПЕЧАТИ КОНЦА XVI ВЕКА

В статье рассматривается комплекс бродсайдов, посвященных разоблачению заговора Энтони Бабингтона в 1586 г. Анализируется их авторство, текстовое и визуальное содержание, делается вывод о том, что они появились как пропагандистская попытка власти сформировать благоприятное общественное мнение. Особое внимание уделяется визуальным образам и особенностям их распространения, копирования и восприятия в массовом сознании англичан конца XVI века.

Ключевые слова: история Англии, история раннего Нового времени, заговор Бабингтона, история печати, площадная литература, гравюра

Создание и развитие сетевых архивов подготовило почву для заметного роста интереса исследователей к массовым визуальным источникам. Количество работ в этой области растет, и все яснее вырисовывается значимость визуальной компоненты в печатных текстах и ее эпистемологические возможности¹. Изучение визуальных материалов вносит вклад в научное обсуждение таких значимых проблем, как особенности восприятия и транзита информации, выстраивание коллективной памяти, формирование общественного мнения.

Стремление к обсуждению этих проблем наметилось, в частности, в изучении английских площадных печатных листов XVI–XIX вв. (называемых также бродсайдами), и данная статья является небольшой репликой в далеком от завершения разговоре. Материал, лежащий в основе статьи, представляет собой комплекс дешевых печатных изданий 1586 г., порожденных арестом и казнью Энтони Бабингтона и соучастников его заговора. Этот комплекс, сочетающий визуальные и текстуальные послылы, позволяет, с одной стороны, прощупать усилия центральной власти по формированию общественного мнения, а с другой – уловить особенности ожиданий и запросов массовой аудитории в эпоху, когда печатный рисунок впервые превратился в действительно массовый элемент визуальной культуры.

Площадная баллада в Европе раннего Нового времени была введена в партийные и религиозные противостояния, принципиально чужда позиции беспристрастного наблюдателя². В случае с германской песней³ или французскими площадными балладами⁴, точки зрения сторонников противоположных религиозных и политических лагерей ощутимо сталкивались в общественном пространстве и оказывали влияние на широкую аудиторию. В Англии XVI в., с ее относительной малочисленно-

¹ Areford 2016; Fumerton 2020; Prints in Translation... 2017; Studies in Ephemera 2013.

² Shaaber 1966: 5.

³ Oettinger 2016.

⁴ Orden 1998.

стью центров книгопечатания и лучшим контролем над ними правительства, почти безраздельно господствовала лояльная по отношению к королевской власти и англиканской вере площадная печать. Безусловно, некоторое количество «подрывных» текстов завозились контрабандой и нелегально печатались внутри страны. Порой отзвуки существования нелегальной прессы доносятся до нас в виде следов баллад, которые их авторы задумывали как опровержения католических и мятежных песен⁵. Но даже такие косвенные свидетельства встречаются крайне редко. Очевидно, что в столице и центре страны такая литература была труднодоступна и крайне опасна, особенно в моменты политических кризисов, для широкого читателя. Власть, обращаясь к подданным, могла быть заранее уверена, что большинство населения лояльно монарху, придерживается протестантских взглядов, и именно через такую призму оценивает понятие «измены». Однако ситуация не позволяла преувеличивать благонадежность подданных, и елизаветинская эпоха демонстрирует все более активное наращивание пропагандистской подачи образа королевы и благ ее правления. Существует целый ряд исследований, которые показывают использование в пропагандистских целях торжественных шествий и поездок двора по стране, изображений Елизаветы, театральных постановок, риторики официальных прокламаций⁶.

Однако вопрос, охватывал ли широкий спектр пропагандистских рупоров власти такую область, как дешевая площадная печать в 1560-1590 гг., до сих пор является областью догадок. Издание бродсайдов было частным коммерческим делом издателей, и какие-либо документальные указания на связи их с двором или агентами правительства отсутствуют. Более продуктивным для историков оказалось исследование границ запретов: становление цензурного законодательства и специфика его практического применения⁷.

Попытки найти косвенные текстуальные доказательства влияния властей на площадную печать через анализ текста источников предпринимались. Так, в статье Э. Уилсона-Ли показано, что риторика некоторых площадных баллад, посвященных подавлению восстания на Севере в 1569-70 гг., имеет несомненное сходство с риторикой, использованной членами Тайного совета в личных письмах и официальных бумагах. Также авторы этих баллад использовали развитую геральдическую символику, нетипичную для площадной литературы и требующую специальных познаний⁸. Это доказывает, как минимум, наличие контактов между авторами баллад и правительственными кругами. Как представ-

⁵ A Replye agaynste that sedicious and papesticall written ballet late caste abroade in the streets of the Cetie of London / Rollins 1912: 196; An Answer to a popishe Ryme Lately printed and intituled A proper newe Ballad wherein are contained Catholycke questions to the protestant / Rollins 1912: 251.

⁶ См.: Дмитриева 2004; Clegg 2014: 165-181; Cole 1999; Walker 1998.

⁷ Auchter 2001; Clegg 1997.

⁸ Wilson-Lee 2012: 225-42.

ляется, баллады, посвященные заговору Бабингтона, дают еще одно, также косвенное, но весомое указание на связи между правительственными кругами и издателями площадных листов.

Сюжетная канва истории заговора и расправы с ним хорошо известна. Заговор 1586 года был одной из попыток убийства королевы Елизаветы и возвращения страны в лоно католицизма. Группа молодых католиков, во главе со священником Джоном Баллардом и дворянином из Дербишира Энтони Бабингтоном, ставила целью освобождение Марии Стюарт, а также арест или убийство Елизаветы. Заговорщики полагались на поддержку предприятия из-за рубежа, налаживая связи с испанским послом в Париже, доном Бернардино де Мендоса⁹. Однако с самого начала активную роль в заговоре играли двойные агенты королевского секретаря Фрэнсиса Уолсингема, создателя английской разведки. Эти агенты на первых этапах способствовали развитию и расширению заговора, спровоцировали обмен письмами с Марией Стюарт, и, наконец, обеспечили арест и обвинение заговорщиков. С 9 августа начались аресты и допросы, продолжавшиеся до начала сентября.

13 сентября 1586 г. четырнадцать заговорщиков предстали перед судом по делу о государственной измене, были признаны виновными и осуждены на казнь, традиционно применявшуюся для этого вида преступников: частичное удушение, потрошение и четвертование¹⁰. Этот способ казни государственных изменников, применявшийся в Англии с XIII в., в последние десятилетия XVI в. был довольно частым зрелищем в Лондоне: не менее 180 человек подверглись ему с 1580 по 1603 г.¹¹ Так погибли все предшественники Бабингтона, обвиненные в покушении на жизнь королевы: Эдмунд Кэмптон (1581), Фрэнсис Трогмортон (1583), Джордж Хейдок и четверо его соучастников (1585).

20 сентября были казнены семеро участников заговора, включая лидеров и наиболее активных его членов: Баллард, Бабингтон, Сэвидж, Барнвелл, Тичборн, Тилни и Эббингтон. Их казнь совершилась в полном согласии с традициями. Когда на следующий день на эшафот взойшли остальные: Сэлсбери, Донн, Джонс, Трэвис, Чарнок, Гейдж и Беллами, им была объявлена неожиданная милость королевы: удушение до смерти и избавление от мук при потрошении и четвертовании.

Освещение дела Бабингтона в печати, наряду с типичными чертами: появлением по свежим следам громкой казни ряда дешевых изданий от разных издателей и публикация на протяжении года памфлетов, посвященных этому же событию, демонстрирует и необычные детали. Первая странность – появления произведений, посвященных заговору. Это две баллады, не дошедшие до нас, но лицензированные и отмеченные в «Реестрах компании книгоиздателей». Изданная Эдвардом Ол-

⁹ Haynes 2009.

¹⁰ Martin. 2016.

¹¹ Brooke, Brandon 2005: 49-50.

дом «Новая баллада о ликовании по поводу разоблачения крагов королевы»¹² появилась 24 августа, в момент, когда еще велись допросы заговорщиков, а официальных публичных заявлений о раскрытии заговора не делалось. Вскоре вслед за ней была лицензирована «Радостная песнь, сложенная жителем Лондона от имени всех подданных ее величества, касательно радости о поимке изменников»¹³. Ее издателем был Ричард Джонс, а датирована в «Реестрах» баллада 27 августа.

Напрашивается вывод, что либо неизвестные нам авторы, либо издатели имели инсайдерскую информацию о Бабингтоне и его сторонниках, которую поспешили донести до широкой публики задолго до судебного разбирательства и последующей казни: они почти на месяц предвосхитили ход событий. Безусловно, участь Бабингтона была предопределена, но информация об этом находилась в руках Уолсингема и его доверенных людей, знавших о работе провокаторов в рядах заговорщиков. Широкая публика не имела о происходившем ни малейшего понятия, и суд, начавшийся 13 сентября, «стал большим потрясением для английских католиков»¹⁴.

Записи в «Реестрах компании книгоиздателей» представляют далекий от полного перечень изданных площадных баллад: часть такого рода изданий лицензировалась без заглавий, с единственной пометкой «баллады» и указанием числа наименований. Часть наименований издатели вовсе не лицензировали, используя все возможности для уменьшения налоговых сборов. Три баллады, дошедшие до нас, также не оставили в «Реестрах» никакого следа, и нет возможности точно датировать время их появления. Однако, судя по их содержанию, они могли появиться только после казней 20 и 21 сентября.

Заглавие первой обстоятельно излагает суть новости: «Наирадостнейшая песнь от лица всех верных и любящих ее Величество подданных: о великой радости, что случилась в Лондоне, о взятии под стражу последних предателей-заговорщиков, которые искали возможность убить ее величество, разорить город и отдать королевство иноземным захватчикам: за оную гнусную измену четырнадцать из них приняли смерть 20 и 21 сент.»¹⁵. Издана баллада Ричардом Джонсом, авторство принадлежит Томасу Делоне. На протяжении XIX–XX вв. несколько исследователей бродсайда задумывались над сходством этого заголовка и заглавия баллады, внесенной Джонсом в Реестры 27 августа, однако расхождение в датах признается весомым поводом предполагать нали-

¹² Rollins 1912: 194.

¹³ a ioyfull songe made by a citizen of London in the behalfe of all her maiesties subjects touchinge the ioye for the takinge of the traitours / Rollins 1912: 115.

¹⁴ Haynes 2009. Ch. 8.

¹⁵ A most joyfull Songe, made in the behalfe of all her Majesties faithfull and loving Subjects: of the great joy, which was made in London. at the takinge of the late trayterous Conspirators, which sought oportunity to kyll her Majesty, to spoyle the Cittie, and by forraigne invasion to overrun the Realme: for the which haynous Treasons, fourteen of them have suffred death on the 20. & 21. of Sept. Anno Domini 1586. . .

чие двух разных текстов¹⁶. Делоне указан как автор еще одной баллады, которую опубликовал Эдвард Олд: «Надлежащая новая баллада, кратко сообщающая о смерти и казни 14 самых злобных изменников, что приняли смерть на поле Линкольн-Иннс возле Лондона: 20 и 21 сентября 1586 г.»¹⁷ Третью балладу сочинил Томас Нельсон, а отпечатал Томас Пэрфут для Эдварда Уайта (обычная практика в конце XVI в., когда владельцы менее доходных печатных прессов работали по заказам более успешных собратьев по цеху). Озаглавлен лист как «Надлежащая новая баллада, сообщающая суть всех недавних заговоров против ее величества и сословий этого королевства [совершенных] различными изменниками: которые были казнены на поле Линкольн-Иннс в 20 и 21 день сентября, 1586 г.»¹⁸.

Томас Делоне и Томас Нельсон были профессиональными сочинителями баллад (хотя первый вышел из цеха ткачей шелка, а второй, одновременно с сочинительством, занимался книгопечатанием), но ведущая роль в выпуске бродсайдов, безусловно, принадлежала издателям. Именно они – Ричард Джонс, Эдвард Олд и Томас Пэрфут – отвечали за выбор произведения и оформление листа. Если обратиться к информации об издателях, то обнаруживается большое сходство в их профессиональном положении и декларируемых политических взглядах¹⁹. Они начинали с дешевых изданий, постепенно переходя к книгам среднего формата, что было признаком укрепления их позиций в Компании. Издания каждого содержат большую долю текстов с проповедью протестантизма и выражением верноподданнических чувств. Впоследствии все трое заняли видное место в Компании книгоиздателей и, очевидно, обладали обширными связями. Наиболее ревностными и давними союзниками власти выглядят Джонс и Пэрфут, они печатали баллады, посвященные победам королевы над изменниками, начиная с 1570 г. Джонс дольше других был связан с публикациями по делу Бабингтона: в конце 1586 г. он опубликовал стихотворный трактат Уильяма Кемпа о казнях заговорщиков и Марии Стюарт²⁰, а в 1587 г. издал прозаический памфлет Джорджа Уитстона, где подробно изображена казнь Бабингтона и его сотоварищей²¹.

Текстуальное содержание всех трех баллад о казни Бабингтона сравнимо с другими подобными текстами 1570–1620 гг. Изложению

¹⁶ Livingston 1991: 501.

¹⁷ A proper new Ballad, breiefely declaring the Death and Execution of 14. most wicked Traitors, who suffered death in Lincolnes Inne Feelde neere London: the 20 and 21. of September. 1586...

¹⁸ A proper newe Ballad, declaring the substaunce of all the late pretended Treasons against the Queenes Maiestie, and Estates of this Realme, by sundry Traytors: who were executed in Lincolnes-Inne field on the 20. and 21. daies of September. 1586...

¹⁹ См.: A Dictionary of Printers and Booksellers... 1910; Sayle 1900: 278-285. Melnikoff 2005: 184-209.

²⁰ Kempe W. A dutiful inuectiue, against the moste haynous treasons... 1587.

²¹ Whetstone 1587.

фактов авторы предпочитают эмоциональную оценку событий: ужас от замыслов заговорщиков, ликование по поводу их ареста и казни, благодарственные молитвы за спасение королевы и страны. Менее стандартным является текст Нельсона, в нем представлен довольно подробный и соответствующий фактам рассказ о замыслах заговорщиков и зарождении заговора, об арестах, суде и казни. Следует отметить, что Нельсон единственный из авторов, освещавших дело Бабингтона, кто упомянул «доктора Джиффорда» (двойного агента Уолсингема, который никогда официально таковым не был признан, а после ареста заговорщиков «скрывался» во Франции, поставляя своему шефу информацию). В балладе Джиффорд представлен как один из заговорщиков. Пожалуй, баллада Нельсона – самое подробное и точное описание политической новости из всех сохранившихся новостных баллад XVI века.

Уникальными три баллады о казни Бабингтона делает все же не основной текст, а прозаическое дополнение к нему и визуальное оформление листа.

Прозаические примечания встречались в площадной литературе, посвященной сообщениям о рождении «монстров» (деформированных младенцев и животных или диковинных рыб) с 1560-х гг., и представляли собой детальное описание деформаций «монстра»²². Прозаические примечания в текстах о казнях (политических или уголовных) не встречаются ни в XVI в., ни в первой трети следующего столетия. Исключения составляют пять текстов 1581–1588 гг., причем три из них посвящены делу Бабингтона: все они снабжены списком осужденных.

Первый список осужденных появляется в бродсайте, изданном Ричардом Джонсом в 1581 г. и сообщающем о казни Эдмунда Кэмпiona. Это подробная справка о судьбах участников заговора:

«Имена осужденных заключенных, с которыми было покончено вместе с КЭМПИОНОМ, в понедельник, двадцатого ноября, и с остальными следом, во вторник: кто остался в Лондонском Тауэре, ожидая воли ее величества, и пока не казнены. Джон Босгрэйв. Томас Котенхэм. Люк Кирби. Роберт Джонсон. Эдвард Раштон. Генри Ортон. Томас Фурд. Томас Филби. Джон Харт. Лоуренс Ричардсон, и Уильям Шерт. И еще один, именуемый Джон Колингтон, был оправдан в суде»²³.

Декоративные элементы баллады тоже акцентируют имена, вернее, имя главного заговорщика. Вертикальный ряд украшенных литер разграничивает половины печатного листа и складывается в имя «Эд Кэмпин». Помимо литер и узкой декоративной рамки печатный лист не содержит иных украшений.

²² Карначук 2014: 107–128.

²³ «The names of the condemned Prisonners, that weare araigned with CAMPION, on Munday, the twentieth of November, and the rest on the Tuesdaye followynge: who remaine in the Tower of London, at her Majesties pleasure, as yet, unexecuted. John Bosgrave. Thomas Cotehame. Luke Kyrbie. Robert Johnson. Edwarde Rushton. Henrie Orton. Thomas Foord. Thomas Fylbie. John Hart. Lawrance Richardson, and William Shert. And one other, named John Colyngton, was quight by the Jurie».

Джонс создает новый «рецепт» бродсайда о казни изменников, который сочетает эмоциональную балладу, прозаическую содержательную часть и гравюры, также обличающие изменника. Но до 1586 г. издатели не используют этот рецепт, как показывает несколько баллад о казнях, включая изданный самим Джонсом бродсайд о казни Фрэнсиса Трогмортон²⁴. И только дело Бабингтона внезапно заставило трех независимых издателей воспользоваться именно этой, очень нетипичной схемой.

Итак, во всех трех случаях издатели публикуют список казненных. У Олда и Пэрфута он помещается в правом углу, ниже текста баллады, Джонс из-за нехватки места на листе поместил имена в тонкие рамки и создал из них вертикальный разделитель двух половин листа, подобно литерам с именем Кэмпiona в 1581 г.

Орфография трех списков содержит ряд разночтений.

Таблица 1. Сравнительная орфография имен государственных изменников, казненных 20 и 21 сентября 1586 г.

Материалы суда над Бабингтоном и его сторонниками*	A most joyfull Songe, made in the behalfe of all her Majesties faithfull and loving Subjects	A proper new Ballad, breefely declaring the Death and Execution of 14. most wicked Traitors	A proper newe Ballad, declaring the substance of all the late pretended Treasons against the Queenes Maiestie
Anthony Babington**	Anthonye Babyngton	Anthony Babington	Anthony Babington
Chidiok Titchburne	Chediorck Titchburne	Chodicus Techburne	Chodicus Techburne
Thomas Salisbury	Thomas Salsbury	Thomas Salsbury	Thomas Salsbury
Robert Barnnell	Robert Barnwell	Robert Barnwell	Robert Barnwell
John Savage	John Savage	John Savage	John Savage
Henry Donn	Henry Dun	Henry Dun	Henry Dun
John Ballard	John Ballard	John Ballard	John Ballard
Edward Abington	Edward Abington	Edward Abbington	Edward Abbington
Charles Tilney	Charles Tylney	Charles Tilney	Charles Tilney
Edward Jones	Edward Johnes	Edward Johnes	Edward Johnes
John Travers	John Travis	John Trauers	John Trauers
John Charnock	John Charnocke	John Charnock	John Charnock
Robert Gage	Robert Gage	Robert Gage	Robert Gage
Jerome Bellamy	Jeremie Bellamy	Harman Bellamy	Harman Bellamy

* Приводится по изданию: Tryals for High-Treason, and other crimes... 1720.

**Порядок имен в первом столбце таблицы соответствует порядку их записи в протоколах суда²⁵. Все три баллады называют осужденных в том порядке, в котором они были казнены: Баллард, Бабингтон, Сэвидж, Барнвелл, Тичборн, Тилни, Эббингтон в первый день; Сэлсбери, Донн, Джонс, Трэверс, Чарнок, Гейдж, Беллами во второй. Это одно из обстоятельств, указывающих на опубликование баллад уже после казни.

²⁴ The Lamentation of Engle... 1584.

²⁵ Tryals for High-Treason, and other crimes... 1720: 64-71.

Очевидно, что списки из протоколов суда, у Джонса и у Олда отличаются друг от друга написанием целого ряда имен. Списки Олда и Пэрфута идентичны, они повторяют даже ошибочное имя последнего обвиняемого, Джерома Беллами, превращая его в Хармана, и это приводит к выводу о наличии у них общего письменного источника. Однако Олд и Пэрфут поделились не только списком предателей, они использовали одинаковый набор гравюр для украшения бродсайдов.

Самой удивительной чертой трех баллад о казни Бабингтона и его соратников является то, что все они снабжены портретами. Чтобы подчеркнуть, насколько это обстоятельство необычно, достаточно указать, что ни одна известная нам баллада XVI в., кроме анализируемых здесь и баллады 1588 г., изданной Олдом, не содержит портретных изображений. Позже, в XVII в. на печатных листах изредка будут появляться портреты, обычно английских или зарубежных монархов, но никогда ни частных лиц, тем более – убийц или изменников.

В отличие от стремления к индивидуализации изображения в живописной традиции, дешевая печатная продукция шла противоположным путем: к типизации изображения человека, к сведению его индивидуального облика до набора «говорящих» знаков и символов²⁶. Площадные листы XVI в. не знают, впрочем, даже типизированного портрета: их иллюстрируют отдельные фигуры дам и джентльменов или жанровые фигуры: всадник, повешенный, крестьянин, муж и жена в доме.

Такой подход к иллюстрации представляется естественным явлением, обусловленным, с одной стороны, экономической причиной: заказ гравюры резчику увеличивал цену издания, а в случае с такой дешевой продукцией, как бродсайды, делал его и вовсе нерентабельным. С другой стороны, риторике площадной баллады всегда было свойственно обращаться к эмоциям многочисленной аудитории и, даже в рассказе об уникальном событии, вписывать его в универсальную картину мира. К примеру, казнь убийцы всегда мыслилась авторами баллад XVI в. как поучительный пример для всех, призыв к покаянию, состраданию и праведной жизни. Таким образом, визуальные образы, как и текстовые, естественно стремились к обобщению и символизму. Именно поэтому одно и то же изображение дамы могло путешествовать по разным площадным листам в течение десятилетий, в рамках широкого смыслового контекста являясь обозначением то юной красавицы, то развратницы, то знатной дамы, то царицы Савской²⁷.

И все же три издателя одновременно прибегли к уникальному оформлению: галерее портретов. Более того, наборы портретов, использованные Олдом и Пэрфуттом, представляют собой 12 идентичных изображений, различаясь только в последних двух. Оба издателя использовали один и тот же набор досок для гравирования, что доказывает наличие одинаковых дефектов на оттисках.

²⁶ Clement 2017: 383-5.

²⁷ Sisneros 2018.

A proper new Ballad, breefely declaring the Death and Execution of 14 traitors, who suffered death by the sword in London, the 2nd and 3rd of September, 1648. At the time of W. ep. 1648.

Remember that good people all,
Whose profits in this war:
Were their holy oaths, by his power,
To save this Kingdom.

Which note here but their true nature,
As London hath her
And filled her streets with blood and
The executioner's sword.

On this the Lord with hurt and wounds,
Toe people with lives there,
Said to himself, how hard had their fate,
To quile these painfull flames.

But, alas! they that could live,
Were hang'd by the neck;
The Carthage, his holie quarters,
And their end in the end.

Who saw these such kind of things,
At Cruelty in this Land
Spoke the pious words of truth,
And their god's name to praise.

Opus 1648.

That they beheld the rage of Rome,
The friends of Death plants,
Whose end in their necks was made,
To be left all for the living world.

Who saw such things, as being true,
Who saw such things,
Who saw such things, as being true,
Who saw such things, as being true.

Opus 1648.

Which in that wicked enterprise,
Which they have seen his part.

Opus 1648.

Which in that wicked enterprise,
Which they have seen his part.

Opus 1648.

Which in that wicked enterprise,
Which they have seen his part.

Opus 1648.

Which in that wicked enterprise,
Which they have seen his part.

Opus 1648.

Which in that wicked enterprise,
Which they have seen his part.

Opus 1648.

Which in that wicked enterprise,
Which they have seen his part.

Opus 1648.

Which in that wicked enterprise,
Which they have seen his part.

Opus 1648.

Which in that wicked enterprise,
Which they have seen his part.

Opus 1648.

Which in that wicked enterprise,
Which they have seen his part.

Opus 1648.

Which in that wicked enterprise,
Which they have seen his part.

Opus 1648.

Which in that wicked enterprise,
Which they have seen his part.

Opus 1648.

Which in that wicked enterprise,
Which they have seen his part.

Opus 1648.

Which in that wicked enterprise,
Which they have seen his part.

Opus 1648.

But because the list of all
Whose names that day:
Were truly not known, all this,
As with our common wit.

Opus 1648.

Which in that wicked enterprise,
Which they have seen his part.

Opus 1648.

Which in that wicked enterprise,
Which they have seen his part.

Opus 1648.

Which in that wicked enterprise,
Which they have seen his part.

Opus 1648.

Which in that wicked enterprise,
Which they have seen his part.

Opus 1648.

Which in that wicked enterprise,
Which they have seen his part.

Opus 1648.

Which in that wicked enterprise,
Which they have seen his part.

Opus 1648.

Which in that wicked enterprise,
Which they have seen his part.

Opus 1648.

Which in that wicked enterprise,
Which they have seen his part.

Opus 1648.

- Names of Traitors**
which were executed on
Tuesday being the 2^d
of September,
1648.
John Bullard	Thomas Salway
Anthony Halloway	Henry Day
John Savage	John and James
Robert Smedley	John Thomas
Charles Trethewey	John Chamock
Charles Turner	Robert Gage
Edward Abington	Herman Bellamy
- 1648. T. D.**
Imprinted in London, at the Shop
of William Stansfield, at the
Chancery Lane, by Thomas
Cotes, Printer.

A warning to all false Traitors by example of 14.
Wherof vi. were executed in diuers places neere about
London, and 2. neere Braintford the 28. day of August, 1588. Also at Tyborne
were executed the 30. day vi. namely 4. Men and one Woman. To the time of Greatflowes.

You Traitors all that haue done,
 to hurt our Queene in treacherous sorte,
 And in your hatred haue lost honour,
 wherby way to hurt our England,
 Consider what the ende will be,
 Of Traitors all in their begining,
 hanging in all their deluge,
 that trouble the peace of England.

Whil not examples make penance,
 Nor you will in this strepes cuthe,
 Whil the hangings shewly cure,
 that trouble the peace of England
 Remember this long age,
 And Campio that was hang'd also,
 Whil a member great of a treason more,
 that trouble the peace of England.

Then Paris and Throckmorton the,
 Of treacherous duties were not to be,
 And haue to other house done the like,
 to trouble the peace of England
 And Babington with his wicked frame,
 Continually did beate their hymne,
 which way and how they might obtaine,
 to trouble the peace of England.

But God we see both still made haire,
 their wicked maninges euer our,
 And death hath made their byetes no grone,
 that trouble the peace of England
 Yet till not their examples gaine,
 Dure they their traitage and being mind,
 But till they see to link the blood,
 of our gracious Queene of England.

To let not London three years sene,
 In two traitage hang done the first and great,
 which did take part against our Queene,
 to trouble her Reame of England
 The self a Spanish his name was Don,
 the next was Walsley who did name,
 To be the Spaniards to be graine,
 the traites of the Reame of England.

The next in Scotlande said their deed,
 a Spanish that was a traitor deed,
 the name was Gower who did name,
 to be the god Queene of England.

But he would to the Spaniards take,
 to trouble our Queene in treacherous sorte,
 And gaine our Queene this parte to
 to trouble the peace of England, take

There had in London in the alle,
 Moorish a counsel traitage the
 he being a Spanish with other more,
 did come to trouble our England,
 And in that place there did with him,
 the name was Alcock trait to kill,
 to hurt the god Queene of England.

There had the at Chichester,
 a Spanish that was a traitor fell,
 the name was Alcock trait to kill,
 that trouble the peace of England
 for why, he sought to maintain,
 the Pope and the the Spanish traitor,
 And did our gracious Queene dishonour,
 with all that hee her in England.

Then Felton young who did beheade,
 the Pope as did his father eke,
 his father had he to treason take,
 to trouble the peace of England
 To Braintford he was had to be,
 wher as he hang'd his drop,
 To be the god Queene and her Countrey,
 but sought the drop of England.

And in like manner Chalkonbe,
 To Braintford was of his company,
 wher both were hang'd upon a tree,
 as enemies to our England
 Both by the the three piece of shewly curst
 To who shewly did goe about,
 But yet for them it was no hurt,
 to hurt the god Queene of England.

At Tyborne they the thirted day,
 Flew and Shiley, thurt to say,
 And Leigh a place who did name,
 to be the god Queene of England
 Marce and Kooche that were deed,
 At Tyborne being traitage they
 for the the self they had name,
 to be the god Queene of England.

Our Margery Ward there died by day,
 for theen Rowell she did name,
 a traitor's part with copes away,
 that sought to trouble our England
 This would woman be the of grace,
 would not repent in any case,
 But desperately euen at that place,
 she died as a fox to England.

When Lane had passed upon the fish,
 they thought he hang'd and executed to
 the Queene their mercy without this,
 wher sought her drop in England
 And pardoned the three great traitor,
 yet all her paine was in vain,
 for to the mercy they did dishonour,
 of the gracious Queene of England.

But God we see both still defend,
 our gracious Queene bene the end,
 Gaine traitage that do all pretend,
 to her and her Reame of England
 God grant that we may thankfull be,
 into his glorious State Sir,
 that to defend the innocent,
 of the beuous Queene of England.

The names of the 8. Tray-
 tors, executed on the eight and
 twentieth of August.

William Thane, and Henry Wible, executed
 at Tyborne.
 John Gower, executed at Tyborne.
 Robert A. Marce and Hugh A. Marce, execu-
 ted in London in the fields.
 Thomas Kooche and James Kooche, execu-
 ted near Braintford.

The names of them that
 were executed the 30. of August.

Richard Fleton, Edward Shiley, Richard
 Leigh, Richard Marce, and John Kooche, execu-
 ted at Tyborne.
 Also at the same time our Margery Ward
 was being a Traitor's Part of Row-
 well.

FINIS.

Imprinted at London by Edward Allde.

Каково происхождение портретов четырнадцати изменников и являются ли они изображениями реальных лиц? Еще в 1840 г. Дж.П. Коллиер в предисловии к «Надлежащей новой балладе» Нельсона отметил, что гравюры являются не портретными подобиями, а гравюрами из книги Хилла по физиогномике, а возможно, и из других работ²⁸. Впоследствии эту информацию уточнила К. Ливингстон. Источником всех трех портретных галерей являются издания трактатов Томаса Хилла: «Краткое и приятнейшее изложение всего искусства физиогномики», опубликованное в 1556 г. Джоном Уэйландом, и «Рассуждение о роде человеческом», изданное в 1571 г. Уильямом Сересом²⁹. Более того, гравюры, а отчасти и текст изданий Хилла, скопированы с континентальных трудов по физиогномике и хиромантии, в частности, трактатов Бартоломео Кокля и Иоанна Индагина³⁰. Именно поэтому одежда и головные уборы некоторых «изменников» выглядят неожиданно старомодно для дворян 1580-х гг. Однако издателей не смутило несоответствие костюмов, как не смутила старомодность костюмов дам и джентльменов, десятилетиями украшавших другие бродсайды.

Перед издателями, по всей видимости, не стояла проблема поиска портретного сходства с осужденными. Галерея портретов на листе Джонса полностью отличается от галереи Олда. Пэрфут же, позаимствовав доски для гравирования портретов у Олда, по каким-то причинам заменил два последних изображения. Современный зритель не найдет сходства между лицами из разных галерей, также ни одно из изображений не напоминает Бабингтона, Тичберна и Сэлсбери, о чьем облике мы можем судить по сохранившимся прижизненным портретам. На такое безразличие проливает свет заключение Тэйлора Клемента об отсутствии привычки и интереса к индивидуальным портретам у малообразованной публики XVI–XVII вв., искавшей скорее символов и обобщений, чем точности. Клемент, иллюстрируя свое положение о деиндивидуализации портрета в печатной продукции, ориентированной на широкого читателя, показывает, как регулярно повторялись одни и те же «портреты» под обложкой одного трактата и как часто они путешествовали из одной книги по физиогномике в другую, как находили оттуда путь в еще более массовые и дешевые баллады и памфлеты³¹.

Однако вкладывали ли издатели хотя бы символическое и обобщающее значение в выбранные ими изображения? Клемент указывает, на примере изображений из трактата Хилла, что даже в рамках одного сочинения по физиогномике конкретный рисунок мог сигнализировать читателю о диаметрально противоположных вещах³². Тем не менее, некоторые изображения из баллад о казни Бабингтона в оригинальном

²⁸ Early English Poetry, Ballads, And Popular Literature... 1840: 101.

²⁹ Livingston 1991: 502.

³⁰ Porter 2005: 280-281.

³¹ Clement 2017.

³² Clement. 2017: 399-400.

контексте несли отрицательный символический смысл: это лица людей воинственных, похотливых, склонных к двуличию и предательству.

Однако не у всех изображений был отрицательный смысловой шлейф. К примеру, в галерее изменников Олда и Пэрфута пятое изображение в верхнем ряду и пятое в нижнем – это разлученная пара физиогномических гравюр. В издании Хилла они были размещены рядом, и первая из них (нижний ряд у Олда) показывала, какая форма губ свойственна похотливому человеку, а вторая (верхний ряд) была примером губ, свойственных человеку воздержанному. Воздержанность никаким образом не могла считаться типичной чертой государственного изменника, тем не менее издатель использовал эту гравировальную доску. Часть изображений из Хилла, использованная в бродсайдах, нейтральна в моральном отношении, поскольку служит лишь для описания типа волос или овала лица. Таким образом, символика портретов в балладах не несет однозначного сигнала о преступности изображенных лиц для покупателей, знакомых с физиогномическим контекстом.

Не оправдывается также гипотеза, что издатели стремились создать череду визуально отталкивающих, карикатурных образов, которые вне любого контекста могли вызвать у зрителя отвращение. В галерее изменников Олда и Пэрфута присутствует несколько гротескных лиц, но они не составляют большинство, а в галерее Джонса и вовсе отсутствуют искаженные или уродливые лица. В то же время такие карикатурные лица в изобилии представлены в изданиях Хилла и, если предположить, что у издателей сохранился полный набор гравировальных досок, то выбрать подходящие было бы несложно.

Выбор иллюстраций, таким образом, не определяется ни поиском сходства с реальными лицами, ни стремлением спровоцировать неприязнь к преступникам через изображение их внешности. И, однако, необычный прием оформления предполагает некий сознательный расчет со стороны издателя. Возможно, смысл заключался в самом этом факте необычности, гарантирующем повышенное внимание аудитории. Если предположить, что целью заказчика было обеспечить наиболее широкое распространение официальной трактовки событий для создания благоприятного общественного мнения, то такой расчет оправдан.

Потребность в экстраординарных пропагандистских усилиях была ощутима, так как заговор Бабингтона выделяет из прочих неудачных покушений на Елизавету целый ряд факторов: необычно широкий круг участников, наличие среди них большого числа молодых и образованных дворян, часть которых имела связи при дворе. И, наконец, для всех информированных членов правительства очевидным следствием раскрытия заговора была возможность предъявить документированные обвинения Марии Стюарт, суд над которой состоялся в том же году. Подготовка общественного мнения к беспрецедентному событию: казни законной правительницы соседнего государства, может объяснить появление августовских баллад об арестах заговорщиков.

Возможно, была и иная причина для усиления воздействия на настроения публики, возникшая непосредственно во время совершения первой казни: смерть первых семи заговорщиков могла возбудить сочувствие у толпы. Баллады и памфлеты, повествующие о казни, умалчивают об этом и, напротив, их авторы прикладывают большие усилия для доказательства, что заговорщики вызвали к себе лишь ненависть. Делоне и Нельсон описывают идентичные детали народного ликования в Лондоне 20 сентября: звон колоколов, радостные толпы зрителей, выдвинутые на улицы столы с угощением для всех, пение псалмов, наконец, всеобщая радость, вызванная письмом Елизаветы мэру города с благодарностью подданным. Все три баллады используют для описания событий возвышенно-оптимистическую лексику, с повторением слов: «joy, joyful, rejoice, merry, glorious, praise».

Автор посвященного делу Бабингтона прозаического памфлета-диалога, появившегося в том же году, также начинает с объявления о радостной новости, хотя и не упоминает ни колокольного звона, ни столов на улицах Лондона. Зато он описывает постройку высокого эшафота и виселиц, происходящее на которых было видно всем желающим:

«Я не могу счесть, сколько там было тысяч, но одних взрослых мужчин было достаточно, чтоб они могли дать бой сильному противнику: но одну вещь я заметил в особенности, что, хотя сборище было удивительно большим, а все предатели были красивыми персонами, одетыми в шелка, и всячески снаряженными, чтобы вызвать жалость, и хотя порядок их казни был устрашающим спектаклем, однако знание об одиозности их измены так утвердилось в каждом сердце, что не явилось ни печали, ни колебаний среди людей, когда увечили и четверговали их тела: да, все огромное множество, без тени сожаления, жадно смотрело спектакль, с первого, до последнего»³³.

И далее автор несколько раз возвращается к одной и той же мысли: жестокое наказание было более чем заслужено гнусностью измены, а милосердие королевы, проявленное ею к наименее виновным, было огромно и, возможно, даже чрезмерно.

Однако, описывая, как приняли смерть казненные 20 сентября, памфлетист отмечает, что последнее слово Тичборна и вид Тилни все же вызвали сочувствие у толпы. Поведение Бабингтона памфлетист осуждает как гордыню: в то время, как остальные осужденные преклонили колени и молились, он остался стоять на ногах, не снимал шляпы и казался спокоен, будто был зрителем, а не следующей жертвой палача³⁴. Все изменники, подчеркивает памфлетист, умерли нераскаянными папистами, с католической молитвой на устах. Если отбросить негативную оценку осужденных, памфлет, по сути, показывает, что группа молодых людей держалась перед смертью смело и достойно.

Так же видит их поведение Бернардино де Мендоса, сообщающий в письме королю Филиппу:

³³ Whetstone 1587: 13.

³⁴ Whetstone 1587: 15-16.

«14 числа в Англии казнили 14 английских католических узников, имена которых я прилагаю. Все они умерли католиками, признаваясь, что совершили все во имя веры, и говоря, что, если б у них было столько жизней, сколько волос на голове, они все их прожили бы так же. Более они никого не обвинили. Баллард, священник, казненный первым, от всего сердца отпустил им грехи, чтобы они, католики при жизни, остались бы католиками и в смерти. Когда настала очередь Бабингтона, веревка оборвалась, и палач вскрыл его живым, чтобы, по обычаю, вынуть его сердце. Утверждают, будто, пока палач вырезал ему сердце, слышно было, как Бабингтон три раза произнес: «Иисус»³⁵.

Косвенно свидетельствует в пользу версии о сочувствии казненным 20 сентября беспрецедентное и неожиданное решение королевы смягчить условия казни для следующих семи. Подобная милость оказывалась крайне редко, и все примеры относятся к более позднему времени. Первый случай зафиксирован в 1591 г. когда, по приказу сэра Уолтера Рэли была облегчена участь католического священника Полидора Пласдена³⁶. Причем Пласден пострадал исключительно за свой сан и веру, он не был уличен в измене, а в предсмертной речи заявил, что признает власть Елизаветы законной и, как верный подданный, молится о ней и ее стране. Возможно, Елизавета сочла необходимым проявить милосердие и не усиливать невыгодные ей настроения в обществе. Как хорошо известно, королева всегда проявляла чуткость к мнению своих подданных и заботливо выстраивала репутацию милостивой королевы.

Распространение благоприятных для правительства слухов в конце XVI в. было известной тактикой. В том же письме Мендоса без тени удивления сообщает о пропагандистских ходах английских властей:

«С момента казни и с целью воспламенить народ, они публикуют, что в день, когда католики убили бы королеву, они намеревались поджечь Лондон, сжечь все королевские корабли и испортить все пушки в королевстве, а Бабингтон собирался жениться на королеве Шотландской на следующий день. Французский посол пишет, что Сесил рассказывал ему, будто присутствовал на пытке Бабингтона, когда тот признался ему одному и с великой секретностью, что королева Шотландии обещала выйти за него. Это очень плохо выдуманная ложь, поскольку Бабингтон был женат и был добрым католиком»³⁷.

Видимо, английские власти сами считали обвинение Бабингтона в притязаниях на брак с Марией несостоятельным: среди перечисленных в балладах и памфлетах планов заговорщиков присутствуют все упомянутые Мендосой обвинения, кроме этого.

Таким образом, новым в пропагандистский усилиях власти могло быть лишь усиленное использование площадной печати как средства распространения информации. Впрочем, как показывает работа Уилсона-Ли, эта попытка могла быть не первой.

³⁵ Bernardino De Mendoza to the King. 20 Oct. 1586 // Calendar of State Papers, Spain (Simancas), Vol. 3, 1580-1586...

³⁶ Brooke, Brandon 2005: 51.

³⁷ Bernardino De Mendoza to the King...

Однако найденный формат бродсайда с разоблачением предателей не был использован в дальнейшем. Единственный раз к нему вернулся Олд в 1588 г., опубликовав печатный лист о казнях еще четырнадцати изменников. Казнены они были в разное время и по разным обвинениям, тем не менее издатель объединил их в рамках одной баллады. Он дополнил ее и списком осужденных, и четырнадцатью портретами, большую часть которых позаимствовал из изданной Джонсом «Наирадостнейшей песни от лица всех верных и любящих ее Величество подданных»³⁸. Этот факт еще раз заставляет задуматься о путешествии гравировальных досок в кругу английских печатников XVI века. Обычно предполагается, что доски меняли хозяина в результате продажи или передачи по наследству. Уникален ли пример 1586-88 гг., когда три (возможно, четыре, включая Уайта) владельца книжных прессов делились друг с другом принадлежащим им имуществом, оставаясь конкурентами на рынке площадных листов? Ответа на этот вопрос пока нет, возможно, дальнейшее изучение визуальной компоненты в ранней английской печати позволит вернуться к нему в будущем.

Идея украшать печатный лист портретами осталась единичным казусом, который, возможно, был настолько необычен, что оставил след в общественном сознании. В своих «Анналах» Уильям Кэмден передает историю о серии зарисовок, на которых были изображены все участники заговора Бабингтона. Якобы, собираясь для обсуждения своих планов, эти молодые люди пили и гуляли в тавернах, распаляя себя надеждами на великое будущее, и даже наняли художника, чтобы он зарисовал с натуры их лица, поместив Бабингтона в центре и снабдив хвастливым и двусмысленным девизом. Эти портреты, продолжает Кэмден, были тайно показаны королеве, которая опознала лишь Барнвелла, видеть других ей не случилось³⁹. История эта не имеет документальной основы, однако вполне может быть следствием впечатления современников заговора, в памяти которых сохранилась необычная деталь: напечатанные в ряд портреты четырнадцати предателей на бродсайте.

ИСТОЧНИКИ

- Calendar of State Papers, Spain (Simancas), Vol. 3, 1580-1586. Pp. 632-644. URL: <https://www.british-history.ac.uk/cal-state-papers/simancas/vol3/pp632-644>
- Camden. W. Annales Rerum Gestarum Angliae et Hiberniae Regnante Elizabetha. 1586. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/camden/1586e.html>
- Kempe W. A dutiful inuectiue, against the moste haynous treasons of Ballard and Babington with other their adherents, latelie executed. Together, vvith the horrible attempts and actions of the Q. of Scottes and the sentence pronounced against her at Fodderingay. Imprinted at London: By Richard Iones, dwelling at the signe of the Rose and crowne, neere Holborne Bridge, 1587 / EEB0, <http://name.umdl.umich.edu/A04793.0001.001>
- The Lamentation of Englande: For the late Treasons conspired against the Queenes Maiestie and the vvhole Realme, by Franuces Throgmorton: who was executed for the same at Tyborne, on Friday being the tenth day of July last past. 1584 / EBBA, <https://ebba.english.ucsb.edu/ballad/33815/image>

³⁸ A warning to all false Traitors by example of 14... 1588.

³⁹ Camden W. Annales Rerum Gestarum Angliae et Hiberniae... 1586.

- A most joyfull Songe, made in the behalfe of all her Majesties faithfull and loving Subjects: of the great joy, which was made in London. at the taking of the late trayterous Conspirators, which sought opportunity to kyl her Majesty, to spoyle the Cittie, and by forraigne invasion to overrun the Realme: for the which haynous Treasons, fourteen of them have suffred death on the 20. & 21. of Sept. Anno Domini. 1586 / EBBA, <https://ebba.english.ucsb.edu/ballad/36315/image>
- A proper new Ballad, briefely declaring the Death and Execution of 14. most wicked Traitors, who suffered death in Lincolnes Inne Feelde neere London: the 20 and 21. of September. 1586 / EBBA, <https://ebba.english.ucsb.edu/ballad/36317/image>
- A proper newe Ballad, declaring the substance of all the late pretended Treasons against the Queenes Maiestie, and Estates of this Realme, by sundry Traytors: who were executed in Lincolnes-Inne fielde on the 20. and 21. daies of September. 1586» / EBBA, <https://ebba.english.ucsb.edu/ballad/36317/image>
- A Triumph for true Subjects, and a Terrou unto al Traitours: By the example of the late death of Edmund Campion, Ralphe Sherwin, and Thomas Bryan, Jesuites and Seminarie priestes: Who suffered at Tyburne, on Friday the first Daye of December. Anno Domini. 1581. / EBBA, <https://ebba.english.ucsb.edu/ballad/36313/xml>
- Tryals for High-Treason, and other crimes. With proceedings on Bills of Attainder and Impeachments. For Three Hundred Years Past. In Six Parts. Part 1. L: Printed for D. Browne, G.Straban, W. Mears, R. Gosling and F. Clay. 1720. 464 p.
- A warning to all false Traitors by example of 14. Wherof vi. were executed in diuers places neere about London, and 2. neere Braintford the 28. day of August, 1588. Also at Tyborne were executed the 30. day vj. namely 5. Men and one Woman // EBBA, <https://ebba.english.ucsb.edu/ballad/34359/image>
- Whetstone G. The Censure of a loyall Subject: Upon certain noted Speach and behaviours of those foureene notable Traitors, at the place of their executions, the xx. and xxi. of September last past. At London. Printed by Richarde Jones, dwelling at the signe of the Rose and Crowne, neere Holborn bridge. 1587. 65 p.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Дмитриева О.В. Елизавета Тюдор. ЖЗЛ. М.: Молодая Гвардия, 2004, 308 с. [Dmitrieva O.V. Elizaveta Tyudor. ZHZL. M.: Molodaya Gvardiya, 2004, 308 s.].
- Карначук Н.В. Новости о рождении чудовищ и английское общественное сознание второй половины XVI - XVII века / Диалог со временем, 2014. № 47. С. 107-128. [Karnachuk N.V. Novosti o rozhdenii chudovishch i anglijskoe obshchestvennoe soznanie vtoroj poloviny XVI - XVII veka / Dialog so vremenem, 2014. № 47. S. 107-128.].
- Areford D. S. The Viewer and the Printed Image in Late Medieval Europe. N.Y.: Routledge, 2016. 312 p.
- Auchter D. Dictionary of Literary and Dramatic Censorship in Tudor and Stuart England. USA: Greenwood Publishing Group, 2001. 403 p.
- Brooke A., Brandon D. Tyburn. London's fatal tree. Sutton Publishing, 2005. 384 p.
- Clegg C. S. Press Censorship in Elizabethan England. Cambridge: C.U.P., 1997. 316 p.
- Clement T. Moveable types: the de-individualized portrait in the age of mechanical reproduction / Journal of Society for Renaissance Studies, Vol. 31, Issue 3, 2017. P. 383-406.
- Cole M. H. The Portable Queen: Elizabeth I and the Politics of Ceremony. Amherst: University of Massachusetts, 1999. 304 p.
- A Dictionary of Printers and Booksellers in England, Scotland and Ireland, and of Foreign Printers of English Books, 1557-1640. General editor R.B. McKerrow. L.: Blades, East and Blades, 1910. 346 p.
- Early English Poetry, Ballads, And Popular Literature of the Middle Ages. Edited from original manuscripts and scarce publications. Vol. 1., Ed. by J. P. Collier. L., 1840. 304 p.
- Fumerton P. The Broadside Ballad in Early Modern England: Moving Media, Tactical Publics. University of Pennsylvania Press, 2020, 512 p.
- Haynes A. The Elizabethan Secret Services. Sutton Publishing, 2009, 240 p.
- Livingston C.R. British Broadside Ballads of the Sixteenth Century: A Catalogue of Extant Sheets and an Essay. Vol. 1. Garland Science, 1991. 911 p.
- Martin P.H. Elizabethan Espionage. Plotters and Spies in the Struggle Between Catholicism and the Crown. Jefferson, North Carolina: McFarland & Company, Inc. 2016. 368 p.

- Melnikoff K. Jones's Pen and Marlowe's Socks: Richard Jones, Print Culture, and the Beginnings of English Dramatic Literature / *Studies in Philology*. Vol. 102, No. 2, 2005. P. 184-209.
- Porter M. Windows of the soul. The Art of Physiognomy in European Culture 1470-1780. Oxf.: Oxford University Press, 2005. 392p.
- Prints in Translation, 1450-1750: Image, Materiality, Space. Ed. by Suzanne Karr Schmidt and Edward H. Wouk. L., N.Y.: Routledge, 2017. 296 p.
- Rollins E. Hyder. An Analytical Index to the Ballad Entries (1557-1709) in the Registers of the Company of Stationers of London. N.Y.: N.Y. University Press, 1912. 324 p.
- Sayle Ch. Early English Printed Books in the University Library Cambridge (1475 to 1640). Vol.1. Cambridge: Cambridge University Press, 1900. 1114 p.
- Sisneros K. Early Modern Memes: The Reuse and Recycling of Woodcuts in 17th-Century English Popular Print / *The Public Domain Review*. June, 2018. URL: <https://publicdomainreview.org/2018/06/06/early-modern-memes-the-reuse-and-recycling-of-woodcuts-in-17th-century-english-popular-print>
- Studies in Ephemerata: Text and Image in Eighteenth-Century Print. Ed. by Kevin Murphy. Plymouth: Bucknell University Press, 2013. 407 p.
- Walker G. The Politics of Performance in Early Renaissance Drama. N. Y.: Cambridge University Press, 1998. 257 p.
- Wilson-Lee E. The bull and the moon: broadside ballads and the public sphere at the time of the North Rising (1569–70) / *The Review of English Studies*, Vol. 63, No. 259, 2012. P. 225–42.

Карначук Наталия Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра английской филологии, Факультет иностранных языков, Томский государственный университет, karnach2005@yandex.ru

Fourteen Traitors' Portraits: on the Role of Visual Images in the English Cheap Print of the Late 16th Century

The article deals with a set of broadsides dedicated to exposing the conspiracy of Anthony Babington in 1586. Their authorship, textual and visual content is analyzed and it is concluded that they appeared as a propaganda attempt by the authorities to form a favorable public opinion. Particular attention is paid to visual images and the peculiarities of their distribution, copying and perception in the mass consciousness in late 16th century England.

Key words: *history of England, Early Modern history, Babington plot, history of print, broadside literature, woodcut*

Karnachuk Nataliya Victorovna, PhD in History, Associate professor, English Philology Department, Tomsk State University, karnach2005@yandex.ru

КИНОАТЛАС СССР: «КАМЧАТКА» НИКОЛАЯ КОНСТАНТИНОВА (1927)¹

На рубеже 1920–1930-х гг. в СССР получило развитие производство фильмов этно-географической тематики. Квинтэссенцией научно-исследовательских и фильмо-производственных подходов стал амбициозный государственный проект «Киноатлас СССР», предполагавший создание 150-серийного альманаха о народностях и регионах страны. Научная основательность, кинематографическая поэзия и марксистская философия оказались слиты в сформировавшемся в результате этих процессов направлении научного кино. На примере архивного фильма «Камчатка» Николая Константинова, автор рассматривает особенности практического воплощения творческих и идеологических положений проектировавшегося советского киноатласа.

Ключевые слова: *Киноатлас СССР, визуальная антропология, образ региона, Камчатка, Николай Константинов*

«Киноатлас» как проект

Период 1920–1930-х гг. в целом характеризовался поиском форм новой жизни в СССР, что выразилось в колоритной палитре кросскультурных опытов, до сих пор не получивших должного научного осмысления. Внутренняя энергия раннесоветских проектов генерировалась в котле мотивов различных его акторов, в т.ч. ученых и кинематографистов. А внешней подоплекой такой встречной активности был политический курс правящей партии, направленный на выстраивание науки и искусства в единый фронт для осуществления культурных преобразований. В канун 10-летия Октября в СССР актуализировался вопрос о воплощении образов революции в «крупных формах» – первый круглый юбилей правления требовал от партии большевиков, с одной стороны, убедительной отчетности за пройденный период, с другой – громких перспективных инициатив. В кинематографе, ставшем в то время авангардом реализации культурной революции в стране, таковым явился госпроект «Киноатлас СССР», который послужил стимулом для научно-кинематографических коллабораций в направлении этно-географического кино. Не случайно в кинофонде Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД) сохранился значительный массив фильмов, снятых в разных уголках СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Однако, несмотря на информативную ценность, актуализирующую необходимость их освоения, эти кинодокументы до сих пор остаются малоизученными источниками, лишь фрагментарно представленными в гуманитарном научном обороте, как в российском, так и в зарубежном². Предлагаемое исследование задается целью посильного заполнения обозначенного тематического пробела путем рассмотрения

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 21-18-00518, <https://rscf.ru/project/21-18-00518/>

² Разлогов 2010; Henley 2020.

репрезентативного примера – фильма «Камчатка» Николая Дмитриевича Константинова (1900–1960), известного советского кинематографиста, участника творческой группы «киноков», работавшей под руководством Дзиги Вертова. Ввиду отсутствия литературы, посвященной кинематографическим работам Н.Д. Константинова, а также крайнего дефицита исследований по истории проекта «Киноатлас СССР»³, основными источниками для данной статьи стали архивные документы из фондов Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), и материалы советской печати соответствующего периода.

Идея создания киноальманаха о народностях и регионах России имела хождение еще в среде дореволюционных кинопредпринимателей – не вызывая сомнений с культурной точки зрения, ее реализация останавливалась скептическими соображениями относительно коммерческих перспектив проекта, требовавшего финансовых вложений на длительный срок⁴. Однако в той мультиведомственной форме, в какой этот проект развился в раннесоветских реалиях, он не имел аналогов в истории. Проект, развивавшийся под эгидой ЦИК, предполагал создание 150-серийного киноальманаха о народностях и территориях страны. Работы проводились усилиями представителей различных ведомств и организаций: Наркомата просвещения (А.С. Рождественский), Государственной академии искусствознания (Г.М. Болтянский, Н.М. Иезуитов, Н.Д. Телешов), Госплана СССР (М.М. Паушкин), а также крупнейших киностудий (В.А. Ерофеев, М.В. Израильсон-Налетный, Б.С. Перес). Ответственность за реализацию проекта была возложена на Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, куда входили видные общественные и научные деятели (В.Г. Богораз, В.Д. Виленский-Сибиряков и др.). С одной стороны, предполагалось последующее внедрение материалов этого идеологически выверенного кинопособия в систему образования. С другой, в задачи проекта входило своеобразное кинокартографирование территорий страны, для чего к проекту были подключены специалисты Института по изучению народов СССР (ИПИИ), где создавался в тот период новый печатный этноатлас СССР. Не последнюю роль «Киноатлас» должен был сыграть и в «экспорте революции» за рубеж, что по замыслам проектантов должно было иметь комплексный политико-экономический эффект. Рассчитанная на годы реализации, работа по созданию многосерийного «киноатласа» на практике превратилась в витиеватый процесс, отражавший силуэты советской реконструкции в науке, культуре и идеологии изучаемого периода.

В первой половине 1920-х гг., несмотря на радикальные изменения политического и общественного строя, включая и национализацию кинематографической отрасли в СССР, краеведческие кинозарисовки продолжали создаваться кинематографистами без привлечения научных консультантов, имея целью развлекательный эффект. Характерно,

³ Магидов 2008.

⁴ Ханжонков 1937.

в частности, что и автор, озвучивший одно из первых известных предложений о создании «Киноатласа СССР», понимая заявляемую серийную форму как «нечто подобное Большой Советской Энциклопедии», в то же время обращал внимание, прежде всего, на экзотико-туристические свойства проекта: «Материальная и духовная культура народов Союза, их семейный и бытовой уклад, общественные условия, производство и промышленность, типы, география края есть тот необычайно выгодный материал для кино, который и составит киноатлас СССР»⁵. Подобная экранная эстетика и функциональная нагрузка киносериала как формы «кинотуризма», произраставшая еще из опыта реализации дореволюционной киноколлекции «Живописная Россия», эффективно зарекомендовала себя с коммерческой точки зрения – как выгодный государству товар для реализации в российском и зарубежном прокате. Ведь для многих зрителей экран кинотеатра был единственной возможностью совершить виртуальное путешествие по «Шестой части мира».

В середине 1920-х гг. в тематических дискуссиях все больший вес стал набирать аргумент о необходимости более глубокой специализации формата этно-географического кино как научно-популярного, и соответственно, о реорганизации его производства на основе паритетного взаимодействия профессионалов науки и кинематографа. «Нужно бросить операторов во все углы нашего СССР, и сделанные ими ленты приобретут громадное значение. Следовало бы при всех кино-экспедициях, отправляемых на окраины России, иметь всегда этнографа. Совместная работа ученого и оператора даст самые богатые результаты. Такие картины будут очень интересны и широкой публике»⁶ – в этих тезисах К. Оганесова на страницах влиятельной газеты «Советский экран» уже намечались базовые постулаты проектируемого «Киноатласа»: тотальный охват территорий и народностей СССР, а также творческая кооперация ученых и кинематографистов. В 1925 г. было организовано подведомственное Наркомпросу акционерное общество «Этномир» – в задачи которого должны были войти вопросы координации научно-кинематографических экспедиций и последующего выпуска серии этнофильмов⁷.

В том же 1925 г. на студии «Культкино» было подготовлено развернутое предложение, оформленное в виде Докладной записки в Центральный исполнительный комитет СССР и представлявшее собой прообраз проекта «Киноатлас СССР». Студия «Культкино», которая специализировалась на производстве «культурфильмов» – кинокартин об этнических сообществах и территориях Союза, была единственной советской кинофабрикой, управляемой Ученым советом, куда входили видные ученые и партийные деятели: академик А.А. Белопольский, Нарком внешней торговли Л.Б. Красин, академик П.П. Лазарев, Нарком просвещения А.В. Луначарский, профессор Н.А. Семашко, профессор

⁵ Касьянов 1926: 1.

⁶ Оганесов 1925: 11.

⁷ Этнография и кино 1925.

Л.А. Тарасевич и др.⁸ В тот период на студии работали и ведущие кинодокументалисты страны, включая творческую группу «киноков» под руководством Дзиги Вертова, – именно в его архивном фонде и была обнаружена упомянутая Докладная записка. В документе, разработанном совместными усилиями ученых и кинематографистов, формулировалась инициатива по организации на кинофабрике серийного производства этно-географических фильмов, а в качестве базовой творческой методологии заявлялось объединение компетенций науки и кино:

«Культкино может ежегодно отправлять несколько экспедиций одновременно в различные местности, по маршрутам устанавливаемым Ученым Советом, причем у каждой экспедиции будет определенное по данной местности и народности задание. Несомненно, что подобное дело должно быть поставлено самым широким образом, с расчетом, что таких картин оно выпустит 10–12 в операционный год»⁹.

Очевидно, данное обращение сыграло свою роль в формировании государственного заказа – в тематическом плане «Культкино» категория фильмов этно-географической направленности стала самой многочисленной в научно-популярном сегменте (17 из 50 в год)¹⁰. Для данного же исследования особо примечательно то, что уже в 1926 г. Д. Вертовым на базе «Культкино» был реализован один из самых масштабных советских кинопроектов «Шестая часть мира», который снимался разными кинооператорами по всей территории СССР и выразился в фиксации многочисленных этнографических киноматериалов, ставших яркими элементами итоговой киноконструкции. Кроме того, из не вошедших в вертовский фильм кадров впоследствии были смонтированы самостоятельные этнографические киноленты: «Бухара», «Дагестан», «Жизнь нацменьшинств», «Калмыки», «Охота и оленеводство в области Коми», «Тунгусы». А одним из главных операторов кинопроекта был Н.Д. Константинов, которому в следующем 1927 г. было поручено создание экспедиционной кинокартины «Камчатка». Результатом тематических дискуссий, разворачивавшихся, в т.ч. на страницах советской прессы в середине 1920-х гг., стала консолидированная позиция научно-исследовательского и кинематографического сообществ о необходимости координации деятельности по подготовке и проведению киноэкспедиций¹¹. На Камчатке в этот период действовала единственная научно-исследовательская организация – Камчатское краеведческое общество (ККО), и консультантом киногруппы Н.Д. Константинова на месте выступил один из организаторов и активных деятелей ККО П.Т. Новограбленов, занимавшийся также и развитием фото-кино-дела в крае¹².

К тому времени о Камчатке было снято лишь несколько сюжетов для киножурналов, и вышедшая в прокат в 1928 г. работа Константино-

⁸ Культкино 1925.

⁹ РГАЛИ. Ф. 2091. Оп. 1. Ед. хр. 77. 3 об.

¹⁰ Верещинко 1927.

¹¹ Сухаревский 1927; Капица 1927.

¹² Головнев 2020.

ва, стала первым полноценным фильмом, посвященным комплексному освещению жизни этой «неведомой земли» на карте Союза. В 1928 г. ответственность за разработку «Киноатласа СССР» была возложена на Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока и Центральное бюро краеведения (ЦБК). Заметим, работа Константинова фигурировала в стартовом киносписке 1928 г., составленном сотрудниками фотокино-секции ЦБК для готовящегося атласа, однако в ходе развития проекта, он был подвергнут критике ответственных за его реализацию персон. В этой связи, пример «Камчатки» открывает дополнительную исследовательскую перспективу для рассмотрения эволюции «Киноатласа» в период «культурной революции» в СССР¹³.

В силу специфики немого кино, этнографические картины изучаемого периода (включая серии «Киноатласа») представляют собой произведения, состоящие из равнозначного количества перемежающихся в повествовании кинокадров и титров. Текстовым вставкам уделялось особое внимание при создании фильмов – они имели не только информационную функцию, часто превращаясь в «надпись-образ», «надпись-лозунг» и т.д. Поэтому эффективным методом анализа данных фильмов является их исследовательская расшифровка – «перевод» в текстовый формат содержания титров и кадров из кинокартин. Ниже в статье приводятся титры (ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ – как в фильме), и кадры фильма (обычным шрифтом), а также соответствующие тематические выдержки из разработок по «Киноатласу», созданных в ЦБК, осевших в архивах и частично изданных впоследствии в виде статей (*курсивом*) – с целью последующего формирования исследовательских выводов.

Рис. 1. Камчатский полуостров на кино-карте СССР. Кадр из фильма «Камчатка».

¹³ Cultural revolution in Russia... 1984.

Фильм «Камчатка»¹⁴ как кинотекст

Кадры. Карта СССР. Карта Камчатского полуострова.

Титр. ДАЛЕКАЯ И СУРОВАЯ ОКРАИНА СССР.

Кадры. Виды природы. Река, деревья. Люди поднимаются по поверхности сопки.

По мнению разработчиков «Киноатласа СССР», в каждом из фильмов серии должны быть отражены: *«1) Естественно-историческая часть – природная база, география, 2) Процессы производства – использование природных богатств. Разработка недр и промышленность, лесоразработки и охотпромысел, 3) Жизнь человека. Быт рабочих поселков. Советская работа, культура и т.д.»*¹⁵.

Кадры. Охотники у добытого тюленя. Рыболовные судна на реке. Виды поселка.

Титр. ВЕЧНЫЕ ТУМАНЫ.

Кадры. Берега реки. Туманы над рекой.

Кадры. Вид горной цепи, снеговые шапки сопок. Вулкан Авача.

Титр. ПРИРОДА ПОРАЖАЕТ СВОИМ НЕОЖИДАННЫМ И РЕЗКИМ РАЗНООБРАЗИЕМ.

Кадры. Горная речка. Тундровый пейзаж. Долины, поросшие диким горохом... Жень-шень. Ягодники. Цветы. Курильское озеро. Верховье реки Камчатки, гористые берега. Рыбацкие лодки на берегу. Камчадалы-ительмены на лодках плывут по реке.

Еще одной базовой установкой проекта было стилевое единство серий «Атласа»: *«Несомненно, что выпускаемые фильмы должны быть прежде всего краеведными. Каждый из них явится своего рода законченным целым; но, совершенно также, как отдельные районы страны, представляя из себя более или менее завершённые единицы, в то же время органически связаны с другими районами и в этом тесном и живом сцеплении составляют целостный организм СССР, – выпускаемые фильмы должны органически связываться между собой и объединенные как общей идеей, так и общностью методики, взятые вместе составят полную картину Союза»*¹⁶.

Титр. БЕРЕГА РЕКИ ИЧА ЗАСЕЛЕНА ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ-КОЛОНИСТАМИ.

Кадры. Поселок колонистов на берегу реки. Вид колонии Афанасьевка. Выезд на рыбную ловлю. Лодки, рыбаки. Переселенец из Тамбовской губернии готовит снасти для рыбной ловли.

Титр. РЫБЫ И ПУШНИНА – ОСНОВНОЕ БОГАТСТВО КРАЯ.

Кадры. Выловленная рыба на берегу реки.

Титр. ЕЖЕГОДНЫЙ УЛОВ НА СУММУ СВЫШЕ 20 МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ.

Кадры. Рыбаки тянут сети. Рыба в сетях.

Титр. ДОБЫТО ОДНИМ ОХОТНИКОМ ЗА СЕЗОН.

Кадры. Охотник у добытой пушнины – шкурка чернобурой лисы.

¹⁴ РГАКФД. Учетный № 2719.

¹⁵ Сьгин 1929: 71.

¹⁶ Коробков 1933: 17.

Титр. СОБАКА – ОСНОВА ХОЗЯЙСТВА КАМЧАДАЛОВ.

Кадры. Собаки камчадалов на привязи. Камчадал кормит собак.

«Строясь на органической связи трех основных элементов – природы, человека и хозяйства, фильм должен демонстрировать человека не только как элемент природы (чем так злоупотребляла старая географическая школа), но главным образом показать его борьбу, его победу над ней, подчинение ее себе и воздействие на нее в целях преобразования при посредстве новых форм общественной организации и новых форм техники» – декларировалось в проекте «Киноатласа»¹⁷.

Титр. КАМЧАТКУ ОМЫВАЮТ...

Титр. ОХОТСКОЕ МОРЕ...

Кадры. Рыбачьи лодки причаливают к берегу.

Титр. ТРУДНО БОРОТЬСЯ СО СТИХИЕЙ.

Кадры. Катер, выброшенный на берег штормом. Похороны погибших корейцев – по корейскому обычаю. В могилу на гроб кладется полотно, на котором написаны все добрые дела умершего.

Кадры. Группа корейцев. Один из них, сидя на могиле, плачет.

*«Бесспорно, что в краеведном фильме показ культурной и общественной жизни СССР должен даваться не в отраслевом, а в районном плане. При этом степень дифференциации области, края, республики, связанная с величиной занимаемого пространства, разнообразием географических факторов, форм и видов хозяйства будет определять и количество фильм, посвященных данной республике, краю, области»*¹⁸ – подчеркивалось в разработках ЦБК.

Титр. НАСЕЛЕНИЕ КАМЧАТКИ ОЧЕНЬ МАЛОЧИСЛЕННО.

Кадр. Географическая карта центральной части СССР.

Кадр. Карта с указанием населения Камчатки.

Кадры. Типы населения Камчатки.

Титр. ГОРОД УСТЬ-КАМЧАТСК – 600 ЧЕЛОВЕК ЖИТЕЛЕЙ.

Кадры. Вид городу Усть-Камчатска.

Титр. ГЛАВНЫЙ ГОРОД КАМЧАТКИ – ПЕТРОПАВЛОВСК – 3000 ЖИТЕЛЕЙ.

В проекте «Киноатласа» предполагалось, что *«однообразные по природно-хозяйственной структуре районы могут быть показаны в одном фильме, – те же области, которые обладают сложным хозяйственным комплексом, разнообразием зональных и азональных факторов, своеобразием развития форм общественной жизни или национальных культур, потребуют такого количества фильм, сколько область включает в себя подобных своеобразных хозяйственных и национальных районов и микрорайонов»*¹⁹.

Кадры. Виды города Петропавловска.

Кадры. Рыбаки переносят рыбу из лодки на берег. Консервация рыбы без соли кустарным способом. Приготовление кетовой икры: промывка, засолка, перемешивание. Укладка икры в бочки для отправки.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же: 18.

Кадры. Охота на китов в море. Добытый кит, надутый воздухом, привязанный веревкой, плывет за судном. Подвозка китов к плавучему заводу. Снятие верхнего слоя жира с туши кита. Вытопка китового жира. Обработка внутреннего жира кита. Обработка мяса кита.

Планировались многообразные формы применения «Киноатласа» в деле культурного строительства СССР: *«Кино-Атлас послужит средством массового обучения деревни и школы в области элементарной географии, он явится наглядным пособием в ВУЗ-ах и кино-энциклопедическим сборником материалов этнографически-экономического характера при различных научных и хозяйственных работах»*²⁰.

Титр. ТАБЛИЦА ОЦЕНКИ СТОИМОСТИ ПРОДУКТОВ ПРОМЫСЛОВ КАМЧАТКИ.

Кадры. Погрузка бочек с рыбой в лодки, транспортировка их на пароход.

Титр. ПО БЕРЕГАМ КАМЧАТКИ И КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВОВ РАЗБИТЫ РЫБНЫЕ, КИТОБОЙНЫЕ И КОТИКОВЫЕ ПРОМЫСЛЫ.

Титр. КАЖДОЕ ЛЕТО ИЗ ВЛАДИВОСТОКА...

Кадры. Подготовка к отплытию пароходов и барж во Владивостокском порту.

Титр. ОХРАННОЕ СУДНО «БРЮХАНОВ», СНАРЯЖЕННОЕ ДЛЯ НЕСЕНИЯ РЫБНО-ПРОМЫСЛОВОГО НАДЗОРА, НАПРАВЛЯЕТСЯ НА КАМЧАТКУ.

Кадры. Бурлящая вода за кормой. Группа членов команды судна.

Титр. НА БОРЬБУ С ХИЩНИКАМИ.

Кадры. Группа пассажиров регистрируется на палубе судна.

По убеждению разработчиков, *«особенно много даст Атлас деревне, путем ознакомления крестьян-переселенцев с географическими бытовыми и другими условиями неизвестной им Области, что облегчит и упростит переселенческий вопрос, так как даст возможность переселенцам наглядно знакомиться с тем, что их ожидает на новых местах»*²¹.

Титр. НА КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВАХ.

Кадры. Виды села Никольского.

Кадры. Сивучи на прибрежных скалах. Сивучи в море. Стаи птиц (птичьи базары) на скалах. Сбор птичьих яиц.

Кадры. Инспектора с винтовками охраняют котиковые лежбища. Морские котики у берегов и в море.

Титр. НА КАМЧАТСКИХ РЫБАЛКАХ.

Кадры. Рыбацкая артель. Лов рыбы с лодок.

Титр. ЧЕРЕЗ КАЖДЫЕ ПОЛЧАСА ЛОВЯТ 2000 ПУДОВ ГОРБУШИ.

Кадры. Лодка, наполненная выловленной рыбой. Горбуша в сетях и на палубе судна. Обработка рыбы на плавучей фабрике. Икра горбуши в лодке.

*«Но кроме развешивания краеведческого комплекса данного района, в каждой фильме Атласа должна быть также и определенная «установка на будущее», т.е. надо фильмы Атласа строить так, чтобы каждый посмотревший фильму получил не только точные и исчерпывающие сведения о крае, а также ясно себе представил пути, по которым этот край будет развиваться»*²² – предписывалось в регламенте «Киноатласа СССР».

²⁰ РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 356. Л. 102.

²¹ Там же.

²² Сытин 1929: 71.

Титр. ЯПОНСКИЙ СУХОЙ ПОСОЛ.

Кадры. Обработка рыбы на промыслах.

Титр. РУССКИЙ ЗАСОЛ В БОЧКАХ.

Кадры. Укладка рыбы в бочки для засола.

Титр. Консервированная рыба идет главным образом на корм собакам.

Кадры. Подготовка ямы для заквашивания рыбы. Природные панорамы Камчатки.

Наконец, ключевое правило «Киноатласа» гласило: *«Рассматривая человека в аспекте его хозяйственной деятельности, фильм должен будет демонстрировать природу главным образом в тех ее элементах, которые имеют значение для хозяйства: пейзаж, ландшафт, картины природы, взятые «в себе», не найдут места в киноатласе, – они допустимы лишь как иллюстративные моменты, как общий фон для показа например развертывающейся промышленности, земледелия, постройки городов или энергетических установок. Несоблюдение этих условий, увлечение пейзажностью, так же как и увлечение этнографичностью (хотя несомненно, что такого рода фильмы имеют право на существование) ни в коем случае не может допускаться к киноатласе»²³.*

Рис. 2. Кадр из фильма «Камчатка».

²³ Коробков 1933: 17.

«Киноатлас» как процесс

Соотношение фрагментов кинотекста «Камчатки» с положениями программы «Киноатлас СССР» позволяет рассмотреть процесс методологических поисков «эталона» советского этно-географического кино, и проанализировать практические преломления теоретических разработок.

Благодаря опыту операторских работ в группе «киноков» на кинофильмах Дзиги Вертова, включая кинопроект всесоюзного масштаба «Шестая часть мира», Н.Д. Константинов имел подробное представление о теоретических и практических опытах ученых и кинематографистов в направлении экспедиционного кино. Отойдя от экспериментальных съемочных и монтажных методов Дзиги Вертова, Константинов остался верен принципу «киноков», предполагавшему категорический отказ от приемов реконструкций и инсценировок событий, которые активно использовались в документальном кинематографе СССР. По словам другого видного участника группы «киноков», М.А. Кауфмана, «розыски интересных мест, значительных явлений, убедительных фактов... всесторонняя художественно-организационная подготовка съемки... отбор материала, производимый под особым углом зрения. Таков метод киноков, создающих кино-хронику»²⁴. И в данном случае, методологические принципы автора «Камчатки» и разработчиков «Киноатласа» совпадали. За редкими исключениями, от киногрупп, работавших для создания серий проекта, требовалась «натуралистическая засъемка без какого бы то ни было декорирования обстановки, без привлечения статистов и актеров для создания добавочных искусственных сцен в целях эффективности и занимательности картин»²⁵.

Серии «Киноатласа» должны были выполнять и утилитарные экономические функции: инспирировать переселенческие интересы по колонизации окраин среди населения страны, и привлекать внимание коммерческих кругов Запада к ознакомлению с возможностями импорта и природными богатствами СССР. Согласно данным установкам, и кино-репрезентация Камчатки в фильме Н.Д. Константинова выражалась в выстраивании череды ключевых образов: «Край земли» (природное эльдорадо), «Территория коренных народностей» (поликультурные ресурсы), «Фронтирная колония» (геополитическое позиционирование). Роль кинематографа, таким образом, состояла прежде всего в фиксации и трансляции различных колонизационных емкостей: от природных богатств до социокультурных «капиталов» края.

«Киноатлас» планировался госзаказчиком и как средство позиционирования многонационального, поликультурного, богатого природными ресурсами Союза внутри страны и в мире. И в этой связи, еще одной ключевой целью проекта заявлялся «экспорт революции» за рубеж: «Являясь ценнейшим научным документом, он играет громадную роль

²⁴ Кауфман 1925: 3.

²⁵ Коробков 1933: 18.

в культурно-просветительной работе, знакомя трудящееся население СССР с грандиозными картинами жизни и развития Союза, и в то же время может явиться и интересным материалом для экспорта»²⁶. Реализация этой установки требовала от кинематографистов более искусной проработки материалов с идеологической точки зрения, их съемки и подачи с применением художественных приемов. Но учитывая то, что достаточного уровня ростки социализма на Камчатке в 1927 г. были еще не видны «невооруженным объективом» кинодокументалиста, картина Н.Д. Константинова не могла отвечать данному требованию.

Эта работа, снимавшаяся режиссером-оператором в одном лице, была выстроена им в форме экранного отчета об основных картинах географического, экономического и этнографического характера, встреченных в ходе экспедиции, что было весьма распространенным киноформатом в советской документалистике изучаемого периода. В условиях логистических сложностей и технических проблем обращения с громоздкой киноаппаратурой, Константинову удалось произвести кинорейд по Камчатскому полуострову, достичь Командорских островов, и сделать одну из первых киносъемок в с. Никольском на острове Беринга. Однако растущие требования создателей «Киноатласа» предполагали более подробное киноописание особенностей регионов: «Эта строго научная работа большого общественного значения несомненно лучше всего может быть выполнена не отдельным автором, а бригадой, включающей в свой состав специалиста краеведа, экономгеографа и физикогеографа»²⁷. В процессе развития «Киноатлас» все более связывался с задачами своеобразного кино-картографирования народонаселения территорий страны, для чего к проекту были подключены специалисты Института по изучению народов СССР (ИПИИ), где под руководством авторитетных ученых (В.Г. Богораза, Н.Я. Марра и др.) создавался в то же время печатный этноатлас СССР²⁸. Не случайно при рассмотрении тематических кинодокументов обращают на себя внимание характерные детали: 1) каждый фильм начинался с карты Советского Союза и с обозначения на ней района и народности его населяющей; 2) киноработы выстраивались по единой сценарной матрице, повествуя о «первобытном коммунизме» и переходе (перескоке) к социализму (минуя капитализм) среди этнических групп (как в известной большевистской формуле).

В 1928 г. фильм «Камчатка» вышел в широкий кинопрокат и был включен в базовый список фильмов «Киноатласа СССР», но с оговоркой о необходимости дополнительных съемок о развитии края при советской власти. Как видно из приведенного кинотекста, в части показа различных аспектов жизни края (географических, хозяйственных, этнокультурных) фильм Константинова вполне соответствовал принципам проекта. Основную критику вызвала аполитичность кинокартины, ее не-

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Худяков 1930: 85.

достаточная «марксистскость», требовавшая демонстрации социально-экономических явлений в борьбе, а производительных сил – в развитии.

По мнению разработчиков «Атласа», «Камчатке», как и большинству киноработ своего времени, не удалось подняться выше уровня, при котором фильм представлял собой «грандиозное собрание прекрасных видовых съемок, разнообразящихся иногда тонко, иногда грубо подрисованными сценами из местного, сугубо подчеркнутого и декорированного быта»²⁹. Именно в части освещения процессов советизации края, этот фильм к моменту своего выхода уже не соответствовал эволюционизировавшим в рамках параллельного политического курса требованиям, предъявляемым к «Киноатласу». Кроме того, по замыслу авторов концепции, «поскольку фильм должен дать полное знакомство с хозяйственной жизнью района, при производстве съемок нельзя ограничиваться только одной кратковременной экспедицией. Освещены должны быть все времена года, что имеет особое значение для областей с резко контрастными сезонами, а это выдвигает необходимость или длительной работы экспедиции или же неоднократных выездов в тот же район»³⁰. Данные требования были учтены при организации новой Камчатской киноэкспедиции «Совкино» 1929–1930 гг. под руководством режиссера А.А. Литвинова, которым, в сотрудничестве с исследователем В.К. Арсеньевым, был создан научно и идеологически взвешенный кинофильм «*Terra incognita*»³¹, успешно дополнивший впоследствии материалы «Киноатласа СССР» о Камчатке.

Рис. 3. Кадр из фильма «Terra incognita»³²

²⁹ Коробков 1933: 16.

³⁰ Там же: 18.

³¹ Головнев 2018.

³² РГАКФД. Фонд кинодокументов. Учетный № 1416.

Таким образом, проект «Киноатлас СССР», рассмотренный в статье в качестве контекста развития встречной активности ученых и кинематографистов можно охарактеризовать двояко. С одной стороны, как конкретный проект с одноименным названием, но с другой – как процесс. Растянувшийся на десятилетия, параллельный с образованием и переустройством самого Советского Союза, процесс кино-картирования территорий страны: нанесения новых наименований, образного визуального «освоения» огромного пространства, и его позиционирования – как внутри страны, так и вовне. Не реализовавшись полностью, условно выражаясь «от а до я», что было связано с постоянной изменчивостью политического курса, проект стал столь недостающей причинной акцией, мобилизовавшей научно-кинематографическое сообщество на совместную деятельность, что выразилось в разработке серии теорий и методик, а также в выпуске существенного количества этнографических фильмов, пусть формально и не обрамленных общей заставкой «Киноатласа». Безусловно, будучи произведением государственной воли, «Киноатлас СССР» привнес идеологическую нагрузку в межведомственное творческое взаимодействие. Не случайно при разнице творческих методик их авторов, эти этнографические кинокартины были выстроены по схожей сценарной матрице, повествуя о «естественном коммунизме» и переходе к социализму среди этнических групп. Каждый из тех опытов, включая рассмотренный в статье кинодокумент «Камчатка» Н.Д. Константинова, на крупном плане отражал специфику поиска матрицы «марксистской этно-фильмы» (термин В.Г. Богораза). На общем же плане такие примеры, собранные воедино, действительно образуют большой этно-географический киноатлас, на страницах которого были запечатлены разножанровые образы научно-творческого и идеологического позиционирования Страны Советов в мире.

Уже во второй половине 1930-х, в связи с переходом курса национальной политики от ленинского интернационализма к сталинскому тоталитаризму, параллельно с низведением этнографии до уровня вспомогательной исторической дисциплины, было свернуто и производство этно-географических фильмов – киноистории о «первобытных» культурах и «отсталых» регионах стали невыгодной краской в «прогрессивном» образе Страны Советов. Все предшествующее развитие этого кинонаправления в СССР было предано забвению, а его наработки стали «полочными». Был «репрессирован» и «Киноатлас» – порождение экспериментов «культурной революции» и создававшийся как пестрая кинокомпозиция многокультурной федерации – он представлял конкурентную позицию в условиях складывающейся надэтнической унитарной госструктуры, где проектировались «социалистические по содержанию» и «национальные по форме» культуры (термины И.В. Сталина). Вынужденно остановились и исследовательские работы внутри направления, что привело к разрыву сложившихся связей ученых и кинематографистов, которые в сопоставимом масштабе не установились и по сей день.

Изучение архивных кинодокументов как исторических источников имеет не только ретроспективную, но и перспективную ценность для гуманитарной науки. С одной стороны, введенные в научный оборот в ходе подобных исследований фильмы, включая рассмотренную в статье работу Н.Д. Константинова «Камчатка», представляют собой своеобразную онтологическую базу исторической визуальной антропологии в России и в мире, и открывают перспективу научного осмысления «визуальной истории». А с другой – обнаруживают подробные теоретические, практические и методические рекомендации по созданию этно-географических киноповествований, формам взаимодействия ученых с кинематографистами, и форматам презентации полученных материалов, востребованные для современных теоретизирований и практических опытов в направлении визуальной антропологии.

Архивные материалы

Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД). Учетный № 2719.р.
Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2091. Оп. 1.
Ед. хр. 77.
РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 356.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Верменинко М. О культурфильме // Советское кино. 1927. № 4. С. 14–15. [Veremienko M. O kul'turfil'me // Sovetskoe kino. 1927. № 4. S. 14–15].
- Головнев И.А. Ученый камчадал из страны вулканов: Прокопий Новограбленов и его образы Камчатки // Диалог со временем. 2020. № 3 (72). С. 181–194. [Golovnev I.A. Uchenyj kamchadal iz strany vulkanov: Prokopij Novograblenov i ego obrazy Kamchatki // Dialog so vremenem. 2020. № 3 (72). S. 181–194].
- Головнев И.А. «Terra incognita»: описание земли Камчатки в фильме А.А. Литвинова // Диалог со временем. 2018. Вып. 62. С. 257–272. [Golovnev I.A. «Terra incognita»: opisanie zemli Kamchatki v fil'me A.A. Litvinova // Dialog so vremenem. 2018. Вып. 62. S. 257–272].
- Касьянов В. Кино-атлас СССР (в порядке предложения) // Кино. 1926. № 48. С. 1. [Kas'janov V. Kino-atlas SSSR (v porjadke predlozhenija) // Kino. 1926. № 48. S. 1].
- Капица Л. Культурфильма и научные экспедиции // Кино-фронт. 1927. № 4. С. 2–3. [Kapitsa L. Kul'turfil'ma i nauchnie ekspeditsii // Kino-front. 1927. № 4. S. 2–3].
- Кауфман М. С аппаратом в степь (из дневника оператора) // Советский экран. 1925. № 23. С. 3. [Kaufman M. S apparatom v step' (iz dnevnika operatora) // Sovetskij ekran. 1925. № 23. S. 3].
- Коробков Н. Киноатлас СССР // Советское краеведение. 1933. № 2. С. 15–20. [Korobkov N. Kinoatlas SSSR // Sovetskoe kraevedenije. 1933. № 2. S. 15–20].
- Культикино // Советский экран. 1925. № 33. С. 19. [Kul'tkino // Sovetskij ekran. 1925. № 33. S. 19].
- Магидов В.М. Киноатлас СССР: История создания серии фильмов по визуальной антропологии // Аудиовизуальная антропология. История с продолжением. М.: Институт Наследия, 2008. С. 136–141 [Magidov V.M. Kinoatlas SSSR: Istoriya sozdanija serii fil'mov po vizual'noj antropologii // Audiovizual'naja antropologija. Istoriya s prodolzheniem. M.: Institut Nasledija, 2008. S. 136–141].
- Оганесов К. Кино и этнография // Советский экран. 1925. № 19. С. 11. [Oganesov K. Kino i etnografija // Sovetskij ekran. 1925. № 19. S. 11].
- Разлогов К.Э. Кино-Этнография-Антропология // Философские науки. 2010. № 7. С. 80–90. [Razlogov K.E. Kino-Etnografija-Antropologija // Filosofskie nauki. 2010. № 7. S. 80–90].
- Сухаребский Л. Научные экспедиции и их засъемка // Советское кино. 1927. № 4. С. 12–13. [Sukharebskij L. Nauchnije ekspeditsii i ikh zas'jemka // Sovetskoe kino. 1927. № 4. S. 12–13].

- Сытин В.А. Киноатлас // Кино и культура. 1929. № 4. С. 71. [Sytyin V.A. Kinoatlas // Kino i kul'tura. 1929. № 4. S. 71].
- Ханжонков А.А. Первые годы русской кинематографии. М.: Искусство, 1937. 176 с. [Khanzhonkov A.A. Pervije gody russkoj kinematografii. M.: Iskusstvo, 1937. 176 s].
- Этнография и кино // Кино. 1925. № 7. С. 3. [Etnografija i kino // Kino. 1925. № 7. S. 3].
- Cultural revolution in Russia, 1928–1931 / Ed. by Sheila Fitzpatrick. Indiana: Indiana University Press, 1984. 309 p.
- Henley P. Beyond observation. A history of authorship in ethnographic film. Manchester: Manchester University Press, 2020. 568 p.

Головнев Иван Андреевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел проектных исследований, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; golovnev.ivan@gmail.com

Cinema-atlas of the USSR: “Kamchatka” by Nikolai Konstantinov (1927)

At the turn of the 1920s–1930. in the USSR the production of films on ethno-geographical topics was developed. The quintessence of research and film-production approaches was the ambitious state project «Cinema Atlas of the USSR», which assumed the creation of a 150-part almanac about the nationalities and regions of the country. Scientific thoroughness, cinematic poetry and Marxist philosophy were merged in the direction of scientific cinema that was formed as a result of these processes. The article, based on the example of the archival film «Kamchatka» by Nikolai Konstantinov, examines the features of the practical embodiment of the creative and ideological provisions of the projected Soviet cinema-atlas.

Keywords: Cinema-Atlas of the USSR, visual anthropology, image of the region, Kamchatka, Nikolai Konstantinov

Golovnev Ivan Andreevich, PhD, Senior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences; golovnev.ivan@gmail.com

С.И. БЕЛОВ

АНТИСЕМИТИЗМ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ ГОЛЛИВУДА КАК РЕСУРС КОНСТРУИРОВАНИЯ АНТИОБРАЗА СССР¹

Статья посвящена исследованию эксплуатации темы антисемитизма в дореволюционной России в рамках конструирования негативного образа СССР силами американских кинематографистов в период «холодной войны». Образ «русских-антисемитов» претерпел существенную эволюцию. Первоначально в качестве движущей силы репрессий и инициаторов дискриминационных практик обозначались истребители, духовенство и политическое руководство Российской империи. Однако в 1980-х гг. «образ врага» подвергся примитивизации, воплотившись в образе казака, соответствующую архетипичным представлениям о «варварах-разрушителях».

Ключевые слова: антисемитизм, евреи, США, царизм, дореволюционная Россия, СССР, кинематограф, Голливуд, антиобраз

Начиная с 2014 г., Россия фактически пребывает в состоянии информационной борьбы против США. При этом конфликт ведется не только посредством СМИ: его участники активно эксплуатируют символические ресурсы массовой культуры для формирования образа врага в сознании широких слоев населения. При этом наблюдается активное использование созданных ранее стереотипов, сформировавшихся, как минимум, еще в период «холодной войны». Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на длительный характер противостояния, стороны конфликта задействовали еще не весь доступный объем символического наследия предшествующих эпох, что, с одной стороны, порождает новые риски, а с другой – обеспечивает наличие временного лага для выработки контрмер. Однако последнему должно предшествовать выделение потенциальных источников актуализации образа врага в контексте реанимации сложившихся ранее негативных стереотипов.

К числу последних относится яркий и обладающий глубоким эмоциональным наполнением образ «русского антисемита», ассоциируемый с дореволюционным периодом истории России.

С момента начала «холодной войны» перед американскими кинематографистами была негласно поставлена задача формирования образа нового врага Соединенных Штатов в лице СССР. Конструирование соответствующей системы представлений закономерно предполагало необходимость обращения к историческому дискурсу. Как было отмечено А. Варбургом, любой символ по своей природе ретроспективен, поскольку целью его создания является интерпретация нового явления

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским научным фондом проекта № 18-18-00233 «Жинообразы советского и американского врагов в символической политике Холодной войны: Компаративный анализ». Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

социальной действительности в рамках привычной, ранее сложившейся описательной модели². На тот период СССР как государство существовал менее 30 лет, в силу чего американские кинематографисты были вынуждены использовать в качестве источника эмпирического материала и негативных стереотипов опыт взаимодействия США с дореволюционной Россией, и одну из ключевых ролей в этом направлении сыграла разработка темы антисемитизма в дореволюционной России.

Целью данной работы является оценка роли темы антисемитизма в дореволюционной России в конструировании образа «советского врага» в кинематографе США в период «холодной войны».

Эмпирическая основа представленной работы была сформирована за счет обращения к фильмам, непосредственно отражающим тему положения евреев в дореволюционной России, и связанных с ними смысловым образом кинолент, посвященных проблеме антисемитизма или позиционированию «русского врага» в целом. К первой категории кинокартин относятся «Мастеровой» (1968), «Скрипач на крыше», (1971), «Любовь и смерть», (1975), «Поп Америка» (1981) и «Американская история» (1986), ко второй – «Тело и душа» (1946), «Перекрестный огонь» (1947), «Джентльменское соглашение» (1947), «Красный рассвет» (1984) и «Рембо 3» (1988).

Методология исследования выстроена за счет комбинации сравнительного, генетического и дескриптивного анализа.

Ассоциативный ряд между Россией и антисемитизмом выстраивался в культурной памяти американцев, как минимум, начиная с 1880-х гг. Политика дискриминации еврейского меньшинства, проводимая политическим руководством Российской империи после убийства Александра II, привела к началу массовой эмиграции представителей данной национальной группы с территории монархии Романовых, в т.ч. в Соединенные Штаты³. За период 1881–1913 гг. в США переехали (фактически – вопреки нормам действующего законодательства) около 2 млн. российских евреев. Их массовая миграция в значительной степени способствовала росту напряженности во взаимоотношениях между двумя государствами. Официальный Вашингтон привлекая натурализованных российских евреев в качестве сотрудников дипломатического ведомства в рамках выстраивания диалога с Санкт-Петербургом. Однако российские власти отвечали на это дискриминацией «новых американцев», что провоцировало регулярные протесты со стороны Госдепартамента⁴.

² Варбург 2008: 171.

³ В соответствии с «Временными правилами о евреях» от 3 мая 1882 г., представителям данного этноса запрещалось даже в пределах черты оседлости, которая включала в себя территорию 15 губерний, приобретать землю и дома вне городов и местечек, а также арендовать земельные угодья. С 16 июня 1887 г. были введены ограничения на поступление евреев в высшие и средние учебные заведения. 3 марта 1890 г. правительство ввело для них запрет заниматься адвокатской деятельностью.

⁴ Нитобург 1994: 29.

В данном случае необходимо пояснить, что вплоть до конца XIX в. в российском законодательстве четкий регламент эмиграции фактически отсутствовал. Более того, согласно нормам российского права, в период эпохи империи, оставление отечества на неопределенное время (часто – навсегда) с целью обосноваться в новой стране было запрещено законом. Эмиграция подпадала под действие ст. 325–327 Уложения о наказаниях, карающих за «недозволенное оставление отечества». Закон предусматривал под данным понятием следующие категории преступных деяний:

- вступление в подданство иностранной державы;
- вступление в иностранную службу без позволения правительства;
- пребывание за границей дольше определенного законами срока (5 лет) без достаточных причин;
- неявка из-за границы на родину по вызову правительства⁵.

Общие санкции за совершение перечисленных преступных деяний, в соответствии с российским законодательством, сводились к лишению всех прав, состояния и вечному изгнанию из пределов государства. При этом закон предусматривал также отягчающие обстоятельства, при наличии которых преступление обретало квалифицирующий признак и каралось особо строго. Так, этнические евреи, эмигрировавшие из России и вернувшиеся в пределы империи, подлежали заключению в «смирительном доме» на время от 1 года до 2 лет и последующей высылке за рубеж, а в случае вторичного нарушения закона рассматривались как лица, занимающиеся бродяжничеством, и присуждались к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на срок от 10 до 12 лет, для работы «в портах, в горных и соляных заведениях и на работы в ведении Путей сообщения». Если же еврей-эмигранты признавались негодными к работам в арестантских ротах, то их полагалось отправлять на Кавказ или в Сибирь, или, по усмотрению министра внутренних дел, в иные отдаленные губернии. Лица женского пола при этом отдавались в работные дома, а потом выслались в Сибирь⁶.

В случае наличия доказанного факта принятия иного подданства или поступления на государственную службу иной державы эмигрант также карался ссылкой в Сибирь. Отказ вернуться в Россию по вызову правительства, как и превышение 5-летнего срока пребывания за рубежом, дополнительно карался объявлению эмигранта безвестно отсутствующим и передаче его собственности в опекуновское управление (т.е. ее фактической конфискации государством).

Возможность легально покинуть Россию у евреев появилась лишь после того, как 8 мая 1892 г. в силу вступило Высочайше утвержденное положение Комитета Министров о деятельности в России учрежденного в Англии Еврейского Колонизационного Общества.

⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: 223, 224.

⁶ Там же.

Ситуацию во взаимоотношениях Петербурга и Вашингтона усугубляло то, что уже к середине XIX в. в США существовала достаточно влиятельная и консолидированная корпорация американских евреев, члены которой продемонстрировали высокую готовность к натурализации и ассимиляции. Составлявшие ее основу сефарды и немецкие евреи слабо контактировали с «соплеменниками» из Восточной Европы (последние, как правило, проживали в отдельных районах, общались преимущественно на идише и выступали в качестве наемных рабочих – дешевой рабочей силы). Однако они не могли игнорировать антисемитскую политику официального Петербурга, и в рамках противодействия курсу российских властей опирались на поддержку высших слоев американского истеблишмента. Так, первый массовый митинг, проведенный в 1882 г. в поддержку российских евреев, был проведен в Нью-Йорке при поддержке экс-президента У. Гранта⁷.

Всплеск антироссийских настроений в США был зафиксирован в начале 1900-х гг., после начала новой серии еврейских погромов. Действия (и бездействие) российских властей подверглись осуждению в совместной резолюции обеих палат Конгресса от 22 июня 1906 г. В формировании антиобраза России как оплота антисемитизма активно участвовали популярные деятели культуры. Так, Марк Твен поместил описание «русских погромов» в третью часть книги «Размышления о религии» (1906). Закреплению негативных представлений о положении евреев в России способствовала череда погромов на Украине, последовавших за началом гражданской войны на территории бывшей империи⁸.

Одновременно в культурной жизни США произошел резкий поворот, приведший к усилению роли не просто еврейского меньшинства, но именно выходцев из России и Восточной Европы в формировании общественного мнения. В американском кинематографе после ликвидации в 1913 г. «треста Эдисона» начался период доминирования «великих голливудских студий», возглавляемых преимущественно предпринимателями-евреями. К числу наиболее влиятельных акторов данной категории относятся MGM (Metro-Goldwyn-Mayer) (М. Лоу, Д. Шенк, С. Голдвин, Л.Б. Майер), Paramount (А. Цукор, Дж. Ласки, Б.П. Шульберг), Columbia (Г. и Дж. Кон), Warner Brothers (Дж. и Г. Уорнер), Universal Pictures (К. Леммле и И. Тальберг) и 20th Century (Дж. Шенк), которая позднее слилась с компанией Fox (У. Фокс). Они сумели быстро наладить связи с сетями кинотеатров и условно «еврейскими» банковскими домами. Так, например, Warner Brothers тесно сотрудничала с Goldman Sachs, а Paramount – с Kuhn и Loeb. Благодаря этому у представителей диаспоры появилась возможность влиять на формирование в глазах широких слоев населения США образ как самих жертв притеснения (евреев), так и их исторических врагов, включая условный «царизм»⁹.

⁷ Журавлева 2001: 179; Berman 1980: 234.

⁸ Heinze 1990: 112.

⁹ Desser 1992: 75, 77.

Важно также отметить, что к началу «холодной войны» американские кинематографисты сумели полноценно реализовать потенциал эмпатии своей целевой аудитории по отношению к этническим евреям, порожденный трагическим наследием Холокоста. В частности, уже в первые послевоенные годы в свет вышел ряд популярных фильмов, позиционирующих этнических евреев в качестве жертв преследований и дискриминации, заслуживающих уважения за свою готовность противодействовать угнетателям. В числе кинолент данного плана можно упомянуть такие фильмы, как «Тело и душа» (1946), «Перекрестный огонь» (1947) и «Джентльменское соглашение» (1947)¹⁰.

На фоне начала использования советским руководством в конце 1940-х – начале 1950-х гг. практик дискриминации этнических евреев («Борьба с космополитизмом», «Дело врачей»), это сформировало благоприятные предпосылки для формирования в сознании общественности образа нового врага в лице СССР посредством обращения к мемориальному дискурсу соответствующей общины.

В силу относительно скудных эмпирических ресурсов совместной истории России и США, в рамках решения задачи конструирования образа врага посредством мемориального нарратива американские кинематографисты были вынуждены концентрировать внимание на мемориальной традиции конкретных макросоциальных групп внутри общества Соединенных Штатов, и в первую очередь упор делался на формировании дискурса, адресованного еврейской общине США. В коллективной памяти ее представителей на момент начала «холодной войны» были свежи воспоминания о дискриминационных практиках и этнических погромах в дореволюционной России. Последнее открывало широкие возможности с точки зрения формирования культурной памяти. В качестве дополнительных аргументов в пользу эксплуатации данной темы в кинематографе выступали как наличие определенных форм дискриминации по отношению к этническим евреям в послевоенном советском обществе, позволявшее проводить исторические параллели между «двумя империями», так и существенная роль еврейской интеллигенции внутри академических, экспертных и культурных объединений, в т.ч. в сфере массовых развлечений в США¹¹.

Тема российского/советского антисемитизма продвигалась в нестандартных форматах: помимо демонизации в трагическом контексте, образ врага – также через комедию («Любовь и смерть», 1975 г.), мультипликацию («Поп Америка», 1981 г.; «Американская история», 1986 г.) и формат фильма-мюзикла («Скрипач на крыше», 1971 г.).

В фильме режиссера Дж. Франкенхаймера «Мастеровой» (1968) сюжет выстраивается на основе реального исторического события – «дела Бейлиса». В рамках кинематографического нарратива в адрес жителя Киева Якова Бока (этнического еврея) «царскими властями»

¹⁰ Cohen 1983: 87.

¹¹ Whitfield 1999: 121.

выдвигаются сфабрикованные обвинения в ритуальном убийстве ребенка-христианина. В данном случае в качестве врагов главного героя были обозначены в первую очередь представители бюрократии, офицерства и духовенства, позиционируемых как привилегированные слои населения, воплощающие собой социальную базу «царизма»¹².

В киноленте «Скрипач на крыше» в качестве притеснителей российских евреев обозначены казаки (выступающие как архетипичные «варвары-разрушители») и непосредственно политическое руководство империи, осуществляющее высылку евреев из их мест проживания и отправившее в ссылку жениха одной из дочерей главного героя. При этом прочие значимые другие (в лице русских и украинских крестьян) позиционируются в целом позитивно.

В комедии «Смерть и любовь» В. Аллен демонстрирует образ священника-антисемита, внушающего юному главному герою, что евреи представляют собой inferнальные создания и не являются людьми. Впоследствии данный подход был позаимствован многими современными кинематографистами, например, он широко используется Т. Вайтити в фильме «Кролик Джоджо».

Мультфильм «Поп Америка» начинается с описания убийства казаками раввина – отца первого из главных героев произведения. «Американская история» С. Спилберга также содержит упоминание в качестве основного стимула переезда героев в США – нападения казаков.

Таким образом, наблюдается эволюция образа «русского врага-антисемита». Если во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. в качестве такового выступали в первую очередь элиты и политическое руководство Российской империи, подвергавшие еврейское меньшинство разнообразным формам преследований и дискриминации, то в последующем позиционирование врага подверглось примитивизации. В этом качестве стал выступать лишь стереотипный образ казака, выстроенный вокруг архетипа «варвара-разорителя», что во многом соответствовало динамике трансформации образа «советского врага» в идеологических клише таких кинолент, как «Красный рассвет» или «Рембо 3». Можно предположить, что вульгаризация образа врага была обусловлена постепенным размыванием образа «царских насильников» в коллективной памяти американских евреев. По мере ее эрозии в структуре мемориального нарратива оставались лишь наиболее яркие символы, связанные с экстремальными репрессивными практиками, в силу чего образ «казака-погромщика» начал доминировать в памяти масс.

Сам по себе антисемитизм, присущий российским персонажам упомянутых фильмов, был вписан в определенный социокультурный контекст и фактически являлся порождением целой системы пороков, приписываемых «образу врага». Элитизм (открытый или замаскированный социалистической риторикой) политического руководства, прене-

¹² Higham 1975: 94, 95.

брежение к «рядовым гражданам», токсичная маскулинность культуры, мистицизм и джингоизм – все эти факторы в своей совокупности обуславливали наличие антисемитских настроений, ксенофобию, отрицание демократии и светского гуманизма.

Таким образом, антисемитизм в России (и косвенно – в СССР) позиционировался во многом как результат отрицания базовых американских ценностей, а США обозначались в качестве своеобразного «града на холме», достижение которого гарантировало евреям (а в целом – и представителям всех прочих этносов) возможность обеспечить себе достойную жизнь. Восприятие данного месседжа облегчало наличие среди представителей еврейской общины большого числа очевидцев дискриминационных практик или их младших современников – негативное восприятие дореволюционной России закреплялось благодаря наличию соответствующих мемориальных рамок и фигур памяти.

Американские кинематографисты использовали и такой ресурс, как традиция негативного восприятия европейской аристократии в целом, абсолютистских монархий и царизма в частности, присущая обществу США. В сочетании с акцентом на «преемственности в антисемитской политике России и СССР» в американской публицистике это способствовало уничтожению позитивных стереотипов о результатах революций 1917 г. в целом, и для еврейской общины в частности. Благодаря этому у американских кинематографистов возникала благоприятная возможность провести десакрализацию «священного прошлого» советского противника.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Варбург А. Великое переселение образов. М. 2008. 384 с. [Warburg A. The Great Migration of Images. Moscow. 2008. P. 384].
- Журавлева В.И. Еврейская эмиграция из России в США на рубеже XIX-XX вв.: Образ «чужого» в сознании американцев // Новый исторический вестник. 2001. № 2 (4). С. 177–200. [Zhuravleva V.I. Jewish emigration from Russia to the United States at the turn of the XIX-XX centuries: The image of the "alien" in the minds of Americans. New historical bulletin. 2001. 2 (4): 177–200].
- Нитобург Э.Л. История формирования еврейской общности в США // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 5. С. 28–39. [Nitoburg E.L. History of the formation of the Jewish community in the United States. USA: economics, politics, ideology. 1994. 5: 28–39].
- Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство. X–XX вв. Т. 6. М., 1988. С. 220–264. [Code of 1845 Criminal and Correctional Punishments. Russian Legislation. X – XX centuries. Vol. 6. Moscow. 1988: P. 220–264].
- Berman M. The Attitude of American Jewry towards East European Jewish Immigration, 1881–1914. N.Y. 1980. 571 p.
- Cohen S. B. From Hester Street to Hollywood: The Jewish-American Stage and Screen. Indianapolis. 1983. 278 p.
- Desser D., Friedman L. American Jewish Filmmakers and the Jewish Experience. Urbana. 1992. 318 p.
- Heinze A.R. Adapting to Abundance: Jewish Immigrants, Mass Consumption, and Search for American Identity. N.Y. 1990. 276 p.
- Higham J. Send These to Me: Jews and Other Immigrants In Urban America. N.Y. 1975. 259 p.
- Simon R.J. In the Golden Land: A Century of Russian and Soviet Jewish Immigration in America. Westport; London. 1997. 181 p.
- Whitfield S. In search of American Jewish culture. Hanover. 1999. 307 p.

Белов Сергей Игоревич, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, исполнитель по гранту; МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент, кафедра российской политики, факультет политологии; Институт философии РАН, докторант; *belov2006s@yandex.ru*

Anti-Semitism in Pre-Revolutionary Russia in the Mirror of Hollywood as a Resource for Constructing an Anti-Image of the USSR

The presented research is devoted to the exploitation of the topic of anti-Semitism in pre-revolutionary Russia within the framework of constructing a negative image of the USSR by American filmmakers during the Cold War. The image of “Russian anti-Semites” has undergone significant evolution. Initially, the establishment, clergy and political leadership of the Russian Empire were identified as the driving force of repression and initiators of discriminatory practices. However, in the 1980s. “The image of the enemy” underwent primitivization, embodied in the image of a Cossack, corresponding to the archetypal ideas about “barbarians-destroyers”.

Key words: *anti-Semitism, Jews, USA, tsarism, pre-revolutionary Russia, USSR, cinema, Hollywood, anti-image.*

Sergey Belov, Candidate of Historical Science, Saint-Petersburg University, the contractor grant; Associate Professor of Russian Politics Program, Political Science Department Lomonosov Moscow State University; doctoral student at the Institute of Philosophy of RAS. *belov2006s@yandex.ru*

О.Д. ПОПОВА

**«КНИГА О ВКУСНОЙ И ЗДОРОВОЙ ПИЩЕ»
В СИСТЕМЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ МИФОВ
ПЕРИОДА ПЕРЕХОДА ОТ ЭПОХИ «ОТТЕПЕЛИ» К ЭПОХЕ «ЗАСТОЯ»**

В статье анализируется место «Книги о вкусной и здоровой пище» 1960-х гг. в системе идеологической пропаганды. Автором показано, что текст книги отражал трансформации, которые происходили в повседневной жизни советских граждан под влиянием крушения «большого сталинского стиля». На основе выявленных обращений граждан в органы власти и к лидерам государства автор показывает трудности советского быта середины 1960-х: дефицит продуктов, проблемы получения качественного жилья и др. В итоге автор приходит к выводу о двойственности декларируемых в «Книге о вкусной и здоровой пище» принципов социалистического быта и реальных бытовых практик. Данное издание выполняло уже другую функцию, чем прежние: оно пыталось сгладить недостатки социалистического строя. Однако книга все больше превращалась в миф о благополучии советской системы, рассказывая о товарах, которые нельзя было найти на прилавках.

Ключевые слова: *приготовление пищи, повседневные практики, обращения граждан, двойственность, продуктовый дефицит, политика Хрущева*

Пищевые практики являются неотъемлемой частью нашей повседневности. Являясь частью физиологических потребностей человека процесс потребления пищи в советском обществе стал очень удобным для государства механизмом по формированию различных социальных практик, необходимых для создания человека нового коммунистического общества. В современной российской и зарубежной историографии кулинарные книги рассматриваются не только как инструкции по приготовлению пищи, но и как источник, отражающий процессы в социальной и политической жизни общества. В частности, в совместном исследовании израильского и британского авторов англоязычные израильские кулинарные книги представляются не только как способ репрезентации национальных кулинарных традиций, но и как механизм повышения интереса иностранной аудитории к Израилю и его проблемам на политической арене¹. Л.М. Лонг также отводит кулинарным книгам роль национальной репрезентации американской культуры². И.В. Сохань и Д.В. Гончаров отмечают, что кулинарные книги и книги по ведению домашнего хозяйства в Советском Союзе играли не только чисто практическую, но и идеологическую роль и тесно связывают практики конструирования питания с тоталитарным режимом в СССР³.

Самой знаменитой книгой кулинарного характера в СССР была «Книга о вкусной и здоровой пище», изданная впервые в 1939 г. и переиздававшаяся много раз. Данное издание в качестве источника изучения и моделирования советской ментальности привлекает как иност-

¹ Baron, Press-Barnathan 2021: 338 - 358

² Long 2021: 45 – 80.

³ Сохань, Гончаров 2013: 142-155.

ранных, так и российских исследователей. Через моделирование практик потребления пищи власть одновременно пыталась сформировать определенные коды советского сознания. Российская исследовательница И.В. Глущенко обратилась в первую очередь к политическим аспектам пропаганды в «Книге о вкусной и здоровой пище», проанализировав цитаты из речей И.В. Сталина, А.И. Микояна, которыми были наполнены издания 1939 и 1952 г.⁴ Американский исследователь Е. Гейст отмечает, что выпуск «Книги о вкусной и здоровой пище» стал кульминацией кулинарной революции под руководством А.И. Микояна и отражением противоречивости сталинской эпохи⁵. А вот более поздние издания, в частности 1967 года и его переиздание 1969 года, исследованы значительно хуже, а тираж их был не менее значительным, чем выпуск книг в 1939 г. или в 1952 г. Если тираж первого выпуска 1939 года составил 100 тыс. экз, то в 1967 г. он достигал уже 500 тыс.

Методика изучения кулинарных книг как исторического источника предполагает комплексный подход. Историка интересует не только сам кулинарный рецепт как технология приготовления пищи, но и подача этого рецепта, место кулинарного рецепта в системе предложенного набора рецептов, вступительные и постраничные комментарии. Безусловно большое значение для анализа кулинарных книг имеет учет общего контекста повседневной жизни, учет трансформаций социальной структуры, системы агитации и пропаганды.

Поэтому существенное значение имеет привлечение исследований по истории повседневности. В этом аспекте большой интерес представляют труды Н.Б. Лебиной, которая, характеризуя процессы в повседневности эпохи хрущевской оттепели, обозначает их как «деструкция большого стиля», подразумеваемая процесс очищения принципов строительства социализма от перегибов сталинизма, т.е., по ее мнению, хрущевские реформы вели не к демократизации как таковой, а к формированию новых социально-политических принципов социализма⁶. Динамика трансформаций повседневной жизни СССР через призму статистических данных прослеживается в исследовании М.Н. Федченко⁷. Г.П. Сидорова выделяет и такую особенность массовой культуры в данный период как двойственность, которая проявлялась в создаваемой картине мира и места в нем человека⁸, в противоречивости официально задекларированных норм и реальных практик.

В зарубежной историографии проблемы советской повседневности рассматриваются с разных сторон. В частности, австралийские исследователи обратились к такому аспекту советской жизни как роль садоводческих участков – важного механизма выживания граждан в годы Вели-

⁴ Глущенко 2010.

⁵ Geist 2012: 295–313.

⁶ Лебина 2015: 19.

⁷ Федченко М.Н. 2009.

⁸ Сидорова 2013.

кой Отечественной войны, развитие которых стало частью государственной программы. При этом авторы, анализируя систему пропаганды отмечают, что власть широко использовала обращение к традиционным женским ролям⁹. О парадоксах и противоречиях в повседневных кулинарных практиках позднесоветского периода идет речь и в труде российско-американских исследователей «Seasoned socialism: gender and food in late Soviet everyday life»¹⁰.

Представляется важным проследить, какую роль играла «Книга о вкусной и здоровой пище» 1960-х гг. в конструировании советского мифа и двойственности советского бытия. При этом двойственность выражалась, как в аспекте «город»-«деревня», так и в аспекте «миф»-«реальность». В культурологическом плане книга поддерживала разрыв между городом и деревней и прежде всего была ориентирована на городского жителя. Одновременно это же издание отразило процесс десталинизации большого стиля в архитектуре. Очень ярко это показано в разделе «Кухня». Впервые такой раздел появился в издании 1952 года, но в основном он касался кухонной утвари и некоторых бытовых приборов. Издания 1967 и 1969 гг. зафиксировали серьезную новацию в жилищном строительстве в СССР – массовое и экономичное строительство для городских жителей. С 1955 г., в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета министров о борьбе с излишествами, в проектировании и строительстве был взят курс на строительство экономичного и быстрозводимого жилья¹¹. Журнал «Работница» в 1958 г. разъяснял читательницам, какой тип жилых домов предполагается массово внедрить в строительство: малометражные квартиры, рассчитанные на одну семью. Размер однокомнатной квартиры устанавливался 18-20 кв. м, двухкомнатные – 30 кв. м, трехкомнатные – 36-40 кв. м, в каждой квартире предусматривалась кухня площадью 6 кв. м, с холодным шкафом под окном. Автор статьи, член-корреспондент Академии строительства и архитектуры Т. Дружинина утверждала, что «новоселы благодарны строителям, создавшим для них большие удобства»¹². В народе эти дома именовали «хрущевки» и «брежневки» – однотипные пятиэтажные дома, без лифта, с совмещенным санузлом, с проходными комнатами. На заре 1970-х появился новый тип жилых домов, который был более комфортабельным: девятиэтажные дома, снабженные лифтом, мусоропроводом, и кухней, размер которой достигал уже 9 кв. м, их в народе стали именовать «новые брежневки».

Издание 1967–1969 гг. – единственное, которое фиксировало принятые в тот момент стандарты кухонного пространства: от 1,5 до 7 м². Одновременно осуществлялся перелом в использовании кухни – предлагалось не только готовить еду, но и организовывать прием пищи для

⁹ Charon Cardona, Markwick: 47 – 59.

¹⁰ Пушкарева, Жидченко 2021: 194.

¹¹ Лебина 2015: 40.

¹² Работница. 1958. № 12: 21.

всей семьи: «Кухня в отдельной квартире, если позволяют размеры, используется и по своему прямому назначению, и как столовая, и как место, где проводят другие домашние работы»¹³. Авторы видели возможность использовать кухню как столовую уже размером 4,5–5 кв. м, на которой при экономичном и компактном размещении можно разметить маленький уголок столовой, где может позавтракать или поужинать если не вся семья, то кто-нибудь из домочадцев. А кухню площадью 6–7 кв. м предлагалось использовать как полноценную столовую. Такой подход позволял более рационально использовать площадь жилых комнат малогабаритных квартир: освободить комнаты от обеденных столов и буфетов, более рационально распределить время хозяйки. При этом авторы книги очень осторожно признавали стесненные условия кухонного пространства и предлагали компенсировать его рациональным размещением мебели и шкафов: «Мы не в состоянии по собственному желанию расширить площадь кухни в своей квартире, далеко не всегда можем перепланировать ее, но в наших силах сделать ее более удобной»¹⁴. Читателям предлагалось экономить место за счет навесных шкафов, разделить зону готовки и столовую зону по разным стенам кухни, вместо стульев использовать табуреты. Для маленьких кухонь рекомендовалось заказывать мебель в специальных мастерских.

Значительное изменение претерпело повествование о кухонной утвари. Если в издании 1952 г. можно было прочитать об использовании керогаза, примуса и керосинки на кухне, то теперь авторы нового издания писали о газовой плите и с долей большого оптимизма заявляли о скором широком распространении электрических плит. Подкреплялся этот оптимизм фотографией электрической двухкомфорочной плитки. Использование электрических приборов предполагало наличие 1–2 розеток на кухне. Особое внимание было уделено холодильнику. Если в издании 1939 г. об этом чуде техники рассказывалось как о новинке производства, но купить его было почти не реально, то в 1969 г. эта новинка уже широко внедрялась в производство и стала доступна потребителям. Это обусловило появление в книге большого подраздела, рассказывающего об использовании холодильников и сроках хранения продуктов. Одновременно читатели убеждались в преимуществе других механических и электрических приборов. Однако подробное описание таких приборов как миксер, электромясорубка, соковыжималка найдет свое место только в издании 1988 года. А в 1969 г. читательницам настоятельно рекомендовалось почаще заглядывать в хозяйственные магазины, чтобы следить за новинками.

Происходит трансформация «буржуазных представлений об эстетике еды с пролетарским стремлением к плотной тяжеловесной пище», как метко охарактеризовала Н.Б. Лебина издание «Книги о вкусной и здоровой пище» 1952 г., к более утилитарному процессу. Если прежние

¹³ Книга... 1969: 34.

¹⁴ Там же.

издания формировали представление о еде в идеальном варианте в рамках буржуазной культуры: столовая, белая скатерть, буфет с посудой, то теперь на смену приходил простой и компактный обеденный стол в однотипной кухне и однотипной мебелировке, табуреты, вместо белой скатерти предлагалось использовать цветные салфетки под каждый обеденный прибор. Скромные размеры кухни не позволяли разместить больше, чем плиту, мойку, холодильник, рабочий стол и обеденный стол.

При этом издание 1967 г. конструировало миф о счастливой советской семье, проживающей в отдельной квартире, с собственной кухней, и неустанном улучшении жилищных условий советских граждан. Безусловно, переезд в отдельную квартиру с собственным санузелом и кухней для многих был счастьем. Н.Б. Лебина приводит воспоминания журналистки Т.О. Максимовой о переезде их семьи в новую квартиру из 9-метровой комнаты: «Переселение было радостным – 30 метров жилой площади, две смежные комнаты. <...> Своя (!) кухня – ерунда, что 5,5 метров. Можно забыть о туалете во дворе и каждый день принимать ванну»¹⁵. Одновременно такие маленькие квартиры стали объектом популярных анекдотов о деятельности Н.С. Хрущева, дежурной стала шутка о том, что «кухня мне узковата в бедрах»¹⁶. Однако такое счастье было доступно далеко не всем. То, что большая часть населения страны продолжала жить в коммуналках «Книга о вкусной и здоровой пище» упоминала мимоходом, буквально одним предложением, когда речь шла об оборудовании кухни: «необходимость таких рациональных устройств особенно настоятельна на кухне коммунальной квартиры. По существу, именно общая кухня является главным неудобством коммунальной квартиры. При добрососедских взаимоотношениях многое можно сделать для благоустройства общей кухни»¹⁷.

Следует отметить, что для многих советских граждан рассказ о газовых и электрических плитах, отдельной кухне вообще выглядел как фантастика. «Книга о вкусной и здоровой пище» очень ярко выражала двойственность советского быта, разделяя общество на тех, кто пользовался благами хоть и тесного, но благоустроенного жилья (и это выдавалось как благо, доступное всем), и тех, кто продолжали жить за чертой цивилизации. При этом чтобы оказаться вдали от цивилизации, не надо было очень далеко уезжать в глубинку российской провинции. Например, гвардии капитан Моисеенко в своем письме в редакцию газеты «Правда» в 1956 г. спрашивал, почему жителям села Дягилево, что в 180 км от Москвы и в радиусе 500-800 м от промышленных предприятий г. Рязани, в 200-х м от троллейбусной линии электричество недоступно, и живет поселок Дягилево при керосиновых лампах. Обратиться с таким письмом в газету его вынудило недоумение, вызванное публикацией в газете статьи, рассказывающей о селе Койма Ульяновского

¹⁵ Лебина 2015: 49.

¹⁶ Там же: 26.

¹⁷ Книга... 1969: 37.

района, расположенном на расстоянии 800 км от Хабаровска, где жителям доступны радио-телефон и даже электричество¹⁸. Как отмечает Г.П. Сидорова, говоря об условиях жизни села: «В 1970-е годы значительная часть населения была лишена современных удобств. Больше половины российских школ находилась за пределами пешеходной доступности от средней школы, больницы, клуба и библиотеки. По грунтовыми дорогам в сезонную распутицу трудно было проехать даже на тракторе “Беларусь”»¹⁹.

При этом быстрые темпы строительства жилья нередко отражались на качестве, и переезд в новостройку не всегда означал радость новоселья. Граждане, получающие квартиру в новом жилом доме, порой играли в рулетку, поскольку уровень комфорта этого жилья мог оказаться разным. Можно было заселиться в квартиру с кучей недоделок: от потребностей косметического ремонта до капитальных неисправностей. В г. Горьком в 1961 г. гражданка И.А. Федосеева жаловалась в редакцию газеты «Горьковская правда», что три года уже проживает в доме, построенном в 1959 г., но не сданном в эксплуатацию из-за множества недоделок: «Жить в этом доме невозможно, страшный холод, с потолка сыплется шлак, нет наружных дверей, половина доски не прибиты и при ходьбе качается. В полу крупные щели, водопровод и канализация до сих пор не подведены. <...> Смешно сказать, что в течение трех лет мы живем без прописки, так как дом не принят для эксплуатации»²⁰. Более того, жилье с недоделками сдавали и в столичных городах – в Москве и Ленинграде. В газете «Вечерний Ленинград» неоднократно публиковались выдержки из обращений граждан в газету с жалобами на недоделки во вновь сданном жилье. Так, Н. Фоминых, жилаец дома в переулке Декабристов, жаловался в газету, что в доме, сданном строителями 7-го УНР треста № 20, осталось масса недоделок: обваливающаяся штукатурка, окна и форточки не открывались, обои отваливались и самое главное кирпичная кладка дома содержала множество щелей, поэтому в доме постоянно дул сквозняк²¹. Н.Б. Лебина приводит пример, что в Ленинграде в 1959 году из всего возведенного жилья в эксплуатацию в первом квартале было принято 14%, а в четвертом 38%, что говорит о крайней неравномерности строительных работ и спешке в конце года²².

Некоторым новоселам пришлось встретиться с наиболее радикальными шагами по борьбе с излишествами. Сокращение средств на оборудование новых домов влекло за собой сокращение батарей в комнатах, замену кафеля краской, ванной – душем. А в Таллине новоселы вообще столкнулись с самым смелым вариантом экономии. О.Д. Гордова в своем письме в журнал «Коммунист» жаловалась, что в Таллине

¹⁸ Государственный архив Рязанской области Ф. Р-3251 Оп. 28. Д. 795. Л. 134.

¹⁹ Сидорова 2019: 28 - 36.

²⁰ Государственный архив Нижегородской области. Ф. 3074. Оп. 1. Д. 6981. Л. 229.

²¹ Вечерний Ленинград. 1962. 10 апреля: 2.

²² Лебина 2015: 62.

в 1961 г. в районе новой застройки построили несколько десятков новых домов, крупноблочных, с малогабаритными санузлами. 12-й квартал построили с ванными (хотя и маленькими сидячими), а вот 13-й квартал построили без этих убогих ванн, 14-й квартал – с большими ваннами. При этом жители 13-го квартала вообще оказались в сложном положении, поскольку бани шаговой доступности не имелось и не планировалось строить²³. «Очевидно, что через 20 лет, т.е. при коммунизме люди вообще не будут мыться, если нас уже лишили этого элементарного гигиенического удобства», – с грустью рассуждала автор письма²⁴.

Даже на рубеже 1970–1980-х гг. многих советских граждан мечта об отдельной квартире с кухней и санузлом была несбыточной. В исследовании Н.Н. Козловой отмечено, что в частной переписке стесненные жилищные условия упоминаются как жизненная рутина: «Живем мы в землянке, плотим 30 рублей. Тесновато, правда, купили шифоньер, диван-кровать и повернуться негде». Этому противостоит образ желанного жилища: «с отдельным санузлом, хорошей кухней, встроенным стенным шкафом, кладовой» (02.02.78)²⁵.

Выход нового издания книги в 1967 г. и ее переиздание в 1969 г. было связано не только с новым политическим курсом, но и с процессом формирования нового гендерного порядка в стране. Согласно классификации советского социолога И. Кона, в 1960–1980-е гг. гендерные практики поведения определялись кампаниями массового жилищного строительства и новой постановкой женского вопроса в стране²⁶. Как отмечают Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина, в официальных дискурсах доминирует интерпретация семьи как «основной ячейки» общества, для которой характерно разделение ролей по признаку пола; на женщину возлагаются основные обязанности по воспитанию детей и заботе-обслуживанию²⁷. В 1930–1950-х гг. официальная пропаганда провозглашала в первую очередь образ женщины-работницы и передовика производства, роль матери и хозяйки дома широко не пропагандировалась. В первых изданиях «Книги о вкусной и здоровой пище» вопрос, кто должен заниматься приготовлением домашнего обеда особо не заострялся. Лишь изредка в советах по ведению домашнего хозяйства, которые располагались на полях книги, упоминается понятие «хозяйка». В период эпохи «оттепели» образ женщины в средствах пропаганды стремительно меняется. В исследованиях, посвященных социокультурному облику женщины в период «оттепели», отмечается, что женские образы в журналах меняется. Если в годы индустриализации женщины в основном изображались на производстве, причем занятые тя-

²³ Российский государственный архив социально-политической истории Ф. 599. оп. 1. д. 211. Л. 40.

²⁴ РГАСПИ Ф. 599. оп. 1. д. 211. Л. 40.

²⁵ Козлова 1999: 123.

²⁶ Здравомыслова, Темкина 2003: 304.

²⁷ Здравомыслова, Темкина 2003: 315.

желым трудом, то в 1960-е гг. появляются образы героинь, запечатлённые либо у продуктовых прилавков, либо в отделах одежды или тканей, в домашней обстановке с детьми. Тружениц, которым посвящены статьи, нередко фотографировали не только на рабочем месте, но и в домашнем интерьере – занимающихся домашним хозяйством или рукоделием²⁸. Такой же образ конструировался в художественных фильмах.

Собственно, эту же концепцию закрепляло новое издание «Книги о вкусной и здоровой пище», в котором прочно закрепился термин «хозяйка». В главе «Праздничный стол» не просто декларировалось, что вкусная еда и застолье – обязательная часть праздника, но и то, что ответственность за его приготовление лежит на плечах женщины. «Используя короткий рабочий предпраздничный день, можно успеть приготовить все или почти все блюда праздничного стола накануне», – рекомендовали авторы книги²⁹. При этом авторы этих слов совершенно не учитывали, что реальность может быть совершенно другой, и далеко не всегда женщине удавалось уйти с работы в момент окончания рабочего дня, особенно в конце месяца. Штурмовщина, выполнение плана, особенно в конце месяца или года – это то, что могло задержать любого работника на рабочем месте и хозяйкам порой было не до покупок для праздничного стола. Об этом очень ярко было написано в письме ленинградки в исполнительный комитет Ленинского районного совета депутатов трудящихся г. Ленинграда, в котором она жаловалась, что накануне новогодних праздников с трудом купила 1 кг свиных ножек: «Дни тяжелые – последние дни месяца, поэтому мне, а думаю многим работницам хозяйкам приходится задерживаться на работе. А праздник – для всех, у меня семья, 3 дня выходных, я должна и кормить и одновременно и отдыхать»³⁰. В целом общественное сознание освобождало женщину от хлопот на кухне только в один день – 8 марта. В обществе прочно сформировался стереотип, что одним из подарков в этот день должен стать завтрак, приготовленный мужскими руками. То, что готовка – это прежде всего женское занятие закреплялось в общественном сознании и тем, что накануне этого праздника женские журналы публиковали подборку рецептов, с говорящим названием «Мужчины – засучите рукава!»³¹. Как правило, там размещались простые рецепты, что подчеркивало, что мужчина может справиться только с простым вариантом приготовления продуктов.

Таким образом, власть теперь хотела видеть женщину, сочетающую две ипостаси: заботливая хозяйка дома и передовик производства одновременно. Настоящего освобождения от домашнего рабства не получилось. Государство не сумело осуществить хозяйственную модель, которая позволила бы полностью освободить женщину от хозяйствен-

²⁸ Виниченко, Днепровская, Рыженко 2011: 49.

²⁹ Книга ...1969: 45.

³⁰ Центральный государственный архив СПб Ф. 4900. Оп. 3-2. Д. 897. Л. 47.

³¹ Домашний калейдоскоп. Приложение к журналу «Работница». 1990. № 3: 3.

ных хлопот и перенести бремя воспитания и ухода за детьми на государственные учреждения. И поэтому теперь двойная нагрузка на женщин стала пропагандироваться как норма. На практике разница в нагрузках мужчины и женщины стала выглядеть более контрастно и обидно. Мужчина, придя домой мог полностью посвятить время отдыху, заботы по воспитанию детей пропаганда возлагала исключительно на женские плечи. Об этом писали женщины, обращаясь к Н.С. Хрущеву, с просьбой изменить порядок выхода на пенсию женщинам с детьми: «И Вы посудите по себе, после семи часов трудового дня, придешь домой уставшая, нужно отдыхать, набраться сил к следующему трудовому дню, а тут дети за которыми нужно смотреть, проверить их задания, заняться с ними каким-нибудь полезным делом»³².

Большой общественный резонанс получила повесть Натальи Баранской «Неделя как неделя», опубликованная в 1969 г. в журнале «Новый мир»³³. Автор повести изобразил будни советской труженицы. Главная героиня повести – 26-летняя Ольга Воронкова воплощала образ успешной, согласно советской идеологии, женщины – кандидат наук, младший научный сотрудник НИИ, мать двоих детей, ее семья получила отдельную квартиру в новостройке Москвы. Однако сюжет повести очень ярко демонстрирует насколько была сложна женская повседневность той эпохи: необходимость сочетать дом и работу одновременно еще отягощалась бытовой неустроенностью – новые кварталы домов, где семья главной героини получила квартиру, удалены от останков общественного транспорта, детских садов, магазинов. Поэтому за продуктами нужно было совершать отдельные походы в выходной день, воскресный день уходит на готовку, стирку, уборку квартиры, утром и вечером существенную часть времени занимает дорога в детский сад и ясли и обратно. Показательно описание сцены партийного семинара, на котором сотрудники лаборатории, где работает главная героиня повести, изучают диалектические противоречия. Словами своей героини автор утверждает, что в социалистическом обществе противоречия никуда не делись, они продолжают существовать. По идеологическим канонам было принято считать, что противоречия существуют в капиталистическом обществе, а в социалистическом они решены.

Авторы «Книги о вкусной здоровой пище» также затронули эти проблемы и пытались убедить читательниц, что все проблемы быта решаемы при рациональном и правильном ведении хозяйства. Одна из вступительных статей книги называлась «Быстро!». «Подсчитано, что покупка продуктов и приготовление пищи занимает 2-3 часа, а часто и все 50% нерабочего времени женщины. Это слишком много!» – констатировали авторы книги³⁴. Напомним, что в начале 1920-х освобождение женщин от кухонного рабства предполагалось за счет развития систе-

³² Государственный архив РФ. Ф. Р-5446. Оп. 101. Д. 1411. Л. 55.

³³ Баранская: 23-55.

³⁴ Книга ... 1969: 25.

мы фабрик-кухонь. В издании 1969 г. авторы также рассматривают столовые как вариант решения проблемы, но только уже как вспомогательный фактор. Домашнее питание теперь представляется как потребность, исходящая из самой семьи: «При малейшей возможности каждая семья стремится пообедать вместе. Обед в семье – это нередко самое приятное время дня, час дружеского общения и отдыха»³⁵.

Как и в издании 1939 г., большое внимание уделяется полуфабрикатам, консервам и готовым продуктам, которые должны были сэкономить время приготовления еды. Заметки на полях продолжали рассказывать об успехах консервной промышленности в стране, хотя красочные вкладки с изображением второго блюда из тушенки и зеленого горошка в издании 1952 г. исчезли. Также рекомендовалось готовить полуфабрикаты, которые можно заморозить: голубцы, пельмени, зразы.

В разделе, посвященном праздничному столу, для приготовления закусок предлагалось покупать готовые гастрономические продукты – колбасы, мясные и рыбные копчености и консервы. «Разная колбаса, аккуратными рядами выложенная на блюдо выглядит очень аппетитно»³⁶. Хозяйке рекомендовалось украсить блюдо веточками петрушки, либо консервированным горошком, а рыбные консервы и копченую или соленую рыбу – ломтиками лимона. В качестве праздничной закуски предлагалось подавать и готовую икру из баклажанов или кабачков, соленые грибы, или соленья, приобретенные в овощных магазинах.

Одним из факторов экономии времени авторы книги видели создание рациональных запасов у хозяйки на кухне, дабы избежать ситуации, принятой в народе обозначать как «сбегать к соседке за солью»: «расточительно затрачивается время, если во время приготовления пищи вдруг возникает потребность сходить в магазин или на рынок, потому что кончился запас соли»³⁷. И хозяйке рекомендовалось иметь в шкафу 1 кг муки, 1 кг макаронных изделий, 1 кг сахара, 1 кг соли крупного и мелкого помола, 1-2 банки майонеза, банку томатной пасты.

Еще один из предложенных факторов сокращения трудозатрат на кухне – сокращение времени на готовку за счет приготовления блюд на несколько дней. Внедрение в производство изготовления холодильников позволило авторам дать женщинам некоторые рациональные советы по планированию обедов на неделю. В книге приводилось несколько вариантов меню, в котором предлагалось основы для блюд готовить на два-три дня. В частности, мясной бульон рекомендовалось варить на два дня и затем уже готовить разные заправочных супа. Мясо из супа также советовали использовать в нескольких вариациях. Так, в понедельник предлагалось подать его с макаронами или кашей, а во вторник использовать его для начинки блинчиков³⁸. Также разнообразие блюд

³⁵ Книга ... 1969: 27.

³⁶ Книга ... 1969: 45.

³⁷ Книга ... 1969: 28.

³⁸ Книга ... 1969: 29.

достигалось сочетанием различных гарниров и десертов. Однако готовка впрок, по мнению авторов, имела свои пределы, авторы книги призывали не делать недельные запасы. В частности, утверждалось, что значительно теряют вкус котлеты, приготовленные на 2 дня, порционные куски мяса, невкусны на второй день блины и оладьи. Таким образом, несмотря на некоторые рекомендации, позволяющие сэкономить время, книга не освобождала женщину от необходимости ежедневно стоять у плиты. Все представленные советы только немного сокращали время, проведенное на кухне. Много времени и сил занимала обработка продуктов. Например, раздел по приготовлению блюд из куриного мяса подробно рассказывал о разделке тушки курицы. Разделанных на части куриных тушек тогда пищевая промышленность не предлагала.

Официальная пропаганда в журнале «Работница» также пыталась убедить своих читательниц, что при развитом социализме проблемы быта будут так или иначе решены, а существующие недостатки – недоработка отдельных предприятий или учреждений. Публикации на страницах журнала показывали удачные примеры продажи работницам полуфабрикатов, производимых предприятиями общественного питания.

Еще одним новым разделом, который появился в издании 1969 г., был раздел «Экономно!». В издании 1939 г. ничего подобного не было. Более того, цель первого издания – создать определенные имущественные ориентиры, к которым следует стремиться. Рассказ о дорогих деликатесах должен был стать стимулом зарабатывать деньги. Имущественное неравенство рассматривалось как результат стахановского движения, появления прослойки рабочих, имевших высокие заработки за счет ударного труда. К 1969 г. ситуация поменялась. В 1960-е гг. начал формироваться пласт элиты, получавший доход путем финансовых махинаций, подпольного производства и спекуляции дефицитным товаром. При этом сохранялись категории населения с очень низкими окладами. Недовольство низким уровнем жизни проявлялось в письмах граждан и даже в публичных актах (Новочеркасск).

Так, житель Казани, обращаясь в Совет Министров СССР в 1967 г., писал: «Почему после Хрущева не снижены цены на мясо, колбасу и молочные изделия, все это заморозили? Пожалуйста, прислушайтесь и спуститесь к нам вниз. <...> Доступно ли купить такую колбасу или буженину по цене 4 руб. нашему брату рабочему? <...> Мы все ждем, ждем разумных решений о снижении цен, а они все выше, картошка стала и то дороже. Ведь жизнь тяжелая: 45-50-60 рублей заработка, подумайте, пожалуйста об этом»³⁹. Авторы же книги убеждали читателей, что уровень жизни растет с каждым днем: «С каждым годом возрастает благосостояние народа и увеличивается возможность для каждого из нас более полно удовлетворить наши потребности»⁴⁰.

³⁹ ГА РФ. Ф. 5446, Оп. 101. Д. 1413. Л. 24.

⁴⁰ Книга ... 1969: 31.

Практическая часть книги содержала ряд реальных рекомендаций для экономии бюджета. Набор рецептов, предлагаемых в книге, сохранился практически в неизменном виде, как и в издании 1939 г. Книга также сохраняла разброс предлагаемых исходных продуктов по уровню их стоимости и статуса: от осетрины и мясной вырезки до блюд из картофеля и крупяных запеканок. Однако теперь в разделе «Экономно!» читателей убеждали, что рациональный подход к подбору продуктов значительно поможет сэкономить семейный бюджет без потери питательности блюд. Например, авторы подробно сравнивали разные сорта рыбы, и пытались убедить читательниц, что дешевая рыба в некоторых случаях не хуже осетрины: «ничуть не уступит по вкусу отличная уха из дешевых мелких окуньков, если ее приготовить и заправить, как это указывается в рецептуре»⁴¹. Мясо авторы книги рекомендовали покупать крупным куском, который потом разделать, выделяя кость для супа, и мясо для котлет и для мяса кусочками. Для экономии предлагалось готовить блюда либо из мелконарезанного мяса (гуляш, бефстроганов, азу) или из рубленого мяса (котлеты, зразы, тефтели): «белый хлеб, который используется в рецептуре и другие добавления значительно увеличивают их объем»⁴². Также рекомендовалось отдавать предпочтение вареному мясу, что позволяло готовить два блюда: суп из бульона и второе из вареного мяса. Кроме рекомендаций по выбору более дешевых блюд были и прямые призывы к экономии еды: «Можно без ущерба для пищевых и вкусовых качеств блюда несколько уменьшить порцию мяса или рыбы, если подать к ним полноценный и разнообразный гарнир, в особенности из разных овощей»⁴³.

Давая советы по экономному и рациональному ведению хозяйства, авторы пытались помочь хозяйкам решить еще одну проблему, о которой в книге явно не говорилось. В 1960–1980-е гг. страна постепенно скатывалась к тотальному дефициту продуктовых и промышленных товаров. Исчезновение продуктов с прилавков магазинов вызывает недоумение и возмущение граждан, которые начинают обращаться в органы печати и непосредственно к Н.С. Хрущеву. Например, житель Иваново жаловался в журнал «Коммунист»: «Мясо – практически больше года в магазинах не продается. Случайно с боем в многочасовой очереди можно достать раз в 2-3 месяца (о качестве не говорю). Мясопродукты (колбасные изделия, котлеты) достать очень трудно, но можно (потеряв день) раз в 7-10 дней купить»⁴⁴. Исследование Лебиной показывает, что определенный дефицит испытывали даже жители Ленинграда.

К концу 1950-х в крупных городах опустели традиционные аквариумы, речная рыба исчезла из продажи, резко сократилась продажа колбасных изделий, с 1960-х гг. начались перебои с молочными продук-

⁴¹ Книга... 1969: 32.

⁴² Книга... 1969: 33.

⁴³ Там же.

⁴⁴ РГАСПИ Ф. 599. оп. 1. д. 211. Л. 69.

тами⁴⁵. «Что-то непонятное, помогите нам разобраться, дайте указание выбросить продукты в магазины», – писали Н.С. Хрущеву рабочие г. Бобруйска в 1960 г.⁴⁶ Постепенно растерянность сменялась недоверием к власти и злостью. В 1967 г. в некоторых письмах на имя Косыгина звучали явные угрозы: «Если это будет продолжаться, то через год мы, рабочий класс, сделаем переворот в стране, Вы не думайте, что нет таких людей, они есть и будут»⁴⁷.

Советы касательно праздничного стола выглядели еще более утично, поскольку рекомендуемую колбасу надо было еще купить. Наличие мясных деликатесов к концу хрущевских реформ становилось явным признаком принадлежности либо к клану торговых работников, либо к представителям номенклатуры⁴⁸. К середине 1970-х гг. продуктовый дефицит стал будничным явлением. Н.Н. Козлова отмечает, что дефицит в личной переписке принимается как обыденность: «В городе начались перебои с молоком, редко бывает масло, колбаса. Валя... ездила в Москву и привезла нам 2 кг колбасы и 1 кг масла» (29.10.80)⁴⁹. Поэтому женская повседневность осложнялась и еще одной проблемой – стоянье в очередях перед праздниками. Автор цитированного выше письма в исполнительный комитет Ленинского районного совета депутатов трудящихся г. Ленинграда как раз жаловалась на то, что 1 кг свиных ножек она достала «через 3 руки, может и больше», а дешевого мяса к ним ей не удалось купить. Правда, пока для нее дефицит не обыденность и автор письма рассчитывала, что исполнительный комитет обязан решить проблему: «Если вы не примете меры, то я буду вынуждена искать другие инстанции, но я считаю это политической близорукостью оставлять пустым предпраздничную витрину»⁵⁰.

Продуктовый и промышленный дефицит формировал совершенно новую и особую ментальность, когда продукты необходимо было не покупать, а «доставать», продукты в магазине «выбрасывают», «в магазине *дают*». Как отмечает Н.Н. Зарубина, это словоупотребление также стало предметом высмеивания в советских анекдотах, поскольку оно невольно создавало ассоциации с образом коммунистического будущего, в котором, как обещали, всё будет бесплатно, хотя реально продукты надо было покупать за деньги: иностранец, удивлённый известием, что в магазине «дают» колбасу, говорит: «У нас пока только продают!»⁵¹. Приведенный в книге совет делать продуктовые запасы в целом перетекал из рекомендации в настоятельную необходимость. Поскольку майонез, мука начали постепенно переходить в позицию стойкого

⁴⁵ Лебина 2015: 102-105.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 5446, Оп. 95, Д. 1125. Л. 1 об.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 101. Д. 1413. Л. 51.

⁴⁸ Лебина 2015: 105.

⁴⁹ Козлова 1999: 124.

⁵⁰ ЦГА СПб. Ф. 4900. оп. 3-2. д. 897. л. 47.

⁵¹ Зарубина 2015: 134.

дефицита и хозяйки его покупали сколько получится купить. Также к летнему сезону хозяйки запасали сахар, чтобы было с чем делать заготовки. Однако до запасов муки и сахара мешками, как было в 1990-е годы дело пока не доходило.

Примечательно, что в начале 1970-х журнал «Работница» значительно сокращает объем рубрик с публикацией рецептов. Хозяйственные рубрики больше содержали различные советы по ведению домашнего хозяйства, выкройки, схемы вышивок и аппликаций. Рецепты полностью не исчезли, они публиковались подборками, при этом преобладали тематические рубрики из отдельных продуктов: «из черствой булки», «сто рецептов из картофеля», «блюда из кабачков», «блюда из макарон», «со времен царя гороха» (блюда из гороха). Зато прочное место занимает страничка «Персоль», где журнал осторожно критиковал отдельные недостатки социалистического строя, рубрика «Подружка», которая была обращена к подросткам и девушкам и имела ярко выраженный воспитательный характер.

Таким образом, повседневное меню советских граждан исходило не из рецептов «Книги о вкусной и здоровой пище», а из тех возможностей, которые позволяли добытые в магазине продукты. А. Даншох описывая свое детство, которое пришлось на период застоя в Москве, отмечает, что ее дом отличался разнообразной кухней, готовили в доме много и разные блюда, в праздничные блюда шли самые обычные продукты, которые удавалось достать в магазинах. Например, салат «Оливье» часто готовили без традиционной вареной колбасы, зато пикантность ему придавали добавленные яблоки и мелко резанная капуста, также большой популярностью пользовалась икра из зеленых помидор и рыба под морковным маринадом⁵².

Большой популярностью у хозяек стали пользоваться не только рецепты от института питания, которые и составили «Книгу о вкусной и здоровой пище», а различные домашние находки хозяек, позволявшие готовить различные блюда из того, что есть в магазинах. Например, в 1973 г. накануне нового года журнал «Работница» опубликовала рецепты пирожных из печенья или сухарей, бисквит из брикетов заварного крема⁵³. Зарубежные исследователи Д. Голдштейн и А.К. Джейкобс приходят к выводу, что продуктовый дефицит не просто побуждал «находить изысканное в простом», но и явился предметом творчества, соревнования друг перед другом, предметом признания талантов⁵⁴.

Издание «Книги о вкусной и здоровой пище» 1960-х гг. продолжало играть идеологическую функцию в системе моделирования советской ментальности, поддерживало процесс мифотворчества. Однако эти идеологические конструкции менялись в связи с трансформацией политического курса. Новое издание книги впитало новации в архитек-

⁵² Даншох 2015: 45.

⁵³ Работница. 1973. № 12: 30-31.

⁵⁴ Пушкарева, Жидченко 2021: 194.

турном строительстве и гендерном дискурсе. При этом трансформировалась и функция нового издания в системе конструирования советского мифа. Разрыв между декларируемыми практиками и реальными нормами становился все больше и больше. Если прежние издания идеологически ориентировали читателей на новый уровень продуктового потребления, и были направлены в будущее, то в 1960-е «Книга о вкусной и здоровой пище» была вынуждена так или иначе сглаживать нарастающие противоречия советского быта, коммунистическое будущее приобретало все более призрачные черты, а нарастающая пропаганда вызвала все большее раздражение.

«Книга о вкусной и здоровой пище» прочно занимала почетное место на книжной полке в качестве украшения, а в реальной жизни хозяйки пользовались рецептами подруг или собственными хитростями в приготовлении блюд из продуктов, которые удалось достать.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Баранская Н. Неделя как неделя // Новый мир. 1969. № 11. С. 23-55. [Baranskaya N. Nedelya kak nedelya // Novyy mir. 1969. № 11].
- Виниченко И.В., Днепровская А.А., Рыженко В. Изменения в социокультурном облике и повседневной жизни советской женщины-горожанки в период "оттепели" // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7. Ч. 2. С. 46-50. [Vinichenko I.V., Dneprovskaya A.A., Ryzhenko V. Izmeneniya v sociokul'turnom oblike i povsednevnoy zhizni sovetskoj zhenshchiny-gorozhanki v period "ottepeli" // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2011. № 7. CH. 2. S. 46-50].
- Глушченко И.В. Общепит. Микоян и советская кухня. М.: ГУ–ВШЭ. 2010. 238 с. [Glushchenko I. V. Obshchepit. Mikoyan i sovetskaya kuhnya. M.: GU–VSE, 2010. 238 s.].
- Даншох А. Кулинарные воспоминания счастливого детства. М.: У Никитских ворот 2015. 171 с. [Danshoh A. Kulinarnye vospominaniya schastlivogo detstva. M.: U Nikitskih vorot 2015. 171 s.].
- Зарубина Н.Н. От дефицита к диете: повседневные практики питания в советских и постсоветских анекдотах // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2(10). С. 130-148. [Zarubina N.N. Ot defitsita k diete: povsednevnyye praktiki pitaniya v sovetskikh i postsovetskikh anekdotah // Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika. 2015. № 2(10). S. 130-148.].
- Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 3-4. С. 299-321. [Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve // Zhurnal issledovaniy social'noj politiki. 2003. T. 1. № 3-4. S. 299-321].
- Книга о вкусной и здоровой пище. М.: Пищевая промышленность. 1969. 448 с. [Kniga o vkusnoy i zdorovoy pishche. M.: Pishcheyaya promyshlennost'. 1969. 448 s.].
- Козлова Н.Н. Сцены из частной жизни периода «застоя»: семейная переписка // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Том. II. № 3. С. 120-133. [Kozlova N.N. Sceny iz chastnoj zhizni perioda «zastoya»: semejnaya perepiska // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 1999. Tom. II. № 3. S. 120-133].
- Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля: Ленинград: 1950–1960-е годы. СПб.: Крива: Победа, 2015. 481 с. [Lebina N.B. Povsednevnost' epohi kosmosa i kukuruzy: destrukiya bol'shogo stilya: Leningrad: 1950-1960-e gody / N.B. Lebina. Sankt-Peterburg: Kriga: Pobeda, 2015. 481 s.].
- Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В. Гендер и кулинарная основа культуры (Рец. на кн.: Seasoned socialism: gender and food in late Soviet everyday life / Ed. by A. Lakhtikova, A. Brintlinger, I. Glushchenko. Bloomington: Indiana U.P., 2019. 373 p.) // Уральский исторический вестник. 2021. № 1 [Pushkareva N.L., Zhidchenko A.V. Gender i kulinar'naya

- osnova kul'tury (Rec. na kn.: Seasoned socialism: gender and food in late Soviet everyday life / Ed. by A. Lakhtikova, A. Brintlinger, I. Glushchenko. Bloomington: Indiana University Press, 2019. 373 p.) // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2021. № 1.
- Сидорова Г.П. «Преодоление различий между городом и деревней», или советская городская повседневность против сельской // Культура и искусство. 2019. № 2. С. 28-36 [Sidorova G.P. «Preodolenie razlichij mezhdu gorodom i derevnej», ili sovet'skaya gorodskaya povsednevnost' protiv sel'skoj // Kul'tura i iskusstvo. 2019. № 2. S. 28-36.
- Сидорова Г.П. Советский тип хозяйственной культуры повседневности в массовом искусстве 1960-1980-х гг. (ценностный аспект). Автореф. дис. ... д-ра культурологии / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб., 2013. [Sidorova G.P. Sovetskij tip hozyajstvennoj kul'tury povsednevnosti v massovom iskusstve 1960-1980-h gg. (cennostnyj aspekt). Avtoref. dis. ... doktora kul'turologii / Ros. gos. ped. un-t im. A.I. Gercena. Sankt-Peterburg, 2013].
- Сохань И.В., Гончаров Д.В. Социокультурная инженерия тоталитаризма: советский гастрономический проект // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. Журнал политической философии и социологии политики. 2013. № 2 (69). С. 142-155 [Sohan' I.V., Goncharov D.V. Sociokul'turnaya inzheneriya totalitarizma: sovet'skij gastronomicheskij proekt // Politija: Analiz. Hronika. Prognoz. Zhurnal politicheskoi filosofii i sociologii politiki. 2013. № 2 (69). S. 142-155].
- Федченко М.Н. Повседневная жизнь советского человека (1945–1991). Курган, 2009. 231 с. [Fedchenko M.N. Povsednevnaia zhizn' sovetskogo cheloveka (1945–1991). Kurgan, 2009. 231 s.].
- Geist E. Cooking bolshevik: Anastas Mikoian and the making of the book about delicious and healthy food // Russian Review. Vol. 71. Issue 2. 2012. April. P. 295–313.
- Baron I.Z., Press-Barnathan G. Foodways and Foodwashing: Israeli Cookbooks and the Politics of Culinary Zionism // International Political Sociology. 2021. V. 15. N. 3 P.P. 338–358.
- Long L.M. Constructing an imagined dinner table: Culinary nationalism and the "ethnic american cooking" cookbook // Western Folklore. 2021. V. 80. N 1. P.P. 45 – 80.
- Charon Cardona E., Markwick R.D. The kitchen garden movement on the Soviet home front, 1941–1945 // Journal of Historical Geography. 2019. V. 64. P.P. 47–59.

Попова Ольга Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра социологии, и.о. зав., кафедра истории России, историографии и источниковедения, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, od-popova@mail.ru

“The Book of Tasty and Healthy Food” in the System of Ideological Myths Characteristic of the Transition from the Khrushchev Thaw to the Brezhnevian Stagnation

The article analyzes a fourth edition of the *Book of Healthy and Tasty Food*, which was published in the 1960s, against the backdrop of ideological propaganda characteristic of the period. The author maintains that the text of this edition reflected various transformations of Soviet citizens' everyday life initiated by the Khrushchev thaw. The author analyzes Soviet citizens' letters and appeals to government bodies and political leaders to highlight the difficulties experienced by Soviet citizens' in their everyday life in the mid-1960s: food deficit, housing shortage, problems associated with female labour. The author concludes that there was a huge gap between the communist way of life advertised in the *Book of Healthy and Tasty Food* and the reality. The author underlines that the edition issued in the 1960s was hoped to mitigate the aforementioned problems. But it turned out to serve an image of what the Soviet state aspired to be, it became a myth of abundance which was hopelessly unattainable for a common Soviet person.

Key words: cooking, everyday practices, citizens' appeals, duality, the Khrushchev policy, food deficit

Olga D. Popova, Doctor of History, Professor in the Department of Sociology, Interim Head of the Department of Russian History, Historiography and Source Studies at Rязan State University named for S. A. Yesenin, od-popova@mail.ru

«НЕ ДАЙ, ОТЧИЗНА, УМОЛЧАТЬ»: КНИГИ ПАМЯТИ КАК ФОРМА
КОММЕМОРАЦИИ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ 1979–1989 ГГ.
В ГОСУДАРСТВАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Участие в афганской войне 1979–1989 гг., продлившейся почти все последнее десятилетие существования СССР, принимали все советские республики. Одна из коммеморативных практик, принятых в память об афганской войне – это издание книг Памяти, посвященных соотечественникам, погибшим в Афганистане. В настоящей статье автор рассмотрит, как эта практика реализуется в государствах постсоветского пространства и является ли она в целом востребованной и распространенной.

Ключевые слова: книги Памяти, постсоветское пространство, постсоветские республики, война в Афганистане, историческая память, ветераны Афганистана

Война в Афганистане 1979–1989 гг. с участием СССР – один из самых длительных военных конфликтов XX в. с участием России (Советского Союза). Согласно данным монографии, изданной специалистами Института военной истории Министерства обороны РФ и Военно-мемориального центра МО РФ, через Афганистан за период с 25 декабря 1979 г. по 15 февраля 1989 г. «прошли» 620 тысяч военнослужащих¹. Среди них были представители всех входящих в состав СССР республик и, пожалуй, подавляющего большинства проживавших в Советском Союзе народов. Если обратиться к данным исключительно по погибшим, то мы видим, что этнических русских среди них – 7418 человек, украинцев – 2572, узбеков – 1146, белорусов – 667, туркменов – 291 и т.д.² Соответственно, этот военный конфликт (все более уходящий из сферы политики в сферу истории) занимает значимое место в исторической памяти и сознании не только населения России, но и жителей ряда государств, возникших на территории бывшего СССР.

В каких формах сохраняется историческая память о войне в Афганистане? Они разнообразны – это и создание литературных произведений, и деятельность ветеранских организаций, и наконец, проведение политики мемориализации и реализация коммеморативных практик, находящие выражение в создании соответствующих музеев (например, музей локальных военных конфликтов в Киеве «На чужих війнах», где экспозиция второго этажа полностью посвящена теме пребывания советских войск в Афганистане), памятников («Остров Слёз»³ в Минске, «Боль» в Витебске, памятник воинам-интернационалистам в Николаеве и др.), установке мемориальных досок в честь воинов-«афганцев» и,

¹ Россия и СССР в войнах XX века 2010: 563.

² Там же: 564. Эти данные за 11 лет, прошедших с даты публикации данной монографии, могли быть пересмотрены в сторону увеличения числа погибших, так как данные по погибшим и пропавшим без вести в Афганистане постоянно уточняются.

³ Это неофициальное название посвященного погибшим в Афганистане минского мемориального комплекса, однако вместе с тем и самое известное («в народе»).

наконец, в издании увековечивающих имена погибших книг Памяти. Собственно, «афганским» книгам Памяти государств постсоветского пространства и их роли в мемориализации и увековечении имен погибших в Афганистане и сохранении исторической памяти об участниках «афганской войны» и посвящена эта статья. Поскольку с даты вывода советских войск из Афганистана прошло уже немногим более 30 лет, то возможно подвести некоторые итоги – по крайней мере, в вопросе о мемориализации подвига погибших в Афганистане.

Почему автором избраны для рассмотрения в отдельной статье книги Памяти именно постсоветских государств? Так называемые постсоветские исследования – изучение исторических, социологических, культурологических, политологических и прочих аспектов жизни государств и обществ, появившихся после распада СССР на территории 14-ти бывших советских республик (кроме РСФСР) – становятся и уже практически стали популярным научным направлением, издаются даже посвященные постсоветскому пространству и процессам на его территории периодические научные журналы («Постсоветские исследования», «Постсоветский материк» и др.). Исторические, политические и иные процессы, проходящие в России, отнюдь не всегда идентичны каким-либо процессам – даже аналогичным – постсоветского пространства (несмотря на историческую общность России и государств, возникших «на базе» бывших советских республик), поэтому автор полагает, что во многих случаях эти процессы надо рассматривать по отдельности. Книги Памяти, изданные в постсоветских государствах и посвященные участию их граждан в афганской войне 1979–1989 гг., можно сравнивать с аналогичными книгами Памяти, изданными в России, но тем не менее они представляют отдельный социологический и культурно-исторический феномен⁴.

Обратимся к историографии вопроса. В целом военным действиям в Афганистане 1979–1989 гг. (с участием СССР) посвящена огромная отечественная и зарубежная историография, ее рассмотрение выходит за пределы темы статьи, поэтому кратко назовем только некоторых исследователей, написавших более или менее полную «историю» этого военного конфликта – это генерал-майор А.А. Ляховский⁵, российский историк В.С. Христофоров⁶, украинский историк М.Ф. Слинкин⁷, швейцарские политологи П. Клей и Д. Аллан⁸. Авторы, затрагивающих отдельные аспекты этого конфликта (конкретно боевые действия, переговорный процесс, роль в конфликте внешних акторов, вопрос принятия решения о вводе советских войск и т.д.), намного больше.

⁴ Изданные в России книги Памяти по теме участия СССР в войне в Афганистане рассмотрены автором в другой статье: Рабуш 2021.

⁵ Ляховский 1995.

⁶ Христофоров 2016.

⁷ Слинкин 2003.

⁸ Аллан Клей 1999.

Кратко рассмотрим историографию вопроса в части, непосредственно касающейся практик коммеморации афганской войны. Тема народной памяти об участии граждан СССР в афганском вооруженном конфликте 1979–1989 гг. частично затрагивается российским специалистом по социальной истории Е.С. Сеньявской⁹. Конкретно же «афганские» книги Памяти описываются в монографии украинских авторов А.А. Костыри и С.В. Червонопиского «Исторіографія війни в Афганістані (25 грудня 1979 – 15 лютого 1989 рр.)»¹⁰, которая посвящена изучению советской, российской и постсоветской историографии «афганской войны», но применительно к книгам Памяти авторы лишь пишут об их существовании как одного из элементов историографии вопроса, не проводя при этом анализ данного класса произведений и сосредотачиваясь преимущественно на описании общеукраинской книги Памяти (речь о ней пойдет ниже) и характеристике ее недостатков. В целом можно констатировать, что историографии по обозначенному в статье вопросу практически не существует.

Основным источником при написании статьи послужили «афганские» книги Памяти государств постсоветского пространства. Они будут рассматриваться прежде всего как форма коммеморации и реализации политики памяти и в меньшей степени как источник по собственно самой войне, поскольку сведения о войне, помещенные в этих книгах, невелики по объему и по большому счету вторичны (в сравнении с работами на соответствующую тему и с документами они не сообщают исследователю ничего принципиально нового). Интересно также было бы рассмотреть книги Памяти как срез антропологического восприятия афганского вооруженного конфликта его современниками и уже представителями нового поколения, но представляется, что эта тема заслуживает отдельного и скорее социологического исследования.

Статья по территориальному принципу разделена на три части, где первая часть посвящена изучению книг Памяти Украины, вторая – книгам Памяти Республики Беларусь, и третья – прочим республикам постсоветского пространства. Украине и Беларуси посвящены отдельные разделы, так как они лидируют по количеству изданных «афганских» книг Памяти. Автором избран именно территориальный принцип членения работы, а какие-то «внутренние» особенности книг Памяти будут рассматриваться по ходу статьи. Эпиграфом выбрана часть названия книги Памяти погибших в Афганистане жителей Ленинградской области – она очень хорошо передает общий настрой и тематическую направленность этих книг независимо от места их создания.

⁹ См., напр.: Сеньявская 2006.

¹⁰ Костыря, Червонопиский 2006: 16–19. Здесь по одному лишь названию книги ясно, что работ об афганской войне написано и издано такое количество, что уже в середине 2000-х гг. появляется научный труд, посвященный исключительно историографии вопроса.

«Афганские» книги Памяти Украины

Обратимся к опыту составления и издания книг Памяти на Украине – как бывшей советской республике, занимающей второе место¹¹ по числу безвозвратных потерь в афганском вооруженном конфликте. Самая первая такая книга была издана уже в 1991 г. в Днепропетровске¹² (в настоящее время г. Днепр) и посвящена погибшим «афганцам» города и области. В 1995¹³ и 1999 г.¹⁴ в Донецке были изданы две книги, составленные офицером – участником афганского военного конфликта, членом ветеранской организации Донецка и посвященные жителям города и области, не вернувшимся из страны в сердце Азии¹⁵. Виктор Иванович Заика сам обошел семьи погибших и посетил почти 40 военных комиссариатов, чтобы буквально по крупицам собрать информацию для создания книги Памяти. Тему погибших в Афганистане жителей Донецкой области в своей научной статье также поднимает упомянутый выше исследователь А.А. Костыря¹⁶.

В 1995 г. региональные книги Памяти были опубликованы в Луганске (данные о 161 погибшем)¹⁷ и в Харькове¹⁸, в 1999 г. – в Кривом Роге. В 1999 г. издана общеукраинская книга Памяти¹⁹, довольно подробно рассмотренная в монографии С.В. Червонопиского и А.А. Костыри. В 2002 г. вышла книга Памяти о погибших из Тернополя и Тернопольской области²⁰, а следующая книга Памяти была опубликована в том же городе в 2009 г.²¹ И довольно недавно, в 2018 г., в Тернополе опубликована красочная и богато иллюстрированная брошюра²², представляющая собой своего рода каталог памятников воинам-«афганцам», музейных экспозиций соответствующей тематики, памятных знаков на местах их прижизненного проживания или учебы и мест захоронения на территории Тернопольской области. Отметим, что публикация новых книг Памяти в одном и том же регионе (как в случае Тернополя и области или в случае Донецка) обычно связана либо с уточнением данных о погибших / пропавших без вести, либо с появлением новых данных о ранее неизвестных погибших / пропавших военных.

Публикация книг Памяти продолжилась и в новом тысячелетии. В 2004 г. в южноукраинском городе Николаев издана книга Памяти,

¹¹ Россия и СССР в войнах XX века 2010: 563.

¹² Палящий ветер Афганистана 1991.

¹³ Заика 1995.

¹⁴ Заика, Русин, Вальчук 1999.

¹⁵ В 1990-е и в 2000-е гг. Луганская и Донецкая области бесспорно входили в состав Украины, поэтому автор пишет об изданных там в данный период книгах Памяти.

¹⁶ Добров Костыря 2009.

¹⁷ Книга памяти Луганской области 1995.

¹⁸ Шкварко 1995.

¹⁹ Чорні тюльпани. Афганський мартиролог України 1999.

²⁰ Афганістан (1979–1989). Тернопільська область 2002.

²¹ Обпалені війною. Афганістан (1979–1989) 2009.

²² Відлуння чужої війни. Фотокаталог пам'ятоків 2018.

рассказывающая про всех участников «афганской войны», проживающих в Николаеве и области²³, а не только про погибших в Афганистане. Книги Памяти, что примечательно, появляются не только в областных, но и в районных центрах, как своего рода феномен исторической памяти «малой Родины». Такая книга в 2005 г. издана в г. Старобельске Луганской области²⁴, автором-составителем стал бывший офицер-политработник Виктор Александрович Сергиенко, председатель районной ветеранской организации (ныне покойный). Есть отдельная книга Памяти для Киева²⁵ от 2009 г. В книге Памяти Сумской области²⁶ того же года содержится не только информация о погибших 127 сумчанах, но и воспоминания ныне живущих ветеранов Афганистана. В 2009 г. в г. Кривой Рог была издана книга «Криворожские шурави»²⁷, состоящая из 48 небольших рассказов («Кундузский щит», «Эхо горного зала», «Отважный фельдшер», «Послужной список Юрия Антипина» и др.), герои которых – местные ветераны-«афганцы».

В 2011 г. очередная авторская книга Памяти, созданная профессиональной журналисткой и писательницей, увидела свет в г. Ивано-Франковске²⁸. Она состоит из трех частей: первая часть посвящена жителям города и области, не вернувшимся из Афганистана; вторая состоит из воспоминаний ныне живущих ветеранов-«афганцев» и третья часть рассказывает о составе и структуре ветеранских организаций Украины. Выше шла речь о том, что первая «афганская» книга Памяти «Книга памяти Луганской области. Афганская Голгофа» издана в Луганске еще в 1995 г. – в ее новом издании 2011 г., названном «Луганщина помнит своих героев»²⁹ собрана информация о 162 жителях города и области, не вернувшихся из Афганистана. Переиздания региональных книг Памяти, как правило, дополнены новыми сведениями о погибших / пропавших без вести военнослужащих. Для создания новой книги использованы материалы ранней книги Памяти и новые данные.

В Ужгороде (областной центр Закарпатской области) в 2012 г. бывшим генерал-майором органов госбезопасности опубликована книга о воевавших в Афганистане закарпатцах³⁰ (как погибших, так и вернувшихся – всего более 3000 чел.); в том же году силами областного военного комиссариата и местного филиала Украинского союза ветеранов Афганистана книга Памяти издана в Запорожье³¹. В 2013 г. местная

²³ Афган, прописаний у серці 2004.

²⁴ Сергиенко 2005.

²⁵ Окликом з вічності. Книга Пам'яті 2009. На обложке книги – пам'ятник воинам «афганцям», розположений в Києві рядом з Києво-Печерською Лаврою, відомим і старейшим мужським монастирем ще Київської Русі.

²⁶ Память и судьбы Афганской войны 2009.

²⁷ Бухтияров 2009.

²⁸ Слоневская 2011.

²⁹ Луганщина помнит своих героев 2011.

³⁰ Закарпатці у вiрi афганськoї вiйни 2012.

³¹ Книга Пам'яті України: Інтернаціоналісти. Запорізька область 2012.

книга Памяти была опубликована в г. Коломыя Ивано-Франковской области³², и ее автором стал глава районной организации ветеранов Афганистана И.Тодоров. По структуре эта работа сходна с книгой О. Словенской «В Афганістані, в «чорнім тюльпані» – первая ее часть также посвящена погибшим в Афганистане, вторая состоит из воспоминаний ветеранов, третья описывает историю создания и деятельности Коломыйской межрайонной организации Украинского Союза ветеранов Афганистана за 22 года ее существования.

Главный вывод можно сделать следующий: в подавляющем большинстве случаев активными создателями украинских «афганских» книг Памяти на протяжении десятилетий становились члены ветеранских и иных общественных организаций, и иногда и просто частные лица (писатели, офицеры в отставке и др.), желавшие сохранить и почтить память о погибших в Афганистане соотечественниках. Роль государства в этом вопросе относительно невелика, а общеукраинская книга Памяти, изданная силами государственных органов, по замечанию украинских же исследователей С.В. Червонопиского и А.А. Костыри³³, имеет ряд неточностей и, например, не содержит данных по награжденным и погибшим с разбивкой по годам и их воинским званиям.

Афганские книги Памяти в Республике Беларусь

Многим людям, когда-либо посещавшим Республику Беларусь, бросается в глаза бережное сохранение исторической памяти о крупных войнах XX века – и здесь прежде всего имеются в виду Великая Отечественная 1941–1945 гг. и война в Афганистане 1979–1989 гг. Памятники воинам-«афганцам» есть в каждом областном центре и в ряде районных центров. Издавались и издаются также книги Памяти.

Уже в 1991 г. книга Памяти, посвященная не вернувшимся из Афганистана жителям белорусской столицы, была издана в Минске; в том же году появилась общая белорусская книга Памяти³⁴. Также общая «Республиканская книга памяти воинов-интернационалистов»³⁵ опубликована позже, в 1999 г. – с обновленными данными. В принципе, своеобразной книгой Памяти – только сделанной не из бумаги, а из камня и находящейся под открытым небом – можно назвать и элемент памятника-часовни, расположенной в Минске на т.н. «Острове слёз» и установленной в честь всех жителей БССР, погибших в Афганистане. Официальное название этого мемориала – «Сыновьям Отечества, погибшим за его пределами». Центром мемориала является небольшая гранитная часовня, на внутренних стенах которой в камне высечены фамилии, имена и отчества всех не вернувшихся из Афганистана жителей БССР, чьи личности были установлены на тот период времени.

³² Тодорів 272 с.

³³ Костыря Червонопиский 2006: 17.

³⁴ Память: Афганистан 1991.

³⁵ Республиканская книга Памяти воинов-интернационалистов 1999.

Вернемся к бумажным книгам Памяти. Книга Памяти Брестской области³⁶ была издана в 2010 г. Первая ее часть рассказывает о причинах ввода советских войск в Афганистан, ситуации внутри Афганистана в 1980-е гг. и ходе боевых действий против антиправительственных группировок, о жизни и быте населения страны. Вторая часть содержит 18 воспоминаний брестчан-«афганцев», там же приведена информация обо всех жителях Бреста и области, как погибших в афганском военном конфликте (123 чел.), так и вернувшихся домой. В 2011 г. была опубликована научно-популярная³⁷ книга «Вдали, за рекой... Воины-интернационалисты Гродненской области в Афганской войне 1979–1989», рассказывающая о погибших в Афганистане жителях Гродно и области³⁸, она также повествует о причинах ввода советских войск в Афганистан, внутриполитической ситуации в Афганистане в 1980-е гг. и боевых действиях советских войск и правительственной армии, в книге содержатся воспоминания гродненских участников этого военного конфликта и списки погибших. Составителем этих двух книг стал краевед А.М. Суворов; обе книги содержат многочисленные красочные фотографии, некоторые из них определены как «снимки-реконструкции».

Сеть Интернет все более становится не только местом общения, удаленной работы, проведения досуга и поиска литературы, но и пространством для разных социальных практик, которые еще лет 20 назад почти что невозможно было представить осуществляемыми в онлайн-пространстве. Одна из таких перемещающихся в Интернет практик – поминовение усопших, которое с традиционных для многих народов кладбищ переносится теперь и в виртуальное пространство. В употребление даже вводится термин «цифровое поминовение», обозначающий виртуальные практики поминовения применительно к погибшим участникам военных конфликтов³⁹. В некоторых статьях описываются такие практики применительно к погибшим в Афганистане⁴⁰. Соответственно, появляются и сайты, аналогичные печатным книгам Памяти и посвященные погибшим в афганской войне – например, таков региональный витебский проект «Афганистан. Без права на забвение»⁴¹. Сайт имеет удобный поиск, данные о 113 погибших и пропавших без вести витебчанах разделены по годам. Как указано на сайте, «база данных является результатом реализации совместного проекта ГУ «Витебская областная библиотека им. В.И. Ленина», Витебской областной организации ОО «Белорусский союз ветеранов войны в Афганистане», Витебского городского музея воинов-интернационалистов»⁴².

³⁶ На линии огня: воины-интернационалисты Брестской области 2010.

³⁷ Именно так ее жанр позиционирован в самой книге.

³⁸ Вдали, за рекой... Воины-интернационалисты Гродненской области 2011.

³⁹ Махортых 2017; Рунаев 2019.

⁴⁰ Ксенофонтова 2011, Рождественская 2015.

⁴¹ Анегина 2014; Афганистан. Без права на забвение.

⁴² Афганистан. Без права на забвение.

Хотя как представляется, в случае Беларуси государство демонстрирует большую степень участия в мемориализации подвига воевавших в Афганистане соотечественников в форме издания соответствующих книг Памяти, многое, как и на Украине, делается силами частных лиц и ветеранских организаций. Случаи переиздания региональных книг Памяти в Беларуси не выявлены (хотя, возможно, автору известны не все изданные на постсоветском пространстве книги Памяти), но это может быть связано с относительно небольшим размером страны, где проще собрать точные сведения о погибших и пропавших.

Книги Памяти в прочих государствах постсоветского пространства

Как в интересующем нас вопросе дела обстоят в прочих республиках на территории бывшего Советского Союза? Так, в Молдове имеется республиканская книга Памяти, изданная в 2010 г.⁴³ на молдавском языке. В 2009 г. книга Памяти о 54-х погибших в Афганистане приднестровцах была выпущена в Тирасполе⁴⁴.

Довольно мало известно о среднеазиатских участниках афганской войны – и это при том, что в Афганистане проходили службу советники и переводчики, призванные именно из среднеазиатских советских республик, что обусловлено тем, что вторым и третьим по численности народами Афганистана (после пуштунов) были таджики и узбеки; и при том, что узбеки являются (о чем упоминалось выше) третьим по численности народом из погибших в Афганистане представителей на-родов СССР. Но все же книги Памяти издаются и в Центральной Азии. Так, начиная с 1999 г. Министерство обороны Республики Казахстан издает серию книг Памяти «по областям», посвященных гражданам Казахской ССР, погибшим в Афганистане⁴⁵. В 2016 г. увидела свет трилогия «Афганская война 1979–1989 гг. глазами очевидцев (oral history)», изданная в рамках совместного проекта США и центральноазиатских республик и составленная в форме сборников интервью с ветеранами Афганистана⁴⁶, где первый том охватывает Казахстан, второй – Узбекистан и третий – Таджикистан. В 2021 г. издана четвертая книга, продолжившая серию «Память из пламени...» – по Кыргызстану⁴⁷. Впрочем, это не книга Памяти в классическом смысле слова – в ней содержатся интервью с ныне

⁴³ Xenofontov 2010.

⁴⁴ Воробьева 2009.

⁴⁵ О павших в Афганистане (1979–1989). Книга памяти о воинах Акмолинской области 1999; О павших в Афганистане (1979–1989). Книга памяти о воинах Актюбинской области 2018; О павших в Афганистане (1979–1989). Книга памяти о воинах Атырауской области 2000; О павших в Афганистане (1979–1989). Книга памяти о воинах Западно-Казахстанской области 1999; О павших в Афганистане (1979–1989). Книга памяти о воинах Южно-Казахстанской области 2000.

⁴⁶ Память из пламени Афганистана... Книга 1. Казахстан 2016; Память из пламени Афганистана... Книга 2. Узбекистан 2016; Память из пламени Афганистана... Книга 3. Таджикистан 2016.

⁴⁷ Память из пламени Афганистана... Книга 4. Кыргызстан 2021.

живущими участниками военного конфликта, но не информация о погибших и пропавших без вести⁴⁸.

К сожалению, не удалось найти какой-либо информации о сохранении памяти об участниках афганского вооруженного конфликта посредством составления и издания соответствующих книг Памяти в постсоветском Туркменистане, что, возможно, связано и с некоторыми особенностями политического режима этого государства. Аналогичным образом ситуация обстоит и в республиках Закавказья – отдельных книг Памяти о местных участниках войны в Афганистане найти не удалось, но некоторая информация о погибших размещается на Интернет-сайтах⁴⁹. Автору также не удалось найти каких-либо сведений о книгах Памяти, изданных в странах Прибалтики (Литве, Латвии и Эстонии), хотя все эти три республики тоже потеряли своих уроженцев в 1980-е гг. в Афганистане. Российский специалист по истории журналистики и современной журналистике Н.С. Авдонина исследовала феномен исторической памяти о ветеранах Афганистана в Латвии, итогом чего стала публикация статьи⁵⁰, в которой показано, как память об участии уроженцев и жителей Латвийской ССР намеренно изымается из поля народной исторической памяти, так как советское прошлое этой страны предлагается подвергнуть забвению или как минимум умалить его значение. Вообще, в центре Риги есть памятник воинам-«афганцам», погибшим в ходе этого военного конфликта («Сыновьям Латвии, павшим в 1979–1989 гг. в Афганистане»), на котором в камне выбиты их имена. Представляется, что в Литве и Эстонии ситуация обстоит схожим образом – хотя эстонский историк К. Арьякас предпринял попытку обобщить данные о погибших в Афганистане уроженцах Эстонской ССР⁵¹. Как видим, в среднеазиатских, закавказских и прибалтийских странах постсоветского пространства книги Памяти о погибших в Афганистане соотечественниках создаются и публикуются также преимущественно силами частных лиц и общественных (ветеранских) организаций.

Книга Памяти (если говорить и в целом, и конкретно о книгах Памяти, посвященных погибшим в Афганистане в 1979–1989 гг.) является своеобразным источником – это и воплощение в бумажном или в электронном виде текущих коммеморативных практик, и источник со статистическими демографическими данными. Наиболее полезны «афган-

⁴⁸ Авторы одной из этих книг тоже указывают на скудость имеющейся информации о жителях бывших советских среднеазиатских республик, проходивших службу в Афганистане в период вооруженного конфликта с участием СССР – «до выхода этой книги об «афганцах» Центральной Азии было известно немного, хотя граждане южных республик Советского Союза сыграли решающую роль в Афганистане, особенно, в качестве переводчиков и советников». – Память из пламени Афганистана... Книга 2. Узбекистан 2016: 4–5. Авторская орфография в цитате сохранена.

⁴⁹ Азербайджанцы – участники «афганской кампании».

⁵⁰ Авдонина 2014.

⁵¹ Арьякас 2006.

ские» книги Памяти, пожалуй, будут для осуществления социологического и историко-демографического анализа, поскольку практически во всех из них указаны места жительства / рождения погибших, Ф.И.О., даты рождения и гибели, иногда «гражданское» образование и род занятий. Часто также приведены сведения об обстоятельствах гибели (пропажи без вести) и указана воинская часть / род войск, где человек проходил службу в Афганистане – такие данные могут быть полезны исследователю, изучающему, например, боевые действия советских войск или в целом деятельность ОКСВ⁵². Книги Памяти могут быть полезны исследователю реализации коммеморативных практик в конкретном регионе, стране в целом и т.д. В то же время размещенные в книгах Памяти сведения об афганской войне (внутриполитическая обстановка в Афганистане накануне ввода советских войск, хронология боевых действий и т.д.) общеизвестны и не содержат чего-то принципиально нового в сравнении с имеющимся в других источниках.

Издание «афганских» книг Памяти на постсоветском пространстве начинается уже в самом начале 1990-х гг. и продолжается вплоть до настоящего времени, являясь одной из основных форм коммеморации в отношении афганского вооруженного конфликта 1979–1989 гг. с участием СССР (хотя и не единственной). Издания 1990-х и 2000–2010-х годов не имеют существенных содержательных отличий, и продолжающееся появление все новых книг Памяти связано (первый распространенный вариант) либо с нахождением новой информации, получением новых данных о уже известных погибших / пропавших без вести – либо с установлением новых, неизвестных ранее, имен погибших / пропавших без вести⁵³; или же с тем (второй вариант), что частное лицо / ветеранская организация / общественная организация в конкретном регионе или городе проделала крупную работу по сбору и обработке данных, подготовив и издав местную книгу Памяти. Очень часто такая работа проводится силами общественных организаций и частных лиц, но не направляется на уровне государства. В последнее десятилетие постсоветские книги Памяти постепенно перемещаются в виртуальное пространство, не заменяя совсем, впрочем, бумажные издания.

В целом описанные выше отличия свойственны всем постсоветским книгам Памяти на тему афганской войны. При этом наиболее плодотворно и активно мемориализация погибших в Афганистане соотечественников проводится в Беларуси и Украине, о чем несомненно

⁵² Ограниченный контингент советских войск.

⁵³ Уточнение количества погибших в Афганистане советских воинов продолжается, изменяясь в сторону увеличения цифр. Так, в фундаментальных работах 1990-х гг., в частности, в упомянутом исследовании генерал-майора А.А. Ляховского указывается цифра немногим менее 14 тыс. чел., а по данным коллективной монографии сотрудников Института военной истории и Военно-мемориального центра МО РФ (то есть авторитетнейших в России организаций, изучающих историю войн и боевые потери) от 2010 г. «Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь» общее количество безвозвратных потерь превышает уже 15 тыс. человек.

свидетельствует количество уже изданных до настоящего времени общегосударственных и региональных книг Памяти, запуск соответствующих региональных Интернет-проектов. Как было отмечено выше, существенную роль в сборе информации для книг Памяти и их дальнейшей публикации играет не столько государство, сколько региональные и локальные ветеранские, а также прочие общественные организации. Для мемориализации памяти погибших в Афганистане в книгах Памяти необходима определенная политика государства, поскольку действия государства как направляющего актора в политики памяти в отношении соотечественников, погибших в Афганистане, могли бы быть более масштабными и скоординированными.

ИСТОЧНИКИ

- Азербайджанцы – участники «афганской кампании» [Azerbaydzhantsy – uchastniki “afganskoj kampanii”. URL: <https://az.sputniknews.ru/infographics/20190214/419398914/azerbaydzhancy-voyna-afganistan.html>].
- Арьякас К. Уроженцы Эстонии, погибшие в афганской войне. Газета «Молодежь Эстонии». 17.02.2006 [Ar'yakas K. Urozhentsy Estonii, pogibshiye v afganskoj voyne. Gazeta “Molodezh' Estonii”. 17 fevralya 2006. URL: <http://www.moles.ee/06/Feb/17/12-1.php>].
- Афган, прописаний у серці. Книга про учасників афганської війни Миколаївської області / О.М. Гаркуша та ін. Миколаїв: Миколаївська обласна друкарня, 2004. 374 с. [Afgan, propisanyu u sertsii. Kniga pro uchashnykiv afgans'koi viyny Mykolayivs'koi oblasti / O.M. Garkusha ta in. Mykolayiv: Mykolayivs'ka oblasna drukarnya, 2004. 374 s.].
- Афганистан. Без права на забвение [Afganistan. Bez prava na zabveniyе. URL: <http://afgan.vlib.by/>].
- Афганістан (1979–1989). Тернопільська область / сост. В. Погорелький Тернопіль: Джура, 2002. 80 с. [Afganistan (1979–1989). Ternopil's'ka oblast' / sost. V. Pogorets'kyu. Ternopil': Dzhura, 2002. 80 s.].
- Бухтияров В.Ф. Криворожские шурави. (К 20-летию вывода советских войск с территории ДРА). Кривой Рог, 2009. 168 с. [Buhtiyarov V.F. Krivorozhskiyе shuravi. (K 20-letiyu vyvoda sovetkikh voysk s territorii DRA). Krivoy Rog, 2009. 168 s.].
- Вдали, за рекой... Воины-интернационалисты Гродненской области в Афганской войне 1979–1989 / авт.-сост. А.М. Суворов. Брест: Полиграфика, 2011. 271 с. [Vdali, za rekoj... Voiny-internatsionalisty Grodnenskoj oblasti v Afganskoj voyne 1979–1989 / avt.-sost. A.M. Suvorov. Brest: Poligrafika, 2011. 271 s.].
- Відлуння чужої війни. Фотокаталог пам'ятників, пам'ятних знаків, могли учасників війни в Афганістані 1979–1989 рр., розташованих на території Тернопільської області / упорядники С. Грабовий, А. Лукашук. Тернопіль: ТОВ «Терно-граф», 2018. 48 с. [Vidlunnya chuzhoj viyny. Fotokatalog pamyatnykiv, pamyatnykh znakov, mohyl uchashnykiv viyny v Afhanistani 1979–1989 rr., roztashovanykh na terytoriyi Ternopil's'koi oblasti / uporyadnyky S. Grabovyy, A. Lukashchuk. Ternopil': TOV “Terno-graf”, 2018. 48 s.].
- Воробьева Н.В. Афганистан болит в моей душе: Книга памяти приднестровцев, погибших в Афганистане. Тирасполь, 2009. 144 с. [Vorob'eva N.V. Afganistan bolit v moyey dushe: Kniga pamyati pridnestrovsev, pogibshikh v Afganistane. Tiraspol', 2009. 144 s.].
- Заика В.И., Русин В.Н., Вальчук В.К. Война без победы. Книга о воинах-интернационалистах Донецкой области, принимавших участие в боевых действиях в Афганистане. Донецк: Мультипресс, 1999. 240 с. [Zaika V.I., Rusin V.N., Val'chuk V.K. Voyna bez pobyedy. Kniga o voynakh-internatsionalistakh Donetskoj oblasti, primimavshikh uchastiye v boevykh deystviyakh v Afganistane. Donetsk: Mul'typress, 1999. 240 s.].
- Заика В.И. Долг, оплаченный жизнью. Книга памяти. Сборник очерков о погибших воинах-интернационалистах Донецкой области. Ч. 1, 2. Донецк, 1995. 456 + 310 с. [Zaika V.I. Dolg, oplachennyu zhizn'yu. Kniga pamyati. Sbornik ocherkov o pogibshikh voynakh-internatsionalistakh Donetskoj oblasti. Ch. 1, 2. Donetsk, 1995. 456 + 310 s.].
- Закарпатці у вирі афганської війни / упорядник Ухаль А.М. Ужгород: ТОВ ІВА, 2012. 460 с. [Zakarpattsi u vyri afhans'koi viyny / uporyadnyk Uhal' A.M. Uzhhorod: TOV IVA, 2012.].

- Книга памяти Луганской области. Афганская Голгофа. Луганск: изд-во Восточноукраинского госуниверситета, 1995. 352 с. [Kniga pam'yati Luganskoj oblasti. Afganskaya Golgofa. Lugansk: izd-vo Vostochnoukrainskogo gosuniversiteta, 1995. 352 s.]
- Книга Пам'яті України: Інтернаціоналісти. Запорізька область. Запоріжжя: Дике Поле, 2012. 320 с. [Kniga Pam'yati Ukrainy: Internatsionalisty. Zaporiz'ka oblast'. Zaporizhzhya: Dyke Pole, 2012. 320 s.]
- Луганщина помнит своих героев. Книга Памяти. Луганск, 2011. 348 с. [Luganshchina pomnit svoikh geroyev. Kniga Pam'yati. Lugansk, 2011. 348 s.]
- На линии огня: воины-интернационалисты Брестской области в афганской войне 1979–1989 / авт.-сост. А.М. Суворов. Брест: Полиграфика, 2010. 256 с. [Na linii ognya: voiny-internatsionalisty Brestskoy oblasti v afganskoj vojne 1979–1989 / avt.-sost. A.M. Suvorov. Brest: Poligrafika, 2010. 256 s.]
- О павших в Афганистане (1979–1989). Книга памяти о воинах Акмолинской области / сост.: А.И. Барт. Алматы: Рауан, 1999. 270 с. [O pavshikh v Afganistane (1979–1989). Kniga pam'yati o voynakh Akmolinskoy oblasti / sost.: A.I. Bart. Almaty: Rauan, 1999. 270 s.]
- О павших в Афганистане (1979–1989). Книга памяти о воинах Актобинской области / сост.: А.И. Барт. Алматы: Рауан, 2018. 223 с. [O pavshikh v Afganistane (1979–1989). Kniga pam'yati o voynakh Aktubinskoy oblasti / sost.: A.I. Bart. Almaty: Rauan, 2018. 223 s.]
- О павших в Афганистане (1979–1989). Книга памяти о воинах Атырауской области / сост.: А.И. Барт. Алматы: Рауан, 2000. 125 с. [O pavshikh v Afganistane (1979–1989). Kniga pam'yati o voynakh Atyrauskoy oblasti / sost.: A.I. Bart. Almaty: Rauan, 2000. 125 s.]
- О павших в Афганистане (1979–1989). Книга памяти о воинах Западно-Казакстанской области / сост.: А.И. Барт. Алматы: Рауан, 1999. 156 с. [O pavshikh v Afganistane (1979–1989). Kniga pam'yati o voynakh Zapadno-Kazakhstanskoy oblasti / sost.: A.I. Bart. Almaty: Rauan, 1999. 156 s.]
- О павших в Афганистане (1979–1989). Книга памяти о воинах Южно-Казакстанской области / сост.: А.И. Барт. Алматы: Рауан, 2000. 287 с. [O pavshikh v Afganistane (1979–1989). Kniga pam'yati o voynakh Yuzhno-Kazakhstanskoy oblasti / sost.: A.I. Bart. Almaty: Rauan, 2000. 287 s.]
- Обпалені війною. Афганістан (1979–1989) / авт.-упорядник В. Погорельский. Тернопіль: Астон, 2009. 479 с. [Obpaleni voinou. Afganistan (1979–1989) / avt.-uporyadnyk V. Pogorets'kyu. Ternopil': Aston, 2009. 479 s.]
- Оклик з вічності. Книга Пам'яті м. Києва. Афганістан / авт.-упорядник О.І. Шепелев. Київ, 2009. 240 с. [Oklyk z vichnosti. Knuha Pam'yati m. Kiev. Afganistan / avt.-uporyadnyk O.I. Shepelev. Kiev, 2009. 240 s.]
- Палящий ветер Афганистана. Книга о воинах-интернационалистах Днепропетровщины, погибших в афганской войне / сост. Г.С. Бурейко. Днепрпетровск: Сич, 1991. 431 с. [Palyashchiy veter Afganistana. Kniga o voynakh-internatsionalistakh Dnepropetrovshchiny, pogibshikh v afganskoj vojne / sost. G.S. Bureyko. Dnepropetrovsk: Sych, 1991. 431 s.]
- Память: Афганистан / ред. А.Л. Петрашкевич. Минск: Белорусская Советская Энциклопедия, 1991. 495 с. [Pamyat': Afganistan / red. A.L. Petrashkevich. Minsk: Belorusskaya Sovetskaya Entsiklopediya, 1991. 495 s.]
- Память и судьбы Афганской войны. Сумская область / под ред. И.В. Пономаренко. Сумы: ПКП Эллада-S, 2009. 464 с. [Pamyat' i sud'by Afganskoj vojny. Sumskaya oblast' / pod red. I.V. Ponomarenko. Sumy: PKP Ellada-S, 2009. 464 s.]
- Память из пламени Афганистана: Интервью с воинами-интернационалистами Афганской войны 1979–1989 годов / Под ред. М. Ларюэль, Б. Ракишевой, Г. Ашкеновой. Книга 1. Казахстан. Астана: КИСИ при Президенте РК, 2016. 216 с. [Pamyat' iz plameni Afganistana: Interv'y u s voynami-internatsionalistami Afganskoj vojny 1979–1989 godov / Pod red. M. Laryuel', B. Rakishevoy, G. Ashkenovoy. Kniga 1. Kazakhstan. Astana: KISI pri Prezidente RK, 2016. 216 s.]
- Память из пламени Афганистана: Интервью с воинами-интернационалистами Афганской войны 1979–1989 годов / Под ред. М. Ларюэль и др. Книга 2. Узбекистан. Астана: КИСИ при Президенте РК, 2016. 192 с. [Pamyat' iz plameni Afganistana: Interv'y u s voynami-internatsionalistami Afganskoj vojny 1979–1989 godov / Pod red. M. Laryuel' i dr. Kniga 2. Uzbekistan. Astana: KISI pri Prezidente RK, 2016. 192 s.]
- Память из пламени Афганистана: Интервью с воинами-интернационалистами Афганской войны 1979–1989 годов / Под ред. М. Ларюэль и др. Книга 3. Таджикистан. Астана:

- КИСИ при Президенте РК, 2016. 260 с. [Pamyat' iz plameni Afganistana: Interv'yu s voynami-internatsionalistami Afganskoy voyny 1979–1989 godov / Pod red. M. Laryuel' i dr. Kniga 3. Tadzhhikistan. Astana: KISI pri Prezidente RK, 2016. 260 s.].
- Память из пламени Афганистана: Интервью с воинами-интернационалистами афганской войны 1979–1989 годов. Книга 4. Кыргызстан / Под редакцией Э. Ногойбаевой и Э. Битикчи. Бишкек, 2021. 252 с. [Pamyat' iz plameni Afganistana: Interv'yu s voynami-internatsionalistami Afganskoy voyny 1979–1989 godov / Pod red. E. Nogoybayevoy i E. Bitikchi. Bishkek, 2021. 252 s.].
- Республиканская книга Памяти воинов-интернационалистов / гл. ред. Г.П. Пашков. Минск: БелЭн, 1999. 773 с. [Respublikanskaya kniga Pamyati voinov-internatsionalistov / gl. red. G.P. Pashkov. Minsk: BelEn, 1999. 773 s.].
- Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андронников, П.Д. Буриков и др. М.: Вече, 2010. 624 с. [Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Kniga poter' / Krivosheyev G.F., Andronnikov V.M., and Burikov P.D. i dr. M.: Veche, 2010. 624 s.].
- Сергиенко В.А. Старобельчане на Афганской войне. Луганск: РИО ОАО «ЛОТ», 2005. 431 с. [Cergiyenko V.A. Starobel'chane na Afganskoy voynе. Lugansk: RIO ОАО «ЛОТ», 2005. 431 s.].
- Словеская О.В. В Афганістані, в «чорнім тьольпані». Івано-Франківск: Місто НВ, 2011. 725 с. [Sloveskaya O.V. Afganistani, v "chornim tyul'pani". Yvano-Frankovsk: Misto NV, 2011. 725 s.].
- Тодорів Й. Сини Коломиїщани в Афганській війні. Документальна хроніка. Коломия, 2013. 272 с. [Todoriv Y. Syny Kolomiyshchyny v Afgans'kiy viyni. Dokumental'na khronika. Kolomiya, 2013. 272 s.].
- Чорні тьольпани. Афганський мартиролог України / авт.-сост. О. Мусиенко. Київ: Столиця, 1999. 560 с. [Chorni tyul'pany. Afhans'kyu martyrolog Ukrainy / avt.-sost. O. Musiyenko. Kiev: Stolytsya, 1999. 560 s.].
- Шкварко И.П. Боль памяти. Книга памяти про воинов Харьковщины, погибших в Афганистане. Харьков: РИП «Оригинал», 1995. [Shkvarko I.P. Bol' pamyati. Kniga pamyati pro voinov Khar'kovshchiny, pogibshikh v Afganistane. Khar'kov: RIP "Original", 1995.].
- Xenofontov I. Razboiul din Afghanistan (1979–1989). In memoria participantilor din Republica Moldova. Iassy: Lumen, 2010. 544 p.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Авдонина Н.С. История в забвении: русскоязычная пресса в Латвии о войне в Афганистане // Век информации. 2014. № 3. С. 18–28 [Avdonina N.S. Istoriya v zabvenii: russko-yazychnaya pressa v Latvii o voynе v Afganistane // Vek informatsii. 2014. № 3. S. 18–28].
- Аллан П., Клей Д. Афганский капкан. Правда о советском вторжении. М.: Международные отношения, 1999. 448 с. [Allan P., Kley D. Afganskiy kapkan. Pravda o sovetskom vtorzhenii. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1999. 448 s.].
- Анегина М.В. Региональный электронный проект «Афганистан. Без права на забвение»: формирование и использование // Вестник международного Института управления. 2014. № 5–6 (129–130). С. 105–109 [Anegina M.V. Regional'nyy elektronnyy proyekt "Afganistan. Bez prava na zabveniyе": formirovaniye i ispol'zovaniye // Vestnik mezhdunarodnogo Instituta upravleniya. 2014. № 5–6 (129–130). S. 105–109].
- Добров П.В., Костыря А. Потери Донецкой области в Афганистане в 1979–1989 гг. // Исторические и политологические исследования. 2009. № 2 (42). С. 208–215 [Dobrov P.V., Kostyrya A. Poteri Donetskoy oblasti v Afganistane v 1979–1989 gg. // Istoricheskiye i politologicheskiye issledovaniya. 2009. № 2 (42). S. 208–215].
- Ксенофонтова И.В. Виртуализация мемориальных практик: интернет-сайт как «книга памяти» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Т. 5. № 6. С. 133–145 [Ksenofontova I.V. Virtualizatsiya memorial'nykh praktik: internet-sayt kak "kniga pamyati". Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya. 2011. T. 5. № 6. S. 133–145].
- Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. М.: ГПИ «Искона», 1995. 650 с. [Lyakhovskiy A.A. Tragediya i doblest' Afgana. Moscow: GPI "Iskona", 1995. 650 s.].
- Махортых Н.С. Практики цифрового поминовения в книге памяти погибших за Украину // Философская антропология жертвы: от архаических корней к современным контекстам. Материалы Всероссийской конференции. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. С. 58–73 [Makhortyh N.S. Praktiki tsifrovogo pomimoveniya v knige pamyati

- pogibshikh za Ukrainu // *Filosofskaya antropologiya zherity: ot arkhaiskikh korney k sovremennym kontekstam. Materialy Vserossiyskoy konferentsii*. Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2017. S. 58–73].
- Рабуш Т.В. Региональные российские книги Памяти как форма сохранения и передачи культурно-исторической памяти об «афганской войне» 1979–1989 гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 247–257 [Rabush T.V. Regional'nyye rossiyskiye knigi Pamyati kak forma sokhraneniya i peredachi kul'turno-istoricheskoy pamyati ob «afganskoy voynе» 1979–1989 gg. // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*. Seriya: Istoriya Rossii. 2021. T. 20. № 2. S. 247–257].
- Рождественская Е.Ю. Виртуализация памяти об афганской войне // XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 128–136 [Rozhdestvenskaya E.Yu. Virtualizatsiya pamyati ob afganskoy voynе // XV aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. Moscow: NIU VSHE, 2015. S. 128–136].
- Рунаев Т.А. Виртуальные кладбища как коммеморативные практики: разновидности и векторы развития // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 1: регионоведения, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 3 (244). С. 111–119 [Runayev T.A. Virtual'nyye kladbishcha kak kommemorativnyye praktiki: raznovidnosti i vektory razvitiya // *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 1: regionovedeniya, filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. 2019. № 3 (244). S. 111–119].
- Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с. [Senyavskaya E.S. Protivniki Rossii v voynakh XX veka: Evolyutsiya “obraza vraga” v soznanii armii i obshchestva. Moscow: ROSSPEN, 2006. 288 s.].
- Слинкин М.Ф. Афганистан. Страницы истории (80–90-е гг. XX в.) // *Культура народов Причерноморья*. Симферополь: издательство Таврического государственного университета, 2003. № 41. 201 с. [Slinkin M.F. Afganistan. Stranitsy istorii (80–90-ye gg. XX v.) // *Kultura narodov Prichernomor'ya*. Simferopol': izdatel'stvo Tavricheskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003. № 41. 201 s.].
- Христофоров В.С. Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг. М.: ИРИ РАН, 2016. 544 с. [Khristoforov V.S. Afganistan: voyenno-politicheskoye pruststviye SSSR 1979–1989 gg. Moscow: IRI RAN, 2016. 544 s.].
- Червонописский С.В., Костира А.А. Историография войны в Афганистане (25 грудня 1979 – 15 лютого 1989 рр.). Киев: МІЦ «Медінформ», 2006. 92 с. [Chervonopis'kiy S.V., and Kostirya A.A. Istoriografiya viyni v Afganistanі (25 grudnya 1979 – 15 lyutogo 1989 rr.). Kiev: Mezhrational'nyy izdatel'skiy tsentr “Medinform”, 2006. 92 s.].

Рабуш Таисия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра общественных наук, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, taisarabush@mail.ru

“Don't Give, Fatherland, to be Silent”: Books of Memory as a Commemoration form of the Afghan War 1979–1989 in the Post-Soviet Republics

All Soviet republics took part in the Afghan war 1979–1989, which lasted almost the entire last decade of the existence of the USSR. One of the commemorative practices adopted in memory of the Afghan war is the publication of Books of Memory dedicated to compatriots who died in Afghanistan. In this article, the author will consider how this practice is implemented in the states of the post-Soviet space and whether this practice is in demand and widespread.

Keywords: *Books of Memory, post-Soviet space, post-Soviet republics, war in Afghanistan, Afghan armed conflict, historical memory, veterans of Afghanistan, Afghanistan.*

Taisiya Rabush, PhD in History, Associate professor, Department of Social sciences, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, taisarabush@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕОЛОГИЙ

Н.Н. ЕМЕЛЬЯНОВА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ РЕЛИГИОЗНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена социокультурным факторам обоснования и реализации политической власти в Древней Индии. Рассмотрены политические аспекты брахманизма: идея о политическом доминировании брахманов над кшатриями, идея о божественной природе царской власти, идея о насильственной природе власти. Отмечен новаторский характер этих идей для периода их возникновения и развития. Отдельное внимание уделено проблеме соотношения дхармы (следования долгу) и артхи (следования практической пользе) в гармоничном обществе. Рассмотрено решение этой проблемы политической мыслью Древней Индии, в том числе в политическом трактате «Артхашастра». Кроме того, в статье раскрыты монархические и республиканские традиции древнеиндийской государственности. Отмечается некорректность сведения традиции ранней индийской государственности исключительно к одной из модификаций восточного деспотизма.

Ключевые слова: Древняя Индия, политическая власть, политические практики, брахманизм, дхарма, артха

Политические практики современной Индии обладают специфическими чертами. К примеру, нестандартность индийской политической модели связывается с высоким значением защиты групповых прав, влиянием факторов политизации религии и политизации социального института (кастеизма) на политическую жизнь Индии. Продолжаются сложные процессы трансформации традиционных каналов трансляции политических интересов и политической власти. Религиозно-идеологическое осмысление политической власти и исторических форм ее реализации в государствах Древнего Индостана имеет актуальную ценность и для современного политического развития Индии, так как в современной Индии идет активное прорабатывание историко-культурного и социокультурного влияния индоарийского наследия.

Очаги цивилизации на полуострове Индостан, как известно, появились в III – начале II тыс. до н.э. К первым древнеиндийским цивилизациям относятся городские цивилизации Хараппы и Мохенджо-Даро (расположены на территории современного Пакистана), об особенностях существования которых пока известно совсем немного. До сих пор не дешифрована пиктографическая письменность, нет ясного понимания относительно того, какая этническая общность была определяющей для этих городов-цивилизаций, выявлено несколько антропологических типов. В то же время уровень архитектурных решений, примененных в городах Хараппы и Мохенджо-Даро (к примеру, древние градостроители знали правило золотого сечения, разрабатывали эффективные системы водоснабжения и водоотведения и др.), позволя-

ет делать выводы о достаточно высокой организации общественных отношений. Неизменность культурного стиля в течение нескольких столетий свидетельствует в пользу предельной сакрализации власти, сосредоточенной в руках жреческого сословия.

Скорее всего цивилизации Хараппы и Мохенджо-Даро начали регрессировать в результате природных катаклизмов. А после вторжения индоарийских племен на территорию полуострова Индостан с середины II тыс. до н.э. государственность в Древней Индии стала развиваться на иных основаниях. Доподлинно неизвестно встретили ли индоарии на пути представителей цивилизаций Хараппы и Мохенджо-Даро¹. Но есть косвенные свидетельства о том, что эта встреча могла произойти. Так, известный британский археолог Мортимер Уилер² полагал, что соответствующие упоминания можно найти в одном из гимнов «Риг-Веды»³ (I, 53): в нем восхваляется Индра⁴ за покорение особо укрепленных стен, «фортов» дасью. Под дасью понимаются враги индоарийских племен, а под особо укрепленными стенами – города Хараппы и Мохенджо-Даро. В любом случае, фактом остается то, что религиозно-идеологические интерпретации власти на полуострове Индостан с середины II тыс. до н.э., как и исторический процесс в целом, определяются формированием протогосударств на основании привнесенной ведийской культуры индоариев⁵.

Политические аспекты брахманизма в свете варново-кастовой структуры традиционного индийского социума

С приходом на полуостров Индостан родоплеменной строй индоариев начинает размыться, усиливаются процессы объединения нескольких племен под эгидой выдающихся племенных вождей (ганапати), которые выступали правителями (царями) первых протогосударств Древней Индии. Власть самых первых древнеиндийских царей-раджей, таким образом, не носила священный характер. Они в первую очередь должны были обеспечивать безопасность, отлично знать военное дело. Ведийская традиция говорит о том, что первых царей-раджей избирали. Постепенно власть царей усиливалась и становилась наследственной.

Распределение политической власти в древнеиндийском обществе было связано с уникальной варново-кастовой системой, формировавшей социальную иерархию традиционного индийского общества. Варново-кастовая система зародилась в ведийский период древнеиндийской истории (конец II тыс. – первая половина I тыс. до н.э.). Термин

¹ Степанянец 2017: 22.

² Wheeler 1968: 27-55.

³ *Риг-Веда* (собств. прим.) – сборник священных гимнов, одна из четырех частей Веды (наряду с Яджур-Ведой, Сама-Ведой и Атхарва-Ведой), самой древней книги индуизма, которая в индуисткой традиции считается божественным откровением. Риг-Веда формировалась в период с XVIII по XII вв. до н.э.

⁴ *Индра* (собств. прим.) – один из ключевых богов ведийского пантеона, царь богов, бог войны громовержец, повелитель Сварги – небесного царства.

⁵ Бонгард-Левин (2) 1980: 12-29.

«варна» (санскрит, букв. – цвет) впервые встречается в Риг-Веде в гимне Пуруша-сукте, рассказывающем о священном жертвоприношении первочеловека Пуруши, в результате которого из разных частей тела Пуруши образовались четыре основных сословия традиционного индийского общества: изо рта произошли брахманы, из рук – кшатрии, из бедер – вайшьи, из ног – шудры. Как известно, брахманы, будучи представителями знатных жреческих родов, занимались отправлением религиозного культа. Кшатрии представляли собой военную знать, участвовавшую в военных походах и выполнявшую, чаще всего, управленческие функции в государстве (последнюю функцию могли выполнять также и брахманы). Вайшьи занимались хозяйственно-экономической деятельностью, главным образом, торговлей. Шудры, самая последняя из варн, занимались земледелием, ремёслами, а также прислуживали представителям более высоких варн. Вне варновой системы оказывался целый слой населения (чандалы; будущие «неприкасаемые»), к ним относилось дравидское население, племена и народности, завоёванные ариями, а также представители наиболее презираемых в обществе профессий, к примеру, таковыми до сих пор являются бханги (мусорщики, уборщики нечистот). Специализация внутри варн привела к формированию *каст* (португ. *casta*, латин. *castus* – чистый), или *джати* (санскрит – рождение, род, класс) – социальных групп, обособленных по профессиональной принадлежности своих членов.

В рамках проблематики данной статьи, важно подчеркнуть, что варново-кастовая система являлась не только специфическим отражением системы разделения обязанностей в обществе⁶, но и стала следствием борьбы со стороны привилегированной части традиционного индийского общества за обоснование неизменности сословной иерархии, однозначного распределения политической власти и наделения соответствующими властными полномочиями представителей двух высших варн (брахманов и кшатриев).

Своеобразным религиозно-идеологическим обоснованием справедливости варново-кастового строя традиционного индийского общества стал *брахманизм*, идеи которого представлены во множестве древнеиндийских философско-религиозных трактатов. Краеугольной идеей в брахманизме (а затем и в индуизме) стала идея *дхармы* как универсальной нормы поведения каждого человека в зависимости от его возраста и варново-кастовой принадлежности. Варна закреплялась при рождении и могла быть изменена только после смерти, в будущих перевоплощениях. Поэтому следование дхарме, последовательное исполнение предписаний, имело первостепенное значение. Принуждение и наказание (*данда*) со стороны государства в этом плане рассматрива-

⁶ *Джаджамани* (собств. прим.) – разделение труда, базирующееся на наследственных отношениях, система кругооборота услуг и продуктов между кастами в пределах одного или нескольких поселений; это традиционная система разделения труда, исключаящая получение индивидуальной прибыли.

лось как инструмент карающей силы богов. К наиболее авторитетным трактатам брахманизма относится «*Манавадхармашастра*» («*Наставления Ману о дхарме*»), известный также как «*Законы Ману*⁷». Трактат формировался в течение нескольких столетий, ориентировочно в период со II в. до н.э. до II в. н.э. В 7 и 8 главах трактата в виде афоризмов изложены основные политические идеи брахманизма. Среди них:

- *Идея о политическом верховенстве брахманов над кшатриями*: поскольку брахманы должны обучать народ религии, именно им, благо-словенным и благочестивым, имеющим особое превосходство над всем сущим на земле от рождения, должна отводиться определяющая роль в деле управления государством; таким образом, кшатрии должны были управлять государством, не просто прислушиваясь, но и подчиняясь воле брахманов при необходимости. Идея о политическом верховенстве брахманов логически развивается в идею верховенства религиозного закона над царским.
- *Идея о божественной природе царской власти*: в «Законах Ману» говорится, что «кшатриям, получившим посвящение, как предписано Ведой, должна совершаться, как положено, охрана всего этого [мира]. Ибо, когда люди, не имеющие царя, рассеялись во все стороны от страха, владыка создал царя для охраны всего этого [мира], извлекиши вечные частицы Индры, Анилы, Ямы, Солнца, Агни, Варуны, Луны и владыки богатств. Так как царь был создан из частиц этих лучших из богов, он с блеском превосходит все живые существа» («Законы Ману», глава 7, 2-5).
- *Идея о насильственной природе власти*: поскольку «весь мир подчиняется посредством наказания», то наилучшее управление государством – это такое управление, которое позволяет наиболее правильно использовать принуждение и наказание (*данда*) для поддержания порядка, задуманного богами, в том числе заставить следовать людей дхарме, так как далеко не все из них способны делать это по собственной воле. «Все варны испортились бы, все преграды были бы сокрушены, и произошло бы возмущение всего народа от колебания в [наложении] Наказания» («Законы Ману», глава 7, 24). Указанная идея в политическом брахманизме носила всеобъемлющий характер: вплоть до того, что само управление государством обозначалось как «*данданити*», или «искусство управления розгами» («искусство наказания»). Фактически принцип данданити можно назвать одним из первых концептуальных осмыслений насильственной природы власти. Однако в реальной жизни принуждение и наказание (*данда*) могли применять только кшатрии.

Не стоит, однако, сводить религиозно-идеологические аспекты брахманизма к сакральному закреплению варново-кастового строя и

⁷ *Ману* (собств. прим.) – в индуизме прародитель человеческого рода. Считается первым царем, правившим на Земле. Единственный человек, которого бог Вишну, находясь в аватаре рыбы (матся), спас от всемирного потопа.

обоснованию политического доминирования сословия жрецов. Хотя это имело очень высокое значение, в брахманизме можно найти весьма примечательную идею о целом, состоящем из противоположностей: социальной действительности, базирующейся на оппозиции «высшее-нижнее», понимание того, что для строгой иерархии в обществе одинаково нужны как высшие, так и низшие элементы (варны и касты)⁸.

В трактате «Законы Ману» уделяется особое внимание дхарме царей, которой они непременно должны следовать. Цари из кшатриев должны были почитать брахманов, не нарушая их привилегий, под руководством брахманов взращивать и развивать в себе мудрость и справедливость: «В своей стране надо вести себя правильно, строго наказывать врагов, быть прямым по отношению к верным друзьям, преисполненным терпения к брахманам» («Законы Ману», глава 7, 32). В правлении царям рекомендовалось быть бесстрашными, руководствуясь силой, всегда быть готовыми к войне, умело скрывать тайны, отслеживать и выявлять слабости врагов⁹.

Нельзя также не отметить учение о «семичленном царстве». Несмотря на то, что в брахманистской традиции государство воспринималось в первую очередь как единоличное правление царя, в «Законах Ману» государство (раджья) описывается еще и как система из семи элементов (праkritи), в которую входят сам царь (свамин), его советники (аматья), население страны/сельская местность (раштра), крепость / укрепленные поселения (дурга), казна (коша), войско (данда) и союзники (митра). «Семичленное царство» – одна из первых в истории попыток сформулировать обобщенный образ благоустроенного государства.

Проблема соотношения дхармы и артхи

Политические проблемы в брахманизме логично были полностью подчинены проблемам правильного следования дхарме (дхармическая традиция): дхарма, формирующая праведное выполнение религиозных предписаний и социальных обязанностей в следовании долгу, должна была быть ключевой целью жизни каждого члена общества. Без следования дхарме построение гармоничного общества было невозможно. Второй целью должна была быть *артха*, отвечающая за материальное благополучие каждого человека, а также политико-экономическое развитие государства, практическую пользу. Однако политическая мысль Древней Индии, обобщавшая существовавшие политические практики, демонстрирует нам иной ракурс проблемы соотношения артхи и дхармы. Более того, традиция артхи складывалась независимо от дхармической традиции брахманизма, что в определенной степени отражало борьбу между брахманами и кшатриями за интерпретацию политической власти и механизмов ее реализации.

Политические школы в Индии начали формироваться довольно рано. Еще в упанишадах, древнеиндийских трактатах, являющихся ча-

⁸ Бонгард-Левин (2) 1980: 269-298.

⁹ Altekar 1958: 60-61.

стью Вед и относящихся к священным индийским писаниям, встречаются отсылки к отдельному политическому знанию, именуемому кшатра-видья (знание о господстве). Лишь позже артха стала включаться составителями в свод брахманических сочинений (дхармашастры), что свидетельствует о желании вписать традицию артхи в дхармическую традицию, подчинив ее¹⁰. Одним из наиболее значимых политических трактатов Древней Индии стал трактат «Артхашастра» («Наука политики»)¹¹, представляющий собой наиболее полное собрание прикладных знаний о политике и искусстве управления государством.

Находка этого трактата в начале XX в. стала поворотным событием в исследованиях политических традиций и практик Древней Индии магадхско-маурийского, или будийского, периода (втор. пол. I тыс. до н.э. – I век н. э.). Автором трактата считается брахман Каутилья (или Чанакья). Традиция говорит о том, что трактат, в котором можно найти различные политические и дипломатические советы, предназначался царю Чандрагупте Маурье (основатель империи Маурьев, годы правления: 322-298 гг. до н.э., первый в истории Древней Индии, сумевший объединить под своей властью большую часть полуострова Индостан). Однако скорее всего «Артхашастра» писалась и оформлялась в течение длительного временного промежутка между I веком до н.э. и первыми веками н.э. Текст «Артхашастры», написанный первоначально на санскрите, отличается сложным, лаконичным и безглагольным стилем. По мнению, индолога А.М. Самозванцева для того, чтобы верно понять все смысловые пласты текста, важно рассматривать изобилующие в нем предписания нормативно-регулятивного характера как выражение особого символично-знакового отношения к реальности¹².

В трактате впервые были высказаны идеи, противоречащие традиционным нормам брахманизма. «Артхашастра» предлагает в материальном мире ставить на первое место государственные интересы, следовательно, артху можно рассматривать в качестве главного принципа. Дхарма в такой логике получается зависима от артхи. Однозначного ответа о соотношении дхармы и артхи в древнеиндийской политической традиции, таким образом, нет: сакральный брахманизм здесь противостоит вполне рационалистическим политическим школам.

С одной стороны, «Артхашастра» повторяет некоторые значимые политические аспекты брахманизма (брахманы есть высшая варна, поэтому царь и высшая знать в государстве должны следовать советам брахманов, любая власть основывается на наказании, государство формируется из семи элементов и др.). С другой стороны, в трактате фигурирует значимая мысль о том, что законодательный процесс должен находиться в руках царя, а не жрецов, так как именно «от царя зависит состояние войны и мира», а хороший царь – это тот, кто в управлении

¹⁰ Безносова 2015: 125-127.

¹¹ Артхашастра («Наука политики») 1959

¹² Самозванцев 2004: 356.

государством руководствуется артхой, т.е. соотносит все государственные решения с соображениями практической пользы для государства и его дальнейшего укрепления, даже если это потребует нарушения религиозного долга. Более того, «Артхашастра» допускала священность царских законов, которые защищали целостность государства, общества и традиций в кризисные и переломные периоды: «Когда все законы нарушаются, царь сам является проводником закона, охраняя нравы и обычаи народа в пределах четырех каст и четырех ступеней жизни» («Артхашастра», 57–58). Таким образом, были сформированы предпосылки для освобождения царя от религиозных традиций и обрядов¹³.

Монархические и республиканские традиции в развитии древнеиндийской государственности

Во второй половине VI в. до н.э. известно не менее 16 крупных протогосударств, существовавших на территории полуострова Индостан. Буддийские и джайнские источники именуют их «*махаджанапад*» («великие страны»). Так, в буддийском тексте «Ангуттара-никая» перечислены такие «великие страны», как Каши, Косала, Анга, Магадха, Вриджи, Малла, Чед, Ватса, Куру, Панчала, Матсья, Шурасена, Ашмака, Аванти, Гадхара, Камбоджи. Некоторые источники также добавляют к этому перечню государство Калингу.

Многие индийские царства стремились к усилению и легитимации единоличной власти царя. Окончательно формируется церемониал воцарения, помазания на царство – *абхишека* (одним из обрядов помазания на царство был особый ритуал различных священнодействий с четырьмя сосудами, которые располагались строго по четырем сторонам света). Наследование царской власти также регламентируется. Царство передавалось по мужской линии от отца к сыну, но не обязательно по старшинству. Правитель мог указать в качестве наследника одного из своих сыновей, исходя из своих предпочтений в интересах царства.

Среди «великих стран» монархического типа особо выделялись Магадха и Кошала, соперничавшие между собой. К IV в. до н.э., примерно в 320-е гг. до н.э. Магадхе удалось расширить свое влияние в долине реки Ганг. Магадха становится центром новой империи, объединившей несколько государств-княжеств на северо-востоке Индостана. Столицей Магадхи был хорошо укрепленный город Паталипутра (город Патна современной Индии). Наиболее значимыми династиями царей, правивших в Магадхе были Шайшунага, Нанда и Маурья. В период правления династии Нандов именно войска Магадхи сумели остановить поход Александра Македонского на Индию. До этого армия Александра Македонского легко подчиняла разобщенные мелкие царства. Расцвет же империи Магадхи связан с династией Маурьев (IV в. до н.э. – II в. до н.э.), основателем которой был Чандрагупта Маурья (в античных источниках известен как Сандракотта). Ему удалось свергнуть царя Дхану

¹³ Подробнее см.: Литман 1992.

Нанду и расширить царство, начав продвижение в центральную часть Индостана. Наибольшего могущества империя Маурьев достигла при внуке Чандрагупты Маурьи правителе Ашоки (273–232 гг. до н.э.).

Во время правления династии Маурьев в индоарийской культуре активно распространяется буддизм, политические аспекты которого также развиваются вокруг идей о сильном централизованном государством, находящемся под неограниченной властью царя.

В магадхско-маурийский период во время расцвета империи Маурьев (III в. до н.э.) древнеиндийская государственность стала соответствовать основным принципам централизованной монархии с разветвленной бюрократической системой. Власть царя носила неограниченный характер, в его руках были сконцентрированы важнейшие функции управления, помимо законодательной деятельности, он принимал непосредственное участие в судебной деятельности, концентрируя в своих руках высший суд, выступал в качестве главнокомандующего войска. Царь монополизировал некоторые наиболее доходные виды торговли (соль, специи и др.). Основу доходов государства составляла торговая десятина, налоги на рождение и смерть. Внушительная часть доходов формировалась и из доли царя в урожае: чаще всего она достигала 1/6 части урожая, при благоприятных условиях могла быть снижена до 1/8, а в случае неблагоприятных условий увеличена до 1/25 части.

Империя была поделена на провинции, которые управлялись представителями правящей династии, как правило, заместителями выступали сыновьями царя. Членов царской администрации – высших сановников мантринов и махаматров – царь отбирал по своему усмотрению. Уровнем чуть ниже находились исполнительные должностные лица – аматья. Помимо членов царской администрации существовал своеобразный институт советников, этот совещательный орган назывался Мантрипаришад. Главный советник был также домашним жрецом царя (*пурахита*). При выборе мантринов и махаматров учитывалась варновая принадлежность, но в пределах одной варны выбор мог упасть на менее знатного по происхождению, так как определяющим качеством считалось понимание и знание своего дела, готовность беспрекословно выполнять волю царя¹⁴. Царь различными хитростями и уловками мог, при необходимости, искусно проверять своих советников. Вот что говорится об этом в самой «Артхашастре»:

«Совместно с главным советником и домашним жрецом царь, назначив министров на должности, пусть испытывает их хитростями. Пусть царь (для вида) сменил домашнего жреца, который, получив приказ принести жертву для недостойного лица или обучить его ведам, проявит (для вида) неудовольствие. Пусть домашний жрец через шпионов, дающих клятву, подговаривает одного за другим министров следующим образом: “Этот царь беззаконник, поставим же на его место другого царя, справедливого или из его родных, заключенного (в темницу), родовитого, чтимого, или вассала, или

¹⁴ Modelski 1964: 549-560.

вождя лесного племени, или правителя пригорной страны. Все с этим согласны, а ты как?”. В случае отказа он чист. Это хитрость закона. Военачальник, (для вида) отставленный за покровительство недостойным людям, пусть через шпионов подговаривает министров одного за другим на убийство царя предложением подкупа, причем говорится: “Все на это согласны, а как ты?». Отказавшийся чист. Это хитрость выгоды. Отшельница, приобретающая доверие в царском тереме, чтимая, пусть подговаривает главных сановников одного за другим такими словами: «Главная жена царя любит тебя, она приняла меры для свидания с тобой. Предстоит тебе и большая материальная выгода”. Отказавшийся чист. Это хитрость любви¹⁵.

Важную роль в административной системе империи Маурьев играли также управляющие (адхьякши); по сведениям «Артхашастры», их было 32. Управляющие ведали разными областями жизнедеятельности государства: системой взимания пошлин, содержания тюрем, работой портов, кораблестроением, колесницами, казначейством, монетным двором и др. Прорывом в государственном управлении стала разработка системы контроля за качеством, что было связано с активной торговой деятельностью: помимо развитой денежной системы и системы мер и весов, существовала практика знаков качества, специальных печатей, отмечавших товары.

Помимо высшего суда царя функционировали суды, распределенные по территориальному принципу: объединявшие 800, 400 и 10 деревень. В этих судах решение принимали представители царя (3 сановника и 3 советника). Мелкие судебные тяжбы рассматривались выборными деревенскими чиновниками и старейшинами. Также имеются свидетельства существования отдельного судопроизводства для чужеземцев.

Особое внимание уделялось построению системы осведомителей, как явных, так и тайных. Своеобразный «шпионаж» тайных доносителей считался одной из важнейших государственных функций. В «Артхашастре» они разделены на тайных доносителей, постоянно живущих в том или ином месте, и странствующих осведомителей.

Внешнеполитические связи в Древней Индии рассматривались согласно теории круга государств (мандала), которая связывала степень враждебности государств друг к другу с их географическим положением: любой сосед – обычно враг, сосед соседа – друг, а сосед друга – враг.

Пожалуй, применительно к империи Маурьев, активно развивавшей внешние связи с эллинистическими монархиями, можно говорить о первых попытках в истории человечества наладить относительно мирный межкультурный диалог. А.А. Вигасин справедливо отмечал, что ярчайшие проявления индийской эпиграфики «эдикты Ашоки» «были переведены на греческий, дабы ознакомить с ними население северо-западных провинций – потомков тех, кто пришел в Индию с Александром [Македонским, *собств. прим.*]. Благодаря этим источникам мы имеем возможность следить за диалогом древних цивилизаций»¹⁶.

¹⁵ Артхашастра 1959: 26.

¹⁶ Бонгард-Левин (3) 2002: 213.

Начиная с империи Маурьев послы в Древней Индии наделялись довольно высокими полномочиями. «Артхашастра» полагает, что их статус может быть приравнен к статусу высших сановников. От послов ждали не только выполнения дипломатической миссии, но и сбора сведений о слабых и сильных сторонах крепостей, армии, охраны государства («Артхашастра», 12). Также послы должны были иметь свою агентуру, уметь оценивать запасы пропитания, драгоценностей. В качестве необходимых качеств для посла в другом государстве отмечаются постоянная забота о хорошей славе своего государства, прозорливость, пылкий ум, хорошая память, ловкость, красноречивость, храбрость, выносливость, доброжелательность и др. В то же время при необходимости посол должен был быть готов и к применению тайных средств и коварству: помимо регулярного шпионажа речь шла об организации убийств политических противников, похищении людей и драгоценностей, сеянии распрей, скрытой переброске воинов¹⁷.

Представление о дхарме в политическом контексте новаторски преобразилось в период царствования Ашоки (273–232 гг. до н.э.), что наглядно демонстрируют его своды правил, высекавшиеся по всей стране на каменных носителях – «эдикты Ашоки». Основным эпитетом царя в эдиктах стал эпитет «дхармараджа», т.е. «царь дхармы».

Дхарма в данном контексте получала иную смысловую нагрузку, чем ранее: дхарма – это то, что держит мир, а царь, соответственно становился держателем мира и времени. Именно поэтому появление эдиктов проходило в определенной календарной последовательности и в основном соотносилось с началом того или иного сезона или календарного года¹⁸.

В эдиктах видно, как идеал царя трансформируется под влиянием буддизма: проявляя отеческую заботу о своих подданных («все люди – дети мои», Особый наскальный эдикт), царь отныне стремится к обретению подданными блага в этом мире через утверждение высоких нравственных идеалов, включая ахимсу, заключающуюся в запрете на вред и насилие по отношению к любым живым существам. Однако из тех же «эдиктов Ашоки» можно подчерпнуть немало сведений о том, что далеко не все сановники и жители империи готовы были следовать идеалам непричинения вреда и зла.

Многие рассмотренные политические принципы продолжали работать и в более поздние периоды древнеиндийской истории, после распада империи Маурьев на десятки небольших царств.

Помимо рассмотренных монархических традиций в древнеиндийской политической истории существовали государственные образования республиканского типа. Начало их формирования, как и зарождение монархических государств, относится к поздневедийскому периоду.

¹⁷ Барышников 2015: 101-120.

¹⁸ Подробнее см. Вигасин 2002: 188-192.

В ведийский период принятие решений царями-раджами было ограничено специальными племенными и межплеменными сходками (самити). В зависимости от соотношения власти царей и самити, протогосударства либо перерождались в монархические образования (самити при этом постепенно трансформировались в органы судебной власти), либо становились государствами, чья политическая действительность определялась высокой степенью влияния самити. Последние государства постепенно трансформировались в древние республиканские объединения. В древнеиндийских источниках они именуется как «сангхи» и «ганы»¹⁹. Степень развития государственности в республиках магадско-маурийского периода была разной: от существовавших по принципам военной демократии до развитых и сильных республиканских государств, существовавших автономно или на особых условиях включенных в империю Маурьев. Помимо древнеиндийских источников («Артахашастра», «Чиваравасту», «Авадаиа-шатаке» и др.) о существовании сангх и ган упоминали и греческие авторы. Из античных источников наиболее известны сведения, приведенные в труде «Индика» грека Мегасфена. Мегасфен по поручению Селевка I Никатора выполнял дипломатическую миссию при дворе Чандрагупты Маурья в Паталипутре.

В республиканских образованиях, сангхах-ганах, отсутствовал царь, обладающий наследственной и неограниченной властью. Важнейшие решения при этом принимались на специальных сходках по принципу большинства: «то, что принято десятью, может быть отвергнуто двадцатью». Одним из наиболее известных и сильнейших государств-республик магадско-маурийского периода была гана Личчхавов, располагавшаяся в северной части полуострова Индостан.

Важнейшие решения в республиканских образованиях, сангхах-ганах, принимались на специальных собраниях жителей (народных собраниях свободных и полноправных жителей) по принципу большинства. Новый правитель также выбирался после смерти предшественника на специальном собрании. Определяющее значение при выборе имели заслуги кандидата, в первую очередь военные заслуги. Собрание, однако, оставляло за собой право смещать избранного правителя.

В системе руководства республикой правитель представлял исполнительную власть, в то время как законодательная власть концентрировалась в руках народного собрания. Народное собрание являлось высшим органом правления, решения которого должны были безоговорочно принимать все жители. За нарушения принятых решений помимо штрафов и различных наказаний могла последовать смертная казнь. Народное собрание могло назначать отдельных должностных лиц в качестве своих представителей.

Известно, что развитые древнеиндийские республики в зависимости от состава и степени влияния народного собрания подразделялись

¹⁹ Бонгард-Левин (1) 2008: 128-146.

на республики демократического и аристократического типов. В аристократических республиках власть была сосредоточена в руках специальных аристократических советов, состоявших из кшатриев. Основой процветания республик была активная торговля.

Варна кшатриев в республиканских государствах Древней Индии имела особый статус в системе социальной иерархии. Особо привилегированное положение имели кшатрии, носившие титул «раджа», присваивавшийся после особого ритуала купания в священном водоеме. Из кшатриев-раджей появлялись не только правители, но и сановники, занимавшие высшие должности в республике (военачальники, судьи, казначеи и др.). Совет кшатриев также имел особое значение. В демократических республиках этот совет скорее всего выступал следующим звеном в утверждении решений после их рассмотрения на народном собрании. В республиках аристократического типа совет кшатриев был высшим органом принятия решений.

В то время как система управления и распределения политической власти в монархических образованиях была связана с утверждением идеи единоличного правителя, полностью или частично подчиняющегося брахманам, что выразилось в политических идеях брахманизма, буддизма и джайнизма, а также в самостоятельных политических школах, в республиканских государствах вопрос о соотношении влияния брахманов и кшатриев в процессе принятия важнейших управленческих и государственных решений не стоял. Статус кшатриев определенно был выше брахманов, они были обособлены от всего населения, являлись основными собственниками земли, а также ключевыми выгодополучателями от торговли. Брахманы в республиках не претендовали на доминирование в политической сфере и не имели даже право присутствовать на заседаниях совета кшатриев. В остальных позициях варново-кастовая структура древнеиндийских республик была схожа с монархическими государствами.

Республики стали постепенно терять свою автономию в период существования империи Гуптов (319-510 гг. н.э.), пока окончательно не были покорены различными царствами. Однако сам факт наличия соответствующих политических образований является убедительным доказательством того, что традиции ранней индийской государственности некорректно сводить к одной из модификаций восточного деспотизма.

В рамках статьи была продемонстрирована специфика основных религиозно-идеологических трактовок политической власти в Древней Индии, которые носили весьма новаторский характер, в т.ч. принцип данданити, раскрывающий насильственную природу власти. Показано наличие самостоятельной политической традиции, противостоящей брахманской традиции осмысления политической власти, которая сформировалась в рамках концептуальной проработки соотношения

дхармы (следование долгу, праведное выполнение религиозных предписаний и социальных обязанностей) и артхи (практическая польза и материальное благополучие). Таким образом, отмечено наличие нескольких вариантов обоснования политической власти и ее значимости в древнеиндийском обществе. Рассмотрение различных форм реализации политической власти в Древней Индии показало наличие успешно существовавших монархических и республиканских традиций в развитии древнеиндийской государственности, которые значительно обогащают оценку политических практик древнеиндийского социума.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Артхашастра («Наука политики»). М.: Издательство Академии Наук СССР. 1959. 793 с. [Artkhashastra («Nauka politiki»). M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 1959. 793 s.]
- Барышников Д.Н. Международные отношения и дипломатия в традиции древнеиндийской политической мысли // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. №2. С. 101-120. [Baryshnikov D.N. Mezhhdunarodnyye otnosheniya i diplomatiya v traditsii drevneindiyskoy politicheskoy mysli // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskkiye nauki. 2015. №2. S. 101-120.]
- Безносова Я.В. Источники нормативного регулирования общественных отношений в Древней Индии // Евразийский юридический журнал. 2015. №1 (80). С. 125-127. [Beznosova YA.V. Istochniki normativnogo regulirovaniya obshchestvennykh v Drevney Indii // Yevraziyskiy otnosheniya yuridicheskiy zhurnal. 2015. №1 (80). S. 125-127.]
- Бонгард-Левин Г.М. Древняя Индия. История и культура. Сборник статей. М.: Наука. 2008. 467 с. [Bongard-Levin G.M. Drevnyaya Indiya. Istoriya i kul'tura. Sbornik statey. M.: Nauka. 2008. 467 s.]
- Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука». 1980. 333 с. [Bongard-Levin G.M. Drevneindiyskaya tsivilizatsiya. Filosofiya, nauka, religiya. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva «Nauka». 333 s.]
- Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Вигасин А.А. Индия и античный мир. М.: Восточная литература. 2002. 359 с. [Bongard-Levin G.M., Bukharin M.D., Vigin A.A. Indiya i antichnyy mir. M.: Vostochnaya literatura. 2002. 359 s.]
- Вигасин А.А. Время в эдиктах Ашоки / Антропология культуры: сборник статей. Том 1. М.: Институт мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова. 2002. С. 188-192. [Vigin A.A. Vremya v ediktakh Ashoki Antropologiya kul'tury: sbornik statey. Tom 1. M.: Institut mirovoy kul'tury MGU imeni M.V. Lomonosova. 2002. S. 188-192.]
- Литман А.Д. Общественная мысль Индии: проблемы человека и общества. М.: Наука, 1992. 287 с. [Litman A.D. Obshchestvennaya mysl' Indii: problemy cheloveka i obshchestva. M.: Nauka. 1992. 287 s.]
- Самозванцев А.М. Мир текста и мир в тексте: «Артхашастра Каутильи» и индийское государство / Государство на Древнем Востоке: сборник статей. М.: Институт востоковедения, Восточная литература. 2004. С. 351-356. [Samozvantsev A.M. Mir teksta i mir v tekste: «Artkhashastra Kautil'i» i indiyское gosudarstvo / Gosudarstvo na Drevnem Vostoke. M. Institut vostokovedeniya, Vostochnaya literatura. 2004. S. 351-356.]
- Степанянц М.Т. Предпосылки к развитию межкультурной философии (опыт Индии) // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 20-29. [Stepanyants M.T. Predposylki k razvitiyu mezhkul'turnoy filosofii (opyt Indii) // Voprosy filosofii. 2017. № 8. S. 20-29.]
- Altekar A.S. State and Government in Ancient India. Delhi: Motilal Banarsidass, 1958. 403 p.
- Modelski G. Kautilya: Foreign Policy and International System in the Ancient Hindu World // The American Political Science Review. 1964. Vol. 58, №3. Pp. 549-560.
- Wheeler M. The Indus Civilization. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. 204 p.
- Емельянова Наталья Николаевна**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, кафедра сравнительной политологии факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова; nata.emelyanova86@gmail.com

Political Authorities in Ancient India

Religious and Ideological Consideration and Forms of Implementation

The article is devoted to the socio-cultural factors of justification and implementation of political authority in Ancient India. The political aspects of Brahmanism are considered: the idea of the political dominance of Brahmins over Kshatriyas, the idea of the divine nature of royal authority, the idea of the violent nature of authority. The innovative nature of these ideas for the period of their origin and development is noted. Special attention is paid to the issue of the correlation of dharma (following duty) and artha (following practical benefits) in a harmonious society. The solution of this problem is considered by the political thought of Ancient India, including in the political treatise "Arthashastra". In addition, the article reveals the monarchical and republican traditions of Ancient Indian statehood. It is noted that it is not correct to reduce the tradition of early Indian statehood exclusively to one of the modifications of Eastern despotism.

Keywords: Ancient India, political authority, political practices, Brahmanism, dharma, artha

Natalia N. Emelyanova, PhD in Political Sciences, Senior Researcher, Department of Comparative Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; nata.emelyanova86@gmail.com

МАСОНЫ И АНТИМАСОНЫ В БРИТАНСКОЙ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ И США В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. ИДЕЙНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

В статье рассматриваются конфликтные отношения между американскими франкмасонами и их идейными противниками в XVIII – первой половине XIX в. Массонство в изучаемый исторический период стало влиятельной социально-политической силой, что вызывало как справедливые обвинения в адрес секретного братства, так и незаслуженные нападки на тайный союз. Имели место две волны американского антимасонского движения: на рубеже XVIII в. и XIX в. и в 1820–1840-е гг. Первый период антимасонства был во многом связан с событиями Французской революции, потрясшей западный мир. Второй период имел внутриамериканскую историю – «дело Моргана» 1826 г. Показано, что франкмасоны, несмотря на элитарность, уже изначально прочно ассоциировались с прогрессом и либеральными реформами. Они были одними из первых, предлагавшими проекты объединения североамериканских колоний в единый союз или федерацию (Б. Франклин и ранее), принимали активное участие в борьбе за независимость и создании американского государства. Антимасоны выступали как преимущественно консервативная социальная и политическая сила.

Ключевые слова: история масонства в Северной Америке, американские антимасоны, идея масонского заговора, протестное движение, социально-политическая борьба в США в конце XVIII – первой половине XIX в.

В истории североамериканского масонства можно выделить следующие этапы: 1) 1730–1776 гг. – колониальный период; 2) 1776–1865 гг. – становление и развитие независимого национального масонства, сопровождавшееся мощными антимасонскими кампаниями, носившими политический характер; 3) с 1865 г. – эпоха максимального подъема масонского ордена после Гражданской войны, пик его популярности и расцвета в США, продолжавшийся в течение столетия – до 1950–1960-х гг., после чего наблюдался некоторый спад активности масонов и уменьшение численности членов их организаций.

Точные сведения о времени возникновения первых масонских лож на территории будущих США отсутствуют. В неподтвержденных документально легендах утверждалось, что в английских колониях в Северной Америке эти события якобы уже имели место в промежуток времени между 1606 и 1720 гг. Есть смутные сведения о деятельности масонских лож в Филадельфии в 1715 г., но они сомнительны. Достоверно известно только об образовании в 1730 г. первой Провинциальной Великой Ложы североамериканских колоний «Кокс», учрежденной Великой Материнской (первой) Ложей Англии. Юрисдикция этой организации, просуществовавшей до 1732 г., распространялась на среднеатлантические (центральные) английские колонии (Нью-Йорк, Нью-Джерси и Пенсильвания). Первым Великим Мастером в Северной Америке стал полковник Дэниел Кокс (1673–1739). В 1730-е гг. Кокс предложил, вероятно, первый в истории план объединения колоний (затем то же сде-

лал Бенджамин Франклин (1706–1790) в 1751–1754 гг.). В 1730–1731 гг. были учреждены несколько лож в Филадельфии. В 1734 г. Б. Франклин упоминался как Великий Мастер провинции Пенсильвания¹.

В 1737 г. в зарождавшейся североамериканской периодической печати были опубликованы первые разоблачения масонства. Несколько заметок содержались в газете «The New-York Gazette», которая издавалась в 1725–1744 гг. Это было самое раннее антимасонское выступление в английских колониях (в Англии первые атаки в печати на тайное общество состоялись в 1686, 1698 и 1724 гг.)². Публицисты стремились обличить масонов, высмеять и выставить их в карикатурном виде пьяниц и самохвалов. В негативном свете они представляли, например, масонские ритуалы посвящения (символически означавшего смерть с последующим воскресением) и торжественного банкета – «застольной ложи», или «агапы». В одной из заметок сообщалось о том, как «вольные каменщики» периодически собирались в винном погребе. Им там виделись (вероятно, под влиянием алкоголя) дьявол, «огненные духи» и т.п.³ В другой заметке содержалось антимасонское стихотворение:

«Не радуйтесь (своему) великолепию, масоны, берегитесь,
Славы вам не будет Слава и великолепие увянут, как цветы,
Поэтому масоны радуются только один день,
В истинной мудрости и добродетели есть повод для радости
Отдайте им дань уважения громким голосом
Тщеславное хвастовство замолчи, добродетели уступи дорогу,
И опустите свои знамена, масоны, я умоляю»⁴.

Помимо английской Великой Ложи («современных» масонов) новые ложи в колониях учреждали ирландский и шотландский ордена «вольных каменщиков». В подобную шотландскую по происхождению ложу вступил в 1752 г. и будущий первый президент США Джордж Вашингтон (1732–1799). До войны за независимость 1775–1783 гг. были предприняты две попытки объединения американских масонов. В 1733 г. возникла автономная Провинциальная Великая Ложа Новой Англии, относившаяся к английской юрисдикции. В апреле 1733 г. Генри Прайс был назначен «Провинциальным Великим Магистром Новой Англии и принадлежащих ей доминионов и территорий», власть которого в августе 1734 г. была распространена на всю Северную Америку. В 1757 г. возникла первая Великая Ложа на территории современной Канады (в Новой Шотландии). В этот год также появилась Провинциальная Великая Ложа Северной Америки, принадлежавшая Великой Ложе Шотландии. К 1776 г. в 13-ти колониях насчитывалось 100 лож, включавших от 1,5 до 5 тыс. членов (при населении страны 2,5 млн. чел.). В 1779–1780 гг. было предпринято несколько попыток объединения американских масонов под эгидой единой национальной Великой

¹ Gould's History of Freemasonry Throughout the World...: 309-310.

² Кузьмишин 2019: 442-443.

³ The New-York Gazette... February 21: 2.

⁴ The New-York Gazette... February 14: 2-3.

Лож, но они оказались безуспешными. В 1775–1784 гг. возникло афроамериканское масонство («ложы Принса Хола»). Окончательно оно оформилось в независимое направление в 1813–1827 гг. Американская революция конца XVIII в. оказала негативный эффект на развитие секретного ордена, но он имел недолгий характер. Оказались разорванными связи с материнской организацией в Великобритании, а ложы разделились на лоялистов (сторонников англичан) и патриотов. В американской армии возникли военные ложы. Усилилось проникновение в масонскую среду идей деизма и свободомыслия в религии, связанное также с ослаблением влияния официальных церковных учреждений. Во время Американской революции и в короткий период после нее в каждом штате сформировалась своя независимая Великая Ложа, организационно порвавшая с британским масонством⁵.

К 1800 г. в США насчитывалось 11 Великих Лож, которым подчинялись 347 местных лож с 16 тыс. членов⁶. Большое значение для всемирного масонства имело учреждение в США в 1801 г. Старинного и Принятого Шотландского обряда. Новый ритуал состоял из 33 степеней-градусов и быстро распространился во многих странах мира. Первый американский Верховный Совет данной системы возник в Чарльстоне (Южная Каролина)⁷. Масонство развивалось в стране быстрыми темпами. Всего к 1861 г. в США оформились 37 самостоятельных Великих Лож. Численность членов масонских и парамасонских организаций в первой половине XIX в. определить сложно. Можно предположить, что их было не менее ста тысяч человек (при 23 млн. граждан Соединенных Штатов в 1850 г.).

В США утвердилось регулярное масонство, признаваемое Объединенной Великой Ложей Англии и получившее известность как «англо-американский стиль». Эта консервативная традиционная ветвь отличалась от либерального масонства, представленного Великим Востоком Франции. Ее приверженцы в качестве обязательного условия для членства выдвигали веру в Бога (Великого Архитектора Вселенной), не допускали политических дискуссий в ложах и выступали против участия женщин в деятельности тайного ордена. Однако, по мнению некоторых исследователей, большое влияние на политические процессы в ранних Соединенных Штатах оказывало не английское регулярное, а либеральное континентальное масонство. Его олицетворяли Бенджамин Франклин, связанный с французскими ложами, а также разочаровавшиеся шотландские якобиты и радикальные ирландцы, бежавшие в Америку после поражения ирландской революции 1798 года.

Известно, что из 56-ти подписантов Декларации независимости США в 1776 г. не менее 8 чел. были масонами (включая наиболее известного из них – Бенджамина Франклина), и, возможно, еще 24 чел.

⁵ Пятигорский 2009: 209-221.

⁶ Vaughn 1983: 11.

⁷ Нодон 2004: 144-146.

являлись ими. Треть делегатов конвента, подписавших Конституцию Соединенных Штатов в 1787 г. (13 из 39), являлись «вольными каменщиками». По мнению исследователей, шесть из 15-ти первых президентов, а также семь из 14-ти вице-президентов Соединенных Штатов (до Гражданской войны 1861–1865 гг.) безусловно являлись франкмасонами. Среди них – такие выдающиеся политические деятели, как Джордж Вашингтон, Джеймс Мэдисон, Джеймс Монро, Джордж Клинтон, Элбридж Томас Герри, Эндрю Джексон, Джеймс Нокс Полк, Ричард М. Джонсон, Джеймс Бьюкенен, Уильям Р.Д. Кинг, Джордж М. Даллас, Джон К. Брекинридж. В сентябре 1793 г. в ходе торжественной масонской церемонии Вашингтон в одеянии вольного каменщика лично заложил первый камень в основание будущего здания Капитолия. Выдающимися американскими масонскими деятелями той эпохи были Фредерик Дальхо (1770–1836), Томас Смит Уэбб (1771–1819), Джон Барни (1780–1847) и Альберт Галлатин Макей (1807–1881).

Историки отмечали, что американские масоны в изучаемый период являлись одной из наиболее мобильных групп населения. Они часто выступали в качестве лидеров новых политических и религиозных движений, которые были нацелены против устоявшейся в течение длительного времени иерархии и «общественной системы». Братья отличались высоким социальным статусом, значительным уровнем доходов и обладали наибольшим налогооблагаемым имуществом (хотя среди них имелись многочисленные представители среднего класса и бедных слоев, занятых в сельском хозяйстве и промышленности). В некоторых районах Коннектикута почти четверть членов лож занималась торговлей или обладала профессиональной квалификацией (среди немасонов таких было только 1,5%). До 80% масонов были молодыми людьми до 30 лет, отличавшимися высокой политической активностью и поэтому чаще остальных граждан занимавшими выборные должности. В некоторых западных округах штата Нью-Йорк масоны, в основном принадлежавшие к епископальной церкви, составляли около 50% членов местных комитетов обеих ведущих политических партий: джексоновских демократов и национальных республиканцев – будущих виггов⁸. Это обстоятельство позволяло тайному братству, находившемуся в абсолютном меньшинстве по отношению к численности остального населения, контролировать политическую жизнь на локальном уровне.

Окончание войны за независимость временно породило в стране своеобразный духовный вакуум. Следствием его стал всплеск антимасонских настроений. Если ранее единственным серьезным противником для американцев была Англия, то теперь возникла необходимость в поиске новых врагов, новых «плохих парней», якобы представлявших серьезную угрозу для молодой республики. Политический климат в постреволюционной Америке способствовал возникновению нового про-

⁸ Vaughn 1983: 11-12.

тестного движения, направленного против «процветавшего» ордена «вольных каменщиков». Масоны, имевшие высокий финансовый статус, являлись якобы «новой аристократией». Их деятельность противоречила «простым республиканским принципам», на которых основаны политическая жизнь и правительственное управление в США⁹.

Большое значение для разоблачения тайного союза имели опубликованные в Лондоне сочинения «Вскрытое масонство» (1730) Сэмюэля Причарда и «Яхин и Боаз, или Подлинный ключ к двери франкмасонства» (1762)¹⁰. В них раскрывались в подробностях основные масонские символы, знаки, элементы убранства ложи, обряды, ритуалы и церемонии. Последнее произведение было переиздано 34 раза в 1762–1800 гг. В Соединенных Штатах между 1793 г. и 1818 г. вышли в свет 12 изданий этой работы. Но классические теории заговора в Европе, основанные на антимасонских публикациях реакционеров, возникли только во время Великой французской революции конца XVIII в.¹¹ Они содержались в книгах: «Завеса, приподнимаемая для любопытствующих, или тайна революции, раскрытая при помощи франкмасонства» (1791/1792) католического священника Жака-Франсуа Лефранка (Лефрана) (1739–1792), «Доказательства тайного заговора против всех религий и правительств Европы» (1797) шотландского экс-масона, профессора натурфилософии Эдинбургского университета Джона Робисона (1739–1805), «Мемуары по истории якобинизма» (1797–1798) бывшего иезуита аббата Огюстена Баррюэля (1741–1820)¹². Эти работы были изданы не только в Англии, Франции, Германии, но и в Соединенных Штатах.

В 1798–1799 гг. состоялась первая массированная атака на масонство в Новой Англии. В ее политической жизни доминировали федералисты, а в религиозной большим влиянием пользовался клир конгрегационалистской церкви. Осуждение масонского влияния в обществе выразилось в то время в серии статей в местной прессе и в гневных проповедях. В качестве ведущих публицистов-антимасонов выступили сторонники партии федералистов доктор Джедидиа Морзе (1761–1826) из Чарльзтауна (Массачусетс) и преподобный Дэвид Таппан, профессор теологии Гарвардского колледжа. Противники тайного ордена связывали масонство с французской революцией, якобинством, атеизмом, джефферсоновским республиканизмом, тайной европейской радикальной организацией «баварские иллюминаты», а также с «насильственными посягательствами на христианство, государственную власть и частную собственность». Антимасоны предполагали, что масонство было всего лишь «защитной ширмой» для «аморальных практик» и осуждали «жестокие» клятвы, звучавшие во время масонских ритуалов и церемо-

⁹ Greene 1870: 212.

¹⁰ *Masonry Dissected...*; Jachin and Boaz...

¹¹ Рогалла фон Биберштайн 2010: 105-132; Кузьмишин 2019: 330-336, 445-447.

¹² Jacques-François Lefranc 1792; *Proofs of a Conspiracy...*; Abbé Augustin Barruel 1797–1799.

ний посвящения. Известно, что за нарушение клятв и разглашение орденских тайн, согласно ритуалу посвящения, предусматривались страшные средневековые казни, заключающиеся в перерезании горла, вырывании языка, сжигании внутренностей и т.п. По мнению противников тайного общества, подобные клятвы носили «кошунственный, аморальный, богохульный и преступный» характер, были направлены против государственной власти и социальных норм.

Объявляя «крестовый поход» тайному ордену, консервативные протестанты и федералисты уверяли, что масонство, некая «многоголовая гидра», является «мрачным, бесплодным, самовлюбленным, морально разлагающим» институтом. Масонство – это попытка «Антихриста» или «Зверя Апокалипсиса» вернуть некогда потерянную сферу влияния:

«Грехи этих врагов Христа и христиан многочисленны... В них – вся злоба и безбожие Дракона, жестокость и ненасытность Зверя, обман и коварство лжепророка... Ничто не должно быть обойдено вниманием, ни одно из нечестивых чувств или действий против Бога не будет иметь пощады»¹³.

Огромный общественный резонанс получило дело «отступника» капитана Уильяма Моргана (1774/1779–1826?), с большой долей вероятности похищенного и убитого «вольными каменщиками» в сентябре 1826 г. в штате Нью-Йорк¹⁴. Его разоблачающая тайны секретного ордена книга «Иллюстрации масонства»¹⁵ увидела свет в конце года. Эти события способствовали возникновению мощного антимасонского движения, охватившего преимущественно северные штаты. Политическое антимасонство было активным в 1826–1840 гг. Антимасонская партия оформилась организационно в 1827 г. В 1827–1838 гг. были проведены десятки антимасонских собраний, включая конвенты штата и общенациональные партийные конвенты 1830, 1831, 1836 и 1838 гг. В 1829–1841 гг. существовала отдельная антимасонская фракция в Конгрессе, насчитывавшая до 25-27 чел. (10,9% палаты представителей). Большое значение имел национальный конвент антимасонов в 1831 г., на котором впервые в американской истории были выдвинуты кандидаты на выборах на посты президента и вице-президента США. Впоследствии национальные республиканцы, виги и демократы последовали этому примеру, и с тех пор данная практика укоренилась в политической жизни Соединенных Штатов.

По мнению антимасонов, тайные собрания лож преднамеренно носили зловещий характер. Они являлись свидетельством в пользу того, что масоны, проникнув во властные структуры, де-факто превратились в «теневое правительство» Соединенных Штатов. Антимасонские конвенты сосредоточились на поисках «внутренних врагов», выступавшие на них делегаты в своих докладах стремились скрупулезно, с почти

¹³ Fuller 1995: 86.

¹⁴ Greene 1870: 71-98.

¹⁵ Morgan 1827.

академической дотошностью исследовать степени и звания масонов, тайные слова, пароли, жесты и т.п. Известный американский историк Р. Хофстедтер справедливо отмечал, что антимазонство конца 1820-х – 1830-х гг. было не просто продолжением или повторением более раннего протеста против «иллюминатов». Оно являлось «продуктом стихийного энтузиазма» сельских жителей, которые «искренне верили в него» и «придали ему серьезный импульс». Это было «мощное народное движение», направленное против элиты. Тем не менее, оно отличалось иррациональностью, поскольку основывалось на «навязчивых идеях», «одержимости заговорами», продуцировало, «подхватывало и распространяло» конспирологические теории¹⁶.

Волна протеста привела к угрозе полного запрета масонской организации в Америке. В повседневной политической практике антимасоны предпочитали именовать себя «патриотами», «сторонниками равных прав», «демократами» и «республиканцами», указывая на приверженность традиционным ценностям республиканизма. Тайное братство виделось им в образе «чудовища с острыми клыками, кровожадного, беспощадного и ненасытного, добычей которого являются надежды людей»¹⁷. Утверждалось, что масоны якобы угрожали нравственным основам общества и могли уничтожить «дух демократии». Демонизацию масонов следует рассматривать через призму американского евангелизма, протестантского фундаментализма и пуританизма. Для понимания мышления и глубинных пластов психологии антимасонов чрезвычайно интерес имеют документы христианских собраний. В них часто встречались понятия: «тьма», «тайна», «дьявол», «Сатана», «Антихрист» и «свет». Секретные общества рассматривались как агенты «князя тьмы», «дьявольские силы», связывались с «завесой тайны», «тьмой», на которую следовало «пролить свет».

На подобные представления оказала влияние не только эсхатологическая мысль иудео-христианской традиции, но и народные апокалиптические верования. Одержимость американских протестантов идеей Антихриста приводила к желанию осмысливать себя и своих противников в контексте духовной войны, мифического сражения абсолютного добра против абсолютного зла. В результате в умах многих американцев утвердился взгляд на мир в черно-белых тонах. Своя страна представлялась им благословленной Богом, что одновременно предполагало крайне негативные оценки врагов, приписывание им демонических свойств. Масонство рассматривалось как «дело рук Антихриста» и с ним связывались «темные заговоры» и революции в Европе, произошедшие за последние полвека (конец XVIII – первая половина XIX в.). Оно обвинялось в пародировании христианства и его таинств, искажении идей Библии, в высмеивании в своих ритуалах Спасителя, Святой Троицы,

¹⁶ Hofstadter 1967: 14-15.

¹⁷ The Proceedings of the Second United States Anti-Masonic Convention...: 81.

Бога Всемогущего. «Не подвергаются ли ужасной насмешке и не предстают ли в форме жалкого театрального фарса в обрядах и церемониях этого института существенные части священной книги, которая дарует нам обретение жизни вечной?». Это «лицедейство» «более опасно, чем явное и открытое предательство религии Иисуса»¹⁸.

Любопытны резолюции, принятые в разгар антимасонской кампании на митинге христиан разных деноминаций: пресвитериан, баптистов, методистов, епископальцев. По их мнению, повсеместно происходит борьба «царства Христа», опирающегося на «священные» принципы и основы «справедливости, милосердия, доброты, света и истины», с «царством Сатаны», с теми, кто «поддерживает интересы Антихриста среди людей»: «Масонство принадлежит к царству Сатаны, и быть масоном есть великий грех»; «Мы полагаем, что Библия (которая является истинным судьей в решении подобного вопроса) признает масонские клятвы безнравственными и осуждает масонство как царство Сатаны». Протестанты призывали «братьев» порвать с «делами тьмы», оставить «богопротивные клятвы», «вернуться к простоте Евангелия», «выйти на свет»¹⁹.

Одним из ярких лидеров и выдающимся идеологом антимасонского движения в начале 1830-х гг. являлся Джон Куинси Адамс (1767–1848), шестой президент США. Адамс написал целую серию писем против франкмасонов, изданных впоследствии отдельной, значительной по объему, книгой. Он полагал, что после раскрытия преступлений, связанных с именем Моргана, и разглашения масонских клятв и предостережений ими мер наказания, прямым долгом масонского ордена в Соединенных Штатах должен быть «либо самороспуск, либо исключение из устава организации всяких клятв, наказаний, тайн и таких странных к ним приложений, как мистерии и пышные торжества». Конечная цель антимасонской кампании заключается в том, чтобы «требовать запрещения масонства в Соединенных Штатах», и будет существенным достижением, если «мы полностью убедим народ, что эти преступления действительно совершены, и повинны в них масоны»²⁰.

«Вольные каменщики» в публичных выступлениях в печати акцентировали внимание преимущественно на религиозно-философской, морально-этической и духовно-мистической составляющей своей деятельности. Они не стремились активно публиковать апологетические сочинения, но постоянно подчеркивали такие добродетели братьев, как патриотизм, законопослушность, религиозность, стремление помогать ближнему. Мasons избегали полемики по существенным вопросам, руководствуясь принципом «дела важнее слов». Вера в Высшее Существо, стремление к нравственному самосовершенствованию, а также

¹⁸ Political Action (Proceedings of a Convention of Delegates Opposed to Freemasonry)...

¹⁹ The Clerical Appeal...: 43-45, 47.

²⁰ Adams 1851: 6-33. См. также: Jones 1829; Stone 1832; Adams 1833; A collection of letters on freemasonry...

благотворительность, благочестие, добропорядочность, честность и другие высокоморальные качества и добродетели являлись характерными чертами настоящих «вольных каменщиков».

Многие члены тайного союза искренне не понимали причины внезапно проявившейся сильной ненависти к масонской организации, общественной «истерике» (истоки которой в действительности следовало искать в укоренившейся еще с конца XVIII века среди христианских церквей подозрительности в отношении секретных обществ). Полной неожиданностью для них оказались «взрыв истерического негодования», пронесшийся по штатам «ураган» и «возбуждение», в которое пришла «вся страна, от края до края». «Вольные каменщики» увидели в антимасонской кампании проявление предрассудков, необразованности простого народа, невежества и политической враждебности ряда активистов. В ходе нее франкмасонство стало «жертвой жесточайшего и бесосновательного преследования»²¹, когда были временно забыты имена выдающихся «отцов-основателей» США (Вашингтона, Франклина и др.), являвшихся «вольными каменщиками».

Апологеты масонства утверждали, что орден являлся «притягательным» для молодежи, «заслуженных профессионалов», лиц умственного труда, «государственных деятелей и философов»²². В ложах «союза человечества» должен был «царить» «дух братской любви», взаимной поддержки и взаимопомощи. Поэтому «братьям» необходимо было оставить все социальные и национальные различия, прекратить политические и религиозные дискуссии и сосредоточиться на мистических поисках, «великой работе по возведению Храма». В целом такую позицию масонов, стремившихся уклониться от дискуссии или сохранять молчание, которое можно было толковать и как знак согласия, следует признать слабой и даже ошибочной. Она оставляла ощущение крайней противоречивости в деятельности секретного братства и подогревала воображение создателей разнообразных теорий заговора.

В то же время, отдельные видные «вольные каменщики» – руководители и рядовые члены тайного союза выступали в прессе с опровержением «измышлений» и «лжи» в отношении масонства. Как правило, для них были характерны личные нападки на противников ордена, а также обвинения их в фальсификации документов, подтасовке фактов, в «фанатизме» и попытках подорвать американскую демократию. Они напоминали антимасонам, что многие выдающиеся вирджинцы, включая генерала Вашингтона, были членами тайного братства. Масоны уверяли, что участие в работе ложи нисколько не противоречило нравственным качествам человека, патриотизму и религиозным убеждениям, поскольку масонство, по их мнению, было «не более чем социальным благотворительным клубом». Отношения между «братья-

²¹ Пятигорский 2009: 222-223.

²² Free masonry...: vii-ix.

ми» всегда отличались дружелюбием. Для блага страны главное, чтобы при расследовании деятельности секретной организации «восторжествовал принцип верховенства законов»²³.

Главным итогом антимасонской кампании стало резкое снижение численности членов ордена «вольных каменщиков» в Америке с более чем 100 тыс. чел. в середине 1820-х гг. до примерно 40 тыс. чел. через десятилетие. За этот же период численность «вольных каменщиков» в штате Нью-Йорк, крупнейшем центре масонства, сократилось с 20-ти тысяч до 3-х тысяч человек.²⁴ Закрылась или приостановила работу даже часть масонских организаций (включая Великие Ложы) в соседней Канаде. Уже в середине XIX в. начался новый подъем американского масонства, которое быстро восстановило и укрепило утраченные ранее позиции. Несмотря на гонения, в 1830–1844 гг. возникли семь новых Великих Лож штатов, а в 1843 г. и 1847 г. в Балтиморе были проведены национальные масонские конгрессы (съезды)²⁵. В последней трети XIX века имело место оживление антимасонских настроений, оказавшихся тесно связанными с прогибиционизмом (борьбой за «сухой закон») и христианским фундаментализмом.

Существуют различные (часто прямо противоположные) мнения историков в отношении масонов и антимасонов и их роли в истории США. Антимасонство являлось сложным феноменом, в котором отразились борьба бедных против богатых, среднего класса – против финансовой элиты, протестантского фундаментализма – против свободомыслия, политического консерватизма – против либерализма, а также столкновение двух культур – сельской (религиозной и традиционной) и городской (урбанизированной и индустриальной). Безусловно, прогрессивен первый партийный национальный конвент в американской истории, который провели антимасоны. Выступая под демократическими лозунгами, используя радикальную риторику, тем не менее, они объединили в своих рядах не только консервативно настроенных, но и реакционных американских протестантов, проживавших преимущественно в сельской местности. Последние были недовольны процессами модернизации, индустриализации, урбанизации и не воспринимали в целом городскую культуру. Антимасоны протестовали против политики местных и центральных властей, имевших место злоупотреблений с их стороны, давления «коррупцированных», «богатых и влиятельных людей». Религиозно настроенные, малограмотные фермеры с трудом приспособлялись к переменам в обществе и тяжело переживали трансформацию их традиционного уклада жизни. Вскоре нашлась и причина многих личных бед и проблем общества – масоны и тайные общества. Следует понимать, что это была во многом естественная реакция, характерная для части людей, переживавших кризисные и переходные

²³ National Anti-Masonic Convention...

²⁴ Vaughn 1983: 187.

²⁵ Уайт 2003: 189.

периоды. Поиск и разоблачение врагов и виновников возникших трудностей, их преследование виделись в качестве главного метода решения социальных проблем и возможного выхода из состояния стресса и психологического дискомфорта.

Масоны не скрывали, что их орден имел устойчивые связи с элитой и влиятельными людьми в верхах. Но они не считали, что эти обстоятельства могут способствовать возникновению разного рода злоупотреблений. «Вольные каменщики» гордились тем, что в их организацию входили «талантливые и обеспеченные люди», представители высшего слоя и среднего класса. Несмотря на стремление к элитарности, мистицизм, преобладающую ориентацию на консервативные ценности и определенную коррупционную составляющую, масонское движение в Северной Америке носило во многом прогрессивный характер. «Вольные каменщики» объединили в своих рядах в основном людей передовых, либерально мыслящих, нацеленных на реформы, проявлявших значительную активность в социальной, экономической и политической сферах жизни общества. Антимасонский «крестовый поход» 1826–1828 гг. нанес существенный ущерб тайному союзу, но не смог остановить его развитие. Масоны вынуждены были участвовать в полемике со своими противниками, обвиняя последних в религиозном и политическом «фанатизме», называя «врагами» свободы, демократических принципов и прав человека. Постепенно у секретной организации начала складываться традиция не подтверждать, но и не опровергать выдвинутые против нее обвинения.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Кузьмишин Е.Л. Масонство. М.: Ганга, 2019. 560 с. [Kuz'mishin E.L. Masonstvo. M.: Ganga, 2019. 560 s.]
- Нодон П. Масонство. М.: Астрель-АСТ, 2004. 190 с. [Nodon P. Masonstvo. M.: Astrel'-AST, 2004. 190 s.]
- Пятигорский А.М. Кто боится вольных каменщиков? Феномен масонства. М.: НЛЮ, 2009. 448 с. [Piatigorsky A. Who's afraid of Freemasons? The phenomenon of Freemasonry. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 448 s.]
- Рогалла фон Биберштайн Й. Миф о заговоре. Философы, масоны, евреи, либералы и социалисты в роли заговорщиков. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2010. 400 с. [Rogalla von Bieberstein J. Mif o zagovore. Filosofy, masony, evrei, liberaly i socialisty v roli zagovorshchikov. SPb.: Izd-vo im. N.I. Novikova, 2010. 400 s.]
- Уайт А.Э. Новая энциклопедия масонства (великого искусства каменщиков) и родственных таинств: их ритуалов, литературы и истории. СПб.: Лань, 2003. 480 с. [Waite A.E. A New Encyclopaedia of Freemasonry (Ars magna latomorum) and of Cognate Instituted Mysteries: their Rites, Literature and History. SPb.: Lan', 2003. 480 p.]
- Abbé Augustin Barruel. Memoirs Illustrating the History of Jacobinism. In 4 parts. L., 1797-1799 (Barruel A. Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme).
- A collection of letters on freemasonry: In chronological order. John Canfield Spencer, Richard Rush, Henry Tatem. Boston: T.R. Marvin, 1849. 103 p.
- Adams J.Q. Letters and opinions of the Masonic institution. Cincinnati: L. Stratton, 1851. 276 p.
- Adams J.Q. Six Letters from John Quincy Adams to Edward Livingston, on Masonry. Philadelphia: C.T. Jones, 1833. 32 p.
- Free masonry. Its pretensions exposed in faithful extracts of its standard authors; with a review of Town's Speculative masonry: its liability to prevent the doctrines of revealed religion, discovered in the spirit of its doctrines, and in the application of its emblems: its dangerous

- tendency exhibited in extracts from the Abbé Barruel and Professor Robison, and further illustrated in its base service to the Illuminati. N.Y., 1828 (reprint: 2008, 2009). 399 p.
- Fuller R.C. Naming the Antichrist: The History of an American Obsession. N.Y.: Oxford University Press, 1995. 240 p.
- Gould's History of Freemasonry Throughout the World. In 6 volumes. By R.F. Gould, D. Wright, M.M. Johnson, J.E. Allen. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1936. Vol. 5. 547 p.
- Greene S.D. The Broken Seal, or, Personal Reminiscences of the Morgan Abduction and Murder. Boston: H.H. & T.W. Carter, 1870 (reprint: 1872-1880, 1975, 2009). 304 p.
- Hofstadter R. The Paranoid Style in American Politics and Other Essays. N.Y.: Vintage Books, 1967. 314 p.
- Jachin and Boaz; or, An authentic key to the door of free-masonry: calculated not only for the instruction of every new-made mason; but also for the information of all who intend to become brethren ... illustrated with an accurate plan of the drawing on the floor of a lodge, and interspersed with variety of notes and remarks, necessary to explain and render the whole clear to the meanest capacity by Gentleman belonging to the Jerusalem Lodge. L.: Printed for W. Nicoll. 63 p.
- Jacques-François Lefranc. Le voile levé pour les curieux, ou Le secret de la Révolution de France révélé, à l'aide de la Franc-Maçonnerie. P.: Crapart, 1792 (reprint: Whitefish, 2009). 104 p.
- Jones H. Letters on Masonry, Addressed to the Professed Followers of Christ: Now in Connection with the Institution of Freemasonry. Boston: Anti-Masonic Free Press, 1829. 45 p.
- Masonic events in history taken from parallels with history by Alphones Cerza. URL: http://www.themasonictrowel.com/articles/history/other_files/masonic_events_history.htm
- Masonry Dissected: Being a Universal and Genuine Description of All Its Branches, from the Original to this Present Time: as it is Deliver'd in the Constituted Regular Lodges, Both in City and Country, According to the Several Degrees of Admission .. With a New and Exact List of Regular Lodges According to Their Seniority and Constitution. To which is Added, the Author's Vindication of Himself. By S. Prichard. L.: T. Cooper, at the Globe in Pater-Noster-Row., 1737 (reprint: Bloomington, 1977). 32 p.
- Morgan W. Illustrations of Masonry by One of the fraternity, Who has devoted Thirty Years to the Subject. Rochester (N.Y.): Printed for the author, W. Morgan, 1827 (reprint: 1827-2006). 96 p.
- National Anti-Masonic Convention // Niles Weekly Register. 1831, September – 1832, March. Vol. V. 4-th series. P. 83-85.
- Political Action (Proceedings of a Convention of Delegates Opposed to Freemasonry, which met at leRoy, Genesee Co., N.Y., March 6, 1828) // Antimasonry: The Crusade and the Party. American Historical Sources Series / Compiled by L. Ratner. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1969. P. 58-59.
- Proofs of a Conspiracy Against all the Governments of Europe, carried on in the secret meetings of Free Masons, Illuminati, and Reading Societies. Collected from good authorities by John M. Robison, A.M. Professor of Natural Philosophy, and Secretary to the Royal Society of Edinburgh. Edinburgh, L.: Printed for T. Cadell, jun. and W. Davies; and W. Creech, 1798 (reprint: 1798-2005). 547 p.
- On Masonry and Anti-masonry, Addressed to The Hon. John Quincy Adams. N.Y.: O. Halsted, 1832. 566 p.
- The Clerical Appeal (A meeting of different denominations of Christians, held in Lenox, Madison county, N.Y. on the 13th day of October, 1829) // Antimasonry: The Crusade and the Party... P. 43-47.
- The New-York Gazette. 1737. February.
- The Proceedings of the Second United States Anti-Masonic Convention, Held at Baltimore, September, 1831: Journal and Reports, Nomination of Candidates for President and Vice President of the United States, Letters of Acceptance, Resolutions, and the Address to the People. Boston: Type and Stereotype Foundry, 1832. 88 p.
- Vaughn W.P. The Anti-Masonic Party in the United States: 1826-1843. Lexington (Ky.): University Press of Kentucky, 1983. 244 p.

Прилуцкий Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского; vitaliyp@yandex.ru

Freemasons and Anti-Masons in British North America and the United States in the XVIII-th – First Half of the XIX-th Centuries: Ideological Confrontation

The article deals with the conflict relations between American Freemasons and their ideological opponents in the XVIIIth – first half of the XIXth c. Freemasonry in this historical period became an influential socio-political force, which caused both fair accusations against the secret brotherhood and undeserved attacks on the secret alliance. There were two waves of the American Anti-Masonic movement: at the turn of the XVIIIth and XIXth cc., and in the 1820s – 1840s. The first period of Anti-Masonry was largely associated with the events of the Great French Revolution, which shook the Western world. The second period had an internal American history – the «Morgan case» of 1826. It is shown that Freemasons, despite their elitism, were already strongly associated with progress and liberal reforms from the very beginning. They were among the first to propose projects for the unification of the North American colonies into a single union or federation (B. Franklin and earlier), took an active part in the struggle for independence and the creation of the American state. The Anti-Masons acted as a predominantly conservative social and political force.

Key words: *history of Freemasonry in North America, American Anti-Masons, the idea of a Masonic conspiracy, the protest movement, socio-political struggle in the USA in the late XVIIIth – first half of the XIXth c.*

Vitaliy V. Prilutskiy, Dr.Sc. (History), Professor of the Department of General History and International Relations, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky; vitaliypr@yandex.ru

**«ДЕЛО АВСТРИИ – ДЕЛО ГЕРМАНИИ»?
КОНСЕРВАТИВНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ АВСТРИЙСКОГО УЧАСТИЯ
В ГЕРМАНСКОМ ВОПРОСЕ ЭПОХИ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН**

Статья обращается к проблеме «сопричастности» Австрии и Германии в период Наполеоновских войн. Дискуссия об отношениях Вены и остальной Германии по итогам распада «Старого Рейха» шла в доме Габсбургов, армии и бюрократии. Лозунг «Дело Австрии – дело Германии» был призван обосновать связь этих земель образами прошлого и настоящего. Такие идеологи консерватизма, как Ф. фон Генц и Й. фон Хормайр, обратились к исторической памяти, династическому патриотизму, а также критике Французской революции и Наполеона. Их идеи подхватили реформаторы, полководцы и лидеры движений против Наполеона в 1803–1809 гг. После Шенбруннского мира произошло иное осмысление лозунга и австрийского консерватизма в целом.

Ключевые слова: история Австрии, германский вопрос, австрийский консерватизм, Фридрих фон Генц, Йозеф фон Хормайр, Клеменс фон Меттерних

Вопросы национальной самоидентификации и идентитарной политики актуальны в условиях интеграционных процессов. Особым случаем выступают отношения в условиях одного культурного пространства и конкуренции в нем центров силы. Их сотрудничество, подаваемое как «сопричастность», в этом случае остается одной из возможных моделей отношений при кризисе существующего порядка, когда спорные вопросы отходят на второй план по сравнению с общим политическим интересом. Переосмысление исторического опыта отношений одного из полюсов силы с остальными участниками процесса имеет место с целью обоснования новой модели взаимодействия. Память о предшествующих эпохах может сопровождаться «ностальгией» по «общему прошлому» для подкрепления действий против общего противника. Конечной целью становится успех мобилизации и последующей борьбы. Все это в полной мере относится к отношениям Австрии с остальными германскими государствами периода Наполеоновских войн.

Противостояние с революционной Францией конца XVIII в. заглушило на время борьбу за лидерство в Германии между Габсбургами и Гогенцоллернами. Неудачная война за «восстановление законного порядка» во Франции привела к переносу боевых действий на территорию Священной Римской империи. Это, а также проблема французских эмигрантов вскрыли ряд проблем, среди которых кризис идентичности в немецком ареале. К рубежу XVIII–XIX вв. единой самоидентификации, кроме языковой и культурной, не сложилось. Помимо них, присутствовали «земельная», локальная идентичности, подданническая принадлежность по отношению к государству, а также к «Империи»¹. Но осознания себя «нацией» по французскому образцу не произошло. Не состоя-

¹ Данин 2003: 66; Patrouch: 91-98; Lindmayr-Brandl 2017: 38-61.

лось и установление национального суверенитета, т.е. создание государства². Его идеи получили распространение лишь в узком кругу заинтересованных интеллектуалов, не всегда имевших выход к публике³.

Для современной Австрии проблема «взаимности» с Германией остается злободневной.⁴ Отношения двух стран осложнялись не только различиями в историческом опыте, конфессиональном составе автотонного населения и его политической культуре. Несовпадение ожиданий австрийцев от «Аншлюса» и реального положения «Дунайских и альпийских гау» в Третьем Рейхе стало поводом к переосмыслению австрийской идентичности и ее связи с Германией. Итогом стал кризис идентичности, выходом из которого стал тезис «Австрии – первой жертвы нацизма». Восстановление австрийского государства в 1945 г. и отмена оккупационного режима в 1955 г. ускорили отдаление официальной Вены от Германии. Несмотря на это, обе страны активно сотрудничают, полагая друг друга отдельными участниками в одном пространстве в силу отличий в историческом опыте и ментальности. Изменение исторической памяти касалось, среди прочего, осмысления событий начала XIX в., когда дискуссия о сопричастности Австрии и Германии затронула государство и общество в монархии Габсбургов.

События начала XIX в. углубили кризис самоидентификации в немецком ареале Европы. Часть территорий Священной Римской империи была захвачена Францией, а устройство самой империи пошатнулось из-за вопроса о медиатизации. Споры о разделе рыцарских и церковных владений крупными государствами стали признаком распада империи и утраты ее значения для германских монархов. Ситуацию с государствами-епископствами усугубил проект *Ecclesia Germanica* – попытка создания «Немецкой церкви», подотчетной императору на территории «Старого рейха»⁵, что означало продолжение политики Йозефинизма, вызывавшей неприятие Ватикана. Все это подстегнуло банкротство идеологии «Кайзер и Рейх», нанеся серьезный удар по влиянию Габсбургов. Итогом стал поиск альтернатив для легитимации своей политики и статуса⁶. Несмотря на недовольство Римско-католической церкви, процесс завершился в 1803 г.: «Заключительное решение имперской депутации» сделало легитимными все приобретения крупных светских государств⁷. После этого создание Наполеоном Рейнского союза означало лишение императора сколько-нибудь значимого влияния в Германии. Отречение Франца II от имперской короны стало признанием изменений⁸. В усло-

² Baycroft, Hewiston 2006: 171-192.

³ Wedekind „Anrede an seine Mitbürger“, 27.10.1792.

⁴ Scheutz, Strohmeyer 2008: 127-148.

⁵ AT-OeStA. HHStA. Reichsarchive (14.-19. Jahrhundert). Reichskanzlei. Religionsakten 72-1: 1-28; 40-128.

⁶ Vocelka 2001: 134.

⁷ Reichsdeputationshauptschluß vom 25.02.1803.

⁸ Rheinbundsakte vom 12.07.1806; Erklärung Sr. Majestät des Kaisers Franz der II., wodurch er die Deutsche Kaiserkrone und das Reichsregiment niederlegt ..., 6.8.1806.

виях господства наполеоновской Франции в Германии перед всеми германскими государствами стал актуальным вопрос свержения иностранного диктата, а также выстраивания отношений на иной основе.

Еще будучи императором Священной Римской империи, эрцгерцог Австрии Франц II в 1804 г. короновался как австрийский император. Так была завершена централизация владений Габсбургов⁹. Империя оставалась «сложноподчиненным» образованием: уровни автономии и статуса различных владений династии сильно отличались друг от друга. Отношения венского двора и негерманских владений к тому времени находились в непростой ситуации. Неудача реформ Иосифа II, репрессивные кампании 1790-х гг. и начало «национального возрождения» в славянских странах поставили вопрос о пересмотре идентитарной политики и ее направленности. Все это существенно затрагивало жизнь и австрийских немцев, и негерманских народов. Идентификация, связанная с правящим домом и его владениями, оказалась для Габсбургов изначально более приоритетной по сравнению с формальным лидерством в германском мире. В то же время, в своем манифесте об отречении от немецкой короны, Франц II (I) отметил, что «восстановление немецкого государства произойдет, пусть и в иной форме»¹⁰. Так был поднят вопрос сопричастности Австрии и остальной Германии, а именно к вопросу о сопротивлении диктату Наполеона и формальном лидерстве в нем.

Дискуссия о роли Австрии в германском вопросе шла в основном в консервативной среде и при императорском дворе в Вене. Сразу оказались задействованы в процессе члены дома Габсбургов, военачальники и высшая бюрократия. Консервативная идеология стала оформляться в единую систему взглядов усилиями интеллектуала – критика Французской революции и проектов реформ в Пруссии начала XIX в. Фридриха фон Генца. Создание общей исторической памяти для Германии и Австрии на принципе «сопричастности» начал руководитель Династического, придворного и государственного Архива Йозеф фон Хормайр. Дискуссия в ее различных преломлениях шла с 1803 по 1813 гг., оказав значительное влияние на «германскую» политику Австрии. С учетом того, что консервативное осмысление места Австрии в германском вопросе повлияло на самоидентификацию немецкоязычного населения империи, предстает логичным дать ему особую оценку.

Роль Австрии в германском вопросе и ее консервативное осмысление предстают хорошо изученными лишь в отдельных аспектах. Распад Австро-Венгрии и последующие изменения на территориях, бывших в ее составе, привлекали исследователей к осмыслению имперского наследия Габсбургов и его значения для стран-преемников. Работы таких исследователей межвоенного двадцатилетия, как Франц Брандл и Генрих фон Србик, обращались к германской политике Австрии XVIII–XIX вв. Консервативные политики и интеллектуалы, такие как Клеменс

⁹ Wiener Zeitung, 15.08.1804.

¹⁰ Erklärung Sr. Majestät des Kaisers Franz der II... 6.8.1806.

фон Меттерних, Фридрих фон Генц и Йозеф фон Хормайр, в них получили значительное рассмотрение. Исследования, написанные в условиях кризиса австрийской идентичности, поднимали вопрос сопричастности Австрии и Германии в периоды политической нестабильности. После прихода НСДАП к власти в Германии эти работы использовались для объединения обеих исторических традиций в одну, что должно было сделать «Аншлюс» политически легитимным. Тот же фон Србик, будучи после 1938 г. членом партии, активно содействовал этому.

Восстановление суверенной Австрии в 1945 г. стало поворотной точкой в осмыслении консервативного наследия XIX в. Историки Второй республики вслед за основными политическими партиями отошли от отождествления исторического опыта Австрии с германским¹¹. Особый упор стал делаться на самостоятельность государства Бабенбергов, а затем Габсбургов в Священной Римской империи и Германском союзе¹². Новое осмысление коснулось и темы сопричастности с Германией, особенно периода Наполеоновских войн, когда между «сопричастностью» и империей одной династии предпочтение было сделано в пользу последней. В современной историографии хорошо изучена роль отдельных интеллектуалов в оформлении консервативного дискурса эпохи Наполеоновских войн. Например, Г. Кроненбиттер активно исследовал интеллектуальное и политическое наследие Фридриха фон Генца, а также его политическое преломление¹³. В. Ланди, П. Томашек, Б. Гант изучили различные аспекты творчества главного историографа, идеолога Тирольского восстания 1809–1810 гг. Йозефа фон Хормайра¹⁴. Борьбу Австрии за освобождение Германии на примере Тироля в художественной литературе осветили Й. Файхтлингер и К. Хагеманн¹⁵.

Несмотря на сходство австрийского консерватизма и «теории официальной народности» в Российской империи, исследований по проблеме на русском языке опубликовано не так много. Роль консервативной идеологии в дискуссии о германском вопросе остается практически не рассмотренной. Внимание исследователя достаиваются, как правило, историческая память об участниках событий 1789–1815 гг.¹⁶. Рассмотрение консервативного видения германского вопроса в Австрии позволит расширить эту картину. Анализ таких сюжетов, как историческая память и ее преломление во внутренней и внешней политике, позволит дополнить представления о природе политического консерватизма времен его встраивания в политику.

Основными источниками по теме исследования выступают тексты Фридриха фон Генца и Йозефа фон Хормайра. Генц редактировал импе-

¹¹ Mayrhofer-Schmid 1949: 10–20.

¹² Мартынюк 2019: 14–15.

¹³ Kronenbitter 1999: 71–88.

¹⁴ Landi 2008: 390; Gant 2003: 293; Tomášek 2017: 78–86.

¹⁵ Feichtlinger 1984; Hagemann 2006: 41–62.

¹⁶ Чудинов 2020; Даценко 2018: 494–503.

раторские «Австрийские манифесты» 1809 и 1813 гг., а также подготовил воззвание «К немецким князьям и немцам». С 1811 г. он выступал редактором официозной газеты «Австрийский обозреватель» (*Österreichischer Beobachter*), бывшей рупором консервативного крыла. Свои взгляды на германскую проблему и роль в ней Австрии Генц также изложил в корпусе переписки с императором и канцлером Меттернихом, опубликованном после его смерти под редакцией Г. Клиноквстрёма¹⁷. Все это отражает то, что идеи секретаря Меттерниха быстро становились доступными и высшей имперской бюрократии, и лично императору. Франц I и его канцлер были самыми активными реципиентами идей Генца вплоть до конца 1820-х гг., когда мыслитель прекратил участвовать в политике Австрии. По инерции его тезисы оказывали влияние на политическую ситуацию в империи до революции 1848–1849 гг. В то же время, начиная с 1835 г. когда умер император Франц I, конкуренция с идеями национальных движений давалась им с большим трудом.

В одном ряду с ними находится воззвание главнокомандующего императорской армией эрцгерцога Карла от 4 апреля 1809 г. Член дома Габсбургов был автором лозунга «дело Австрии – дело Германии»¹⁸. Он трактовался как совместная борьба с Наполеоном и его диктатом усилиями всего германского мира, но под эгидой Австрии. Во многом обусловленный «ностальгией по Старому Рейху», лозунг имел немало сторонников при дворе, и на его продвижение в периодике выделялись значительные ресурсы. Как официозные, так и частные газеты в 1809 г. активно тиражировали воззвание, сделав его де-факто массовым манифестом для немецкоязычного ареала Европы. Таким образом, императорский двор и реформаторский кабинет Филиппа фон Штадиона апеллировали не только к подданным Габсбургов, но и ко всему немецкоязычному ареалу. Манифест стал альтернативой программам Штейна и Гарденберга в Пруссии, и, несмотря на ориентацию Штадиона и его окружения, находится под отпечатком консервативных идей.

Лозунг «Во имя Господа, Кайзера и Отечества»¹⁹, ставший девизом войны 1809 г. против Франции, не касался напрямую остальной Германии, но с учетом позиции руководства империи и интеллектуалов-консерваторов стал частью повестки в Вене до Шенбруннского мирного договора. Углубило ее воззвание Франца I «К моим любимым тирольцам», подготовленное в ответ на «Письмо четырех сословий». Он не касался сопричастности с Германией, но был протестом против наполеоновского диктата в ней. Документы стали свидетельством обратной связи от населения отторгнутой провинции в консервативном ключе. Апелляция к «Старой империи» имела место в обоих случаях, с подкреплением ее образами «святой земли» и «неразрывной части владений Габсбургов»²⁰.

¹⁷ Aus der alten Registratur... 1870.

¹⁸ Данн 2003: 66.

¹⁹ Für Gott, Kaiser und Vaterland.

²⁰ Normayr 1803; 1806.

То есть консервативная повестка, близкая по содержанию к взглядам Генца и Хормайра, находила поддержку в отторгнутых землях и повлияла на самоидентификацию местного населения. Это признавало французское военное командование, констатируя неэффективность вооруженной борьбы с тирольскими повстанцами на начальном этапе²¹.

Сочинения, посвященные истории монархии Габсбургов и ее отношениям с Германией, представил вниманию публики Йозеф фон Хормайр. Директор Династического, придворного и государственного архива до 1813 г. был одним из самых активных апологетов соучастия Австрии в делах Германии и ее освобождения от Наполеона. Вплоть до своего ареста по «делу Альпенбунда» Хормайр был де-факто главным историографом империи, который сначала на тирольском, а потом на общеимперском материале вырабатывал историческую память для всех общностей под властью Габсбургов²². Взгляды Хормайра на участие Австрии в германском вопросе отражены в сочинении «Австрия и Германия», сданном в печать незадолго до его ареста. Взаимосвязи двух стран он рассмотрел и в многотомном «Австрийском Плутархе». Спорадически этот вопрос отразился в сочинениях по истории Тироля, где отношения местных и имперских властей представляли частью контекста.

Дополняют их материалы официальной и либеральной прессы, которые печатались в Вене на немецком языке. Официозные издания *Wiener Zeitung* и *Österreichischer Beobachter* были тесно связаны с императорским двором и высшим руководством империи, а также финансировались напрямую от государства. В данных изданиях публиковались не только очерки, но и официальные документы, к которым апеллировала монархия, что было свидетельством изменения политической культуры в империи Габсбургов. Третьей главной газетой стал «Отечественный бюллетень Австрийской империи»²³, это частное издание черпало средства за счет подписки и продажи экземпляров. Помимо поддержки «германского» курса, газета обращалась к проблемам повседневной жизни в разных уголках империи, работая на общеимперскую идентичность²⁴.

Йозеф фон Хормайр публиковал свои очерки о событиях прошлого монархии Габсбургов в «Отечественном бюллетене», а также публиковал документы из архивов, посвященные военной истории. Именно его усилиями установится культ принца Евгения Савойского, взятый на вооружение эрцгерцогом Карлом. Образ «спасителя Германии от Османов» культивировался особенно активно. Перемены в статусе прессы отразили начавшиеся изменения в господствующей идеологии и ее продвижении для подданных императора. Новые издания помогли восстановить разнообразие венской периодики после репрессивных кампаний 1790-х гг. Все тексты дополняли друг друга, так как интересанты –

²¹ Brief des Intendant Salzburgs Angles, 9.06.1809

²² Kaiserlich Österreichisches Leopoldordensdiplom..., 11.03.1809: S. 7-8.

²³ Vaterländische Blätter für Österreichischen Kaiserstaat

²⁴ См. подробнее: Болдырев, Рагозин 2018.

Генц и Хормайр – были сильно связаны с императорским домом и редактировали соответствующие издания.

Принято считать, что австрийский консерватизм и его программа сложились благодаря деятельности Фридриха фон Генца и его тесным связям с канцлером Клеменсом фон Меттернихом. Следует отметить, что Генц приступил к выработке новой идеологии еще до переезда в Вену в 1803 г., переведя на немецкий язык «Размышления о Французской революции» Эдмунда Бёрка. Он проявит себя как консерватор, будучи редактором «Австрийского манифеста» 1809 г. Данный текст под редакцией интеллектуала-консерватора выразил понимание отношений монархии и общества в Австрии. «Семья народов» под властью «отца-императора» уже представляла альтернативой и «Старому Рейху», и «национальному государству» с конституционной формой правления, как ее предлагали реформаторы в Пруссии. Генц не ставил вопроса об объединении Германии, в отличие от прусских реформаторов, т.е. его устраивал статус-кво, но при условии изгнания французов²⁵.

Позиция членов императорского двора по отношению к «сопричастности» Австрии и Германии претерпела значительную эволюцию за время Наполеоновских войн. Утрата и без того незначительной власти над «Старым рейхом» Габсбургами с 1792 г., и медиатизация в 1803 г. поставили вопрос о новом характере связи между Габсбургами и Германией. Создание Рейнского союза в 1805 г. означало устранение Франца II от формальной власти над германскими государствами, а попытки реформы имперской конституции уже более не принимались. Тем не менее, в своем манифесте об отречении император заявил о «восстановлении германского государства в новой форме в обозримом будущем», тем самым полагая восстановление единства германского мира под эгидой Габсбургов. Лозунг «дело Австрии – дело Германии» как политическую программу предложил генералиссимус эрцгерцог Карл, который будет сторонником реванша против Наполеона под лозунгами немецкого национального единства. Схожие позиции выражал эрцгерцог Йоганн. Оба члена императорской фамилии принимали активное участие в войне 1809 г. как командующие войсками. Оба при этом активно взаимодействовали с крестьянами-повстанцами в Тироле под руководством Андреаса Хофера²⁶.

Самым обширным по объему рассуждением о сопричастности Австрии к освобождению Германии в годы Наполеоновских войн была «Австрия и Германия» Йозефа фон Хормайра²⁷. Директор Династического, придворного и государственного архива, а также идеолог Тирольского восстания подготовил труд, в котором лидерство Австрии

²⁵ Österreichisches Manifest, 1809; Österreichisches Manifest, 1813.

²⁶ Franz I an Erzherzog Karl. 13. 5. 1809. Цит. по: Das Heer von Innerösterreich... 1817: 163-164.

²⁷ Норманг 1814. Более подробно о роли Хормайра в Тирольском восстании 1809-1810 гг. см. также Рагозин 2020: 121-136.

в освобождении Германии представало логичным и естественным именно благодаря историческому опыту. Сочинение было подготовлено и вышло из печати в 1813 г., когда война с территории России перешла на территории Пруссии и остальной Германии. Поэтому рассуждения Хормайра о Бородинской битве и народах – участниках борьбы с Наполеоном предстали логичным осознанием «общего дела» не только Германии, но и остальной Европы. «Австрийцы» при этом заявлены отдельно – как от немцев, так и от остальных негерманских народов империи²⁸. В своих рассуждениях об истории Хормайр называет ее «кладезью опыта и помощницей в делах прошлого и будущего», тем самым продвигая консервативное восприятие вектора развития государства. Память о предшествующем сопротивлении противнику, о силах, которые содействовали развитию государства и общества, по мнению историографа, была тем, что консолидировало империю Габсбургов.

Не отменяя «общности», Хормайр таким образом выделял немецкоязычных подданных Габсбургов из остального германского мира как его «лидеров», «более других проливших крови» за свободу Европы и Германии²⁹. По мнению историографа, именно готовности к этому недоставало остальным немцам. Т.е. образ лидера, готового принести себя в жертву общему делу, разительно отличал Австрию от остальных германских государств. «Индивидуалисты», как их назвал Хормайр, считались обреченными на поражение. Образ «естественного лидера» германского мира подкреплялся примерами из средневековой и новой истории: фигуры Рудольфа I Габсбурга, Карла V и Фердинанда I усиливали восприятие Австрии как первого государства Германии, а Габсбургов – как легитимных глав Империи. Германия и Австрия в понимании Хормайра различались «по душевному состоянию»³⁰.

Несмотря на различия между германскими государствами, Хормайр подчеркивал такую общую черту германских государств и Австрии, как постоянную борьбу за свободу. Ариовист, Арминий и союз маркоманнов предстали защитниками германцев от римского господства³¹. Саксы эпохи Карла Великого и род Вельфов стали воплощениями «германской свободы»: возможности политического выбора при гарантии от произвола центральной власти. Появление на этом фоне Рудольфа I представало логичным, как и начало создания Габсбургами своей, «малой империи» на тот момент³².

«Рудольфиада», как ее обозначил Хормайр, была одной из самых важных страниц исторической памяти для Германии и Австрии. Герцог и король становился «образцовым» для всех последующих правителей, как рыцарь и как политик. Борьба с «тираном» Пржемыслом II Оттока-

²⁸ Hormayr 1814: 7/

²⁹ Ibid.: 9

³⁰ Ibid.: 17.

³¹ Ibid.: 11-12.

³² Ibid.: 12.

ром стала, по мнению историографа, прообразом для Ландвера начала XIX в.³³ Продолжением тенденции, начатой при Рудольфе, стало наследное единство Австрии после Альбрехта I. Факторами успеха в последующее время стали брачная дипломатия, универсализм монархии и культурный рост. Одним из главных столпов стала католическая церковь, которая помогала стране стать лидером германского мира³⁴. Ярким примером этого Хормайр приводит правление Альбрехта II, назвав его «прекрасным союзом Австрии и Германии».

«Единство и власть над самим собой» станут главными отличительными чертами Австрии от Германии при Фридрихе III, дополнившись девизом «Австрия превыше всего, если того хочет»³⁵. «Порядок времени Рудольфа I» начинает уступать место идее объединения государств Центральной и Восточной Европы против Османов. Появление аббревиатуры АЕЮУ³⁶ стало и продолжением старой традиции Габсбургов, и началом новой: эрцгерцогство начинает строить свою империю, не связанную с Германией политически³⁷. С точки зрения Хормайра, империя Карла V была водоразделом для соучастия Австрии в германских делах: отражение османской угрозы сделало возможным «кровавое разделение Германии» по итогам Реформации и конфессиональных войн. Лютер и его сторонники из числа князей превратили идею политического объединения Германии в «Сизифов камень», как его обозначил Хормайр³⁸. Обратной стороной стала универсалистская империя Габсбургов, ставшая, по мнению историков, примером для остальной Европы, когда удалось избежать судьбы Италии, ставшей объектом «чужеродного интереса». Спасение Вены в 1683 г. от турок предстает успешным по итогу общего усилия: «Подобно Карлу Великому, Германия, Австрия и Польша доказали, что объединение Центральной и Восточной Европы против Османов дает результаты»³⁹. Подкрепил историограф этот сюжет образом «ножа в спину» со стороны Франции.

События XVI–XVII вв. в плане отношений Австрии и других германских государств Хормайр обозначил как «попадание в беду по своей вине»: Реформация, крестьянская война под лидерством Томаса Мюнцера, конфессиональные войны Шмалькальденского союза и Тридцатилетняя война привели к «отсутствию тела государства»⁴⁰. Все это контрастировало с тем, что «без немцев ничего не решается в Европе», а немецкий «герой на поле брани оставался ценным». Начало Тридцатилетней войны предстало «преступным», так как «турки стояли у Дравы»⁴¹.

³³ Ibid.: 34-38.

³⁴ Ibid.: 49.

³⁵ Hormayr 1814: 61-63.

³⁶ Austria Est Imperator Orbi Universo. Хотя имеется ряд альтернативных расшифровок.

³⁷ Ibid.: 50-57.

³⁸ Ibid.: 68-73.

³⁹ Ibid.: 88-89.

⁴⁰ Ibid.: 12.

⁴¹ Hormayr 1814: 79.

Тем не менее, историк полагал это время концом универсалистской монархии для «Старого рейха», выходом для Австрии была только своя империя. Исходя из этого, первыми он осудил венгерскую аристократию и ее непоследовательность. Конец XVII в., в понимании Хормайра, дал «вторую силу» для Германии, которая тоже подверглась критике. Бранденбург-Пруссия, по мнению историографа, доказала возможность сражаться до последнего, и посему также привлекла к себе внимание⁴².

Главным памятным месяцем для Германии и Австрии, по мнению Хормайра, должен был стать октябрь. Историограф связывал с ним поражение османов под Веной, заключение Вестфальского мира, поражения под Ульмом и Йеной, а также Шёнбруннский мир. Хормайр полагал эти события как напоминание немцам и австрийцам о необходимости совместных действий против врагов в Европе. Именно этот месяц, по его мнению, должен был стать еще и временем победы над Наполеоном. Развивая свою мысль, Хормайр обратился к примерам таких полководцев, как Тилли в годы Тридцатилетней войны, «сделавшего Фридриха Пфальцского королем одной зимы в Чехии». Руководить освобождением, в понимании историографа, должны были Габсбурги как «врачеватели империи» в средние века, положившие конец бескоролью и «расчленению Родины». Австрийское государство глазами Хормайра было ориентиром для всей Германии в процессе централизации, в освобождении от иноземного господства, культурном развитии.

Спад Германии и Австрии XVIII в. Хормайр связывал с действиями морских держав и ростом Российской империи. Слом баланса сил и появление «чуждого Германии самодержца» в Пруссии станет началом конца Священной Римской империи и уничтожит единство германского мира в XIX в.⁴³ Монархи-реформаторы на австрийском троне, Мария Терезия и Иосиф II, станут образцами добродетели, справедливости и силы. Иосиф станет, подобно российским правителям, «самодержцем народов», т.е. монархом, который объединял усилия неродственных общностей на общее дело⁴⁴. Сходство России и монархии Габсбургов будет активно использоваться Хормайром в консервативном ключе, так как он считал устойчивость правящей династии важнейшим фактором развития государства. В то же время, историограф отметил роль «спартанской» Пруссии в начале освобождения Германии⁴⁵.

Хормайр полагал необходимым дать целостную, идущую в ногу со временем консервативную парадигму. Она должна была содействовать сохранению Австрийской империи и лидерству Австрии в Германии. Вместе с Романовыми, Габсбурги и Гогенцоллерны представляли «спасителями Европы», подобно «братьям Горациям»⁴⁶. Т.е. консерва-

⁴² Ibid.: 95.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibid.: 109.

⁴⁵ Ibid.: 110.

⁴⁶ Ibid.: 111-112.

тивное прочтение участия Австрии в Германских делах оставалось на династическом подходе. Несмотря на то, что империя Габсбургов находилась «на кровавом поле боя, и была не раз на грани поражения», Хормайр представлял ее как «никогда не побежденную до конца». На этом он и строил обоснование лидерства Габсбургов в Германии, называя Австрию его «краеугольным камнем»⁴⁷.

Роль Австрии – «страны на перекрестке наций, центра культуры», оставшейся таковой даже во время войны, отразилась в фольклоре, литературе и искусстве. По мнению Хормайра, это сыграло свою роль: австриец осознавал, что ему «было что защищать при Хоэнлиндене, Ульме и Ваграме»: борьба за «старый порядок, свободу, равновесие и самосохранение» в 1809 г., которую историограф назвал «беспримерной», и давшей право на лидерство в Германии снова. Героем победы над Наполеоном в Германии Хормайр назвал Шварценберга, проецируя на него роль Валленштейна в борьбе против шведов во время Тридцатилетней войны. Предшественник Шварценберга, отставной генералиссимус эрцгерцог Карл, тоже удостоился места в нарративе Хормайра. Титул «дважды спасителя Германии» после Кампо-Формийского мира стал признанием заслуг члена правящего дома⁴⁸.

Хормайр поддержал идею объединения Германии после победы над Наполеоном. Историк подчеркнул главенство в этом процессе Габсбургов лозунгом «голос Австрии – голос народа»⁴⁹. Сопrotивление тирольцев и участие в нем остальной Австрии для Хормайра было доказательством «народного характера» войны с Наполеоном за освобождение Германии. Страна шла «на жертвы в нынешнее время, осознавая свое прошлое», т.е. защищала и себя, и остальные германские государства, «восстанавливая человеческую природу и «естественное устройство» мира». Таким образом, 1813-й год стал, в понимании Хормайра, «восстановлением австрийской нации» против иностранного ига и восстановлением «немецкой свободы»⁵⁰.

За год до сдачи в печать «Австрии и Германии» Хормайр опубликовал последние тома «Австрийского Плутарха», корпуса нарративов исторической памяти, касающейся всей империи Габсбургов. В то же время, это сочинения не обошло вниманием германо-австрийские отношения. Роль Австрии для Германии представляла одной из самых значимых. Особое внимание было уделено австрийским герцогам и эрцгерцогам – участникам разрешения кризисов в Империи. Маркграфы, а затем герцоги из рода Бабенбергов представляли наиболее лояльными вассалами императора и хранителями пограничья. Их эпоху Хормайр назвал «временем становления Австрийской свободы»⁵¹. Ставший ко-

⁴⁷ Ibid.: 116.

⁴⁸ Ibid.: 120-132.

⁴⁹ Ibid.: 154.

⁵⁰ Ibid.: 183.

⁵¹ Мартынюк 2019: 26; Normant 1812. Bd. 19: 126.

ролем герцог Рудольф I Габсбург представал «врачевателем империи» после эпохи «бескорольевья», связанной с падением Гогенштауфенов. Невключение Рудольфа IV в коллегия Курфюрстов Карлом IV в 1356 г. дало герцогу, по мнению Хормайра, действовать по своему усмотрению. Централизация земель вокруг Австрии представляла логичным процессом и «примером для Германии»⁵².

Де-факто наследственная передача короны Священной Римской империи в роду Габсбургов после Фридриха III виделась предпосылкой к концентрации власти в руках одного монарха и борьбой с партикуляризмом. Дополнял эту картину нарратив о борьбе с турецкой угрозой, что делало легитимными притязания на объединение Центральной Европы. «Архитектор Германии», как его обозначил Хормайр, стал адекватной фигурой для коммеморации в условиях борьбы с внешним противником⁵³. Реформация, с точки зрения историографа, напротив, преврала централизаторскую тенденцию. Проводники лютеранства удостоились критики в первую очередь за это. Кризис Священной Римской империи в XVIII – начале XIX в. и политика королевства Пруссия представляли взаимосвязанными, и начало дезинтеграции империи прямо ставилось в вину Гогенцоллернам⁵⁴. Отказ Франца II от имперского трона виделся логичным, но ему не придавалось особого значения. Считалось, что Империя продолжила существовать в ином ключе.

Манифест императора Франца II и прокламация «К немецким князьям и немцам» под редакцией Фридриха фон Генца в 1813 г. стали переходным звеном от «сопричастности» к консервативному восприятию власти в Германии и Австрии. Монарх теперь являлся не просто «отцом» для подданных, но и гарантией существования государства и права. Генц назвал германских князей и австрийского императора «лучшими представителями народа»⁵⁵. Иными словами, аристократизм и солидарность консервативных сил выдвинулись вперед по сравнению с идеями национального движения и «сопричастностью» Австрии и Германии. Главный ее апологет, Йозеф фон Хормайр, на тот момент находился в заключении по «делу Альпенбунда» в венгерском Мункаче, и был исключен из дискуссии. Поэтому идеи Генца получили гораздо большую аудиторию.

После разгрома Австрии в 1809 г., подавления Тирольского восстания и отставок реформаторов произошло постепенное свертывание дискуссии о сопричастности с Германией. Курс Клеменса фон Меттерниха был более ориентирован на сохранение целостности империи Габсбургов. Германский вопрос был интересен лишь с точки зрения восстановления формального лидерства Австрии в немецкоязычном ареале. Поэтому смещение в пользу консервативного курса в прессе

⁵² Hormayr 1807. Bd. 3: 31-34.

⁵³ Hormayr 1807. Bd. 5: 85.

⁵⁴ Hormayr 1814: 68-73

⁵⁵ Gentz 1814: 3-12; Manifest des Kaisers..., 1813

началось раньше, чем в среде идеологов. Главный рупор консервативной среды, «Австрийский обозреватель», получил существенную поддержку от Фридриха фон Генца и императорского двора⁵⁶.

Осмысление сопричастности Австрии и Германии в эпоху Наполеоновских войн вызвало острую дискуссию в консервативных кругах. Несмотря на близость в отдельных взглядах, австрийский консерватизм не выразил единой позиции об участии империи Габсбургов в освобождении немецких земель от диктата Наполеона. Общими для Генца, Хормайра и членов императорской фамилии были призывы к изгнанию французов с территории бывшего «Старого рейха» и лидерство в этом процессе Австрии. Лозунги династического патриотизма здесь выполняли усиливающую функцию, и выступали аргументом в пользу курса, который вела Вена против Наполеона. Упор на связи с Германией делался в плоскости исторической памяти и роли Австрии в разрешении проблем «Старой империи». Так, конец «бескорольевья» после свержения Гогенштауфенов изображался исключительно заслугой Габсбургов. «Рудольфиада» усилиями Хормайра стала частью исторического мифа Габсбургов уже в это время. После 1813 г. она станет одним из главных сюжетов под пристальным вниманием императора Франца I.

Реформацию, конфессиональный раскол Германии и отсутствие централизации австрийские консерваторы также единодушно осудили. Критика оппонента Габсбургов, прусских Гогенцоллернов, была обычным делом, хотя во время войн с Наполеоном не столь важной, как ранее. «Чуждый Германии самодержец», т.е. любой король Пруссии становится архетипом германского князя – виновника раскола империи. Этот образ проецировался и на других германских правителей, бывших оппозицией Габсбургам. Ностальгия по «Старой империи» в первую очередь была связана с «немецкой свободой», которая позволила Габсбургам создать свою империю усилиями всех князей – «лучших представителей народа». При этом свою империю мыслители-консерваторы часто сравнивали с Россией, говоря о «самодержцах народов», т.е. о добровольном объединении разнородных этносов под знаменем лояльности династии и общего дела.

Австрия глазами членов императорского дома и мыслителей-консерваторов представляла «естественным» лидером германского мира. Инициатива по борьбе со всеми вторжениями в Империю приписывалась австрийским правящим домам Бабенбергов и Габсбургов. Так оправдывался и особый статус австрийского государства и присоединение к нему новых земель, а также формальное лидерство Габсбургов в Священной Римской империи. Лозунг «Дело Австрии – дело Германии», под которым началась война 1809 г. с Наполеоном, как раз делал акцент на создании образа «сопричастности» Австрии и Габсбургов к освобождению Германии от Наполеона. Поражение в войне и уход ре-

⁵⁶ Gentz an Metternich, 14.11.1810; Gentz an Metternich, 20.10.1813; Gentz an Metternich, 15.02.1814: 49-75.

форматоров с ключевых постов сделали реализацию этой политики невозможной. Итогом станет концентрация внимания монархии и высшей бюрократии на собственно владениях Габсбургов и создании образа «семьи народов», причем для последнего интеллектуалы-консерваторы провели сопоставимую работу, в т.ч. в плоскости исторической памяти и политической мобилизации. Позднее это станет частью идентитарного кризиса в империи по мере ослабления консервативной парадигмы в 1835–1848 гг. и роста национальных движений.

По мере успехов в войне с Наполеоном в 1813–1814 гг. необходимость в идее «сопричастности» Австрии и Германии отпадала. На это работала и позиция руководства империи в лице Франца I и Клеменса фон Меттерниха, и приближение к ним интеллектуала-консерватора Фридриха фон Генца. Устранение из дискуссии автора нарративов исторической памяти Йозефа фон Хормайра также удалило идею «сопричастности» Австрии и Германии на второй план. Контроль над прессой и прямая финансовая поддержка со стороны государства консервативным изданиям сделали их едва ли не единственными средствами формирования политического сознания в империи Габсбургов. Содействовала этому популярность романтизма в общественной жизни, которая в условиях «усталости от войны» идеализировала патерналистские отношения между монархом и обществом. Такое прочтение ряда сюжетов за авторством Йозефа фон Хормайра сделало возможным усиление присутствия государства в общественной жизни империи.

Таким образом, консервативное осмысление «сопричастности» Австрии и Германии в ходе Наполеоновских войн прошло значительную эволюцию. Изначально играя на «ностальгии об империи», самоидентификации «от противного» и династическом и имперском патриотизме интеллектуалы-консерваторы активно цементировали «сопричастность» Австрии и Германии. Историческая память, апелляция к «немецкой свободе» и ее поддержке Габсбургами и лозунг «Дело Австрии – дело Германии» прямо демонстрировали общее, по мнению их создателей, чаяние основной массы немцев в Европе.

В то же время слабым местом этой программы было отсутствие стратегии дальнейших действий, что после поражения в 1809 г. стало одной из предпосылок к смещению акцента в Вене на империю Габсбургов, а не на Германию. Господство консервативного подхода к политической организации империи после этого обеспечивалось поддержкой со стороны монархии, высшего политического руководства и католической церкви, заинтересованных в статус-кво.

Тем не менее, наследие интеллектуалов-консерваторов заложило основы для исторической памяти немцев в Австрии и Германии, а также для негерманских народов. Оно отразилось в политической культуре империи Габсбургов, создав восприятие династического патриотизма как единственно возможную опцию для консолидации полиэтнич-

ной империи. Обратной стороной стал кризис консерватизма после смерти Франца I, когда при отсутствии обновления доктрины и кризисе монархии идеология могла конкурировать с национальными движениями, в т.ч. с немецким, лишь при помощи репрессивных методов.

Источники

- AT-OeStA. HHStA. Reichsarchive (14.-19. Jahrhundert). Reichskanzlei. Religionsakten 72-1. Aus der alten Registratur der Staatskanzlei. Briefe politischen Inhalts von und an Friedrich von Gentz / Hrsg. von C. von Klinkowström. Wien, 1870.
- Erklärung Sr. Majestät des Kaisers Franz der II., wodurch er die Deutsche Kaiserkrone und das Reichsregiment niederlegt, die Kurfürsten, Fürsten und übrige Stände, wie auch alle Angehörige und Dienerschaft des Deutschen Reiches, ihrer bisherigen Pflichten entbindet, 6.8.1806. URL: <http://www.documentarchiv.de/nzjh/1806/franz-II-niederlegung-kaiserkrone.html>
- Franz I an Erzherzog Karl. 13. 5. 1809. Цит. по: Das Heer von Innerösterreich unter den Befehlen des Erzherzogs Johann im Kriege von 1809 in Italien, Tyrol und Ungarn. Leipzig – Altenburg, 1817. S. 163-164.
- Hormayr J. von. Österreich und Deutschland. Gotha: In der Beckerschen Buchhandlung, 1814. 184 S.
- Hormayr J. von. Österreichischer Plutarch. Wien: Doll, 1807-1812. In 20 Bde.
- Hormayr, J. von. Geschichte der gefürsteten Grafschaft Tirol. Tübingen: Cotta, 1806. In 2 Bde.
- Hormayr, J. von. Kritisch-diplomatische Beyträge zur Geschichte Tirols im Mittelalter. Wien: Gassler, 1803. In 2 Bde.
- Kaiserlich Österreichisches Leopoldordensdiplom für den Freiherrn von Hormayr, 11.03.1809. Цит. по: Sammlung offizieller Erlasse an J. von Hormayr von 1809–1811, dessen politische Wirk-samkeit in Tyrol betreffend. Wien, [Als Manuskript für Freunde gedrückt]. S. 7-8.
- Gentz F. von. An die Deutschen Fürsten und an die Deutschen. Leipzig: Rein, 1814. 22 S.
- Gentz F. von (Hg.). Österreichisches Manifest, 1809. Цит. по: Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal. Mannheim: Hoff, 1838. Bd. 2 und 3. S. 336-366.
- Gentz F. von (Hg.). Österreichisches Manifest, 1813. Цит. по: Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal. Mannheim: Hoff, 1838. Bd. 2 und 3. S. 367-393.
- Manifest des Kaisers von Österreich, König von Ungarn und Böhmen Franz I, 19.08.1813. Цит. по: Österreichischer Beobachter. 20.08.1813.
- Reichsdeputationshauptschluß vom 25.02.1803. URL: <http://documentarchiv.de/nzjh/rdhs1803.html>
- Rheinbundsakte vom 12.07.1806. URL: <http://www.documentarchiv.de/nzjh.html> (27.05.1806).
- Wedekind G. „Anrede an seine Mitbürger“, 27.10.1792. URL: http://germanhistorydocs.gwdg.org/pdf/deu/8_MainzRepublic_Doc.1_German.pdf
- Wiener Zeitung. URL: (13.05.2021)

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Болдырев Р.Ю., Рагозин Г.С. «Во имя Господа, Кайзера и Отечества»: Тирольский земельный патриотический миф Андреаса Хофера в контексте антинаполеоновского сопротивления в Австрии и Германии. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 10 (74) [Boldyrev R. Yu., Ragozin G.S. “Vo imya Gospoda, Kaisera i Otechestva” Tirolskiy zemelnyy patrioticheskiy mif Andreasa Hofera v kontekste antinapoleonovskogo soprotivleniya v Avstrii i Germanii // Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal “Istoriya”. 2018. T. 9. Vyp. 10 (74). URL: <https://history.jes.su/s207987840002412-1/>
- Данн О. Нации и национализм в Германии, 1770–1990 / Пер. с нем. И.П. Стребловой. СПб.: Наука, 2003. 469 с. [Dann O. Natsii i natsionalizm v Germanii 1770–1990. SPb.: Nauka, 2003. 469 s.]
- Даченко П.А. Ревизия истории Тирольского восстания 1809 года или микроисторический этюд? О книге М. Шпана // Французский ежегодник. 2018. С. 494-503. [Datsenko, P.A. Revisiya istorii Tirolskogo vosstaniya 1809 goda ili mikroistoricheskiy etud? O Knige M. Shpana // Frantsuzskiy ezhegodnik. 2020. S. 494-503.]
- Мартьянюк А.В. До Герберштейна. Австрия и Восточная Европа в XIII–XVI вв. М.: Квадрига, 2019. 576 с. [Martyniuk A.V. Do Gerbershteina. Avstria i Vostochnaya Evropa v XIII–XVI vv. M.: Kvadriga, 2016. 576 s.]
- Рагозин Г.С. Между историей и политикой: Йозеф фон Хормайр – идеолог и участник Тирольского восстания 1809–1810 гг. // Французский ежегодник. – 2020. С. 121-136

- [Ragozin G.S. Meyhdu istoriyeyi i politikoi: Jozef fon Hormayr – ideolog I uchastnik Tirolskogo vosstaniya 1809–1810 gg. // Francuzskiy ezhegodnik. 2020. S. 121-136].
- Чудинов А.В. Вторая смерть Андреаса Хофера? Особенности эволюции исторической памяти о Тиро́льском восстании 1809 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. URL: <https://history.jes.su/s207987840008940-3-1/> [Tchoudinov A.V. Vtoraya smert Andreasa Hofera? Osobennosti evoljutsii istoricheskoy pamiaty o Tirol'skom vosstanii 1809 g. // Elektronny naučno-obrazovatelny zhurnal "Istoriya". 2020. T. 11]
- Baycroft T., Hewiston M. (Ed.). What is a Nation? Europe 1789–1914. N.Y.: Oxford University Press, 2006. 392 p.
- Hagemann, K. "Be proud and firm, the Citizens of Austria!" Patriotism and Masculinity in Texts of the "Political Romantics" written during Austria's Anti-Napoleonic wars // German Studies Review, Vol. 29, No. 1 (Feb., 2006). P. 41-62.
- Gant, B. Joseph Freiherr von Hormayr zu Hortenburg. Eine (politische) Biographie. (Dissertation zur Doktorwürde (Phil.)). Innsbruck: Universität Innsbruck, 2003. S. 293.
- Kronenbitter G. Friedrich von Gentz and Metternich // Rill R., Zellenberg U.E. (Hg.). Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute. Graz-Stuttgart, 1999. S. 71-88.
- Landi W. Joseph von Hormayr zu Hortenburg (1781–1848). Romantische Historiographie im Zeitalter der Restauration zwischen patriotischer Loyalität und liberalen Unruhen // Eliten in Tirol zwischen Ancien Regime und Vormärz. Akten der internationalen Tagung vom 15. Bis 18. Oktober 2008 an der Freien Universität Bozen. G. Pfeiffer (Red.). Bozen, 2008. S. 390.
- Lindmayr-Brandl A. Vom Patriotischen Volklied zur Nationalen Kaiserhymne. Formen der Repräsentation in Gott, erhalte Franz den Kaiser // Telesko W. (Hg.). Die Repräsentation der Haabsburg-Lothringischen Dynastie in Musik, visuellen Medien und Architektur, 1618–1918. Wien: Böhlau, 2017. S. 38-61.
- Mayrhofer-Schmid, A. Hormayr und die Romantik. (Dissertation zur Doktorwürde (Phil.)). Wien: Universität Wien, 1949. S. 10-20.
- Patrouch J. F. The Making of Five Images of the Habsburg Monarchy: before the Nation there was Agglutination // Austrian History Yearbook 40 (2009). P. 91-98.
- Scheutz M., Strohmeier A. (Hg.) Was heißt „Österreichische Geschichte“? Probleme, Perspektiven und Räume der Neuzeitforschung. Innsbruck: Studien Verlag, 2008. 208 S.
- Tomášek P. Aristokracie vkusu. Umělecký mecenát a sběratelství knížat ze Salm-Reifferscheidtů v 19. století. Doktorská disertační práce. Brno: Masarykova Univerzita, 2017. 340 s.
- Vocelka K. (Hg.). Österreichische Geschichte 1699-1815. Glanz und Untergang der Höfischen Welt. Representation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat. Wien: Ueberreuter, 2001. 542 S.

Рагозин Герман Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова.

Is a "Cause of Austria" the "Cause of Germany"? Conservative Reflections on Austrian Participation in the German Problem During the Napoleonic Warfare Era

The paper deals with the German-Austrian "mutuality" issue during the Napoleonic warfare. Discussion on relations of Vienna and the rest of Germany was on the agenda for the Habsburg family, army and bureaucracy after the "Old Reich" collapsed in 1806. The motto "A cause of Austria is the cause of Germany" was to prove the connection between these lands with the means of historical and contemporary images. The conservative ideologists like F. von Gentz and J. von Hormayr referred to historical memory, dynastic patriotism and criticism towards the French revolution and Napoleon. Their ideas gained feedback from reformers, warlords and rebel leaders acting against Napoleon between 1803 and 1809. After the Schönbrunn peace the motto and the Austrian conservatism went through re-evaluation.

Keywords: history of Austria, the German problem, conservatism, Austrian conservatism, Friedrich von Gentz, Joseph von Hormayr, Clemens von Metternich.

German Ragozin, Candidate of History, Associate professor at the Department of World History, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov.

ПРОПАГАНДА И ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ФБР (1930–1940 гг.)¹

Период 1930-х – 40-х гг. стал временем бурного развития такой структуры как Федеральное Бюро расследований. Пройдя через комплекс реформ Джона Эдгара Гувера, ведомство и его кадровый состав претерпели серьёзные изменения. Одним из важнейших вопросов, поднимаемых директором в ходе его преобразований, стал морально-нравственный облик агентов, правила поведения и идея гражданской идентичности в рядах ФБР. Выработанные в то время идеалы и модели поведения станут основной пропаганды этого ведомства на долгие годы.

Ключевые слова: ФБР, Дж. Эдгар Гувер, Франклин Рузвельт, Война с преступностью, Вторая мировая война, гражданственность, гражданская идентичность.

26 июля 1908 года в результате сложного компромисса между законодательной и исполнительной властью в США было создано Бюро расследований (приставка «Федеральное» появится только в 1935 г.), прообраз основного органа по борьбе с преступностью на общегосударственном уровне и контрразведки современной Америки. В силу опасений конгрессменов, которые видели в создании следственного органа министерства юстиции угрозу появления службы политического сыска, нарушения баланса между двумя ветвями власти и опасность для собственных незаконных операций будущее ФБР было серьёзно ослаблено жёстким «финансовым ошейником» от законодателей². Вместе с тем, существование Бюро на задворках бюрократического аппарата правоохранительной системы США негативно сказалось на кадровом составе этой службы. Многочисленные исследования и материалы по этой теме показывают, что в этом ведомстве с ранних лет процветала коррупция. Например, генеральный прокурор Харлан Фиске Стоун, начавший процесс реформирования Бюро так отзывался об этой организации на момент своего вступления в должность: «... в её штате полно людей с самой дурной репутацией... это бюро практически не признаёт закона... агенты вовлечены в крайне жестокие и недостойные дела, должности там почти в открытую покупаются»³.

В то же время, исполнительная власть в лице министерства юстиции пыталась развивать свою следственную службу, однако ряд резонансных скандалов, таких как провалы контрразведки Бюро в годы Первой мировой войны, скандальные рейды по поиску уклонистов от призыва на военную службу, имевшие серьёзную политическую подоплёку и направленные в большей степени на борьбу с активистами ра-

¹ Работа подготовлена в рамках проекта № 073-00065-21-01 от 14.07.2021 государственного задания Министерства просвещения РФ.

² The FBI: A Comprehensive Reference Guide 2000.

³ Jones Library. Harlan F. Stone Dairy. 13 May 1924.

бочего и профсоюзного движений, а также знаменитые рейды Палмера, в которых Бюро играло одну из основных ролей вместе с коррупционным скандалом по делу о незаконной продаже государственных месторождений нефти частному предпринимателю Гарри Синклеру, когда вскрылись факты давления со стороны федеральных агентов на свидетелей и присяжных (в американской историографии известно как Teapot Dome Scandal, скандал Чайного холма), всё это привело к тяжелейшему кризису Бюро расследований, который требовал системных решений на очень многих уровнях⁴.

10 мая 1924 г. генеральный прокурор Стоун останавливает свой выбор на Джоне Эдгаре Гувере в качестве нового директора Бюро расследований. Выбор Гувера на эту должность не был случаен. Близкий к генеральному прокурору Митчеллу Палмеру в начале своей карьеры и сыгравший заметную роль в организации печально знаменитых «рейдов», молодой и амбициозный Эдгар Гувер, выступавший за укрепление вертикали власти внутри министерства юстиции, за очищение от неквалифицированных и коррумпированных кадров, был «раздражающим фактором» для многих чиновников этого ведомства. По этой причине предшественник Стоуна, генеральный прокурор Гарри Догерти, известный своими незаконными махинациями, способствовал переводу Гувера в Бюро расследований, структуру слабую и с невнятными полномочиями⁵. С другой стороны, к 1924 г. Бюро превратилось в рассадник коррупции и непрофессионализма, негативно влиявший на репутацию министерства в целом. Таким образом, с помощью Гувера, известного своими организаторскими способностями и хорошо знакомого со спецификой работы Бюро, Стоун надеялся реформировать организацию и сделать её достойным рабочим органом министерства. В своих взглядах и профессиональной подготовке Гувер воплощал прогрессистские традиции: стремление к сильной централизации, веру в приоритет сильной федеральной власти над властями штатов, приоритет исполнительной власти над законодательной. Его назначение подтверждало, что Бюро расследований, созданное прогрессистами во времена их расцвета, будет придерживаться этих же традиций⁶.

Помимо постепенного проведения кадровых и аппаратных реформ, Гувер осознает, что Бюро не может бороться с преступностью без серьёзной государственной поддержки и крупных дотаций. В выступлении, подготовленном для генерального прокурора в 1925 г., он писал: «Агенты Бюро расследований были впечатлены фактом, что настоящая проблема проведения законов в жизнь находится в необходимости сотрудничества и сочувствия общественности, на что они не могут надеяться, пока сами не заслужат уважение общественности»⁷.

⁴ McCartney 2008: 263.

⁵ Ackerman 2005: 248.

⁶ Karlitz 2009: 12.

⁷ NSA.CNSS. Report to Attorney General. 16 September 1925.

Именно поиск решения этой проблемы привёл к коренным реформам идеологического плана в работе ФБР и стал отправной точкой в работе по изменению настроения масс в 1930-х гг. Дело в том, что предыдущее десятилетие, которое принято в историографии обозначать как «эра Процветания», стало периодом резкого промышленного и индустриального роста США, очень слабо контролируемого государством. Вместе с тем, развитие предпринимательства подстегнуло и развитие банковской сферы, однако для среднего американца с умеренными или небольшими доходами все эти процессы имели скорее негативные последствия. К середине 1920-х гг. от 45 до 54% американцев имели по несколько кредитов в разных банках. Бесконтрольное потребление вместе с неумным развитием банковского сектора наложило также на одну из самых трагических инициатив американского государства – «Сухой закон», ставший основой для развития мощной организованной преступности. В этом разрезе не удивительно, что другим названием этого временного отрезка были «ревущие двадцатые», наименование означавшее далеко не только резкий рост во всех отраслях экономики, но и «рв» развития преступности и роста коррупции в стране⁸.

Всё это привело к тому, что ещё накануне кризиса 1929 года выросшего в «Великую депрессию» американская массовая культура была практически повсеместно негативно настроена к собственному государству, которое воспринималось пособником «агрессивных и алчных» банков. Запрет на продажу и распространение спиртного в ещё большей степени отвратил народные массы от правительства. В итоге, типичный герой кинематографа тех лет – гангстер, бутлегер, но никак не служитель закона⁹. Показательный пример – картины с участием Джеймса Кэгни, одного из известнейших актёров тех лет, который заработал популярность именно на ролях различных криминальных элементов¹⁰.

Отсутствие в 1920-х гг. жёсткой, систематической борьбы с преступностью и работы с населением привело с началом «Великой депрессии» к огромной проблеме в сфере внутренней безопасности, выразившейся во вспышке преступлений по всей стране. В этих условиях президент Рузвельт осознаёт, что полноценное проведение «Нового курса» невозможно без наведения в стране «порядка», который довольно быстро стал пониматься в Белом доме шире, чем просто снижение уровня преступности, но и завоевание «умов и сердец» собственных граждан¹¹.

Идеи президента хорошо резонировали с идеями директора ФБР, который переписывался и встречался с Рузвельтом в те годы. Из активного общения Рузвельта, Гувера и генерального прокурора Гомера Каммингса появилась идея общенациональной кампании по борьбе с криминалом, которая вошла в историографию как «Война с преступно-

⁸ A New World Power 2012: 30-42.

⁹ Currell 2009: 64; Bradley 2009: 150.

¹⁰ Bergman 1973: 81.

¹¹ Kupperberg 2005: 126.

стью» (1933–1937). Ее целью было не столько нанести серьёзный удар по криминальным синдикатам, сколько сформировать в обществе позитивный образ ФБР для дальнейшего усиления этой службы¹². Деятельная работа на этом направлении велась как внутри самой организации, так и за её пределами. В частности, одной из задач «Отдела регистрации преступлений», была не только фиксации информации об уровне преступности в стране, но и «активная работа с прессой, а главное – работа по воспитанию наших агентов»¹³. Более развёрнуто эти цели обозначаются в переписке Гувера с помощником директора, руководителем «Отдела регистрации преступлений» Луисом Б. Николсом. Так, практически сразу после реформирования отдела и найма Николса в качестве его руководителя Гувер пишет: «Наши агенты должны стать не просто защитниками закона, но образцовыми гражданами своей страны, идеальными американцами»¹⁴.

На практическом уровне воплощение этих идей заключалось в следующем: все агенты снабжались специальными брошюрами, в которых, кроме процессуальных рекомендаций, содержались указания на правила поведения на службе и в обычной жизни, базовые нормы этикета, рекомендации по выбору одежды, в доступной форме разъяснялись основные идеи «Нового курса» Ф. Рузвельта¹⁵. Данные брошюры должны были всегда находиться при агентах, созданный директором инспекционный отдел (по сути – служба внутренней безопасности) штрафовал их за отсутствие этих материалов.

«Война с преступностью» обеспечила большой приток новых кадров, курсантам тренировочных курсов ФБР (прообраз будущей академии в Куантико, шт. Вирджиния) кроме специальных предметов читались также такие курсы как «Гражданская этика» и «Новый курс», на которых закладывались основы гражданской идентичности будущих агентов. Без сдачи зачётов по этим дисциплинам на оценку выше средней вступление в ряды агентов было практически невозможно¹⁶.

С 1933 г. стал издаваться ведомственный журнал «Бюллетень ФБР для правоохранительных органов», в котором идеи руководства Бюро о правилах поведения и гражданской позиции транслировались уже на всю правоохранительную систему США. Достаточно часто номера журнала предваряла редакционная статья за авторством самого Гувера. Как правило, директор на страницах таких статей размышлял о текущей ситуации в стране, долге и ответственности не только своих агентов, но и всех американцев перед государством для сохранения «мира и законности в стране»¹⁷. Беседы по содержанию редакционных статей были обя-

¹² Gentry 1991: 112.

¹³ NARA. Hoover to Nichols. 5 April 1934.

¹⁴ Ibid. Hoover to Nichols. 10 May 1934.

¹⁵ NARA. Procedural Bulletin for Federal Agents. 1935: 3.

¹⁶ Karlitz 2009: 20.

¹⁷ FBI Law Enforcement Bulletin. Vol. 2. №1. January 1933: 2-3.

зательными для сотрудников ФБР, проводились и контролировались руководителями местных отделений и инспекторами Бюро.

На основе этих и других материалов можно сформулировать основные идеи, которые ФБР пыталось положить в основу гражданской идентичности своих агентов: 1) Текущая тяжёлая экономическая ситуация – результат неумелых действий администрации президента; 2) США – по-прежнему наиболее свободная и цивилизованная страна в мире; 3) Преступность – главная угроза Америке и её ценностям на данном этапе, страна находится в состоянии войны; 4) Только объединённые усилия и сплочённость вокруг президента в борьбе с кризисом способны принести плоды; 5) Сотрудники правоохранительных органов не просто защищают порядок и законность в стране, но являются главными проводниками и защитниками идей «Нового курса» среди простых американцев.

Исходя из традиционного определения таких терминов как гражданская идентичность и гражданственность, можно сделать вывод, что директор ФБР и администрация Франклина Рузвельта вполне осмысленно подменяли эти основополагающие понятия развитого демократического государства, насаждая собственную идеологию.

По мере развития ФБР в условиях общенациональной кампании по борьбе с преступностью Гувер пошёл ещё дальше в агитации своих идей. Вслед за президентом, директор Федерального бюро расследований стал, по сути, единственным политическим деятелем, который обращался к нации. Эти обращения, созданные по образу и подобию «Бесед у камина» также были призваны донести точку зрения руководителя федеральной полиции. В наиболее ранних своих выступлениях Гувер уделял особое внимание темам патриотизма и гражданского долга, отмечая, что его агенты и их «миссия» – «это образцы поведения настоящего американца, кровно связанного с судьбой своей страны»¹⁸. Вслед за радио, администрация Рузвельта начала с 1934–1935 гг. создавать и небольшие ролики, посвящённые успехам «Нового курса», а также записывать короткие речи президента для граждан. Эти материалы включались в подборку новостной кинохроники, которую показывали в кинотеатрах перед началом сеансов. По указанию Луиса Николса, такие же ролики начали записывать и для ФБР, в основном это были однотипные короткие зарисовки, показывающие силу и профессионализм Бюро под руководством Гувера, короткие интервью с лучшими агентами и, конечно, сведения о новых победах Бюро над гангстерами, также записывались короткие обращения и самого директора¹⁹.

Все эти перемены были итогом сложной работы фактического пресс-секретаря Бюро, Луиса Николса работавшего в тесном контакте с Гувером. Именно Николс и его сотрудники превратили эпизод с по-

¹⁸ NARA. Speech for Convention of the General Federation of Women's Clubs, Kansas City, Missouri, 17 May 1935.

¹⁹ Powers 1983: 90.

имкой грабителя банков «Пулемёта» Келли (наст. имя Джордж Келли Барнс) в одну из главных мифологем ФБР 1930–1940-х гг. Согласно созданной Николсом легенде, испуганный гангстер во время ареста кричал: «Не стреляйте, люди правительства, не стреляйте». Сленговое G-men (Government mans, люди правительства) до этого использовавшееся по отношению ко всем чиновникам, стало своеобразной «торговой маркой» ФБР, надолго закрепившись именно как обозначение человека из Бюро, а позднее, из спецслужб²⁰.

Изменился и подход к кинематографу, «Отдел регистрации преступлений» рассылал на крупнейшие студии свои рекомендации по ведению бизнеса, в частности, кинематографистам настоятельно советовали уйти от тем, посвящённых криминалу, но поскольку приключенческие фильмы на такую тематику были крайне популярны, то агенты рекомендовали в случае съёмок подобных картин значительно сместить акценты. Гангстеры не должны были изображаться положительными героями, протагонистами должны были быть либо полицейские, которым оказывали значительную помощь федеральные агенты, либо сами сотрудники Бюро²¹. Что интересно, изначальный проект таких рекомендаций был значительно жёстче и вызвал даже некоторые споры между Гувером и Николсом, в итоге, последнему удалось убедить своего начальника в том, что резкое изменение направленности кинематографа может быть негативно воспринято народными массами, поэтому, агенты 1930-х в фильмах представляли такими «полугангстерами» со значками²². Самым ярким примером здесь может служить карьера уже упоминаемого Джеймса Кэгни, который в 1935 г. исполнил главную роль в фильме «Джи-мен». Хотя теперь актёр играл служителя закона, его персонаж не стеснялся применять оружие, изъяснялся на сленге преступных элементов и в целом мало походил на образ «идеального американца», который хотел воплотить на экранах Гувер²³. Но такой «естественный переход», как назвал его Николс, оказался очень удачным, фильмы с обновлённым образом федеральных агентов пользовались большим успехом, что даже позволило Гуверу предложить президенту создать собственную киностудию ФБР, впрочем, глава государства отказался от этой затеи²⁴.

Удачно следуя в русле пропагандистских мероприятий президента, глава ФБР успешно актуализировал свои идеи, притом не только среди граждан, но и среди самих агентов и курсантов, которые теперь сталкивались с идеологическим базисом своего руководителя не только

²⁰ Potter 1998: 130.

²¹ NARA. FBI Recommendations for Movie Industry. List for Warner Bros. Inc. 2 May 1936.

²² Ibid. Nichols to Hoover. 10 September 1935.

²³ Bergman 1973: 81.

²⁴ FDRL. Hoover memo for Roosevelt. 23 March 1935; Roosevelt memo for Hoover. 28 March 1935.

на работе, но и в личное время. «Война» с гангстеризмом создавала много сюжетов, на основе которых пропагандисты этой спецслужбы осваивали рынок, в сущности, недоступный серьёзным политикам – игрушки и комиксы. Коробки для завтрака, радиоспектакли, кукурузные хлопья для завтрака, игрушки – всё это распространялось под брендом ФБР и его неофициальным вариантом – «Джи-мен». Более того, контракты на всю подобную продукцию стали выгодным источником дополнительного дохода для казны ведомства Гувера²⁵.

Успех «Войны с преступностью» позволил значительно усилить ФБР, полномочия этой службы были расширены, она вернулась в контрразведывательную работу, право на которую утратила после Первой мировой войны и «Скандала Чайного холма».

Представления о гражданской идентичности агентов и пропаганда ФБР менялись в угоду международной обстановке и вступлению США в войну. Прежде всего, ещё громче и чаще стали звучать идеи о том, что сотрудники Бюро – главная защита американцев и их образа жизни от вражеских сил. Идеологема «агент=идеальный американец» ещё более усилилась в работе с персоналом. Это проявилось в виде строгого контроля инспекционного отдела ФБР за поведением и высказываниями агентов. Инспектора и сотрудники «Отдела регистрации преступлений» проводили специальные собрания, где работникам Бюро объяснялась их «миссия», которая преподносилась с особым пафосом, именно как некая «божественная миссия» по защите ценностей Америки. Также изготавливались новые брошюры, ознакомление с которыми и беседы по прочитанному, также были общеобязательными²⁶.

Ещё одной особенностью пропаганды и гражданской идентичности сотрудников ФБР стала ксенофобия, возводившаяся в ранг достоинства, однако, негативное отношение граждан США к выходцам из стран «Оси» было выборочным. Обширная переписка Гувера и Николса показывает, что и директор, и его помощник стремились избежать германо- и италофобии, объясняя это тем, что: «В стране большое количество людей с немецкими или итальянскими корнями. Конечно, за всеми национальными организациями необходимо пристальное наблюдение, учёт и тщательные расследования, однако, опыт Первой мировой показал нам, что агрессивные настроения к определённой нации нисколько не помогают в нашей работе, а даже наоборот [...]. Представители итальянской диаспоры и так уже страдают от притеснений, поскольку, в последние годы стали плотно ассоциироваться с гангстерами. Опасность социального взрыва на национальной почве – это то, что мы должны предотвращать любой ценой»²⁷. Совершенно вразрез с этой риторикой Гувера идёт отношение, сформированное в ФБР и обществе

²⁵ Powers 1983: 115.

²⁶ NARA. Agents! Remember what you Protect. 1942: 1-4.

²⁷ Ibid. Hoover to Nichols. 11 November 1942.

в целом, к японцам. Ещё в редакционной статье первого, после нападения Японии на базу в Пёрл-Харборе, номера «Бюллетеня ФБР для правоохранительных органов» Эдгар Гувер однозначно называл японцев «бесчестной нацией» и даже «нацией гангстеров»²⁸. В данном случае интересен даже сам выбор слов, поскольку сочетание «нация гангстеров» было вполне явно позаимствовано Гувером из выступления Рузвельта от 9 декабря 1941 года²⁹. Вполне заметны параллели, которые проводил директор вслед за президентом, как для своих подчинённых, так и для всех представителей правоохранительной системы между «гангстерами» и «японцами», между которыми сознательно ставился знак равенства.

Причин для такой двойственной позиции несколько: во-первых, граждан японского происхождения в США значительно меньше, чем италоамериканцев или германоамериканцев. Т.е. направление накопившейся у народных масс ярости на эту группу населения не будет грозить «социальным взрывом», которого так боялся Гувер. Во-вторых, японцы первыми нанесли удар, который в целом очень уязвил Америку, а потому, возбуждение ненависти к ним было в целом политически целесообразно. Наконец, в-третьих, в США тех лет почти на всех уровнях была сильна идея о некоей «особой преданности» японцев своей империи, поэтому, любой японец на полном серьёзе рассматривался американцами как готовый вражеский агент³⁰.

Вместе с тем, общая корректировка отношений с Советским Союзом практически никак не затронула идеологическую работу в Бюро. Причиной тому стали, как вполне обоснованные идеи о том, что партнёрство с СССР – явление временное, распространённые во всём «силовом блоке», так и личная позиция самого Гувера, чьи взгляды отличал крайний антикоммунизм. Он стал одним из главных выразителей идеи о временности коалиции с СССР, о чём не раз писал, в т.ч. президенту³¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что по мере развития ФБР его директор сформулировал свои представления о гражданской идентичности, которые тесно увязывались со многими идеями правительства Франклина Рузвельта и, в целом, отличались от общепринятых представлений о гражданском обществе США, более, походя на идеологические построения авторитарных государств. При этом, несмотря ни на что, президент и директор ФБР активно отстаивали такие основополагающие демократические ценности как система выборов и идея необходимости расширения избирательных прав³². Иными словами, можно говорить, что в формировании гражданской идентичности федеральных агентов были элементы как авторитарных, так и демократических

²⁸ Hoover January 1942: 5.

²⁹ FDRL. A Date Which Will Live in Infamy. 7 December 1941.

³⁰ Leonard Nov. 1990: 463-482.

³¹ FDRL. Hoover to Roosevelt. 18 December 1942.

³² Ibid. Reel RL R453

политических систем. Кроме вышесказанного, представления Дж. Эдгара Гувера о патриотизме и долге его агентов стали основой для мощной пропаганды ФБР себя и своих идеалов среди граждан, работая на усиление доверия к этому ведомству.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ackerman K. Young J. Edgar: Hoover, the Red Scare, and the Assault on Civil Liberties. N.Y.: Viral History Press LLC, 2005. 480 p.
- A New World Power America from 1920 to 1945 / Ed. by Wallenfeldt J. London: Rosen Education Service, 2012. 153 p.
- Bergman A. James Cagney: The Pictorial Treasury of Film Stars. Los Angeles (CA): Galahad Books, 1973. 156 p.
- Bradley P. Making American Culture: A Social History, 1900–1920. Chicago (IL): Palgrave Macmillan, 2009. 252 p.
- Currell S. American Culture in the 1920s. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 272 p.
- FBI Law Enforcement Bulletin. Vol. 2. №1. January 1933. P. 2–4.
- Franklin Delano Roosevelt Library (далее – FDRL). Addresses and Messages of Franklin D. Roosevelt. 7 December 1941 – «A Date Which Will Live in Infamy» - Address to the Congress Asking That a State of War Be Declared Between the United States and Japan. Washington, 1942: 127.
- FDRL. Folder: Justice Department, Official File 10B: FBI. Hoover memo for Roosevelt. 23 March 1935.
- FDRL. Folder: Justice Department, Official File 10B: FBI. Roosevelt memo for Hoover. 28 March 1935.
- FDRL. Folder: Justice Department, Official File 10B: FBI. Hoover to Roosevelt. 18 December 1942.
- FDRL. Recorded Speeches and Utterances of Franklin D. Roosevelt, 1920–1945. Reel RL R453
- Gentry C. J. Edgar Hoover: The Man and the Secrets. N.Y.: W.W. Norton & Co., 1991. 848 p.
- Hoover J.E. America at War // FBI Law Enforcement Bulletin. Vol. 11. № 1. January 1942. P. 2–5.
- Jones Library. Frederick L. Stone Family Papers (1891–1991). Box 108. Harlan F. Stone Dairy. 13 May 1924.
- Karlitz G. FBI Agent. N.Y.: Facts on File Inc., 2009. 64 p.
- Kupperberg P. Critical Perspectives on the Great Depression. N.Y.: Rosen Pub Group, 2005. 176 p.
- Leonard K.A. ‘Is That What We Fought For?’ Japanese Americans and Racism in California, the Impact of World War II // Western Historical Quarterly. № 21(4). (Nov. 1990). P. 463–482.
- McCartney L. The Teapot Dome Scandal: How Big Oil Bought the Harding White House and Tried to Steal the Country. N.Y.: Random House, 2008. 384 p.
- National Archives and Record Administration (далее – NARA). Record Group 65. Federal Bureau of Investigation. Agents! Remember what you Protect. 1942. P. 1–4.
- NARA. RG 65. FBI. File: FBI Recommendations for Movie Industry. List for Warner Bros. Inc. 2 May 1936.
- NARA. RG 65. FBI. File: J. Edgar Hoover Official and Confidential (O&C) Files. Part 4. Hoover to Nichols. 5 April 1934.
- NARA. RG 65. FBI. File: J. Edgar Hoover Official and Confidential (O&C) Files. Part 4. Hoover to Nichols. 10 May 1934.
- NARA. RG 65. FBI. File: J. Edgar Hoover Official and Confidential (O&C) Files. Part 4. Hoover to Nichols. 11 November 1942.
- NARA. RG 65. FBI. File: J. Edgar Hoover Official and Confidential (O&C) Files. Part 4. Nichols to Hoover. 10 September 1935.
- NARA. RG 65. FBI. File: J. Edgar Hoover Official and Confidential (O&C) Files. Part 7. Speech for Convention of the General Federation of Women’s Clubs, Kansas City, Missouri, 17 May 1935.
- NARA. RG 65. FBI. Procedural Bulletin for Federal Agents. 1935.
- National Security Agency (далее – NSA). Committee on National Security Systems (CNSS). RG 117. Box 13. Hoover’s Official and Confidential (OC) Files. Report to Attorney General. 16 September 1925.

Potter C. B. War on Crime: Bandits, G-Men, and the Politics of Mass Culture. New Brunswick (NJ): Rutgers University Press, 1998. 272 p.

Powers R.G. G-Men, Hoover's FBI in American Popular Culture. Chicago (IL): Southern Illinois University Press, 1983. 376 p.

The FBI: A Comprehensive Reference Guide / Ed. by Theoharis A. N.Y. Greenwood, 2000. 424 p.

Левин Ярослав Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской части, Самарский государственный социально-педагогический университет; yaroslavlevin1992@mail.ru

Propaganda and Formation of Ideas about Civil Identity in the FBI (1930–1940's)

The period of the 1930s - 40s became a time of rapid development of such a structure as the Federal Bureau of Investigation. Having gone through the reform complex of John Edgar Hoover, the department and its personnel have undergone serious changes. One of the most important issues raised by the director during his transformations was the moral appearance of agents, the rules of conduct and the idea of civic identity in the ranks of the FBI. The ideals and behaviors developed at that time will become the main propaganda of this department for many years.

Keywords: FBI, J. Edgar Hoover, Franklin Roosevelt, War on Crime, World War II, citizenship, civil identity.

Yaroslav A. Levin, PhD., Senior Researcher, Research Unit, Samara State University of Social Sciences and Education; yaroslavlevin1992@mail.ru

Р.А. МИХНЕВА, Е.С. КИРСАНОВА

НИКОЛАЙ КАРЕЕВ, «СТАРЕЙШИНА РУССКИХ ИСТОРИКОВ», ИЛИ У ИСТОКОВ БОЛГАРСКОЙ НОВИСТИКИ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

На примере деятельности российских историков преподавателей новой и новейшей истории Софийского университета в конце XIX – первой половине XX в. авторы прослеживают зарождение и особенности болгарской новистики. Связующим звеном в поисках уточнения пространственно-временных характеристик русской исторической школы стала личность Николая Кареева. В фокусе внимания авторов – круг его учеников, соратников, друзей, а также болгарские коллеги и общественные деятели.

Ключевые слова: *Н.И. Кареев, Э.Д. Гримм, В.А. Мякотин, П.М.Бицилли, Софийский университет, Петербургский университет, новистика, историческая наука, историческое образование*

Кому как не историкам видны и понятны и сила, и слабость Времени. Они могут дать шанс вписать ненужную деталь в „вечность” или стереть память об одном из самых популярных в Болгарии лет сто тому назад имен российских авторов. В 1911 г. в Болгарии появились две небольшие брошюры «Революция и равноправие» и «Знаменитые люди». Их автор Крастю (Кръстю) Крачунов (1881–1948), в конце XIX в. студент Сорбонны, в канун Второй мировой войны – главный инспектор по истории и географии болгарского Министерства просвещения. В самом начале «Революции и равноправие» он благодарит своих *«многоуважаемых учителей и профессоров»*. На первом месте, наряду с Эрнестом Лависсом (1842–1922), Шарлем Сеньбосом (1854–1942) и Альфонсом Оларом (1849–1928), стоит имя Николая Кареева (1850–1931)¹.

Кареева во время его поездок по Болгарии в 1900 и 1912 гг. узнавали на дорожных станциях. Вокруг него собирались шумные толпы южан – его поклонников и переводчиков его книг и учебников. Ему писали письма студенты. Как своего учителя указывает Н. Кареева будущий болгарский политик, журналист, создатель первых земледельческих коопераций Т.И. Влайков, студент Московского университета в 1880-е гг.² Столица устраивала приемы в его честь, публика заполняла залы, когда он читал лекции. Как „заморского гостя” его водили в гимназии знакомиться с успехами в изучении русского языка и истории по его учебникам. Он был вхож в дома политиков-русофилов и университетских преподавателей, знал их личные истории³.

¹ Пользуемся случаем выразить благодарность проф. Г.П. Мягкову за поддержку и ценную информацию, которая помогла нам в работе над этим текстом. Цит. Заимова, COBISS.BG-ID – 1054054628. Эл. база данных болгарской Народной библиотеки им. Св. Кирилла и Св. Мефодия (НБКМ). Здесь и далее ссылки даются по этому каталогу.

² Со слов Тодора Влайкова. См.: Атанасов, Влайков. В ряде публикаций на русском языке его имя русифицировано и пишется «Ф.Г. Влайков». См.: Лаптева 2012: 83.

³ Кареев 1990: 215–216.

Появление и развитие образовательного модуля „Новая и новейшая история” (часть „Всеобщей истории”) в контексте истории высшего образования Болгарии до сих пор не привлекали внимание исследователей. Выявить пути влияния российской образовательной и интеллектуальной традиции на историю старейшего болгарского университета – проблема, к которой обращались отдельные специалисты – историки литературы, изучающие наследие П.М. Бицилли (1879–1953) и тот короткий период, когда в Софии жил и преподавал Э.Д. Grimm (1870–1940), так что их имена и деятельность известны. В то же время роль, которую играли русские преподаватели-историки в Софийском университете как до, так и после 1917 г., пути их незримого влияния и имплантирования преподавательских и исследовательских принципов русской школы новой и новейшей истории до конца 1940-х гг. все еще ждут своего исследователя. Тем более это относится к тому, что мы бы назвали „следом” Н.И. Кареева, как некий обобщающий образ⁴, чья тень накладывает специфический отпечаток на историческое образование и науку Болгарии и, в более узком смысле, преподавание и изучение Новой и новейшей истории.

Старейший болгарский научный центр – „Болгарское общество книжности” – прототип будущей Болгарской Академии наук, был создан в Браиле (с. Румыния), очаге болгарской эмиграции, в 1869 г. еще до появления болгарского государства. 20 лет спустя в 1888/1889 уч. г. в столице Княжества Болгарии был открыт набор студентов первого факультета национального университета страны – Историко-филологического⁵. Этот факт сам по себе указывает на то, какое значение болгарское общество придавало идее образования и развития своего научного потенциала. В течение долгого времени оба института – науки и высшего образования – существовали в тесной взаимосвязи, формируя тот фундамент исторической науки и образования, который был нужен стране.

Университет являлся фактором национально-государственной самоидентификации, и это определяло специфику университетской структуры. Потребность в школьных учителях и административных служащих привела к созданию и первого образовательного звена (историко-филологического), где готовились специалисты по истории, географии, филологии. Два года спустя началось обучение юристов. Требования времени оказывали влияние на кадровое развитие и атмосферу учебного заведения. По этой причине на академические образовательные практики „Всеобщей истории”, частью которых являлись лекционные курсы по Новой и новейшей истории, в значительной степени повлияли изгибы политической судьбы Болгарии, особенно в периоды национальных кризисов (1912–1918, 1944, 1989/1990 гг.) и войн. И это касается как его кадрового обеспечения, так и содержания лекционных курсов⁶.

⁴ Круг исследования ограничен преподавателями по дисциплинам номенклатуры „Всеобщей истории” – период новой и новейшей истории.

⁵ Определение факультет более позднего времени.

⁶ Мутафчиева, Чичовска (ред.), pass.

Нижняя хронологическая граница обеих частей нашего текста – первый учебный год университета в Софии, а верхняя – акция против буржуазно-фашистских профессоров в конце 1940-х гг. После 1944 г. начались события, которые привели к серьезному кризису его исторического звена. Многие преподаватели потеряли свои кафедры⁷. Это и позволяет нам считать конец 1940-х гг. верхней границей периода, которому посвящен данный текст. Эта хронология соответствует и принятой в Болгарии периодизации болгарской исторической науки. Нужно добавить, что наличие болгарских источников конкретно по этому сюжету на сегодня выявлено относительно мало. По этой причине мы подошли к тематическому кругу о влиянии Н.И. Кареева весьма осторожно, открывая лишь одну небольшую страницу, связанную с выявлением факторов эволюции болгарского университетского образования по истории. Картину конкретного влияния Кареева, пришлось „склеивать” из фрагментов и косвенных сведений, потому мы и считаем этот текст в какой-то степени гипотезой. Более детальное ознакомление с академической историей университета и болгарской исторической традицией указывают на то, что часто события прошлого как будто нарушают классическое понимание поступательности исторического времени – от прошлого к будущему⁸. Вследствие этого, „злоба дня” накладывала отпечаток не только на интерпретационные исследовательские модели, но и на образовательный процесс в университете. Движение по волнам Времени сказывалось особенно заметно на обучении студентов по «новой и новейшей истории» (общей истории).

Системный анализ процесса формирования и эволюции интеллектуальной культуры невозможен без исследования исторического контекста⁹. На данный момент сложно с полной уверенностью судить о тех факторах, которые влияли на общество в профессиональном и (приватном) частном порядке, о той университетской среде, из которой выростала неформальная интеллектуальная сеть. Однако, опираясь на современные науковедческие подходы, позволяющие выявлять в науке, наряду с академическими институциями, и организационно неоформленные научные

⁷ Принято считать, что на момент Освобождения Болгарии в стране насчитывалось около 600 чел. с высшим образованием из приблизительно трехмиллионного населения обеих болгарских провинций – Княжество Болгарии и Восточная Румелия. Большинство из них получили свои дипломы за границей. Об отношении болгарского общества к идее создания университета говорит тот факт, что в течение первых пяти лет после 1878 г. в двух болгарских провинциях открываются двери 1100 школ. С самого начала в них поступают более чем 60 тыс. детей разного возраста. Бюджет, который выделил Парламент Министерству просвещения, равнялся тому, что определили и Военному ведомству (Илчев, Колев, Баева, Калинова 2018: 18-22). Лучших выпускников отправляли на учебу за государственный счёт за границу – в Россию, Францию, Австро-Венгрию (в Вену и в Прагу), в Германию и в Италию. Для поддержки студентов до конца века государство выделило 300 стипендий. Стоит отдельно подчеркнуть, что среди стипендиатов были и три девушки. Так что идея о собственном университете была и своевременная, и отвечающая настроениям общества.

⁸ Чеканцева (ред.) 2019, pass; Чеканцева 2020: 13.

⁹ Репина, Мягков 2014: 137.

сообщества („невидимый колледж“, „научная школа“, „научная корпорация“ и др.), в рамках которых происходит становление и научных специальностей, и коммуникационных структур, возможно констатировать это безусловное влияние. С самого первого дня существования Софийского университета историки двух стран оказались в едином коммуникативном поле исторической науки. Именно это обстоятельство позволило болгарскому научному сообществу ознакомиться с творчеством и исследовательскими подходами Н.И. Кареева и приблизиться к методологическим исканиям и методическим приёмам российских историков, составлявших в то время часть общеевропейской научной традиции¹⁰.

Отдельно выступает проблема выявить, где и как в этой традиционной академической среде появлялись и каким образом оказывали влияние историко-теоретические идеи Н.И. Кареева – преподавателя и ученого, самого авторитетного в первые десятилетия XX в. специалиста в России в области новистики, получившего признание и на Западе¹¹. Многолетняя работа в области теории получила завершение в создании обобщающего сочинения „Общая методология гуманитарных наук“ (1922), не опубликованного при жизни Кареева и находящегося в архиве учёного. При этом заслуживает внимания факт преемственности работы учёного к его занятиям вопросами теории исторического познания более раннего периода, на что он указывает в предисловии к «Общей методологии», подчёркивая своё «желание подвести общие итоги под выработывавшимися в течение полустолетия методологическими взглядами и дать цельное изложение этого предмета»¹². Таким образом, можно предположить, что усвоение идей и взглядов Кареева на исторический процесс и историческое познание, которые он вынашивал на протяжении 50-ти лет и, конечно же, высказывал их и на лекциях и в общении с учениками, происходило до того, как они оказались в Болгарии после 1917 года. В Болгарии к дисциплинам по Новой и Новейшей истории относились и курсы по Истории славян, Истории России и Всеобщей истории, которые читались сподвижниками и учениками Кареева как до, так и после 1917 года¹³.

Творчество Н.И. Кареева не было объектом изучения болгарских историков¹⁴. Но его труды по истории и философии исторического позна-

¹⁰ Кирсанова 2004: 83-84.

¹¹ Его сделали известным исследования по истории Французской революции, а также поиски в области теории исторического познания, начатые ещё в 1880-е гг., результатом которых было издание труда «Основные вопросы философии истории».

¹² Цит. по Долгова 2013: 186.

¹³ В их числе – П.Н. Милюков, работавший в университете в 1897–1898 гг., Э.Д. Гримм (в 1921–1923 гг.), В.А. Мякотин (в 1928–1937 гг.) и П.М. Бицилли (с 1924 по 1948 гг.).

¹⁴ К Карееву как к исследователю, обращались и обращаются болгарские философы, социологи, юристы (Янков-Вельовски 2007: 385-391). Сюжетом о связях между болгарскими и русскими историками на грани веков интересовались отдельные историки, но в них не был затронут вопрос о влиянии идей Н.И. Кареева, транслируемых его учениками. Активно работала в этом направлении проф. Елка Дроснева (1953–2018), аспирант Санкт-Петербургского университета (1978–1982). О Карееве и его влиянии на школьное образование по истории в Болгарии упомянуто в: Радева 2008: 243.

ния в переводах были известны. Так, в Варне, Софии, Тырнове с 1896 и до 1914 г. с интервалом в год или чуть больше после публикации в России болгарская общественность читает произведения Кареева. Министерство народного просвещения допускает три перевода его учебников по древней, средневековой и новой истории как основных пособий для гимназий страны. В 1896 г. в Тырнове в издательстве К. Евстатиева вышли три перевода Москова¹⁵ кареевских сочинений „Писма към учащите се младежи за самообразование“¹⁶, *Мисли върху основите на нравствеността*¹⁷, „Беседи върху изработване на мировъзрението“¹⁸. В том же году в Варне читатели знакомятся с другим его трудом „Ролята на идеите, учрежденията и личностите в историята“. В Шумене в то же время было подготовлено первое издание книги „Субективизма в социалните науки“, а в 1903 г. болгарские читатели получили ее второе издание¹⁹.

Активная издательская деятельность в 1896 г. объясняется концом режима С. Стамболова и восстановлением российско-болгарских отношений после 10-летнего перерыва. В 1897 г. вышел труд Кареева „Мисли върху същността на обществената деятелност“²⁰ в переводе Москова и „Етюди върху економическия материализъм“²¹, в 1908 г. в Пловдиве – „Исторически очерк на представителните учреждения в Западна Европа“²² в переводе И. Бобчева²³. Студенты и любители истории получили в 1912 и 1914 гг. доступ к двум изданиям перевода „Политическа история на Европа от Френската революция до днес“²⁴. До 1909 г. гимназические учебники Кареева были переизданы дважды²⁵.

¹⁵ Моско Москов Груев (1862–1947), учился в Одесской семинарии, а в 1886–1890 гг. изучал литературу и социальные науки в Женевском университете. По возвращении в Болгарию назначен преподавателем литературы в Руссе, позднее в Великом Тырнове. Активно занимался изучением столичного города и в 1905 г. стал одним из инициаторов создания местного музея и Археологического общества. После войны директор женской гимназии и городской библиотеки. Издатели книги Н.И. Кареева «Прожитое и пережитое» (с. 215) подменили в комментариях имя Дейков Иван на Москова, в эпизоде об остановке в В. Тырнове во время поездки через Болгарию в 1900 г. Иван Дейков (1863–?) выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, один из авторов гимназического учебника русского языка. (COBISS.BG-ID – 1051688932).

¹⁶ Здесь и далее даем заглавия книг в переводе на болгарском яз. Номера отсылают к сводному болгарскому каталогу COBISS.BG-ID – 1053184484.

¹⁷ COBISS.BG-ID – 1053183972.

¹⁸ COBISS.BG-ID – 1053183204.

¹⁹ COBISS.BG-ID – 1053185508; 1053185764.

²⁰ COBISS.BG-ID – 1053184228.

²¹ COBISS.BG-ID – 1053183460.

²² COBISS.BG-ID – 1053183716.

²³ Илия Савов Бобчев (1873–1936), выпускник Юридического отделения Софийского университета, политик, журналист и русофил. Депутат X созыва Парламента в 1899 г. и депутат V-го Великого народного собрания в 1911 г., а брат известного политика, историка, журналиста, дипломата и русофила Ст.С. Бобчева.

²⁴ COBISS.BG-ID – 1053184740; 1053184996.

²⁵ COBISS.BG-ID – 1053186532; 1053186788; 1053186020; 1053187044; 1053187300; 1053182948; 1053186276.

Одним из способов кареевского „проникновения” в Болгарию был его критический интерес к идеям Маркса, который пришёлся кстати болгарской социалистически ориентированной мысли в её стремлении освоить учение Маркса. Так, в 1903 г. внимание к нему как к учёному привлекла дискуссия, развернувшаяся на страницах социалистического журнала. Она была вызвана полемикой между молодым тогда философом Дмитрием Михалчевым (1880–1967) и лидером болгарских социал-демократов Дмитрием Благоевым (1856–1924), основателем первого марксистского кружка в России (1883), известного как группа Благоева. На страницах журнала „Мисъл” Михалчев начинает публикацию своего труда „Диалектический материализм и теория познания”²⁶, в котором он опирается на некоторые идеи Н.И. Кареева в критике марксизма²⁷. Это спровоцировало Д. Благоева на возражения, которые он публикует в течение 1903–1904 гг. на страницах болгарского журнала «Ново время». Первая профессиональная философская дискуссия в левом политическом секторе Болгарии заняла свыше 350 страниц²⁸.

Важную роль в реальном имплементировании идей Кареева в университетской среде могло сыграть присутствие его учеников и коллег – историков-единомышленников в Софийском университете в 1920–1940-е годы. Об этом можно судить по тематике их лекционных курсов и работе со студентами, академической повседневности, характерным для круга русских историков и Кареева. Несмотря на молодость академической коллегии, болгарская новистика, благодаря русским эмигрантам, получила в начале 1920-х гг. актуальные идеи исторического синтеза гуманитарного знания, достигаемого на пути синтеза истории, социологии и психологии, что способствовало бы росту научности исторического знания и выходу исторической науки из кризиса. Обозначенный подход опирался на новаторскую для того времени идею, именуемую в современной гуманитарной науке трансдисциплинарностью²⁹.

В новоучрежденном университете с 1888 г. (сперва Высший Педагогический курс к Первой государственной классической гимназии, а с 1898 г. высшее училище) студенты выбирали из трех специальностей – „История и география”, „Славянская филология и литература”, „Философия и педагогика”. Из семи преподавателей, которые начали преподавать для историков, трое к тому времени получили образование в России – двое в Киевской духовной академии, один в Московском университете.

²⁶ Димитр Михалчев, будущий профессор по философии, декан Историко-филологического факультета в 1922 г. и первый болгарский посол в Чехословакии и СССР после восстановления дипломатических отношений между Болгарией и СССР в 1934 г.

²⁷ Цацаров 2019: 50.

²⁸ Алманах... 1988: 317–318. Д. Михалчева заметил проф. Иван Шишманов, который поддерживал в дальнейшем его путь в науке. С 1906 по 1911 он учился в Берлине, Фрайбурге, Мюнхене, став последователем немецкого философа Йонаннеса Ремке. В 1911 г. во время своей специализации в России Д. Михалчев установил близкие связи с Николаем Лосским, Симеоном Франк и Петром Струве.

²⁹ См.: Долгова 2013: 186.

Историки слушали лекции по „Всеобщей истории”, „Болгарской истории”, „Этнографии”, „Археологии”, „Географии”. Изучались классические и современные языки – французский и немецкий. Преподаватели, подбирая конкретные темы лекционного курса, часто меняли их в зависимости от своей профессиональной специализации. В тот период в первом болгарском университете родилась и традиция, которая сохранена до сих пор – отдельно читать студентам курс „История России”. Первыми лекторами стали болгарин кандидат-магистрант Станимир Станимиров³⁰, и Дмитрий Агура (1849–1911)³¹. Проф. Агура предстал перед студентами со своим циклом лекций по основным темам истории от Античности (Греция, Рим, Восток) и Средних веков до Новой истории Западной Европы³². Д. Агура подготовил расширенный вариант книги И.И. Григоровича в качестве первого университетского учебного пособия по новой истории в 1890 г.³³ В заглавии он указал, что книга составлена по „запискам проф. Григоровича”. 20 лет назад проф. Р. Генов в своей статье обратил внимание на факт публикации, но не пытался уточнить происхождение текста. Между тем речь идет о довольно популярном в России учебном пособии. Первое издание от 1867 г. охватывает период с 1815 по 1856 г. Год спустя появляется второе, а дальше книга переиздается как учебное пособие для военных училищ с хронологическими дополнениями вплоть до начала

³⁰ Станимиров, Станимир Стефанов (1858-1943), на болгарский Станимиров Станимир попСтефанов - наследник известной фамилии г. Габрово, центр новоболгарского просвещения. Его отец св. Стефан (поп Стефан) вел торговлю книгами на русском языке, которые ему присылали из Одессы. В своем доме принимал участников борьбы за болгарскую церковную независимость и Болгарскую Экзархию. Станимиров окончил в Киеве духовную семинарию, с 1879 по 1883 г. учился как стипендиат Св. Синода в Императорской Киевской духовной Академии, окончив ее со степенью „кандидат магистранта”. Вернувшись в Болгарию с 1885 г. директор Первой государственной классической гимназии и инициатор создания при ней Высшего педагогического курса в 1888 г., получившего статус высшего училища (университета) с 1889 г. Ректор Болгарской духовной семинарии в Константинополе. Директор Частной ЕВ классической гимназии и личный учитель престолонаследника Бориса III и его брата по русскому языку и церковной истории. Активно участвовал в общественной жизни, председатель Общества „Славянская беседа”, директор Народной библиотеки и Народного этнографического музея. Автор многочисленных трудов по истории церкви и переводов. О нем см. Биографический словарь выпускников Т. 3: 233-240.

³¹ Алманах... 1988: 3. Димитр Димитров Агура, бессарабский болгарин, род. в с. Чушмелия, Одесской губ. Окончил церковно-приходскую школу в Измаиле, семинарию в Яссах и там же Исторический факультет университета. Преподаватель румынского языка и болгарской истории в Болградской гимназии (1875–1878). С 1879 г. начинает работу в Министерстве внутренних дел, позднее при правительстве Леонида Соболева в 1883 г. руководит Министерством народного просвещения, Первой мужской гимназией (1884–1885) в Софии и Пловдивской мужской гимназией (1885–1889). С 1894 г. профессор Всеобщей истории Софийского университета. Декан и ректор университета (1889–1890, 1892–1895, 1907–1908). С 1900 г. член БАН, в 1901 г. учредитель Болгарского исторического общества. Автор многочисленных трудов, языковед с интересами в области дако-фракийских древностей. См.: Димитрова, Зидарова 2004, pass.

³² Алманах... 1988: 3.

³³ Генов, Профессор Димитър Д. Агура 2003.

века³⁴. Издание, послужившее основой для компиляции Агура, опубликовано в России в 1883 г. В 1885 г. в Пловдиве в издательстве „Хр.Г. Данов“ появляется перевод книги под заглавием „Преглед на най-новата история: 1815–1885“³⁵. Почти одновременно с этой книгой в 1896 г. опубликован перевод, подготовленный Р.М. Каролевым (тоже выходцем из Габрово, выпускником Киевской духовной академии) первой части „Всеобщая история от профессора Оскара Йегера в четыре части с многобройни автентични образи и отделни карти...“³⁶. За два года до этого, в 1894 г. четырехтомник Йегера был опубликован в России и пользовался большим успехом. Каролев на несколько лет старше Станимирова, но и он, наряду с другими своими обязанностями, занимается переводом исторической литературы. В Министерстве народного просвещения, где он занимал пост министра во время Второго правительства Петко Каравелова, он наследовал Агуре. Некоторое время (1884–1885) пост занимал и Константин Величков, а после падения режима Стамболова вновь вернулся на эту должность. Весь этот малый круг болгарских интеллектуалов, связанных административными и партийными связями, и их семьи оказались среди тех, с кем Н.И. Карееву довелось в Болгарии общаться.

В 1890-е гг. историко-филологическое отделение университета не раз меняет свое название: в 1894 г. это отделение „Историко-филологических наук“, а с 1897/1898 г. в университете появляются институты, соответствовавшие специальностям. Во главе Исторического был поставлен проф. Димитр Агура, о знакомстве с которым пишет Н. Кареев в своих воспоминаниях „Помню лучшие других профессоров истории Агуру“³⁷. Поскольку Кареев не уточняет во время какой из этих двух поездок (1900 и 1912) гг. запомнился ему проф. Агура, то, конечно, речь идет о первой 1900 г., поскольку в 1912 г. его уже не было в живых. Кареев заметил интересную деталь формирования болгарского политического класса – его удивило активное участие болгарских университетских преподавателей в управлении страной. Тот же проф. Агура, в то время руководивший историко-филологическим институтом Университета, был чиновником Министерства народного просвещения и министром в 1883 г. в кабинете премьер-министра Леонида Соболева (1882–1883)³⁸.

Российское присутствие, в целом, и самого Кареева, в частности, в кругах болгарской интеллектуальной элиты, при всей условности этого понятия, оказалось весьма интересным. Возьмем для примера три казуса.

³⁴ Григорович 1883.

³⁵ COBISS.BG-ID – 1050030052.

³⁶ COBISS.BG-ID – 1052550372 Биографический словарь выпускников Т. 2, Киев, КДА, 2015: 33–38. В Приложениях к своей автобиографии Р.М. Каролев перечисляет свои авторские сочинения и переводы вкл. «Всеобщая история» от профессора Оскара Йегера в четыре части. С многобройни автентични образи и с отделни картини печатани с черни и цветни краски. Часть първа. «Стара История». Преведена от руски от Р. М. Каролев. София, издание и печат на Янко С. Ковачов. 1896.

³⁷ Кареев 1990: 216.

³⁸ Там же.

Супруги двоих из самых ярких политиков и русофилов Петко Каравелова и Константина Величкова – Екатерина Каравелова и Параскева Величкова – оказались выпускницами лучших московских женских гимназий, подчеркивает Кареев после знакомства с ними. Он обратил внимание во время поездки в 1900 г., что Катя Каравелова, как и его супруга, которая его сопровождала, окончили IV-ю женскую Московскую гимназию. Подчеркнём, что Н.И. Кареев считает нужным отметить эти на первый взгляд мелкие детали, но оказывающиеся важными в понимании связей между Болгарией и Россией, проходящих по линии образования и воспитания представителей болгарской интеллигенции в то время. Показательна история Екатерины Каравеловой. Приехавшая в Россию возрасте в 9 лет сперва в Николаев, потом в Киев и, наконец, через год в Москву, она воспитывалась в семье генерала В.А. Лермонтова и его супруги Е.А. Лермонтовой. Катя Каравелова оказалась в доме, в котором воспитывалась первая женщина доктор по химии в России Ю.В. Лермонтова и куда была вхожа Софья Ковалевская, выпускницы одной и той же гимназии. Е. Каравелова окончила полный гимназический курс с золотой медалью и вернулась в страну в 1878 г.³⁹ Супруга Петко Каравелова своей эрудицией и общественной активностью в Болгарии и за рубежом – одна из самых ярких фигур начала века. Екатерину Каравелову уважали, принимали во дворце. Энергичная и верная соратница политика-русософила Петко Каравелова, она подвергалась политическим репрессиям со стороны режима Ст. Стамболова. Бееспорно, что не только личные качества, но среда и образование помогли ей в реализации незаурядных качеств.

Стоит отметить и другой факт: Н.И. Кареев и А.Л. Линберг (отец его супруги и известный российский географ и педагог) были преподавали историю и географию в московской частной школе С.Н. Фишер, одной из первых подобных заведений в Империи, ставшей эталоном⁴⁰. Эту школу, судя по имеющимся сведениям, окончила в 1888 г. Параскева Величкова⁴¹, которая „была привезена совсем маленькой девочкой с войны 1877–1878 года каким-то русским полком, ее удочерившим”. В списках выпускниц гимназии до 1912 г. в 1888 г. только одна Параскева с фамилией Кёхли⁴². Идея о создании классической женской гимназии в Российской империи, получила одобрение М.Н. Каткова и поддержку попечителя Московского учебного округа кн. А.П. Ширинского-Шихматова и министра народного просвещения. „Воспитанницам гимназии по «высочайшему повелению» были дарованы особые льготы: те, кто успешно окончил шесть классов, получал право называться домашними учителями, окончившие курс с отличием – домашними наставницами”⁴³. Информа-

³⁹ Каравелова, Спомени 1984: 9 и сл.

⁴⁰ Владимирский 1912: 90.

⁴¹ Кареев 1990: 216.

⁴² Владимирский 1912: 85. Сведения, которые известны о ней в Болгарии не содержат конкретных данных ни о ее судьбе в детстве, ни о Московском ее образовании.

⁴³ Регалюк 2008: 25.

ция об учебных заведениях промелькнула неслучайно в тексте Кареева. Она имеет прямое отношение к его восприятию разных измерений незримой интеллектуальной общности, в которую он попал в Болгарии.

Профессиональные контакты Кареева в ходе второго визита расширились. Она проходила на фоне эйфории ожидания начала Первой Балканской войны. Впервые на этот раз он вскольз упоминает факт, что он выступал перед публикой. В этом рассказе появляется и личность незаурядного болгарского интеллектуала проф. Ивана Шишманова, с которым он беседует, проводит свободное время, знакомится с жителями столицы и студентами. Этот визит совпал со временем, когда пост министра народного просвещения занимает другой не менее известный персонаж первых десятилетий молодого государства Стефан Бобчев (март 1911 г. – октябрь 1912 г.), чей брат – один из переводчиков учебников Кареева. Можно предположить, что именно в ходе этих встреч русского историка сводили в болгарские школы показать, как идет обучение истории с использованием его учебников⁴⁴. Результатом такого знакомства стала публикация Н.И. Кареевым короткой информации о состоянии высшего и среднего образования в Болгарии⁴⁵.

В отличие от Милюкова Кареев мог видеть структурную эволюцию первого университета и становление более четкой кафедральной корпорации⁴⁶. У студентов-историков первоначально учебный план формировался из тематических групп лекций сначала сперва по 11-ти, а с 1904 г. – уже по 16-ти „кафедрам“. Расширение тематического содержания преподавания увеличило потребность в квалифицированных преподавателях, что заставляло университетские власти приглашать иностранных профессоров, в т.ч. из России. Традиция родилась еще в первые годы, когда в числе первых приглашённых были именно историки – М.П. Драгоманов и П.Н. Милюков⁴⁷. Война прервала эту тенденцию, и она восстановилась только после 1917 г.

А.В. Амфитеатров, посетивший страну сразу в 1896 г., после того, как Голенищев-Кутузов, личный эмиссар нового императора Николая II, крестил молодого престолонаследника Бориса по второму разу в православие, что было условием *sine qua non* для восстановления прерванных в 1886 г. дипломатических отношений, поделится своими впечатлениями: *„Относительно болгарского высшего учебного заведения – Великой школы – Константин Величков осуществил еще более широкие русофильские замыслы. Он сделал предложения читать в этом болгарском полуниверситете бывшим профессорам Московского университета – известному социологу М.М. Ковалевскому и историку Милюкову. М.М. Ковалевский, увлеченный работой в итальянских архивах, не пожелал принять приглашения, а г. Милюков принял и, по смерти знаменитого Драго-*

⁴⁴ Кареев 1990: 216.

⁴⁵ Цит. по: Кареев 1912. № 40. N.V.

⁴⁶ Попова 2020.

⁴⁷ Бицилли 2019: 487-490.

манова, года два управлял Великою школою. Сейчас г. Милюковъ один изъ лучшихъ нашихъ болгароведов, особенно, во всем, что касается Македонии. Предложение г. Величкова ставило русскимъ профессорамъ условия: два года они имели право читать по-русски, а третий курсъ обязывались читать по-болгарски. Вознаграждения предлагались весьма щедрыя: г. Милюкову – 15,000 франковъ за курсъ, а г. Ковалевскому – до 30,000 франковъ. На нужды просвещения болгаре не жалеютъ денегъ"⁴⁸. Длинноватая цитата, но в ней важная информация. Первоначально приглашение происходило по инициативе ректората, но в 1906 г. государство усиливает свой контроль над университетской автономией и законодательно это право было делегировано министру народного просвещения⁴⁹.

Уч. год 1888/1889 назовем экспериментальным. Сразу после начала учебного 1889/1890 г. место С. Станимирова занимает первый ординарный профессор по „Всеобщей истории” Михаил Драгоманов. До 1875 г. он был штатным доцентом „Всеобщей истории” Киевского университета. Уволенный без права читать лекции, Драгоманов покинул Россию и, после того как обосновался в Болгарии и стал преподавать в унверситете, остался в Софии до самой своей кончины в 1895 г. Отношения между Драгомановым и его болгарскими коллегами имели относительно длинную историю, еще до приезда в Софию, в Женеве, он познакомился как с представителями болгарского революционного движения, так и с талантливыми молодыми учеными. В их среде был и Иван Шишманов, будущий его зять. Анализ этой линии общения Кареева – близость с блистательным ученым, государственным деятелем и паневропеистом, открывает другие вопросы – о нации и целях национальных революций, международных отношениях и Пан-Европы, потому и не будем в этом тексте рассуждать на основе известных фактов⁵⁰.

Студенты проф. Драгоманова слушают три его лекционных курса по истории Востока, Греции и северо-западных народов⁵¹. Сразу после него с весны 1897 г. и по 30 июня 1898 г. в аудитории входит проф. Милюков⁵². De jure и de facto два эмигранта – Драгоманов, а за ним Милюков оказались в Софии прежде всего по причине академической солидарности. У обоих были проблемы с университетскими властями – в разные годы они лишились своих кафедр⁵³. Именно поэтому их пригласили в Болгарию. В 1897 г. лекционные курсы по всеобщей истории перешли к Милюкову, избранному ординарным профессором всеобщей и славян-

⁴⁸ Амфитеатров: 107-108.

⁴⁹ Петров 2015: 180-181.

⁵⁰ В Научном архиве БАН 5 оп. Личного фонда Ивана Шишманова и они ожидают своего исследователя. <http://archiv.cl.bas.bg/Participants/F.11k%20Shishmanov.htm>

⁵¹ Алманах... 1988: 182.

⁵² Алманах... 1988: 351.

⁵³ Идеино-политические взгляды Драгоманова и его публичная деятельность привели к тому, что его обвинили в украинском национализме и уволили в 1875 г. из Киевского университета. После десятилетия жизни в эмиграции, он становится профессором унверситета в Софии сразу после его открытия.

ской истории и истории христианской церкви, что указано в документах Софийского университета⁵⁴. Из его «Воспоминаний» узнаем существенные детали той человеческой и академической атмосферы, которая была характерна для университета, подробности его отношений с болгарскими коллегами и их семьями, о формировании круга интеллектуалов молодой Болгарии, среди которых Милоков обрел хороших друзей и долгие годы не прерывал свои контакты, переписку и встречи с ними. Десятилетия спустя он рисует теплыми красками картину молодого академического содружества, своих отношений со студентами⁵⁵. Его поразила аудитория, всегда переполненная студентами. Они плохо говорили по-русски, но приходили лишь для того, чтобы слушать русскую речь⁵⁶. Сам Милоков утверждает, что приступил к чтению своего курса по „Славянским древностям и археологии“. В официальной документации находим более точные названия: „История средних веков“ и „Чешская история“⁵⁷. Время, когда он преподает в университете, совпадает со студенческими волнениями в Софии, начавшимися после убийства писателя Алеко Константинова. Молодежь требовала больше свободы и корпоративных прав. За всем этим, однако, отчётливо просматривался непогасший огонь национальной революции. Студенты хотели принять более активное участие в освободительной борьбе болгар на тех территориях, где после Берлинского договора остались жить компактные массы болгарского населения.

Вскоре Милокову пришлось покинуть университет – российский посол в Софии (1848–1904) Г.П. Бахметьев⁵⁸ (1848–1928) потребовал от болгарских властей его увольнения из-за пустякового недоразумения: он не посетил организованное дипломатом по какому-то поводу чаепитие. Над только что восстановленными дипломатическими отношениями снова нависли грозные тучи: Империя ожидала уважения и повиновения. Во избежании дальнейшего конфликта, министр народного просвещения Константин Величков по указанию премьер-министра Константина Стоилова (1853–1901), который приложил неимоверные усилия, чтобы получить благорасположение нового императора и восстановить дипломатические отношения, попросил Милокова уволиться и покинуть страну. Павла Николаевича уволили, выплатив ему, как было предусмотрено по контракту, заработную плату за год вперед. Летом 1898 г. он отправился с экспедицией в Османскую империю⁵⁹.

После отъезда Милокова университет не прерывает связи с представителями российской исторической науки, продолжается научное общение, в нем можно увидеть и присутствие Кареева. Так, сразу после сво-

⁵⁴ Алманах... 1988: 351.

⁵⁵ Подробнее об этом периоде см. Трибунский 2002: 151-168.

⁵⁶ Милоков 1991: 126.

⁵⁷ Алманах... 1988: 351.

⁵⁸ Сам он подписывает даже официальные бумаги именем Юрий.

⁵⁹ Трибунский 2002, pass.

его второго возвращения с Балкан (11 октября 1912 г.) он выступает одним из авторов обращения к русскому обществу с призывом о «нравственной и материальной помощи» балканским славянам. Текст обращения составила „группа прогрессивных общественных деятелей”, собравшихся на квартире Ковалевского, среди которых были известные в России учёные и историки: В.М. Бехтерев, А.Н. Брянчанинов, В.И. Вернадский, Н.С. Державин, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, Н.П. Кондаков, П.А. Лавров, П.А. Ровинский, М.И. Ростовцев, Д.И. Семиз, Ф.Ф. Фортунатов, М.П. Чубинский, А.А. Шахматов, Н.В. Ястребов, А.И. Яцимирский и другие, чьи подписи стоят под обращением⁶⁰.

Контакты между российскими и болгарскими историками не прерывались и во время войн – руководство Исторического семинара ИФФ осуществляет с 1911/1912 у.г. выпускник Петербургского университета проф. Васил Златарский (Златарски), однокурсник и совыпускник (1891) проф. Эрвина Гримма. В личном фонде В. Златарского в Архиве БАН, появился реальный „след” Н.И. Кареева как отражение межкаademicских связей: письмо Златарскому о том, что его выбрали членом Организационного комитета несостоявшегося в 1918 г. в Петрограде IV Международного конгресса историков⁶¹. Организация конгресса стартовала осенью 1913 г. в ходе т.н. „частных совещаний” петербургских профессоров. На первое из них, 17 ноября 1913 г., А.С. Лаппо-Данилевский пригласил В.В. Бартольда, А.А. Бобринского, А.А. Васильева, И.М. Гревса, Э.Д. Гримма, М.А. Дьяконова, С.А. Жебелева, Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, Н.Я. Марра, П.П. Митрофанова, С.Ф. Ольденбурга, М.И. Ростовцева, Б.А. Тураева, Б.В. Фармаковского. Задачей таких совещаний была, прежде всего, выработка решений предстоящего предварительного исторического съезда, который должен был определить программу и состав органов международного конгресса. На совещаниях был определен еще более узкий круг организаторов — А.С. Лаппо-Данилевский, Н.И. Кареев, М.И. Ростовцев. В декабре 1913 года Лаппо-Данилевским, возможно, при участии Н.И. Кареева и М.И. Ростовцева, был составлен список организаций и лиц, намеченных для участия в организации будущего международного конгресса, а также прописано, как будет осуществляться связь между организаторами.

Письмо Кареева Златарскому в Архиве БАН, скорее всего, часть этих событий. По отметке можно судить, что в Софии его получили 22 мая 1914 года. Война и революция изменили многое. Соратники и ученики Н.И. Кареева, „Нестора современных русских историков”, как написал о нем немецкий журнал в 1925 г., разошлись по всему миру⁶². Совсем скоро „Время” соберет кое-кого из них в Болгарии, насовсем или по пути в Белград, Прагу, Париж. Для историков университета им. Кли-

⁶⁰ Гусев: 103

⁶¹ Архив, а.е. 122.

⁶² Бузескул: 168.

мента Охридского, это был второй шанс стать и остаться частью европейской исторической науки и ее достижений в области новистики.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Архив на БАН, ф. 9К „Васил Златарски“, оп.1-2, а.е.122. София, 22 май 1914. Н. Кареев до В. Златарски. [Arhiv na BAN, f. 9K „Vasil Zlatarski“, op.1-2, а.е.122. Sofiya, 22 maj 1914. N. Kareev do V. Zlatarski].
- Алманах на Софийския университет „Климент Охридски“. 1888-1939. С., УИ „Климент Охридски“, 1988. С. 305. [Almanah na Sofijskija universitet „Kliment Ohridski“.1888-1939. S., UI „Kliment Ohridski“, 1988. S. 305.]
- Амфитеатров, А.В. Недавние люди. С.-Петербургъ: Тип. „Т-ва Худож. Печ.“ 1901. [Amfiteatrov A.V. Nedavnie lyudi. S.-Peterburg", Tip. T-va Hudozh. Pech. 1901].
- Атанасов Н. Т.Г. Влайков [Atanasov N. T.G. Vlajkov // URL: liternet.bg/publish5/natanasov/tvlaikov.htm].
- Биографическият словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: Материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В.И. Ульяновский]. Т. 2, Киев, КДА, 2015; Т. 3, Киев, КДА, 2019. [Biograficheskiy slovar' vyupusknikov Kievskoy duhovnoy akademii: 1819–1920-e gg.: Materialy iz sobraniya prof. protoiereya F. I. Titova i arhiva KDA : v 4 t. / [sost. V. I. Ul'yanovskij]. Т. 2, Kiev, KDA, 2015; Т. 3, Kiev, KDA, 2019.]
- Бицилли П.М. Трагедия русской культуры. Исследования, статьи, рецензии. Москва-Берлин, DirectMEDIA, 2019, 487-490. [Bicilli P.M. Tragediya russkoj kultury. Issledovaniya, stat'i, recenzii. Moskva-Berlin, DirectMEDIA, 2019, 487-490.]
- Бузескул, В. Всеобщая история и ее представители в России в XIX начале XX века. Часть первая. Л.: Изд. АН СССР, 1929, 220 с. [Buzeskul, V. Vseobshchaya istoriya i ee predstaviteli v Rossii v XIX nachale XX veka. Chast' pervaya. L.: Izd. AN SSSR, 1929, 220 s.]
- Владимирский И.П. Состав. Историческая записка о 40-летию женской классической гимназии С.Н. Фишер. Москва, 1912, 99 с. [Vladimirskij I.P. Sostav. Istoricheskaya zapiska o 40-letii zhenskoy klassicheskoy gimnazii S.N. Fisher. Moskva, 1912, 99 s.]
- Генов Р. Професор Димитър Д. Агура и началото на преподаванията по нова и най-нова история.// Димитрова, Цв., Л.Зидарова. Димитър Агура – първостроителът, ученият, човекът. С., УИ „Св. Кл.Охридски“,2004, 40-49. [Genov R. Profesor Dimit'r D. Agura i nachaloto na prepodavaniyata po nova i naj-nova istoriya.// Dimitrova, Cv., L.Zidarova. Dimit'r Agura – p'rvostroitel't, ucheniyat, chovek't. S., UI „Sv. Kl.Ohridski“,2004, 40-49.]
- Григорович И.И. Очерки новейшей истории (1815-1883). IV-е изд. СПб, типография Ф.Павленко, 1883. [Grigorovich I.I. Ocherki novejshoj istorii (1815-1883). IV-e izd. SPb, tipografiya F.Pavlenko, 1883.]
- Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время балканских войн (1912–1913). М., ИНДРИК, 2020, 520 с. [Gusev, N.S. Bolgariya, Serbiya i russkoe obshchestvo vo vremya balkanskih vojn (1912–1913). M., INDRIK, 2020, 520 s.]
- Димитрова Цв., Л.Зидарова. Димитър Агура – първостроителът, ученият, човекът. С., УИ „Св. Кл.Охридски“, 2004. [Dimitrova Cv., L.Zidarova. Dimit'r Agura – p'rvostroitel't, ucheniyat, chovek't. S., UI „Sv. Kl.Ohridski“, 2004.]
- Долгова Е.А. „Общая методология гуманитарных наук“ и Н.И.Кареев (1850–1931) // Историческая психология и социология наук. 2013. Т. 6, 2, 185-198 [Dolgova E.A. „Obshchaya metodologiya humanitarnyh nauk“ i N.I. Kareev (1850–1931)/Istoricheskaya psihologiya i sociologiya nauk. 2013. T. 6, 2, 185-198.]
- Займова Р. Русо – Крачунов или за един български прочит // Природа и общество, Нови изследвания за Жан-Жак Русо. Nature et Societe. Nouvelles etudes rousseauistes. Съст. и ред. Р. Займова и Н. Аретов. С.: „Краллица Маб“, 2010, с. 167-178. [Zaimova R., Ruso – Krachunov ili za edin b'lgarski prochit // Priroda i obshchestvo. Novi izsledvaniya za Zhan-Zhak Ruso. Nature et Societe, Nouvelles etudes rousseauistes. S"st. i red. R. Zaimova i N. Aretov. S., „Kralica Mab“, 2010, s. 167-178.]
- Илчев И., В. Колев, И. Баева, Е.Калинова, Цв.Тодорова. Софийски университет „Св. Климент Охридски – първите 130 години“. С., УИ „Св. Климент Охридски“, 2018. [Ilchev I., V. Kolev, I.Baeva, E.Kalinova, Cv.Todorova. Sofijski universitet „Sv. Kliment Ohridski – p'rvite 130 godini“. S., UI „Sv. Kliment Ohridski“, 2018.]

- Карavelова Е. Спомени. София, Отечествен фронт, 1984. [Karavelova E. Spomeni. Sofiya, Otechestven front, 1984].
- Кареев Н. И. Прожитое и пережитое / Подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.П. Золотарев. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. 384 с. [Kareev N. I. Prozhitoe i perezhitoe / Podgotovka teksta, avt. vstup. st. i kommentariiev V.P. Zolotarev. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1990. 384 s.].
- Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории: Т. 1-3. М.: тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1883–1890. [Kareev N.I. Osnovnye voprosy filosofii istorii: T. 1-3 / N. Kareev. Moskva: tip. A.I. Mamontova i K^o, 1883–1890].
- Кареев Н.И. Политическая история на Европа от Френската революция до днес. Прев. Цв. Маринов. София, „Знание“. Без дата, 292 с. [Kareev N.I. Politicheska istoriya na Evropa ot Frenskata revolyuciya do dnes. Prev. Cv. Marinov. Sofiya. „Znanie“. Bez data, 292 s.].
- Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории: Т. 1-3. М.: тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1883–1890. [Kareev N.I. Osnovnye voprosy filosofii istorii: T. 1-3. Moskva: tip. A.I. Mamontova i K^o, 1883–1890].
- Кирсанова Е.С. Современные споры о модернизации методологии исторической науки и методологические дискуссии в русской историографии второй половины XIX – начала XX в. // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / (ред.) Б.Г. Могильницкий и др. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 80-85. [Kirsanova E.S. Sovremennye spory o modernizacii metodologii istoricheskoy nauki i metodologicheskie diskussii v russkoj istoriografii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. // Mezhdisciplinarnyj sintez v istorii i social'nye teorii: teoriya, istoriografiya i praktika konkretnyh issledovanij / (red.) B.G. Mogil'nickij i dr. Moskva IVI RAN 2004. S. 80-85].
- Лаптева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой четверти XX в. М.: Индрик, 2012. [Lapteva L.P. Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v konce XIX – pervoj chetverti XX v. M.: Indrik, 2012.].
- Милуков П. Воспоминания. М., Политиздат, 1991. [Milyukov P. Vospominaniya. M., Politizdat, 1991.].
- Мутафчиева В., В. Чичовска (ред.). Съдът над историците. Българската историческа наука. Документи и дискусии. 1944–1950. . С., АИ „Марин Дринов“, 1995. [Mutafchieva V., V. Chichovska (red.). S" d" t nad istoricite. B" lgarskata istoricheska nauka. Dokumenti i diskusii. 1944–1950. . S., AI „Marin Drinov“, 1995].
- Петров П. Със справочниците – компетентно и отговорно: Исторически факултет 1888-2008: алманах. Пропелер. С., 2015. 191. [Petrov P. S" s spravochnicite – kompetentno i otgovorno: Istoriesheski fakultet 1888-2008: almanah. Propeler. S., 2015. 191.].
- Попова Т.Н. Кафедральные корпорации: проблемы изученности. // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века. Т. 1. Казань, Изд. Казанского университета, 2020, 130-134. [Popova T.N. Kafedral'nye korporacii: problemy izuchennosti. // Vseobshchaya istoriya i istoricheskaya nauka v XX – nachale XXI veka. T.1. Kazan', Izd. Kazanskogo universiteta, 2020, 130-134.].
- Радева М. Училищното историческо образование в България (1878–1944). Методико-исторически анализ, С., ИК „Гутенберг“, 2008, 243 с. [Radeva M. Uchilishchoto istoricheskoto obrazovanie v B" lgarïya (1878–1944). Metodiko-istoricheski analiz, S., IK „Gutenberg“, 2008, 243 s.].
- Регалюк М.М. Женские гимназии и училища в российском образовании начала XX века // Вестник Московского университета МВД России. Серия Педагогические науки. 2008. № 9. С. 24-26. [Regalyuk M.M. Zhenskije gimnazii i uchilishcha v rossijskom obrazovanii nachala HKH veka // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. Seriya Pedagogicheskie nauki. 2008. № 9. S. 24-26.].
- Репина Л.П., Г.П. Мягков. Интеллектуальная культура и научные коммуникации // Вестник Удмурдского университета, 2014. Серия „История“, вып. 3, 137-142. [Repina L.P., G.P. Myagkov. Intellektual'naya kul'tura i nauchnye kommunikacii // Vestnik Udmurdskogo Tribunskij P.A. P.N. Milyukov v Bolgarii (1897–1899 gg.) // Novaya i novejschaya istoriya, 2002,4, 151-168.].
- Цацаров Д. Димитър Михалчев – формирането на философа (1903-1904). С., Авангард Прима, 2019, с. 50. [Sacarov D. Dimit'r Mihalchev – formiraneto na filosofa (1903–1904). S., Avangard Prima, 2019, s. 50].

- Чеканцева З.А. (ред.). Историки в поисках новых перспектив. М.: Аквилон, 2019. 416 с. [СНеkanceva Z.A. (red.). Istoriki v poiskah novykh perspektiv. M., Akvilon, 2019, 416 s.].
- Чеканцева З.А. Проблема времени в исторической культуре Антропоцена // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века. Сб. ст. Т. I. Казань, 2020, 12-15. [СНеkanceva Z.A. Problema vremeni v istoricheskoy kul'ture Antropocena.// Vseobshchaya istoriya i istoricheskaya nauka v XX – nachale XXI veka. Sb. st. T. I. Kazan', 2020, 12-15].
- Янков-Вельовски Я.Н. Политически и правни учения (Основи на политикоправниа генезис). Т. 5. Средновековие. Кн. 2. Русия. С., «Янус», 2007 [YAnkov-Vel'ovski YA.N. Politicheski i pravni ucheniya (Osнови na politikopravniа genезis). T. 5. Srednovekovie. Kniга 2. Rusiya. S., «YAnus», 2007].

Михнева Румяна Ангелова, доктор исторических наук, профессор, Варненский свободный университет «Черноризец Храбър», Варна, Болгария; r.mihneva@vfu.bg

Кирсанова Екатерина Семёновна, кандидат исторических наук, доцент, Северский технологический институт, Московский Национальный исследовательский университет «МИФИ» г. Северск Томская область (СТИ НИЯУ МИФИ); zavkir@mail.ru

Nikolay Kareev "the Elder of Russian Historians" or at the Origins of the Bulgarian Modern History Studies

Using the example of the activities of Russian historians, university lecturers on “New and Contemporary History” at Sofia University in the late 19th and early 20th centuries, the authors trace the origins and features of Bulgarian novistics. The connecting link in the search for clarification of the spatio-temporal characteristics of the Russian historical school is the personality of Nikolai Kareev, his students, associates, friends, Bulgarian colleagues and public figures.

Keywords: *N.I. Kareev, E. D. Grimm, V.A. Myakotin, P.M. Bitsilli, Sofia University, St. Petersburg University, Novistika, historical science, historical education*

Rumyana Angelova Mihneva, Doctor in History. Professor, Varna Open University «Chernorizets Hrabr», Bulgaria; r.mihneva@vfu.bg

Ekaterina S. Kirsanova, PhD in History, Associate Professor, Seversk Technological Institute, Moscow National Research University; zavkir@mail.ru

ИЗРАИЛЬСКИЕ ИСТОРИКИ ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА

Статья посвящена анализу основных тенденций в израильской историографии первых двух десятилетий XXI века. Этот период уникален прежде всего тем, что именно в это время израильские историки выходят далеко за рамки исследований, связанных сугубо с еврейской историей и Израилем. И именно в это время исследования израильских историков, посвященные изучению глобальных проблем и процессов современности, получают всемирное признание. Речь здесь идёт прежде всего о работах Ю.Н. Харари и А. Конфино. Особое место в предлагаемой статье посвящено анализу связи между основными тенденциями в развитии израильских государства и общества с процессами, имевшими место в исторической науке этой страны.

Ключевые слова: *Израиль, историография, Алон Конфино, Ю.Н. Харари, Б. Нойман*

Израильская историография является отражением процесса формирования государства Израиль. По этой причине изучение данной темы имеет особое значение для понимания современных израильских реалий. Однако этим актуальность темы статьи не исчерпывается. Израильские историки XXI в. сняли покров сакральности с Холокоста и истории Третьего Рейха, тем самым открыв путь к научному изучению этих, прежде во многом табуированных для исследователей, тем¹. Следует отметить, что еврейская история и изучение современного Израиля всегда были центральной темой в исследованиях израильских историков. Так, в 2019 г. вышло в свет объёмное издание «Еврейские и израильские исследования в XXI веке: Перекрестки и перспективы», под редакцией Карстена Шапкова и Клауса Хёдля², представляющее собой собрание научных эссе современных, прежде всего израильских исследователей, по теме еврейской истории и современного еврейского государства. Данное издание представляет читателю различные подходы и направления исследований современных израильских историков. Тем не менее, для оценки вклада современных израильских исследователей в развитие историографии XXI в. необходимо более глубокое и детальное исследование. Цель статьи заключается в том, чтобы показать связь современной израильской историографии с глобальными процессами, имеющими место в мире сегодня, а также определить основные процессы и явления в исторической науке еврейского государства в XXI в. Для реализации этой цели в статье решаются следующие задачи:

¹ Не секрет, что до сих пор восприятие Холокоста исследователями диктуется концепцией Майкла Беренбаума об уникальности этой трагедии. – Berenbaum 1981: 85-96. Что касается истории Третьего Рейха, то здесь общепринятой долгое время являлась точка зрения, согласно которой нацизм рассматривался как абсолютное зло. Подобный подход, естественно, исключал возможность применения методов микро- и метаистории. Подробнее об этом феномене речь пойдёт ниже.

² Carsten Schapkow & Klaus Hödl 2019.

1. Изучение взаимосвязи между изменениями в политической, экономической и общественной жизни Израиля в первые два десятилетия XXI в. и развитием израильской историографии в этот же период.

2. Обоснование критериев для построения периодизации истории израильской исторической науки.

3. Детальное изучение третьего периода в истории израильской исторической науки, а именно – второго десятилетия XXI века.

Источниками для данного исследования послужили монографии и статьи трёх современных израильских историков, оказавших наибольшее влияние на развитие современной израильской историографии: доктора Боаза Ноймана, профессоров Алона Конфино и Юваля Ноя Харари.

В данной статье, посвященной историографическому анализу, использованы историко-генетический, сравнительно-исторический, типологический и историко-системный подходы.

Предпосылки к появлению новой израильской историографии

В ноябре 2006 года в открытом университете Израиля состоялась научная конференция на тему «2020 год – будет ли существовать Израиль?», на котором выступили представители разных областей израильской науки³. Именно в такой радикальной форме вопрос о выживании государства Израиль был сформулирован не случайно. Отступление израильской армии из Ливана в 2000 г. году после 18 лет противостояния с Хезболлой, начавшаяся в это же время Вторая Интифада, неспособность Израиля контролировать сектор Газа и, как следствие, эвакуация еврейских поселений из сектора, наконец, провалы израильской армии во Второй Ливанской войне – все эти события стали тяжёлыми психологическими травмами для израильского общества. Однако разразившийся в 2008 г. мировой кризис, внушавший многим как в Израиле, так и за его пределами, опасения за судьбу еврейского государства, не только не подтвердил самые пессимистические прогнозы, но и заставил израильское общество совершенно иначе взглянуть на свое будущее.

Уже 2010 год стал поворотным для Израиля во многих отношениях. Именно в этом году американская компания Noble Energy обнаружила на морском шельфе Израиля вблизи ливанской границы одно из крупнейших в мире месторождений природного газа. Это открытие обеспечило Израилю статус региональной энергетической державы. К этому же времени за Израилем уже прочно закрепился имидж страны стартапов. Социальные потрясения и гражданские войны в Арабском мире XXI века серьёзно ослабили основных противников еврейского государства, и главной угрозой для Израиля с этого времени становится Иран, не имеющий с ним общей границы. Привыкшие жить бок о бок с непосредственными угрозами, израильтяне быстро свыклись с мыслью о том, что враг находится теперь где-то далеко. Но главное, израильско-палестинский конфликт, являвшийся на протяжении ста лет главной

³ Барновски 2006.

проблемой для нескольких поколений израильтян, в начале второго десятилетия XXI в. стал восприниматься в израильском обществе как второстепенный или даже гораздо менее значимый фактор в развитии страны. Так в период с 2009 по 2014 гг., в серии масштабных военных акций, Израиль сокрушил инфраструктуры ХАМАСа в секторе Газа. Одновременно с этим, на Западном Берегу реки Иордан и в Восточном Иерусалиме было начато невиданное прежде по масштабам строительство новых и расширение прежних еврейских поселений. Этот процесс не только радикально изменил демографический баланс на контролируемых Израилем палестинских территориях, но и полностью стёр в общественном сознании израильтян термин «Зелёная черта»⁴. Например, город Ариэль, построенный как еврейское поселение на оккупированных территориях, стал восприниматься израильтянами как сугубо израильский город. Наконец, последовательное укрепление израильско-американского альянса, как следствием американских военных операций на Ближнем Востоке, также добавило израильтянам уверенности в своём будущем. В массовом сознании израильтян еврейское государство отныне стало надёжной крепостью и оазисом благополучия.

Таким образом, во втором десятилетии XXI в. в сознании израильтян произошёл не только стремительный переход от глубокого пессимизма к оптимизму, но и сформировалась стойкая уверенность в своём будущем. Как следствие, впервые в истории страны проблема выживания еврейского государства во враждебном окружении уступает в общественном сознании место известным брендам как западной, так и восточной культур: веганству, защите животных, феминизму, ЛГБТ, медитативным практикам. Всё это воплощается в индивидуализме, в форме интенсивной заботы о себе. Индивидуализм вытесняет национальные приоритеты. Однако образ современного израильского общества будет неполным без учёта главного фактора, повлиявшего на его трансформацию – глобализации. В наши дни Израиль являет собою пример успешной интеграции национального государства в мир глобализма, достигнутой прежде всего за счёт разрабатываемых в Израиле инновационных технологий. Благодаря данному фактору, в сознании израильтян прочно закрепился образ еврейского государства уже не просто как региональной державы, а как важной составляющей современного миропорядка.

Обозначенные процессы нашли выражение и в израильской историографии, поскольку все упомянутые здесь факторы радикально изменили не только общественное сознание израильтян, но и мировоззрение израильских историков. Изменения выразились прежде всего в том, что для современных израильских историков столетний израиль-

⁴ «Зелёная черта» – демаркационная линия, обозначающая условную границу между государством Израиль и палестинскими территориями Западного Берега реки Иордан, над которыми израильская армия установила контроль в результате Шестидневной Войны 1967 г. В начале XXI в. «Зелёная черта» стала достоянием прошлого по крайней мере в сознании израильтян.

ско-палестинский конфликт уже не является объяснением ни существующих реалий, ни истории современного еврейского государства.

Основные тенденции израильской историографии в XXI веке

Молодые израильские исследователи на рубеже веков выходят далеко за рамки собственно израильской историографии и обращаются к ключевым моментам всемирной истории и глобальным проблемам современности. Речь идёт прежде всего о наиболее значимых для формирования современной израильской историографии исследователях: Боазе Ноймане, Алоне Конфино и Ювале Ное Харари, которые одними из первых переключили внимание с проблем собственно Израиля на общемировые процессы и задумались над вопросом о влиянии универсальных тенденций на генезис и историю еврейского государства.

Среди характерных черт израильской историографии XXI века следует отметить прежде всего процесс десакрализации. Если для первого поколения (до середины 1970-х гг.) исторические исследования определялись идеологией, создаваемых ею табу и, соответственно, сакральными темами (такими, как Холокост, например), на интерпретацию которых существовал негласный строжайший запрет, для израильских историков XXI века вообще не существует ни табу, ни сакральных тем⁵. Это относится прежде всего к теме Третьего Рейха, который предшествующими поколениями воспринимался как абсолютное зло. Для поколения так называемого «пост-сионизма» – нацизм уже не абсолютное зло, а такая же тема для научного исследования, как и любое другое историческое явление. С десакрализацией тесно связан и процесс отказа от стереотипов прошлого. Если для израильских историков предшествующих поколений принцип уникальности Холокоста являлся выражением уникальности истории и судеб еврейского народа в целом, одновременно знаменуя собой своего рода границу интерпретаций, пересекать которую строго воспрещалось, то для нового поколения никаких ограничений в этом направлении не существует.

В том, что израильские историки нового поколения радикально отличаются от своих предшественников, нет ничего удивительного, если учесть совершенно разные условия, в которых формировались те и другие как личности и исследователи. Если до 1970-х гг. доступ в архивы Израиля для историков был строго ограничен и зависел от политической ориентации того или иного исследователя, то поколению историков, начавших свою научную деятельность в начале 1990-х гг., был открыт доступ не только к израильским документам, но и к архивам бывшего СССР и стран, входивших в состав советского блока.

Существенное влияние на формирование третьего поколения израильских историков оказал процесс глобализации, начавший стремительно развиваться после окончания эпохи биполярного мира. Если представители первого поколения израильских историков были идей-

⁵ Ружанский 2019: 225-243.

ными сионистами, ангажированными тем или иным политическим течением, второе поколение – релятивистами, затеявшими ревизию официальной истории, то третье поколение израильских историков формировалось уже в период окончания биполярного мира, во время бурного развития процессов глобализации или, точнее, универсализации мира.

Особый вклад в израильскую историографию XXI века внёс Боаз Нойман (1971–2015). Доктор Боаз Нойман прожил всего сорок четыре года, но успел написать монографии, которые оказали серьёзное влияние на развитие израильской исторической науки. Он принципиально писал и читал лекции только на иврите. В сферу его интересов входили Первая мировая война, Веймарская республика, история раннего сионизма и еврейского анклава Палестины, особенно в период Второй и Третьей алии⁶. Однако центральное место в его исследованиях занимал Третий Рейх. Д-р Нойман рассматривал нацистскую Германию уже совершенно иначе, чем его предшественники. Его наиболее значительная работа «Нацизм»⁷ была посвящена главным образом анализу классических подходов к теме, в ней автором были представлены основные положения традиционных, монументальных исследований нацизма. Однако автор не ограничился одним только описанием существовавших к началу 1990-х гг. концепций. Это исследование д-ра Ноймана стало своего рода манифестом нового поколения израильских историков, начавших деятельность в 1990-х гг. и восставших против подхода предыдущего поколения исследователей.

Как декларирует д-р Нойман в предисловии к своей монографии, побудительным мотивом для его исследования стала книга Яна Кершоу «Гитлер», автор которой видел в нацистском диктаторе абсолютное зло и через его образ пытался объяснить природу зла в человеке⁸. Д-р Нойман отверг подобный подход. В отличие от историков предыдущего поколения, описывавших нацизм через одну всеобъемлющую теорию, новое поколение занялось исследованием микроистории нацизма – т.н. малых, второстепенных или даже незначительных, на первый взгляд, процессов и событий Третьего Рейха. Переход от макроистории нацизма к его микроистории, стал возможен, как заявляет автор в предисловии к своей монографии, благодаря отказу от морального императива историков прежних поколений, видевших в нацизме абсолютное историческое зло: «Многие историки писали историю нацизма, как историю человеческой моральной этики о зле и путях борьбы с ним»⁹. Из этой фразы историка можно понять, что история человечества не являлась для него развитием моральных норм и борьбой добра со злом.

После чтения книги д-ра Ноймана и прослушивания его лекций напрашивается вывод о том, что автор вообще отвергает моральный

⁶ Нойман 2009.

⁷ Нойман 2007.

⁸ Кершоу 1997.

⁹ Нойман 2013.

императив при объяснении исторических событий, – подход, который едва ли может быть принят безоговорочно. Вместе с тем, нельзя не согласиться с его утверждением о том, что прежний подход, предполагавший восприятие истории Третьего Рейха как явления уникального, несопоставимого со всей остальной историей человечества, исключал в принципе возможность более глубокого исследования нацизма. Как было отмечено выше, для анализа истории Третьего Рейха д-р Нойман обращается к микроистории. Однако переход от макроистории к микроисторией является лишь частью используемой им методологии. Д-р Нойман исследует Третий Рейх в широком историческом контексте. Например, автор изучает нацистские концлагеря в контексте истории концентрационных лагерей. Ещё дальше он идет в своих исследованиях Холокоста, когда проводит сравнительный анализ Катастрофы европейского еврейства и других геноцидов, известных истории. Подобный вопрос в предшествующие периоды израильской историографии считался не только недопустимым, но и аморальным¹⁰.

Последняя монография д-ра Ноймана должна была стать продолжением «Нацизма», но автор не успел ее дописать. Отредактированная его учеником и другом уже после смерти историка, эта работа содержит значительные пробелы¹¹. Тем не менее, даже в незаконченном виде она оказала серьёзное влияние на израильскую историографию.

Описывая микроисторию нацизма, д-р Нойман изучает такие вопросы, как, например, политика Третьего Рейха в сфере экологии, отношение нацистского режима к сексуальности, гомосексуализму и проституции. Более того, он задаётся вопросом о том, проводил ли Гитлер и вожди Третьего Рейха передовую политику в сфере экологии¹². Уже из такой постановки вопросов очевидно, что нацизм не рассматривается историком как абсолютное зло. Однако этими вопросами он не ограничивается и пытается выявить причинно-следственную связь между нацистским режимом и европейским империализмом, а также проводит сравнительный анализ нацизма с современным ему радикальным исламом. При этом нацизм для него – это история, а радикальный ислам – актуальная проблема. Такой вывод напрашивается после чтения главы, где автор пишет о радикальном исламе и связи Гитлера с муфтием Иерусалима Мухаммадом Амин аль-Хусейни.

Отметим наиболее важные факторы, повлиявшие на формирование мировоззрения Боаза Ноймана и главные характеристики его творческой деятельности. Во-первых, Б. Нойман – израильтянин, в отличие от своих предшественников – выходцев, главным образом, из Восточ-

¹⁰ Нойман 2013.

¹¹ Эта книга создавалась на основе лекций, прочитанных Нойманом в рамках программы «Радиоуниверситет» на радио «Галей Цахал» в 2013 г. в программе «Изучение нацизма сегодня». Умирая, автор завещал своему ученику и другу Авнеру Шапиро завершить и отредактировать недописанную монографию.

¹² Нойман 2013.

ной Европы, для которых Холокост был чудовищной *реальностью*. Иными словами, д-р Нойман рассматривает историю Второй мировой войны и Катастрофу европейского еврейства как израильтянин, родившийся спустя четверть века после этих трагических событий – т.е. несколько отстранённо. Для него гораздо более актуален и понятен радикальный ислам, а Холокост является лишь одним из геноцидов.

Во-вторых, как историк Б. Нойман формировался в период масштабных либеральных реформ в Израиле и кризиса сионистской идеологии, получившего название «пост-сионизм». Сформировавшийся как личность в условиях войны «старых» и «новых» историков (последние выступили с критикой сионистской интерпретации истории современного государства Израиль), в период открытия недоступных прежде архивов и освобождения от моральных императивов прошлого, Б. Нойман сделал небезуспешную попытку дать новое толкование еврейской и израильской истории. Так, например, он видел начало истории современного Израиля не в Палестине и даже не в России или в Восточной Европе, а в Германии. Наконец, его попытка соединения микро- и макроистории стала не только важным вкладом в развитие современной израильской исторической науки, но является также значительным шагом вперёд в современных исторических исследованиях в целом. Его вклад заключается прежде всего в том, что он срывает покров сакральности с прежде табуированных тем, создавая тем самым фундамент для всестороннего обсуждения международным сообществом исследователей вопросов, связанных с историей Холокоста и Третьего Рейха.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что микроистория нацизма создаёт весьма скользкий фундамент для изучения данной темы. С одной стороны, существует опасность глорификации нацизма, так как в повседневной жизни граждане Третьего Рейха предстают обычными людьми. Однако с другой стороны, микроистория нацизма позволяет исследователям лучше понять сложную природу зла, которое может сочетать в себе заботу об экологии и хладнокровное убийство людей.

Алон Конфино

Личность этого исследователя предоставляет уникальную возможность сравнить мировоззрение и концепции двух поколений историков, поскольку Алон Конфино является сыном известного ученого Михаэля Конфино. Конфино-старший (1926–2010), уроженец Софии, был активистом сионистского движения и после войны возглавлял филиал международной молодежной сионистской организации «Хе-Халуц ха-цаир» в Болгарии. М. Конфино начинал образование в университете Софии сразу после войны, но в 1948 г. репатриировался в Израиль, где параллельно с учёбой в Иерусалимском (Еврейском) университете работал в государственных учреждениях Израиля, в частности, занимался вопросами репатриации евреев из Северной Африки. Он был специальным посланником Израиля по вопросам репатриации в Северной Аф-

рике, в СССР и во Франции. Докторат Конфино-старший защитил в Сорбонне по российской тематике. Он стал создателем кафедры русских и славянских исследований в Иерусалимском университете (1964), а позднее – в 1970 г. – Института изучения России и Восточной Европы (впоследствии Институт имени Каммингса), директором которого являлся до 1977 г. Государство высоко оценило его деятельность, наградив государственной и рядом других премий. Дело в том, что в СССР и Восточной Европе вплоть до окончания Холодной войны руководство Израиля видело главную угрозу интересам еврейского государства и одновременно – главный ресурс репатриации. Этим и объясняется широкое развитие в Израиле исследований, связанных с СССР и Восточной Европой в 1960-е – 1980-е годы.

Михаэль Конфино изучал аграрный вопрос в России при разных политических режимах, русский анархизм, факторы, способствовавшие как развитию, так и стагнации российского общества. Этот исследователь, без сомнения, принадлежал к первому поколению израильских историков: «сионистов, преданных исторической правде».

Сын М. Конфино Алон родился в Иерусалиме в 1959 г. Он получил историческое образование в престижном Тель-Авивском университете, а докторат защитил в Беркли. В отличие от своего отца, Алон Конфино в качестве специализации выбрал западноевропейское направление. Выбор этот был не случайным. Примерно до 1977 г. (год победы праволиберального блока Ликуд на выборах в Кнессет и начало либеральных реформ в Израиле) страной управляли выходцы из Восточной Европы, которые хоть и ориентировались на США, но сохраняли восточноевропейский менталитет и социалистическое мировоззрение. Но к началу 1990-х гг. Израиль адаптировал западные стандарты во всех сферах жизни общества и государства: от экономики до общественной морали. Этот процесс не обошёл стороной и историческую науку. Если историки прежних поколений пытались объяснять историю современного Израиля на основе анализа и интерпретаций исторических событий собственно в подмандатной Палестине, то новое поколение увидело начало израильской истории в глобальном контексте Второй мировой войны и особенно – в новой и новейшей истории Германии.

Не стал исключением в этом тренде и Алон Конфино. Спектр его исследовательских интересов чрезвычайно широк: он является специалистом как по современной истории Германии и Европы, так и экспертом по истории Холокоста, сионизма и израильско-палестинского конфликта. Он критикует израильских историков за их «зацикливание» на антисемитизме, в котором его предшественники видели главную причину Катастрофы европейского еврейства. Обращаясь к исследованию более глубоких причин Холокоста, А. Конфино открывает принципиально новое направление: метаисторию Холокоста, в рамках которой он изучает нацистский антисемитизм не как идеологию или расовую

теорию (подход историков из предшествующих поколений), а как нацистские фантазии, эмоции и навязчивые идеи относительно евреев, которые и сформировали в итоге политику и практику «Окончательного решения еврейского вопроса»¹³. Для исследований А. Конфино характерен релятивизм, проявляющийся в таких понятиях как политика памяти и идентичности, которые подразумевают интерпретацию исторических событий в соответствии с требованиями государственной политики или идеологии. Особый вклад А. Конфино в израильскую историографию заключается в том, что он одним из первых предпринял критический анализ историографии Холокоста¹⁴. Данный анализ приводит А. Конфино к тем же выводам, к которым пришёл и Б. Нойман.

Эти выводы можно обобщить следующим образом: 1) историография Холокоста была подчинена догмату уникальности; 2) вследствие этого, история Холокоста не могла быть описана и интерпретирована подобно другим историческим событиям; 3) тему Холокоста следует освободить от догмата уникальности, связанных с ним табу и, в конечном итоге, от сакрализации. А. Конфино не отрицает экстремальной природы Холокоста, но в то же время считает, что именно экстремальная природа этой исторической трагедии требует отмены всех ограничений в изучении и интерпретации Холокоста.

В отличие от д-ра Б. Ноймана, профессор А. Конфино рассматривает Холокост не как историческое событие – один из геноцидов, а как парадигму, которую он исследует посредством сравнения с другой парадигмой – Французской революцией. При этом А. Конфино оперирует таким термином, как «фундаментальное прошлое», которое радикально меняет и затем формирует все аспекты того или иного общества, от политического устройства до общественной морали. В качестве фундаментального прошлого Запада у Конфино выступают Французская Революция и Холокост¹⁵. Согласно А. Конфино, в 1960–1970-х гг. Холокост заменил Французскую революцию в качестве фундаментального прошлого Запада. А. Конфино, подобно Б. Нойману и Ю.Н. Харари, о котором речь пойдёт ниже, придаёт гораздо большее значение представлениям людей о событии, чем самому историческому событию.

Работы А. Конфино вызвали широкий резонанс в среде зарубежных исследователей, прежде всего на Западе. Однако его вклад в науку оценивается сообществом исследователей по-разному. Например, профессор Еврейского университета в Иерусалиме Амос Гольдберг оценил «Мир без евреев» А. Конфино как «одну из самых важных книг о Холокосте, опубликованных за последние годы, представляющую собой как методологический, так и исторический прорыв»¹⁶. Гораздо более сдержан в своих оценках д-р Марсель Штетцлер из Бангорского уни-

¹³ Confino 2014.

¹⁴ Confino 2011.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Goldberg 2015.

верситета, специалист в области социальной теории и интеллектуальной истории, который считает «Мир без евреев»¹⁷ «увлекательно написанным толковательным эссе», прямо вписывающимся в ныне «очень известную традицию историографии Холокоста, в которой упор делается на память, чувства и воображение». Д-р М. Штетцлер справедливо относит эту монографию А. Конфино к «истории эмоций и чувств»¹⁸.

На наш взгляд, точнее было бы определить вклад А. Конфино в историческую науку как попытку создания нового подхода для объяснения истории. В его основе лежит восприятие евреев как воплощения исторической традиции – народа, заложившего основы как христианства, так и современной цивилизации (марксизма, фрейдизма, либерализма). В то же время следует отметить, что подобный подход, по сути, меняет одну сакрализацию на другую. Снимая покрывало сакральности с Холокоста, А. Конфино переносит сакральность на весь еврейский народ. Кроме того, он чрезмерно акцентирует ощущения и чувства, в то время как для объяснения макроисторических событий необходим баланс между восприятием современниками исторических событий с одной стороны, объективными и субъективными факторами, прежде всего политическим и экономическим раскладом, а также чисто материальными интересами людей в изучаемый период времени – с другой.

Юваль Ной Харари

Наиболее полно образ современного израильского историка третьего поколения отразился в личности Юваля Ноя Харари – пожалуй, самого известного из современных израильских исследователей. Его биография (родился в 1976 г. в Израиле в провинциальном городе Кирьят-Ата на севере страны) радикально отличается от жизненного пути израильских историков предыдущих поколений. Он не служил, в отличие от своих коллег-предшественников, в израильской армии. Он получил элитное образование сначала в самом престижном вузе Израиля – Иерусалимском (Еврейском) университете, затем защитил докторат в Оксфорде, в колледже Иисуса. Юваль Ной Харари одинаково далёк в своих взглядах и образе жизни как от израильских историков первого поколения – «сионистов, преданных исторической правде», так и от «новых историков», осуществивших ревизию парадигм своих предшественников (от т.н. пост-сионистов).

Если первое и второе поколения израильских историков были так или иначе сосредоточены на истории современного еврейского государства, принадлежали к тому или иному идейному или политическому течению (в рамках сионизма или антисионизма), то Ю.Н. Харари одинаково далёк от сионизма, антисионизма и вообще от еврейских ценностей и традиций. Его с полным основанием можно назвать первым израильским историком-глобалистом, который вобрал в себя, в своё ми-

¹⁷ Confino 2014.

¹⁸ Stoetzler 2017.

ровоззрение и образ жизни все характеристики глобализации. Харари является открытым геем (в 2002 г. заключил официальный брак с неким Ициком и с тех пор пара живёт в мошаве¹⁹ под Иерусалимом), защитником прав животных и веганом, практикует медитации Випассана, которым его обучил сам Шри Сатъя Нарайян Гоенка, помощником которого в этом искусстве он презентует себя сегодня.

Нетрадиционная сексуальная ориентация уже изначально определила отношение израильского историка к еврейским ценностям и традициям, в соответствии с которыми гомосексуализм является смертным грехом. От медиевистики и военной истории – сфер, в которых он специализировался в годы учёбы в Иерусалимском университете, – Харари в начале 2000-х обращается к глобальным проблемам человечества и всемирной истории. Такой подход, вероятно, сформировался под влиянием двух факторов: буддистского мессианства и западноевропейского подхода, в соответствии с которым, чтобы решить проблему, её следует логически сформулировать и найти для неё рациональное решение.

В отличие от Б. Ноймана и А. Конфино, сосредоточивших своё внимание на микро- и метаистории²⁰, исследования Ю.Н. Харари следуют в русле транснациональной истории. «Я сделаю попытку рассмотреть общие, глобальные проблемы. Исследовать главные факторы, которые сегодня определяют развитие мирового сообщества и, вероятно, будут иметь влияние на будущее нашей планеты», – заявляет он в предисловии к своей наиболее известной книге «21 урок для XXI века»²¹.

Уже в первой своей книге, изданной на иврите в 2011 г. и принесшей автору всемирную известность, «Sapiens: Краткая история человечества»²² Ю.Н. Харари пытается объяснить историю человечества с позиций глобализма. Главный тезис Харари: человек сумел из ничем не примечательного животного превратиться во властителя планеты Земля, благодаря своей способности сотрудничать в глобальных количествах и масштабах. Для Харари такие понятия, как нация, бог, государство, и всё, связанное с ними – лишь плоды человеческого воображения. В империи Харари видит высшее достижение мировой политической системы, а конечную и высшую точку в развитии современного мира – в формировании глобальной империи.

В своей следующей книге: «Homo deus: Краткая история будущего»²³ Ю.Н. Харари обращается к футуризму. Его главный тезис заключается в том, что благодаря развитию науки и технического прогресса люди, согласно терминологии автора, могут превратиться в богов (отсюда и название книги: Homo deus – человек, не ограниченный в воз-

¹⁹ Сельскохозяйственное поселение в Израиле, представляющее собой кооператив фермерских хозяйств.

²⁰ См.: Репина 2011.

²¹ Харари 2019.

²² Харари 2016.

²³ Харари 2020.

можностях, прежде всего в возможности бессмертия). Последняя в этой серии книга автора «21 урок для XXI века», о которой речь шла выше, по словам автора, это подборка вызовов, проблем и вопросов, не имеющих простых ответов и решений. Автор представляет свою книгу как исследование, основанное на интеграции макро- и микроистории. Он декларирует следующее: «я намеренно акцентирую связь между великими преобразованиями нашей эры и повседневной жизнью людей»²⁴.

Однако данная работа является скорее декларативной, нежели исследовательской, поскольку в ней Харари достаточно успешно пытается сформулировать основные проблемы XXI века, но далёк от объяснений, и тем более – от решений этих проблем. Панацеей от них он видит в тотальной глобализации: «Глобальный подтекст частной жизни подразумевает, что сегодня как никогда важно избавиться от религиозных и политических предрассудков, расовых и гендерных привилегий, отказаться от невольного соучастия в институциональном угнетении»²⁵. Именно в книгах Ю.Н. Харари наиболее полно отразились основные постулаты постмодернизма, прежде всего концепция пост-правды, а также использование термина «плавающие» в отношении гендера и традиционных ценностей. Харари явно испытал сильное влияние позитивизма и неопозитивизма. Он фокусирует внимание, главным образом, на достижениях естественных наук, прежде всего биологии, а история для него всего лишь «учёт культурных изменений». Для Харари религия, страна, границы, экономика (деньги) существуют лишь в человеческом воображении. Он определяет все эти понятия как «межсубъектные конструкции», благодаря которым люди могут успешно взаимодействовать в рамках глобального сотрудничества. Ему не чужда метаистория. Согласно Харари, человечество не ищет смысл своего существования и деятельности, а «придаёт» им смысл. По его мнению, огромная способность человечества придать смысл своим действиям и мыслям – вот, что сделало возможными его многочисленные достижения.

В целом, работы Ю.Н. Харари озаменовали в израильской историографии окончательное освобождение исследователей от каких-либо рамок и ограничений, начиная от моральных императивов и заканчивая идеологией. Но главное – именно благодаря Харари израильская историческая наука впервые не только вышла за рамки ближневосточного региона, но и занялась глобальными проблемами современности.

Вместе с тем следует отметить, что попытка Ю.Н. Харари обосновать тезис о неизбежности глобализации на основе аргумента о необходимости объединения усилий на фоне общей угрозы для существования человечества, выглядит достаточно тривиальной²⁶.

²⁴ Харари 2019.

²⁵ Харари 2020.

²⁶ Харари 2019: 139.

На основании анализа биографий и основных работ исследователей, о которых речь шла выше, можно сформулировать основные черты жизненного пути и мировоззрения, характерные для профиля израильского историка XXI века:

1. Воспитание в духе открытого общества.
2. Элитное образование, полученное за рубежом.
3. Западоцентризм. Например, даже восточные практики, которые применяет Ю.Н. Харари, популярны прежде всего на Западе
4. Отказ от национального в пользу универсального, гораздо больший интерес к Всемирной истории. Например, Ю.Н. Харари и вовсе сосредоточился на глобальных вопросах современности и будущего.
5. Израильские историки XXI века хоть и отвергли систему идеологических постулатов, сакральных тем и связанных с ними табу, которые характеризовали первое поколение израильских историков, тем не менее переняли у своих предшественников релятивистский подход в трактовке исторических событий.
6. Израильских историков XXI века характеризует гораздо большая, по сравнению с предшественниками, широта взглядов. В качестве основного подхода они используют синтез микро- и макроистории.
7. В отличие от предшественников, особое место в исследованиях современных израильских историков занимает метаистория. Это особенно характерно для исследований профессора А. Конфино.
8. Современные израильские историки если и обращаются к теме Израиля, то лишь через призму всемирной истории. Они проводят сравнительный анализ Холокоста и других геноцидов (в частности, палестинской Накбы), что для историков прежних поколений являлось табу. Более того, они исследуют Французскую революцию, нацизм и Холокост как парадигмы, что прежде было невозможно даже вообразить.
9. Главную черту израильских историков XXI века можно определить как отдаление от традиционных еврейских ценностей и мировоззрения. Эта черта по-разному и в разной степени проявляется у исследователей. Одни, подобно Ю.Н. Харари, полностью порывают с традициями как в исследованиях, так и в жизни. У других эта черта проявляется в меньшей степени. Однако тенденция однозначно существует.

Говоря о вкладе современных израильских исследователей в развитие исторической науки, отметим следующее. Современные израильские историки весьма успешно переклонили внимание научного сообщества с израильско-палестинского конфликта на проблемы всемирной истории. Если ещё в конце прошлого века Израиль в восприятии абсолютного большинства исследователей был связан прежде всего с региональным конфликтом на Ближнем Востоке, то сегодня эта страна интересует исследовательское сообщество прежде всего с точки зрения успешной интеграции в процесс универсализации мира. Израильские историки немало сделали для такого поворота. И не только своим об-

ращением к глобальным проблемам современности. Как это было показано на примерах Б. Ноймана, А. Конфино и Ю.Н. Харари, современные израильские историки довольно успешно создают новые парадигмы, пытаясь дать всеобъемлющее объяснение глобальным проблемам современности, при этом по-своему толкуя еврейскую историю.

В Израиле любят повторять фразу о том, что за семьдесят лет существования современного еврейского государства здесь изменилось всё. То же самое можно сказать и об израильской исторической науке. Сегодня она стала совершенно непохожей на ту, каковой была ещё совсем недавно – на рубеже XX и XXI столетий.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 254 с. [Blok M. Apologia istorii, ili Remeslo istorika. M.: Nauka, 1986. 254 s.]
- Кершоу Я. Гитлер. Ростов н/Д: Феникс. 1997. 320 с. [Kershov Y. Gitler. Rostov n/D: Fenix. 1997. 320 s.]
- Маргарян Е.Г. Из истории эллинистических исследований в Советской Армении // Диалог со временем. 2018. № 65. 2018. С. 207-228 [Margaryan E.G. Iz istorii ellinisticheskix issledovaniy v Sovetskoj Armenii/ Dialog so vremenem. 2018. № 65. S. 207-228].
- Нойман Б. Страсти первопродковцев [Noyman B. Strast' pervoprophodcev. Am Oved 2009. 354 s. (ivrit)].
- Нойман Б. Жить в Веймарской республике. 2007 г., Ам Овед 397 с. (иврит) [Noyman B. Zhit' v Veimarskoj Respublike 2007. Am Oved 397 s. (ivrit)].
- Нойман Б. Нацизм. Тель-Авив Библиотека Радиоуниверситета, Министерство Безопасности 2007. 354 с. (иврит) [Noyman B. Nazizm. Biblioteka Radiouniversiteta Mimisterstvo Bezopasnosti 2007. 354 s. (ivrit)].
- Нойман Б. Новые истории нацизма. Мшав Бен Шеман, Модан, Министерство Безопасности 2019. 281 с. (иврит) [Noyman B. Nazizm. Moshav Ben Shemen, Modan, Mimisterstvo Bezopasnosti 2019. 281 s. (ivrit)].
- Нойман Б. Новые подходы в исследовании нацизма. Что нового можно добавить? 26 аудиолекций (иврит) [Noyman B. Novye podxody v issledovanii nazizma. Chto novogo mozhno dobit' ? URL: <https://www.youtube.com/channel/UCRxCkYRzmdCTgRz-LVfPI3g>].
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: socialnye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug, 2011. 560 s.]
- Ружанский В.Г. Проблемы и белые пятна израильской историографии: Новые подходы в изучении еврейской истории. Caucaso-Caspica, № IV, 2019, РАУ, Ереван, 2019, с.225-243 [Ruzhanskij V.G. Problemy i belye pyatna izrail'skoj istoriografii: Novye podxody v izuchenii evrejskoj istorii. Caucaso-Caspica, № IV, 2019, RAU, Yerevan, 2019, с.225-243].
- Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века. Москва, Синбад. 2019 г., 416 с. [Xarari U.N. 21 урок dlya XXI veka. Moskva, Sinbad. 2019. 416 s.]
- Харари Ю.Н. „Sapiens. Краткая история человечества, Москва, Синбад. 2016. 520 с. [Xarari U.N. Sapiens. Kratkaya istoria chelovechestva Moskva, Sinbad. 2016. 520 s.]
- Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. Москва, Синбад, 2020 г. 496 с. [Xarari U.N. Homo Deus. Kratkaya istoria buduzshego. Moskva, Sinbad 2020. 496 s.]
- Барновски Я. 2020 год – будет ли существовать Израиль? (иврит) [Barnovsky Y. 2020 – bu-det li sushchestvovat' Izrail'? (ivrit) URL: <https://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-3334955,00.html>]
- Berenbaum M. The uniqueness and universality of the Holocaust. American Journal of Theology & Philosophy Vol. 2, No. 3, 1981, p. 85-96. University of Illinois Press.
- Confino A. A World without Jews: The Nazi Imagination from Persecution to Genocide. Yale University Press. 2014. 304 p.
- Confino, A. Foundational Pasts: The Holocaust as Historical Understanding. Cambridge University Press. 2011. 192 p.

- Goldberg on Confino «A World without Jews: The Nazi Imagination from Persecution to Genocide» H-Judaic. 2015. URL: <https://www.https://networks.h-net.org/node/28655/reviews/58496/goldberg-confino-world-without-jews-nazi-imagination-persecution>
- Schapkow C.& Hödl K. Jewish Studies and Israel Studies in the Twenty-First Century: Intersections and Prospects (Part of Lexington Studies in Modern Jewish History, Historiography, and Memory. 7 books). Lexington Books, 2019. 296 p.
- Stoetzler M. Stoetzler on Confino, «A World without Jews: The Nazi Imagination from Persecution to Genocide» H-Nationalism, 2017 URL: www.https://networks.h-net.org/node/3911-reviews/162509/stoetzler-confino-world-without-jews-nazi-imagination-persecution

Ружанский Владимир Георгиевич, М.А., преподаватель, Российско-Армянский (Славянский) университет, научный сотрудник, международная лаборатория мир-системного и геоцивилизационного анализа РАУ, rzhanskij65@mail.ru

Israeli Historians of the Second Decade of the 21st Century

In the 21st century, Israel provided the world with several historians at once, who have significantly influenced modern historical research. This article analyzes the processes of development of the State of Israel and Israeli historical science, due to which this phenomenon appeared. The article examines the genesis of the worldview of modern Israeli scientists of the world level: Yu.N. Harari, Boaz Neumann and Alon Confino and the influence that each of them had on modern historical science. In particular, Yu.N. Harari tried to give answers to global problems of our time, and B. Neumann and A. Konfino abandoned taboos and sacralization when studying the topic of the Holocaust and the Third Reich. Their approaches have undoubtedly had a significant impact on the research of Western historians.

Keywords: *Israel, history, historiography, XXI century, jewish, Hebrew.*

Vladimir G. Ruzhansky, M.A., Lecturer, Russian-Armenian (Slavonic) University, Researcher, International Laboratory of World-System and Geocivilizational Analysis RAU, rzhanskij65@mail.ru

ИСТОРИЮ – В ШКОЛУ

Готовя страну к предстоящей большой войне, в 1930-е годы Сталин занимался не только армией, авиацией и флотом, но и подготовкой школьных учителей и школьных учебников, предназначенных для обучения будущих призывников.

Ключевые слова. *И.В. Сталин, А.С. Бубнов, А.В. Шестаков, И.С. Лукаш, О. Пешель, интеллектуальная история, мораль и политика, роль личности в истории, человек второго плана в истории, история педагогики, философия истории*

После битвы при Садовой, кардинально повлиявшей на исход Австро-прусской войны 1866 года, профессор географии из Лейпцига Оскар Пешель написал фразу, которой было суждено стать крылатой: «когда пруссаки побили австрийцев, то это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем»¹.

Контроль над прошлым

В Российской империи, где школьные программы со времен Николая I рассматривались как важный элемент управления имперским пространством, эта фраза, ошибочно приписанная канцлеру Отто фон Бисмарку, приобрела исключительную популярность. Однако в Российской империи так и не был создан курс истории, который бы воспитывал у гимназистов и студентов гордость за свою страну. Движущей силой революции стали образованные люди, считавшие, что всё имперское прошлое – позорно, преступно, постыдно. С такими настроениями можно ниспровергнуть существующий строй, но невозможно его защитить. И Сталин понял это раньше других. Хотя в Советском Союзе не принято было ссылаться ни на Пешеля, ни на Бисмарка, в предвоенный период верховная власть отлично осознавала, что народному образованию предстоит сыграть решающую роль в грядущей большой войне.

В 1930-е гг. мысль о неотвратимости такой войны буквально носилась в воздухе. Вспоминает Константин Симонов (1915–1979):

«Мы были предвоенным поколением, мы знали, что нам предстоит война. Сначала она рисовалась как война вообще с капиталистическим миром... Очевидно, придется воевать с Японией и Германией, может быть, присоединившейся к ним Италией. Враждебной нам оставалась и Польша, хотя было непонятно, как она может оказаться на стороне Германии, и тем не менее она осталась враждебной нам вопреки логике. [...] Это было неопровержимым фактом, а за этим стояло многое из того, что делал Сталин для армии. То, что он занимался армией, вооружением ее, снабжением, отдавал ей много времени и сил, придавал ей должное значение, готовил страну к борьбе, вооруженной борьбе в трудных условиях, было для нас несомненно. Поэтому в итоге, несмотря на некоторые неприятные для нашего сознания неожиданности, мы высоко ценили его деятельность в этом направлении»².

¹ Всемирная история... Т. 5. 2019.

² Симонов 1988.

Готовя страну к предстоящей войне, Сталин занимался не только армией, авиацией и флотом, но и подготовкой школьных учителей и школьных учебников, предназначенных для обучения будущих призывников. Изданный на базе журнала «Родина» и давно уже ставший библиографической редкостью «Вестник Архива Президента Российской Федерации» (2008), посвященный созданию первых советских учебников истории, позволяет постичь логику сталинских действий.

В конце октября 1931 г. вождь написал письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» «О некоторых вопросах истории большевизма», незамедлительно опубликованное в журналах «Большевик» № 19–20 и «Пролетарская Революция» № 6 (113). Сталин, к этому моменту уже прочно державший в своих руках власть над огромной страной, доходчиво объяснил: с этого момента он намерен лично контролировать не только настоящее, но и прошлое. Время научных дискуссий и произвольных толкований истории партии большевиков закончилось, отныне только Сталину принадлежит монопольное право на истолкование всей предшествующей истории правящей партии. Пока что речь шла лишь об истории партии, но не об истории страны. Вождь без обиняков заявил: «Нельзя превращать в предмет дискуссии вопрос о *большевизме* Ленина»³. Сталин, отлично осознавая, что его потенциальные оппоненты могут апеллировать к неопубликованным архивным документам, способным якобы дать более объемное представление о минувшем в его незавершенности и непредсказуемости, квалифицирует подобный подход как «гнилой либерализм» и контрабанду троцкизма:

«Допустим, что кроме уже известных документов будет найдена куча других документов... Кто же, кроме безнадёжных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партии и лидеров надо проверять по их делам, прежде всего, а не только по их декларациям?»⁴

Эти сталинские рассуждения не только на десятилетия затрудняют исследователям доступ в архивы, переданные в подчинение НКВД, но и вызовут настороженное отношение властей к тем, кто будет стремиться в них попасть, напористо преодолевая бюрократические препоны⁵.

Завершая свои рассуждения, Сталин четко формулирует новые правила. Впредь никаких дискуссий – ни литературных, ни научных; никакой разногласности мнений. Любая попытка аргументированно оспорить с либеральных позиций официальную точку зрения на «аксиомы большевизма» или на то или иное историческое событие, якобы подлежащее «дальнейшей разработке»⁶, будет квалифицироваться как враждебная политическая вылазка, за которой должны незамедлительно следовать репрессивные оргвыводы.

³ Сталин 1951: 85.

⁴ Там же: 96.

⁵ Без официального письма с указанием темы исследования, заверенного подписью руководителя научного учреждения и гербовой печатью, доступ в архивы был закрыт.

⁶ Там же: 85.

«Вот почему либерализм в отношении троцкизма, хотя бы и разбитого и замаскированного, есть головоуятие, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу.

Вот почему попытки некоторых «литераторов» и «историков» протащить контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам должны встречать со стороны большевиков решительный отпор.

Вот почему нельзя допускать литературную дискуссию с троцкистскими контрабандистами»⁷.

Не собиравшись Сталин дискутировать и с «пламенными революционерами», бросавшими бомбы в царя и его сановников. С середины 1930-х и до конца 1950-х изучение истории «Народной воли» и сопряжённых с нею сюжетов находилось под запретом, санкционированным лично Сталиным. Руководящее указание вождя было сформулировано 25 февраля 1935 г. Его озвучил А.А. Жданов, главный партийный идеолог: «Между прочим, товарищ Сталин не знал, что мы историю партии проходим только до 1917 года. Он сделал два замечания по этому поводу, что если мы на народовольцах будем воспитывать наших людей, то воспитаем террористов и что с точки зрения истории партии период перед 1917 годом является предысторией». В соответствии с этим указанием, закреплённым в «Кратком курсе истории ВКП(б)», который на десятилетия стал высшей и окончательной инстанцией советской исторической науки, все деятели народничества – и либеральные, и революционные – были объявлены «злейшими врагами марксизма». Народники, по «Краткому курсу», представляли собой «героев-неудачников», возомнивших себя «делателями истории» и начавших «переть против исторических потребностей общества»⁸.

Приказано вернуть

25 августа 1932 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) рассматривается вопрос о школьных программах и констатируется в них «наличие принципиальных ошибок» и «упрощенско-вульгаризаторский подход» некоторых составителей. Вульгаризаторский подход к прошлому возник не без причины и не на пустом месте. В постреволюционное время ни в школах, ни в вузах история не преподавалась. В ноябре 1917 г. Советская власть не только уничтожила до той поры существовавшее сословное деление общества и отменила чины, звания, титулы, но фактически декретировала полный разрыв с имперским прошлым. Вплоть до начала 1930-х гг. власть полагала, что разрушенное «до основания» прошлое должно быть как можно скорее забыто. Зачем забивать детские головы знанием прошлого, если оно подлежит забвению? История рассматривалась как всего лишь вспомогательная дисциплина – придаток обществоведения: задача истории заключается в подборе тех или иных актуальных примеров на злобу дня. Вот почему в средней школе отсутствовал курс истории, а в университетах страны не было исторических факультетов. Советские школьники и студенты,

⁷ Там же: 99-100.

⁸ История ВКП(б)... 1938: 16; Антонов 1991: 8-9; Троицкий 2002: 15-16.

изучающие вместо истории обществоведение, получали среднее и высшее образование, не осознавая связи времён.

В 1932 г. Политбюро еще не рискует вернуть преподавание истории, однако вносит предложение: «Значительно усилить элементы историзма в программах по обществоведению, по языку и литературе, географии, иллюстрируя основные разделы и темы этих дисциплин необходимым фактическим материалом, историческими экскурсами и сравнениями»⁹. Политбюро обращает внимание на тяжелое бытовое положение учителей. С грифом «Строго секретно» выносятся особое постановление: 1) проверить, как учителя снабжаются продуктами и промтоварами (с января 1931 года в СССР введена карточная система); 2) предусмотреть во всех строящихся новых домах выделение квартир для учителей, а на южном берегу Крыма и Кавказа организовать для них санатории и дома отдыха; 3) «считать необходимым производить приемы детей учительства в техникумы, вузы и втузы наравне с рабочими»¹⁰.

Проведенная по поручению Политбюро проверка показала, что в начальной и средней школе отсутствуют элементарные учебники для занятий. Учебники издаются плохо и неряшливо, а их содержание вызывает справедливые нарекания как учителей, так и учащихся:

«Язык, которым излагается учебный материал, не учитывает возрастных особенностей детей и страдает многословием, отступлениями и отсутствием простоты и краткости».

Была установлена и причина столь безотрадного неблагополучия: «Весь подбор авторов для создания учебников проводился случайно. Опытные авторы учебной книги отстранялись под предлогом политической невыдержанности и заменялись бригадами студентов, например, учебник по обществоведению было поручено написать бригаде студентов текстильного института»¹¹.

5 марта 1934 года по инициативе Сталина Политбюро рассматривает вопрос о постановке преподавания гражданской истории в школах. Разработку конкретных предложений Политбюро поручает наркому просвещения РСФСР Андрею Сергеевичу Бубнову (1884–1938), которого Сталин хорошо знал лично. 14 марта нарком направляет на имя генсека проект соответствующего постановления, в котором предлагается начиная с будущего 1934/35 учебного года «ввести в качестве самостоятельных курсов курсы всеобщей истории и истории России и СССР»¹². На изучение всеобщей истории предусматривается существенное увеличение числа учебных часов за счет соответствующего (на 180 часов!) уменьшения числа уроков обществоведения и труда. Наркому нельзя отказать в размахе: к составлению материалов для чтения по истории он предлагает привлечь писателей Юрия Тынянова, Алексея Толстого, Константина Паустовского и других.

⁹ *Историю – в школу...* 2008: 17.

¹⁰ Там же: 19.

¹¹ Там же: 21.

¹² Там же: 32.

Параллельно с этим Политбюро разбирает вопрос о преподавании географии в средней школе: будущие призывники должны не только знать историю страны, которую им предстоит защищать, но и уметь ориентироваться на местности, используя карту и компас, а также обладать элементарными представлениями о физической и экономической географии Советского Союза и сопредельных стран. Будущих воинов следовало подготовить к изучению театра военных действий грядущей большой войны.

Сталин отчетливо видит историческую перспективу – неотвратимость большой войны в Европе и Азии, но не считает нужным прямо, без намеков и иносказаний, заявить об этом. 26 июня 1936 г., менее чем за месяц до начала гражданской войны в Испании, это сделает Карл Бернгардович Радек (1885–1939), заведующий Информационным бюро ЦК ВКП(б). Выпускник истфака Краковского университета Радек, чье «интеллектуальное ловкачество»¹³ не имело себе равных, лучше других понял и отчетливо сформулировал заветные мысли вождя.

«Нельзя оставить страну, находящуюся под ударом военной опасности, без того, чтобы дать ей в руки историю ее предполагаемых врагов и историю Китая. У нас есть силы, которые с честью могут эту работу выполнить, их надо только организовать, поставить им задачи и освободить их от халтуры, от дребедени и показной деятельности»¹⁴.

Однако не будем забегать вперед.

Ознакомившись с предложениями наркома Бубнова, Политбюро четырежды (20 марта, 29 марта, 15 апреля и 15 мая 1934 г.) анализирует сложившуюся ситуацию, знакомится с обширным списком членов двух групп, московской и ленинградской, по составлению будущих школьных учебников истории (на каждого историка подготовлена краткая характеристика с указанием партийности, места работы, числа печатных работ и их тематики; москвичи и ленинградцы должны работать над учебником «параллельно в порядке соревнования»¹⁵) и в конечном итоге 15 мая 1934 г. утверждает проект совместного Постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории во всех средних школах многонациональной страны. Постановление (опубликовано 16 мая 1934 г. в газете «Правда») предусматривает, во-первых, подготовку к июню 1935 г. линейки новых учебников – от истории древнего мира до новой истории зависимых и колониальных стран; во-вторых – утверждает персональный состав руководителей и членов групп историков, которым поручено их написание; в-третьих – с 1 сентября 1934 г. восстанавливает исторические факультеты в составе Московского и Ленинградского университетов.

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) четко сформулировали главную цель преподавания истории:

¹³ Балабанова 2007: 258.

¹⁴ Историю – в школу... 2008: 227-228.

¹⁵ Там же: 51.

«Решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат. Только такой курс истории может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории»¹⁶.

Иными словами, именно школьный курс истории должен сформировать у учащихся алгоритм «правильного», с точки зрения власти, постижения событий не только прошлого, но и настоящего. Власть считает, что понимание истории должно быть материалистическим, поэтому все, что противоречит материалистическому монизму, подлежит изъятию из школьного курса истории: «о софистах самостоятельно не рассказывать, радикально упростить о Платоне»¹⁷.

7 июля 1934 г. Сталин получает от наркома Бубнова конспект (развернутый подробный план) будущего учебника «История СССР», внимательно читает его с карандашом в руках и делает принципиально важное замечание: «(1) нет истории народов 2) учебник д[олжен] б[ыть] смертным приговором царизму, как поработителю народов»¹⁸. Генеральный секретарь Сталин, в 1917 г. ставший первым Народным комиссаром по делам национальностей Советской России, формулирует основополагающее положение философии истории многонациональной страны. История СССР – это не история Руси, а история многочисленных народов, в разное время вошедших в состав Советского Союза. Великая Октябрьская социалистическая революция стала могильщиком Российской империи, которая была поработителем народов и, как отметил Сталин на полях конспекта, «оплотом общеевропейской и российской реакции»¹⁹. Все народы Советского Союза находятся в неоплатном долгу у большевиков, потому что руководимая ими революция закончила с вековым рабством угнетенных народов, некогда входивших в состав Российской империи – этой «тюрьмы народов»²⁰, а ныне, благодаря большевикам, получившим не только равные права с русским народом, но и свою государственность в качестве союзных и автономных республик СССР.

Фактически Сталин потребовал от авторов учебника переодеть в марксистские одежды объективно-идеалистическую идею провиденциализма. Если один из Отцов христианской церкви Августин Блаженный (354–430) представлял всемирную историю как реализацию Божественной воли и Божественного плана спасения человечества, направлен-

¹⁶ Там же: 46.

¹⁷ Там же: 54.

¹⁸ Там же: 74.

¹⁹ Там же: 78.

²⁰ Там же: 122.

ного к торжеству христианства, то историки-марксисты должны были просто и кратко, доступным для восприятия учащихся языком, живописать историю СССР как торжество замыслов партии и ее ленинского ядра – планов, направленных на спасение всех наций и народностей, входивших в состав Российской империи.

На одном из заключительных уроков учитель должен был рассказать школьникам о фракционной борьбе в партии и заклеить троцкистов. В конспект учебника Сталин вписывает фразу: «Борьба с троцкизмом как с выражением мелкобуржуазной контрреволюции»²¹.

Долгая дорога к учебнику

Однако авторы учебника не смогли ни постичь мысль вождя, ни последовательно ее обосновать и доходчиво донести до сознания младших школьников. 26 июня 1936 года Карл Радек красноречиво и экспрессивно объяснил вождю причину неудачи:

«Целый ряд коммунистов-историков стали чиновниками и сенаторами от истории. Они в продолжение многих лет ничего не пишут как историки, но претендуют на места и почести. Их надо заставить взяться за конкретную работу, требовать от них продукции»²².

И тогда Сталин, получив 29 марта 1937 г. проект постановления жюри конкурса на лучший учебник по истории СССР для начальной школы, лично редактирует один из пунктов, добываясь предельной прозрачности мысли²³:

«Авторы не видят никакой положительной роли в действиях Хмельницкого в XVII веке, в его борьбе против оккупации Украины панской Польшей и султанской Турцией. Факт перехода, скажем, Грузии в конце XVIII столетия под протекторат России, и этот факт, так же как факт перехода Украины под власть России, рассматривается авторами как абсолютное зло, вне связи с конкретными историческими условиями того времени. Авторы не видят, что перед Грузией стояла тогда альтернатива – либо быть поглощенной шахской Персией или султанской Турцией, либо перейти под протекторат России, равно как перед Украиной стояла тогда альтернатива – либо быть поглощенной панской Польшей и султанской Турцией, либо перейти под власть России. Они не видят, что вторая перспектива была все же наименьшим злом»²⁴.

Да, с точки зрения вульгарного постреволюционного общественно-восприятия, и Украина, и Грузия, войдя в состав государства Российского, утратили свой суверенитет и стали узниками «тюрьмы народов». Однако то, что было уместно в первые годы после победы Октябрьской революции, не могло быть терпимо после того, как большевики не только упрочили свою власть, но и построили новое государство.

Чтобы понять всю глубину сталинской идеи, надо было быть очень образованным человеком. Крылатая фраза «избрать меньшее зло» имеет очень глубокие корни в истории мировой философской мысли. Еще в

²¹ Там же: 81.

²² Там же: 229.

²³ Постановление опубликовано в газете «Правда» 22 августа 1937 года.

²⁴ Там же: 245, 264.

Древнем Китае поздние моисты (IV–III вв. до н. э.), развивавшие в материалистическом духе идеи своего учителя философа-конфуцианца Мо-цзы (479–381 до н. э.), сформулировали эту мысль в главе «Большой выбор» книги «Мо-цзы»:

«Взвешивание неважного и важного называется оценкой. Оценка не превращает ложь в истину и истину в неистину. Оценка – это выбор между полезным и вредным... Из выгод нужно выбирать наибольшую, из бед – наименьшую. Предпочитать в беде наименьшее зло не значит желать делать зло; здесь думают о выгодности. Выбор здесь вынужденный для любого человека. Если ты встретил разбойника и ради сохранения жизни предпочитаешь дать ему отрубить твой палец, то это будет выгода, но сама встреча с разбойником есть беда»²⁵.

Аристотель (384–322 до н. э.) в трактате «Никомахова этика» писал: «Меньшее из зол надо выбирать». Древнеримский оратор и политический деятель Цицерон (106–43 до н. э.) в сочинении «Об обязанностях» сказал: «Следует не только выбирать из зол наименьшее, но и извлекать из них самих то, что может быть в них хорошего»²⁶. Августин Блаженный в книге «Против академиков» писал: «Гораздо меньшее зло быть неучем, чем неспособным чему-нибудь научиться»²⁷. Встречается крылатая фраза «меньшее зло» и в энциклопедической статье Ленина «Карл Маркс». Поэтому, чтобы понять замысел Сталина и практически реализовать его при написании школьного учебника истории, можно было обойтись без глубокого погружения в историю философии: достаточно было прочитать классическую статью Ленина.

Сталин играл на опережение, предвидя возможность появления коллаборантов, готовых в будущей большой войне сотрудничать с врагами своей родины под знаменем национального возрождения, свободного от коммунистической идеологии. 8 августа 1934 года Сталин, Жданов и Киров так сформулируют главную претензию к авторам концепции будущего учебника: «В конспекте не даны условия и истоки национально-освободительного движения покоренных царизмом народов России, и, таким образом, Октябрьская революция как революция, освободившая эти народы от национального гнета, остается немотивированной, равно как немотивированным остается создание Союза ССР»²⁸.

Это и другие принципиальные сталинские замечания будут 14 августа рассмотрены на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) и одобрены его специальным Постановлением № П 12/99, имевшим гриф «Строго секретно». Пройдет полтора года, и 27 января 1936 года «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» будут напечатаны в «Правде».

Михаил Михайлович Пришвин, человек глубоко верующий, лучше многих других современников осознает глубину сталинского за-

²⁵ Антология мировой философии. В 4 тт. Т. 1. Ч. 1. М.: Мысль, 1969: 219.

²⁶ Ашукин, Ашукина 1986: 268.

²⁷ Августин Аврелий (Блаженный Августин). Против академиков... Т. 1.

²⁸ Историю – в школу... 2008: 122.

мысли и воспримет публикацию «Правды» как важную веху в судьбе страны и в своей собственной биографии, о чем и напишет в дневнике:

«27 Января. – Исторический день. Амнистия исторической личности (постановление о препод[авании] истории) – явление того же порядка, что и стахановское движение, и «жизнь 14 стала веселее». Это значит, конец тому партийному аскетизму, в который когда-то (1904 г.) уперлась моя личная жизнь. В сущности, это и было источником моей оппозиции. Теперь стена эта рушится и наступает жизнь, граждански нам еще неведомая, жизнь, которой никогда и не жил русский интеллигент. Таким образом, общество вступает теперь на тот самый путь, который мне лично открылся как выход из тупика: творчество; этот путь я раскрываю в “Кашеевой цепи”. Очень похоже на 17-й год, первые дни после свержения царя: казалось, тоже вдруг рушилась Кашеева цепь. И в то же время в глубине души остаток основного верования: что Кашей-то ведь бессмертен»²⁹.

В начале декабря 1936 г. Пришвин, чутко уловивший изменение вектора сталинской политики, обращенной в прошлое, сделает вывод: «В агитационном отношении теперь нужен сценарий, поднимающий великорусское национальное самосознание»³⁰. Писатель оказался провидцем. 1 декабря 1938 года выйдет на экраны и заслужит всенародную любовь фильм режиссера Сергея Эйзенштейна «Александр Невский».

Преемственность державы

27 августа 1937 года (через два с половиной месяца после расстрела маршала Тухачевского и его подельников) Политбюро примет решение № П51/806, подводящее итоги конкурса написание лучшего учебника истории. Пальму первенства получит профессор Андрей Васильевич Шестаков (1877–1941). Это был первый учебник, в котором подчеркивалась преемственность в развитии Государства Российского, говорилось о победах русского оружия, о выдающихся полководцах и военачальниках, достижениях страны. Учебник воспитывал гордость за историческое прошлое. «В виду отсутствия какого бы то ни было учебника по истории СССР, составленного в духе марксизма, признать целесообразным преподавание краткого курса истории СССР Шестакова не только в 3 и 4, но и в 5, 6 и 7 классах, впредь до появления другого более пространного учебника по истории СССР».

За несколько лет до начала мировой войны Сталин получил учебник, который не только приучал гордиться прошлым, но и «объяснял» школьникам настоящее, в т.ч. причины уже начавшегося в стране Боль-

²⁹ Пришвин 2010: 14-15. Символический смысл имеет уже заглавие романа. «Кашеева цепь» у М.М. Пришвина – это, во-первых, собирательный образ социального зла, а во-вторых, условное обозначение всего дряблого, слабого, безвольного, что таится в душе человека и мешает ему выявить свое «я». В соответствии с философской концепцией романа автор называет его части «звеньями» той злой «Кашеевой цепи», которые Курымушка-Алпатов на своем пути к свободе должен разорвать. «Из своего детства, отрочества и раннего юношества я сделал сказку, которая еще не совсем пережилась мной, радует меня», – писал Пришвин в 1925 г. в «Автобиографии» // <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/kascheeva-cep/chuvakov-vmesto-preambuly.htm>

³⁰ Пришвин 2010: 388.

шого террора, и становился для них эффективной идеологической прививкой от инакомыслия. Вчитаемся в итоговые строки, которые не могли не понравиться вождю:

«Готовя мировую войну, фашисты посылают во все государства своих шпионов. И в Советский Союз проникают фашистские шпионы. В СССР они нашли для себя деятельных помощников в лице сторонников Троцкого и Рыкова. Презренный враг народа, фашистский агент Троцкий и его презренные друзья, Рыков и Бухарин, организовали в СССР банду убийц, вредителей и шпионов. Они злодейски убили пламенного большевика С.М. Кирова. Они готовили убийства и других вождей пролетариата. Фашистские злодеи – троцкисты и рыковцы, устраивали в СССР крушения поездов, взрывы и поджоги шахт и заводов, портили машины, отравляли рабочих, вредили, как могли. У этих врагов народа была программа – восстановить в СССР ярмо капиталистов и помещиков, уничтожить колхозы, отдать немцам Украину, японцам – Дальний Восток, подготовить военное поражение СССР. Бандиты были пойманы и понесли наказание». И далее призыв к действиям: «Надо тщательно следить за всеми подозрительными людьми»³¹.

Однако сменим ракурс и посмотрим на ситуацию глазами эмигранта первой волны. Исторический романист Иван Созонтович Лукаш (1892–1940), сын ефрейтора лейб-гвардии Финляндского полка и постоянный автор парижской газеты «Возрождение», был очень популярен в эмигрантской среде. Сейчас он незаслуженно забыт, а в предвоенный период каждая новая его публикация становилась сенсацией русского зарубежья: своим пером Лукаш в художественной форме воскрешал имперский образ блистательного Санкт-Петербурга и Москвы – Первопрестольной столицы государства Российского. Перечислю лишь некоторые его произведения: «Граф Калиостро» (1925), «Пожар Москвы» (1930), «Сны Петра. Трилогия в рассказах» (1931). До последних дней жизни Лукаш верил в грядущее возрождение страны, которое он понимал именно как имперское возрождение государства Российского.

У исторического романиста были основания для столь неординарного вывода. 22 сентября 1935 года в Красной армии были впервые введены персональные воинские звания, казалось, навсегда отмененные в 1917 году. В стране вновь появились свои маршалы, полковники, капитаны и лейтенанты. 11 апреля 1936 г. была воссоздана Академия Генерального штаба. С конца 1938 г. изменился тон официальной советской идеологии. Впервые после революции власть вспомнила о славном боевом прошлом государства Российского. Политическое руководство страны фактически приступило к подспудному восстановлению былых имперских ценностей.

«“Поворот к России”, который можно еще назвать – пусть неуклюже – психологическим русским нэпом, – это единственная живая вода, пробивающаяся сквозь серый язык омертвелой России»³², – написал И.С. Лукаш в 1939 г.

³¹ *Историю – в школу: 10; Краткий курс истории СССР... 1937: 207.*

³² Лукаш И.С. *Россия, восстань!*

22 марта 1940 г. на страницах газеты «Возрождение» Лукаш опубликовал эссе «Медный Всадник», ставшее его лебединой песней³³:

«Но не мертвым монументом на площади был царь Петр. Живой бурей он несся над Россией, когда его и не слышал никто.

Медный Всадник – мистический образ России. Никогда не замрет бег звонко-скачущего коня, грома грохотанье. Это и есть Россия. Иной нет. ... Там, под Выборгом, снова, как при Петре, уходили под лед залива русские солдаты, снова терзал их пушечный огонь.

И что же, за коминтерны, за Маркса, за коммунизм, они умирали? Все это сгинет, как безводные облака и мглы. В Москве будет переворот, будет Петрово преобразование России...

И русские солдаты умирали за него одного – за Медного Всадника, и он простирал над ними руку в вышине, обещая, что его недовершенная Россия будет довершена.

Страшная Россия, вдохновенный бег – Медный Всадник...

Он скачет. Во мгле, в бунтовом тумане, едва слышат его гром. А когда и слышат, не верят, но все ближе над всеми последнее возмездие, последняя справедливость – тяжело-звонкое скаканье, гром Петра...»³⁴

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Антология мировой философии. В 4 тт. Т. 1. Ч. 1. М.: Мысль, 1969. [Antologiya mirovoi filosofii. V 4 tt. T. 1. Ch. 1. M.: Mysl', 1969].
- Антонов В. Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. 1991. № 1. [Antonov V. F. Narodnichestvo v Rossii: utopiya ili otvergnutyie vozmozhnosti // Voprosy istorii. 1991. № 1].
- Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М.: Правда, 1986. [Ashukin N.S., Ashukina M.G. Krylatye slova. Literaturnye citaty. Obraznye vyrazheniya. M.: Pravda, 1986].
- Августин Аврелий (Блаженный Августин). Против академиков // Августин. Творения. Киев. Пер. Киевской духовной академии. В 11 ч. 1879–1908. Т. 1 [Avgustin Avrelij (Blazhennyy Avgustin). Protiv akademikov // Avgustin. Tvoreniya. Kiev. Per. Kievskoj duhovnoj akademii. 1879–1908. T. 1].
URL: http://az.lib.ru/a/avgustin_a/text_0386_protiv_akademikov.shtml
- Балабанова А.И. Моя жизнь – борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938 / пер. с англ. Л.А. Карповой. М.: Центрполиграф, 2007. [Balabanova A.I. Moya zhizn' – bor'ba. Mемуары russkoj socialistki. 1897–1938. M.: Centrpoligraf, 2007].
- Всемирная история: В 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян. Т. 5: Мир в XIX веке: На пути к индустриальной цивилизации. М.: Наука, 2019. [Vsemirnaya istoriya: V 6 t. / gl. red. A.O. Chubar'yan. T. 5: Mir v XIX veke: Na puti k industrial'noj civilizacii. M.: Nauka, 2019].
- Историю – в школу: создание первых советских учебников // Вестник Архива Президента Российской Федерации / Ред. и авт. Пред. С.В. Кудряшов. М. 2008. [Istoriyu – v shkolu: sozdanie pervykh sovetskikh uchebnikov // Vestnik Arhiva Prezidenta Rossijskoj Federacii / Red. i avt. Pred. S.V. Kudryashov. M. 2008.].
- История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. [Istoriya VKP(b). Kratkij kurs. M., 1938].
- Краткий курс истории СССР. Учебник для 4-го класса / под ред. проф. А.В. Шестакова. М., 1937. [Kratkij kurs istorii SSSR. Uchebnik dlya 4-go klassa / pod red. prof. A.V. Shestakova. M., 1937].
- Пришвин М.М. Дневники. 1936–1937 / Подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой; Статья, коммент. Я.З. Гришиной. СПб.: Росток, 2010. [Prishvin M.M. Dnevniki. 1936–

³³ 13 марта завершилась война СССР с Финляндией. Взятый штурмом Выборг Лукаш расценил как символ грядущего возрождения Империи. Это было накануне его смерти: Лукаш скончался 15 мая.

³⁴ Лукаш И.С. Медный Всадник.

1937 / Podgot. teksta YA.3. Grishinoj, A.V. Kiselevoj; Stat'ya, komment. YA.3. Grishinoj. SPb.: Rostok, 2010].

Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1988. [Simonov K.M. Glazami cheloveka moego pokoleniya. Razmyshleniya o I.V. Staline M.: Izd-vo Agentstva pechatii Novosti, 1988 // https://runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6379&CENTER_ELEMENT_ID=146963&PORTAL_ID=7147]

Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Политиздат, 1951. [Stalin I.V. O nekotoryh voprosah istorii bol'shevizma: Pis'mo v redakciyu zhurnala «Proletarskaya Revolyuciya» // Stalin I.V. Sochineniya. T. 13. M.: Politizdat, 1951.].

Троицкий Н. А. Крестonosцы социализма. Саратов, 2002. [Troickij N. A. Krestonoscy socializma. Saratov, 2002.].

Эжитут Семен Аркадьевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; semenekshtut54@gmail.com

History – to school

Preparing the country for the upcoming big war, in the 1930s, Stalin was engaged not only in the army, aviation and navy, but also in the preparation of school teachers and school textbooks designed to teach future conscripts.

Keywords: I.V. Stalin, A.S. Bubnov, A.V. Shestakov, I.S. Lukasz, O. Peschel, intellectual history, morality and politics, the role of the individual in history, a person of the second plan in history, history of pedagogy, philosophy of history

Semen Ekshtut, Dr.Sc. (Philosophy), Leading researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; semenekshtut54@gmail.com

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ МАЛИНОМ НЬЮИТТОМ

В интервью М. Ньюитт рассказал об обучении в Винчестере и в Оксфордском университете, о становлении своей профессиональной карьеры. Он делится воспоминаниями о преподавании в Родезии, рассказывает о формировании его исследовательских интересов в области истории Африки. В интервью затрагиваются не только направления научной работы историка, не только его общественная деятельность, но и черты развития профессии историка в целом, более, чем за полвека. М. Ньюитт изложил свои взгляды на основные тенденции в эволюции британской историографии, подчеркнул ее методологические особенности. Он обратил внимание на вклад отдельных ученых и достижения современной историографии.

Ключевые слова: профессор Малин Ньюитт, Оксфордский университет, британская историография, исследования Африки, история Португалии, методология

Профессор Малин Ньюитт (Newitt), британский историк, родился в 1940 г. в семье известного ученого-химика. Окончил школу Винчестер, получил степень бакалавра в Оксфорде, степень доктора в Лондонском университете. В 1962–1965 гг. преподавал в университете Родезии. После возвращения в Англию работал в университете г. Эксетера. В течение нескольких лет был деканом факультета искусств, а в 1995–1998 гг. заместителем ректора. В 1998–2005 г., до ухода на пенсию, занимал должность профессора имени Чарльза Боксера в Кингс-колледж Лондонского университета. Специалист по истории Африки, истории Португалии и Португальской империи. Автор более сорока монографий, в т.ч. «Истории Мозамбика», вышедшей в 1995 г. В 1993–1998 гг. профессор Ньюитт был одним из руководителей и активным участником проекта «Istorija» программы Темпус Европейского Союза, направленного на развитие международного сотрудничества историков. В 2008–2018 гг. принимал участие во всех четырех международных конференциях «Британия: история, культура, образование», проводившихся в Ярославском государственном педагогическом университете им. К.Д. Ушинского.

А.С.: Малин, Вы обучались в одной из самых известных и привилегированных английских *public schools* – Винчестере. Каковы Ваши воспоминания об этой школе? Как Вы полагаете, было ли у Вас преимущество по сравнению с выпускниками государственных школ, грамматических или иных?

М.Н.: Я посещал две частные платные школы, подготовительную, в возрасте от восьми до тринадцати лет, и *public school*, Винчестерский колледж¹, с тринадцати лет до семнадцати. Выбор объясняется тем, что один из попечителей школы сэра Альфред Эгертон был близким другом

¹ Одна из самых известных частных школ в Англии, основанная в XIV в. Находится в г. Винчестере, графство Гемпшир.

моего отца. Как правило, мальчики оставались в ней до восемнадцати лет, но я оставил школу раньше, так как сдал экзамены и получил место для обучения в Оксфорде. Вместо того, чтобы находиться в Винчестере еще год, я, по решению отца, отправился в Германию учить язык. В то время такая последовательность не была необычной в семьях, принадлежавших к среднему и высшему классам. Всегда считалось, что частные школы дают интеллектуальные и социальные преимущества в жизни. В те времена в Оксфорд и Кембридж шли, в основном, выпускники *public schools* (сейчас это не так). Также считалось, возможно, справедливо, что они имеют лучший доступ в бизнес и политику. Это и сейчас так. Думаю, что однажды это помогло и мне. После университета я получил работу в качестве учителя в школе *Gordonstoun*² (в ней в детстве обучался принц Чарльз). Проработав там два семестра, я получил письмо от своего прежнего руководителя в Оксфорде Кристофера Хилла, в котором предлагалось подать заявление на получение места лектора в одном только что открытом университете в Африке. У меня не было степеней, и мне было всего 22 года, но я получил эту должность после одного короткого интервью. Я сомневаюсь, что выпускник грамматической школы или провинциального университета мог так легко получить такую должность. Не могу ответить, когда я начал интересоваться историей, потому что она была со мной еще до школы. Школа усилила этот интерес и открыла разные возможности для получения исторических знаний. В Британии «история» всегда вокруг нас. Всю страну можно сравнить с огромным историческим «тематическим парком». Английские законы лучше защищают исторические здания, чем людей.

А.С.: Насколько Ваш интерес к истории формировался под влиянием школьных учителей?

М.Н.: Еще в подготовительной школе я участвовал в конкурсе по истории, который был открыт любому мальчику-британцу в возрасте до тринадцати лет. Меня и моих товарищей готовил Норман Стоун, «старый уайхемист»³. Мы учили наизусть даты, битвы, договоры, прозвища знаменитых людей. Никто из нас не вышел в победители, но я получил хорошее знание фактического материала. Каждый элемент не особенно важен сам по себе, но вместе они создали блоки для понимания истории. В мои времена в Винчестере работало три историка, издавшие хорошо известные работы. Томми Ховарт (Howarth) написал биографию французского короля Луи Филиппа, она называлась «Король-гражданин». Доктор Питер Партнер (Partner) был специалистом

² Частная школа, расположенная в Шотландии. Основана немецким педагогом Куртом Ханном (Hahn), эмигрировавшим из Германии после прихода фашистов к власти. Большинство учащихся находится на полном пансионе. Название связано с поместьем, принадлежавшем в XVII в. сэру Роберту Гордону, шотландскому политику, придворному и историку, затем его потомкам.

³ Так называют выпускников школы в честь ее основателя епископа Винчестерского, канцлера Англии Уильяма Уайхема (1320 или 1324–1404).

по средневековым папским финансам, а Энтони Вуд (Wood) автором многих известных книг по английской и европейской истории. Из них самым выдающимся историком был Партнер, но он меньше всех производил впечатление на учеников, поскольку казался (совершенно ошибочно) вялым и безразличным человеком. Ховарт был маленького роста и очень подвижен. О нем было известно, что во время войны он служил в штабе фельдмаршала Монтгомери, что создавало ему ауру, как и то, что он писал историю. К изучению истории в Винчестере относились серьезно, но, все же не так, как к классике. Я окончил школу на продвинутом уровне по теме «История с иностранными текстами». Иностранные тексты были на латыни, немецком и французском – неплохой набор для того, кто намерен продолжать изучение истории. С самого начала нас учили, как студентов. Обучение, в основном, проходило на лекциях, во время которых мы делали записи. От нас требовали чтения научных монографий, например, книги Д. Марриотта (Marrigotte) «Эволюция Пруссии». Кроме учителей, надо упомянуть двух известных в международном масштабе историков, которые во время моего пребывания в школе были ее директорами. Это Генри Десмонд Ли (Lee), который перевел «Республику» Платона для издательства Penguin. Другим был Уолтер Оукшотт (Oakeshott), нашедший и издавший «Винчестерский манускрипт». ⁴ Старшим учителем по немецкому языку был Лесли Рассон (Russon), автор «Полного курса немецкого языка», стандартного школьного учебника для подготовки к первому экзамену. Французскому языку нас учил граф Николай Соллогуб, русский эмигрант. Говорили, что он знает пять языков и общается с престарелой матерью на смеси всех пяти ⁵.

А.С.: Как проходило Ваше обучение в Оксфорде. Чем Баллиол отличался от других университетских колледжей? Как определился Ваш выбор темы?

М.Н.: В Оксфорде действовала университетская программа по истории. В течение первых двух семестров преподавались общие курсы, такие, как «Европа и мир» (Europe and Wider World). В основном речь шла об эпохе открытий. Мы использовали книгу Д.Х. Пэрри (Parry) под таким же названием. Мы также читали тексты на латыни и на французском или немецком языках. После второго семестра был экзамен. Затем следовал курс, включавший обязательный предмет («Английская история от римлян») и специальные дисциплины и предметы по выбору.

⁴ В 1934 г. Оукшотт при каталогизации библиотеки Винчестерского колледжа обнаружил ранее неизвестную рукопись «Смерть Артура» сэра Томаса Мэлори, английского писателя XV в., автора романов о короле Артуре. Обнаружение этой рукописи считается одним из главных открытий средневековых источников в XX в.

⁵ Соллогуб Николай Александрович (1913–1990). Младший из трех сыновей графа Александра Соллогуба, погибшего во время гражданской войны, и Эдит Натали де Мартин. Семья покинула Россию в 1918 г. Николай обучался во Франции. Его мать была автором книги «Русская графиня: спасаясь из революционной России», вышедшей в 2011 г. под редакцией Роберта Чандлера (Chandler).

Здесь выбор был действительно велик. В качестве специального курса я выбрал Французскую революцию, что предполагало чтение документов, почти всегда на французском языке. Обязательными были труды по политической мысли. Мы были должны читать Гоббса, Локка и Руссо, и дополнительно Маркса, Милля и Макиавелли. Изучалась средневековая конституционная история, при этом использовались «Хартии» Стэббса⁶ (Stubbs). Все документы были на латыни. В университете проходили лекции, открытые для всех студентов, их читали по своим специальностям выдающиеся ученые, что не было прямо связано с программой для студентов. Поскольку посещение было добровольным, многие студенты не были на них ни разу. Обучение проходило по колледжам, тьюторы работали только со своими студентами. Теперь то, что я помню о тьюторах. Я читал Мейнеке⁷, Беду и Эразма. Моим тьютором был Кристофер Хилл, человек тогда очень известный как ученый, видный марксист/коммунист. Хилл взял группу, которая изучала письма Эразма, и мы быстро обнаружили, что большая часть из них переведена Дж. Фрудом в его «Жизни и письмах Эразма». У меня сложилось впечатление, что Хилл опирался на эти переводы, как и мы.

Я никогда не был выдающимся лингвистом, но мои битвы с текстами на латыни, немецком, французском, а позднее на португальском языке спасли меня от карьеры, подобной многим моим современникам, которые читали только на английском. Такой англоцентризм, безусловно, влияет на понимание прошлого Британии. Поэтому многие полагают, что книги о британской истории писали только британцы. Англоцентризм, следовательно, влиял не только на понимание народом Британии своей истории, но и на восприятие места Британии в истории Европы, в целом. История в Оксфорде была, в большой степени, «английской», а не британской историей. Я действительно думаю, что историки, когда писали программу обучения, не понимали предвзятости такого подхода. Для них не было вопроса: английская история – это история Британских островов. Позднее я столкнулся с тем же в Эксетере, там было много курсов по «английской истории». А что с историей Шотландии, Уэльса или Ирландии? Конечно, изучали, но только тогда, когда они вплетались в нарратив об истории Англии. И не иначе. Важно ли это? Возможно, никого не волнует, что профессиональные историки конструируют в программах для элитных университетов, но это просачивается в публичную культуру, как капли дождя через пористые породы. Англичане, так часто заявляющие о толерантности, на самом деле глубокие ксенофобы, и, если меня спросят об «английскости», я скажу, что ксенофобия одна из ее черт.

⁶ Уильям Стэббс (1825–1901), епископ Оксфорда, английский историк. Изучал историю церкви и конституционную историю Англии, известен публикациями средневековых хроник.

⁷ Фридрих Мейнеке (1892–1954), немецкий историк и философ, известен исследованиями в области методологии истории (историзм) и истории немецкой нации.

Каждый семестр Кристофер Хилл организовывал встречи для своих подопечных и других. Мы собирались в его кабинете и пили сидр. Потом до меня дошли слухи, что он использовал эти встречи, чтобы незаметно найти среди студентов «попутчиков». Я читал его книгу о Ленине, как и другие его книги, блестяще написанную, но мое главное ощущение состояло в том, что почти на каждой странице мне хотелось воскликнуть: «Да, но...». Это книга для посвященных. Я так и не был рекрутирован в число «попутчиков». Хилл также занимался с нами историей раннего нового времени. В его кабинете было глубокое кресло, в котором он откидывался вполовину роста. Он курил трубку, но в отличие от моего отца, который тоже был любителем трубки, она у него тухла. Я замечал: когда ему задавали сложный вопрос, он набивал трубку, утрамбовывал табак, зажигал ее и затягивался, прежде чем отвечать. Сейчас, когда курение трубки исчезло, как люди реагируют на неудобные вопросы? Хилл заикался. Я хорошо помню только один случай, когда он вмешался. Мы изучали «безумие охоты на ведьм», и я представил эссе, базировавшееся на Ноутштейне (Notestein)⁸, главный тезис которого состоял в том, что ведовства не было. Хилл вмешался со словами: «Но некоторые обвиняемые действительно описывали инструмент дьявола». Хилл был прекрасным писателем, его стиль с короткими ясными предложениями знаменовал переворот в историописании на английском языке. В прошлом осталась витиеватая проза викторианцев и их последователей, таких как Мейтланд⁹. Я и сейчас думаю, что историки должны стараться писать, как он. Несмотря на то, что Хилл открыто придерживался марксизма, а может быть, благодаря этому, он стал во главе Баллиола, всегда гордившегося своими радикальными традициями.

Другими моими руководителями по истории были Джон Прест¹⁰, скромный молодой человек, и А.Б. Роджер (Roger), дон старой традиции. У него не было докторской степени, и он ничего не публиковал. После его смерти бывшие ученики, разобрав его бумаги, составили историю войны второй коалиции против революционной Франции, которую опубликовали под его именем. Я читал ему свои эссе, но запомнил только, как он однажды перепутал меня с другим студентом и по ошибке называл Меррингтоном. Моим четвертым руководителем был Ричард Саутерн, медиевист огромной известности и очень серьезной репутации. Невозможно представить, какой беспорядок царил в его кабинете: груды книг и бумаг на столах и на полу. Саутерн бродил по комнате, слушая наши эссе, отвлекался, глядя в окно, словно ища что-то, чего никогда не

⁸ Уоллес Ноутштейн (1878–1969), американский историк автор книги «История ведовства в Англии с 1558 по 1718 год (1911).

⁹ Фредерик Мейтланд (1850–1906), выдающийся британский историк и юрист, создатель правовой истории.

¹⁰ Джон Прест (1929–2018), британский историк, преподавал в Оксфорде с 1954 по 1996 г. Выступал за допуск в число студентов женщин и за расширение допуска выпускников государственных школ. Специализировался, в основном, на истории Англии в XIX в.

находил. Изучая средние века, я осознал, как много значит точность терминологии. Я быстро понял, что то, что я писал о средних веках, каким-то странным образом становилось ошибочным. До сих пор не вполне понимаю, как правильно писать о феодализме. Я посещал некоторые университетские лекции, но не целые курсы, руководствуясь текущими слухами, циркулировавшими среди студентов, например, о престарелом «доне» («донами» принято называть университетских преподавателей, будто они испанские аристократы), который читал церковную историю в такой скучной манере, что студенты его не посещали. Даже рассказывали, что в одном случае он читал лекцию в пустой аудитории.

А.С.: Вы называли и других знаменитых историков. Нельзя ли рассказать об этом подробнее?

М.Н.: Я обучался в университете во время знаменитой «дискуссии о джентри» и дебатов о причинах Гражданской войны. Главными действующими лицами были Лоуренс Стоун, Хилл и Хью Тревор-Ропер. В то время все они были активны и преподавали в Оксфорде. Как ты знаешь, в ходе этих дебатов не пришли к какому-то заключению, они просто иссякли. Помню такие сатирические четверостишья. О Стоуне: *Little is known / Of Lawrence Stone / But he is thought to be seeking entry / Into the gentry.* О Тревор-Ропере: *As he writes more and more / On the Civil War / The reputation of the Regius Professor / Grows lesser and lesser.* (Тревор-Ропер был в Оксфорде Королевским профессором – официальное назначение короны). Кроме этого трио, выдающейся персоной, обладавшей международной славой, был Исайя Берлин. Он был родом из российской Прибалтики. Его лекции настолько хорошо посещались, что для них выделяли театр. Мне он особенно запомнился лекциями о европейском Просвещении. В целом, от этих знаменитых людей я научился тому, что история не отлита из бетона. Она живая. Ее можно рассматривать и обсуждать с разных перспектив, о ней можно спорить. Более того, история имеет отношение к пониманию современного мира, но ее надо изучать досконально и беспристрастно. В те времена традиционные историки, застрявшие в вигской интерпретации политической истории, получили вызов от тех, кто писал для нового журнала «Паст энд презент», он был основан в 1952 г., и активно выходит сегодня. Это был английский эквивалент французской школы «Анналов».

А.С.: Насколько я знаю, в британской историографии всегда были влиятельны левые и даже марксистские идеи. Каким было отношение к СССР? Когда настроение начало меняться? Что вы понимаете под ревизионизмом в историографии?

М.Н.: «Левые» были и остаются очень влиятельными в академической истории в Британии, но поменялось в большой степени то, за что они выступают. Долгое время после первой мировой войны в левых кругах был популярен вид марксизма, ассоциировавшийся с Советским Союзом. Левые историки симпатизировали Ленину и большевикам и верили, что СССР нашел жизнеспособную альтернативу капитализму.

Хорошие примеры такого подхода – книги Кристофера Хилла «Ленин» и «Русская революция», вышедшая в 1947 г., переиздававшаяся Penguin до 1993 г. В то время некоторые высокопоставленные члены британского высшего класса не только стали коммунистами, но и работали на русскую разведку (Ким Филби и Энтони Блант, который был близок к королевской семье как смотритель галереи королевы). Эрик Хобсбом (1917–2012) – возможно, самый известный из марксистских историков, до смерти оставался членом коммунистической партии.

Конечно, были влиятельные историки, занимавшие критическую позицию, такие как Эдвард Карр¹¹, Роберт Сервис¹² (Service) и, конечно Артур Кёстлер¹³. Подавление СССР восстаний в Венгрии и Чехословакии показало, что на практике означал советский коммунизм, после чего «левые» начали отворачиваться от советского марксизма (Хилл вышел из коммунистической партии в 1957 г.), многие перешли на чтение курсов по антиколониальной борьбе в 1950–1960-х гг. Марксистские идеи оставались важными, но только в смысле широкого принятия значимости экономического фактора и классовой борьбы как движущих сил истории. В более близкие к нам времена «левые» отошли от узкой политической или дипломатической истории. Сегодня преобладают культурная история, история угнетенных, постмодернизм, феминизм и история «черных». Вы не получите работу в исторических департаментах университетов Соединенного Королевства, если тема исследований не вписывается в одну из этих категорий. Что касается экономической истории, то миросистемная теория Эммануила Валлерстайна и его последователей до сих пор очень влиятельна.

А.С.: О методологии. Хотя Тойнби и Коллингвуд, не говоря о многих других, принадлежат к британской историографии, часто говорят, что большинство британских историков не любят рассуждать о методологии, а предпочитают вести эмпирические исследования. Есть мнение: постмодернизм слабее влиял на британскую, чем на французскую или американскую историографию. Как Вы можете это прокомментировать?

М.Н.: В целом, это так. Британские историки не очень интересуются теорией истории. Очень популярная книга Э. Карра «Что такое история?» впервые появилась в 1961 г. В целом, британские историки – эмпирики, но это часто маскирует теоретические заключения, которые они делают, специально об этом не думая. Тем не менее, литературная критика, исходящая из Франции (Деррида, Лакан, Барт, Фуко и др.), оказала влияние, эти идеи широко распространились. Особое признание получила школа «Анналов», книга Э. Леруа Ладюри «Монтайю» (1975).

¹¹ Эдвард Карр (1892–1962), британский историк и дипломат. Автор четырнадцатитомной «Истории Советской России», охватившей 1917–1929 гг.

¹² Роберт Сервис (род. В 1947 г.), британский историк, специалист по истории СССР от 1917 г. до смерти Сталина.

¹³ Артур Кёстлер (1905–1982), британский историк, писатель и журналист, особенно известный романом «Спящая тьма» (1940) о сталинских репрессиях.

Труды Ф. Броделя «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» и «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» вызывали громадный интерес. Существует ли традиция «правой» истории? Конечно, и сегодня идут «культурные войны», которые в значительной мере сфокусированы на охране пантеона великих национальных героев (Нельсон, С. Родс и др.), но я не считаю это серьезной наукой. Мне кажется, что есть тенденция возвращения к А. Смиту, М. Веберу, Э. Дюркгейму, что представляется проявлением поиска альтернативы марксизму. Наиболее влиятельны те, кто использует американские теории модернизации, особенно У. Ростоу. Сегодня под определение «правого крыла» в историографии лучше всего подходит Нил Фергюсон¹⁴.

А.С.: Как вам кажется, если взять последние десятилетия, какие труды историков, независимо от тематики, в высшей степени привлекли английских читателей или стали для них вызовом?

М.Н.: Ответить непросто, потому что пересмотр сложившихся представлений происходил в каждой области, но вот несколько имен, пришедших мне на ум. «Капитализм и рабство» Эрика Уильямса, книга, опубликованная еще в 1944 г. и недавно переизданная, о том, что промышленная революция финансировалась доходами от работорговли. Джилберто Фрейре (Freyre) в работе «Хозяин и рабы» (1946) показал, что индейцы и африканцы внесли равный вклад в создание цивилизации Бразилии. Эдвард Саид в книге «Ориентализм» (1976) подверг критике взгляд европейских авторов на исламскую культуру и историю. Бенедикт Андерсон, автором книги «Воображаемые сообщества» (1983), доказывал, что идея национальной идентичности – это не древний, а недавний конструкт. Ту же идею развивал Лерой Вайл (Vail). В «Создании трибализма в Южной Африке» (1991) он опроверг взгляд, будто африканские племена были древними, генетически различимыми и примордиальными. Т. Рэнджер и Э. Хобсбоум в «Изобретении традиции» (1992) применили подход Арнольда в отношении многих, как предполагалось, «древних традиций» и показали, что они в большинстве имеют недавнее происхождение. Патрик Шабал (Chabal) и Жан-Паскаль Дало (Daloz) в книге «Африканские труды. Беспорядок как политический инструмент» (2010) пересмотрели взгляды на «отставание» Африки и показали, что политический беспорядок и экономическое отставание являются источником дохода для африканских элит.

А.С.: Вы много лет в профессии. Как Вы оцениваете ее престиж, какова была в этом отношении динамика, скажем, с 1960-х гг.? Каковы отношения между профессиональной и публичной историей?

М.Н.: Мне кажется, что после 1960-х гг. образовался большой разрыв между публичной историей и академической историографией. Это случилось, несмотря на популярность телевизионных передач по исто-

¹⁴ Нил Фергюсон (род. в 1964 г.), специалист по всемирной истории, экономической истории, империализму. Ряд его трудов переведен на русский язык.

рии и интерес к старым зданиям и музеям. Полагаю, что причина этого, по большей части, в том, что большинство современных историков не пишут просто и понятно, так, чтобы поддерживать национальную самооценку. Но это можно легко получить в телевизионных программах, которые не являются резко националистическими или «правыми» политически, но их легко и интересно смотреть. Костюмы замечательные, обычаи исполинские, рассказы о людях, давно умерших, занимательны – ничто «не испугает лошадей».

А.С.: Не могли бы вы рассказать о своей академической карьере? Мы встретились в Эксетере в 1990 г. Потом Вы работали в Лондоне. В чем главные трудности для университетского администратора? Вы вели активную общественную деятельность. Как находилось время для всего этого?

М.Н.: Вернувшись из Африки в 1965 г., дважды, в 1970 и 1974 гг., я избирался (неудачно) в парламент от лейбористской партии. В 1974–1981 гг. был председателем комиссии, занимавшейся жалобами населения на работу железных дорог. Я стал мировым судьей в 1985 г. и продолжал оставаться им до 2010 г. Я являлся первым деканом, затем проректором университета Эксетера. В 1998–2005 гг. был профессором Кингс-колледжа Лондонского университета. Моя работа в университетской администрации (бесконечные комиссии) была в основном сосредоточена на реформировании обучения. Была национальная программа реорганизации, и я отвечал за это направление в Эксетере. Это касалось структуры курсов, качества обучения, и введения гибких форм обучения. Много бумажной работы! И это пришлось на время, когда университеты испытывали нехватку финансирования. Сейчас университеты финансируются гораздо лучше, проректоры получают огромное жалование, строят престижные новые особняки, тогда как условия труда для молодых преподавателей и исследователей стали гораздо хуже. Часть административной работы была мне интересна, потому что я считал: британские университеты должны лучше представлять, что происходит в остальном мире, проявлять больше гибкости в учебных курсах, предлагать свежие идеи в обучении и создании программ. Потому я и включился в проекты программы Темпус¹⁵. Одновременно я писал. Моя самая большая и лучшая книга вышла в 1995 г., как раз посередине моей административной деятельности. Как я находил время для научной работы? Не знаю, но в Англии есть поговорка «Хочешь что-то получить, спрашивай у занятого человека».

А.С.: Вы известный специалист по Африке, много раз бывали на Черном континенте. Есть ли яркие воспоминания? Что значит быть историком Африки? В России много говорят о необходимости избавлять-

¹⁵ Программа TEMPUS Европейского Союза поддерживала инициативы по сотрудничеству между университетами Западной Европы, Восточной Европы и государств бывшего СССР.

ся от европоцентризма. Считаете ли вы это реальной и актуальной проблемой для историка?

М.Н.: Об этом можно написать целую книгу. Началось с работы в Университете Родезии и Ньясаленда, одном из колониальных университетов, основанном Лондонским университетом как часть британского ‘goodbye’ Африке. В департаменте работало шесть преподавателей, во главе с профессором Стоксом (Stokes), известным книгой об английских утилитаристах и Индии, человеком тонкого ума, понимавшим место Африки в постколониальном мире. Ни один предмет он не принимал с полной серьезностью, через два года с долей юмора воспринял известие что стал профессором имени Смэтса¹⁶ в Кембридже. Печально, что он умер относительно молодым в возрасте 57 лет. Более известным и по-настоящему выдающимся историком был Терри Рейнджер. С первой встречи чувствовалась его харизматическая личность. Подозреваю, что его напористая речь была неожиданной для людей застенчивых, не любивших общения один на один. Он был из Ирландии, занимался ирландской историей, неизбежным образом двинулся в сторону колониальной истории и стал пионером в изучении африканского национализма. Он очень интересовался политикой и был вовлечен в освободительное движение. Это четко отразилось в его трудах, особенно о восстании машона, и многочисленных статьях, в которых он прослеживал связь между сопротивлением колониализму и рождением современного национализма. Через год он покинул Родезию, отправился в Дар-эс-Салам, затем в Оксфорд, где возглавил кафедру межрасовых отношений. Он всегда находился на переднем крае исследований, открывая новые аспекты социально-политических движений, а позднее получил известность по книге об изобретении традиции. Хотя я не знал его близко, а он был слишком замкнут, чтобы знакомиться со мной, я много получил от контакта с ним. Исследование и первоисточники жизненно важны в нашем деле, но, кроме того, он считал: вера в цели изучения истории также важна. История имеет значение для настоящего, а не просто вызывает антикварный интерес. Задача историка в том, чтобы проникнуть в общепринятые нарративы, которые слишком часто обслуживают правящие элиты. Косвенно подразумевалось: когда нарративы становились собственностью победивших революционных и националистических движений, перед историком вставала та же задача – деконструировать их. От этой задачи Рейнджер не увиливал, когда африканские националисты пришли к власти. Он всегда был «убежденным» историком, и чувство миссии в высшей степени влияло на тех, кто начинал собственные исследования рядом с ним.

Два других лектора, Ричард Браун и Иан Хендерсон, не были известными историками, но Ричард отличался юмором, с которым он

¹⁶ Должность профессора по истории Содружества в Кембридже была учреждена в честь южноафриканского государственного деятеля Яна Смэтса в 1952 г. Стокс занимал ее в 1970–1981 гг.

смотрел на политику вокруг. Он был так же общителен, как Рейнджер замкнут. Все его любили. Вернувшись в Англию, он поселился в Брайтоне, рано ушел в отставку и работал на лейбористскую партию. Шестым членом департамента был Хилари Дженкинс – южноафриканец, незадолго до того принявший католицизм. Он был очень общителен со студентами и преподавателями и, казалось, постоянно искал тех, кого мог обратиться к себе. Мы стали близкими друзьями. И через него я познакомился со многими людьми, большей частью католиками. Хилари очень интересовался историей идей, был глубоким критиком Просвещения и рационализма XVIII в. Он пробуждал сомнение в концепции прогресса, являвшейся частью вигского взгляда на историю – протестантского, капиталистического, рационального, демократического взгляда на мир. Ему была не чужда идея освобождения Африки и чаяния черного населения, но он был скептиком в отношении идеологии африканского национализма, поэтому он часто сталкивался с Рейнджером, но исключительно интеллектуально и с чувством юмора. Когда оба были уже в Англии, Хилари пытался поддерживать с Рейнджером контакты, но, мне кажется, эта дружба была односторонней. Когда мы собирались в маленьком зале в Солсбери, Родезия, смотреть фильмы Ингмара Бергмана, он интерпретировал их в том духе, что Бергман был криптокатоликом. Приверженность к католицизму привела его к покупке старого деревенского дома в Италии, ставшего отдушиной для него и его семьи, даже когда он работал в Ирландии. Благодаря Дженкинсу я познакомился с совершенно иной интеллектуальной традицией, чем та, которая была известна мне по Винчестеру и Оксфорду, и она имела для меня не меньшее значение, чем взрывная приверженность Рейнджера освобождению. Я рассказал об этом подробно, потому что три года в Африке изменили меня фундаментально. Я сбросил то, что, как мне казалось, я знал после Винчестера и Оксфорда. Я почувствовал, что мне надо заново создавать свою систему ценностей и свой взгляд на мир. Я думаю, что изучение Африки делает это с каждым. То, как ты думаешь, что знаешь и во что веришь, разрушается африканским опытом и встречей с африканцами. Конечно, сегодня Африка в состоянии хаоса, и, на первый взгляд, мало что там может восхищать. Если заглянуть глубже политики и начать смотреть на мир и человеческое существование с африканской точки зрения, это происходит в сознании.

А.С.: Важное место в Ваших исследованиях заняла Португалия и Португальская империя. Как Вы это объясняете? Не кажется ли Вам, что в наши дни снижается интерес к истории колониализма?

М.Н.: Написание истории Португалии всегда было тесно связано с политикой, с потребностями существовавшего в тот или иной момент режима. Это относится ко времени появления первых трудов в начале XVI века (Ф. Лопес и Зурара). В XX в. диктатура Салазара (1930–1974) требовала от историков поддерживать его взгляд на всемирную Португалию, включающую сообщества в Африке, Индонезии и Китае. Это

вызывало противодействие португальских историков, работавших за границей, чтобы иметь возможность публиковаться. Спустя время, в 1960–1970-х гг., появилась альтернативная история Португалии, в ее написании активную роль играли британские и американские авторы. Среди самых важных – С.Р. Боксер (Boxer), в Португалии – Виториньо Годинхо (Godinho). Я не знаю, что сказать о моих достижениях в этой области, но я опубликовал больше двадцати книг о Португалии, ее колониальной политике. Я всегда пытался писать так, чтобы книги были понятными и читались с удовольствием. Некоторые из них переиздаются в течение уже двадцати лет, а половина переведена на португальский язык. Американские и британские историки, занимавшиеся Португалией, стремились деконструировать мифы, созданные португальской историографией. Португальцы сталкивались с колоссальными национальными, колониальными, международными проблемами. Считаю, что необходимо понять их действия и политику, изучать и интерпретировать непредвзято, без политической ангажированности.

А.С.: Какие советы Вы могли бы дать коллегам, молодым историкам?

М.Н.: Стараться избегать политической предвзятости, помнить, что национализм особенно опасен (в т.ч. в Соединенном Королевстве). В конце концов, Б. Андерсон показал, что нации – это недавно изобретенные «воображаемые сообщества». Прежде чем писать, найдите доказательства и аргументы. Исследуйте каждый вопрос с разных ракурсов, задавайте вопросы, деконструируйте общепринятые нарративы, посмотрите на события с другой точки зрения. Слишком часто постмодернисты заявляют, что каждый индивид может говорить о своей «истине». «Истина» – это то, что я считаю «истиной», независимо от того, как считают другие. Поэтому всегда проверяйте любое утверждение и любую теорию вопреки кажущейся очевидности.

А.С.: Спасибо, Малин, за ваше интервью.

Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, sokolov_1457@mail.ru

Interview with Professor Malyn Newitt

In the interview the period of study of the future historian in Winchester and Oxford is considered, as well as formation of his professional carrier. Newitt shares his memoirs about teaching in Rhodesia, tells us about the formation of his research interests in the field of history of Africa. In the interview not only his research and public activities are considered but the development of the profession of historian, in general, for longer than half a century. Professor Newitt explains his views on the main tendencies in evolution of British historiography, and stresses on its' methodological particularities. He attracts attention to the contributions of some historians and the achievements of contemporary historiography.

Key words: *Professor Malyn Newitt, Oxford University, British historiography, African studies, history of Portugal, methodology.*

Andrei Sokolov, PhD (History), Professor, Yaroslavl Ushinskiy State Pedagogical University; sokolov_1457@mail.ru.

В.А. ГУТОРОВ, А.А. ШИРИНЯНЦ

СВОБОДА ЛИЧНОСТИ ПРОТИВ «СВОБОДНОГО ГОСУДАРСТВА» ИЛЛЮЗОРНАЯ ДИЛЕММА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?¹

Статья представляет критический анализ интерпретации политической философии Карла Маркса в книге Леви дель Агила Марчены, перуанского философа, работающего в Папском католическом университете в Лиме. Книга опубликована в международной серии *Marx, Engels, and marxisms*. Исходным моментом ее критического анализа стал полиморфный и несколько претенциозный концепт «the Dualism of Realms», характеризующий, по мысли автора книги, утопичность трактовок в марксистской политической философии проблем государства, индивидуальной свободы и путей ее реализации. В книге «обыгрывается», по существу, только один сюжет, который постоянно присутствует на многих десятках страниц, а именно – выявление «исходных противоречий» Маркса, причиной которых автор считает «неистребимую инерцию» либерализма в его политической философии.

Ключевые слова: марксизм, либерализм, неолиберализм, государство, свобода, личность, историческая традиция, политическая философия, демократия

Книга Агилы Марчены «Коммунизм, политическая власть и свобода личности у Маркса: по ту сторону дуализма сфер», представляет собой уникальное явление, прежде всего, в региональном контексте. По своему содержанию она резко выделяется на фоне многочисленных работ латиноамериканских политологов, философов и экономистов, переведенных на английский язык и, следовательно, ставших более доступными для всех, кто интересуется марксизмом. В наши дни «марксистский бум», поразительно ярко заявивший о себе уже на рубеже 1950-х и 1960-х гг., не демонстрирует никаких признаков спада. Интерес к творчеству Маркса особенно возрос после глобального экономического кризиса 2008 г., когда «марксистские мыслители, политические активисты и экономисты – прежде высмеиваемые и игнорируемые – были перенесены из мусорной корзины истории прямо на главные телеканалы и их взглядами стали интересоваться»².

Причины этого явления вполне очевидны. Еще на исходе XX века они одновременно детально и просто были охарактеризованы Эдвардом Рейссом в предисловии к книге «Маркс. Свободный путеводитель». Отвечая на вопрос «Зачем изучать Маркса?», Рейсс отметил:

¹ Размышления над книгой: Aguila Marchena L. del. *Communism, Political Power and Personal Freedom in Marx: Beyond the Dualism of Realms*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2021/ Рецензия подготовлена при поддержке РФФИ и Экспертного института социальных исследований, проект № 21-011-31167 «Неолиберализм в современном политическом дискурсе: “посттрадиционный порядок” и кризис идентичности» / The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, project No. 21-011-31167 «Neoliberalism in modern political discourse: “post-traditional order” and the crisis of identity».

² *Marxism and Education* 2011: 2.

«Маркс, если использовать его собственный термин, является “всемирно-исторической” личностью. Это означает, что его жизнь связана с мировой историей. Чтобы понять Маркса, нужно многое понять о XIX веке – капитализме, колониализме, социальных и идеологических изменениях и т.д. Большая часть интеллектуальной истории нашего века также вращается вокруг Маркса... Даже если он получал неправильные ответы, по крайней мере его мысль была амбициозной, творческой и критической. Критика его самого помогает, в свою очередь, расширить, обострить и прояснить собственное мышление. Задача состоит в том, чтобы отделить положительную, конструктивную, живую часть работы Маркса от отрицательной и мертвой»³.

В теоретическом и идеологическом плане интерес к Марксу в наши дни также вполне понятен. На рубеже XX–XXI переосмысление его революционной мысли становится главным идейным ориентиром для многочисленных интеллектуалов, групп и партий левого спектра, бросающих вызов неолиберальному мировому порядку⁴.

Выражая благодарность Марчелло Мусто, главному редактору серии «Маркс, Энгельс и марксизмы», способствовавшему переводу книги на английский язык и ее опубликованию в издательстве «Palgrave Macmillan», Агила Марчена демонстрирует свое «жизненное кредо»:

«Я пишу с глобального Юга, исходя из исторических возможностей и ограничений ученого из страны со “средним доходом”, такой как Перу. Страна, которая в последние 30 лет подчинена неолиберальной модели развития, которая до этого знала самые вульгарные и тиранические формы маоизма, страна, погрязшая в популизме правых и левых, и которая находится под влиянием глубоко консервативной культуры, способствовала тому, что Маркс, марксизм, радикальные и освободительные ставки сделались чем-то большим, а не просто “призраками”, демонами или легионами демонов. Хочется верить, что время того пустого оптимизма, с которым в течение этих десятилетий капитал организовывал нашу жизнь в мировом масштабе, заканчивается; время этой уничижительной формы неолиберального господства, выпавшей на долю моего поколения, поколения интеллектуалов и ученых моей страны, решительно повлияло на богатство и горизонты нашего производства. Возможно, пришло время снова поднять наши знамена и наш эмансипационный дух, освободившись от страха стигматизации и не стыдясь получить “клеящийся упрек коммунизма”»⁵.

Однако знакомство с содержанием работы свидетельствует о том, что все экскурсы автора в проблематику неолиберализма и его воздействия на экономические и социально-политические процессы в Латинской Америке ограничиваются вышеприведенными словами. Термин «неолиберализм» упоминается еще один раз в предисловии, и на этом анализ данного явления в контексте анализа марксизма завершается, что представляется довольно странным на фоне многочисленных работ, посвященных как неолиберализму, так и стремительному возрождению интереса к марксизму и социалистическим идеям в этом регионе⁶.

³ Reiss 1997: 1–2.

⁴ См.: The Pluralist Theory 1989: 1–2; cp: Nimitz 2019: V.

⁵ Aguila Marchena 2021: XVI.

⁶ Latin American Politics 2017: 93; Kline, Wiarda 2007: Ch.1.; Sirohi 2019; Goldfrank 2008; Neoliberalism and Neopanamericanism 2002; Good Governance 2004; Imperialism,

Конечно, «абсентеизм» автора рецензируемой книги в отношении латиноамериканской проблематики не означает, что тема актуализации марксизма и обозначенный выше вопрос Рейсса – зачем изучать наследие Маркса? – оставляет его равнодушным. Аргументация Агилы Марчены развивается по иной, довольно причудливой и, на наш взгляд, несколько архаичной и даже маргинальной по нынешним временам траектории: ее доминантой является тема «либеральных истоков» марксизма, обусловленная стремлением к «синтезу» либерализма и наследия Маркса на основе проведенной в книге соответствующей «философской реконструкции». Сразу отметим, что аналитика Агилы Марчены в данном «синтетическом» направлении имеет чисто академическую природу: в ней полностью игнорируются, например, аналогичные философские и политические дебаты, развернувшиеся в мировом интеллектуальном пространстве вокруг сложных аспектов трансформации неолиберализма и возможностей синтеза социалистического и либерального дискурса в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы, современной России, а также в других регионах мира⁷. В его книге, как уже отмечалось выше, по существу, «обыгрывается» только один сюжет, который постоянно присутствует на многих десятках страниц, а именно — выявление «исходных противоречий» Маркса, причиной которых автор считает «несовместимую смесь» утопизма и либерализма в его политической философии. На наш взгляд, Агила Марчена поставил перед собой крайне сложную и неблагодарную задачу, учитывая большое количество оппонентов как среди современных сторонников марксизма, что вполне понятно, так и в академической науке⁸. Вероятно, именно по этой причине автор предпочитает не ввязываться в современную полемику и в заключительных главах завершает свою реконструкцию «в полном одиночестве». В итоге трактовка и переосмысление темы — *личность/свободное государство* в философии Маркса, которые автор рассматривает как личный вклад в науку, выглядят однобокими и чересчур догматичными.

Вообще, в работе перуанского философа высвечивается довольно странная «диалектика»: обозначая и акцентируя чуть ли не на каждой странице тему утопизма марксистской политической философии (особенно взаимосвязь идеи коммунизма и «конца политики»), автор одновременно пытается выявлять преимущества либеральной философии, при этом полностью игнорируя не только многочисленные утопические моменты либеральных концепций «свободного рынка» и «свободного государства», но и хорошо известные исторические факты. Например,

2007; Latin America 2007; Empire and Dissent 2008; Beyond Neoliberalism in Latin America? 2008; Governance 2009; Silva 2009; Petras, Veltmeyer 2011; Political Economy 2012; Flores-Macias 2012; Neoliberalism, Interrupted 2013; Kingstone 2018; Reshaping 2018.

⁷ См. подробнее: Beyond Neoliberalism 2017:6–7; Arnason 2000:61-90. Howard, King 2008:2; см. также: Badiou 2012; Grand Theories 2010; Wiarda 2014.

⁸ См., например: Nimitz 2019.

многочисленные комментарии Агилы Марчены к «Критике Готской программы» выглядят крайне тенденциозными, поскольку они изначально опосредованы его иллюзорной уверенностью в том, что практически в любом суждении Маркса – идет ли речь о политэкономии, истории, философии или политической теории – превалирует «утопическое ядро». Более того, по мысли автора, идеи Маркса являются «утопическими вдвойне», поскольку они основаны на непримиримом внутреннем противоречии между прозелитической устремленностью к абстрактному коммунистическому будущему и неспособностью преодолеть изначально заложенные в них «либеральные остатки». При этом игнорируется и тот очевидный для большинства современных ученых момент, что Маркс критикует лассальянские пункты Готской программы с позиции разработанной им самим социалистической теории. Как это ни парадоксально, идеологическая составляющая марксистских текстов, интерпретируется в книге Агилы Марчены крайне редко, в т.ч. при обсуждении вопроса о природе концепта «свободное государство».

Концептуальная эквилибристика Агилы Марчены, направленная на доказательство тезиса об эпигонской зависимости Маркса от либеральной политэкономии и политической теории, приводит к тому, что различие позиций марксизма и либерализма в оценке и интерпретации триады «государство-политика-личность» выглядит в его работе предельно запутанным. Например, он всячески стремится оставить в стороне многочисленные аспекты спора между либералами и марксистами о роли и перспективах политической демократии. В частности, принципиально игнорируя как труды современных теоретиков либерализма и марксизма, так и многообразные новейшие интерпретации демократии в либеральной и социалистической теории, Агила Марчена обращается к истории вопроса, приводя, например, следующие цитаты из «Крейцнахских рукописей» 1843 года, посвященных критике гегелевской философии права и свидетельствующих, по его мнению, о переходе Маркса «от фейербахианского горизонта к *разновидности неогегельянского демократизма*»: «демократия это истина монархии», «средние века были *демократией несвободы*» и др.⁹ Конечно же, эти цитаты никак не могут подтвердить исходный тезис Агилы Марчены, согласно которому «сопротивление или открытое неприятие политической власти во имя свободы личности и ее самореализации является ключевым пунктом либерализма Маркса»¹⁰. В либеральной политической теории неременным условием либерального государства «во всех его разновидностях является то, что государственная власть и полномочия должны быть ограничены системой конституционных правил и практик, в которых соблюдаются индивидуальная свобода и равенство людей под эгидой верховенства закона»¹¹.

⁹ Aguila Marchena 2021: 119-120.

¹⁰ Ibid.:15.

¹¹ Gray 1995:71-72.

Изначальный схематизм собственных построений позволяет Агиле Марчене свободно игнорировать как широко представленные в современной англо-саксонской политической мысли идеологические и философские версии синтеза марксизма и либерализма в трактовках природы государства¹², так и современную аналитику республиканской традиции, прежде всего, теоретиками Кембриджской школы истории понятий¹³. Впрочем, нетрудно понять, по каким причинам Агила Марчена старается избегать «столкновения с историей». Скорее всего, он вполне отдает себе отчет в том, что развиваемый в его работе миф о «либеральных истоках» политической философии Маркса не способен выдержать исторической критики. Этот автор поставил перед собой прагматичную задачу, а именно – противопоставить, не объявляя об этом открыто, современному неолиберализму некую обновленную философскую версию либеральной политики. По его мнению, самый простой путь для обоснования последней – доказать, что в лице Маркса мы имеем незаурядного и довольно изощренного тайного «апологета» вечной и непреходящей Идеи Либерализма! Об этом свидетельствует все содержание книги и особенно ее заключительный параграф «Перечитывая труды Маркса»¹⁴. На наш взгляд, уже сама «святая простота» авторской апологетики заслуживает внимания и делает книгу Агилы Марчены выдающейся по своей маргинальности во всех ее аспектах, включая политико-философский!

Впрочем, совершенно правы те ученые, которые утверждают, что никогда не следует спешить с выводами, ибо «нет предела совершенству»! В только что опубликованной в рамках той же серии «Маркс, Энгельс и марксизмы» книге Сатоши Мацуи «Социализм как развитие либерализма»¹⁵ мы встречаем те же самые идеи Агилы Марчены, выраженные еще более наивно и прямолинейно, что вполне соответствует ее названию...

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. Т. 28. М.: Госполитиздат, 1962. С. 9–32. [Marks K. Kritika Gotskoj programmy // Marks K., Engel's F. Sochineniya. Izd. vtoroe. T. 28. M.: Gospolitizdat, 1962. S. 9-32].
- Маркс – Иосифу Вейдемейеру, 5 марта 1852 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. Т. 28. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1962. С. 422–428. [Marks – Iosifu Vejdemejeru, 5 marta 1852 g. // Marks K., Engel's F. Sochineniya. Izd. vtoroe. T. 28. M.: Gospolitizdat, 1962. S. 422-428.]
- Aguila Marchena L. del. Communism, Political Power and Personal Freedom in Marx: Beyond the Dualism of Realms. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2021. 282 p.
- Arnason J.P. Communism and Modernity // *Daedalus*. 2000. 129(1). P. 61-90.
- Badiou A. The Rebirth of History: Times of Riots and Uprisings. N.Y.: Verso, 2012. 192 p.
- Beyond Neoliberalism: Social Analysis after 1989. Marian Burchardt, Gal Kim (eds.). Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2017. 286 p.

¹² См., например: Laski 1931: 15–33; The Pluralist Theory 1989.

¹³ См.: Freedom 2013; ср.: Runciman 1997.

¹⁴ Aguila Marchena 2021:242.

¹⁵ Matsui 2022.

- Beyond Neoliberalism in Latin America?: Societies and Politics at the Crossroads. Ed. by John Burdick, Philip Oxhorn, Kenneth M. Roberts. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 277 p.
- Colletti L. From Rousseau to Lenin: Studies in Ideology and Society. New York: Monthly Review Press, 1972. 240 p.
- Empire and Dissent: The United States and Latin America. Fred Rosen (ed.). Durham; London: Duke University Press Books, 2008. 263 p.
- Flores-Macias G.A. After Neoliberalism: The Left and Economic Reforms in Latin America. Oxford; New York: Oxford University Press, 2012. 261 p.
- Freedom and the Construction of Europe. Vol. II. Free Persons and Free States. Ed. by Quentin Skinner, Martin van Gelderen. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2013. 405 p.
- Goldfrank B. Neoliberalism and the Left: National Challenges, Local Responses, and Global Alternatives // Beyond Neoliberalism in Latin America?: Societies and Politics at the Crossroads. Ed. by John Burdick, Philip Oxhorn, Kenneth M. Roberts. New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 43-60.
- Good Governance in the Era of Global Neoliberalism: Conflict and Depoliticization in Latin America, Eastern Europe, Asia and Africa. Ed. by Jolle Demmers, Alex E. Fernández Jilberto, Barbara Hogenboom. London; New York: Routledge, 2004. 320 p.
- Governance after Neoliberalism in Latin America. Ed. by Jean Grugel, Pía Riggirozzi. New York: Palgrave Macmillan, 2009. 269 p.
- Grand Theories and Ideologies in the Social Sciences. Ed. by Howard J. Wiarda. New York: Palgrave Macmillan, 2010. 266 p.
- Gray J. Liberalism. Second edition. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995. 113 p.
- Howard M. C., King J. E. The Rise of Neoliberalism in Advanced Capitalist Economies: A Materialist Analysis. London: Palgrave Macmillan, 2008. 326 p.
- Imperialism, Neoliberalism and Social Struggles in Latin America. Richard Alan Dello Buono, Jose Bell Lara (eds.). Leiden; Boston: Brill, 2007. 381 p.
- Kingstone P. The Political Economy of Latin America: Reflections on Neoliberalism and Development after the Commodity Boom. New York; London: Routledge, 2018. 206 p.
- Kline H. F., Wiarda H. J. A Concise Introduction to Latin American Politics and Development. Second Edition. Boulder, Colorado: Westview Press, 2007. 304 p.
- Laski H. An Introduction to Politics. London: George Allen & Unwin Ltd, 1931. 112 p.
- Latin America after Neoliberalism: Turning the Tide in the 21st Century? Ed. by Eric Hershberg, Fred Rosen. New York: The New Press, 2007. 372 p.
- Latin American Politics and Development. Ninth Edition. Ed. by Harvey F. Kline, Christine J. Wade, Howard J. Wiarda. New York; London: Routledge, 2017. 506 p.
- Marx K. Early Writings. Intr. by Lucio Colletti. London: Penguin Books, 1992. 464 p.
- Marxism and Education. Renewing the Dialogue, Pedagogy, and Culture. Ed. by P.E. Jones. New York: Palgrave Macmillan Ltd., 2011. 248 p.
- Matsui S. Socialism as the Development of Liberalism: Marxist Analysis of Values. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2022. 218 p.
- Neoliberalism and Neopanamericanism: The View from Latin America. Gary Prevost, Carlos Oliva Campos (eds.). New York: Palgrave Macmillan, 2002. 288 p.
- Neoliberalism, Interrupted: Social Change and Contested Governance in Contemporary Latin America. Ed. by Mark Goodale, Nancy Postero. Stanford, California: Stanford University Press, 2013. 317 p.
- Nimtz A.H. Marxism versus Liberalism: Comparative Real-Time Political Analysis. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 310 p.
- Petrus J., Veltmeyer H. Social Movements in Latin America: Neoliberalism and Popular Resistance. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 274 p.
- Reiss E. Marx: A Clear Guide. London: Pluto Press, 1997. 192 p.
- Reshaping the Political Arena in Latin America: From Resisting Neoliberalism to the Second Incorporation. Ed. by Eduardo Silva, Federico M. Rossi. Pittsburgh University of Pittsburgh Press, 2018. 379 p.
- Runciman D. Pluralism and the Personality of the State. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1997. 279 p.
- Silva E. Challenging Neoliberalism in Latin America. Cambridge etc.: C.U.P., 2009. 318 p.
- Sirohi R.A. From Developmentalism to Neoliberalism: A Comparative Analysis of Brazil and India. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. 236 p.

The Pluralist Theory of the State: Selected Writings of G. D. H. Cole, J. N. Figgis, and H. J. Laski. Ed. by Paul Q. Hirst. London; New York: Routledge, 1989. 244 p.

Wiarda H. J. Political Culture, Political Science, and Identity Politics: An Uneasy Alliance. Farnham; Burlington: Ashgate, 2014. 202 p.

Гуторов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий, кафедра теории и философии политики, факультет политологии СПбГУ; *gut-50@mail.ru*

Шириняц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий, кафедра истории социально-политических учений, факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, *jants@yandex.ru*

Freedom of the Individual versus a “Free State” Illusory Dilemma or Political Reality?

The article presents a critical analysis of the interpretation of the political philosophy of Karl Marx in the book by Levi del Aguila Marchena, a Peruvian philosopher working at the Pontifical Catholic University in Lima (Senior Professor and Chair of the Department of Management Sciences at the Pontificia Universidad Católica del Perú). The work has been published in the international series Marx, Engels, and marxisms. The starting point of her critical analysis was the polymorphic and somewhat pretentious concept of "the Dualism of Realms", characterizing, according to the author of the book, the utopian interpretations in Marxist political philosophy of the problems of the state, individual freedom and ways of its realization. In the book, in essence, only one plot is “played out”, which is constantly present on many dozens of pages, namely, the identification of Marx’s “initial contradictions”, the cause of which the author considers the “indestructible inertia” of liberalism in his political philosophy. In our opinion, Aguila Marchena set himself an extremely difficult and thankless task, given the large number of opponents both among modern supporters of Marxism, which is quite understandable, and in academic science. It is probably for this reason that the author prefers not to get involved in modern scientific controversy and in the final chapters completes his reconstruction “all alone”. As a result, the rethinking of the theme of personality/free state in Marx’s philosophy, which the author obviously considers a contribution to science, looks one-sided and dogmatic.

Keywords: Marxism, liberalism, neoliberalism, state, freedom, personality, historical tradition, political philosophy, democracy

Vladimir Gutorov, Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Head of Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, Saint-Petersburg State University; *gut-50@mail.ru*

Aleksandr Shirinyants, Dr.Sc. (Political Sciences), Professor, Head of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, *jants@yandex.ru*

Работа выполнена в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Н.А. СЕЛУНСКАЯ

ПОРТРЕТ В МАНЕРЕ СФУМАТО МЕТАФОРА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ

Автор анализирует вышедшую в свет в 2021 г. книгу Т.Н. Поповой – исследование биографии оригинального мыслителя, историка, филолога, литературного критика П.М. Бицилли, а также те специфические историко-теоретические проблемы создания интеллектуальной биографии и изучения истории в персональном измерении, которые интерпретируются в монографии.

Ключевые слова: историография, интеллектуальная история, культура эмиграции, персональная история, интеллектуальная биография

Вполне возможно, что эпидемия, поразившая мир, сократившая контакты и возможности активных видов работы, заставившая интеллектуалов сконцентрироваться на саморефлексии, станет маркером новой эпохи, в т.ч. этапом развития интеллектуальной культуры и интеллектуальной истории. Эти первые годы изоляции дали уже ряд интереснейших публикаций, отражение прошлых архивных наработок и новой рефлексии ученых. Появились за это время в печати и новые исследования по интеллектуальной истории в персональном измерении, исследующие эпоху через личность, причем посвященные выходцам из России, вольным или невольным эмигрантам эпохи «Нового средневековья». Таковы исследования биографии Мирры Бородиной-Лот медиевистки и теософки (Тереза Оболевич), жизни и творчества Владимира Забугина, религиозного мыслителя и историка итальянского Средневековья и Ренессанса, рассматриваемых в общем контексте русской религиозной мысли (за авторством Алессандро Джованарди с содержательным предисловием авторитетного слависта Даниэлы Ричци, и вставным материалом Агостино Кампана), а также исследование биографии Петра Бицилли, историка-итальяниста и медиевиста по изначальному своему формированию как ученого, ставшего в эмиграции специалистом по славистике и литературным критиком (Татьяна Попова).

Все три исследования весьма интересны и оригинальны, их создатели не просто долговременно занимаются архивными поисками и публикациями, но и предлагают особые модели интерпретации наследия интеллектуальной культуры славянского мира. Разумеется, каждое из указанных произведений заслуживает серьезного внимания. Более того, было бы весьма желательным и появление эссе или рецензии, где бы анализировались эти работы вместе, так как они рассматривают единый глубокий пласт культуры с его внутренней системой прямых и опосредованных связей (в особенности, это касается итальянской монографии, в которой интерпретация наследия Забугина сочетается с разделами, посвященными Бицилли и другим представителям интеллектуальной культуры эпохи). Однако мне казалось важным сделать хотя бы и про-

стое совместное упоминание данных трудов как составляющих моментов нового этапа изучения биографий представителей русской культуры в рассеянии и изгнании. В данном же очерке речь пойдет о новой работе Т.Н. Поповой, из тех соображений, что именно она детально анализирует общие теоретические вопросы создания интеллектуальной биографии и персональной истории.

Рецензируемая книга представляет собой обширное монографическое исследование сложной структуры, в том смысле, что составляющие его исследовательские темы и сюжеты разноплановые, неоднородные. Как указано в авторском вступлении, основное внимание уделено четырем блокам проблем: генеалогия и семейная история; наставники и школа; эволюция структуры научных исследований; теоретико-методологическое кредо. Самостоятельными частями стали как главы, описывающие отдельные периоды жизни Бицилли по признаку географической привязки (Одесский период. Югославский, Болгарский), так и главы, обозначающие качественные характеристики этапов и аспектов развития личности Бицилли. Некоторые структурные элементы монографии озаглавлены в соответствии с иной логикой, так как относятся к разбору теоретических проблем исследования. Профиль монографии историографический, это бесспорно, но автор стремится и к высказываниям методологического порядка. История историков – это и интеллектуальная биография, по мнению исследовательницы:

«Персональная история ученого-историка состоит из двух взаимосвязанных биографических линий: биографии личности и биографии профессиональной. Реконструкция этих линий в обязательном порядке предполагает обращение к социокультурному контексту, а также историографический, библиографический и наукометрический анализ научного наследия»¹.

Задачи исследования в основном названы во вводных разделах:

«Определение стратегии бициллиеведческих исследований детерминирует фокус ретроспективного анализа, рефлексию относительно параметров когнитивной и социальной институционализации нового направления и узловых проблем изучения персональной истории». Этот тематический круг «составил основное содержание книги», которая, однако, «не претендует ни на статус интеллектуальной биографии ученого, ни на завершенность бициллиеведческой аналитики, ни на исчерпывающую систематизацию»².

Тем не менее, при взгляде со стороны, с точки зрения анализирующего и рецензирующего работу коллеги, данную книгу вполне можно назвать примером интеллектуальной биографии и рассматривать в работах, посвящаемых именно интеллектуальной истории, ведь стержневым для монографического исследования является анализ концептов и методик, проблематизация понятий, используемых историками. Историки и вообще гуманитарии, разрабатывающие способы реконструирования персональной истории, изучения истории через личность, найдут здесь и перечень возможных и используемых чаще всего методик, и

¹ Попова 2021: 11.

² Там же.

анализ трудов и отдельных высказываний многих специалистов, работающих в данном исследовательском поле. Можно даже назвать эти тщательные цитирования и разбор тезисов коллег своего рода мини-рецензиями, которые трудолюбиво готовит Т.Н. Попова для каждой своей монографии.

Подзаголовок в названии книги – «Портрет в манере “сфумато”» – несет особый смысл, обозначает исходную идею ее, которую можно расшифровывать по мере прочтения. В творчестве Леонардо и его последователей техника сфумато играла большую роль и используемый художниками данного круга термин был достаточно техничен, а не метафоричен. В авторской интерпретации Поповой: «сфумато» – это «исчезающий, как дым»³. Знаковый образ, смысловой оттенок, к которому притягиваются такие эпитеты, определения – неуловимость, непостижимость, неисчерпаемость биографического дискурса. Двойкий способ интерпретации жизни и творчества Бицилли строится на применении метафоры как инструмента исследования, а также на методике построения интеллектуальной биографии.

Авторская позиция понятна, но сложна: желание узнать героя исследования сочетается с признанием невозможности полного проникновения в тайны личности. «Человек не равен своей биографии». Этот важный тезис необходимо понять при работе над построением интеллектуальной биографии, так же, как и осознать границы и возможности интерпретаций. Т.Н. Попова, вдумчивая и преданная своему делу исследовательница, принимает данный постулат как основной. В этом осознании неравноценности личности и суммы главных характеристик или биографических ступеней – заложен результат научной работы по раскрытию истории в персональном измерении.

Умение цитировать фрагменты источников для читателя и пересказывать изучаемые идеи очень ценно для исследователя биографии интеллектуала. Проследим ту манеру, в которой ремарки автора соединяются с формулировками самого Бицилли. Т.Н. Попова пишет:

«непосредственно воспринимаемый исследователем мир исторического бытия, как сказал когда-то П.М. Бицилли, – «хаотичен и бессвязен», и жизнь человека наполнена мелкими событиями – «хаосом быта», который в конечном счете определяет судьбоносные «силовые линии», детерминирующие и пронизывающие творческий процесс. Относительное преодоление этой «хаотичности» – в проникновении в многообразие взаимоотношений ученого с окружающим его миром людей, миром идей и миром вещей»⁴.

Трудно не согласиться с Поповой в том, что, «воссоздать жизнь человека, давно ушедшего, его личность, неисчерпаемость сюжетов и перипетий «хаоса быта» – практически невозможно, тем более что исследователь «связан» наличием источников, которых всегда недостаточно для полноценной картины, и собственной стратегией исследова-

³ Попова 2021: 7-8.

⁴ Там же: 8.

ния – личностным ракурсом. При этом – дисциплинарность мышления (что бы мы не говорили о «междисциплинарности» сознания современного профессионала) всегда накладывает существенный отпечаток на создаваемый образ «героя». Филолог, философ, культуролог, политолог, историк и др. видят в своем «герое» и его наследии прежде всего близкие им дисциплинарно ориентированные черты и дисциплинарную тематику, даже если тезис о «синтетичности» его наследия будет исходным постулатом». Возможно, поэтому Попова прибегает в отношении творчества Бицилли к определению, не связанному с дисциплинарностью, к метафоре или образу, к сравнению с техникой сфумато в живописи. Метафора, точнее, ключевое слово, которое выбрала исследовательница, кажется удачной находкой, соответствующей манере Бицилли. Портрет человека, в котором отражено не общее, а особенное, флер, оттенки и нюансы, сфуматуры – все это так подходит герою анализируемого биоисториографического исследования – П.М. Бицилли.

Понимая, что сумма характеристик не равна личности, автор, разумеется, все же эти характеристики выделяет и перечисляет. Важно, что среди этих аспектов назван и дискурс Бицилли-медиевиста и итальяниста. Бицилли сформировался, стал ученым именно как итальянист и ощущал свое родство с итальянской и средиземноморской культурой, поэтому итальянский акцент в рассказе об ученом и педагоге, в создании данной интеллектуальной биографии, более чем уместен.

Попова ссылается на интерпретацию Лотманом идеи сфумато⁵: «В свое время Ю.М. Лотман ввел понятие “сфумато”». Метафорический смысл использования понятия “сфумато”, по мнению Т.Н. Поповой, привел Лотмана к выводу о том, что метафорическое мышление как таковое «может дать поэту или художнику новые образы, а изобретателю [читай: ученому. – Т.П.] – новые идеи»⁶. Разумеется, трактовка понятия у Поповой самостоятельна и лишь перекликается с теми идеями, которые сформулировал Лотман. Попова использует метафору в контексте собственных стратегий исследований, использует находку Лотмана, поясняя свой способ работы. Она обращает внимание на ряд особенностей мышления Бицилли-ученого, которые кажутся весьма примечательными и автору данной рецензии: это пересечение научной и художественной составляющей менталитета Бицилли.

Еще в 1917 г. П.М. Бицилли формулирует очень важную мысль, в которой молодой ученый «выводит интерпретацию на новый уровень путем сравнения исторического нарратива и произведения искусства»:

«Художественная критика знает примеры произведений искусства, например живописи, относительно которых возникают сомнения: принадлежат ли они кисти мастера или его “школе”. Ученик зачастую так точно воспроизводит “манеру” мастера, что по внешним признакам (колорит, рисунок, способ накладывать краски, мотив, типы и проч.) ни о чем судить нельзя.

⁵ Лотман 1985: 228-236.

⁶ Попова 2021: 7-8.

Остается только один критерий: органичности художественного произведения. Подражатель непременно выдаст себя наличием “белых” мест, отсутствием внутренней согласованности, что, как следствие, влечет за собою утрировку приемов того, кому он подражает; ибо этим подражатель как бы инстинктивно стремится сделать для чужих глаз незаметным свое бессилие возвыситься до усвоения художественной идеи своего образца⁷.

Этим пассажем, думается, П.М. Бицилли предвосхищает свои будущие труды в качестве литературного критика. В то же время эта особенность интеллектуальной оптики Бицилли делает вполне оправданным обращение к метафоре как к рабочему инструменту при реконструкции истории жизни и творчества Бицилли. Обращение к данным значимым аспектам творчества Бицилли в исследованиях Т.Н. Поповой мне представляется необыкновенно ценным, как и ее умение создать особую палитру, полифонию исследовательских высказываний и мнений по каждому аспекту, который разбирается в монографии.

Интересен и такой аспект исследования, как анализ предпочтений форм работы, которые выбирал Бицилли. Среди «малых форм» его творчества рецензии преобладают, и этот момент интеллектуальной биографии отмечает Попова, подчеркивая свидетельство Г.П. Струве: «Хотя он (Бицилли) ни идейно, ни географически ...не был близок к редакции, им было напечатано с 1925 по 1940 год 30 статей и 75 рецензий (в отношении рецензий это был, кажется, рекорд для “Современных записок”...)). Нельзя не согласиться; этот факт, бесспорно, «свидетельствует об удивительной начитанности П.М. Бицилли и о заинтересованности журнала в его публикациях»⁸.

Думается, однако, что не только общая эрудиция и накопленные в годы учебы специальные знания были причиной удачного развития стези Бицилли как рецензента. Многие эрудиты не испытывают ни малейшего желания ни обсуждать, ни даже подробно цитировать известных им авторов. В тяге к чужому тексту, в попытках интерпретации произведений современников может найти себя не каждый историк, но в случае Бицилли чувствуется настоящее призвание к такому проявлению сотворчества. Рецензирование явно было интеллектуальной потребностью самого Бицилли, а «географическая» удаленность от центров интеллектуального притяжения представителей русской культуры и науки в изгнании, вероятно, подстегивала желание вступить в диалог, найти свою аудиторию посредством рецензирования текстов.

Рецензирование и выступление в особом жанре обзора, предпочтение малой формы высказывания – это свойство Бицилли. Стилистика высказывания выбиралась им удачно и вызывала отклик читающей публики. Это и мое мнение, которое сразу создалось в ходе работы над материалами к биографии ученого периода эмиграции, и точка зрения, изложенная коллегой Поповой в ее очередной монографии.

⁷ Бицилли 2006: 91.

⁸ Попова 2021: 413.

Есть историки, которые используют как отправную точку своего исследования несогласие с историографической ситуацией, любят диссонанс собственных построений с мнением большинства членов ученого сообщества в своей области. Выводы Т.Н. Поповой, напротив, обычно поддерживаются коллегами, подхватываются ими, либо опираются на тезисы других исследователей Бициллианы (как этот сюжет определяет сама Попова). В частности, тезис о важности работы по рецензированию для Бицилли подтверждает в своих работах и М.А. Васильева⁹. М.А. Васильева приводит то же свидетельство Струве, ту же цитату, которую использует и Попова. Переключка исследовательских тезисов, на которую нельзя не обратить внимание, в данном случае представляется отрядным знаком, и придает основательности тем наблюдениям, которые мы встречаем в каждом отдельном исследовании.

Рекордное число рецензий, опубликованных П.М. Бицилли в «Современных записках», успешность Бицилли-рецензента можно, помимо прочего, объяснить тем, что его рецензии лишены «научообразности», обладают «ярким литературным стилем» и являются результатом «интенсивности научного поиска». С таким выводом нельзя не согласиться. Рецензии Бицилли, человека ищущего, человека множества интересов, способного заразить этими интересами читателя, – важный момент его интеллектуального своеобразия.

В книге подробно описывается авторская оптика исследования, избранные методы. Кроме того, дана общая характеристика историографической ситуации в сфере исследований биографии:

«Современный биографический мир, как и мир вокруг него, видоизменяется: в столкновениях, переплетениях и взаимопроникновениях различных исследовательских линий – традиционных и революционно-новаторских – радикально обновляются подходы и методы постижения истории Личности».

Так, характеризуя ситуацию в историографии, автор переходит непосредственно к анализу теоретических проблем биоисториописания:

«“Биографический поворот” (“Ренессанс” биографизма – научного биоисториописания) привел к тому, что биографистика / биографика / биографоведение за последние годы пополнились новыми “именами” – самоназваниями исследовательских направлений (“персональная история” с ее модуляциями, “интеллектуальная биография” со множеством интерпретаций, “биографический мир” со сложной структурой и т.п.), в сонмище которых подчас теряются рядовые исследователи, хотя поиск и стремление к дифференциации биографических категорий – закономерность движения по пути расширения биографоведческого пространства, что включает и реактуализацию и ресемантизацию “старых понятий”». И далее: «среди аналитических структур биографизма – “История историков”, или биоисториография (“старое” название одной из обновляющихся ветвей современного биописьма), которая предстает сегодня в форме институционального таксона – проблемного поля / направления историографических исследований, относительно автономного раздела дисциплины историографии. В нашем контексте биограмма – максимально полная и репрезентативная фактуальная база биографических

⁹ Струве 1996: 52.

сведений, которая в свою очередь является основой для построения различных типов жизнеописаний “героя”); ее контуры не имеют жесткой демаркации и тесно соприкасаются с историей науки и исторической биографией, биографистикой в целом и иными гуманитарными областями»¹⁰.

По определению Поповой, единицей биоисториографического исследования выступает конкретный тип (модель) биоисториографического анализа (по аналогии с биографическим анализом); различия между отдельными типами / моделями – в специфике исследовательских задач, методологических ориентиров и в целом – предметной направленности, которая и определяет их своеобразие и жанровое разнообразие. История историков, полагает Попова, «это и интеллектуальная биография, поскольку ее объект – представитель интеллектуальной сферы деятельности, и персональная история, нацеленная на историю жизни личности во всем ее многообразии и многосюжетности, и биографический мир (историк в многоцветье сетей-связей мира людей и мира вещей), и тезаурусная конструкция в персональных моделях, и «история историографии в человеческом измерении», объект которой – профессиональный автобиографизм, и многие иные направления современного биописьма». Эти тезисы Попова уже формулировала в предшествующих работах¹¹.

Подход Поповой к изучению жизни и творчества Петра Михайловича Бицилли – биоисториографический, это, прежде всего, – история об историке, который не только получил профессиональное университетское историческое образование, но именно сохранял чувство Истории вне зависимости от того, какая сфера гуманитаристики его привлекала в тот или иной период жизни и творчества». Проблемы методологии занимают внимание исследовательницы, ее цель – не внести мелкие поправки или указать дополнительные возможные интерпретации отдельных моментов биографии Бицилли, но создать, по авторскому выражению, контур интеллектуальной биографии. Попова пишет: «персональная история ученого-историка состоит из двух взаимосвязанных биографических линий: биографии личности и биографии профессиональной. Реконструкция этих линий в обязательном порядке предполагает обращение к социокультурному контексту, а также историографический, библиографический и наукометрический анализ научного наследия». По мнению Т.Н. Поповой, «эти требования, учитывая незавершенность разработки практически ни одного из обозначенных структурных разделов персональной истории, отодвигают создание академически полноценного историко-персоналистического ис-

¹⁰ Попова 2021: 9-11.

¹¹ См., в частности: Попова 2015; 2017(в): 192. Теоретические тезисы Т.Н. Поповой, как подчеркивает она сама, переплетаются с интерпретациями, предлагаемыми Л.П. Репиной. Так, в частности, исследовательницы согласны в том, что «мультиперспективный подход» к «истории одной жизни» открывает широкие возможности для биографического эксперимента: Попова 2017(а): 41-49. [Часть первая. «Биоисториописание в контексте интеллектуальных стратегий»]; Репина 2011: 287-324 [Глава 7. «Персональная история: биография как средство исторического познания»].

следования, посвященного П.М. Бицилли». Однако, интерес к личности и творчеству Бицилли в мире на протяжении последних лет постоянно растет, соответственно, требуется анализ накопленного коллективного опыта, и, несомненно, Т.Н. Попова вносит в это дело большой вклад. Более того, ее индивидуальными усилиями уже создано и такое историко-персоналогическое произведение, и дан анализ возможностей подобной работы в теоретическом дискурсе интеллектуальной истории.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Giovanardi A. *Pensare il confine. Vladimiro Zabughin tra Oriente e Occidente*, Edizioni di Storia e Letteratura. Roma, 2021. 276 p.
- Лотман Ю.М. Биография – живое лицо // Новый мир. 1985. № 2. С. 228-236. [Lotman Ju.M. Biografija – zhivoe lico // Novyj mir. 1985. № 2. S. 228-236].
- Оболевич Т. Мирра Лот-Бородина. Историк, литератор, философ, богослов. Нестор-История. 2020. 352 с. [Obolevich T. Mirra Lot-Borodina. Istorik, literator, filosof, bogoslov. Nestor-Istorija. 2020. 352 s.]
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX-XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaja praktika. M.: Krug#, 2011]
- Попова Т.Н. Биоисториописание в контексте научных традиций: концепты и модели // Диалог со временем. 2015. Вып. 53. С. 30-53. [Popova T.N. Bioistoriopisanie v kontekste nauchnyh tradicij: koncepty i modeli // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. Vypusk 53. M.: IVI RAN, 2015. S. 30-53]
- Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017(а). [Popova T.N. Zhizneopisanie uchenogo-istorika na perekrestke istoriograficheskikh tradicij. Teorija. Metodologija. Praktika. Odessa: Bondarenko M.A., 2017].
- Попова Т.Н. В поисках азимута, или новые траектории «старого» биографизма // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной). М.: Аквилон, 2017(б). С. 46-68. [Popova T.N. V poiskah azimuta, ili novye traektorii «starogo» biografizma // Professija – istorik (k jubileju L.P. Repinoj). M.: Akvilon, 2017. S. 46-68.]
- Попова Т.Н. Биоисториография в структуре современного биографизма // Харьківський історіографічний збірник. 2017(в). Вип. 16. С. 192-207. [Popova T.N. Bioistoriografiya v strukture sovremennoho biografizma // Har'kivs'kij istoriografichnij zbirnik. 2017. Vyp. 16. S. 192-207].
- Попова Т.Н. Петр Михайлович Бицилли. Портрет в манере “сфумато”. Одесса: Бондаренко М.А., 2021. 569 с. [Popova T.N. Petr Mihailovich Bicilli. Portret v manere “sfumato”. Odessa: Bondarenko M.A., 2021. 569 s.]
- Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. 56 с. М. – Париж: YMCA-Press – Русский Путь, 1996. [Struve G.P. Russkaja literatura v izgnanii. N'ju-Jork: Izd-vo im. Chehova, 1956. 56 s. M. – Parizh: YMCA-Press – Russkij Put', 1996].
- Селунская Надежда Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; liquidmodernity@gmail.com*

Portrait in the manner of sfumato: Metaphor and intellectual biography

The author analyzes the recent monograph of T.N Popova, published in 2021 and devoted to biography of P. Bicilli, original thinker, historian. The book of Popova also deals with the problems of historiography, intellectual history, Russian emigration culture, personal history and intellectual biography.

Keywords: historiography, intellectual history, intellectual biography, Russian emigration culture, personal history

Nadezhda Selounskaya, PhD in History, senior research fellow, Centre for Intellectual History, Institute of World History (RAS); liquidmodernity@gmail.com

А.В. СИДОРОВ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ОРИЕНТАЛИСТИКА В КРЫМУ В СУДЬБАХ ЕЕ СОЗДАТЕЛЕЙ¹

В контексте развития истории исторической науки в России в первые послереволюционные годы рассматривается монография А.А. Непомнящего «Восточный факультет: неизвестные страницы истории крымоведения». Показано, как автору через судьбы профессоров и преподавателей, оказавшихся в Крыму в результате революционных потрясений, удалось воссоздать историю институционального оформления центра изучения ориенталистики в Крымском (Таврическом) университете.

Ключевые слова: А.А. Непомнящий, историческая наука России, революция 1917 г. и Гражданская война, крымоведение, история и политика, ориенталистика

Андрей Анатольевич Непомнящий, автор монографии о Восточном факультете университета в Крыму² – признанный руководитель научной школы истории этого региона, основатель книжной серии «Библиография крымоведения», 31-м выпуском которой и является рецензируемая книга. А.А. Непомнящий посвятил свои исследования становлению и развитию науки и высшего образования на полуострове, особенно Крымскому федеральному университету им. В.И. Вернадского, профессором и директором Музея истории которого он является. Работам Непомнящего присущи глубокая фундированность, широкое привлечение разнообразных источников, в т.ч. личного происхождения, позволяющих создать многомерную картину изучаемых им процессов.

Отечественную историографию последних десятилетий отличает углубленное внимание к развитию науки и образования в регионах России. Особый вклад в этой области исследований принадлежит региональным историографическим школам. Базируясь на материалах местных архивов, историографы «периферии России» воссоздают картину развития отечественной науки вне стен столичных вузов и академических учреждений. Огромную исследовательскую работу в этом направлении проводят профессора и преподаватели Омского государственного университета, выпускающие пользующуюся заслуженным признанием серию коллективных трудов «Мир историка: историографический сборник»³. Региональным аспектам посвящена изданная недавно книга томского историка Д.В. Хамина⁴. В этом ряду исследования историков крымской «научной периферии» занимают одно из ведущих мест.

Политическая история Крыма предреволюционных, революционных и первых послереволюционных лет пользуется устойчивым инте-

¹ Рец. на кн.: Непомнящий А.А. Восточный факультет: неизвестные страницы истории крымоведения. Саратов: ООО «Амрит», 2021. 416 с.

² Ссылки на страницы монографии даются в тексте в скобках.

³ Мир историка 2005-2019.

⁴ Хамин Д.В. 2021.

ресом. Менее изученной является история задуманного и инициированного накануне революции 1917 г. первого высшего учебного заведения полуострова. В перипетиях его создания и деятельности, как в фокусе, концентрируются и общие для этого региона России процессы, и отдельные судьбы его профессоров и преподавателей.

Инициатива создания первого вуза на полуострове принадлежала общественности Крыма, что было закреплено решением Таврического земства в 1916 г. В том же году в связи с событиями на фронтах Первой мировой войны группа жителей Прибалтики была эвакуирована в Симферополь. В ее составе оказался и будущий первый декан Восточного факультета М.О. Гредингер (с. 178). Миграция интеллигенции в условиях мировой и гражданской войн сосредоточила в Крыму многих интеллектуалов старых российских центров. В 1918 г. решением Крымского правительства был создан Таврический университет, торжественное открытие которого состоялось 1(14) октября. После установления советской власти на полуострове университет был реорганизован и переименован в Крымский университет с присвоением ему имени М.В. Фрунзе.

Исследование А.А. Непомнящего посвящено изучению различных аспектов деятельности одного из интереснейших подразделений первого крымского вуза: восточного отделения факультета общественных наук университета – самостоятельного университетского факультета – отделения педагогического факультета. Обсуждение самой возможности открытия восточного факультета состоялось еще летом 1918 г., когда крымский вуз задумывался как филиал (в Ялте и Симферополе) киевского Университета Святого Владимира. Но киевляне, участвовавшие в обсуждении этого вопроса, посчитали, что в Университете Святого Владимира для этого недостаточно профессоров, и предложили ограничиться отдельными курсами на историко-филологическом факультете, связанными с историей Крыма. Тем не менее, в мае 1919 года принимается решение об открытии восточного отделения историко-филологического факультета, хотя финансовое состояние и кадровый потенциал вуза не позволили организовать полноценного отделения.

Установившаяся в 1920 г. в Крыму советская власть видела в университете рассадник враждебных настроений и идеологии. Ректор университета В.И. Вернадский обвинялся в укрывательстве врангелевцев путем выписывания им лекционных книжек (аналог студенческого билета). Вмешательство М.В. Фрунзе помогло сохранить вуз, но при условии его кардинальной реорганизации. На базе юридического факультета создавался факультет общественных наук, что позволило сохранить преподавательские кадры и студентов историко-филологического и других гуманитарных факультетов. В рамках нового факультета создавалось восточное отделение, которое включало кафедры тюрко-татарского языка и литературы, крымско-татарского наречия и литературы, арабского языка и литературы, персидского языка и литературы, сравнительного тюрко-татарского языкознания, истории древнего и нового Востока

(с. 44). В дневниковых записях профессора университета И.А. Линниченко отмечено, что «восточное отделение – оно-то и спасло якобы наши факультеты юридический и историко-филологический», хотя среди профессуры не было ориенталистов. Ожидавшееся провозглашение национальной автономии Крыма актуализировало создание восточного отделения (с. 45-46). Декан факультета общественных наук М.О. Гредингер писал в июне 1921 г. в Наркомпрос РСФСР, что, «находясь близко к мусульманскому миру, Крымский университет не может не заключать факультет, который своею ученой и преподавательской работою служил бы делу ознакомления с мусульманскою культурою и мусульманским правом» (с. 47).

В марте 1922 г. был создан самостоятельный восточный факультет университета. А.А. Непомнящий раскрывает подробности борьбы развернувшейся в 1921–1922 гг. за сохранение университета и повышение статуса восточного отделения, утверждение учебных планов и преподавательского состава факультета (с. 55–65). В ноябре 1923 г., восточный факультет вновь утратил свою самостоятельность, превратившись в отделение востоковедения педагогического факультета в составе педагогической и этнолого-лингвистической секций. Это лишь зафиксировало фактическую ситуацию. А.А. Непомнящий приводит строки из письма секретаря В.И. Филоненко академику И.Ю. Крачковскому:

«Пришлось хоронить наш Восточный факультет. Как самостоятельный факультет он умер. Осталось только отделение при Педагогическом факультете. Что делать? Лучше что-нибудь, чем ничего. В гибели его виноваты некоторые наши профессора не ориенталисты, которые, ради собственного благополучия, пригласили в качестве преподавателей местных татар. Ну, а последние – повели дело совсем не так, как нужно было. Характерно, что в последнюю минуту, когда стало известно, что факультет превращается в отделение, декан и присные его – разбежались. Я буквально остался один. О спасении факультета нечего было и думать» (с. 83).

Основную причину ликвидации восточного факультета Непомнящий связывает с “оттоком” «профессоров из Симферополя, искавших работу (возвращающихся к прежней деятельности) в крупных городах СССР, бежавших от голода, разразившегося в Крыму» (с. 366).

В 1924 г. Крымский университет был преобразован в педагогический институт, в составе которого сохранялось восточное отделение, получившее в 1927 г. название отделения татарского языка и литературы и готовившее исключительно учителей для школы. В 1972 г. пединститут будет вновь преобразован в Симферопольский университет.

История институциональных преобразований вузовских структур служит автору книги канвой для создания картины развития центра научного крымоведения в антропологическом измерении. 12 биографических очерков, посвященных профессорам и преподавателям восточного факультета, позволили воссоздать многомерный образ коллектива, заложившего основу преподавания ориенталистского знания в Крыму.

В книге рассказывается о О.А. Акчокраклы, П.Н. Ардашеве, С.А. Богуславском, П.И. Голландском, М.О. Гредингере, А.Н. Деревицком, С.Б. Ефетове, И.А. Линниченко, А.И. Маркевиче, А.И. Покровском, В.И. Филоненко, Б.В. Чобан-заде. А.А.Непомнящему удалось показать, как историки и филологи, иногда с несоизмеримой степенью научного веса и известности (от крымской до международной), выходцы из разных социальных слоев, люди разных темпераментов, поколений и преподавательского опыта, смогли составить ту профессорско-образовательную корпорацию, которая позволяет говорить сейчас о важном научном центре, возникшем в Крыму в начале 1920-х гг.

А.А. Непомнящий раскрывает жизненные обстоятельства, приведшие героев его книги на восточный факультет. Н.П. Ардашев свою педагогическую деятельность начал в Санкт-Петербургском и Новороссийском университетах, затем занимал должность профессора Университета Святого Владимира в Киеве. В 1920 г. он перешел на работу в Таврический университет. А.А. Непомнящему удалось уточнить дату начала работы Ардашева в университете, поскольку ранее высказывались предположения о переезде ученого в Крым в 1918 г. По свидетельству его племянницы Ю.Л. Стрит, профессор сожалел о том, что не уехал за границу (с. 147). Воспользовавшись приглашением Витебского педагогического института, в 1923 г. он уезжает из Крыма. Профессор С.А. Богуславский оставил Москву после начавшихся уличных боев за установление советской власти. С 1919 до 1922 г. он работал в Таврическом университете, затем возвратился в Москву из охваченного голодом полуострова (с. 156, 162, 164). Неожиданный зигзаг совершила жизненная траектория П.И. Голландского. Отправившись в 1918 г. в научную экспедицию от Киевского археологического института, профессор оказался отрезан историческими событиями от Киева. В итоге он обосновался в Крыму в качестве музейного сотрудника, а с 1923 г. стал ученым хранителем и заведующим художественным отделом Центрального музея Тавриды и преподавал на восточном отделении Крымского университета (с. 168). Профессор М.О. Гредингер эвакуировался в Крым из Юрьевского университета в связи с приближением фронта Первой мировой (с. 178). После февральских событий 1917 г. профессор А.Н. Деревицкий, бывший попечителем учебного округа в Киеве, а затем в Оренбурге, выходит в отставку и перебирается в Крым, где еще в 1907 г. купил землю в Ялте, а с 1886 г. являлся членом авторитетнейшего союза краеведов – Таврической ученой архивной комиссии. Имея солидный опыт административной работы, он становится первым деканом историко-филологического факультета Таврического университета (с. 202). Выпускник историко-филологического факультета Будапештского университета, ставший там же доктором филологии по тюркологии Б.В. Чобан-заде приезжает в Симферополь в качестве руководителя национально-патриотической организации крымских татар «Милли

Фирка». Работу доцента в университете он совмещал с руководящей работой в Наркомпросе Крыма, а в 1925 г. переехал в Баку (с. 67).

Анализируя факты биографий своих героев, А.А. Непомнящий показал, как перипетии жизненных судеб свели в Крыму целую когорту высококвалифицированных специалистов, создав условия для формирования сообщества ученых. Автор сделал важное наблюдение: материальные трудности проживания явились стимулирующим фактором для развития общественной активности этих ученых. Эта ситуация емко и точно описана в письме-обращении И.А. Линниченко к американской интеллигенции, сохранившемся в бумагах В.И. Вернадского и датированном концом 1920 года: «Положение нашего университета совершенно критическое. Сюда собрались профессора и преподаватели из разных мест. Одесса, Киев, Харьков, Петербург, Москва и т.д. Правительственное содержание 2 доллара в месяц – не обеспечивает нам даже ежедневного обеда, – мы можем обедать раз в три дня. У нас нет ни костюмов, ни белья, ни письменных принадлежностей. Мы просим американскую интеллигенцию прийти к нам на помощь – долговременным займом» (с. 269). Линниченко обращался и к отечественным властям с запиской, вызванной «тем катастрофическим положением, в котором очутились теперь профессора, обреченные на голодную смерть за неполучением содержания (вот уже три месяца) и пайков продовольственных. Уже отдельные профессора живут работой, с наукой ничего общего не имеющей, – шьют сапоги, сторожат сады» (с. 270). До революции Линниченко был европейски известным ученым, участвовал в работе ряда международных конгрессов историков.

Несмотря на материальные трудности и жизненные сложности, крымские профессора не переставали ощущать себя частью мирового научного процесса. Это отражалось не только в попытках продолжения исследовательской деятельности, но и в стремлении к общению с зарубежными коллегами. В рамках сложившейся в дореволюционной России традиции они видели потребность в работе в зарубежных музеях, библиотеках и архивохранилищах для создания отвечающих международным стандартам учебных пособий по истории Востока и совершенствования читаемых учебных курсов. В книге приведены служебные записки профессора А.Н. Деревницкого с просьбой о зарубежной научной командировке (с. 217-224). И хотя обе записки не датированы, использование эпистолярных источников позволило А.А. Непомнящему уточнить хронологию развития событий. Между двумя опубликованными документами годовой интервал. Если первая просьба не была удовлетворена, то, судя по письмам В.И. Филоненко И.Ю. Крачковскому, в 1926 г. она была поддержана. 28 июня В.И. Филоненко сообщает: «На днях Деревницкий едет во Францию. За свой счет, конечно» (с. 224). Другими сведениями об этой поездке историографы в настоящий момент не располагают.

О качестве и уровне преподавания на Восточном факультете в некоторой степени могут свидетельствовать лекционные программы профессоров и преподавателей, опубликованные А.А. Непомнящим в приложении к своему исследованию (с. 367-402). Программы отражали утверждавшийся в Наркомпросе РСФСР учебный план факультета. Не все предложения университета принимались. В марте 1922 г. из учебного плана были исключены логика, психология, русская история, русский язык, латинский язык, государственное право, западноевропейская литература и язык, история философии и некоторые другие учебные дисциплины (с. 63-64).

Крымский университет осенью 1922 г. насчитывал всего 1763 студента на медицинском, физико-математическом и восточном факультетах, из которых большинство было выходцами, согласно публикуемой в книге статистики, из трудовой интеллигенции (726 чел.) и советских служащих (418 чел.). В составе студенчества было 373 выходца из рабочих и 143 – из крестьян, 103 представляли торговый класс (с. 65). Выпускники Восточного факультета должны были пополнить ряды местных управленцев и учителей крымскотатарских национальных школ.

Книга А.А. Непомнящего, базирующаяся на прочном фундаменте значительного комплекса исторических источников, содержит большой материал о разных аспектах существования восточного факультета университета в Крыму, жизни и работы людей, с ним связанных. Все это позволяет читателю окунуться в реалии развития системы высшего образования нашей страны в столь сложную эпоху ее существования. Еще в XVI в. великий итальянский мыслитель Никколо Макиавелли писал: «Если в истории что-либо может понравиться или оказаться поучительным, так это подробное изложение событий»⁵. Для заинтересованного читателя книга А.А. Непомнящего наполнена этими подробностями. Они погружают его в жизнь учебного и научного учреждения столетней давности, сыгравшего важную роль в становлении высшего образования в Крыму. Этому погружению немало способствует включение в книгу изобразительных материалов – фотографий преподавателей восточного факультета, титульных листов их публикаций, учебных планов и пр., что сделало изложение более живым и ярким.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Макьявелли Н. История Флоренции. Л.: Наука, 1973. [Mak'yavelli N. Istoriya Florencii. L.: Nauka, 1973.]
- Мир историка: историографический сборник. Вып. 1-12. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2005-2019. [Mir istorika: istoriograficheskij sbornik. Vyp. 1-12. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2005-2019.]
- Хаминов Д.В. Историческое образование, наука и историки сибирской периферии в годы сталинизма. М.: Политическая энциклопедия, 2021 [Haminov D.V. Istoricheskoe obrazovanie, nauka i istoriki sibirskoj periferii v gody stalinizma. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2021].

⁵Макьявелли 1973: 9.

Сидоров Александр Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова; Sidorov@spa.msu.ru

Russian Orientology in Crimea in the Fates of its Creators

In the context of the development of the history of historical science in Russia in the first post-revolutionary years, the monograph of A.A. Nepomnyashchy "Oriental Faculty: unknown pages of the history of Crimean Studies" is considered. It is shown how the author, through the fate of professors and teachers who found themselves in the Crimea as a result of revolutionary upheavals, managed to recreate the history of the establishment and institutional design of the Center for the study of Orientalism at the Crimean (Tauride) University.

Keywords: A.A. Nepomnyashchy, historical science of Russia, historiography, the revolution of 1917 and the Civil War, Crimean studies, history and politics, orientalism

Alexander V. Sidorov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History of State and Municipal Administration, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University; Sidorov@spa.msu

**МИФОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ И РИТМЫ ВЕЧНОСТИ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В ГЕРМАНИИ (1900-1933)¹**

Статья представляет собой рецензию на монографию Р.-Я. Адриаансена “The Rhythm of Eternity. The German Youth Movement and the Experience of the Past, 1900-1933”, где представлен анализ трансформации исторической культуры молодежного движения в Германии 1900–1933 гг., как в аспекте теоретических представлений о времени и истории, так и в аспекте коммеморативных практик молодежи. На основе идей Гумбрехта автор показывает, что активно формировавшаяся в начале XX в. историческая культура молодежного движения в Германии может быть рассмотрена как случай культуры присутствия, ориентированной на экзистенциальный опыт, космологические ритмы и пространственное восприятие событий прошлого. Вместе с тем эволюция оригинальной мифологии времени, выработанной в молодежной исторической культуре, была актуализирована политической и социально-экономической ситуацией, а молодежные движения, являясь частью «консервативной революции», стремились не столько противостоять модернистскому историческому сознанию, сколько трансформировать вектор его дальнейшего развития. На примере молодежного движения автор показывает, что историческая культура Веймарской Германии была своего рода «лабораторией экспериментов» с различными видами темпоральностей.

Ключевые слова: Историческая культура, молодежное историческое сознание, Веймарская республика, мифология времени, общественные коммеморации

Проблемы молодежного исторического сознания имеют особое значение для изучения социальной памяти и исторической культуры, так как именно молодежь в конечном счете принимает решение о том какие традиции продолжать и развивать, как и какие образы прошлого наследовать. В этой связи понятно стремление исследователей к анализу исторического сознания молодежи в Европе и за ее пределами в 1990–2000-е гг.², а также все возрастающий интерес к актуальным проблемам исторической дидактики в интернациональной перспективе³. Отдельной задачей в таком случае оказывается изучение исторических культур молодежи в прошлом, где немецкая молодежь занимает особое место.

В своей книге нидерландский исследователь Робберт Ян Адриаансен отвечает на вопрос о том, какие доминирующие концепции истории и времени циркулировали в немецком молодежном движении в 1900–1933 гг., и каким образом эти образы времени и прошлого были связаны с историческими представлениями немецкой молодежи одного из самых протисторечивых периодов немецкой истории⁴. Книга вышла несколько лет назад (2015), но не потеряла своей актуальности. Во-первых, она представляет для тех, кого интересует молодежное движение в Герма-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 20-011-00297 А

² Angvik, von Borries 1995; Schonert-Reichl 2001; Kölbl 2004; Létourneau, Moisan 2004; Rantala 2011.

³ Palgrave Handbook 2017.

⁴ Adriaansen 2015.

нии перед Первой мировой войной и в период Веймарской республики⁵. Книга будет интересна специалистам по изучению исторической культуры, все чаще привлекающей внимание российских коллег⁶. К тому же, в ней представлен подробный анализ трансформации практик мифологизации прошлого и показано, что мифология времени представителей молодежного движения оказывалась критически настроенной по отношению к модернистскому историческому сознанию и актуальной политике памяти довоенной и послевоенной Германии. Ключевую роль в их представлениях об истории играли понятия «опыт» (Erlebnis) и «сообщество» (Gemeinschaft). Автор отмечает, что «посредством живого опыта, молодежное движение стремилось обратиться к дорациональным источникам и изначальным истокам жизни... утвердить социальные отношения в изначальном сообществе или отношениях к природе, истории, жизни или космосу. Опыт определялся как нечто нерациональное, как нечто ускользающее от когнитивной оценки и как интуитивно данный тем, кто его воспринимает»⁷. Указав, что это было в большей мере общим отношением к жизни, политике, обществу, чем политической программой или сформулированной идеологией⁸, автор подчеркивает, что подобные умонастроения были частью процессов конструирования и реконструирования социальных и политических идентичностей, в которых немецкая нация по-новому изобреталась и воображалась.

Ключевую роль в исследовании сыграли идеи Й. Рюзена, Р. Козеллека, Ф.Р. Анкерсмита и Х.У. Гумбрехта. Базовым для методологии книги имеет различение Гумбрехтом культур «значения» и культур «присутствия», хорошо известное российскому читателю⁹. Историческая культура молодежного движения в Германии описывается именно как активно формирующаяся культура присутствия. И здесь с ходом мысли Р.-Я. Адриаансена следует полностью согласиться. Если в культурах значения разум и сознание оказываются основным локусом самореференции, то в культурах присутствия такую функцию выполняет экзистенциальное тело. Культуры значения ориентированы на доминирование субъективности, а культуры присутствия – на тело, запечатленное в космологических ритмах. В культурах значения призвание человека состоит в изменении мира, а в культурах присутствия цель человеческой жизни – вхождение в космологические ритмы. Соответственно культуры значения фундированы в первую очередь временем и ассоциируют время с сознанием, а культуры присутствия подчеркивают роль пространственного измерения в восприятии мира. Стоит заметить, что теория Х.У. Гумбрехта имеет огромное значение для описания именно

⁵ Данные проблемы еще не получили обстоятельного исследования в отечественной литературе. См.: Вейн 2008; Артамошин 2011; Шупленков 2016.

⁶ Историческая культура императорской России 2012; Событие 2018.

⁷ Adriaansen 2015: 5.

⁸ Adriaansen 2015: 13.

⁹ Гумбрехт 2006.

практик мифологизации времени в различных сообществах памяти и локальных исторических культурах.

По мнению автора книги, в отношении периодизации молодежного движения в донацистской Германии первой половины XX в. можно говорить о нескольких этапах, каждый из которых оказывался новой вехой на пути трансформации исторической культуры и ее мифологии времени. Этап становления молодежного движения завершился с началом Первой мировой войны. Говоря о противоречивости исторической культуры Германской империи времен Вильгельма II, исследователь особо отмечает усилившуюся в начале XX в. потребность молодежи в формировании иной исторической культуры, основанной не на «патриотизме действия», а на «патриотизме слова», под которым мыслились официальные коммеморации Германской империи. Важнейшую роль в развитии подобного патриотизма сыграли именно мифологические конструкции. В особенности это касалось первой возникшей молодежной организации, получившей наименование *Wandervögel* (Перелетная птица). Ее целью было самообразование и развитие личности в контексте интереса к народной культуре сельской провинции в Германии. Речь шла об однодневных прогулках или длительных экспедициях в сельскую местность и на природу, чем достигалась духовная независимость от официальных институций и культуры модерна. Анализируя работы основателей организации Х. Хоффманна, В. Майена, Х. Брюйера, Л. Гурлита, К. Фишера, автор показывает, что для представителей движения статус сакральной эпохи приобретают Средние века, романтизация которых, однако, не мешала культурной критике Германской империи. Критическая направленность усиливается в ряде других движений, появившихся несколькими годами позже *Wandervögel*. Речь в первую очередь идет о движении *Freideutsche Jugend* (Свободная немецкая молодежь), в котором обращение с историей было менее практическим и более ориентированным на теоретическую дискуссию. Критикуя позитивистскую направленность школьной и вузовской системы, они апеллировали к более широкому историческому самообразованию и публичным коммеморациям. Идея самообразования тематизировалась в рамках дискурса фихтеанской и ницшеанской философии. Иной путь исторической мифологизации находим в другом молодежном движении *Eingetragener Verein zu Steglitz* (Зарегистрированная ассоциация Штеглица). В данном случае возвращение сакрального времени достигалось через фолк-песни, культуру прогулок, военные игры, особую одежду. Путешествие в сельскую местность оказывалось актом переживания, когда погружение в пространство и ландшафт позволяло почувствовать особый ритм сакрального времени и на-полнить новым смыслом «немецкость».

Кульминацией первого этапа развития молодежного движения и его исторической мифологии стали коммеморации битвы при Лейпциге 1813 г., когда все молодежные движения призвали к формированию нового патриотизма, основанного на персональной ответственности за

свое прошлое, преодолении слепой национальной гордости и призыве ориентироваться на фолк-культуру. Вместо официальной политики памяти, утверждавшей роль событий 1813 г. в создании Германской империи, Бруно Лемке из Wandervögel предлагал переключить внимание на сам дух 1813 года, связываемый с «отношением, надеждой и борьбой молодого поколения прошлого столетия за идею Германской империи».

В отдельной главе автор показывает не только основные смыслы понятия «опыт» (Erlebnis), но и те практики, которые сделали его решающим для мифологизации времени и истории среди представителей молодежных движений Германии в годы Первой мировой войны, а также те особенности циркуляции мифологии в опытах обращения со временем в молодежных движениях, включающих последователей как расколовшегося Wandervögel, так и еврейского молодежного движения Blau-Weiß (Голубое и Белое) и аналогов движения на фронтах войны (напр. Feldwandervögel). Понятие «опыт» рассматривалось как первичный и наиболее значимый вид чувственного восприятия жизни, включая отношения дружбы и заканчивая отношением к искусству, ландшафту, старым городам и замкам. Такая точка зрения вела к отрицанию всякой исторической дистанции. Мифогенный потенциал как раз и состоял в перенесении опыта переживания на любой способ контакта со следами прошлого или с воображаемым прошлым. Яркий пример – ситуация, когда участники движения, находясь на западном фронте, увидели в оккупированной провинциальной Фландрии идеал их романтизированного прошлого в настоящем. Вместе с тем, как отмечает сам автор книги, «пасторальная идеализация Фландрии была, однако, не столько связана с идеализацией Родины, сколько с воспоминаниями о предвоенной жизни Wandervögel в Германии»¹⁰.

Первая мировая война и послевоенные годы – новый этап в развитии немецкого молодежного движения, который оказался связан с усилением религиозности в оценках истории и мифологизации исторического времени. Участие большинства представителей движения в войне принесло им разочарование в моральной способности человека изменить общество. Усилиями Р. Хаберкорна, Э. Вурше, Э. Ленца, Э. Трумлера стала утверждаться идея об ориентации человеческого действия на вечность: опыт мыслился как соотносимый не с историческим временем, но с религиозной и космической темпоральностью. Автономия субъекта сменяется на «теономию» субъекта. В работах Р. Хаберкорна понятие «опыт» начинает трактоваться в рамках концептов «человечество» и «гильдия». Первое понятие выводилось как за пределы обращения к реальному человеку, так и за пределы идеального человека немецкой философии и теологии. Альтернативным Хаберкорну виделся образ человечества в свете «прямого опыта личностной бесконечности», опыта, укорененного в сообществе, где человек является не автономным субъектом, а относительным бытием, переживающим опыт обретения

¹⁰ Adriaansen 2015: 81.

Бога. Социальной формой организации таких религиозных сообществ, по мысли мыслителя, оказывалась «гильдия», число участников которой не должно было превышать 8-12 человек, что должно было способствовать глубине обретаемого коллективного смысла и препятствовать формализации взаимоотношений. Еще одно понятие указывает на важность религиозных практик схватывания сакрального времени, – «невозмутимость» (Gelassenheit). Показывая читателю палитру интеллектуальных споров вокруг этого понятия, автор дает следующую собирательную интерпретацию «невозмутимости» в работах Э. Вунше: «для него Gelassenheit не было отношением, но экзистенциальной диспозицией, которая давала ему возможность, с одной стороны, справляться с трудностями современной войны, не теряя себя, а с другой – быть вовлеченным вместе с окружающими в обычаи, со всеми их предрассудками»¹¹.

В работах члена движения Wandervögel Эдуарда Ленца утверждалось новое понимание темпоральности, где память воспринималась как креативный акт, формирующий нечто выходящее за пределы идентичности, опыт вхождения вечности в направленность событий настоящего. Человеческое вопрошание о вечности оказывалось одновременно целью и предметом памяти. Автор книги приводит очень показательное высказывание Эриха Труммера. «Когда мы имеем память, сакральное воспоминание, мы содействуем пришествию»¹². Подобная память как «действие пришествия» не была ориентирована на будущее, но исходила из будущего к настоящему, заставляла рассматривать модус настоящего и его носителя – человеческое «Я», как судьбоносное присутствие вечности. Сам Адриаансен, используя термины метафизики, и сравнивая эти взгляды с идеями П. Тиллиха и М. Хайдеггера, говорит о таком понимании как об «имманентном мистицизме» и «пантеизме».

Следующий этап в развитии молодежного движения в Германии в 1920-е гг. в еще большей степени оказался связан с ростом религиозности. Речь идет о развитии «имманентной эсхатологии», объединившей немецкий идеализм и средневековые мистические учения. Вместе с тем, данная эсхатология так и не превратилась в целостный дискурс, оставаясь совокупностью разрозненных представлений нескольких молодежных организаций. Ядром имманентной эсхатологии стал образ нового человека, о котором говорилось выше. Однако, в отличие от христианской эсхатологии, выбор был сделан в пользу циклической концепции времени. Устами Армина Молера цикличность времени означала, что «в каждый момент времени все сходится в одной точке, прошлое, настоящее и будущее совпадают»¹³. Социальной интерпретацией данной темпоральности стало понятие «Bund» (союз), несводимого ни к «обществу» (Gesellschaft), ни к «общине» (Gemeinschaft), как процесс и результат инкорпорирования личностью своего опыта и смысла жизни в опыт

¹¹ Adriaansen 2015: 97.

¹² Adriaansen 2015: 109.

¹³ Adriaansen 2015: 150.

соучастия внутри группы как условие грядущей эсхатологии. Любопытно, что понятие «Bund» получило дальнейшее раскрытие через понятия «Männerbund» (Союз мужчин) и «Bundessritter» (Союз рыцарства), причем последнее описывалось как романтизированный образ немецкого рыцаря-ландскнехта. Особый интерес представляют дальнейшие описания практик и ритуалов, призванных сделать данную циклическую темпоральность частью жизни настоящего. Эти практики автор анализирует на примере молодежных движений, возникших в 1920-е гг. (Neue Schar, Laienspiel, Bündische Jugend): сочинение баллад и фольклорных песен, коллективный танцы, традиционные прогулки и путешествия, драматизированные выступления в реконструированных движением средневековых замках. Последнее даже нашло отдельное теоретическое обоснование в рамках идеи Jugendburg (Молодежный замок), выразив тенденцию к конструированию движением своих особых мест памяти.

Вторая половина 1920-х – начало 1930-х гг. – заключительный этап в развитии молодежного движения в Германии. С одной стороны, сложившийся ранее тренд на рост религиозного фактора не только сохранился, но и получил развитие в утопических идей. С другой стороны, произошло расширение практик и ритуалов исторической культуры. Основной практикой движения становяся путешествия в те регионы, которые воспринимались как важные в рамках поисков единства всех носителей немецкого языка. В 1928–1929 гг. наиболее посещаемыми странами оказались Чехословакия, Австрия, Восточная Пруссия и Прибалтика, Швеция и Норвегия, Верхняя Силезия и Польша.

В духе утопических идей движение рассматривало будущее как возвращение к забытому и древнему прошлому (путешествие к предкам), что, в своем аисторизме, нашло воплощение в ряде пространственных метафор, стержнем которых оказывались уже не столько физические пространства провинциальной Германии, сколько воображаемые регионы прошлого, объединенные идеей «духовной Родины» (eine geistliche Heimat). Мифология времени в таком случае оборачивалась мифологией воображаемых пространств, где сами модусы времени теряли практически всякий смысл. Первым таким утопическим мифопространством оказывалась область восточного фронта Германии, которая получила с легкой руки духовных лидеров движения наименование Grenzland (Пограничная земля). В нее попадали земли Прибалтики, Польши и Восточной Германии, их мифопоэтическое описание строилось на фигуре романтизированного тевтонского рыцарства. Вторым мифопространством была объявлена Великобритания, где отношение к наследию, по мысли Г. Гётча, никогда не было проблематичным или же требовало переоткрытия. Антропологическим его носителем стал образ английского джентельмена, его способность переносить судьбу. Но мы не узнаем из книги о том, каковы были хотя бы примерные хронологические границы мифологизируемого английского прошлого, и были ли они вообще. В случае третьего мифопространства выбор идейных вдохновителей

движения пал на классический период Древней Греции, на передний план вышли поэтические ценности античной Греции: благочестие, героизм и культ судьбы. Не менее мифологизированы и образы мифопространства, получившего наименование Nordland. В исторической мифологии молодежного движения начала 1930-х гг. он распространялся на все пространство от Шотландии и до Санкт-Петербурга. Данная территория воспринималась как прародина немецкой культуры. Однако новая объединяющая форма молодежного движения так и не была найдена¹⁴. После прихода к власти нацистов многочисленные союзы немецкой молодежи были закрыты, а частично влились в Гитлер Югенд.

Книга Р.-Я. Адриаансена дает нам возможность понять ряд важных моментов. Первый из них связан со спецификой мифологизации времени и особенностями циркуляции данной мифологии в среде молодежных движений довоенной Германии и Веймарской республики. Материал книги убедительно свидетельствует о существенной трансформации мифологии времени вместе с исторической культурой молодежных движений, всегда сохранявших связь с актуальной политической и социально-экономической повесткой. Второй – связан с успешной попыткой автора книги обосновать и доказать, что молодежные движения Германии 1900–1933 гг., являясь частью «консервативной революции» немецкого общества, были не стремлением противостоять модернистскому историческому сознанию, а стремлением трансформировать вектор его дальнейшего развития. Третий и, на наш взгляд, наиболее общий вывод книги, состоит в обосновании на примере немецкого молодежного движения того факта, что историческая культура Веймарской Германии была своеобразной лабораторией экспериментирования с различными видами темпоральностей. Эти темпоральности создавали причудливый ландшафт практик памяти и забвения, мифов и контрмифов о прошлом, не укладывавшийся в официальный дискурс политики памяти, и свидетельствующий о многомерности форм циркуляции исторической культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Артамошин С.В. Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской республики. Брянск: Брян. ГУ им И.Г. Петровского, 2011. 312 с. [Artamoshin S.V. Ponyatiya i pozicii konservativnoj revolyucii: intellektual'noe techenie «konservativnoj revolyucii» v politicheskoy zhizni Veymarskoj respubliki. Bryansk: Bryan. GU im I.G. Petrovskogo, 2011. 312 s.].
- Вейн Д.К. Роль и место националистического и милитаристского воспитания в общественно-политической жизни Веймарской республики (1919-1933 гг.) // Известия Алтайского гос. ун-та. История и археология. 2008. № 4-3 (60). С. 33-37. [Vejn D.K. Rol' i mesto nacionalisticheskogo i militaristskogo vospitaniya v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Veymarskoj respubliki (1919-1933 gg.). Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya i arheologiya. 2008. № 4-3 (60). S.33-37].
- Гумбрехт, Х. У. Производство присутствия: Чего не может передать значение. М.: НЛЮ, 2006. 183 с. [Gumbrekht, H. U. Proizvodstvo prisutstviya: Chego ne mozhet peredat' znachenie. Moskva: Novoe Literaturnoe Obzrenie, 2006. 183 s.].

¹⁴ Adriaansen 2015: 182.

- Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2012. 552 с. [Istoricheskaya kul'tura imperatorskoj Rossii. Formirovanie predstavlenij o proshlom. M.: Izd-vo GU VSHE, 2012. 552 s.]
- Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX века / под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2018. 512 с. [Sobytie i vremya v evropejskoj istoricheskoj kul'ture XVI – nachala XX veka / pod red. L.P. Repinoj. M.: Akvilon, 2018. 512 s.]
- Шушленков Н.О. Роль партийного контроля в коммунистических молодежных союзах Веймарской республики и Советской России (1918–1924 гг.) // Социодинамика. 2016. № 2. С. 175-195 [Shuplenkov N.O. Rol' partijnogo kontrolya v kommunisticheskikh molodezhnyh soyuzah Vejmarskoj respubliki i Sovetskoj Rossii (1918–1924 gg.). Sociodinamika. 2016. № 2. S. 175-195].
- Adriaansen R.-J. The Rhythm of Eternity. The German Youth Movement and the Experience of the Past, 1900-1933. London/New York: Berghahn Books, 2015. 227 p.
- Angvik, M., & von Borries, B. (Eds.) Youth and History: A comparative European survey on historical consciousness and political attitudes among adolescents. Vol. A.
- Kölbl C. Geschichtsbewußtsein im Jugendalter. Grundzüge einer Entwicklungspsychologie historischer Sinnbildung. Bielefeld: Transcript Verlag, 2004.
- Létourneau J., Moisan S. Young people's Assimilation of a collective Historical Memory: A Case Study of Quebeckers of French-Canadian Heritage // Theorizing historical consciousness. Toronto, University of Toronto Press, 2004. pp. 109-129.
- Palgrave Handbook of research in historical culture and education (2017) / Ed. by M. Carretero, S. Berger, M. Grever. Basingstoke, England: Palgrave Macmillan. 856 p.
- Rantala J. Children as consumers of historical culture in Finland // Curriculum Studies. 2011. Vol.43. № 4. pp. 493-506
- Schonert-Reichl, K. Promoting Historical Consciousness in Childhood and Adolescence: A Moral Developmental Perspective // Canadian Historical Consciousness in an International Context: Theoretical Frameworks. Vancouver, BC: Un-ty of British Columbia, 2001. P. 105-126.

Линченко Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент, Липецкий государственный технический университет; научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве РФ (Липецкий филиал); linchenko1@mail.ru

Mythology of Time and Rhythms of Eternity: the Transformation of the Historical Culture of the Youth Movement in Germany (1900-1933)

The article is a review of the monograph by R.-J. Adriaansen (R.-J. Adriaansen. The Rhythm of Eternity. The German Youth Movement and the Experience of the Past, 1900-1933. London / New York: Berghahn Books, 2015.227 p.). The monograph analyzes the features of the transformation of the historical culture of the youth movement in Germany in the period 1900-1933, both in the aspect of theoretical ideas about time and history, and in the aspect of commemorative practices of youth. Based on the ideas of H.U. Gumbrecht's, author shows that the historical culture of the youth movement in Germany, which was actively formed at the beginning of the last century, can be considered as a case of a presence culture focused on existential experience, cosmological rhythms and spatial perception of past events. At the same time, the book shows that the evolution of the original mythology of time, developed in the youth historical culture, was updated by the current political and socio-economic situation. The book substantiates the idea that the German youth movements of 1900-1933, being part of the "conservative revolution" of German society, did not so much strive to oppose the modernist historical consciousness as to transform the vector of its further development. Using the example of the German youth movement, the author shows that the historical culture of Weimar Germany was a kind of laboratory for experimenting with various types of temporalities.

Key words: *Historical culture, historical consciousness of youth, Weimar Republic, mythology of time, public commemorations.*

Andrei Linchenko, Candidate of Science, Associate Professor, Lipetsk State Technical University, Scientific researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation", Lipetsk branch; linchenko1@mail.ru

«КУЛЬТУРА ВОЙНЫ» В НЕМЕЦКИХ ОТКРЫТКАХ 1914-1918 гг.

В статье рассматривается монография доктора исторических наук А.С. Медякова, изданная в 2021 г. В ней автор, на основе анализа солидного массива немецких открыток периода Первой мировой войны, показал, как формировалась «культура войны» в визуальной форме, как конструировался, поддерживался и эволюционировал в немецком обществе образ врага и союзника. Военный дискурс в книге представлен по многим срезам: социокультурному, историко-генетическому, идейно-пропагандистскому, сравнительному, лингвистическому.

Ключевые слова: Первая мировая война, культура войны, конструирование образов, визуализация, национальные символы, иконография, общественное мнение

Первая мировая, или Великая, как принято её называть в странах Запада, война, столетие окончания которой мировое сообщество отмечало в 2018 г., продолжает открываться новыми гранями для исследователей, в т.ч. одного из ведущих университетов страны – МГУ им. М.В. Ломоносова. В качестве примера можно упомянуть фундаментальный труд исторического факультета МГУ «Первая мировая война» и судьбы европейской цивилизации, изданный в 2014 г. под редакцией Л.С. Белоусова и А.С. Маныкина¹. Знаковым событием стала также презентация четырёхтомного иллюстрированного издания «Первая мировая война на почтовых открытках», составленного на основе частной коллекции филокартиста В. Крепостнова, авторский текст к которому написал доцент кафедры новой и новейшей истории А.С. Медяков².

Монография доктора исторических наук А.С. Медякова «Война формата 9x14. Открытки в немецкой «культуре войны» 1914–1918 гг.»³ служит достойным продолжением его изысканий, вылившихся в обобщение «многолетнего филокартистского опыта» (с. 399). Концептуальное видение проблемы в сжатом виде А.С. Медяков ранее уже излагал в статье «Открытка рубежа XIX–XX вв. как социокультурный феномен», опубликованной на страницах «Диалога со временем» в 2019 г.⁴ В рецензируемой книге представлен скрупулёзный и многофакторный анализ одной из составляющих недолгого «золотого века» открытки – немецких открыток периода 1914–1918 гг., тесно вплетённых в понятие «культура войны», в которое «входят не только предметный опыт, менталитет, обыденные практики и военная повседневность, но и их взаимодействие с идеологическими установками, разного рода трактовками и объяснениями войны, её сути и смысла» (с. 422). Диапазон данного исследования существенно расширен за счёт привлечения к анализу

¹ Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации 2014.

² Первая мировая война на почтовых открытках 2014.

³ Война формата 9x14 2021.

⁴ Медяков 2019.

открыток не только из личных коллекций автора и В. Крепостнова, но и из немецких архивов: Баварского государственного и Штутгарта.

Предвосхищая вероятность дискуссий по поводу правомерности и целесообразности использования открыток как репрезентативного исторического источника, А.С. Медяков подчеркнул: «перед лицом нереальности разрешить проблему репрезентативности полевой почты принципиально, ряд исследователей, включая и автора этих строк, считает допустимым прибегать к тем возможностям, которые предоставляет сама исследовательская практика, в частности, к предложенному американским историком Линдой Гордон “методическому принципу достаточного объёма”» (с. 164). Сам автор неукоснительно следовал этому принципу на страницах своей монографии. Так, описывая символическую Германию через образы Бисмарка и Вильгельма, он просмотрел 200 с лишним открыток (с. 215), а олицетворяющего народ «Михеля» – свыше 150 (с. 198). Не менее тщательно он подошёл к выяснению репрезентативности посланных на фронт открыток, пересмотрев 313 экземпляров за 1914 г., 676 – за 1915 г., 566 – за 1916 г., 326 – за 1917 г., 145 – за 1918 г. (с. 67). Подтверждением скрупулёзности анализа служит также выявление из общего массива полтора десятка вариаций шуток по поводу обуви французских пехотинцев в открыточных сюжетах (с. 318), 146-ти типов изображения «Германии» (с. 182), 23-х видов изображений русских семей (с. 397), 12-ти вариаций «технического исполнения» открытки «Русская культура» (с. 414). Заслуживает полного признания в качестве «наиболее релевантного и по отношению к такому массовому источнику, каким являются открытки», другой исследовательский приём автора – «семантический подход, методически основывающийся на методах контент-анализа» (с. 164-165). В книге исчерпывающе охарактеризованы социальные функции открыток. Их обозначено десять: интегрирующая, поддержания социальных связей, коммуникационная, информационная, репрезентативная, нормирующая, образовательно-педагогическая, идеолого-пропагандистская, экономическая, развлекательная (с. 20-35). Каждая из функций легла в основу анализа открытки – «этой своеобразной “эсмэски” начала XX в.», «важной части публичной сферы», благодаря которой почти ежедневно подтверждался тот простой факт, «что отправитель всё ещё жив» (с. 22, 171, 165).

Несомненным достоинством и в определённой степени важным «историографическим поворотом» можно считать то, как автор, изучая в открытках «смыслы и трактовки, объяснявшие войну», раскрыл «культуру её толкования» и «культурные коды и коллективные модели восприятия» (с. 170-171) немцам не только самих себя, но и своих союзников и врагов. Автор прав, утверждая, что «с помощью персонификаций, превращающих нацию – “воображаемое сообщество” – в узнаваемую антропоморфную фигуру, которая позволяла показать отвлечённые политические смыслы в качестве обыденных человеческих побуждений и действий, открытки главным образом объясняли войну»

(с. 172). Отдельные главы и параграфы монографии показывают, как на немецких открытках проявилось «сражение символов» (с. 172) в виде различных образов немецкой нации, её «братьев по оружию»: австро-венгров, турок, болгар, а также противников: французов, англичан, русских. Отличительной особенностью текста книги является не только высокий научный и аналитический уровень, но и особая красочность авторского историописания, обильно снабжённого иллюстрациями. Большое внимание А.С. Медяков уделяет и сопроводительным текстам открыток, с особым мастерством угадывая и расшифровывая подчас уходящие глубоко корнями в историю смыслы. Задавшись целью изучить «культуру войны» на немецких открытках, автор проявил себя как блестящий знаток немецкой и не только, но в целом европейской культуры. В подтверждение собственных суждений он приводит примеры из прессы, карикатур, литературных, музыкальных, художественных и архитектурных произведений той эпохи, служивших неотъемлемыми коннотациями конструирования «культуры войны» для общества.

Главными персонифицированными аллегориями немецкой нации на открытках рассматриваемого периода выступали два образа: «Германия», воплощавшая «в первую очередь рейх» (с. 183), и Михель, воплощавший собой немецкий народ. Складывание национальной персонификации «Германии» автор начинает с римских времен. Во второй половине XVIII – начале XIX в. облик «Германии», схожей с валькирией-воительницей стал «иконографическим каноном» с главными признаками узнавания: орлом на панцире, распущенными волосами, короной и «стальным бюстгальтером», к тому же «государствлённым» после помещения открытки на официальную почтовую марку Германской империи в 1900 г. В начале Первой мировой войны «Германия» предстала «во всём многообразии пропагандистских трактовок»: от «берущейся за меч или ведущей войска, чтобы противостоять угрозе», через более агрессивный тип «военного божества, нередко изображавшегося во главе войска», к «апелляции к традиционным женским гендерным ролям «хозяйки» и «матери» (с. 174-178). Как подчёркивает автор, в немецком общественном мнении преобладало «стремление представить собственную нацию и страну в качестве высшей ценности», что нашло отражение в сюжетах, сакрализирующих смерть во имя нации (с. 180). Между тем, как показано в книге, к 1918 г. «от всеограшающей валькирии не осталось и следа: если она и появлялась на открытках, то чаще в иных ролях, отсылающих к трактовкам столетней давности» (с.183). Что касается олицетворяющего немецкий народ образа Михеля, впервые упомянутого в 1541 г., подлинно утвердившегося в XIX в., то автор подчёркивает, что «начало Первой мировой войны стало «звёздным часом» Михеля, вершиной его вековой карьеры в качестве национальной аллегии»: открытки стали «важной составной частью этой всеобщей «михелианы»», «количество мотивов «с Михелем» исчислялось многими десятками» (с. 185). Иконография «Михеля» тоже претерпела мета-

морфозы по ходу войны, причём по сходной с аллегорией «Германии» схеме. В книге в деталях обрисован круговой цикл создания образа народного героя: от мирного труженика, жнущего или пашущего, «когда подступают враги», и уверенного в победе (с. 186, 187), через героизацию в рыцаря в «чёрных латах с мужественным лицом» и мечом в руках – до возвращения в момент ноябрьской революции в Германии в 1918 г. «к традиционным коннотациям наивного Михеля. В полной мере незаурядный исследовательский талант и эрудиция А.С. Медякова раскрываются при описании процесса сакрализации фигуры Михеля и «возрождения его в архангеле Михаиле (с. 193-196). Его вывод о том, что «наличие в Германии столь давних и богатых различными смысловыми коннотациями национальных аллегорий обусловило возможность их широкого применения в условиях войны в качестве средства идентификации и интеграции», заслуживает полного признания (с. 200).

Обозначив чёткую грань между понятиями «аллегория» и «символ», А.С. Медяков дал развёрнутую характеристику визуализации трёх важнейших символических фигур – канцлера Бисмарка, олицетворявшего с начала XX в. «немецкость» и новое государство (с. 201), кайзера Вильгельма II, воплощавшего «национально-монархические, династические, а также традиционные ссылки на связь монархической власти с Богом (с. 214) и генерал-полковника П. Гинденбурга, как «народного трибуна», «немецкого мужа, который может и должен быть вождём» (с. 227). В тексте значительное место отведено эволюции репрезентаций этих «этаблированных национальных героев» в иконографии по мере развития военных действий не в пользу Германии. Не обошёл вниманием А.С. Медяков и образ солдата на открытках, которому была присуща «не абстракция, а типизация» (с. 247). И неизменно анализу открыток, несущих в себе «синергетический эффект визуального послания» (с. 291), сопутствует историко-культурный дискурс, придающий монографии статус комплексного исследования.

Анализ репрезентаций союзников и врагов Германии столь же скрупулёзен и многогранен, упомянем лишь некоторые характерные черты визуализации тех и других. «Пропагандистская идеализация союзнических отношений» (с. 273) на открытках выдавала неравнозначность отношения Германии к союзному Другому. Если в отношении Австро-Венгрии «рукопожатие стало одной из самых распространённых метафор при изображении» разных фигур: императоров и солдат (с. 276), то «в случае с Османской империей речь шла о настоящем “изобретении” союзника» (с. 279). Применительно к ней были отброшены «прежние маркеры “восточной лени” и “сладострастия” – кальян и обитательницы гарема», оказался «неуместным топос “большого человека”» (с. 281), главными сюжетами в германских открытках являлись «братство по оружию» и «священная война» (с. 282). Тем не менее, усилия про-турецкой пропаганды «оказались достаточно скромными», а что касается Болгарии, то она «за редкими исключениями, подавалась функ-

ционально, лишь в качестве ещё одного союзника, национальное лицо которого, по большому счёту, было не так уж важно» (с. 286).

Что касается репрезентации на открытках врагов Германии, то, подчеркнув, что «главным идеологическим полем сражения немецкой нации с её врагами выступала культура», А.С. Медяков выделил три «идеально-типических» линии на этом направлении: «В Первую мировую войну образ каждого конкретного врага складывался из сочетания традиций его восприятия, соответствия тем или иным специфическим оборонительным потребностям и приписывавшихся ему ролей» (с. 294). В книге исчерпывающе показано присутствие этих трёх коннотаций в иконографии и, что особенно интересно, определён удельный вес каждой из них в конструировании образа врага. Так, «образ французского врага был самым традиционным. Но отличался высокой степенью амбивалентности и в целом занимал последнее место в иерархии трёх главных врагов Германии с точки зрения степени угрозы» (с. 316). В числе основных приёмов «диффамации французского противника» – высмеивание, феминизация имиджа воина, представление о поверхностности характера, «блестящей видимости» французской «сверхутончённой, декадентской» культуры, «противоположностью которой выступала глубокая немецкая «культура» (с. 320-321). Вместе с тем, на основе детального иконографического анализа, автор делает вывод, что «амбивалентность образа Франции нашла своё выражение в том, что солдат репрезентировался не только как карикатурный и иронический персонаж, но в качестве достойного противника, “рыцаря”» (с. 326).

Амбивалентность, но только иного свойства, А.С. Медяков усматривает и в немецких открытках, представлявших Англию – «нового «смертельного врага» Германии (с. 338). Антианглийские клише в открыточной пропаганде, такие, как «алчность» и «коварность Альбиона», сложились уже в начале XX в., особенно в годы англо-бурской войны (с. 344-345). «С началом войны весь накопленный за предвоенные десятилетия репертуар касавшихся Англии образов и объяснительных моделей был моментально задействован и актуализирован», поясняет автор книги. Актуализация вылилась в приписывание Англии через её символического персонажа Джона Буля «лживости» и «алчности» (с. 347). Появился топос «английского предательства» – Англия рисовалась «предательницей собственного “германства”», поскольку выступила в союзе с романскими и славянскими народами против своего немецкого «кузена» (с. 352, 353). Наряду с маркером «ханжества и лицемерия» Англию «нередко изображали в виде паука, традиционно считавшегося ядовитым, коварным, жадным, а также скрытой угрозой» (с. 358, 359). В то же время в образности этих открыток явно просматривалась амбивалентность, так как нередко англичанин выделялся «из рядов прочих врагов Германии», будучи признанным «равным противником», «несмотря на всю критику и кампанию ненависти», которая к тому же, начала спадать уже к 1915 г. (с. 369, 370).

А.С. Медяков установил, что визуализации образа России практически не была свойственна амбивалентность, характерная для Франции и Англии (с. 380). Более того, в очередной раз продемонстрировав отличное знание исторического контекста, он показал, как типизировались аллегорические символические фигуры русского в виде казака и медведя, «ориентализировался» его внешний вид, и к началу Первой мировой войны «это обстоятельство существенно облегчило задачи немецкой пропаганды» (с. 381). Автором подчёркнуто, что «Россия и русские присутствовали на немецких открытках на протяжении всей войны» (с. 383), хотя зачастую в их число заносились и смешивались в одном образе поляки, проживавшие на территории Российской империи, оккупированной немцами, что породило обозначение «восточных дикарей» словом «панье» (с. 395). Основными линиями противопоставления немецкой «культуры» русскому «варварству» в иконографии, проанализированными в книге, были пьянство, нечистота, дорожная грязь, убогие дома, игнорирование национальных различий населявших Россию народов, неполноценность в сравнении с немцами. Проведенный анализ привёл автора к совершенно справедливому выводу о том, что «убедительность рисунка основывалась не на том, что он точно отражал действительность, а, напротив, как раз на том, что он конструировал её, создавая обобщённый образ, в котором каждый мог найти отражение собственного опыта» (с. 405). Весьма актуально и в какой-то мере своевременно звучат рассуждения А.С. Медякова о континуитете, «преемственности видения «грязного Востока» между двумя мировыми войнами» (с. 412), что «в годы Второй мировой войны достигло степени презрения к человеку» (с. 413).

В настоящей рецензии в соответствии с «ключевым» словом заглавия монографии А.С. Медякова главный акцент уделялся именно открыткам. За её рамками осталось ещё несколько важных проанализированных и отчасти впервые поставленных А.С. Медяковым концептуальных проблем, которые обязательно надлежит упомянуть здесь хотя бы кратко. К их числу относятся: параграф 1 четвёртой главы, посвящённый осмыслению и теоретическому обоснованию А.С. Медяковым понятия «война за культуру» (с. 294-314); главы первая и вторая, в которых он раскрыл вопросы производства открыток, распространения, их циркуляции между фронтом и тылом, цензурной критики, в частности, вокруг «потешных открыток» (с. 99-123), исходящей от государственных инстанций, конкурентной борьбы между частными и официальными изданиями в печатном деле не только открыток, но и фотографий (с. 37-170). Как видно из объёма страниц двух первых глав, содержание которых отражено в Приложениях книги, они занимают значительную часть монографии, и на их страницах в не меньшей степени проявился талант А.С. Медякова как исследователя. Впечатляет также его владение сравнительным методом при анализе текстов, будь то на

открытках, в газетах, журналах, литературных и песенных произведениях, даже на вагонах военных эшелонов. Взаимосвязь визуализации образов, сопутствующих им надписей и пропаганды в конструировании «культуры войны» красной строкой проходит через всю книгу.

В заключение хотелось бы отметить своевременность выхода в свет монографии А.С. Медякова и ее значимость для отечественной историографии. Во-первых, автору удалось внести существенный вклад в изучение образа Другого, во-вторых, им сделан научный задел для сравнительно новой транснациональной истории, продолжена традиция изучения повседневности. Можно продолжать, но думается, правильнее предоставить оценку труда А.С. Медякова самим читателям.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Медяков А.С. Открытка рубежа XIX-XX вв. как социокультурный феномен // Диалог со временем. 2019. Вып.67. С. 146-162. [Mediakov A.S. Otkritka pubeja XIX-XX vv. kak soziokulturnyi fenomen// Dialog so vremenem. 2019. Vyp. 67. S. 146-162].
- Медяков А. Война формата 9x14. Открытки в немецкой «культуре войны» 1914–1918 гг. М., Университет Дмитрия Пожарского, 2021 [Mediakov A. Voyna formata 9x14. Otkritki v nemezkoj "culture voyni" 1914–1918 gg. M., Universitet Dmitrija Pojarskogo, 2021].
- Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л.С.Белюсова, А.С. Маныкина. М., Изд. Московского университета, 2014. [Pervaya mirovaya voyna i sud'by evropeyskoj zivilisazii / pod red. L.S.Belousova, A.S.Manykina. M., Isd. Moskovskogo universiteta, 2014].
- Первая мировая война на почтовых открытках / под ред. В. Крепостнова и А. Медякова. Тт.1-4. Изд. дом «Крепостновъ», Изд-во «Гамма-Пресс», Киров/Вятка, 2014 [Pervaya mirovaia voyna na potchtovykh otkritkah/pod red. V.Krepostnova i A. Mediakova. Тt.1-4. Izdatel'skiy dom "Krepostnov", Izdatel'stvo "Gamma-Press", Киров/Viatka, 2014].

Канинская Галина Николаевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова; kaninsk6@mail.ru

Статья выполнена при поддержке ГРАНТа ЯрГУ VIP-018.

"War Culture" in German Postcards of 1914-1918

The article discusses the monograph of Doctor of Historical Sciences Alexander S. Medyakov, published in 2021. The author, who devoted a quarter of a century to collecting old postcards, for the first time in Russian historical science, showed based on the analysis of a solid array of German postcards from the period of the First World War, how the "culture of war" was formed » in visual form, how the image of the enemy and ally was designed, maintained and evolved in German society. The military discourse in the book is presented in many sections: socio-cultural, historical-genetic, ideological-propaganda, comparative, linguistic. The practice of distribution of printed materials is disclosed in detail, much attention is paid to the state and private press, competition in the postcard market, and censorship.

Key words: World War I, war culture, image construction, visualizing, national symbols and allegories, iconography, public opinion.

Galina Kaninskaja, Dr.Sc. (History), Professor, Chair of the World History Department, Demidov Yaroslavl State University; kaninsk6@mail.ru

The article is published with financial support of Yaroslavl State University Grant VIP-018.

Н.В. РОСТИСЛАВЛЕВА

**РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МЕДИАЛЬНОСТИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ПО МОНОГРАФИИ А.С. МЕДЯКОВА «ВОЙНА ФОРМАТА 9X14.
ОТКРЫТКИ В НЕМЕЦКОЙ “КУЛЬТУРЕ ВОЙНЫ” 1914-1918)**

На основе анализа монографии А.С. Медякова рассматриваются особенности бытования и функции немецкой открытки в годы Первой мировой войны. Пристальное внимание уделено освещению комплексного характера открытки, отражавшей индивидуальное и общественное, частное и публичное, связь между фронтом и тылом. Немецкая открытка военной поры предлагала объяснительные модели характера войны, создавала образы немецкой нации, ее союзников и противников в вооруженном конфликте.

Ключевые слова: А.С. Медяков, Первая мировая война, немецкая открытка

Первая мировая война явилась инновационной в техническом, культурном и коммуникативном отношении, она носила тотальный характер и затронула все сферы общественной жизни, а также предложила свой вариант «культуры войны» – «феномена, интегрирующего в себе менталитеты, повседневные практики, а также пропаганду и идеологию в их взаимодействии и взаимовлиянии».

Рецензируемая монография рассматривает феномен открытки военной поры как составную часть «культуры войны». Избранный автором подход позволяет вырваться из «оков» источниковедческого анализа открытки как визуального и одновременно текстуального исторического документа и вписать ее в контекст социокультурных, экономических и политических явлений Германской империи военного времени. Феномен открытки – это единство субъективного и объективного, поскольку общественный дискурс преломляется через позицию выбора, что делает открытку не только уникальным историческим источником, но и индикатором трансформации общественных настроений, средством самоидентификации и, как метафорично указано в монографии, выражением «народной души» (с. 11). Новаторский характер монографии проявился в синтезе исследовательских методов. Автор использует сериально-иконографический метод, контент-анализ личных посланий, на основе которого он определяет связь между изображением и текстом открыток, выясняет причины их тиражирования и появление объяснительных моделей смысла войны; приемы коммуникативной лингвистики. Именно комплексный подход к изучению почтовых карточек военного времени, разнообразие и адекватность приемов исследования – одно из главных достоинств монографии А.С. Медякова.

В рамках данной работы автор решает много исследовательских задач, но одной из главных, бесспорно, является выяснение того, в какой мере в условиях войны сохраняется для акторов возможность вы-

бора сюжетов изображений, где пролегает граница между пропагандистской заданностью и выражением народной души.

В годы Первой мировой войны открытка стала наиболее востребованным средством коммуникации, но довоенные традиции производственных и коммерческих особенностей рынка открыток, аспекты их потребления не выпали из поля зрения автора. Последняя треть XIX в. – это эра демократии. Она затронула и визуальный контент: картинка стала знаком состояния тогдашней культуры. Востребованность почтовой карточки в довоенное время было также обусловлено динамизмом индустриального общества, которое немислимо без высокого уровня внутренних и внешних миграций¹. Не случайно, С. Конрад и Ю. Остерхаммель полагают, что это уже был период ранней глобализации², что заставило общество проявить прагматизм и сделать выбор в пользу открытки. Она распространилась повсеместно, но, по мнению А.С. Медякова, Германия была чемпионом в открыточном марафоне конца XIX – начала XX в., а такие разнообразные социальные функции открытки как информационная, репрезентативная, образовательно-педагогическая, идеологически-пропагандистская, коммерческая, развлекательная обеспечивали ее востребованность еще в довоенные годы. Первая мировая война вошла в историю также как время открыточного бума, и он в полной мере охватил и Германскую империю.

Основное содержание монографии отражено в 4-х главах: «Открытка на войне», «Открытка угрожает государственным интересам», «Нация с оружием» и ее друзья» и «Мир, полный врагов». Структура является оптимальной, так как потенциал открытки, ее бытование, идеологическая и патриотическая заостренность, восприятие союзников и противников нашли отражение на страницах книги.

В первой главе автор рассматривает особенности производства, распространения открытки, раскрывает роль и взаимоотношения важнейших акторов – производителей бумаги, издателей и торговцев – на рынке открыток, показывает уровень государственной поддержки в продвижении открыточного бизнеса. Много внимания А.С. Медяков уделяет воздействию цензуры на производство и распространение открыток, сопровождая этот сюжет глубокими экскурсами в историю цензуры Германской империи военной поры и обильными ссылками на архивные документы. Изучая значение открытки в структуре полевой почты, автор привлекает как количественные методы исследования, так и контент-анализ, что позволяет добиться высокого уровня верификации выводов о том, что именно открытки – это главный вид посланий с фронта и важный атрибут военной повседневности, оказавший влияние на «культуру войны». Довольно любопытен сюжет об использовании открытки в благотворительных целях, который раскрывает опреде-

¹ Хобсбаум 1999: 270–321; Коска 2004: 44–80.

² См об этом подробнее: Konrad 2006; Osterhammel 2009: 1010–1029.

ленную непримиримость интересов гуманности и бизнеса. Автор широко использует иллюстрации и показывает примеры логотипов благотворительных открыток (с. 93). В целом, исследователю удалось показать, как сквозь призму фронтовой открытки была организована связь фронта и тыла, индивидуального переживания и его «встроенность» в социальный дискурс, что, безусловно, способствовало поддержанию единства нации и вносило вклад в «культуру безопасности»³.

Вторая глава монографии ««Открытка угрожает государственным интересам?»» рассматривает связь визуальных сюжетов открытки с вызовами политики, сознательным выбором комбатантов и роли открытки в генерировании, распространении и мемориализации фронтового опыта. Автор показывает, как была организована борьба власти за образы войны и какое место в этой борьбе занимали открытки, которые включились в «военную» кампанию сразу после начала мирового конфликта, что привело к их широкому распространению. «Открытки не только и даже не столько генерировали собственные смыслы, выступали в роли своеобразного аккумулятора и мультипликатора имевшихся в популярной культуре образов и идей» (с. 97). В годы войны наблюдалось «воздействие войны на витрины», когда открытки в магазинах вытесняли книги, распространялись разносчиками и стали самым ходовым и массовым издательским продуктом (с. 97–99). В этой главе А.С. Медяков обращает внимание на единство визуального образа и вербальных слоганов тематики открыток, объясняя также их популярность соответствием общественным запросам военного времени, оперативностью и незатейливостью интерпретаций (с. 99–102).

А.С. Медяков отмечает, что связь общественных запросов и визуального изображения ярче всего в начале войны проявлялась в карикатуре, справедливо назвав ее «главным открыточным бестселлером первых месяцев войны» (с. 108–110). Рассмотрев дебаты по поводу ее распространения, автор представил материал, объясняющий, почему феномен карикатуры не закрепился в публичной сфере Германии как главное открыточное изображение, более того, развернулась кампания против «потешных открыток», в которой автор разглядел столкновение официальной позиции с пластами народной культуры (с. 114–122).

Другая важная содержательная линия данной главы – это корреляции в открытках публичного дискурса и частного опыта, визуального изображения и текста открытки. Автор, например, подробно рассматривает эволюцию визуального изображения от «сентиментального периода» к «голодным открыткам». Сентиментальная визуальность открыток, тиражирующих трогательные сцены прощания и любви, расценивалась как проявление кича. Это вызывало критику властей с морально-этических позиций, но публика к сентиментальным изображе-

³ См. о «культуре безопасности» подробнее: Россия и Германия в годы Первой мировой войны: между безопасностью и гуманностью... 2019.

ниям очень тяготела, поэтому, как показывает автор, власти оставались в целом к тиражированию таких открыток индифферентными, что нельзя сказать о появлении «голодных» или «продовольственных открыток», вызвавших резкое противодействие цензуры (с. 129). Эти примеры являются очень показательными, так как они иллюстрируют неусыпный контроль государства за производством и отчасти потреблением открыток в условиях военного времени.

Наконец, в главе показано, как в открытке взаимодействовали ее репрезентативность и аутентичность, как в ней отражались разные грани военного опыта и почему градус аутентичности открытки выше, чем письма, какой вклад вносила в решение проблемы аутентичности фотография, ставшая своеобразной альтернативой открытке (с. 156–162). Автор приходит к выводу, что «именно комплексность открытки как исторического источника, сочетающего в себе изображение, текст и медиальность, делает ее особенно ценной для изучения фронтовой повседневности и фронтового опыта» (с. 162). А.С. Медяков не противопоставляет открытку фотографии, поскольку немало было фотооткрыток, и полагает, что их объединяло не только обобщение личного опыта, но и мемориализация, поскольку многие комбатанты просили своих адресатов сохранить эти открытки. Опыт, память, текст придавали визуально-текстовым фронтовым посланиям новые смыслы.

В работе с текстом открыток А.С. Медяков опирается на контент-анализ. В качестве приложения автор опубликовал пять таблиц, в которых представлены смысловые категории текстов открыток с 1914 по 1918 гг. А.С. Медяков проделал поистине титаническую работу, он не просто выделил двадцать пять смысловых категорий, но просчитал частоту их употребления, а также обобщил табличные результаты, представив диаграмму приоритетов сюжетов солдатских посланий: это позволило автору решить проблему репрезентативности содержания текстов. Проблему репрезентативности изображений он оставляет открытой в силу невозможности точно установить спрос на тот или иной вид открыток в прошлом (с. 168). Аккуратность и осторожность в выводах, проявленные автором, выдают в нем очень добросовестного исследователя, стремящегося не навредить столь чтимой историками истине.

В третьей главе ««Нация с оружием» и ее союзники в отражении немецкой военной открытки» автор рассматривает публичную сферу открытки, т.е. то, как она отражала причины, характер, цели войны и участвовавших в ней союзников Германии, используя для этого определенные визуальные стереотипы. В главе показано, как с помощью национальных символов – аллегорий, символических фигур и обобщенного изображения «немца» (с. 171–172) – открытка была задействована в конструировании национальной идентичности. Очень глубоко исследованы аллегорические сюжеты о «Германии» и Немцеком Михеле, показаны эволюция в их восприятии, а также связанные с Ми-

хелем-Михаилом аллюзии и своеобразное противостояние в востребованности этой фигуры государством и широкой публикой (с. 175–189).

Что касается символических фигур, то внимание автора сосредоточено на раскрытии интеграционного и мобилизационного потенциала Бисмарка и Вильгельма II, которые подверглись героизации и именно в такой ипостаси вошли в национальное сознание, а также стали основой конструирования национальной идентичности немцев в годы вооруженного конфликта. Помимо этого, автор тонко подмечает “функциональность Вильгельма II как идентификационного символа, сложившуюся к началу Первой мировой войны”, который «соответствовал развороту немецкого национализма вовне, в сторону так называемого “второго основания империи” в колониях (с. 201–218). А.С. Медяков отмечает соподчиненность образов на открытках, подчеркивает утвердившееся лидерство Вильгельма II (с. 67–68), прослеживает многообразие ипостасей кайзера на открытках – от «кайзера-солдата» до «кайзера-утешителя» (с. 225–226), а также дефицит его изображений в 1917 г. (с. 226). А.С. Медяков довольно точно подметил, что в последний год войны фигура кайзера утратила потенциал в конструировании национальной идентичности. Более того, когда в 1921 г., уже во времена Веймарской республики, отмечался 50-летний юбилей создания Германской империи, то Вильгельм II немецкими историками интерпретировался как главный виновник постигших их родину бедствий⁴.

А.С. Медяков в итоге доказывает, что ключевой идентификационной и интеграционной фигурой военной поры был фельдмаршал Гинденбург, герой Танненберга, культ которого, как утверждает автор, сложился во многом благодаря открытке, а фельдмаршал стал новым Бисмарком. Открытка как визуальный медиум приобщала к герою путем «вторичного инсценирования», демонстрировала свой перформативный потенциал. Автор показывает в этой главе также неоднозначную репрезентацию немецкого солдата на открытках, останавливается на изображениях униформы и привлекает при этом неизвестный ранее архивный материал с пометками цензуры. А.С. Медяков также доказывает, что образ солдата-героя стал ответом на удручающие реалии мировой войны. В этой же главе рассматриваются репрезентации на немецкой открытке союзнических отношений Германии, при этом главное внимание уделяется австрийскому колориту в германофильском ракурсе и фигурам, которые являлись эквивалентными лидерам Германской империи. Образ Османской империи как союзника, по мнению автора, во многом «изобретался», конструировался и фиксировался на открытках в иерархическом ключе.

Репрезентации на открытках противников Германии посвящена четвертая глава «“Мир полный врагов”». Образ врагов конструировался как на основе сложившихся стереотипов, так и нового военного опыта.

⁴ См. об этом подробнее: Rotfels 1921: 287.

Опираясь на теоретические разработки Р. Козеллека о дуализме семантических пар, при котором собственная позиция выше противоположной (с. 293), автор выстраивает доказательный ряд именно в направлении важности и необходимости визуальных образов противника для укрепления немецкой идентичности и убежденности в ее большой значимости. Бинарная оппозиция культуры и цивилизации определила, по мнению автора, линию пропаганды и восприятие образов врага.

Автор справедливо призывает к дифференцированному подходу к открытке как пропагандистскому инструменту, поскольку использование этого инструмента зависело от объекта приложения усилий, от «направленности на собственное или чужое население» (с. 309). Именно в нейтральных странах немецкая пропаганда активно отстаивала тезис об оборонительном характере войны и «защите культуры». В государствах противника это было контрпродуктивно. Образы противников Германии также не были гомогенными. Амбивалентным было восприятие Франции на немецкой открытке. Образ Англии был более прямолинейным, более угрожающим и отражал жесткое англо-германское противостояние рубежа веков. Образ России как врага был схематичен и, как верно замечает автор, функционально «имел особенную значимость в начале и в конце войны: в первом случае для ее обоснования в качестве “оборонительной” и достижения общественного консенсуса», во втором – «для показа перспектив “победного мира” и аннексий на Востоке» (С. 404-414).

Тексты всех глав монографии дополняются визуальными образами, запечатленными на открытках, многие из которых – из личной коллекции автора. Это делает чтение не только более приятным и эмоционально насыщенным, но позволяет лучше воспринимать авторские аргументы и постигать позицию историка.

Заключение монографии выглядит очень интересным: с одной стороны, оно являет собой стройность конструкции и абсолютную верифицированность утверждения об открыточном коммуникате и эго-документе в системе теоретического источниковедения, с другой стороны – в нем присутствует обобщение богатейшего фактического материала, который в заключении изложен в режиме гармонии готического собора. Автор подчеркивает уникальность сочетания в открытке частного и публичного, индивидуального и массового, полагает, что это один из самых ценных источников по изучению «культуры войны» и военного опыта. Она была формой обмена этим опытом между «фронтом» и «тылом», испытавшим на себе влияние «тривиализации», помогая выживать в условиях военного лихолетья. Поэтому автору, возможно, следует еще изучить психологический эффект формата 9x14 в немецкой «культуре войны».

Первая мировая война стала временем наивысшей востребованности и популярности открытки. А.С. Медяков подчеркивает ее роль

в послевоенной культуре памяти, которая простиралась до уровня «транслятора широких смыслов и трактовок войны для последующих поколений» (с. 425) и видит определенное ее влияние на «подлинное поколение нацизма». Перспективы обозначены, с ними трудно не согласиться, связи между двумя мировыми войнами XX века и истории Германии предстают еще более крепкими и неотвратимыми.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Медяков А.С. Война формата 9x14. Открытки в немецкой «культуре войны» 1914–1918 гг. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2021. 461 с. [Medyakov A.S. Voyna formata 9x14. Otkrytki v nemetskoj «kul'ture voynu» 1914–1918 gg. M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2021. 461 s.]
- Россия и Германия в годы Первой мировой войны: между безопасностью и гуманностью / Под ред. А. Бауэркемпера и Н.В. Ростиславлевой. М.: РГГУ, 2019. 378 с. [Rossiya i Germaniya v gody Pervoy mirovoy voynu: mezhdru bezopasnost'yu i gumannost'yu / Pod red. A. Bauerkemper i N.V. Rostislavleva. M.: RGGU, 2019. 378 s.]
- Хобсбаум Э. Век капитала. 1848–1875. М., 1999. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 476 с. [Hobsbawm E. Vek kapitala. 1848–1875. M., 1999. Rostov-na-Donu: Feniks, 1999. 476 s.]
- Kocka J. Das lange 19. Jahrhundert. Stuttgart: Klett-Cotta, 2004. 187 S.
- Konrad S. Globalisierung und Nation im Deutschen Kaiserreich. München: C.H. Beck, 2006. 445 S.
- Osterhammel J. Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhundert. München: C.H. Beck, 2009. 1568 S.
- Rotfels H. Bismarck-Krise von 1890 //Historische Zeitschrift. 1921. Bd. 123. H. 2. S.267–296.

Ростиславлева Наталья Васильевна, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, профессор, кафедра всеобщей истории, Москва; ranw@mail.ru

Reflections on the Features of Mediality During the First World War: According to the Monograph by A.S. Medyakov “War of the 9X14 Format. Postcards in the German "Culture of War" 1914-1918”

The monograph by A.S. Medyakov examines the features of existence and functions of the German postcard during the First World War. The Author pays a close attention to the coverage of the complex nature of a postcard, which reflected the individual and the common, the private and the public, the connection between the front and the rear. Analysis of the German wartime postcards offered explanatory models of the nature of the war, created images of the German nation, its allies and enemies in the armed conflict.

Key words: Alexander.S. Medyakov, World War I, German postcard

Natalia V. Rostislavleva, Dr. in History, professor, Russian State University for Humanities, Moscow; ranw@mail.ru

НЕЗРИМОЕ ВЛИЯНИЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ГОЛОДА В АНГЛИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ¹

В статье представлена рецензия на книгу британского историка С.Дж. Гриффина «Политика голода: голод, бедность и политика в Англии, 1750–1840 гг.». Гриффин в своем исследовании конструирует дискурс голода, рассматривает его влияние на социокультурное пространство Англии Нового времени. Разрывая с прежней историографической традицией, он предлагает собственное понимание голода через анализ политической риторики и эволюцию социальных страхов англичан.

Ключевые слова: С.Дж. Гриффин, голод, политический дискурс, социальная история, пауперы, низовая культура, моральная экономика

Глобальные вызовы современности и геополитическая дестабилизация последних лет стимулируют интерес историков к опыту преодоления социально-биологических кризисов в пространстве переломных эпох. В этом плане обращает на себя внимание монография профессора исторической географии Университета Сассекса С.Дж. Гриффина, который через применение актуальных исследовательских моделей рассматривает влияние голода на формирование политического диалога в контексте трансформации социально-экономической сферы Англии второй половины XVIII — начала XIX века.

Рецензируемая книга акцентирует внимание читателей на голоде как культурном феномене, который продолжал незримо влиять на мировоззрение и формирование социальных практик британцев даже в отсутствие массового голода как биологического явления. Уже с первых строк автор через анализ топонимики демонстрирует, что голод оставался постоянно действующим фоновым фактором, который и сам по себе мог формировать в сознании британцев опасения, связанные с риском распространения голода, корнями восходящего к социально-экономическим процессам английской деревни раннего нового времени. Исследователь указывает на то, что «в необычайно богатой топонимической номенклатуре сельской и прибрежной Англии голод описан более тонко и ясно, чем в любом исследовании. В таких названиях, известных нам с эпохи огораживания, как Голодный холм (Чешир и Ланкашир), Голодная Вьсь (Алдингтон, Кент) и Голодное место (Уитстабл, Кент), мы видим одновременно печальное и сатирическое признание того, что земля никогда не обещала изобилия тем, кто на ней трудится»². Автор подчеркивает, что голодная смерть оставалась постоянным страхом и социальной угрозой в конце XVIII и XIX вв., «и хотя народы Англии находились вне разорительного биологического голода,

¹ Рецензия на книгу Griffin C.J. The politics of hunger: Protest, poverty and policy in England, c. 1750–c. 1840. Manchester: Manchester University Press, 2020. 280 p.

² Griffin 2020: 3. Далее ссылки на страницы книги даются в скобках.

но были далеко не свободны от страхов, связанных с голодом и его последствиями, в мировоззрении была жива сама угроза голода» (с. 3).

К концу XVIII в. в английском обществе формируется парадоксальная ситуация, согласно которой ведущим триггером для связанных с недоеданием протестных настроений становится не сам голод, дороговизна продуктов или их ограниченность на рынке, а страх, вызванный социокультурным кризисом, ставшим следствием промышленного переворота. Опасения, связанные с недоеданием и недостаточным продовольственным снабжением бедняков, становятся моральным разрешением для выражения социального протеста. Отталкиваясь от общепринятой в историографии точки зрения, что Южная Англия последний раз пережила массовый голод в 1590-е, а Северная – в 1620-е., автор опирается на социокультурный подход, сразу отсекая рассмотрение голода как строго биологического явления, концентрируясь на анализе интерпретаций голода современниками и создании дискурса голода.

Подобная интерпретация проблем продовольственного снабжения и его частое упоминание в повседневных практиках позволяет исследователю репрезентировать голод как исторический фактор, «вписанный в самую суть, самовосприятие и ткань социального бытия англичан» (с. 4). Автор предлагает интерпретировать голод в ранге специфичного актора социального диалога, незримо влияющего на формирование политического и протестного дискурса в пространстве низовой культуры. При этом свою силу этот актор мог черпать из коллективной памяти англичан, сохранившей страхи голода и голодной смерти, которые особенно усиливались в ситуации экономической дестабилизации и слабости форм социальной поддержки пауперов. Рассматривая проблемы продовольственного снабжения в ракурсе изучения рецепции голода современниками, автор, соглашаясь с выводами историка Дж. Вернона, резюмирует «что для сознания современников массовый голод применительно к территории Англии воспринимался анахронизмом, пережитком прошлого» (23), «гостем из семнадцатого века»³.

Для нового дискурса голода начала XIX в. был характерен собственный язык, на что указывает лингвистический анализ, проведенный Гриффином. Так, анализируя опыт протеста рабочих начиная с рубежа XVI–XVII вв. автор отмечает, что «когда рабочие и пауперы заявляли о состоянии голода, недоедания как своего постоянного состояния (hunger) и просили помощи, то это был запрос на помощь со стороны властей и общества, вместе с тем, использование термина голода как голодной смерти (starvation) воспринималось призывом к хаосу и беспорядку. Голод был языком просьб, призывом о помощи, и милосердия. Голодная смерть была языком сопротивления» (с. 33). Суммируя результаты проведенного автором лингвистического анализа, нельзя не отметить интересную закономерность: так, использование риторики,

³ Vernon 2007: 6.

связанной с «голодной смертью» в условиях рестабиллизации экономики в викторианский период, сходит на нет. Писатели-викторианцы и общественные деятели чаще использовали термин «hungry» («голодающий /жаждущий/ недоедающий/ ограниченный в еде»), чем «starving» («голодающий»/ «умирающий от голодной смерти»), что косвенно намекает читателю о продолжении эволюции дискурса голода вне указанных хронологических рамок монографии.

Гриффин не обходит вниманием риторику репозиционирования голода в рамках освещения внешнеполитического курса Британской империи. «Голод» здесь мог выступать стигматизирующей меткой при описании более «отсталых», с точки зрения конструирования имперской идеологии, стран и территорий. Автор книги справедливо замечает, что «на фоне успехов Великобритании в области промышленного производства и расширения имперской гегемонии, в СМИ формировалась позиция что «к началу XIX века голод был чем-то, что поражало другие народы мира, а не вольных англичан». Страницы провинциальной прессы были широко украшены рассказами о голодных французах, множестве недоедающих пруссаков и полуголодных индейцев, а часто появляющиеся сообщения о периодически голодающих в Ирландии закрепили в сознании англичанина образ ирландца, как постоянно голодающего крестьянина» (с. 28). Гриффин выделяет официальную риторику общественной идеологии, победившей нужду и голод, и голод, характерный для низовой культуры быта бедняков, где «голод выступал как абсолютная телесная потребность и был для многих реальной проблемой повседневной практики рабочих семей. Голод, как рассказывают дневники и мемуары рабочего класса, был таким же английским как сливовый пудинг» (28). Использование оригинальных и ярких метафор несомненное достоинство монографии.

Первая глава книги («Протест против голода») раскрывает специфику конструирования англичанами дискурса голода в его связи с протестами бедняков. Автор пишет о формировании особого «языка голода» (с. 24), который стал ответом социальных низов на проводимую правящими партиями социальную политику в XVIII-XIX вв. Вслед за Э.П. Томсоном, отцом-основателем новой социальной истории, Гриффин предлагает рассматривать эволюцию социальных отношений в их связи с «низовой культурой»⁴, в которой уже с 1740-х гг. голод начинает восприниматься как фактор, способный легитимировать рабочий протест. Автор подчеркивает: «смысл дискурса голодания заключался в том, чтобы выявить и продемонстрировать неправильность управления, что делало позволительными для бедняков различные акты протеста. Недовольство голодом становилось предупреждением о тех разрушениях и ужасе, которые могут последовать и быть оправданы перед лицом голодной смерти и телесной потребности» (с. 37). Рассматривая

⁴ Thompson 1974: 382.

протестную активность конца XVIII в., автор находит в каждом крупном выступлении рабочих лозунги или требования, касающиеся вопросов продовольственного снабжения и недоедания. Однако, встает вопрос, насколько эти выступления были вызваны голодом? Находя ответы а анализе социокультурных практик рабочих, Гриффин делает вывод, что основой голодного протеста становится не прямое недоедание и отсутствие пищи, а страх голода и голодной смерти, которая могла быть вызвана в перспективе условиями труда и проводимой социальной политики государства: «“голодные” бунтовщики не всегда были мотивированы голодом как таковым, скорее, они всегда были мотивированы страхом перед глубоким, мучительным голодом и, в конечном итоге, голодной смертью...» (с. 47). В этом же разделе книги размещается короткое рассуждение о страхах среди элитарных слоев, которые также можно фиксировать с конца XVIII в. Автор соглашается с оксфордским историком М. Бергом, который описал три группы страхов, связанных с питанием и голодом: «во-первых, безопасность экзотических блюд, во-вторых, вопросы, связанные с пищевыми расстройствами и, третье, страх перед голодной и буйной толпой»⁵. Однако, процесс формирования и эволюции дискурса о голоде в среде аристократов практически не освещается в книге Гриффина, вместо этого повествование переходит к анализу конкретных форм противодействия социальному кризису и практик социального регулирования рубежа веков, косвенно затрагивающих вопросы продовольственного снабжения.

В самой объемной, второй главе («Политика голода») удачно размещены сюжеты, связанные с историей принятия акта Спинхемленда 1795 г., формированием практик социального обеспечения бедняков, динамикой численности пауперов, а также освещается комплекс вопросов, связанных с продовольственным снабжением рабочих домов и благотворительных обществ помощи рабочим-беднякам. Базируясь на хорошо знакомом российскому читателю фундаментальном исследовании К. Полянши «Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени»⁶, Гриффин пишет о радикальных выступлениях рабочих с позиции верховенства «голодных» требований в их протестном дискурсе. Однако он приходит к спорному выводу: «как бы ни излагалась история, Спинхемленд следует понимать как многогранную, сложную реакцию исключительно на голод. Это был гуманитарный ответ на абсолютную телесную нужду, настоящий изнурительный голод бедняков перед лицом гиперинфляции и кризиса снабжения в первые месяцы 1795 г.» (с. 86). Разрывая с историографической традицией, определяющей закон 1795 г. как «исток цивилизации XIX в.»⁷, автор не учитывает многофакторный комплекс социально-экономических последствий внедрения акта Спинхемленда, принципы которого,

⁵ Berg 2005: 16.

⁶ Полянши 2014.

⁷ Полянши 2014: 98.

пройдя дискурсивную реструктуризацию в рамках утверждения практики социального компромисса, к концу XIX в. заложат идеологические ориентиры социального обеспечения бедняка. Вместе с тем, ценный сравнительный анализ потребления рабочих Севера и Юга дает представление о региональной специфике английских графств и позволяет проследить динамику роста протестных настроений, вызванных страхами голода как в преимущественно сельскохозяйственных южных, так и северных графствах, где процесс индустриализации производства осуществлялся наиболее быстро. Анализируя влияние акта Спинхемленда на восприятие голода в рабочей среде, автор указывает на формирование принципиально нового дискурса голода, который теперь был связан исключительно с «плохим исполнением помощи бедным» (с. 109), но, как и прежде, сохранил в себе прежний концепт страха (с. 111).

Рассмотрение вопросов продовольственного обеспечения пауперов не могло обойти стороной питание и рацион жителей рабочих домов, практика социальной помощи через которые заменила акт Спинхемленда в рамках реализации «Закона о бедных» 1834 года. Гриффин приводит подробный разбор каждой из шести диет, которые были рекомендованы комиссией для бедных, но вызывали значительные общественные споры между противниками и сторонниками внедрения системы рабочих домов, требующих усиления питания бедняков.

Пристальное внимание к пространству рабочего дома у современников, вкуче со спецификой корпуса исторических источников по вопросам продовольственного снабжения рабочих домов, традиционно вызывало спор в британской историографии, который стал особенно актуальным после выхода статьи Йена Миллера, в которой автор на основе архивных источников пришел к выводу о достаточности рациона питания в рабочем доме, «тогда как вывод части историков о несоответствии питания заданным стандартам является продолжением мифологии, заложенной Ч. Диккенсом в его произведениях для усиления воздействия литературных образов на читателей»⁸. Основной камень преткновения для британских историков здесь традиционно выражался в вопросе установления степени недоедания бедняка в рабочем доме (таковы работы Ш. Боус⁹ и Г.Т. Хьюстона¹⁰) и установлении подлинности прецедентов голодных смертей в заведениях социальной помощи (исследования М. Е. Роузе¹¹, Т.В. Гинейна и К. Града¹²). При этом отсутствие иных показателей кроме весовых в официальных рекомендациях к питанию бедняков не позволяет установить способность рациона обеспечивать пищевые потребности, учитывая, что вариации диет могли в себя включать не только такие продукты как мясо, хлеб, картофель, ка-

⁸ Miller 2013: 940.

⁹ Boyce 2012: 449.

¹⁰ Houston 2022.

¹¹ Rose 1986.

¹² Grada, Guinnane 2002; Grada 2007.

ши, но и чай, супы и пиво, занимающие значительный объем и вес. Вместе с тем, анализ предложенных и одобренных правительством для бедняков шести диет варьировался от «Диеты № 1», предлагающей 133 унции пищи в неделю (19 унций в день) до «Диеты № 4», рассчитанной на 182 унции (26 в день)¹³. С. Гриффин, следуя за историографической традицией, так же приводит свой анализ состава официально одобренного парламентом рациона паупера, приведенного в официальных парламентских бумагах. Несмотря на привлечение широко корпуса источников, прежде всего воспоминаний современников, автор не приводит конечных выводов о достаточности рациона, помещая свои рассуждения в контекст организации питания бедняка центральными властями и критикует неоднородность существующих подходов в рамках единого пространства Англии: «в совокупности была создана система, которая, несмотря на все заявления о справедливости и достаточности, означала, что опыт заключенных будет неравномерным по всей стране; был рожден такой диетический режим, который был либо едва адекватным, либо совершенно неадекватным» (с. 154). Вместе с тем, отсутствие прямого ответа на достаточность рациона и признание сложности ее установления позволили автору искать ответ вне полемических рамок научного спора и обратиться к рассмотрению страха голода через эволюцию политического дискурса. С. Гриффин предлагает не устанавливать вовсе достаточность питания в рабочем доме, предполагая что для социокультурного пространства восприятия голода это не играло принципиальной роли: «утверждать то, что на самом деле происходило в рабочих домах, в значительной степени не имеет значения, в то время как жестокое обращение и скандалы самым очевидным образом помогали формировать общественное мнение, суровые повседневные реалии заключенных рабочего дома обосновывали и делали слишком правдоподобной эндемическую культуру жестокого обращения» (с. 164). С открытием голода реального от голода воображаемого, вызванного страхами, причины протеста рабочих и социальной политики требуют своего рассмотрения через анализ социокультурного пространства Англии с учетом специфики социальной морали и идей, предложенных интеллектуалами XVIII – начала XIX в., чему посвящен финальный раздел книги.

Третья глава книги («Теоретизация голода») представляет собой рассуждение автора о взаимовлиянии социума и интеллектуалов в пространстве моделирования и рескрипции концепта голода в социокультурном пространстве Англии. С. Гриффин использует терминологию М. Фуко и называет формой проявления «биополитики»¹⁴ нарративы о голоде начала XIX в., созданные интеллектуалами эпохи. Утверждается, что в политико-экономических учениях XIX века связываются «знания по биологии со способами воздействия на тела рабочих, которых

¹³ Poor Law Commissioners 1835: 334-340.

¹⁴ Foucault 2003: 252.

заставляли уступать перед существующей моралью» (с. 180), а цель работ современников видится С. Грифффином в «создании идеализированного, приобщенного к нормам населения; где методы управления должны были исправлять и дисциплинировать» (181). Особое место в книге занимает освещение теории Т. Мальтуса, прослеживается влияние политических дебатов на становление теории и ее последующая определяющая роль в формировании моделей социального поведения англичан. Автор справедливо резюмирует: «теория Мальтуса создала философскую основу для внедрения биополитики в пространство Нового закона о бедных» (с. 189).

К середине XIX в. дискурс голода, основанный на страхе, превращается в единый социально-биологический концепт на основе почти столетнего опыта «голодных» выступлений бедняков, «голод все чаще начинал выражаться как реляционный, как нечто, опосредованное не только индивидуальным опытом, но и опытом реальных и воображаемых сообществ, охватывающих приходские, региональные и национальные границы. Голод также был опосредован через конкурирующие политические языки, ставшие политикой. Это не отрицает абсолютных лишений и страданий, которые оставались реальными для многих английских рабочих в 1840-х гг. Скорее, такое понимание голода стало признанием того, что народная политика голода не была связана с телом или границами, но коренилась в неровных контурах солидарности и взаимности» (с. 208). И, несмотря на ряд законодательных мер в викторианский период, дискурс протеста против голода, описанный в первой и второй главах книги, к середине века окончательно «закрепляет в народной культуре сильный страх перед голодом, усиленный режимами работных домов и страхом перед жизнью впроголодь» (с. 208).

Действительно, анализируя проблему голода, недоедания и смерти в викторианский период, нельзя не отметить, что она часто помещалась в фокус общественных обсуждений. Через использование дихотомий «еда-голод» / «избыток-недоедание» мог строиться диалог с политическими оппонентами. Проблема голода бедняков выступала как доказательство нарушения прав и свобод, создавая в рамках социального кризиса XIX века дополнительный конфликтогенный фактор, воспринимавшийся современниками как «провал внутриполитического курса»¹⁵.

Книга С.Дж. Грифффина представляет собой оригинальное и весьма актуальное исследование, которое отличается прекрасным стилем повествования, изобилует метафорами, сравнениями, яркими цитатами современников и изображает многомерный мир отражения биологических явлений через призму анализа культурно-бытовых практик, ценностных ориентаций современников и психологической рецепции происходящей в обществе социально-экономической трансформации.

¹⁵ Lebow 1979: 8.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2014. 312 с. [Polanii K. Velikaya transformaciya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashogo vremeni. SPb.: Aletejya, 2014. 312 s.]
- Berg M. Luxury and Pleasure in Eighteenth-Century Britain. Oxford: O.U.P., 2005. 373 p.
- Boyce C. Representing the “hungry forties” in image and verse: the politics of hunger in early-Victorian illustrated periodicals // Victorian Literature and Culture. 2012. Vol. 40, № 2. P. 421-449.
- Foucault M. Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France 1975–1976. N.Y.: Picador, 2003. 336 p.
- Grada C. Making Famine History // Journal of Economic Literature. 2007. Vol. 45. № 1. P. 5-38.
- Grada C., Guinnane T.W. Mortality in the North Dublin Union during the Great Famine // The Economic History Review. 2002. Vol. 55, № 3. P. 487-506.
- Griffin C.J. The politics of hunger: Protest, poverty and policy in England, c. 1750 – c. 1840. Manchester: Manchester University Press, 2020. 280 p.
- Houston G.L. Hunger and Famine in the Long Nineteenth Century. L.; N.Y.: Routledge, 2022. 276 p.
- Lebow R.N. John Stuart Mill on Ireland. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues, 1979. 44 p.
- Miller I. Feeding in the Workhouse: The Institutional and Ideological Functions of Food in Britain, ca. 1834–70 // Journal of British Studies. 2013. Vol. 52. № 4. P. 940-962.
- Poor Law Commissioners. Second Annual Report of the Poor Law Commissioners for England and Wales. L.: Charles Knight, 1835. 544 p.
- Rose M. E. The Relief of poverty, 1834–1914. L.: MacMillan, 1986. 74 p.
- Thompson E.P. Patrician Society, Plebeian Culture // Journal of Social History. 1974. Vol. 7. № 4. P. 382-405.
- Vernon J. Hunger: A Modern History. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007. 369 p.

Шабунина Анастасия Константиновна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; shabunina@bk.ru

Invisible Influence: The Political Discourse of Hunger in Modern England

This article is a review of the book «The politics of hunger: Protest, poverty and policy in England, c. 1750–c. 1840», by the British historian C. J. Griffin. The research material is considered in line with the current methodological direction of the new social history. The author in his study constructs the discourse of hunger, considering its influence on the socio-cultural space of Modern England. Breaking with the traditional historiographic tradition, C. Griffin brings his own understanding of the famine through the analysis of political rhetoric and the evolution of the social fears of the British.

Keywords: Carl J. Griffin, hunger, famine, new social history, political discourse

Anastasia Shabunina, Ph.D. in History, research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; shabunina@bk.ru

CONTENTS

Theory of Humanitarian Knowledge

<i>Rolf Torstendahl</i> History and theory.....	5
<i>Ilya Demin</i> Ideology as a Language and Meta-language. The Significance of Lotman's Semiotics of Culture for the Modern Theory of Ideologies...	11
<i>Elizaveta V. Dyagileva</i> The Problem of Classification and Genre Categorization of Ancient Letters in Western Historical Science and Philology.....	24

Intellectual History Today

<i>Alexandr Loginov, Maria Shchekochikhina</i> Jurisprudence and the Emergence of the Auxiliary Sciences of History in the 16th-18th Centuries.....	38
<i>Tatiana B. Sorokina</i> Freethinking of the 17 th Century: Edward Herbert's Philosophy.....	47
<i>Anna Afanasyeva</i> Climate, Disease and Imperial Expansion Medico-Geographical Exploration of the Kazakh Steppe Between the 1760s and 1860s...	57
<i>Lyudmila Ermolenko Marina Kolesnikova Igor Zozulya</i> Abkhazian Scientific Society in the 1920-S: the History of Formation and Activities	74
<i>Nadezhda Kovalenko</i> N.I. Bukharin's Speech at the Literary Conference as a Reflection of His Views in the Field of Fiction and Literary Politics (1925).....	88
<i>Tamara Bulygina</i> Discourse "Sovietskost" in the Intellectual Space of the USSR: on the Materials of Archive of RAS and Russian State Archive of Social and Political History.....	105
<i>Andrey Schelchkov</i> The Long 60s and the New Left in Argentina The Crisis of Marxism and the Latin American Theory of Social Development.....	119
<i>Alexandra Arabadzhyan</i> Ernesto Guevara's Position in the Economic Debate on Cuba in 1960s.....	136

In the Space of Cultural History

<i>Vladimir Tyulenev</i> Ennodius. Self-Presentation of the Late Antiquity Rhetor.....	152
<i>Anastasia Anufrieva</i> Good Tidings for the King Liutprand of Cremona on the Symbolic Representation of the Power of Otto I.....	166
<i>Vladimir Shishkin</i> Royal Itineraries in French Sources and Studies.....	183
<i>Nataliya Karnachuk</i> Fourteen Traitors' Portraits on the Role of Visual Images in the English Cheap Print of the Late 16th Century.....	195
<i>Ivan Golovnev</i> Cinema-atlas of the USSR: "Kamchatka by Nikolai Konstantinov (1927).....	213
<i>Sergey Belov</i> Anti-Semitism in Pre-Revolutionary Russia in the Mirror of Hollywood as a Resource for Constructing an Anti-Image of the USSR.....	228
<i>Olga D. Popova</i> "The Book of Tasty and Healthy Food" in the System of Ideological Myths Characteristic of the Transition from the Khrushchev Thaw to the Brezhnevian Stagnation	236

Taisiya Rabush
 “Don't Give, Fatherland, to be Silent”: Books of Memory
 as a Commemoration form of the Afghan War 1979–1989 in the Post-Soviet Republics.... 252

History of Ideologies

Natalia N. Emelyanova
 Political Authorities in Ancient India
 Religious and Ideological Consideration and Forms of Implementation..... 266

Vitaliy V. Prilutskiy
 Freemasons and Anti-Masons in British North America and the United States
 in the 18th – First Half of the 19th Centuries: Ideological Confrontation..... 280

German Ragozin
 Is a “Cause of Austria” the “Cause of Germany”? Conservative Reflections
 on Austrian Participation in the German Problem During the Napoleonic Warfare Era..... 293

Yaroslav A. Levin
 Propaganda and Formation of Ideas about Civil Identity in the FBI (1930–1940’s).... 309

History and Historians

Rumyana A. Mihneva, Ekaterina S. Kirsanova
 Nikolay Kareev "the Elder of Russian Historians",
 or At the Origins of the Bulgarian Modern History Studies..... 319

Vladimir G. Ruzhansky
 Israeli Historians of the Second Decade of the 21st Century..... 335

Semen Ekshtut
 History – to school..... 350

Interview

Andrei Sokolov
 Interview with Professor Malyn Newitt..... 362

Reading books...

Vladimir Gutorov, Aleksandr Shirinyants
 Freedom of the Individual versus a “Free State” Illusory Dilemma or Political Reality?..... 374

Nadezhda Selounskaya
 Portrait in the manner of sfumato: Methaphora and intellectual biography..... 376

Alexander V. Sidorov
 Russian Orientalology in Crimea in the Fates of its Creators..... 384

Andrei Linchenko
 Mythology of Time and Rhythms of Eternity
 Transformation of the Historical Culture of the Youth Movement in Germany (1900-1933) 396

Galina Kaninskaia
 "War Culture" in German Postcards of 1914-1918..... 404

Natalia V. Rostislavleva
 Reflections on the Features of Mediality During the First World War:
 According to the Monograph by A.S. Medyakov “War of the 9X14 Format.
 Postcards in the German "Culture of War" 1914-1918"..... 411

Anastasia Shabunina
 Invisible Influence: The Political Discourse of Hunger in Modern England..... 418

CONTENTS..... 428

СОДЕРЖАНИЕ

Теория гуманитарного знания

<i>Рольф Тоштендаль</i> История и теория.....	5
<i>И.В. Демин</i> Идеология как язык и метаязык. Значение семиотики культуры Ю.М. Лотмана для современной теории идеологий	11
<i>А.В. Хазина, Л.В. Софронова</i> Исторические исследования и когнитивистика. Новейшие тренды и традиционные парадоксы.....	24

Интеллектуальная история сегодня

<i>А.В. Логинов, М.А. Щекочихина</i> Юриспруденция и возникновение вспомогательных исторических дисциплин в XVI–XVIII вв.....	38
<i>Т.Б. Сорокина</i> Свободомыслие XVII века: философия Эдварда Герберта.....	47
<i>А.Э. Афанасьева</i> Климат, болезни и имперская экспансия: медико-географические исследования казахской степи в 1760-х – 1860-х гг.....	55
<i>Л.П. Ермоленко, И.В. Зозуля, М.Е. Колесникова</i> Абхазское научное общество в 1920-е годы: история создания и деятельности.....	74
<i>Н.В. Коваленко</i> Н.И. Бухарин о литературном процессе и литературной политике в послереволюционный период.....	88
<i>Т.А. Булыгина</i> Дискурс «советскости» в интеллектуальном пространстве СССР (по материалам архива РАН и РГАСПИ).....	105
<i>А.А. Щелчков</i> «Долгие 60-е и «новые левые» в Аргентине. Кризис марксизма и поиск латиноамериканской теории общественного развития.....	119
<i>А.З. Арабаджян</i> Позиция Эрнесто Гевары в экономической дискуссии на Кубе в 1960-е годы.....	136

В пространстве культурной истории

<i>В.М. Тюленев</i> Эннодий: самопрезентация античного ратора.....	152
<i>А.С. Ануфриева</i> Добрая весть для короля Лиутпранд Кремонский о символической репрезентации власти Оттона I.....	166
<i>В.В. Шишкин</i> Королевские итинерарии во французских источниках и исследованиях.....	183
<i>Н.В. Карначук</i> Четырнадцать портретов предателей: к вопросу о роли визуальных образов в английской дешевой печати конца XVI века.....	195
<i>И.А. Головнев</i> Киноатлас СССР: «Жамчатка» Николая Константинова (1927).....	213
<i>С.И. Белов</i> Антисемитизм в дореволюционной России в зеркале Голливуда как ресурс конструирования антиобраза СССР.....	228
<i>О.Д. Попова</i> «Книга о вкусной и здоровой пище» в системе идеологических мифов периода перехода от эпохи «Оттепели» к эпохе «Застоя».....	236

Т.В. Рабуш

«Не дай, Отчизна, умолчать»: книги памяти как форма коммеморации афганской войны 1979 – 1989 гг. в государствах постсоветского пространства..... 252

Из истории идеологий

Н.Н. Емельянова

Политическая власть в Древней Индии религиозно-идеологическое осмысление и формы реализации..... 266

В.В. Прилуцкий

Масоны и антимасоны в британской Северной Америке и США в XVIII – первой половине XIX века: идейное противостояние..... 281

Г.С. Рагозин

«Дело Австрии – дело Германии»? Консервативное осмысление австрийского участия в германском вопросе эпохи наполеоновских войн..... 293

Я.А. Левин

Пропаганда и формирование представлений о гражданской идентичности в ФБР (1930 – 1940 гг.)..... 309

История и историки

Румяна Ангелова Михнева, Е.С. Кирсанова

Николай Кареев, “старейшина русских историков”, или у истоков болгарской новистики..... 319

В.Г. Ружанский

Израильские историки второго десятилетия XXI века..... 335

С.А. Экштут

Историю – в школу..... 350

Наши интервью

А.Б. Соколов

Интервью с профессором Малином Ньиттом..... 362

Читая книги...

В.А. Гуторов, А.А. Шириянц

Свобода личности против «свободного государства». Иллюзорная дилемма или реальность?..... 374

Н.А. Селунская

Портрет в манере сфумато: метафора и интеллектуальная биография..... 381

А.В. Сидоров

Отечественная ориенталистика в Крыму в судьбах ее создателей..... 389

А.А. Линченко

Мифология времени и ритмы вечности: трансформация исторической культуры молодежного движения в Германии (1900–1933)..... 396

Г.Н. Канинская

«Культура войны» в немецких открытках 1914–1918 гг..... 404

Н.В. Ростиславлева

Размышления об особенностях медиальности в годы Первой мировой войны..... 411

А.К. Шабунина

Незримое влияние: политический дискурс голода в Англии Нового времени..... 418

CONTENTS..... 426

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр., д. 32А, к. 1423;
тел. +7 (495) 938–53–91 <http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm> ;
dialogue.time@yandex.ru

Поиск DOI: <http://search.rads-doi.org/index.php/> ; <http://www.doi.org/>

Рольф Тоштендаль

10.21267/AQUILO.2022.79.79.033

И.В. Демин

10.21267/AQUILO.2022.79.79.034

А.В. Хазина, Л.В. Софронова

10.21267/AQUILO.2022.79.79.035

А.В. Логинов, М.А. Щекочихина

10.21267/AQUILO.2022.79.79.001

Т.Б. Сорокина

10.21267/AQUILO.2022.79.79.002

А.Э. Афанасьева

10.21267/AQUILO.2022.79.79.003

Л.П. Ермоленко, И.В. Зозуля, М.Е. Колесникова

10.21267/AQUILO.2022.79.79.004

Н.В. Коваленко

10.21267/AQUILO.2022.79.79.005

Т.А. Булыгина

10.21267/AQUILO.2022.79.79.006

А.А. Щелчков

10.21267/AQUILO.2022.79.79.007

А.З. Арабаджян

10.21267/AQUILO.2022.79.79.008

В.М. Тюленев

10.21267/AQUILO.2022.79.79.009

А.С. Ануфриева

10.21267/AQUILO.2022.79.79.010

В.В. Шишкин

10.21267/AQUILO.2022.79.79.011

Н.В. Карначук

10.21267/AQUILO.2022.79.79.012

- И.А. Головнев*
10.21267/AQUILO.2022.79.79.013
- С.И. Белов*
10.21267/AQUILO.2022.79.79.014
- О.Д. Попова*
10.21267/AQUILO.2022.79.79.015
- Т.В. Рабуш*
10.21267/AQUILO.2022.79.79.016
- Н.Н. Емельянова*
10.21267/AQUILO.2022.79.79.017
- В.В. Прилуцкий*
10.21267/AQUILO.2022.79.79.018
- Г.С. Рагозин*
10.21267/AQUILO.2022.79.79.019
- Я.А. Левин*
10.21267/AQUILO.2022.79.79.020
- Румяна Ангелова Михнева, Е.С. Кирсанова*
10.21267/AQUILO.2022.79.79.021
- В.Г. Ружанский*
10.21267/AQUILO.2022.79.79.022
- С.А. Эжитут*
10.21267/AQUILO.2022.79.79.023
- А.Б. Соколов*
10.21267/AQUILO.2022.79.79.024
- В.А. Гуторов, А.А. Шириняни*
10.21267/AQUILO.2022.79.79.025
- Н.А. Селунская*
10.21267/AQUILO.2022.79.79.026
- А.В. Сидоров*
10.21267/AQUILO.2022.79.79.027
- А.А. Линченко*
10.21267/AQUILO.2022.79.79.028
- Г.Н. Канинская*
10.21267/AQUILO.2022.79.79.029
- Н.В. Ростиславлева*
10.21267/AQUILO.2022.79.79.030
- А.К. Шабунина*
10.21267/AQUILO.2022.79.79.031

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

79 / 2022

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1423
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: <http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Формат 60x90 / 16
Усл. печ. л. 25. Тираж 600.

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в Интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545-37-10

ISSN 2073-7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).
Журнал включен в диссертационный перечень ВАК по специальностям: история, история философии, филология; в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030); в базу данных SCOPUS (с 2016 г.); в базу данных WoS Core Collection (Emerging Sources Citation Index [ESCI]) (с декабря 2017 г.), Q 2 (History — 2017 г.).
Полные электронные версии статей представлены на сайте: <http://roii.ru/publications/dialogue>
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).
Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.